Ким Киуру

Жанна

(1412-1431)

Черкассы
Вертикаль
2007

ББК 84 (4УКР =РОС)6
К 38

Ким Киуру
К 38 Жанна (1412–1431). – Черкаси: “Вертикаль”, издатель ПП Кандыч С.Г., 2007. – 392 с.

ISBN 966-8438-64-7

Роман «Жанна: 1412 – 1431» открывает перед читателем авторский взгляд на жизнь одной из самых ярких личностей в истории Франции – Жанны Дарк, Орлеанской Девы, которая говорила о себе как о Посланнице Господней. Ярчайшая личность средневековья была сначала признана христианской церковью (Пуатье, 1429 г.), потом отвергнута христианской церковью (Руан, 1431 г.), реабилитирована этой же церковью (Руан, 1456 г.), признана блаженной (1909 г.) и в конце-концов канонизирована как Святая (1920 г.) Не обращая внимания на поднимающийся вокруг ее имени шум, за свою короткую жизнь Жанна успела снять осаду с почти уже сданного англичанам Орлеана (8 мая 1429 г.), разгромить армию англичан при Патэ (18 июня 1429 г.), освободить Реймс (15 июля 1429 г.), где дофин Карл VII был коронован королем Франции (17 июля 1429 г.)

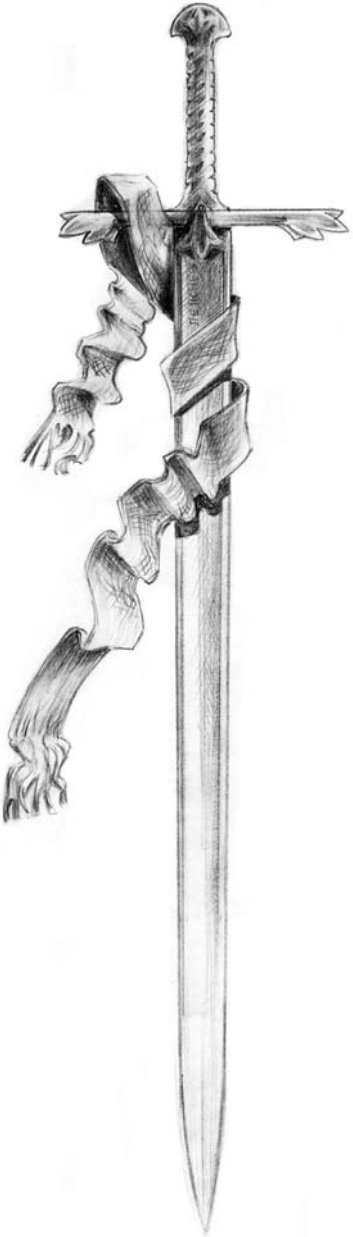
Автор попытался в меру доступного ему понимания приоткрыть завесу над внутренним миром Девы Жанны, над смыслом и результатом пройденных ею испытаний.

ББК 84 (4УКР =РОС)6

Огромная благодарность за финансовую поддержку
Е.С. Коневой и А.И. Гетьманскому

ISBN 966-8438-64-7

© С. Разумов, 2007
© Г. Лежнев, художник, 2007
© “Вертикаль”, макет, дизайн, 2007



Оглавление

Предисловие 4

Книга I Пламя Жанны 7

Часть I Домреми 7
Часть II Путь к Орлеану 40
Часть III. Жанна и Орлеан 83
Часть IV. Реймс 141
Часть V. Париж и Компьень 162

Книга II. Чаша Жанны 198

Часть I. Плененная 198
Часть II. Осужденная 226

Послесловие 386

Предисловие

1314 год стал роковым для Франции, принеся смерть Филиппу IV Красивому, королю династии Капетингов. В годы его правления ничто не предвещало ни мистических обстоятельств его смерти, ни грядущего прихода Столетней Войны — одного из самых темных периодов в истории Королевства Французского...

Предысторией к событиям 1314 года стали события года 1307. В этом году Филипп IV весьма сурово приступил к решению вопросов, которые касались пополнения государственной казны. Не выбиравший методов даже во время конфликта с Папой Римским Бонифацием VIII[1], король и теперь обратился к одному из нехитрых, но безотказных средств. Как известно, во все времена смерть сопутствовала тем придворным, чьи богатства были способны пробудить королевское любопытство. В 1307 году король Филипп IV обратил свой гнев не на отдельного дворянина, но на целый духовно-рыцарский Орден.

Судилища и связанные с ними сожжения еретиков-тамплиеров продолжались до рокового 1314 года. В ходе семилетней судебной тяжбы главы Ордена содержались под стражей, но ни один из них не был предан огню... Почему же процесс настолько затянулся и верховные храмовники не были в спешном порядке лишены жизней? Возможно, напав на тамплиеров и казнив многих из них, Филипп IV все же не обрел желанных сокровищ...

Завершением семилетнего процесса стало сожжение Глав Ордена в марте 1314 года; в результате, королевский род обогатился лишь проклятием, сорвавшимся с уст Верховного Магистра Жака де Моле. Это проклятие неимоверным образом провело черту между героическим прошлым Франции и ее на многие десятилетия бесславным будущим.

В ноябре 1314 от инсульта скончался Филипп IV Красивый. К 1328 покинули сей мир его сыновья, Людовик X Сварливый, Филипп V Длинный и Карл IV Красивый. И в этом же году юный английский король Эдуард III, внук Филиппа Красивого, через институт

---

[1] Не допустив папу во внутренние дела Франции и будучи вследствие этого отлученным от церкви, король послал в Рим карательный отряд, который арестовал Бонифация VIII (папа не пережил такого — по официальной версии, он сошел с ума от позора и вскоре умер). Филипп же перенес курию Католической Церкви из Рима в Авиньон на юго-востоке Франции, породив в кругах духовенства немалые разброды.

английской католической церкви предъявил французскому двору притязания на трон Королевства. Изумленная подобным оборотом знать быстренько пододвинула трон под седалище Филиппа де Валуа, который приходился покойному Филиппу IV лишь племянником.

Внешне смирившись с поражением, Эдуард принес Филиппу де Валуа вассальную присягу (за Гиень, английские владения на территории Франции) и вернулся в Англию... где начал тайно собирать войска. Под благозвучным предлогом «возвращения престола предков» Эдуард III вторгся во Францию в 1337 году.

Стоит ли связывать все эти события с проклятием, которое наложил магистр Ордена Тамплиеров на род Капетингов, до того царствовавший во Франции более трех столетий, или довериться утверждению, что «случайность — великая сила», каждый пусть решит для себя сам. Одно несомненно — Столетняя Война началась после того, как гибель представителей королевской династии оставила трон Франции без прямого наследника.

Столетняя Война обезобразит Францию... Словно ураган, напором стихии разрушающий целые города, она уничтожит все самое прекрасное, что существовало в ней безоблачной весною 1314 года.

И лишь в 1412 году одинокому светлому лучику будет дозволено сверкнуть в помощь многострадальным землям...

И лучику этому нарекут имя «Жанна».

Сестре О.

О малом, незначительном и жалком человечество не слагает легенд.
Н.К. Рерих

Молитва Матери Божьей

"О чем молить Тебя, чего просить у Тебя? Ты ведь все видишь, знаешь Сама, посмотри мне в душу и дай ей то, что ей нужно. Ты, все претерпевшая, все премогшая, — все поймешь. Ты, повившая Младенца в яслях и принявшая Его Своими руками со креста, Ты одна знаешь всю высоту радости, весь гнет горя. Ты, получившая в усыновление весь род человеческий, взгляни и на меня с материнской заботой. Из тенет греха приведи меня к Своему Сыну. Я вижу слезу, оросившую Твой лик. Это надо мной Ты пролила ее, и пусть смоет она следы моих прегрешений. Вот я пришел, я стою, я жду Твоего отклика, о Богоматерь, о Всепетая, о Владычица! Ничего не прошу, только стою пред Тобой. Только сердце мое, бедное человеческое сердце, изнемогшее в тоске по правде, бросаю к Пречистым ногам твоим, Владычица! Дай всем, кто зовет Тебя, достигнуть Тобою вечного дня и лицем к лицу поклониться Тебе".

Радуйся, Мария (Ave Maria)

Ave Maria, gratia plena; Dominus tecum:
benedicta tu in mulieribus, et benedictus
fructus ventris tui, Iesus.
Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus,
nunc et in hora mortis nostrae. Amen.

Радуйся, Мария, благодати полная!
Господь с Тобою;
благословенна Ты между женами,
и благословен плод чрева Твоего, Иисус.
Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных,
ныне и в час смерти нашей. Аминь.

Книга 1. Пламя Жанны

Часть I. Домреми

1417. Домреми

Солнце нисходило в мир миллиардами сияющих лучей.

Оно насыщало воздух, оно насыщало воду, оно насыщало землю.

Словно золотой туман ласково опускался с небес — его частички были невесомы и призрачны, и глаз человеческий едва замечал их присутствие. Но даже для замеченных искорок и огненных мотыльков люди находили куда более прозаические объяснения, нежели Присутствие Солнца.

Лишь дети смотрели на мир по-другому. Неверие, присущее жизни взрослых, еще не заковало их разум в цепи условностей — оттого детское воображение стремилось увидеть истину, а не задушить ее в силках мертвых слов.

Маленькая девочка сидела на вершине холма и, запрокинув голову, смотрела в небо. Лучи Солнца были для нее подобны струнам: они едва заметно вибрировали, и Величественная Мелодия наполняла мир Звуками добра и радости. Девочка нечасто слышала эту Мелодию, хотя каждый день истово искала ее. И Мелодия являлась ей – когда девочка кормила гусей, когда она плескалась на берегу ручья или сидела на холме... Все преображалось в тот момент — словно яркий поток света вливался в мир и девочка уже видела предметы состоящими не из осязаемой материи, но будто сплетенными из полыхающих солнечных нитей. И зерна пшеницы, летящие к гусям, и сами гуси, и двор, и изба – все становилось светящимся и сияющим, и Ритм великой Мелодии вспыхивал радугой на гранях предметов, словно именно этот Ритм собрал вместе лучи Солнца и придал им образы видимые. В такие моменты девочка чувствовала, что она и мир — Одно, что нужно пасть ниц и молиться, что нужно войти в Ритм Мелодии словами молитвы и хвалить, хвалить, хвалить Создателя Земли и Небес, Создателя Луны и Солнца, Создателя Жизни – от самых мелких тварей земных до Ангельских сонмов, чьи песнопения доносились до ее детского сердца.

Никто не мешал ей, и люди улыбались, шагая мимо маленькой девочки, которая возносила молитву, стоя на коленях рядом с притихшими вокруг нее гусями.

— Жанна молится, — говорила обычно ее мать отцу.

— Гусей-то она покормила? — вздыхал отец, но мать ласково гладила его по щеке:

— Успеет.

И Жанна действительно успевала. Она работала с такой радостью, что успевала все – и по хозяйству управиться, и к церквушке сбегать, и залезть

Г. Левинев

на свою любимую колокольню в лесу, где она сидела до самого заката. Улыбкой и светлой мыслью провожала она Солнце, зная, что завтра встретится с ним снова. Если Жанна просыпалась ночью, то ласково шептала слова любви Луне и звездам, искренне веря, что каждая из них — это один далекий Ангел.

Часто Жанна молилась за маленького принца Карла — чтоб Бог дал ему покровительство и помог вырасти хорошим королем. Однажды мать спросила ее о молитве, и Жанна ответила: "Господин Мине сказал на службе, что король — это помазанник Господний, избранный Им, чтобы заботиться обо всех нас. Я люблю Господа, я люблю короля, и я люблю принца Карла".

Почти каждый вечер Жанна молилась, чтоб закончилась война и чтоб люди больше не убивали людей; а когда по дороге через Домреми проходили раненые, Жанна плакала до самой ночи, говоря в ответ материнским утешениям: "Когда я вижу кровь, у меня волосы встают дыбом".

Когда Жанна чуть подросла, то выносила хлеб, сыр и вино каждому обездоленному. Однажды отец начал ворчать по этому поводу, но Жанна ответила твердо: "Этого хочет Бог". "Откуда ты знаешь, чего хочет Бог?" — удивился отец. "Господин Мине говорил на службе, что воля Божья, чтоб люди делали добро друг другу", — прокричала Жанна уже со двора.

Однажды, году в 1417, ночь застала монаха-францисканца недалеко от Домреми и радостная Жанна за руку привела его домой. Весь вечер рассказывал монах о том, что творится в мире. От него Жанна узнала, что Франция некогда была единой и что существует предание, что Франция станет единой вновь.

— А пока, — говорил монах угрюмо, — Франция напоминает осколки прекрасной вазы — все величие, которое она вмещала, расплескалось по полу.

Монах вышел на улицу, и Жанна выбежала за ним следом.

— Может, кто-то сумеет собрать осколки? — спросила она.

Монах удивленно посмотрел на девочку и, чуть погодя, кивнул.

— Но кто? Кто этот человек? — не унималась пятилетняя Жанна.

Монах не спешил отвечать, он все смотрел и смотрел на звезды.

— Этот человек должен быть чист сердцем, — сказал он наконец. — Этот человек должен любить Бога превыше всего на свете. Этот человек должен быть готов оставить все, что имеет, по Призыву Господа... Как видишь, — усмехнулся монах, — человек должен быть почти Святым, чтобы Господь доверил ему такую великую миссию.

Жанна задумалась над этими словами, а потом спросила тихо — как узнать, святой ли человек.

— Это очень сложно для не посвященного в Таинства Церкви, — ответил монах. — Но все же есть способы. Нужно знать, каков человек в жизни. Помогает ли другим, оберегает ли слабых, что говорит о Боге... как относится к детям. Каждый ведь знает в сердце, что хорошо и что плохо. Святой не только делает все хорошее и даже не думает о плохом, он еще и других

вдохновляет поступать хорошо. Кто с угрюмым лицом молится, тот вряд ли вдохновит на молитву другого. За всю свою жизнь Христос лишь раз показал людям, как велики Его страдания, — когда молился в Гефсимании, — а все остальное время Он дарил утешение.

— Но Он был Бог, — не смолчала Жанна.

— Он был Свят, — поправил ее монах. — Если хочешь узнать о святости больше, спроси у вашего священника о житии Святых. Можешь спросить о Святом Франциске – где бы он ни ходил, его лицо было приветливо и радостно, а слова несли утешение людям. Или о великомученицах Екатерине и Маргарите. Наивысшей радостью для обеих было охранение чистоты своей души во Имя Господне.

Долго монах прислушивался к пению сверчков, а потом заговорил вновь:

– Есть древняя легенда, что Францию погубит злая и порочная женщина, а спасет Дева – чистая и невинная. Легенда говорит, что Дева будет прекрасна собой, но всю жизнь свою посвятит Господу. Легенда также говорит, что Дева будет родом... из Лотарингии.

— Из Лотарингии? – в изумлении переспросила Жанна. — Но она же...

— Да... — улыбнулся монах. — Она же вот, за рекой.

Под утро монах-францисканец ушел, и ни один из миллиона вопросов, которые Жанна придумала за ночь, не получил ответа.

В тот день она впервые попросила маму рассказать ей подробно, где находится августинский монастырь в Бриксе. Затем собрала котомку овечьего сыра и побежала туда. Через два с половиной часа она вернулась назад — с тяжелым дыханием, но легкой поступью, — собрала еще сыра и снова убежала.

— Неужели теперь мы будем кормить все окрестности? — пробурчал отец, но мать лишь улыбнулась в ответ:

— Не мы, а Жанна. К тому же, помочь сиротам, которых приютил монастырь, — это богоугодное дело.

— Но...

— Жак, людям будет приятно узнать, что их сельский староста помогает приюту в Бриксе. Мне жаль только, что я не додумалась до этого сама.

1417. Церковь Домреми

— О Всевышний мой... О Всевышний мой... — шептала маленькая девочка, стоя на коленях перед распятием Христа. — О Всевышний...

Руки ее были судорожно сцеплены перед грудью, и по щекам ее бежали слезы. Мир сиял и качался вокруг нее полыхающими Цветами радуги. Едва заметно светился бордовым пол церкви... Места, где обычно сидели прихожане, светились почти алым. Полыхали языками пламени изображения ангелов на стенах... Они утратили свой будничный вид и, казалось, озаряли мир своим огнем. Крест на алтаре был подобен фиолетовой звезде — словно во сне видела девочка, как сияющие лучики исходили из его центра и вливались импульсами в дрожащий от напряжения воздух.

— О Всевышний... — шептала девочка. — О Всевышний мой...

— Жанна, — позвал девочку священник, когда она выходила из церкви.

Девочка послушно подошла к нему и присела на траву рядом. Солнце уже заходило, было тепло, и щебетали птицы. Священник погладил девочку по волосам.

— С кем ты разговаривала в церкви?

— С Богом, — ответила Жанна.

Рука священника едва заметно дрогнула.

— И Он отвечал тебе?

Девочка кивнула.

— Жанна, — в голосе священника проскользнули нотки боли. — Разве ты не знаешь, что Бог говорит с людьми только через слуг Своих — через служителей Единой Церкви.

Девочка нахмурилась и задумалась, словно прислушивалась к чему-то.

— Но ведь Он говорил не только со служителями церкви, — сказала она. — Он говорил еще и с другими...

Священник подобрал веточку и провел на земле две непересекающиеся горизонтальные линии.

— Вот Бог, — указал он на верхнюю, — а вот человек. — И веточка коснулась нижней линии. — Чтобы человек услышал Бога, существует Церковь, — и веточка провела две вертикальные линии. — Это дорога к Небесам. Чтобы слышать Глас Бога без помощи Церкви, человек сам должен быть свят. Разве ты свята, Жанна?

Девочка потупила взгляд и покачала головой.

— Так как же Бог может говорить с тобой?

Девочка опять задумалась.

— Он посылает ко мне Ангела. Ангел ведь тоже служит Господу... Через Него Господь и разговаривает со мной.

Священник хмуро улыбнулся.

— В сообразительности тебе не откажешь, Жанна. Конечно, Ангелов Господь посылал не только к святым людям, но и к пастухам... Однако каждый раз Ангел нес Весть, которую, кроме него, некому было передать. А сейчас для сообщения с Господом существует Цер...

— А вот скажите мне, — вдруг перебила его девочка. — Вот вы сами слышали Глас Божий?

Священник даже моргнул от неожиданности, а потом отрицательно покачал головой.

— А вы видели Ангелов? Или слышали пение Святых?

Священник вновь покачал головой.

— Но почему тогда вы думаете, что достаточно знаете волю Бога, чтобы говорить о ней людям?

Священник нахмурился.

— Для этого существуют священные книги. Из священных книг слуги Господа выносят знание о том, что есть Воля Божья.

— Но, отче, — взмолилась девочка, — неужели служитель Господа лучше простого человека только тем, что читает священные книги?

— Нет... — отец Мине вдруг почувствовал, что помимо воли начинает оправдываться. — Служитель Господа, в первую очередь, должен вести праведную жизнь и ничем не опозорить избранную им Миссию. Можно сказать, что чтение книг не настолько важно.

Жанна задумалась и некоторое время сосредоточенно грызла ноготь.

— Значит, — сказала она наконец, — Воля Божья в том, чтобы люди жили праведно?

Священник почувствовал на лбу испарину.

— Ну... в общем, да... Только «жить праведно» — это настолько неопределенное понятие, что для толкования его людям необходима Церковь. Ты должна понимать, Жанна, что именно Церковь Господня призвана наставлять людей на их пути к истине.

— Разве сможет церковь мирская заставить ноги человеческие пройти этот Путь? — Жанна сказала это словно сама себе. — Если человек всем сердцем не устремится к Царствию Небесному, никто не сможет помочь ему войти Туда. Если в сердце нет Алтаря Господнего, Причастие обратится ложью. Лишь тот человек, который стремится жить праведно, примет призыв священника о праведности. Первый священник — это тот, который в сердце, — Жанна опять грызла ноготь, а потом посмотрела на господина Мине и улыбнулась. — Лишь с помощью этого священника осуществляется Таинство Причастия и хлеб с вином обращаются в Плоть и Кровь Господню.

— Ну что ты, Жанна, — священнику показалось, что он задыхается. — Хлеб и вино обращаются в Плоть и Кровь Господню только в том Таинстве Причастия, которое проводит священнослужитель Церкви...

Жанна нахмурилась, а потом покачала головой:

— Если сердце не стремится к Благодати, как сможет человек причаститься к Благодати?

Священник вытер бегущий по лбу пот, в то время как Жанна продолжала говорить:

— Роль церкви мирской велика — приобщить прихожан к поиску Церкви сердечной, Церкви Небесной, Церкви Архангелов Господних.

— Жанна... — Жан Мине с трудом находил слова. — Кто рассказывал тебе обо всех этих ересях?

Жанна посмотрела на священника:

— Никто, господин Мине, но я думаю, что все это правда. Я думаю, не грешно стремиться к Господу через Церковь своего сердца. Так же не грешно, как раздавать церковные пожертвования нуждающимся.

Жанна посидела еще немного, потом вскочила на ноги и побежала вниз по склону, а онемевший священник смотрел ей вслед. Отбежав недалеко, она остановилась и вернулась назад. Жанна говорила запыхавшись, но в то же время очень вдохновенно:

— Мне кажется, господин Мине... что церкви, в общем, деньги... не нужны совсем. Что благодарные руки прихожан охранят от разрушения стены храмов, а огород даст пропитание священникам. А еще мне кажется, что такое время скоро Грядет... в Огне и Славе Господней.

1417. Луг возле Домреми

— Жанна, привет, — брат нашел ее на самом краю обширного луга.

— Привет, Пьер, — девочка улыбнулась ему, но в ее улыбке была грусть.

— Что случилось, Жанна?.. — мальчик замер, словно натолкнувшись на невидимую стену.

— Все в порядке, Пьер... садись.

Мальчик присел, а Жанна тяжело вздохнула... Ее взгляд не отрывался от улитки, которая ползла по полусгнившему пню. Ребята из Домреми любили играть с улитками, но Жанна никогда не играла вместе с ними.

— Тебе не кажется, Пьер, — девочка все так же печально следила за медленными движениями улитки, — что люди очень похожи на улиток?..

Мальчик задумался и настороженно пожал плечами:

— Не знаю...

— А мне вот кажется, что похожи. Мы сколачиваем себе домик из убеждений и цепляем его на спину. И когда что-то происходит не так, как хотелось бы, мы прячемся в этом домике, закрываем глаза ладошками и твердим про себя: «Не верю... не верю... не верю...» А когда время проходит, мы выползаем из домика, и все становится таким же, как прежде. Но иногда, Пьер, мне кажется, что мы, люди, — тоже домик для чего-то... холодного и слизкого... Мне кажется, что оно живет в нас и держит нас подальше от света; а когда свет приходит, то оно кричит внутри каждого: «Не верю... не верю...» и мы повторяем за ним: «Не верю... не верю...» А когда Свет становится нестерпимо ярким, люди набираются сил и выползают из своих скорлуп; слизняки шипят в их внутренностях от боли; и люди тоже шипят от боли и делают глупости... огромные глупости. Они распинают Свет, чтобы снова погрузиться во Тьму. Потому что во тьме им уютнее. Почему так, Пьер?..

Маленький мальчик смотрел на Жанну, и в его глазах был искренний страх.

— Мне страшно, Жанна... — сказал он, и слезы сверкнули у него в глазах. — Ты вот говоришь, а у меня внутри все дрожит и боится...

Девочка немного помолчала, а потом со вздохом погладила его по волосам.

— Не бойся, братик... Нет ничего такого... Мне все это... показалось.

Мальчик прижался к Жанне, но дрожь не утихала.

— Жанна, — жалобно позвал ее он. — Папа ведь защитит меня, да?.. Когда придут слизняки... он защитит меня?

Всю следующую ночь Жанна провела в молитве, потому что ее брат слег с сильным жаром. Комната была полна тенями, и в каждой тени была оскаленная насмешка. Жанна плакала и изо всех сил сжимала в ладонях свой деревянный крестик. Время от времени братик бредил о слизняках и звал ее; тогда Жанна клала руки ему на лоб, и жар на время отступал. «Не пугай его больше, — шептали тени. — Зачем пугать своего братика?.. Ты сказала правду, но посмотри, чем обернулась твоя правда...»

...— Не пугай его больше, — попросила ее мама, когда мальчику стало легче.

— Не буду, — тихо ответила девочка.

...— Отче... — тихонько позвала Жанна священника Мине, который работал на огороде. — Не могли бы вы исповедовать меня?..

— Жанна, — окликнул ее господин Мине после исповеди, когда она стояла у дверей церкви. — Не убегай. Мне нужно поговорить с тобой.

Он присел на траву около девочки.

— В прошлый раз ты говорила много вещей...

— Я знаю, отче... — девочка потупила взгляд. — Простите меня.

Священник молчал, прикусив губу, и смотрел на садящееся солнце.

— Видишь, какой красивый закат?

Девочка кивнула.

— А ведь из Домреми его не видно.

Девочка опять кивнула.

— Представь себе, что жители Домреми никогда не выходили из своей деревни. Как ты думаешь, они поверят, услышав твой рассказ про этот закат?

Жанна задумалась и отрицательно покачала головой.

— Ты должна понять, что есть вопросы, на которые можешь ответить только ты. Даже я, твой священник, не могу ничего сказать о твоих видениях — тебе самой нужно понять, чем они являются. Помнишь, я рассказывал тебе притчу о горчичном зерне, которое меньше всех зерен, но вырастает в тенистое дерево? Спаситель сказал, что, кто будет иметь веру величиною с такое горчичное зерно, тот будет иметь могущество неизмеримое.

— А что даст это могущество? — спросила Жанна. — Если у меня будет вера, как горчичное зерно, что смогу я?..

— Ты сможешь вырастить тенистое дерево, которое принесет плоды обильные. В этом суть истинного могущества — обратить одно зерно во многие коробы зерен.

— А я смогу прогнать англичан?

— На что бы Господь ни сподвиг, все выполнит тот, чья вера сильна.

Жанна молча смотрела на закат.

— Мне очень тяжело, отче... Когда видения приходят, весь мир преображается — он словно пылает огнем сиятельным, но не опаляющим... прекрасным. А когда я остаюсь одна, мир наполняется серостью и тоской... словно уходит нечто важное... и остаются лишь отпечатки в дорожной пыли.

Дрожащей рукой священник погладил Жанну по голове.

— Ни одну ношу не дает Господь, не дав сил, чтоб ее унести.

Когда девочка уже спускалась по склону, голос священника нагнал ее:

— Жанна, то, что ты говорила мне в прошлый раз... не говори никому... о пожертвованиях.

Девочка непонимающе нахмурилась. Жан Мине подошел к ней и сказал, невольно понижая голос:

— Помнишь... ты говорила, что не грешно раздавать церковные пожертвования нуждающимся?.. Я не знаю, как ты узнала... но...

Девочка медленно покачала головой:

— Я не помню... Помню, что я молилась в церкви, потом вышла и села

рядом с вами. Я болтала без умолку о том и о сем... о разном... Но мне кажется, я не говорила ничего про пожертвования... просто отнимала ваше время, а у вас наверняка ведь было множество других дел. Простите еще раз...

1418. Париж[2]

О, как прекрасен *ты*...

О, как прекрасен *ты*...

Париж...

Я птица...

Я маленькая птица...

Я парю над тобой...

И так легко мне...

Так радостно...

Я увидела Notre-Dame de Paris[3] ...

Но что это?!! Солдаты... Почему солдаты на твоих улицах, Париж?.. Французы убивают французов... Как страшно! Как страшно мне парить... над смертью.

...КАРЛ!!!!

Принц Карл!!!

Проснитесь!!!

Она была в покоях принца. Глаза Карла были испуганны, в коридоре звенела сталь. Возле кровати стояла женщина со свечой в руках.

— Принц Карл, идемте!!!

Принц взял ее за руку, и в это время дверь сотрясло несколько сильных ударов.

— Попался, гаденыш!..

Дверь распахнулась. В комнату ворвались люди с мечами. Женщина заслонила Карла собой и подтолкнула его к тайной двери за гобеленом. В руке у нее возник кинжал. Солдат, вошедший первым, бесстрастно вонзил меч ей в грудь, двигаясь по направлению к принцу. Карл со всех ног бросился к двери за гобеленом. Один из солдат вскинул арбалет. Дребезжанье тетивы стиснуло сердце Жанны. Она резко выбросила руку, чтобы перехватить стрелу, и стрела вонзилась ей в ладонь.

Откуда-то издалека донесся ее крик. Плакала мать, бегущая к ее постели; за матерью бежал отец; из соседней комнаты выглядывали братья и сестры. Но все это было очень нереально и далеко, словно... во сне.

В королевских покоях замерли и солдаты, и Карл: они не видели Жанну, но видели стрелу, повисшую в воздухе. Жанна повернулась к Карлу:

— Беги...

---

[2] «В 1418 г. Жан Бесстрашный стал хозяином французской столицы. Он жестоко расправился с застигнутыми врасплох вождями "арманьяков", мстя им за те репрессии, которые за пять лет до этого они обрушили на его сторонников. Лишь нескольким руководителям арманьякской группировки удалось бежать, прихватив с собой 14-летнего наследника престола — дофина Карла...» (см. в конце романа) [10]

[3] Собор Парижской Богоматери.

1418. Домреми

Постепенно далекий и призрачный плач становился все громче, все отчетливее. Наконец Жанна поняла, что плачет она сама, а из ее пробитой насквозь ладони бежит кровь.

— Что же это?.. — шептала побелевшая мать.

— Тихо, все в порядке, — отец оторвал лоскут ткани от своей рубахи и принялся бинтовать руку девочки.

— Не... не... — заикалась от плача Жанна.

— Ш-ш-ш... — успокаивал ее отец. — Не плачь, солнышко...

— Не... говорите... никому...

— Не скажем, милая, не скажем.

1418. Церковь Домреми I

— Скажи, Жанна, — господин Мине разговаривал с девочкой, недалеко стояли ее мать с отцом. — Что с тобой произошло?

Жанна молчала, глядя в одну точку.

— Может, ты вышла на улицу и упала на что-то острое?

Жанна не издавала ни звука. Священник вздохнул и подошел к ее родителям. Их глаза были испуганны.

— Не бойтесь, — ободряюще улыбнулся Жан Мине. — С девочкой все в порядке. Это часто бывает с детьми — она просто во сне ходила под луной...

— Да у нее рука насквозь пробита! — Жак Дарк в сердцах перебил священника.

Тот успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Так бывает, Жак... Скорее всего, она бродила в сарае, споткнулась и упала на что-то острое, на какой-то штырь. А так как сон у тех, кто ходит под луной, необычайно крепкий, то она успела вернуться в постель, перепугаться, начать кричать и только после этого проснулась.

— На полу не было крови! — Жак сбросил с плеча руку священника, но тот лишь улыбнулся в ответ.

— В ранах кровь появляется не моментально, Жак. Это ведь не бурдюк с вином. А со штыря кровь могли слизать собаки... Не переживай, Жак, такое случается. Просто следите за девочкой — особенно, чтобы свет луны не попадал на нее спящую. Пройдет год, может, два, и все станет как прежде.

1418. Церковь Домреми II

— Господин Мине! — позвала священника Жанна. — Спасибо, что поговорили с моим отцом...

— Не за что, Жанна...

Девочка на секунду замялась, а потом выпалила давно приготовленную фразу:

— Но я все равно не в силах рассказать вам что-либо...

— Я знаю, Жанна, — священник улыбнулся. — Спасибо за то, что ты мне уже рассказала.

— Я принесла вам немного сыра...

— Спасибо, милая... но в Бриксе он нужнее, — священник заметил, что Жанна поглядывает в сторону тропинки, и еще раз улыбнулся. — Беги... беги к сиротам и утешь их.

1419. Часовня в лесу[4]

Маленькая девочка горько плакала в лесной часовенке.

Как плохо, когда короли не могут обратиться к прощению.

Как плохо, когда короли, призванные Господом к чести и благородству, падают во грех мести.

Жанна пыталась молиться за Карла, но смрад ночного тумана вползал в часовенку... и вместо молитвы получались лишь новые рыдания.

Словно сквозь колышущуюся толщу воды девочка вновь и вновь видела тайную встречу на Ионнском мосту в Монтро... герцога бургундского, который пришел с желанием мира, дофина Карла, который пришел с желанием мести.

Резкие взмахи секир охранников Карла.

Влажный, омерзительный хруст...

И далекий крик отчаяния, который так страшно и резко оборвался.

1420. Домреми

Боммм... Боммм...

В тот день исправно звонил колокол.

Жанна помнила, как раньше бранила звонаря за то, что он лениво выполняет свою работу. «Ну как так можно?! — кричала она. — Ты же не пускаешь с Небес самый чистый звук! Когда Небеса соприкасаются с землей, через колокола доносятся к нам Песнопения Ангелов!..»

Но звонарь звонил в колокола все так же лениво... Возмущенная Жанна пожаловалась матери. Та улыбнулась, как всегда мягко, и дала Жанне немного шерсти. Жанна отдала шерсть звонарю с тем условием, что он будет звонить исправно. Но прошло несколько дней, и звонарь опять стал звонить плохо, прячась за спины других, когда встречался с Жанной на людях.

...А в тот день колокол звонил прекрасно.

Тревожное чувство не покидало Жанну с самого утра, ей казалось, вот-вот должно произойти что-то страшное. Даже майское солнышко не могло развеять ее тоску; она лишь отмахнулась от ребят, когда те позвали ее играть на лугу.

Боммм... Боммм...

Словно чье-то сердце в огромной груди.

«Что ж звонарь звонит так исправно?» Жанна не могла найти себе места.

— Дочка, ты что, не пойдешь сегодня в Брикс? — спросила ее мать, но Жанна прошла мимо, словно в забытьи.

---

[4] «В июне 1419 г. герцог Бургундский и Карл встретились в Пуальи де Фор и заключили формальный мир. Но если со стороны герцога этот договор был искренним, то дофин, по-видимому, только притворялся удовлетворенным. 10 сентября, во время второго свидания в Монтро на Ионнском мосту, окружавшие дофина рыцари внезапно напали на герцога и зарубили его секирами...» Биография Карла VII (см. в конце романа). [1]

Боммм...

Жанна со всех ног бросилась к часовенке в лесу.

«Всевышний, Пастырь мой!.. Помилуй меня грешную...» — молилась она, стоя на коленях перед распятием.

Боммм...

Боммм...

...Жанна вдруг увидела кровавый росчерк — словно кто-то провел кинжалом по человеческой коже. На распятом теле Христа появилась кровоточащая рана.

«Всевышний, Пастырь мой!!!» — в ужасе закричала девочка.

Боммм...

Новый росчерк — завитушка, словно вьющийся стебелек колокольчика... новые капли крови, сочащиеся из пореза.

«Всевышний!!! Всевышний, помилуй!!!»

Грустные глаза... Прекрасные, грустные глаза Христа... Иссеченное Тело.

Когтистые руки мертвецов, тянущиеся к Нему со всех сторон, и кубки, подставленные под Кровь, бегущую из ран... Кровь сворачивалась в кубках, обращаясь черной смолой.

Грустные глаза Христа смотрели в самую душу девочки.

«Аааааааааааааааааа!!!!!!» — закричала Жанна и ничком упала на пол.

«Аааааааааааааааааа!!!!!!» — закричала она снова, потому что монстры вокруг лишь рассмеялись в ответ ее крику.

...Жан Мине вздрогнул, словно от удара: прямо перед ним с пустыми глазами и белым лицом стояла Жанна.

— Отец... Отец Мине... — Жанна задыхалась, она едва выговаривала слова.

Священник попытался обнять девочку, но она вырвалась из его рук.

— Что же они наделали?!! Что же они все наделали?!!

Мине прижал дрожащее тельце к своей груди, а Жанна зашлась жутким, душераздирающим воплем, переходящим в плач.

— Пусть он не звонит!!! — кричала она. — Пусть он перестанет!!! Я не могу видеть это... Я не могу слышать это... Пусть он прекратит!!!

— Кто, Жанна?!!

— Звонарь, звонарь, звонарь, — билась в его руках девочка. — Пусть он прекратит звонить!!!

— Жанна!!! — священник принялся трясти ее за плечи. — Очнись, Жанна!!! Никто не звонил после обедни!!! Жанна!!!

Девочка продолжала горько-горько рыдать. Жан Мине обнял ее и крепко прижал к себе.

— Они продали Ее... Они продали Ее... Они продали Ее... — шептала сникшая Жанна.

Ее глаза были широко открыты, и невидящий взгляд упирался в небо.

— Как они могли?.. Как они могли... Как они могли...

Священник подхватил девочку на руки и побежал с ней в церковь. Он молился над ней три часа, и лишь потом ей стало легче.

— Скажешь маме, что тебя знобит, — посоветовал Жан Мине, проводив девочку до дома. — Пусть уложит тебя в постель и напоит горячим молоком. Не вздумай вставать дня три-четыре. Ты поняла меня?

Жанна послушно кивнула.

— Господин Мине... — сказала она тихо. — Сегодня... сегодня...

— Сегодня случилось что-то страшное, — закончил за нее священник. — Ты это почувствовала, но никому об этом не расскажешь. Для всех остальных ты просто простудилась.

— Господин Мине... мне очень... больно...

Священник отрывисто поцеловал ее в лоб и быстро пошел прочь, не в силах сдержать слез.

По прошествии трех недель Жан Мине узнал от путника, что в тот майский день в далеком городе Труа при содействии герцога Бургундского Филиппа и развратной супруги безумного короля Франции Изабеллы был подписан тайный договор. Договором этим обезумевший король отрекался от своего сына — принца Карла VII, объявляя преемником французской короны английского короля Генриха V и его наследников.

Франция была продана.

1422. Лес возле Домреми – Венсеннский замок

Жанна бежала по лесной тропинке, как всегда, вприпрыжку. Лесная часовенка приютила ее на утро, молитва чистым голубем вознеслась в небеса из ее детского сердца. Прекрасное сиянье горело в груди девочки, когда радостная бежала она в Домреми за гостинцами для сирот из Брикса.

Дети любили ее и называли сестричкой, им нравилось быть возле нее, слушать ее незатейливые рассказы о Домреми. Настоятельница и монашки с улыбкой называли ее «наша Жанетта», искренне радовались ее приходу.

В те дни в Бриксе многие дети болели горячкой, и Жанна помогала монахиням ухаживать за больными. Несколько монахинь тоже слегли с жаром, но Жанна все так же бегала в Брикс, уверенно повторяя маме, что Бог оградит ее от болезни, ведь она — Его верный солдат.

В тот день исполнилась уже неделя, как Жанна с утра до вечера помогала в монастыре.

Девочка бежала по тропинке весело и радостно, и облик Христа сиял в ее сердце.

Боммм!!! — ударил колокол, хрустальным перезвоном отразившись во всем мире. Жанна радостно рассмеялась и закружилась в замысловатом пируэте, и смех ее тоже казался отражением церковного колокола: он уносился вверх, словно перезвон крохотных колокольчиков.

БОМмм!!! — снова разлился в мире гул колокола, и бом-бом-бом! — отразился он в веточках хрустальных деревьев. Листочки перезванивались, и дребезжали травинки, а девочка все так же бежала и бежала по тропинке, весело смеясь и танцуя. Деревья расступались, и верхушки их склонялись, хрустальные ветви поглаживали ее по волосам.

Мир пылал и покачивался вокруг нее.

...— Жанна... Жанна... — донеслось до нее, словно из другого мира.

Девочка смеялась и танцевала, и далекая испуганная тень зачем-то кружилась рядом. Жанна присмотрелась к тени и снова рассмеялась: она была похожа на настоятельницу монастыря в Бриксе. Но тень была огненной, тень была пламенной и хрустальной, голос ее был непонятен, красив, и переливы Колокола наполняли его тоже.

— Жанна!.. Жанна!.. — причитала тень, а девочка все смеялась и смеялась, и огонь смеялся в ее теле, и ей было так легко, и она воспаряла над миром, со слезами счастья созерцая переливы радужных небес.

Боммм!.. Мир мягко покачивался в ритме ударов невидимого Сердца. Боммм!..

Жанна неслась над землей, ей было свободно и радостно; люди смотрели на нее, но не видели... Она казалась им порывом свежего ветра.

...— Он умер?.. — донеслось до Жанны из далеких далей.

— Нет... дышит еще.

Ее потянуло к этим далеким голосам, которые невероятным образом манили ее, тянули к себе, хотя звучали за тысячи километров от нее.

Темная комната с занавешенными окнами. Огромная кровать. Человек, умирающий на разбросанных простынях. Хриплое дыхание — словно два кусочка дерева терлись друг о друга... В этом дыхании почти уже не осталось жизни.

Многие тени стояли рядом с кроватью, и они тоже были безжизненны. Глаза теней были злые и запавшие, лица напоминали сгустки осеннего тумана, ползущего по полям в пору, когда небеса скрываются от людей за лоскутьями мокрых туч. Возле умирающего хлопотали и живые, но они проносились мимо так быстро, что напоминали, скорее, подпрыгивающие факелы ярмарочного шута. Живые что-то гомонили, но голоса их были далеки, хотя и мелодичны. Умирающий не следил за живыми... Его глаза не отрывались от теней.

— Жив еще... — вновь пробормотала тень, стоящая ближе других к умирающему.

Жанна настороженно приблизилась к ним. Тени заметили ее и резко обернулись. Какой-то свет все ярче освещал их, по мере того как девочка приближалась. Свет ровно пульсировал, и в нем слышался чистый ритмичный звук. Тени выглядели жутко: они были похожи на подтаявшие останки круто сваренного студня.

— Зачем подходишшшшь? — зашипела ближайшая к девочке тень и попятилась, со стоном потирая руку, которой закрывалась от света.

— Не подходи — не подходи — не подходи, — шептали тени.

Девочка замерла, и отблески света перестали метаться по комнате. Ничего не понимая, Жанна оглянулась по сторонам, чтобы найти, откуда льется этот свет... и застыла в изумлении: источником света была она сама. Та тень, которая все не могла дождаться смерти умирающего, раздвинула других и вышла вперед.

— Что привело тебя сюда? — угрюмо спросила она Жанну.

От света девочки тень дымилась, словно белье на морозе. Девочка почувствовала, что на ее глаза наворачиваются слезы жалости, но от этого свет стал только ярче. Тень до скрежета стиснула зубы, но с места не двинулась.

— Я делаю вам больно? — Жанна отступила на шаг назад.

— Кто ты?.. — голос тени наполнился удивлением.

— Я Жанна из Домреми.

— Зачем же ты... пришла... сюда? Ты ранишь нас и причиняешь боль себе... И ты ничего не изменишь в этих темных пределах.

Жанна пребывала в замешательстве: она не могла понять, о чем говорит тень... она даже не понимала, как очутилась здесь.

— Я... — пробормотала она, — я просто почувствовала, что тут что-то происходит...

— Тут умирает мой враг! — резко сказала тень, туман вокруг нее стал темнее, и тень зашипела от боли: свет Жанны невольно ударил ее сильнее.

— И мой враг... и мой... и мой... — отозвались другие тени, поочередно затемняясь ненавистью.

Жанна почувствовала, что удушье стискивает горло. Ей хотелось броситься наутек, ей было так плохо...

— Кто же вы?.. — прошептала она тихо.

Ближайшая тень стиснула зубы и сделала еще один шаг вперед.

— Я — Оуэн Глин Дор, истинный принц Уэльса. Два года назад я был убит королем Англии Генрихом V, к которому и пришел теперь получить часть своих долгов.

— Этот человек, — Жанна изумленно указала в сторону умирающего, — король Англии?

Тени кивнули. Девочка долго смотрела на короля Генриха, а его затуманенный горячкой взгляд все скользил по теням. Слезы опять навернулись на глаза Жанны и побежали по ее щекам. Она разглядывала умирающего, но ничего, кроме сострадания, к нему не чувствовала.

— Враг мой... — сказала она тихо и шагнула к королевскому ложу.

Тени отшатнулись от нее прочь, а взгляд Короля Генриха, наоборот, устремился к ней.

— Враг мой, повергший в руины мою родину... Ты посылал бургундцев, чтобы убить дофина Карла... Ты силой взял права на корону старого безумного короля... Ты, чья жажда злата пустила на просторы Франции наичернейших демонов... теперь ты... умираешь.

Девочка присела на край королевского ложа и заплакала. Она хотела найти в себе силы, чтобы сказать что-то обвинительное, но вместо этого лишь погладила короля по лбу; кожа его была сухая и безжизненная, словно истлевший пергамент. Король задрожал, и новые слезы побежали по щекам Жанны.

— Я должна ненавидеть тебя, враг мой... Я должна радоваться твоей кончине. Но мне грустно, король. Мне так грустно за тебя и за тех, кто идет за тобою следом... — рука девочки вновь опустилась на лоб короля, губы зашевелились в молитве, и дрожь в его теле стихла. — Ты копишь злато и

могущество земное, и кредиты твои безграничны; но когда ты отходишь в мир иной, то сам встречаешься с кредиторами... и никуда тебе от них не деться, потому что в любви и ненависти души неразлучны. И вот ты умираешь, и тени ожидают тебя... и я чувствую, что твое прошлое вскрывается, словно гнойная рана.

Девочка прикрыла глаза, ее рука задрожала на королевском лбу.

— О, нет, ты не был плохим королем, враг мой Генрих. Ты чтил искусство, ты покровительствовал университетам, ты любил поэзию и музыку — я вижу это в твоем сердце. Рыцарь без страха и упрека, ты познал благородство и честь... — новые слезы покатились из глаз девочки, — и ты так хотел... так мечтал отправиться освобождать Священный Иерусалим...

Девочка плакала возле умирающего, и тени его недругов жались друг к другу в противоположном углу комнаты.

— Бедный мой враг, — сказала Жанна, гладя короля по волосам. — Бедный мой, бедный мой враг. Ты так и не понял, что Иерусалим твой... Святая Земля твоя... лишь в тебе самом. Лишь в тебе самом сходились на ратный бой православные и неверные. И вот, очередное сражение закончено... Усталый возвращаешься ты Домой, но что ты видишь, открывая Двери? Ты видишь тени... одни лишь тени.

Жанна уткнулась лицом в ладони и скорбно рыдала. Тень Оуэна Глин Дора несмело направилась к ней. Дым клубами поднимался от туманного силуэта, но принц завоеванного англичанами королевства не обращал внимания на муки. Долго он стоял около ложа короля, а потом произнес тихо, обращаясь к Жанне:

— Ведь я — это не я... Я — лишь самое темное, что было в Оуэне... а все, что было светлого, уже покинуло меня. Но даже то, что осталось в этом аду, согрели твои слова.

Тень перевела взгляд на умершего уже короля.

— Прощаю тебя, Генрих. Велик тот король, которого встречают одинокие тени, а не толпы обездоленных. Ты — велик.

Оуэн встал на колено и преклонил голову.

— Прощаю тебя, Генрих, — повторяли за ним другие тени, одна за другой опускаясь на колени.

Король Англии плакал навзрыд, сидя на кровати рядом со своим бездыханным телом. Потом он несмело протянул руки, чтобы обнять Жанну, но не смог. Он поднялся с кровати и встал на колени перед ней.

— Я сожалею... — сказал он сквозь слезы. — Как же я сожалею, что воевал с Францией...

Ярчайшая искра отделилась от него и чуть приподнялась над полом комнаты. Внешне это была копия Генриха, только много светлее... ярче... истинней. Сияющий облик короля с надеждой смотрел вверх и, будто скрываясь за тугими слоями вуали, становился все менее различимым. Все, что было в Генрихе Светлого, ушло, оставив после себя лишь полупрозрачную тень с неясными очертаниями, такую же тленную, как и покинутое недавно тело...

Жанна уже не плакала. Она печально смотрела на силуэты бывших врагов Короля Англии. Они подходили все ближе и ближе к ней, садились возле нее на пол. Они горели заживо, и от едкого дыма в горле девочки першило. Тени страдали от невыносимой боли, но в то же время не сводили с нее глаз. У самых ее ног села тень Оуэна Глин Дора.

— Расскажи нам об Иерусалиме, — попросил ее принц Уэльский. — Расскажи нам об Иерусалиме наших сердец...

— Вы должны знать, что не воскреснете в Царстве Небесном, — сквозь новые слезы прошептала Жанна и погладила его по щеке.

От ее прикосновения на щеке остался страшный шрам, но тень Глин Дора лишь улыбнулась в ответ:

— Да, Жанна, мы это знаем. Все самое Светлое, что было в нас, уже высоко, а мы... лишь остатки их... остатки себя. Мы можем гнить здесь столетиями, но мы этого не хотим. Я — уже нет. Помоги нам уйти быстро. Расскажи нам об Иерусалиме... Помоги нам вспомнить Христа...

...Жанна металась в бреду почти две недели, и обе недели многие жители Домреми не покидали августинский монастырь в Бриксе. Они молились за девочку дни и ночи напролет, они беспрерывно дежурили у ее постели. А когда обессиленная Жанна начала приходить в себя, многие назвали это чудом.

Девочка почти ничего не помнила... Последним видением, которое воскресло в ее сознании, была часовенка в лесу и пламенная молитва о благе Франции.

Еще долго после болезни девочка не могла стать прежней Жанной — задумавшись, ходила она по деревне или, молча, с печальным лицом сидела возле заболевших сирот... Жанна ушла в себя, и это состояние цепко держало ее.

...— Я не могу вспомнить своих видений, — сказала она Жану Мине на исповеди. — Я видела что-то очень важное... но я не помню ничего, совсем ничего. Только печаль... боль... свет... и... новая печаль.

...— Знаешь, Жанна, — сказал ей священник, когда они уже вышли из церкви, — может, та печаль, которую ты помнишь, и свет — это не так и мало? Может, именно они и остаются, когда все остальное уходит... когда все мирские чувства обращаются в прах?..

В тот августовский день, день смерти короля Англии Генриха V, свершилось важное событие для всей Франции. Ведь договором в Труа именно Генрих V был объявлен ближайшим наследником короля Франции Карла VII Безумного. Умри Карл VII раньше короля Генриха, а не на два месяца позже (как это произошло в действительности), и Генрих V стал бы полноправным королем Англии и Франции. Однако он умер, а его сын Генрих VI в то время был всего десяти месяцев от роду; и корона Франции должна была дожидаться возложения на королевское чело целых девять лет.

Девять лет — это, конечно, невеликий срок для Столетней войны. Но для истинных детей Франции этого времени было достаточно, чтобы повзрослеть.

Гроза назревает месяцами. Но молнии нужно мгновение, чтобы сверкнуть.

1425. Луг возле Домреми

Солнце сияло высоко в небесах среди сотен облаков, застывших в полуденном небе. Едва шевелил травы ветер. По лугу с радостным смехом неслась ватага детворы... Веселье и задор переполняли их.

«Наперегонки до рощи!

Кто быстрее!»

«...Жанетта! Ты словно летишь над землей!»

...Прохлада дубовой рощи медленно успокаивала разгоряченное дыхание. Жанна сильно оторвалась от своих друзей; так быстро она не бегала еще ни разу. В голове у нее мутилось, а от сипящего дыхания болело в груди.

...— Жанна!.. — голос раздался справа от нее.

Девочка резко обернулась: прямо перед ней стоял мальчик примерно ее возраста.

Как он оказался здесь?.. Как подошел так незаметно?..

— Как... кто... — испуганно пробормотала девочка.

Мальчик спокойно смотрел ей в глаза... Его взгляд был совсем не детским.

— Жанна, ступай домой. Ты нужна своей матери.

Жанна растерянно обернулась к лугу. Ее друзья были уже близко. Смеясь, они бежали к роще... Как смогла она обогнать их настолько?

— Но как ты...

Девочка замерла. Она снова была одна. Едкий страх волной поднялся из глубины сознания, а лесная прохлада пробрала вдруг до самых костей. Почему-то перед ее глазами возник образ темной комнаты с занавешенными окнами, почему-то подумалось, что этот образ был воспоминанием: там было так же холодно. И там были... там были они... страшные и размытые, словно клубы сырого вечернего тумана, когда небеса скрываются от людей за лоскутьями мокрых туч.

Со всех ног Жанна побежала прочь из дубовой рощи.

...— Матушка, вы искали меня?

Изабелла Роме отрицательно покачала головой:

— Может, отец?

...— Нет, Жанна, я не посылал за тобой... Наверное, тот мальчик обознался...

...Жанна в задумчивости вышла в сад. Вроде бы мальчик не перепутал: он смотрел прямо на нее и говорил очень четко, так, будто...

— ЖАННА! — вспышка слепящего белого света сверкнула справа от нее, со стороны церкви... Вспышка была резка, словно удар колокола, и Голос вторил ей, словно звук был неразделим со Светом.

Девочка вздрогнула от неожиданности, и мурашки покрыли всю ее кожу. Она даже непроизвольно пригнулась, потому что первая мысль была о карающей молнии: шел пост, а накануне она не постилась. Девочка испуганно обернулась. Сад... деревья... чистое небо...

— ЖАННА!! — новая вспышка света... гаснет медленно... так медленно...

«Буду поститься всегда, — в отчаянии подумала девочка. — Никогда не пропущу больше ни ра...»

— ЖАННА!!! — словно гул громадного колокола, величавый, наполняющий Звуком весь мир.

Мурашки снова покрыли кожу девочки, а из самого центра сияния... Со вздохом благоговения Жанна рухнула на колени, до боли сцепив пальцы перед грудью и опустив лицо вниз. Сонмы Ангелов окружили ее, и Песнь, которая раньше призрачно доносилась из сияния солнечных лучей, разлилась теперь по всей Вселенной. Мир качался от хлопков ангельских крыльев, подрагивал, словно облака в реке под порывами ветра... был зыбок. Жанна зажмурилась, но продолжала видеть все, словно веки ее не были сомкнуты.

— СПОДВИЖНИЦА МОЯ...

Глас Архангела Михаила исходил из самой Песни, включал в себя Песнь, Сам был Ее частью. Крылья Его обнимали Небо, а Ноги Его попирали Хаос. В одной руке Своей держал Он Землю, а в другой — Пламенный Меч.

— ПРИШЛО ТВОЕ ВРЕМЯ.

Взгляд Его был Огнем, а биение Сердца пронизывало каждую клеточку сущего. Словно волны от упавшего в воду камня, бежали по Материи Волны Жизни от Биения Архангельского Сердца.

Жанне было страшно, но в то же время она больше не зажмуривалась, но, наоборот, не могла отвести взгляда своего от Взгляда Архангела.

— ПРИШЛО ВРЕМЯ ВЕРНУТЬ ФРАНЦИЮ В РУКИ ГОСПОДНИ И ВОЗВЕСТИ НА ПРЕСТОЛ ПОМАЗАННИКА БОЖЬЕГО.

Пот выступил на лице Жанны, а на глаза навернулись слезы... Свет был нестерпимо ярок... так нестерпимо ярок. Архангел улыбнулся ласково, и свет стал не таким слепящим:

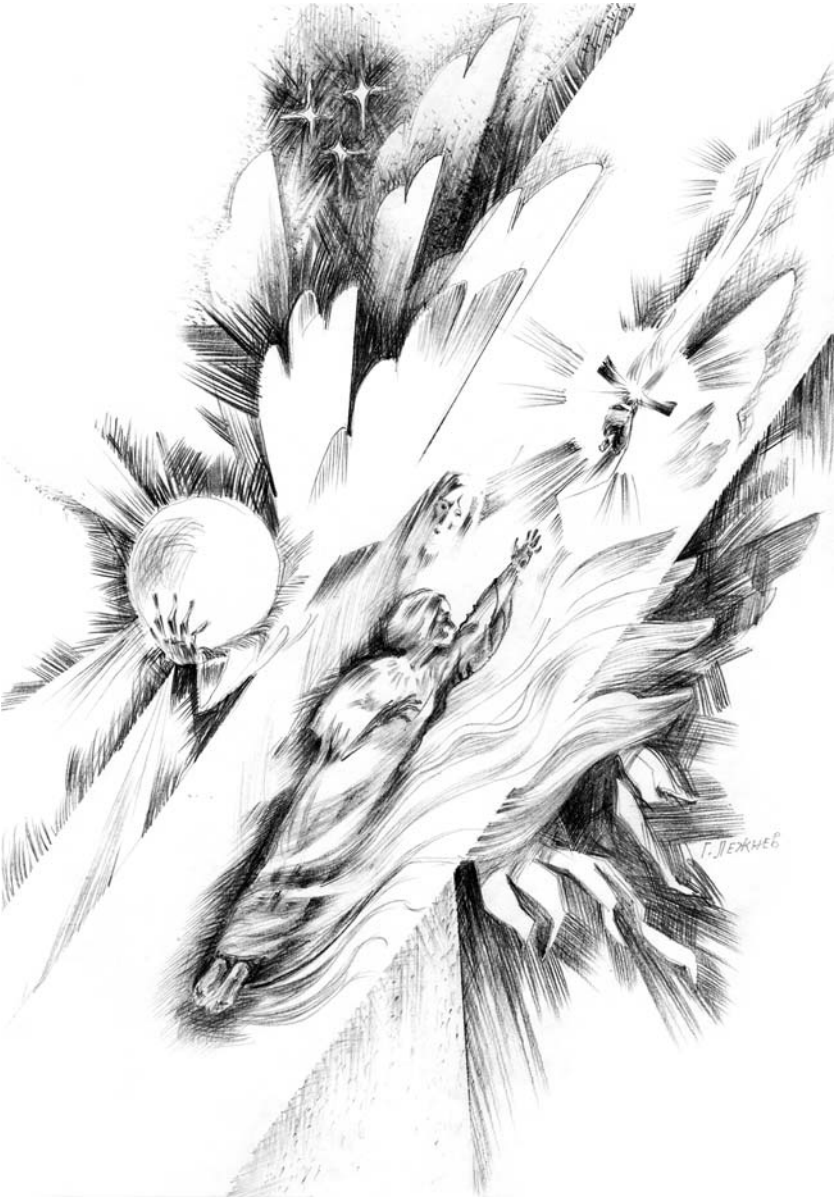
— К ТЕБЕ БУДУТ ПРИХОДИТЬ СЕСТРЫ МОИ. СЛУШАЙСЯ ИХ, ОТКРЫВАЙ СЕРДЦЕ СВОЕ ИХ МУДРОСТИ, ИБО ПРИХОДИТЬ ОНИ БУДУТ, ДАБЫ НАПРАВИТЬ ТЕБЯ И ВДОХНОВИТЬ, КАК И ПОРУЧИЛ ИМ Я. УСТРЕМИСЬ ЖЕ К ПОДВИГУ И СВЕРШИ ПРЕДНАЧЕРТАННОЕ.

Нестерпимое сияние Света стихало...
Все дальше звучала Песнь...
Зыбкость покидала очертания предметов.

Когда последние искорки Сияния исчезли, Жанна обессиленно рухнула на землю. Она лежала без движения, и дыхание ее вновь было хриплым и прерывистым, как и в дубовой роще час назад.

А потом, перед тем как встать, Жанна с благоговением поцеловала кусочек земли, над которым зажегся ей Пламень Неопаляющий. От этого прикосновения губ к земле в ней зародилось желание необычайной силы — вечно быть рядом с Ангелами на Небесах. Мысль о посте показалась ей обыденно-земной.

— Навсегда сберегу чистоту свою, — прошептала она, держа руки перед грудью. — Не предамся плотским утехам... очищу душу свою, лишь бы Ты пребыл со мной, Господь мой Пастырь.


Г. Лежнев

1425. Домреми

— Жанна!!! Жанна!!!

— ... Жанночка, девочка моя!!!

— ... Жанна!!!!

— Не кричи! Не кричи! — отец Жанны тряс свою супругу за плечи. — Не кричи, глупая, бургундцы близко, услышат!

— Жанна... Жанна... — стонала Изабелла, в то время как Жак прижимал ее к своей груди.

— Все будет хорошо, все будет хорошо... Жанна сейчас в своей лесной часовне или же в Бриксе. Ну скажи — какая нечистая может потащить ее в Домреми?.. Все обойдется... Мы пересидим в лесу, она пересидит в часовне, и все мы живые встретимся дома. Все будет хорошо.

...Отряд бургундцев заходил в село. Жители Домреми убегали в такой спешке, что даже не успели отогнать из деревни скот.

...Стрела с дребезжанием вонзилась в стену дома перед Жанной. Девочка сильно вздрогнула, потому что, ничего не замечая, шла по дороге, которая проходила через Домреми. Лишь теперь ей в глаза бросилось отсутствие людей на улицах, а уши уловили перепуганное мычание скота.

С противоположной стороны дороги к ней бежали двое бургундцев, а третий выжидающе смотрел на нее, опустив лук к земле. Жанна на миг оцепенела и очень четко услышала в своем сознании мысли солдат. Все трое радостно думали о выкупе. С диким визгом девочка бросилась прочь; бургундцы со смехом пустились в погоню. Впереди, преграждая путь, на улицу вышли другие солдаты, и Жанна свернула в переулок.

Сияние великой силы буквально ослепило ее, и мир вокруг замер... почти замер. Медленно-медленно летела вниз капля воды, сорвавшаяся со сточного желоба, повис в небе голубь, взлетающий с крыши... смех бургундцев обратился очень низким хрипящим звуком.

— Жанна... — раздался Голос из Света. Голос был женский и мелодичный, исполненный Силы и внеземной чистоты. — Девочка наша... не бойся.

Два овала отделились от Сияния... их Свет был ярок, но не слепящ. Внутри овалов Жанна увидела две женские фигуры — светящиеся и едва различимые. Черты их лиц были прекрасны и возвышенны, глаза — ласковы, а головы украшали звездные венцы. Обе мягко улыбались и протягивали Жанне руки.

— Не бойся, девочка наша... мы защитим тебя.

Святые плавно подошли к Жанне и обняли девочку; их плащи взметнулись, закрывая ее от всего мира.

Голубь в небе начал медленно взмахивать крыльями, наконец-то упала капля воды, и... в переулке показались бургундцы. Их тела были полупрозрачны, и темные сгустки клубились внутри.

— Не смотри, милая... не смотри... не надо.

Святая взяла девочку за подбородок и нежно повернула ее лицо к себе.

— А ты знаешь такую вот песенку:

«Много Ангелов на Небе...
Много горя на Земле...
Мы проходим через горе,
Чтобы Путь найти в себе...»

Голос Святой наполнял ритмы песни, создавая звучание настолько прекрасное, что Жанна онемела от восхищения... Святая ласково улыбнулась, и слезы навернулись на глаза девочки.

«...Горе боль нам причиняет,
В этой боли мы растем.
Счастлив, кто не забывает
Истину про Отчий Дом.

Истина нам крылья дарит,
А страдания ведут
Сквозь роскошные трущобы
В те Места, где Прост Уют».

Голос Святой стих...

Растаяли Светлые образы...

Жанна плакала, стоя на коленях перед самодельным распятием в своей комнате.

— Жанна!.. Жанна!.. — вбежала со двора Изабелла Роме и с плачем бросилась к дочке. — Девочка моя милая... — она рыдала, прижимая Жанну к груди, — девочка моя... ты жива... жива... жива...

...— Бургундцы даже не подожгли село, — непонимающе пожал плечами Жак Дарк за ужином. — Что-то их сильно напугало. Ты ничего не видела? — спросил он дочку.

Жанна покачала головой.

— Может, «лесные братья»? — предположила Изабелла Роме.

— Вряд ли... — Жак задумчиво помешивал горячий суп. — Если бы пришли партизаны, то нам не пришлось бы обращаться за помощью к *благородным*, чтобы вернуть угнанный скот.

— Что там кстати слышно? Дал ли Антуан де Водемон нам солдат?[5]

— Да, а как же, — рассмеялся Жак. — За треть-то от возвращенного и я бы рискнул чужими жизнями...

Позже люди рассказывали, что солдаты бургундца Генри д'Орли перепугались, увидев нагнавшую их погоню, и хотели даже отдать скот добровольно, но, заметив, что с солдатами не было «Святых», воспрянули духом. Бой был кровавый, но все же скот возвратили в Домреми.

---

[5] «...two years later a Burgundian commander named Henri d'Orly stole Domremy's herds of livestock, although these were returned due to the efforts of two local aristocrats, Lady Jehanne de Bourlemont and her cousin, Lord Antoine de Vau-demont...» [2]

1425. Церковь Домреми I

— ЖАННА! ПРИХОДИТ ВРЕМЯ!

— О Боже... о Господи... ну как я могу...

— НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ, ВОЯ МОЯ, ВЕДЬ ПРИХОДИТ ТВОЕ ВРЕМЯ.

— Но я же безграмотная крестьянка, я не знаю ни «А», ни «Б», я не умею ни ездить верхом, ни сражаться...

— ТЫ — ИЗБРАННИЦА МОЯ, И ФРАНЦИЯ БУДЕТ ОСВОБОЖДЕНА ТОБОЮ! И КОРОНУ, КОТОРУЮ Я ДАМ, НА ЧЕЛО КОРОЛЕВСКОЕ ВОЗЛОЖИШЬ ТЫ.

НЕ ТЕРЯЙ НИ МИНУТЫ. СКОРОТЕЧНЫ МГНОВЕНИЯ ЗЕМНЫЕ.

УСТРЕМИСЬ!!!

1425. Церковь Домреми II

— Жанна! — позвал Жан Мине девочку, когда она уже спускалась с холма после исповеди. — Завтра я уезжаю из Домреми... Наверное, мы не свидимся боле.

Девочка остановилась, а затем медленно вернулась к нему.

— Почему вы уезжаете? — спросила она.

Священник ласково улыбнулся:

— Потому что одна маленькая девочка за свою маленькую жизнь сделала больше добра, чем я бы мог сделать, имея таких жизней несколько.

Жанна постояла в растерянности, а потом порывисто обняла священника, только теперь осознав, насколько же он ей дорог.

— Мне будет очень не хватать вас.

— Да обережет вас Господь, — добавила она секундой позже и быстро убежала прочь, не желая расплакаться при нем.

Священник все смотрел и смотрел ей вслед, а потом присел на нагретую солнцем траву.

Закат в тот день был прекрасен.

1425. Церковь Домреми III

Внутренний пламень оттенков...

Сияние искор...

Снопы сполохов...

«Всевышний... О Всевышний мой...»

...— Жанна... — позвал ее пожилой человек в сутане, когда она выходила из церкви.

Девочка настороженно подошла к нему.

— Здравствуй, Жанна. Я Гийом Фронте, новый священник Домреми и Гре.

Девочка опустилась на колени и поцеловала руку священника. На руке был шрам.

— Что ж не водишь ты хороводы с подругами?

Жанна смущенно потупилась, не поднимаясь на ноги.

— Кроме того, что я священник, — продолжал он, — ты должна знать, что я друг и наставник Жана Мине. Это он просил позаботиться о тебе.

Гийом уловил ее взгляд, потер шрам на руке и усмехнулся:

— Долгое время я был капелланом войска французского короля... пока у Франции был король.

— Но у Франции есть король, — несмело возразила Жанна.

— У Франции *будет* король, — Гийом за плечи поднял Жанну с колен и некоторое время пристально рассматривал ее лицо.

— В тебе есть мужество, — священник сделал несколько шагов по направлению к церкви, — и сострадание. Так что задумайся над вопросом, милая моя девочка: что ты предпочтешь — меч или знамя?

Кровь прилила к шее и лицу Жанны так, что ей стало душно.

— Я предпочитаю... знамя.

— Почему? — священник стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на церковь.

— Потому... что я... не хочу никого убивать, — кровь билась в ее солнечном сплетении — словно крови было мало места в теле.

Гийом Фронте со вздохом посмотрел на девочку.

— Очень многие будут пытаться убить тебя.

— Если на то воля Божья... — Жанна едва стояла на ногах, ей казалось, что душа вырывается из оков плоти, — я умру в бою...

— А кто же будет спасать Францию?

Жанна облокотилась о церковную изгородь.

— Если я умру, значит, Франция... спасена.

Гийом задумчиво смотрел поверх ее головы в синеющее небо. Только что село солнце. Гийом смотрел на яркую звезду, которая всегда видна рядом с солнцем. Звезда любви и сострадания проливала на мир грешный свои величественные лучи.

— Значит, знамя... — сказал он, словно сам себе. — Да будет так.

1425. Дубовый лес возле Домреми I

— Жанна, — Гийом Фронте держал в руках шест немногим выше своего роста. — У короткого копья, в роли которого выступит в боях твое знамя, есть три основных удара. Колющий, — он продемонстрировал удар, — сбивающий в сторону, — «копье» взметнулось снизу слева наискось вверх, — и торцевой, — Гийом нанес удар торцом шеста.

Затем он вздохнул:

— Ты должна принять эти три удара, как троих братьев, которые будут раз за разом спасать тебе жизнь. Попробуй.

Жанна подняла с земли шест поменьше и попыталась повторить удары. Гийом отрицательно покачал головой:

— Еще...

...Снова качание головой:

— Резче...

...Опять не так:

— Четче...

Г. ЛЕЖНЕВ

1425. Дубовый лес возле Домреми II

...— Еще...

...— Резче...

...— Четче...

1426. Дубовый лес возле Домреми III

— Резче! Резче, милая Жанна! Вот так!!! Да, да, немного похоже...

...— Еще раз, Жанетта, еще!!! Пойми, что у знамени не будет острия. Удар должен сбить противника, понимаешь, не оттолкнуть от тебя, а сбить с ног. В шлем, Жанна, только в шлем!

...— Лови его на своем отходе. Торцевой частью. Да! Сначала по дуге справа, а сразу после этого торцом в забрало! Да! Немного похоже... Следи за ногами! Двигайся легче!

Еще!

Еще!..

1426. Дубовый лес возле Домреми IV

— Ты не сможешь выстоять, Жанна. Смотри — у тебя осталось пять листов и три щепки. Этого мало против моих восьми листов. Здесь нужно отступать и перестраивать войска. Смотри... видишь?.. — указывал Гийом на импровизированное поле боя.

Щепки пылали небесным пламенем, и листы полыхали жаром. Жанна, едва переводя дух, оторвалась от этого огненного величия.

— Я не буду отступать, мсье Фронте, — едва слышно пробормотала она, а потом заговорила все громче, словно приходя в себя. — Моих людей благословит Бог... Они победят ваших солдат! К тому же, мои лучники будут стрелять очень метко, а у вас лучников уже не осталось. Вам не выстоять против Веления Божьего!

Гийом Фронте задумался.

— Жанна, тебе нужно понять, что солдаты — это обычные люди. Они устают и падают духом, видя, как погибают их товарищи. Твои лучники потратили почти все стрелы, а тех, что осталось, мало.

— Неважно! — рука Жанны смела листья и щепки с «поля боя» и стукнула кулаком по дубовому пню. — Господь направит каждую стрелу и вдохновит каждую руку с мечом. Там, где погибнет один француз, найдут успокоение пять англичан. Десять! Или даже больше!!! Ваши тактики и стратегии ничего не поделают с Волей Божьей!!!

— Ну почему же... — усмехнулся священник. — Мои тактики и стратегии могут помочь Воле Божьей.

— Воле Божьей не нужны помощники!

— Даже ты? — Гийом холодно посмотрел в пылающие глаза девочки, и Жанна вдруг запнулась...

— Я... — попыталась возразить она. — Я...

— Я нужна Господу, — сникла она наконец.

Гийом Фронте поднял с земли щепку и протянул ее Жанне.

— Господь даст победу лишь тем, кто сражается.

Священник смотрел на щепку, а Жанна смотрела в сторону.

— Когда на тебя бежит враг, — продолжил Гийом Фронте, — ты берешь в руки копье. Копьем управляют твои руки, но не твои руки, а копье ударяет врага. Тактика и стратегия — это копье твоего разума. Если ты отбросишь это оружие, то останешься перед врагами беззащитной.

Некоторое время Жанна сидела молча, лишь сопела носом, а потом принялась раскладывать щепки и листочки на пне.

— Я все равно выиграю это сражение, — сказала она уверенно.

— Если снова не полетят щепки, — с улыбкой ответил ей священник.

1426. Церковь Домреми I

— Мсье Фронте, — Жанна присела рядом. — Расскажите мне, кто вы.

Гийом Фронте неотрывно смотрел на закат и на звезду милосердия.

— Я священник Домреми и Гре.

Жанна сорвала травинку, но передумала жевать и отбросила прочь.

— Это я знаю... Но расскажите мне, кто вы на самом деле... Ведь вы знаете про мои видения, вы пришли после того, как Глас повелел мне готовиться к Походу. Вы умеете сражаться так, как иные солдаты никогда не научатся. Разве я могу думать о вас просто как о священнике Домреми и Гре?

Гийом посмотрел на Жанну и улыбнулся.

— Ты права. Я не просто священник Домреми и Гре. Можешь считать меня своим другом. Своим очень старым другом... Но это все, что я тебе открою.

Долго они сидели молча. Погас закат, и звезда милосердия уже подбегала к горизонту вслед за Солнцем.

— Сколько еще до Похода? — Жанна тихо задала этот самый мучительный вопрос.

— Война немного притихла... наступило затишье перед бурей. Твой Поход начнется с первыми порывами ветра. — Гийом, не мигая, смотрел на Жанну. — Тебе страшно?

Жанна кивнула.

— Изгоняй страх из сердца своего... Не раз он губил самых устремленных, — священник улыбнулся жестко, от чего его лицо обрело черты почти зловещие. — Понимаешь ли, Жанна, боятся все, кто сталкивается с испытаниями. Нет испытаний больших или маленьких, есть просто испытания, все остальное — житейские мелочи. Испытания словно камень, который возлагается Господом на плечи человека, дабы понять, чего он стоит... И унести этот камень человек может лишь в напряжении полном. Вес камня настолько велик, что стоит доложить еще один маленький камешек — и человек не выдержит физически... Однако этот последний осколок всегда несет Он, — рука Гийома обратилась к небесам, — кроме Своей Ноши, естественно. Если человек, получивший камень, напрягает все силы без остатка, то обязательно донесет его к цели; но если этот же человек начнет сомневаться в своих силах, то камень утянет его вниз, словно два. Поэтому знай, Жанна, что по силам получила ты миссию, но по силам, напряженным без остатка.

Жанна еще раз посмотрела на священника. Нет, ничего зловещего не было в его лице. Просто решимость скрывала за собой великую усталость.

— А куда мы носим камни? — спросила девочка.

На глаза священника вдруг навернулись слезы, и он перевел взгляд ввысь.

— Туда, где строится Храм, — сказал он едва слышно.

1426. Церковь Домреми II

Небо испускало Свет, Земля принимала Свет в себя... В пламени радужном Небо сходило на Землю. Две Сестры были рядом... два Светоча... две Лампады.

— Брат Гийом рассказал тебе о Храме. Владыка разрешил показать тебе Его.

Величественное строение Храма неописуемой красоты возникло перед девочкой прямо из воздуха. Храм был огромен и прекрасен. Храм парил над землей, и Семь куполов его сияли, и на куполах этих были Шпили.

— Именно для этого Храма мы носим камни.

— Но откуда мы их... носим? — спросила девочка.

— Отсюда, — Святые указали на Землю. — В этот грешный мир спускаемся мы и в страданиях и муках обретаем камни свои, которые и кладем затем в стены Храма Единого.

— Видишь, — одна из Святых улыбнулась девочке, — основания Храма еще нет, и стены еще не закончены...

— Разве могут стены стоять без основания?

— Это ведь Истинный Храм Божий, который строится от Бога к людям. Великие Наставники наши создали Семь Куполов этого Храма из Злата Царства Небесного, которое принесли с Собою. А после Они начали сходить в земной мир за камнями для башен. Они приходили к людям в образах умаленных и униженных, и люди забрасывали Их камнями. А Учителя собирали эти камни, сплавляли в Горниле Своей Любви и несли ко Храму... Столетие за столетием носили они камни — не ропща, не прося о помощи, но делая для людей то единственное, что могли. И среди людей, которые забрасывали Их камнями, находились такие, кто выпускал камни из рук и со слезами раскаяния падал перед Ними на колени. И Владыки улыбались им устало и с благодарностью доверяли часть Своей Ноши. Так около Владык образовалось Братство Строителей Храма. В великих мучениях возложен каждый камень в Его стены... великими страданиями освящен.

— Но зачем такие мучения? — со слезами на глазах спросила Жанна. — Ведь можно взять камень поменьше...

Святые ласково улыбнулись девочке.

— Напряжения жизни, или, как принято говорить, мучения, обжигают камень духа человеческого, сплавляют его в монолит. Чем больше напряжение, тем более ценный камень приносит Строитель ко Храму. Скажи, милая, что будет, если вместо базальта положим мы в стены песчаник? Не осыплется ли Храм известью и глиной в мир земной? Затем и дается каждому человеку возможность принести наилучший Камень, чтобы не горевал он потом, слыша перед Вратами полный грусти ответ: «Камень твой не годен».

Жанна в растерянности смотрела на Святых.

— Неужели каждый человек на Земле так страдает?

— Нет, милая, — Святые уже уходили от нее по воздуху, сливались с Сиянием Храма, ласково улыбаясь на прощанье. — Каждый человек — нет...

...Но каждый Строитель — да.

Жанна медленно приходила в себя.

Она сидела на скамье в церкви Домреми. Скребла по полу метла: Гийом Фронте убирал, как всегда, по четвергам.

— Ты уже вернулась? — священник спиной почувствовал ее взгляд.

Жанна молчала, ошеломленная увиденным. По полу размеренно скребла метла.

— Для кого же мы... строим... Храм? — тихонько спросила девочка.

Метла замерла. Гийом устало повернулся к Жанне.

— Для тех же, для кого начали строить Храм Владыки... для людей... для всех нас. Мы хотим, чтобы после смерти, даже пребывая в чистилище, братья наши видели Сполохи Небесного Пламени, срывающиеся с прекрасных Куполов, и сияние белоснежных стен Храма... Очень многим Он поможет обрести утерянный путь и укрепит тех, кто уже стоит на Пути. Кораблю легче зайти в гавань, если там есть Маяк.

Жанна тихонько заплакала.

— Сегодня я увидела... такие мучения... такие жуткие страдания... Те, кто несли камни... им было так тяжело...

Священник отставил метлу в сторону, медленно подошел к девочке и присел рядом.

— Значит, ты не увидела главного. Ты не увидела решимости, твердости, устремленности этих Людей. Ведь не мучений ради принимаем мы Ношу, но ради того, чтобы Устремленностью превзойти мучения и Освятить свой Камень... сделать его достойным. А чем Освящение производится, как не страданиями? Разве Христос восходил на крест ради мучений?.. Нет, но ради того, чтобы Камень Краеугольный в свод Купола поместить. Разве это наказание, малышка, — быть Строителем? Это добровольный выбор, который совершили мы в осознании великой Чести — Строить...

— Но почему?.. — перебила его Жанна. — Почему другие не помогают нам?

— Людям нужны предводители. Без предводителей люди обращаются толпой — с моралью толпы и желаниями толпы. Должны пройти тысячелетия, чтобы из толпы на наш Зов вышли несколько.

— Нас много?

Священник вздохнул и поднялся на ноги.

— Не бывает много или мало людей, — метла вновь принялась скрести по полу. — Бывает достаточно или недостаточно решимости.

1428. Церковь Нефшато

— Почему... почему... почему?.. — плакала Жанна перед распятием.

Распятие было другим, и церковь была другая. Не было рядом Гийома

Фронте, не было Жана Мине... Нефшатовский священник уже несколько раз предлагал ей исповедоваться, но Жанна лишь рыдала в ответ, и священник уходил, предоставляя ей возможность побыть одной.

Жанне причиняли огромную боль ее видения... Как всегда, они несли оголенную правду. Бургундцы не просто разграбили Домреми, бургундцы...

Бургундцы...

... Жуткая, освещенная отблесками пожаров животная масса...

Пьяные солдаты...

Пылающие дома...

«Ведьмы!!! Где вы, ведьмы?!!»

«Вы не явитесь нам?!! А ежели мы зарежем козочку?!!»

Блеяние умирающего животного... Гогот солдат, прерываемый звуками рвоты пьяных...

«Что, ведьмы, колдовские чары больше не действуют?!!»

Снова несмолкаемый гогот, и снова несмолкаемая рвота...

«Надо развалить церковь, в ней поклонялись Сатане!!!»

«Надо развалить церковь!!!»

«Надо развалить церковь!!!»

Мир качался...

Языки пламени разрывались... разрывалась материя, разрывались изображения Ангелов... разрывались сполохи Пламени Неопалимого...

«А ну, пустите меня!!!» — громила с двуручным топором протиснулся в церковь под всеобщий смех.

«Э-йэх!!!» — щепками разлетелась скамейка, где обычно сидели соседи четы Дарков... разлетелось алое пятно принесенной ими в церковь любви.

«А-хаха... О-хохо...» — пьяный хохот солдат. Снова поднимающаяся секира.

...«Безумцы!!! — кричала им Жанна. — Остановитесь!!! Остановитесь!!! Остановитесь!!!»

Но никто не слышал ее. Никто не хотел услышать ее голос в своей груди. Снова и снова поднималась секира... Была сброшена на пол фиолетовая звезда Распятия, и грязный сапог резко опустился сверху.

И крик смертельного отчаяния раз за разом вылетал из уст никому не видимой девочки.

...«А здесь у них были сатанинские оргии!!! — орал громила с топором возле маленькой часовенки в лесу. — Здесь они призывали бесовских фей! Огня мне!!! Огня!!!»

Полыхание часовенки... гул пламени, уносящий детские мечтания к звездам в спиралях сияющих искр.

«Вот теперь правильно!.. Вот теперь все верно!!! Жечь все!!! Жечь!!! Жечь!!!»

...От Домреми осталось пепелище.

...— Отче, — Жанна наконец нашла в себе силы подойти к нефшатовскому священнику. — Вы исповедуете меня?

...— Они сожгли деревню. Они разрушили церковь... Они сожгли часовенку в лесу.

— Бургундцы — изверги, дочь моя... Они не верят в Бога...

— Но *я* верю в Бога!!! — закричала Жанна сквозь слезы. — Почему Он все это позволил?!! Почему Он все это позволил?!!

— Тише, тише, девочка, — причитал священник. — Мы не знаем всех планов Господних и всех замыслов Его.

— Там были такие красивые Ангелы, — плакала Жанна. — Там было такое красивое Распятие... А в лесу было так тихо... и... спокойно... там... было... — Жанна вдруг поняла, что задыхается. — Там было...

Она прислонилась к стенке кабинки для исповеди и начала медленно сползать на пол.

Священник бросился к ней, но черты его лица размякали, сминались... словно кусок глины в руках гончара. Весь мир размякал и сминался... все качалось и падало... все парило... Разноцветный свет лился отовсюду. Но очертания фигуры нефшатовского священника стали вдруг четче... намного четче, чем весь окружающий мир. И... у священника почему-то было лицо... Гийома Фронте. Но как у священника Нефшато могло быть лицо Гийома Фронте? Нет, это был вовсе не священник Нефшато, потому что тот все еще копошился где-то вдали, возле тела Жанны, и истошно звал на помощь; и другие люди бежали к нему, такие же призрачные и едва различимые. А Гийом Фронте был очень-очень рядом. Он спокойно смотрел ей в глаза.

«Ты хотела исповедаться...» — Жанна слышала его тихий голос, словно в себе; каждое слово было близко и понятно.

«Почему... — едва сумела прошептать она, — почему...»

«Почему Он допустил все это?» — договорил за нее Фронте.

Жанна обессиленно кивнула:

«Церковь ведь была так красива...»

«Но кому молиться в этой церкви, девочка?»

«Бургундцы уйдут...— прошептала Жанна. — И вернуться те...»

«Кто плачет сейчас о своем погибшем стаде, — перебил ее Гийом. — Ты думаешь, хоть один из жителей Домреми тоскует о разрушенной церкви и сожженной часовне? Они плачут о сгоревших домах и разграбленном хозяйстве... Они горюют о годах непосильного труда, которые пошли прахом от пьяных бургундских факелов».

«Но они... они...»

«Они не вспомнят про церковь до тех пор, пока не отстроят себе новые жилища и не обзаведутся новой скотиной... Подумай, девочка, нужно ли Господу помещение, молиться в котором будет некому?»

«Господу нужны церкви...»

«Зачем Господу церкви, в которых нет верных Ему? Не в рукотворных храмах Всевышний живет»[6] .

---

[6] Деян. 7:48.

Жанна молчала, лишь горячечное дыхание раздувало ее легкие, подобно кузнечным мехам. Ее уже перенесли в дом, где Дарки нашли временное пристанище, но девочка не замечала этого.

«Но что есть Церковь Божья?»

Гийом ласково и устало погладил ее по волосам. Его рука была прохладна... От его прикосновения предметы вокруг нее начали приобретать былую четкость.

«Церковь Божья — праведные сердца человеков[7]. Все остальное — камни и черепица. Престол Огня — глубины Сердца».

Предметы были почти уже осязаемы.

«Гийом! Гийом! — крикнула вслед ему Жанна. — Но почему ты не пришел с нами в Нефшато?..»

«Я уже мешаю тебе... — донеслось, словно из невообразимых далей. — Ты уже готова. И Зов скоро последует».

— Гийом!!! — что было силы крикнула Жанна, вскакивая на кровати.

Мать с отцом перепуганно смотрели на нее.

— Мсье Фронте еще не объявился, — прошептала Изабелла Роме. — Мне не хочется в это верить, девочка моя, но, скорее всего, он погиб...

Обессилевшая Жанна вновь опрокинулась на кровать. В голове у нее помутилось... Но жар скоро ушел, и Жанна, словно ныряльщик, начала погружаться в бескрайние просторы сна.

— Зов скоро последует, — прошептала она едва слышно. — Зов скоро последует...

Через две недели англичане осадили Орлеан — последнюю преграду, которая сдерживала неистовый напор их армии в направлении юга Франции.

1429. Церковь Нефшато

— О, как их много... О, как их много! Господи, Отец и Заступник, помоги им! О Господи!... О Господи... Направь их стрелы, направь их мечи и убереги... убереги их. Отец и Защитник, помоги им!..

...— Она что — бесноватая? — тихонько спросил священника прихожанин.

— Цыц, ты! — был ему резкий ответ. — Если бы каждый из нас раз в неделю отдавал Франции такую часть себя, какую эта девочка отдает ежедневно, война давно бы закончилась.

1429. Отстраивающаяся Домреми

— Отец... — подошла к Жаку Дарку его обессиленная дочь.

Она была бледна, ее лоб покрывала холодная испарина, сознание ускользало от нее.

— Благослови меня, отец.

---

[7] Кор. 6:16.

Жак некоторое время непонимающе смотрел на нее.

— На что тебя благословить?

Жанна едва стояла на ногах... Она покачивалась из стороны в сторону, а взгляд ее не отрывался от чего-то далекого, видимого только ей.

— На спасение Франции, отец.

...— Ты представляешь, что удумала?! — в ярости кричал Жак Дарк своей супруге. — Она, эта вот соплячка, вздумала, что ей нужно идти в какую-то крепость на встречу с каким-то командиром!!! Она надумала себе, что спасение Франции находится не где-нибудь, но в ее руках!!! Она надумала, что стоит ей взять в руки меч, и англичане убегут прочь, спасаясь от ее грозного облика!!!

— Отец... — едва слышно прошептала Жанна, съежившись от его слов.

— Она надумала, — продолжал Жак, на обращая на Жанну никакого внимания, — что все наши капитаны вместе взятые не стоят ее одной!!!

— Отец, — сказала Жанна чуть громче.

— Она надумала, что народ пойдет за ней — за необразованной соплячкой, которая в руках ничего тяжелее ведра с водой в жизни не держала...

— Оте-е-е-ец!!! — что было силы закричала Жанна и вскочила на ноги. — Да пойми ты наконец, что в Орлеане каждый день гибнут люди!!! На стенах, от ранений, но еще больше — от голода и болезней!!! Их крики несутся по всей Франции — как же ты их не слышишь?!! Уже зима!!! Ты понимаешь, что уже зима!!! Сколько погибнет прежде, чем ты поверишь мне?!! Англичане ведут подкрепления, и до лета Орлеан будет взят, ты понимаешь?!! Ты...

— Соплячка! — оплеуха Жака Дарка прервала ее. — Да как ты с отцом разговариваешь?!! Да как ты... — запнулся он вдруг, столкнувшись с взглядом Жанны, — ты...

Девушка выпрямилась во весь свой невысокий рост и медленно вытерла разбитую губу.

— Это и есть твое благословение? — со слезами на глазах спросила она, затем повернулась и ушла к себе в комнату.

...— Жанна!!! — истошно закричала Изабелла Роме утром.

...Взмыленный конь нес своего седока по дорогам Франции.

Часть II. Путь к Орлеану

1429. Крепость Вокулер. Таверна[8]

Обессиленная от переживаний Жанна зашла в таверну около крепостной стены. Она была голодна с дороги, а денег у нее было очень мало — только то, что она сумела выторговать в соседней деревне за свою взятую из дома пряжу. Медленно направилась Жанна к трактирщику, чтобы попросить воды и немного еды.

— Не верю своим глазам... Жанна!!! — донесся до нее радостный окрик.

Жанна обернулась и увидела на вид знакомого мужчину, который встал из-за столика и направился к ней, радушно распахнув объятья; правда, где они встречались, девушка вспомнить не могла.

— Что ты здесь делаешь, милочка? — продолжал он тем временем, смеясь. — Разве ты не согласна, что нам следует изгнать короля, а самим превратиться в англичан?!!

— Жанна... — изумился он наконец, видя, что девушка не узнает его. — Я бедный бродячий рыцарь, Жан де Новеломон... — он настойчиво взял Жанну под руку и повел к своему столику. — Совсем недавно я посещал Домреми и наслаждался гостеприимством твоих родителей... Неужели ты не помнишь, ведь это было буквально на днях?..

— По-видимому, не на днях, — устало ответила Жанна, присаживаясь. — Домреми больше нет.

— Как?!! — изумился Жан.

Его лицо вдруг потемнело, и веселье улетучилось из глаз.

— Друзья, оставьте нас, — обратился он к своим товарищам, и те, пожав плечами, начали собираться.

— Что стряслось с вашей милой деревушкой? — спросил рыцарь и вдруг замер, встретившись с взглядом с Жанной.

— Мсье, — произнесла девушка, — что бы я ни сказала вам сейчас, вы должны поклясться, что ни одна живая душа не узнает о нашем разговоре, пока я не дам вам на то разрешения.

Изумленный Жан развел руками:

— Как скажешь, Жанна... Если на то есть причины — пусть будет, как ты просишь.

— На то есть причины, Жан де Новеломон, — девушка неотрывно смотрела в глаза рыцарю, и ему было очень не по себе от такого взгляда.

— Решили, — едва сумел улыбнуться он. — Никто не узнает о нашей беседе. Так что же случилось с Домреми?

— Сожгли... бургундцы, — Жанна откинулась на спинку стула и обессиленно закрыла глаза.

---

[8] «Часто она опускалась в совсем маленькую нижнюю часовню, расположенную под главной. Под низким сводчатым потолком, между тремя колоннами, все-таки было светло благодаря четырем окнам, расположенным над уровнем земли, и здесь обычно никого не бывало. Мальчик, прислуживавший в часовне и впоследствии ставший священником в Вокулере, подсмотрел, как она молилась на коленях перед Пресвятой Девой, “то пав ниц, то подняв лицо”. Он стал говорить, что эта девушка святая. Начинала идти молва...» и далее. [3]

— Твои... — обеспокоенно подался вперед Жан. — Твоя семья жива?

— Жива, Жан... Но прежде чем я расскажу все остальное, попросите, чтобы мне принесли попить... я очень долго ехала верхом.

— О, да! — спохватился рыцарь. — Прости меня, Жанна, ради Бога! Трактирщик!!!

...— Я уехала из дома сама, — рассказывала Жанна чуть позже. — Отец и мать были против, поэтому я сбежала тайком... Но потом меня приютил дядя, и я сказала родителям, что останусь у него и буду помогать его жене...[9] Памятуя о нашей ссоре, отец решил, что некоторое время нам не помешает пожить порознь. Дядя помог мне добраться до Вокулера и теперь ищет место, где бы я могла остановиться.

— Но что привело тебя в Вокулер, Жанна?

— Я срочно должна встретиться с комендантом крепости Робером де Бодрикуром[10].

— Что?!! — изумился Жан. — Ты... но зачем?

— Он даст солдат, чтобы проводили меня до Шинона.

Некоторое время бродячий рыцарь не мог издать ни звука от изумления.

— Однако... — сказал он наконец, — зачем тебе в Шинон?

Девушка твердо посмотрела ему в глаза... Ее взгляд был спокоен и властен — такого взгляда бродячий рыцарь никак не мог представить на лице простой крестьянки.

— Чтобы спасти Францию.

Очень долго гробовая тишина висела за их столиком, и хотя таверна жила своей собственной жизнью, казалось, ни единый отзвук не долетает к ним. А потом Жан де Новеломон спросил девушку, здорова ли она.

— А вы? — задала ответный вопрос Жанна. — Здоровы ли вы, Жан? Орлеан осажден, французы гибнут ежечасно, а вы веселитесь в таверне и размышляете, не стоит ли обернуться англичанами? Скажите мне — вы здоровы?

— Но... Жанна, подскажи ради Бога, что нам делать?!

— Идти на стены Орлеана! — почти прошептала Жанна, из последних сил сдерживая гнев.

— Но... девушка... ты не понимаешь, о чем говоришь... Это безумие... Орлеан может спасти только королевская армия. Даже если соберется сто, двести таких воинов, как я, это ничего не изменит...

— А если соберется не двести, а две тысячи воинов? А если двенадцать тысяч?!!

Жан в изумлении развел руками.

— Кто в силах собрать столь великую армию?

Жанна откинулась на спинку стула без сил и закрыла глаза.

---

[9] "She told her parents that she was going to help the wife of Durand Lassois, and it was he who came to pick her up again..." [2]

[10] В реальности Жанна приезжала в Вокулер со своим дядей два раза: 13 Мая 1428 года (она уехала из дома под предлогом навестить дядю) и зимой 1429 года. Я не описывал первый визит, потому что он имел для Жанны скорее ознакомительный характер и не был целенаправленным напором, как визит второй.

— Я, Дева из Лотарингии. Мне суждено снять осаду с Орлеана и вернуть корону французского королевства французскому королю.

— Девушка! — закричал Жан, рывком поднимаясь из-за стола. — Да ты же безумна!

Долго Жанна смотрела ему вслед, а потом зажмурилась, словно от невыносимой боли...

Слеза медленно побежала по ее щеке.

1429. Крепость Вокулер. Катерина Ле Руайе

— Доченька... помоги, родная, что-то плохо мне... — пожилая женщина, идущая с рынка с посеревшим лицом, оперлась о стену дома... Она выронила из рук покупки, и несколько луковиц покатилось по заснеженной мостовой.

Жанна бросилась к ней и подхватила под руки.

— О Господи... — стонала женщина. — О Боженьки... Этого только не хватало... взять и помереть... тут вот... на улице.

Встревоженная Жанна усадила женщину на скамейку возле чьего-то дома.

— Не волнуйтесь, сейчас все пройдет... не переживайте, все будет хорошо...

— Ох... и болит сердечко... ох, болит... — женщина растерянно посмотрела на Жанну и улыбнулась устало. — И действительно, не помереть бы...

— Все... — попыталась утешить ее Жанна, но женщина перебила:

— Все в Руках Божьих, доченька... Ты, я вижу, не местная... Так вот, если помру, спроси дом возчика Анри Ле Руайе и скажи ему про меня. Звать меня Катерина, ему я жена.

Женщина некоторое время тяжело дышала, потом набрала воздуха в грудь и добавила:

— Ну... коль Господь привел тебя ко мне в столь скорбный час... то почитай что-нибудь из Писания.

— Но я... — растерялась Жанна. — Я знаю только три молитвы и все... «Pater Noster»[11] , «Ave Maria»[12] и «Credo»[13] ...

Катерина Ле Руайе зачерпнула рукою серого снега из сугроба и приложила себе ко лбу.

— А коль знаешь, так читай быстрее... пока я не околела тут... вконец...

...— Анри!!! — кричала Катерина, открывая дверь своего дома. — И что думаешь... надули-таки меня на рынке... да так надули, что я чуть не преставилась с горя; благо это вот чистое создание поспешило на помощь да прочло надо мною живительные молитвы. Говорю тебе, Анри, это посланница Господня... Анри!!! Да куда ж ты, черт, подевался?!

— Тут я, тут... — седой старик медленно вышел из комнаты в прихожую. — Гости у нас. Кто ж обмануть тебя посмел?.. — добавил он, усмехнувшись.

— А ты не смейся, старый. Приезжие — будь им неладно. Один малый

---

[11] «Отче Наш».
[12] «Дева Мария, радуйся».
[13] «Верую».

торговался со мной за четыре мотка пряжи, и деньги дал за четыре, да только так зубы заговорил, что с прилавка умыкнул шесть. Я, как увидела все да поняла, так чуть в обморок и не бухнулась. Мне пряжи не жалко, только что ж это такое делается-то... совсем конец света. Да и я старею, видать. Совсем старею я...

Катерина Ле Руайе печально кашлянула несколько раз, а потом с шумом вздохнула.

— Что за гости? Хотя погоди... сама скажу, а потом уже ты расскажешь. А эта девица есть Жанна из Домреми, дочка Дарков, если помнишь таких[14] ... Недавно совсем их деревню сожгли бургундцы, поэтому поживет она пока у нас. Что там у нее с родителями — их дело; знаю только, что она меня от смерти спасла, а потому будет жить в моем доме, пока захочет. Жанна говорит, что прядет ладно, так что без работы не останется, а мне помощница в старости не помешает. С этим ясно?

Старик развел руками.

— Да ясно... коль поживет, так пусть себе живет.

— Что за гости-то у нас?

— А дядька еёйный, — усмехнулся Анри, кивая на Жанну. — Приехал просить, чтоб мы ее приютили на время.

— Эвона как... — протянула Катерина, задумчиво осмотрев девушку, а потом словно встрепенулась и вновь обратилась к мужу. — Ну так возьми у нее кошелку, старый черт, да неси на кухню... стоишь, словно оглобля вкопанная...

Старик лишь развел руками вновь и потянулся к Жанне за кошелкой.

— Нет, нет, — покачала головой Жанна. — Давайте, я сама отнесу. Вы только скажите мне, где у вас кухня... ведь все равно буду помогать по хозяйству.

Катерина кивнула и указала рукой... Они с мужем остались вдвоем. Анри немного помолчал, а потом спросил тихо:

— А что ж родители ее? Ты подумай, старая, сможешь ли Изабелле на дверь указать, коль она за дочкой явится?

Катерина вздохнула тяжело и махнула рукой.

— Да пусть является, кто хочет. Не Изабелла ко мне жить попросилась, а Жанна, и пока Жанна в моем доме, только она решить может, оставаться ей или уходить. Как передумает — так и уйдет, тогда и на час не задержу. А пока — кто приедет за ней, тот со мной дело иметь будет.

— И с тобой тоже, — добавила она секундой позже. — Понял?

— Да понял я, понял... — вздохнул Анри. — Давай раздеться помогу.

1429. Крепость Вокулер. Письмо Жанны родителям

— Написали? — Катерина Ле Руайе заглянула в комнату, где соседская дочь писала под диктовку Жанны.

---

[14] "She then stayed with family friends, Henri and Catherine Royer, before convincing the local garrison commander to give her an escort to bring her to Chinon..." Комментарии к письму, написанному из Сент-Катрин-де-Фьербуа. [4]

— А коль написали, так дайте прочесть!

Она взяла лист бумаги и принялась медленно, по слогам прорываться сквозь послание, не позволяя, впрочем, соседской дочке читать вслух.

— Что ж, — вздохнула Катерина в конце концов. — Пусть будет так...

— Хотя ты, конечно, напрасно написала про сто отцов и матерей, — укоризненно добавила она. — Я, конечно, понимаю, что у тебя Миссия, но у твоей матери сердце-то одно... и оно любит не какую-то Посланницу, а Жанетту... которую еще только вчера Изабелла качала на руках. Однако пусть будет, как есть. Что сделано, то сделано... Отсылайте письмо. С Богом.

1429. Крепость Вокулер. Большой зал вокулерского замка

— Я слушаю тебя, девочка.

— Вы...

— Я тот, кого ты так долго хотела видеть. Я комендант этой крепости и представитель дофина Франции, Робер де Бодрикур.

Жанна ощутила вдруг, что сердце готово разорваться от бешеного ритма; ей было очень страшно, и она не знала, что говорить теперь, когда ее настойчивость наконец-то была вознаграждена.

— Говори же...

— Я... — сглотнула Жанна. — Мне...

И вдруг отзвуки далекого колокольного звона долетели до ее слуха... В часовне замка правили мессу.

— Мне было видение, — сказала Жанна уже спокойнее. — Мне было видение, что я должна явиться к вам, коменданту крепости Вокулер, и вы дадите мне солдат в сопровождение на пути моем в Шинон, к дофину Франции Карлу VII. Вы напрасно представились мне, я сразу узнала вас, о чем и хотела сказать.

Робер де Бодрикур онемел.

— Что?.. — только и смог выдавить он.

— Я пришла от Командира и Господина моего, — все более четко и уверенно говорила Жанна, — чтобы вы, Робер де Бодрикур, дали знать дофину, что он должен собраться с силами и избегать сражений до середины будущего поста, когда мой Господь явит помощь.

Звон колоколов становился отчетливее, прекраснее; весь зал подрагивал в ритм с этим звоном.

— Королевство Французское принадлежит не дофину, но Господу моему, и воля моего Господа в том, что Он хочет поручить это королевство дофину. Господь мой сделает дофина королем, а я приведу дофина к помазанию.

— Но кто же твой Господин, — с усмешкой спросил де Бодрикур, — что имеет право на Францию большее, нежели дофин наш, Карл VII?

Звон колоколов был так прекрасен... Жанна могла бы слушать его вечно.

— Мой Господин — Царь Небесный.

За Бодрикуром появился Свет, и две Святые — Екатерина и Маргарита — вышли из него... Они стояли по разные стороны от коменданта и смотрели на Жанну.

«Был у Христа-младенца сад... — пели Святые под мелодию колокольного перезвона. —

И много роз растил он в нем.
Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплесть венок себе потом...»

...— Не бойся, малышка, — обнимала ее Маргарита. — И не слушай, о чем кричит де Бодрикур. Не верь ему — это все неправда. Слепой кричит о темноте, глухой не слышит звука, а Бодрикур не верит тебе. Но когда придет время, он сильно пожалеет об этих словах. Пожалей же и ты его теперь...

...Жанна пришла в себя уже за стенами «большого зала» крепости, вышвырнутая солдатами взашей. Остались какие-то смутные воспоминания об издевках, о гвардейцах, насмешливо преклонявших перед ней головы, об их богохульстве. Разве сильно отличались эти, смеющиеся над волей Божьей теперь, от бургундцев, которые смеялись над волей Божьей *тогда*? Вспомнились спирали искр, уносящиеся в ночное небо...

Рыдания стиснули ей горло.

Жанна медленно брела к дому Анри Ле Руайе, и слезы бежали по ее щекам. Ради кого же она шла отвоевывать Францию?

Отдаленный звук колоколов...

Или просто перезвон, доносящийся из кузницы?

Жанна остановилась, вытерла огненные слезы, развернулась и направилась в маленькую часовенку вокулерской церкви, которая находилась в полуподвальном помещении... Там никто не мог видеть ее. Пав ниц перед статуей Девы Марии, она молилась и рыдала, и вместе с утешением ей пришел и ответ.

...Медленно шагала она по улицам, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

Она направлялась освобождать Францию ради Всего, что Франция была готова дать своим детям.

1429. Крепость Вокулер. Дом Анри Ле Руайе

— Вот скажи мне, Жанетта, — Катерина Ле Руайе заканчивала сматывать последний моток пряжи на завтрашнюю продажу. — Если действительно тебя послал Господь... Поверь, девочка, мне очень хочется, чтоб все было, как ты говоришь... Так вот, если тебя послал Господь, почему же Он не подал де Бодрикуру некий знак, чтобы Робер мог отличить тебя от массы проходимцев, которые требуют с ним встречи ежедневно. Думаешь, мало таких?.. О-хо... — улыбнулась она. — Начиная от пастухов-предсказателей, которым были «видения» от ангелов, и заканчивая поддельными священниками, которые предлагают купить для местного собора мешочек земли с того самого места, где был распят Иисус... Знаешь, милочка, сколько их — жаждущих испить из крепостной казны?.. Так вот, Жанетта, ты, конечно, не обижайся на старую и больную женщину, но лучше объясни ей, почему Бог не послал вместе с тобой Ангела?

— Со мной пришло два Ангела, да что толку, если мсье Бодрикур не смог

увидеть их? Неужели вы думаете, что я могла бы пройти через все унижения, которым меня подвергли солдаты, если бы меня не поддерживали мои Голоса? Ангелы вообще часто ходят среди христиан, и я буду звать их на помощь, пока буду жива.

Тихо шуршала нить, которую наматывала Катерина.

— Неужели вы думаете, — продолжала Жанна, — что, когда Бог хочет что-то сделать, Он должен Сам спускаться с Небес? Но зачем тогда мы, люди? Зачем наши силы и наша вера? Если каждый раз мы будем ждать чудесного спасения и Божественного вмешательства, кто из нас сумеет войти в Царство Небесное? Если все мучения и испытания мы оставим Воинству Божественных Ангелов, зачем тогда мы нужны в Царствии Его? Даже если мне придется ежедневно ходить к де Бодрикуру, я не усомнюсь в том, что Господь рядом со мною и что великая Воля Его направляет стопы мои в направлении истинном.

...Тихо шуршала шерстяная нить.

1429. Крепость Вокулер. Рыночная площадь

— Катерина... а, Катерина... скажи... а та девушка, что поселилась у тебя, она что, не в своем уме?.. Говорят, что она ходила к коменданту и сказала о себе как о посланнице самого Царя Небесного... Говорят, что она просит солдат в сопровождение, чтобы ехать в Шинон к дофину... Говорят, что она хочет, чтобы дофин поставил ее во главе воинства французского... А еще говорят...

— А ну-ка, Антуанетта, — набрала в грудь воздуха Катерина Ле Руайе. — А ну-ка, иди отсюда, пока жива-здорова. Моя Жанетта — Божий Дар нам, грешникам, ниспосланный от Сердца Христова. Она меня от смерти спасла: прочитала надо мной молитву — и смерть ушла, хотя я уже со светом белым прощалась. Что думаешь — умалишенная сможет такую веру иметь, чтобы хвори одним словом изгонять? Или скажешь, сильно Бодрикуру веришь? Что он говорит — тебе всегда указ? Может, и указ человеческий, да только не Божий!!! Неужто ты, Антуанетта, думаешь, что, когда Посланник Божий по миру проходит, у него над головой нимб сияет и за ним цветы распускаются, чтобы такие вот, как Бодрикур, с одного взгляда его узнали? Что ж, дорогая моя, люди Христа-то распяли, коли все так просто? А ну, иди отсюда, Антуанетта, и шерсть покупай где-нибудь в другом месте! Не продам более ни единого мотка тому, кто Божие Чадо хулить будет!

Прочь от меня!!! Прочь!!!

1429. Крепость Вокулер. Часовня замка

— О Господи... О Господи Праведный... Прости им... ибо не ведают, что творят... Укрепи их в понимании, дай им сил и мудрости признать Волю Твою... Научи их видеть, что спасение Франции приблизилось, научи их понимать посланника Твоего... Научи их верить тому, кто отдает свою малую жизнь Тебе во служение... И меня научи быть смиренной в терпении... научи верить Тебе без остатка...

12 февраля 1429. Крепость Вокулер. Дом Анри Ле Руайе

Жанна, схватив в руки оглоблю, яростно орудовала ею, словно копьем, нанося удары в припорошенные снегом доски во дворике дома Анри Ле Руайе.

...— Что с ней? — выглянул из окна Анри.

— Ничего! — одернула его за рукав Катрин. — Чего таращиться, старый?! Снова ее Бодрикур на смех поднял. Что за дурак, а не комендант... Ну где его ум, нешто вышел весь, где вера его?.. Как же оно у людей-то бывает...

— Что бывает? — не понял Анри.

— А то, что сегодня смеются над тем, кому завтра молиться будут.

Анри некоторое время удивленно смотрел на жену.

— Катерина... ты что, ей на самом деле веришь?..

— А ты думал, что я это просто перед людьми оправдываюсь? Не в чем мне перед ними оправдываться — все, что думаю, то и говорю промеж глаз, и за пазухой ничего не оставляю.

Катерина строго осмотрела своего супруга, а потом покачала головой, вздохнула и сказала:

— Да ты во двор выгляни, старик мой непутевый... Где ж это видано, чтоб простая крестьянка так оглоблей орудовала? Неужто в руках у нее оглоблю видишь? Я, к примеру, вижу копье. А церковники наши что говорят? Жанна часами молится в замковой часовенке за спасение Франции, молится о дофине нашем, молится о защитниках орлеанских, молится даже о бургундцах и англичанах — чтобы Всемилостивый наставил их на путь истинный и вернул им утраченный разум. А когда молится, то плачет с такой болью, что священники крестятся со страху... До сих пор не могут договориться между собой — считать ее одержимой или святой. А один раз, как молилась, так кричала даже от боли. Мне потом рассказывала, что стыдилась себя... плакала о том, что недостойна нести такой великий Крест; а когда Ангелы пришли утешить ее, то вдвойне ей стало больно оттого, что в Вокулере застряла. Думаешь, простой человек на такие мучения способен? Да мы с тобой давно уже сломались бы, давно отреклись бы и от себя, и от веры своей — только б спокойные деньки вернуть да от боли поизбавиться. Я вон, дура старая, как обхитрят меня на рынке, так места не нахожу: все горюю о том, сколько вечеров да трудов в чужой карман положила. А девочка эта святая... ты посмотри на нее внимательно, старый... Она же не дни и вечера, она же всю жизнь свою на алтарь Франции несет. Ну, да ничего, недолго осталось ждать-то. Сегодня с утра Жанна говорила, что ей было видение о «великой боли», которую обретет дофин под стенами Орлеана... Она собиралась рассказать об этом нашему коменданту... Осталось подождать немного, пока вести не дойдут сюда и слова Жанны не подтвердятся[15].

Старик внимательно смотрел во двор, где обессилевшая Жанна наносила последние удары.

---

[15] “This is said to have been on account of the impression produced on him by Jeanne's prediction, on February 12th: ‘Today the gentle Dauphin has had a great hurt near the town of Orleans, and yet greater will he have if you do not soon send me to him’...” [5]

— А что ж она злобится-то? Не по-божески это как-то.

— А я и не говорю, что она Бог, — покачала головой Катерина. — Но и не человек она уже, Анри. Она сильнее, чем человек, она вернее, чем человек... она чище.

...Во дворе Жанна обессиленно рухнула на снег и зарыдала.

...Она выходила из дома, направляясь в часовню, когда, словно из-под земли, перед ней возник Жан де Новеломон. Его лицо было бледно, глаза чуть не выпрыгивали из орбит от изумления.

— Жанна... Жанна... — пробормотал он. — Я шел проведать тебя, но услышал, как что-то бьется за забором... Я заглянул... я не подсматривал... я просто...

— Никому не говори о том, что увидел, — перебила его Жанна и пошла дальше.

— Но, Жанна... как же это? — рыцарь семенил за нею следом, пытаясь заглянуть в глаза. — Как же это, Жанна?.. Я ведь и сам не умею так с копьем обращаться.

Жанна остановилась, резко развернулась к рыцарю и крепко схватила его за руку.

— Ты ничего не видел, понятно?!!

— П... понятно, — пробормотал Жан, заикаясь.

— Вот и хорошо, — ответила Жанна и со слезами на глазах побежала к замковой часовне.

Жан де Новеломон побрел за ней. Он ждал у часовни почти пять часов.

1429. Крепость Вокулер. Робер де Бодрикур

— Бертран, только не говори мне, что это снова она, — тяжело вздохнул комендант, видя заходящего к нему капитана.

— Это снова она, мсье.

— Черт подери эту девчонку!!! — Робер де Бодрикур с силой ударил кулаком по подлокотнику кресла.

— Поосторожнее, мсье... — вошедший взглядом указал на окна зала.

За окнами был слышен многоголосый гомон людей, которые теперь везде сопровождали Жанну.

Лицо де Бодрикура потемнело.

— Не говори мне, что и ты веришь всей этой чуши!

Капитан едва заметно усмехнулся.

— Тогда не буду.

— Что не будешь? — не понял его комендант.

— Не буду говорить, что я верю всей этой чуши.

Робер де Бодрикур некоторое время пристально изучал своего капитана, а потом сказал холодно:

— Бертран... ты служишь мне уже больше десяти лет. Я знаю тебя как весьма рассудительного человека. Поэтому я дам тебе возможность убедить меня одним-единственным аргументом.

Капитан так же долго смотрел на своего командира, а потом улыбнулся ему и ответил:

— Мсье де Бодрикур, я ведь тоже знаю вас немало... Это дало мне право и привилегию изучить вас. Вы не поверите тому аргументу, который я приведу.

Комендант Вокулера поднялся на ноги и принялся мерить зал быстрыми шагами. То и дело он проходил мимо Бертрана де Пуланжи, бросая на него колкий, испытывающий взгляд.

— Я слышал, — сказал де Бодрикур наконец, — что люди устраивают паломничества к дому, где она остановилась.

— Это так, мсье.

Бодрикур опять некоторое время ходил молча.

— Ты тоже бывал там?

— Бывал, мсье. Неоднократно.

Робер остановился напротив капитана и властно взял его за плечи.

— Бертран... забудь о том, что я твой командир. Забудь о том, что мои приказы то и дело заставляли тебя страдать, когда приводили к гибели твоих товарищей. Помни только тот ад, через который мы прошли вместе. Ради этого, что держим мы в сердцах, скажи мне: кто есть Жанна?

Бертран спокойно выдержал взгляд де Бодрикура и, в свою очередь, положил руки ему на плечи.

— Робер, — сказал он тихо. — Я не смогу дать тебе точного ответа. Я не знаю, Ангел ли Жанна. Зато я уверен, что она верный солдат Господа. Никогда и ни в чьих устах не слышал я такой страсти, такого пламени, такой непоколебимой веры... и такого милостивого прощения. Помнишь ее первый визит, когда мы подняли ее на смех? *Как* я жалею о том, что сказал тогда... Ведь мы осмеяли Святую.

— Бертран! — одернул его Робер и снова принялся метаться по залу. — О чем ты говоришь?! Многие люди видели, как она билась во дворе дома чуть ли не в истерике!..

Капитан лишь тихо вздохнул в ответ.

— Как ты думаешь, Робер, — заговорил он, — неужели святость заключается в том, чтобы тихо и внятно разговаривать и никогда не терять самообладания? Не так ли разговариваешь с теми, кто тебе безразличен?.. Когда я пришел к дому Анри в первый раз, она сразу узнала меня, вспомнила, что я был среди тех, кто смеялся над ней... И что думаешь? Она все поняла — все то раскаяние, которое переполняло мое сердце. И она сказала мне ласково: «Прошлое — в прошлом», а затем пригласила войти. Ты бы так смог? Я — нет... Знаешь, Робер... после встречи с этой девушкой я начинаю обретать покой: если она, пришедшая к нам *человеком*, так милостива — какова же милость Всевышнего?..

Комендант Вокулера долго смотрел в стену, и желваки играли на его скулах.

— Ты пойдешь с ней, если она позовет?

— Хоть на край света, — улыбнулся Бертран.

— Ты пойдешь, даже если будешь знать, что я направлю вслед отряд солдат с приказанием повесить тебя как дезертира?

Капитан подошел к Роберу и с улыбкой посмотрел ему в глаза.

— Милый Робер... Ты грозишь мне мучениями смертной плоти, в то время как начал я приобщаться к свету Духа бессмертного. Если ты снарядишь солдат, я встану на тропе и буду сражаться до тех пор, пока Жанна не окажется в безопасности. И потом, когда меня будут вешать, я постараюсь не злиться на тебя, ибо смерть — не такая уж и великая цена... за то, что был я слеп, но теперь прозрел.

— Бертран!!! — закричал комендант. — А если окажется, что эта девушка — ведьма, которая заколдовала вас всех?!!

Капитан лишь улыбнулся в ответ.

— Если называешь ведьмой ее, то мы достойны зваться лишь слизняками. Каждый из нас думает о себе, но она — лишь о благе нашем. Поговори с ней, Робер. И попробуй услышать ее... Не себя, Робер, — ее.

1429. Крепость Вокулер

— Жанна... Жанна... это правда? — бежал к ней Жан де Новеломон, который уже долгое время просил называть себя Жан Мецкий, словно старого приятеля. — Он дал тебе солдат? О, славься Господь и все святые Угодники!!! Он дал тебе солдат!!!

Жанна устало улыбнулась рыцарю, на глаза которого навернулись слезы.

— Слушайте все!!! — обернулся Жан де Новеломон к стоящим под окнами коменданта людям. — Робер де Бодрикур дал Жанне солдат!!! Мы едем в Шинон!!!

...— Жанна, милая, когда мы выезжаем? — спросил он, чуть погодя, хотя от криков ликующей толпы почти ничего не было слышно: весь Вокулер пришел ожидать решения коменданта.

— Лучше сегодня, чем завтра... — начала Жанна.

— И лучше завтра, чем послезавтра, — договорил за нее де Новеломон.

...— Ты поедешь так? — спросил во время сборов Мецкий, имея в виду женское платье Жанны.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — сказал Бертран де Пуланжи, который был откомандирован комендантом Вокулера в сопровождение Жанны.

— Я переоденусь пажом, — ответила Жанна, присаживаясь на стул. — Господь давно уже указал, как все должно свершиться.

Она откинулась на спинку и прикрыла веки: усталость беспощадно навалилась на нее именно теперь, когда первая победа была одержана. Ей показалось вдруг, что с момента ее появления в Вокулере пролетело не две недели, а целая жизнь. Теперь же время медленно струилось мимо.

...В покоях капитана люди, избранные для сопровождения, поклялись, что доставят Жанну к дофину в целости и сохранности[16].

---

[16] "Robert de Baudricourt required those who escorted me to swear to conduct me well and safely..." [2]

...На выезде из крепости процессию из семи человек ожидал сам комендант. Он критически осмотрел Жанну, кивнул ей и протянул рукоятью вперед один из своих мечей.

— Ну что же, езжай. И да свершится, чему до́лжно[17].

1429. Аббатство Сент-Урбан

Мерно стучал по крыше дождь, перемешанный со снегом...

Сопровождающие Жанну крепко спали.

А Жанна парила в полудреме...

Лунный свет лился в окна аббатства, словно был кристально чистой водой.

Совсем скоро маленькому отряду предстояло въехать на территорию, где господствовали англичане. Совсем скоро им предстояло уравновесить осторожность и устремление, успокаивая колебания весов знанием Плана. Совсем скоро им предстояло преодолеть полный опасностей путь, чтобы выйти к началу пути нового... не менее опасного.

А пока была ночь.

И мерно стучал по крыше дождь, перемешанный со снегом.

1429. Дорога I

Лесные тропы неслись мимо, они струились, словно весенние ручьи, сливались друг с другом, перетекали одна в одну и часто растворялись в чаще леса без следа. Еще не покрытые листвой ветви деревьев наотмашь хлестали всадников по лицам, а взмыленные кони безумным ржанием отвечали на малейшие прикосновения шпор.

...— Жанна, нужно остановиться, лошади больше не выдержат!..

— Жан из Меца, скачи молча. Если не можешь выдержать ты, тогда останавливайся. Дорогу назад найти сумеешь. А мы не остановимся — до рассвета осталось совсем немного.

— Жанна, — взмолился де Новеломон, — да луна еще не зашла!

— Ну и что?!! Неужели луна тебе мешает скакать?

— Боже, Жанна!!! Такого я еще не видел!

— Дальше увидишь и не такое! Как ты не понимаешь, Жан?! Нужно, чтобы в урочный час я была у дофина, даже если придется стереть ноги до колен! Потому что никто на свете — ни короли, ни герцоги, ни шотландская принцесса — не смогут спасти французское королевство. Это должна сделать я. Я предпочла бы прясть возле матери!!! Но это от меня не зависит!

...— Дорогая Жанна... — Жан де Новеломон подошел к девушке во время привала, когда восходящее солнце уже разогнало ночной мрак. — Может, не стоит так спешить? В любом случае, мы успеем в Шинон к марту.

Жанна сидела, прислонившись спиной к древнему дубу, и смотрела мимо рыцаря, который присел рядом. На мгновение тому показалось, что девушка

[17] Во многих переводах звучит как «И будь, что будет».

выглядит очень усталой и истощенной, но потом Жанна заговорила, и наваждение спало.

— Дорогой мой Жан, — сказала она. — Март, названный тобой, является крайним сроком, в который мы должны уложиться — живые или мертвые. Если мы не поспеем к марту, Орлеан не выстоит, и англичане прорвутся за Луару. Все могло быть иначе, если б не то жуткое девятое февраля...

Жан нахмурился, пытаясь понять, о чем говорила девушка...

Девятое февраля... Жанна все еще была в Вокулере, де Бодрикур все еще насмехался над ней. Хотя... да, Жан вспомнил, что действительно была граница, которая разделила пребывание Жанны в Вокулере на две половины. Были дни, в которые над Жанной еще смеялись, но потом... Жанна каким-то образом сумела убедить коменданта. Было ли это девятое февраля, Жан не помнил. Он хотел спросить об этом, но встретился со взглядом девушки и застыл, словно громом пораженный: никогда он не видел еще столько боли в человеческих глазах.

Невольно волна ужаса стиснула его сердце. Он почувствовал, что удар этот будто продавил его сознание — так прогибаются замковые ворота, в которые врезается таран. Далекие отзвуки долетели до его слуха... звон стали... свист стрел. О, какой жуткий свист стрел... и крики... крики вокруг.

Жан де Новеломон безвольно сидел перед Жанной и не мог отвести от нее своих глаз.

...Где этот граф... где эта дубина Клермонская?..

...Дюнуа, будь поосторожнее с необдуманными высказываниями по поводу французской знати...

Словно и не в лесу сидел Жан де Новеломон, бедный бродячий рыцарь, в тот момент... Словно стоял он на окраине поляны, раздраженно глядя вперед... Словно и не собой был он.

...— Да будет тебе! — говорил он своему другу, который стоял справа. — В десять часов мы могли раздавить обоз англичан, захватить продовольствие, перебить солдат и отступить в Орлеан! Но нет, Клермон скомандовал не начинать атаки без него... Новопосвященному вояке захотелось скорых побед!.. Посмотри!!! Посмотри на англичан теперь!!!

Жан из Меца словно внутри своего сознания увидел дугу из возов, за которой укрылась конница англичан, увидел английских копейщиков, которые на скорую руку сооружали заграждение из кольев, и английских лучников, с готовностью ожидающих атаку французов.

— Посмотри на англичан теперь! — кричал граф Дюнуа своему боевому соратнику Ла Иру[18]. — Посмотри! Это уже не обоз, но просто форт Турель какой-то!!! Уже два часа пополудни, а от Клермона ни единой весточки, кроме

[18] «Считалось, что прозвищем он обязан своему необузданному характеру, так как Гир (hire) означает "гнев". Это был человек свирепый и вспыльчивый: англичане в насмешку называли его "святой гнев Божий" или "гнев Божий", но только издали, не осмеливаясь приблизиться к нему!». Часть II. «Действующие лица». [8]

безумного приказа не вступать в бой! С меня хватит ожидания! Я командую наступление!..

— Послушай, Дюнуа... — попытался успокоить его Ла Ир. — Время для атаки упущено, черт его дери. Ты прав, нам стоило атаковать с ходу — как только мы увидели растянувшийся обоз, так и надо было рубить их в ошметки. Но теперь другое дело, Дюнуа. Англичане укрепились, и их лучники готовы расстрелять нашу пехоту. Теперь поздно, Дюнуа... Послушай меня: наш единственный шанс — дождаться-таки этого новоиспеченного рыцаря и ударить с двух сторон.

Дюнуа бешено вращал глазами, то и дело переводя взгляд с английского обоза на Ла Ира, а потом обратно на обоз.

— А если этот остолоп Клермонский не придет вообще?!! — заорал он наконец. — Что ж мы так и отступим в Орлеан, хвосты поджав?!! Трубить атаку!!! — заорал он горнисту. — Шотландцев вперед! Пехота!!!

...Сено...

Сено...

Сено-солома-сено[19] *...*

Копье наперевес... Лагерь англичан, словно наколотый на острие.

...— Остановись, Дюнуа!!! — тряс его за плечи Ла Ир. — Шотландцев ты уже не вернешь, не укладывай же под стрелы других!

— Гасконская рота!!! — орал Дюнуа несвоим голосом. — Гасконская рота — ВПЕРЕД!!!

...— Кавалерия!!! — Дюнуа вскочил в седло. — За мной!!!

— Да уж, дорогой Дюнуа, — мрачно усмехнулся Ла Ир, взбираясь на лошадь. — Это сражение точно войдет в историю.

— ВПЕРЕД!!!

...— Пехота, стоять!!! — кричал Ла Ир, когда захлебнувшаяся атака конницы откатилась на исходную позицию. — Держать строй!!!

Стонал раненый в бедро Дюнуа...

Английская кавалерия неумолимо надвигалась, но Ла Ир каким-то непонятным чутьем вдруг осознал, что, несмотря на их утреннее невезение, пехота выстоит и остатки войска сумеют вернуться в Орлеан.

А граф Клермонский так и не вступил в сражение. И «бой селедок» состоялся девятого февраля без его участия.

1429. Дорога II

Лесные тропы неслись мимо, они струились, словно весенние ручьи.

— Жан! — Бертран де Пуланжи догнал Новеломона. — Жан, лошади не выдержат...

---

[19] На тренировках копейщикам-крестьянам (которые не знали, где «право» а где «лево») к одной ноге привязывали пучок сена, а к другой — соломы, чтобы научить их ходить строевым шагом.

— Бертран! — во все горло кричал ему Мецкий. — Лучше бы лошадям выдержать! Иначе нам придется нападать на англичан и отбирать лошадей у них. Судьба не лошадей поставлена на кон, но Франции! Впереди полноводная река, Бертран, а Жанна уже на другом берегу. Не посрамим же честь рыцарскую!!!! Догоняем ее!!!

1429. Деревня Сент-Катрин-де-Фьербуа, 20 миль от Шинона

Жанна без сил сидела за столом, положив голову на руки. У нее было всего полчаса до того, как вернется Бертран. Усталость ломала сознание и стремилась затянуть ее в водоворот снов. В голове было пусто, обрывками мыслей мелькали строки письма, отправленного дофину.

«Дражайший дофин...[20]

Посылаю весточку о том, что изнурительный путь почти завершен, и сто пятьдесят лье[21] *позади, и я уже близко, и близка Помощь Господа моего. Молю принять меня, как только я прибуду, потому что дела наши не терпят отлагательства. Ваше стремление быть королем в своем королевстве вырастило крылья за моей спиной, и крылья эти почти уже принесли меня к Вам. Мы сроднены светлой мечтой о том, что у Франции должен быть законный король. Мы сроднены настолько, что я готова узнать Вас не только на престоле, но и стоящим среди других людей... потому что среди многих людей есть лишь один Король.*

Понимаю Ваше смущение и нерешительность от моих слов, но заверяю Вас, что все это обернется прахом, когда предстану я пред Вами и дам Знак Тайный, который отделит Вашу нерешительность от Вас...

Вы станете королем Франции, и все, что смогу, я принесу в жертву этому Свершению.

Ваша Дева Жанна».

---

[20] Как утверждают хронисты, настоящего текста письма не сохранилось. Я воссоздал его на свое усмотрение с учетом показаний, которые Жанна дала об этом письме на Руанском процессе.

Некоторые историки полагают, что было отослано не одно, а несколько писем, причем отосланы они были уже после того, как Жанна покинула Сент-Катрин-де-Фьербуа... Об этом говорит и английский текст протоколов: "Yes, and I heard there three Masses in one day. Afterwards, I went to the Castle of Chinon, whence I sent letters to the King, to know if I should be allowed to see him; saying, that I had traveled a hundred and fifty leagues to come to his help, and that I knew many things good for him..." Четвертый публичный допрос. [5]

Другие историки придерживаются мнения, что было отослано одно письмо и что отослано оно было именно из Сент-Катрин-де-Фьербуа: "In her testimony at the Condemnation trial, Joan of Arc mentioned sending a letter to Charles VII from the town of Ste-Catherine-de-Fierbois after she arrived there in early March 1429. She said the letter asked for permission to come to Chinon (location of the Royal Court), and predicted that she would be able to recognize Charles..." и далее. Комментарии к письму, написанному из Сент-Катрин-де-Фьербуа. [4]

Воссоздавая послание Жанны, я принял сторону тех историков, которые говорят об одном письме.

[21] Лье — старинная французская единица измерения расстояния. Сухопутное лье равно 4445 метрам, морское — 5565 метрам.

1429. Шинон. Постоялый двор [22]

Семь шагов. Семь шагов.

Семь шагов. Семь шагов.

От одного забора до другого. От одного забора до другого.

«Скорей же, ну скорей!!!

Жан-Бертран... Жан-Бертран... где же вы, где же вы?..»

— Девочка, ну что ты мечешься?.. — усталый голос владельца постоялого двора.

Жесткий взгляд на него... и раскаяние: «Что же я делаю? На кого смотрю злобно?.. Не на тех ли, кого пришла спасать?..»

— Прости, отец, — пала Жанна перед ним на колени. — Прости, прости, прости...

Старик осмотрел ее непонимающе и чуть испуганно, пожал плечами и пошел поскорее внутрь таверны. «Бесноватая», — пронеслось у него в голове.

«Да что же это?.. — металась по двору Жанна. — Посланники, где вы?.. Что ж не возвращаетесь вы из замка?..»

Семь шагов. Семь шагов.

Семь шагов. Семь шагов.

«Уж и солнце поднялось в зенит, а от вас ни весточки».

— Ты будешь Жанна, которую называют Девой из Лотарингии? — донеслось от ворот.

Жанна замерла на мгновение, а потом бросилась в ноги священнику, присланному из замка, чтобы поговорить с ней.

— Я, отче, я... — шептала Жанна, прижавшись к его ногам. — Я пришла... я пришла... Пусть же дофин примет меня, ведь несу ему Послание от Царя Небесного.

Священник смотрел на нее со смешанным чувством удивления и неприязни.

— Давай пройдем в дом, — поднял он ее с колен, — и поговорим об этом... послании.

— Нет!!! — громко крикнула Жанна и опять упала на колени перед священником. — Времени так мало! Возьмите меня с собой ко двору, и по дороге я расскажу вам все, что смогу...

— Да что же ты, дочь моя, подымись с колен! — не сдавался священник.

Жанна поднялась, вытирая слезы на лице.

— Нам нужно спешить, отче... Нам нужно очень спешить, потому что я должна была приехать в Шинон раньше, но неверие человеческое задержало меня в пути... Теперь нельзя терять ни минуты.

— Что за послание ты несешь для дофина Карла? — спросил священник.

— Простите, отче, но об этом я могу рассказать только самому дофину.

---

[22] “She arrived in the city at noon around March 4th and found a place to stay in a local home. It had been her intention to meet immediately with the Dauphin, but she was made to wait for two days...” и далее. [2]

— Хорошо, но хотя бы покажи мне это послание, дабы я мог лично удостовериться, что оно действительно передано тебе из рук Царя Небесного.

— Ну как же я покажу вам Послание, если Оно — в сердце моем и ключ дан лишь дофину?..

Священник раздраженно поморщился.

— Спутники твои утверждают, что ты свидетельствовала о двух заданиях, которые поручены тебе Царем Небесным. Ты можешь рассказать о них?

Жанна задумалась, а потом ответила тихо:

— Могу... но вы не поверите, и лишь дофин поверит, когда я покажу ему Тайный Знак и открою Послание, запечатанное в моем сердце... ибо Царь Небесный поручил мне снять осаду с Орлеана и привести дофина к миропомазанию в Реймсе[23].

Священник некоторое время смотрел на нее в немом изумлении, а потом подобрал полы рясы и быстрым шагом направился к своей повозке.

«Ни в коем случае не принимать ее, — пронеслись в голове Жанны отголоски мыслей священника. — *Ни под каким предлогом не доверять этой бесноватой...»*

...Вечером вернулись Жан де Новеломон и Бертран де Пуланжи.

Жанна сидела возле окна в комнате, которую они снимали, но как только скрипнула дверь, вскочила на ноги и бросилась к своим друзьям. Оба прятали от нее взгляд.

— Неужели все так плохо? — со слезами на глазах спросила Жанна.

— Нет, что ты... — сказал Жан, однако голос его был сер и печален. — Весь двор взволнован твоим прибытием. Многие искренне хотят, чтоб ты встретилась с дофином, но сейчас это решает церковь.

— Да чего тут решать! — Жанна ударила кулаком по столу. — Как могут они так тянуть время, когда на счету каждая минута?.. Если бы только дофин принял меня сегодня, — девушка метнулась к окну и с болью в глазах посмотрела на садящееся солнце, — то завтра мы уже готовились бы к походу. Орлеан ждет, и французы гибнут, а они решают, принимать ли Посланницу или отвергнуть Пославшего ее...

— Тише, Жанна, — попытался успокоить ее Бертран. — Вот увидишь, завтра тебя примут и армия начнет готовиться к походу... Все будет отлично: ведь не для того мы проделали такой огромный путь, чтобы упустить последние сроки... Все образуется, Жанна... все обязательно образуется.

1429. Шинон. Постоялый двор. День второй

Семь шагов. Семь шагов.

Семь шагов. Семь шагов.

От одного забора до другого. От одного забора до другого.

«Скорей же, ну скорей!!!»

---

[23] "She was then asked why she had come. She replied, 'I have come in the name of the King of Heaven to raise the siege of Orleans, and to bring the King to Rheims for his coronation and anointing'..." и далее. [2]

1429. Шинон. Постоялый двор. День третий

— Жанна! Жанна!!! — топот ног на лестнице.

— Жанна! — распахнувшаяся дверь в комнату. — Он примет тебя!!! Он примет-примет-примет тебя, — Жанна кружилась в объятиях де Пуланжи, а Новеломон радостно смеялся и говорил, говорил, говорил без умолку.

— Сначала он хотел, чтобы с тобой поговорили клирики, но клирики до сих пор дерутся между собой и ничего не могут решить. Одни говорят «да», другие говорят «нет», третьи говорят «возможно», и все это в один голос, так что понять никого нельзя... В этой какофонии лишь голос жены дофина звучал твердо. Мария Анжуйская сказала дофину, что чем больше он медлит с приемом, тем меньше будет понимать его народ. Жанна, о тебе идет молва по всей Франции!!! После Вокулера твое имя известно каждому!

— В моем имени нет ничего необычного, — Жанна прервала Новеломона и высвободилась из объятий Бертрана. — Я не сделала для моей Родины еще ровным счетом ничего. Пусть люди говорят о делах, но не об имени...

— Значит, завтра, — устало вздохнула она, села на кровать и вдруг заплакала.

«Слава тебе, Господи...» — донеслось до рыцарей.

1429. Шинон. Парадный зал замка

Вечерний зал был темен, пламя факелов наполняло его миллиардами колышущихся теней.

Придворные настороженно расступались, освобождая проход. Они с любопытством разглядывали смущенную семнадцатилетнюю девушку, стоявшую в дверях, и вполголоса перешептывались друг с другом.

Жанна изо всех сил старалась сохранить спокойствие, хотя всеобщее внимание было очень тягостно — ей казалось, что огромный камень лежит у нее на груди.

— Жанна из Лотарингии, именующая себя Девой, — объявил о ее появлении церемониймейстер.

Из дверей, где стояла Жанна, был виден весь зал, были видны придворные, был виден трон, на котором сидел... Жанна поморщилась... зачем они так?.. Ведь дофина определяет далеко не место, на котором он сидит.

Решительно направилась она сквозь толпу к очагу света, который не видел никто, кроме нее.

— Мой король, — опустилась она на колени.

Толпа изумленно ахнула и подалась в стороны так, что они с дофином оказались в центре.

— Я именована Девой Жанной, и Царь Небесный посылает вам весточку через мои уста. Приходит уже время вашего миропомазания, время, когда вы примете на себя великую честь стать доверенным лицом Царя Небесного, который является также и Королем Франции.

Дофин был изумлен не меньше других... Некоторое время он не мог вымолвить ни слова.

— Я... еще не король, — сказал он в конце концов.

— Для Франции — может быть, — ответила ему Жанна. — Но не для меня. Господь мой говорит, что вы истинный сын своего отца и корона Франции принадлежит вам по праву.

Толпа еще раз ахнула.

— Где мы можем поговорить наедине?.. — продолжала Жанна, не обращая на других людей внимания.

Дофин снова замешкался: полагая, что Жанна не сможет узнать его, придворные даже не подготовили комнату для разговора.

— Почему бы вам не поговорить вот здесь? — выступила из толпы жена дофина, принцесса Мария, и указала на одну из ниш в стене, где стояла скамейка.

...— Итак, — несмело улыбнулся дофин. — Как ты меня узнала?..

Все присутствующие в зале следили за ними, не отрывая взгляда... Каждое их движение отмечалось сотнями глаз. Благо, что их негромкий разговор люди слышать не могли.

— Царь Небесный указал на вас, сир... Призывая меня на подвиги, Он предусмотрел, чтобы подвиги были выполнимы.

Дофин в замешательстве отвел взгляд.

— Ты говорила, у тебя есть Послание и что ты несешь Знак, чтобы убедить меня. Говори, я жду.

— Послание такое, — Жанна смотрела дофину прямо в глаза, и, встретившись с ее взглядом, Карл понял вдруг, что не смотреть на нее он уже не может. — Вы, Карл VII, дофин Франции, доверите мне, Деве Жанне, которую позже назовут Орлеанской Девой, французскую армию, и я сниму осаду с Орлеана. После я направлюсь в Реймс, освобождая от англичан города и крепости, которые находятся по пути. Я изгоню англичан из Реймса и подведу вас к алтарю собора, где вы будете коронованы во служение Франции.

Жанна чуть помолчала, переводя дыхание.

— Это и есть Послание о Двух порученных мне подвигах, — сказала она, немного погодя. —Теперь Знак. Корона Франции при мне... в моем сердце... в моих стремлениях. Та корона, которую возложат вам на голову в Реймсе, является лишь перекованным куском золота. Настоящая корона, подтверждающая ваше неоспоримое право на престол, — во мне. А доказательство моих слов вот, — и Жанна протянула ему свою правую руку ладонью вверх.

На ладони, в самом ее центре, был виден шрам в форме миниатюрной короны. Дофин, не понимая, посмотрел на шрам, на Жанну, а потом спазм боли стиснул вдруг его сердце. Пронзая годы, долетело из прошлого дребезжание тетивы арбалета, вспыхнула вновь повисшая в воздухе стрела... Только теперь, многие годы спустя, Карл увидел и ладонь, в которую эта стрела вонзилась. Карл задрожал вдруг, словно оказался на морозе, а миниатюрная корона на ладони Жанны начала светиться слепящим белым светом, словно вырезанная на куске пергамента, которым закрыли солнце.

Г. ЛЕМНЕЗ

Свет пульсировал, с каждым ударом выбрасывая из себя сотни лучиков... И сияние собралось вдруг над ладонью Жанны и обратилось величественной Короной, которая словно парила в воздухе. Корона по форме напоминала лилию, и сотни драгоценных камней украшали ее. А потом свет погас, и вновь остался лишь шрам на ладони.

— Та же Рука, которая спасла тебя, — сказала Жанна, преклоняя колени, — возведет тебя на престол.

Лоб дофина покрыла испарина, дыхание сбилось, он хотел броситься прочь, но Жанна удержала его и вновь присела рядом.

— Отдышись, мой король... Ведь ты удовлетворен Знаком?

Карл помолчал немного, а потом, едва справляясь с собою, кивнул.

— Ты... тоже была там?.. — спросил он тихо. — В ту ночь, когда... когда...

Жанна улыбнулась краешками губ.

— Я... так... — бормотал Карл, — тогда я так... было так... страшно.

— Мне тоже, — прикрыла глаза Жанна. — Мне и сейчас страшно, Карл. Но нам с тобой нужно победить страх... Ведь Францию не спасет никто, кроме нас.

— Но почему, — подался вдруг вперед дофин,— почему?!! Ты же... получается, ты была *Там*, ты говорила с Царем Небесным... Почему Он не посылает Ангелов с огненными мечами, чтоб англичане в ужасе обратились в бегство?!!

— Он посылает, — улыбнулась в ответ Жанна. — Просто, когда Ангел сходит с Небес, огненный меч обращается пламенным сердцем. Ведь не я спасла тебя в ту далекую ночь... Я была лишь щитом в руке Царя Всего Мира.

Дофин смотрел на нее, и вдруг — всего на мгновение — он увидел, как мир потух, словно свеча, на которую набросили кусок ткани... а Жанна воссияла перед ним ослепительным светом. Казалось, что каждый атом ее тела пылает, а за ее спиной... — дофин ахнул — это были не те крылья, которые можно увидеть на фресках храмов... но это однозначно были крылья. Два сияющих луча уходили вверх и в стороны от оплечий Жанны... Удаляясь от тела, они словно растворялись в окружающем сумраке, но возле плеч они горели так ярко, что в пламенном сиянии терялись черты ее лица.

Дрожащей рукой дофин вытер со лба пот... Мир вернулся, исчезли крылья... Жанна вновь стояла перед ним коленопреклоненная.

— За то, что ты говоришь, тебя могут сжечь на костре... — дофин сглотнул. — Даже если все это правда.

Он немного помолчал, а потом снова вытер пот со лба.

— Завтра, после врачебного освидетельствования, я должен передать тебя в руки церкви, чтобы они установили истинную природу твоих видений.

Дофин дрожал, словно в лихорадке.

— Я... верю тебе, но они...

— Они тоже поверят, — постаралась успокоить его Жанна. — Царь Небесный сумеет сделать так, чтобы они поверили.

Дофин долго смотрел на нее, а потом положил руку ей на плечо.

— Я буду молиться за это.

...— Карл... — изумленный герцог Алансонский подбежал к дофину, как только Жанна вышла из зала. — Ты это тоже видел?.. Ты видел за спиной Жанны... *крылья*? Она говорила тебе что-то, сидя на скамейке, а потом она показала тебе руку, и на этой руке... появилась... корона... а потом она сказала еще что-то, и у нее за спиной загорелись... *крылья*[24] ...

— Многие видели это? — устало спросил дофин.

— Слишком многие, — с испугом пробормотал герцог Алансонский. — Боже... неужели так выглядят...

— Хватит, — одернул его дофин. — Довольно.

1429. Задний двор Шинонского Замка. Следующий день после появления Жанны[25]

— Мой король, — Жанна вдруг прервала спокойное течение своего разговора с дофином. — Вы не подскажете, кто этот человек, который приближается к нам?

— Это... Жан, герцог Алансонский... мой кузен и зять плененного англичанами герцога Орлеанского.

Жанна приветливо улыбнулась подошедшему и сказала тепло:

— Как хорошо, что вы прибыли! Чем больше к нам вольется королевской крови, тем лучше для Франции...

...— Месса была восхитительна... не правда ли, Жанна?..

— Как и все, что имеет место в церкви, мой прекрасный герцог. Вы голодны?

— Вовсе нет!

— Однако мы приглашены отобедать с дофином и графом Ла Тремуйем.

Герцог едва заметно поморщился и пожал плечами:

— Не могу понять, как сумел этот интриган столь хитро опутать моего кузена...

— Не знаю, герцог... я думала, вы расскажете мне, что к чему при дворе...

— Да что тут рассказывать?.. Ла Тремуй — мерзавец и трус... Его политика — политика переговоров и взяток, которые он не упускает случая получить.

— Почему же Карл не прогонит его?

— Ла Тремуй умен... Он обставляет все так, что, кто пожалуется на него дофину, тот сам в немилость и попадет. Некогда при дворе был коннетабль Артур Ришмон, но с приходом Ла Тремуйя Артур попал в настоящую опалу.

---

[24] По словам герцога Алансонского, его встреча с Жанной состоялась во время приватной беседы Жанны с Карлом VII (11, 12 мая [6]), однако Жанна недвусмысленно указала во время допроса от 10 марта 1431 года на то, что герцог Алансонский присутствовал при ее первом появлении перед Карлом и был свидетелем того, как она подала Карлу Знак.

"I might not have asked to know the sign of the said Catherine, had that sign been as well shown before notable people of the Church and others, Archbishops and Bishops, as mine was before the Archbishop of Reims and other Bishops whose names I know not. There were there also Charles de Bourbon, the Sire de la Tremouille, the Duke d'Alencon..." и далее. Первый тайный допрос. [5]

[24] 11, 12 мая. [5]

Хотя, чего там греха таить, я с Ришмоном тоже был на ножах... поболе даже, чем с Ла Тремуйем.

— Знаете, герцог... — рассмеялась Жанна. — Что-то от этих разговоров о политике мне зевать захотелось. Как вы смотрите на то, чтобы после обеда поразмяться немного?

— Смотрю превосходно, Жанна. Однако позволю себе полюбопытствовать: как разминаться будете — конной прогулкой или желаете пройтись по городу?..

— Разминаться я буду, упражняясь с копьем, Жан. Чего и вам советую.

— Но... Жанна... Вы же... крестьянка...

— Тогда, думаю, вам будет чему меня поучить.

...— Жанна! Должен сказать, что вы изумили меня... Так владеть копьем — прерогатива лишь очень опытного воина.

— У меня были хорошие наставники, — усмехнулась Жанна, раздумывая над тем, какими эпитетами наградил бы ее удары Гийом Фронте.

— Жанна... я и не знаю, что сказать... Мое сердце переполняется восхищением. Разреши подарить тебе боевого скакуна в знак признательности за урок, который я сегодня получил...

Жанна ласково посмотрела на герцога и кивнула.

— Я приму от тебя этот подарок в знак радости и благодарности за нашу с тобой будущую дружбу.

1429. Шинон. Парадный зал замка

...— Дева нетронута, — старая монахиня твердо стояла перед толпой придворных.

В толпе ахали и переговаривались. Монахиня думала о том, как сложно поверить в чужую святость, даже получая доказательства. Но она не стала ничего добавлять, молча повернулась и ушла. А когда Жанна выходила из комнаты, которую выделили для обследования, придворные встретили ее напряженным молчанием.

1429. Аббатство Пуатье. День первый[26]

Присутствуют архиепископ Реймский, главный инквизитор Тулузы, епископ Пуатье и Магелона[27].

Шептания между священниками. Косые взгляды в ее сторону.

---

[26] "Examination at Poitiers had taken place in the Chapel attached to the Palace of the Counts of Poitou..." и далее. Комментарии к Четвертому Публичному допросу. [5]

[27] Протоколы допросов Жанны, известные как «Книга Пуатье», до сих пор не найдены. Предположительно, они уничтожены во время осудительного процесса, который происходил в Руане. Причина уничтожения, возможно, весьма проста: Жанна не раз взывала к своим руанским судьям, чтобы те подняли протоколы ее допросов в Пуатье и посмотрели на заключения, которые уже сделаны по тем или иным вопросам Церковью. А так как Церковь, согласно Догмату, является Единой и Неделимой, руанские судьи не имели права вменить Жанне в вину то, что ранее бы-ло оправдано их коллегами в Пуатье. До нас дошли лишь некоторые диалоги, остальные были воссозданы мною на свое усмотрение.

Пятнадцать клириков... о чем думаете вы в столь скорбный для Франции час?..

...— Сколько тебе лет, девушка?

— Семнадцать.

— Кто призвал тебя освобождать Францию?...

— Господь.

— Неужели Сам Господь Бог спустился к тебе с Престола Небесного?

— Нет, Его Волю передали мне Ангелы. Они говорили, что Его воля в том, чтобы Франция была возвращена в руки Господни. Они говорили, что именно я верну Францию ее законному наследнику.

— И ты с радостью приняла подобное поручение, которое тяжким бременем легло бы на плечи даже опытного капитана?..

— Неужели защищать Родину — это тяжкое бремя?..

Шептания среди клириков. Колкие взгляды в ее сторону... Как неуютно перед ними — перед теми, чьим долгом было — поверить.

— Неужели ты не знаешь, что война длится уже более девяноста лет? И неужели не знаешь, что все эти годы лучшие капитаны Франции пытались освободить свою Родину?

— Если бы это получалось у капитанов, Ангелам незачем было бы призывать крестьянок.

Шепот.

Взгляды.

Шепот...

— Думаешь, у тебя получится сражаться против англичан лучше, чем у опытных капитанов дофина Карла?

— Не я указывала Ангелам, к кому им идти.

...— По твоим словам, Бог хочет помочь французскому народу избавиться от бедствий. Но если Францию освободит сам Бог, зачем тогда нужны солдаты?

— Во Имя Господне! Если не будет солдат, кому Он пошлет победу?[28]

— Что ты запомнила в Ангелах, которых, по твоим словам, Господь посылал к тебе?

— Они были прекрасны.

— Можешь ли ты описать их?..

Жанна задумалась.

— Как?.. — удивился богослов. — Ты не можешь описать тех, с кем общалась на протяжении столь долгого времени?

— Попробуйте описать солнце... А ведь вы его видите чаще, чем я Ангелов.

1429. Аббатство Пуатье. День пятый

Шепот между священниками. Косые взгляды в ее сторону.

Пятнадцать клириков... о чем же думаете вы теперь?.. Столько вопросов

[28] В оригинале звучит: «Солдаты будут сражаться, а Бог пошлет им победу».

задали вы... Столько правдивых ответов получили. Почему же все ищете подвох?.. Если не умеете верить — кому молитесь на мессах?

...— Сколько тебе лет, девушка?
— Семнадцать.
— Кто призвал тебя освобождать Францию?..
— Бог.

...Круговорот вопросов. Водоворот вопросов. Клирики так усиленно ищут обман... не замечая, что обманывают сами себя, погружаясь все глубже и глубже в беспросветность. Вера есть свет. Не умеющий верить не знает света... Ряса, надетая на неверие, покрывает лишь тьму.

...— Как ты понимала, что говорили тебе Ангелы?
— Они всегда поясняли, что имели в виду.
— А на каком же диалекте говорили они с тобой?

Не совсем приятный акцент священника делал вопрос слишком похожим на издевку.

— На лучшем, чем ваш.

Клирик изумленно осмотрел ее, а секундой позже в его взгляде вспыхнул гнев.

— И ты говоришь, что веруешь в Бога?
— Побольше, чем вы.
— Жанна, — не выдержал другой священник, — почему ты разговариваешь с представителями Святой Матери Церкви в подобном тоне?
— А почему представители Святой Матери Церкви не признают Посланницу Того, Кем Церковь основана?

1429. Аббатство Пуатье. День двенадцатый

...— Сколько тебе лет, девушка?
— Семнадцать.
— Назови свое имя еще раз.

Жанна указала на открытые окна, сквозь которые долетали крики толпы людей.

— Уже все жители Пуатье выучили его.

...Крестьяне всегда становились вдоль дороги, которой ее везли от дома господина Жана Рабато, давшего ей приют, до аббатства, дававшего ей испытания. Крестьяне приветствовали ее радостными голосами, многие становились на колени, некоторые приносили ей подснежники. Жанна всегда держала при себе эти простые цветы, и в моменты, когда клирики наседали особенно яростно, она легонько прикасалась к девственно-белым чашечкам.

...— Так назовись же, дева!

Сквозь окна долетало: «Жанна!!! Жанна!!!»

Сколь же еще простые люди будут мудрее богословов?

1429. Аббатство Пуатье. День двадцатый

...— Жанна, как ты думаешь, почему, направляя тебя на спасение Франции, Бог не дал тебе никаких... материальных свидетельств... которые могли бы помочь нам увидеть в тебе Посланницу?

— Неужели, если вы не видите во мне его Посланницу сейчас, что-то изменят кольца, кресты или другие вещи? Вы же намного умнее меня: я не знаю ни «А», ни «Б», а вы всю жизнь провели, изучая священные писания... Как могу я убедить тех, кто смотрит на меня и не видит меня... кто видит только то, что осмеливается видеть?..

— Послушай меня, Жанна!!! — перебил ее один из священников. — Я как представитель Святой Матери Церкви говорю тебе, что, если ты не покажешь нам что-либо в подтверждение своих слов, значит, Богу неугодно, чтоб мы тебе поверили.

— Я пришла в Пуатье не для того, чтобы производить Знаки или творить чудеса. Я пришла потому, что Пуатье лежит на пути к Орлеану, хотя и находится в другой от него стороне. Дайте мне хоть сколько-нибудь солдат... отведите меня в Орлеан... и там вы увидите Знак, для которого я и была послана.

1429. Аббатство Пуатье. Внутренний двор Аббатства[29]

На небосклоне восходила луна. Две мужские фигуры, укутанные в монашеские рясы, медленно прогуливались под ее светом.

— Как она ведет себя? — спросила одна из них.

— Как бунтарка, сир, — прозвучало в ответ.

— Не надо оповещать о моем визите, Реньо де Шартр... Что думаете о ней лично вы?

— Будь она англичанкой или бургундкой, я бы уже десять раз сжег ее.

— Она сможет вести армию?

Архиепископ Реймский задумался, а потом усмехнулся.

— Она сделает все, чтобы освободить Францию... И жизнь свою отдаст с легкостью, если понадобится. Она может вдохновлять солдат и вести их за собой. Но сможет ли она вести армию, я не знаю.

— Вы лично доверили бы ей армию?

Реньо де Шартр остановился и усмехнулся.

— Я счастлив, что подобный выбор придется делать не мне.

— Она говорит, что является посланницей Божьей. Она дала мне Знак о том, чего не мог знать никто, кроме меня и Господа.

Реньо вздохнул и вслед за дофином направился к ограде двора, где стояла скамейка.

— Дело в том, — присел он рядом с Карлом, — что нечеловеческие возможности и знания получаются людьми не только от Бога...

— Вы подозреваете, что Жанна... ведьма?

---

[29] “Completing the collection was Regnault de Chartres, Archbishop of Rheims, who had presided over the examinations at Poitiers and subsequently accompanied her to Blois...” и далее. [2]

— Я не исключаю подобную возможность, — усмехнулся архиепископ. — Да, Жанна падает на колени перед первым встречным священником, она молится на мессах так, как никто другой на моей памяти, она причащается дважды в неделю, много времени проводит в колокольне аббатства... Помогает семье, у которой живет, мало ест, почти не пьет вина, молится по ночам. Мои осведомители провели много времени, наблюдая за ней... И ни единого намека на нечестивое поведение замечено не было. Она слишком праведна для человека, сир. Она может быть либо святой, либо колдуньей, искусно замаскированной под святую.

Дофин долго и испытующе смотрел в глаза священнику.

— Однако того, что она может оказаться святой, вы не допускаете.

— Ну почему же... допускаю. Равно как и второе предположение. Но истинный вопрос ведь не в этом, сир... Вопрос в том, может ли она быть полезной для Франции в том состоянии, в котором уже пребывает. Не будем забывать, что даже Сатана может выступать орудием Господа: если Вседержитель сумел создать мир, то и управлять миром Он умеет.

— Так вы доверили бы ей армию?

Священник усмехнулся.

— Я без зазрения совести выпустил бы ее на поле боя. В качестве кого — решать не мне.

1429. Аббатство Пуатье. Решение комиссии[30]

«...Мы считаем, что ввиду крайней необходимости и учитывая грозящую городу Орлеану опасность Ваше Высочество может воспользоваться помощью этой девушки и послать ее в названный Орлеан, дабы дать возможность освободить город и тем самым явить Знак, указывающий на Божественное происхождение ее миссии. Ибо сомневаться в ней или отрицать ее помощь без наличия каких-либо греховных проявлений с ее стороны будет равносильно тому, чтобы прогневить Святой Дух и стать недостойными его помощи в грядущем...»

1429. Аббатство Пуатье. 22 марта[31]

...— Пиши, Бертран...

«Иисус, ✝ Мария!

Король Англии и вы, герцог Бедфорд, называющий себя регентом Королевства Франции...»

— Успеваешь?.. Хорошо, Бертран... Дальше...

«...вы, Вильям де ла Поул, граф Суффолк; Джон, лорд Тальбот; и вы, Томас, лорд Скаль, именующий себя наместником упомянутого герцога

---

[30] "At the conclusion, the assembly sent, as the result of their inquiries, a resolution to the King to the effect that he should follow the Maid's guidance, and seek for the sign she promised him in the relief of Orleans, as a proof of the Divine origin of her mission, 'for', they added, 'to doubt or forsake her without any appearance of evil would be to vex the Holy Spirit, and to make himself unworthy of the help of God'..." и далее. Четвертый Публичный допрос. [5]

[31] Письмо англичанам от 22 марта 1429 года. [4]

Бедфорда, внемлите рассудку, прислушайтесь к словам Царя Небесного. Отдайте Деве, посланной сюда Богом, Царем Небесным, ключи от всех добрых городов, которые вы захватили и разрушили во Франции. Она пришла сюда от Имени Господа, чтобы вступиться за Королевскую Семью. Она готова заключить мир, если вы пожелаете поступить верно, лишь бы вы вернули Францию и заплатили за то, что она была в вашей власти...»

Жан де Новеломон с изумлением слушал Жанну, наблюдая за тем, как Бертран де Пуланжи аккуратно записывает ее слова.

«...И заклинаю именем Божьим всех вас — лучники, солдаты, знатные люди и другие, кто находится пред городом Орлеаном: возвращайтесь в вашу собственную страну! А если вы этого не сделаете, ждите известий от Девы, которая скоро придет к вам к великому для вас сожалению и нанесет вам огромный ущерб. Король Англии, если вы так не сделаете, то я, став во главе армии, где бы ни настигла ваших людей во Франции, заставлю их уйти, хотят они того или нет; а ежели они не захотят повиноваться, я их изгоню силою. Я послана Богом, Царем Небесным, — дух от Духа Его, — чтобы изгнать вас из Франции. Если же они повинуются, я помилую их. И не думайте, что может быть по-другому, так как Королевство Франция не будет вам принадлежать по воле Бога, Царя Небесного, сына Святой Девы Марии; но принадлежать оно будет королю Карлу, истинному наследнику; ибо Бог, Царь Небесный, хочет этого, и Дева возвестила ему (Карлу) это, и он войдет в город Париж во главе величественной армии. Если же вы не захотите поверить известию, посылаемому вам Богом и Девой, то, где бы вас ни нашли, мы вас покараем и учиним такое сражение, какого уже тысячу лет не было во Франции. И будьте твердо уверены, что Царь Небесный ниспошлет Деве и ее добрым солдатам силу большую, чем та, которая заключена во всех ваших воинах, и исход сражений покажет, на чьей стороне, по воле Божьей, правда. Дева обращается к Вам, герцог Бедфорд, и просит одуматься и не ступать на путь, который приведет лишь к вашему поражению. И если Вы ее послушаетесь, Вы сможете прийти вместе с ней туда, где французы совершат прекраснейшее дело, которое когда-либо совершалось для христианского мира. Дайте ответ, ежели Вы желаете заключить мир в городе Орлеане; а если Вы так не сделаете, то подумайте о великих бедах, которые вам придется пережить...

Писано во вторник на Святой Неделе[32]».

— Жанна... — сказал наконец де Новеломон. — Англичане никогда не уйдут из Франции добровольно...

— Я знаю, — устало ответила Жанна. — Но когда они будут разбиты, то будут понимать, что злиться им не на кого, кроме себя. Я знаю исход сражений, которые состоятся, потому что на Небесах уже проложены Пути для каждого события. Если мы не подведем, то уже через четыре-пять

[32] Неделя, которая предшествует Пасхе.

месяцев дофин Карл будет коронован в Реймсе, а через год будет освобождена вся Франция.

— Хотя, — Жанна усмехнулась, — скорее всего, освобождение Франции растянется на несколько лет и я его не увижу.

— Но почему?.. — изумился де Пуланжи.

— Потому что времени мне отпущено всего год... Может, немного больше — если Царь Небесный смилостивится.

Жанна села за стол и бессильно опустила голову на руки. Она выглядела очень уставшей.

— Никому не рассказывайте, какая я сейчас, — произнесла она едва слышно, а потом добавила. — Пожалуйста, друзья, оставьте меня.

1429. Тур. Оружейник Кола де Монтбазон[33]

— Дева Жанна! — кричал подмастерье, вбегая в мастерскую. — Дева Жанна!..

Оружейник был немного смущен: Жанна оказалась невысокой, с чистым красивым лицом... Она была вовсе не тем Освободителем, которого представлял себе Кола.

— Сможешь ли изготовить мне доспехи? — заговорила Жанна.

Голос был звонкий и уверенный.

— Доспехи можно изготовить на любого человека, госпожа... — ответил Кола.

— Разве я герцогиня, что называешь меня так?

Оружейник смутился еще больше и потупил взгляд.

— Но вы же... Дева.

— И что с того тебе? Разве ты в меня веруешь?

Кола молча мял в руках кусок материи, делая вид, что оттирает ладони от гари.

— Тебе не нужно бояться, — произнесла Жанна с оттенком горечи. — Ты ведь мастер. А мне нужен именно мастер... Доспехи должны быть из стали: шлем с поднимающимся забралом, кираса, которая закрывает грудь, наплечники, наручи и поножи... Хотя, нет, — поправилась она, — сделай лучше не поножи, а ботинки, наголенники и набедренники. Вот твои сто турских ливров.

— Ну что вы, госпожа... не надо денег...

Жанна подошла к нему, и Кола неуверенно посмотрел ей в глаза. Жанна мягко улыбнулась:

— Оплачивается любая работа. Просто, когда мы верим, то оплата — вот здесь, — и Жанна коснулась своей груди. — Наше сердце становится больше... Но так как твое сердце еще не способно принять такую награду, я хочу отблагодарить тебя, чем смогу. Я ведь знаю, что ты сделаешь мне прекрасные доспехи...

---

[33] “It is known that Colas de Montbazon of Tours had made an armour for Joan of Ark following a request by king Charles VII in April 1429...” и далее.
http://www.artcult.com/2007.htm

...— А если я смогу... принять... награду в сердце?!! — закричал Кола де Монтбазон, выбегая вслед за Жанной на улицу.

Девушка вскочила на лошадь и улыбнулась ему.

— Тогда ты изготовишь сразу два комплекта доспехов и последуешь за мной. А деньгам найдешь достойное применение.

1429.[34] Тур. Фрайя[35] Жан Паскерель

— Жанна... Жанна, где ты? Мы привели к тебе прекрасного священника. Отче, проходите! Жанна, дорогая, это Жан Паскерель... Когда ты узнаешь его немного лучше, то по достоинству его оценишь.

— Здравствуйте, отче! Я очень рада, что вы пришли... Люди говорят о вас много хорошего. Не могли бы вы исповедать меня завтра?

1429. Тур. Фрайя Жан Паскерель. Следующий день

— Вы так хорошо поете, отче... Это была самая прекрасная месса из всех, которые мне доводилось слышать. Если бы я могла, то навсегда осталась бы в святом соборе и посвятила бы себя тому, что так сильно люблю.

— Ты хочешь посвятить себя Богу?

— Всецело и без остатка, отче.

— Но что для этого нужно, девочка моя?

— Наверное... знать... чего Он от меня хочет.

— Верно, Жанна. Творить Волю Пославшего — это и есть Служение Посланника.

— Но в соборе так спокойно...

— Под Посланником всегда взмыленный конь, и дыхание его сбито, и одежда его в грязи. Чем полны его мысли?

— Тем... как... доставить Послание.

1429. Шинон. Покои дофина Карла

— Что там?.. — сонный дофин впустил посыльного.

За окнами замка едва светало.

— Дева Жанна велела передать... — задыхаясь от бега, говорил мальчик, — что в часовне Сент-Катрин-де-Фьербуа, неподалеку от Тура, был найден меч... Она говорит, что ей было видение об этом, и меч был найден именно там, где ей было указано — за алтарем часовни. Она говорит, что это меч древнего короля и что пять крестов венчают его. Она говорит, что нужен искусный кузнец, потому что меч долго лежал в земле и лезвие его заржавело, а материя, в которую его завернули когда-то, сгнила...

— Погоди, не тараторь... Что за меч, как это он мог оказаться в часовне? И почему он ржавый?..

— Ангелы сказали Жанне, что меч этот принес в жертву наследник

---

[34] "As mentioned above, it was in Tours that she met Jean Pasquerel, a hermit of the Order of St. Augustine who would serve as her confessor/chaplain..." и далее. [2]

[35] Фрайя — так называли нищенствующих странствующих монахов во Франции.

древнего короля в знак признательности за помощь свыше, оказанную ему в битве... Наследник этот отрекся от убийства и после того, как сарацины[36] были повержены, целиком посвятил свою жизнь благочестию... Именно такой меч нужен Жанне, именно такой!!! Теперь нужен кузнец, Ваше Высочество... Скорее нужен кузнец...

— Кузнец... — пробормотал ошеломленный дофин. — Да, да... я понял... Передай Деве Жанне, что сегодня же я отправлю ей кузнеца.

1429. Тур. Знамя.[37] Ов Пулнуар

— Жанна... — постучал в дверь Бертран де Пуланжи. — К тебе человек... говорит, что художник... хочет встретиться.

— Пусть заходит, — улыбнулась Жанна. — Я давно его жду.

...— Добрый вечер, госпожа... — сказал вошедший, робко присаживаясь на край стула. — Я Ов Пулнуар... художник...

— Зачем зовешь меня госпожой? — перебила его Жанна.

Художник посмотрел на нее со смесью удивления и страха.

— Но вы же... Дева-Жанна... Освободительница...

— И кого же я освободила?

Ов замялся, а потом сказал едва слышно:

— Францию, госпожа...

Жанна подошла к окну и распахнула его. В комнату влетели звуки с улицы: фырканье лошади, гомон людей, столпившихся возле ее дома.

— Вот Франция, друг мой. И она пребывает под властью англичан.

Мужчина едва заметно улыбнулся и покачал головой.

— Но Вы снимете осаду с Орлеана. И в день, когда это произойдет, Франция станет свободной. Рабство Франции не там, — он указал на окно, — но здесь, — и он прикоснулся к своему лбу.

Жанна прошлась по комнате, время от времени бросая на Ова быстрые взгляды, а потом остановилась рядом с ним.

— Ты пойдешь... со мной?

Художник покачал головой.

— Нет, но я нарисую вам Знамя.

— Ты не умеешь сражаться? — удивилась Жанна.

— Если бы в юношестве я учился сражаться, где бы вы взяли Знамя?..

Жанна быстро ходила по комнате взад и вперед, закусив губу.

— Но это же неправильно! — сказала она наконец. — Ты же отважный человек, Ов, из тебя получился бы прекрасный солдат. Твой меч мог бы принести столько пользы на поле боя... а Знамя...

— Знамя станет не менее прекрасным солдатом, госпожа. И оно принесет куда больше пользы, чем меч в чьей бы то ни было руке. Оно даст силу и отвагу всем, кто пойдет в бой рядом с вами... и приведет в замешательство всех, кто пойдет в бой против вас. Многие подвиги сможет совершить французская армия именно благодаря вашему Знамени...

---

[36] Неверные.

[37] Joan of Arc's letter to Tours. [5]

Жанна присела на подоконник и долго смотрела в глаза Пулнуара.

— А ты? — спросила она наконец.

Художник прикрыл глаза.

— Каждого ждет лишь одна великая битва. Моя битва уже рядом... мне остается суметь победить.

— Но ведь одной победой жизнь не заканчивается! В мире столько несправедливости — неужели ты не найдешь темный уголок, чтобы внести туда свою свечу?

Художник улыбнулся и поднялся на ноги.

— Мне уже пора, госпожа... ведь Бог посылает победу только тем, кто сражается. Я думаю, полотнище Знамени должно быть белым, с лилиями, двумя Ангелами и Вседержителем...

Онемевшая Жанна изумленно смотрела на художника.

— Ты прав... — наконец выговорила она. — А еще на знамени должна быть надпись...

— Иисус, Мария, — с улыбкой договорил за нее Ов.

1429. Тур. Знамя II

— Это древко не подойдет...

— Почему? — удивился плотник.

— Дай меч, — обернулась Жанна к Бертрану де Пуланжи.

Удар, который она нанесла сверху, наискось перерубил древко.

— Что будет, если в бою произойдет подобное? — Жанна покачала головой. — Это недопустимо! Древко должно быть настолько крепким, чтоб даже несколько подобных ударов, попавших в одно и то же место, не смогли перерубить его.

Плотник задумался, а потом потупил взгляд.

— Я бы мог сделать такое древко, госпожа, но оно будет слишком тяжелое.

— Скажи, похожа ли я на неженку?

Плотник отвел взгляд в сторону.

— Так вот, — отчеканила Жанна. — Ты ошибаешься. Сделай древко, самое крепкое из всех, которые ты только можешь. А я подумаю о том, как не выпустить его из рук.

1429. Тур. Знамя III

— Жанна... здесь опять этот художник... Говорит, что твое Знамя... что оно готово...

— Конечно, пусть заходит, Бертран...

Рыцарь немного постоял на месте, а потом добавил:

— Он очень плох, Жанна...

...Незнакомые юноша и девушка под руки ввели Ова Пулнуара в комнату. Он едва мог переставлять ноги, его лицо было серым и мокрым от пота. Вскочив на ноги, Жанна усадила его в кресло... К своей груди он прижимал сложенное в несколько слоев Знамя.

— Бегите, дети, — сказал Пулнуар и зашелся хриплым кашлем.

Плотно закрыв дверь, Жанна подошла к художнику.

— Что с тобой?..

В груди у него клокотало, но едва заметная улыбка играла на его устах.

— Я победил в своем сражении, Жанна... я победил... Разверни Знамя...

Он снова закашлялся, а потом откинулся на спинку кресла, устало сомкнув веки. Дыхание его было поверхностным и прерывистым. Жанна взяла Знамя, развернула его, и оно, журавлем выпорхнув из ее рук, медленно опустилось на кровать. Не в силах вымолвить ни слова, она стояла и смотрела на мерцающее полотнище.

— Оно... — сказала Жанна наконец. — Оно...

— Прекрасно, — договорил за нее Пулнуар.

— Прекрасно, — повторил он снова.

— Да...

— Но это же... — Жанна ошеломленно повернулась к художнику. — Это же... Чудо... Это... Я даже представить его не могла лучше. Господь... Ангелы... Лилии... «Иисус, Мария»...

Пулнуар улыбнулся устало и опять зашелся кашлем, да так сильно, что его тело почти сложилось пополам. Жанна бросилась к нему, но художник резким жестом остановил ее.

— Покажи Знамя... им, — прошептал он, кивая на распахнутое окно.

Жанна беспрекословно взяла Знамя в руки. Его шелест напоминал дыхание художника.

Когда материя заполоскалась на ветру, люди, собравшиеся под окном, онемели. Они словно впали в транс: стояли и молчали, не в силах не только пошевелиться, но даже отвести взгляд от Полотнища. А потом так же резко, как вспыхивает порох, единогласный крик сотряс площадь. Это был радостный крик победы... освобождения... Словно действительно ни одного англичанина не осталось уже во Франции.

...— Последние фанфары... — едва слышно прошептал Пулнуар и ласково погладил Знамя. В глазах его стояли слезы.

— Ты... — сказала Жанна, но договорить не смогла... ком встал в ее горле.

— Ухожу... — договорил за нее художник.

— Но почему?!!

Несколько минут только хриплое дыхание отвечало ей.

— Потому, — сказал Ов наконец, — что каждый человек подобен колодцу. Если черпать медленно... вода будет снова набираться... Однако если черпать быстро, то колодец быстро опустеет и понадобится время... для... отдыха, — палец художника указал на небо, после чего его рука бессильно упала. — Все мы живем так... черпаем быстрее, чем можно... потом пересыхаем и отправляемся отдыхать. А я... — Ов тепло улыбнулся. — Я сделал лучше. И я не жалею...

— Ты отдал все... сразу... — прошептала Жанна.

— Но так было надо, — приподнялся в кресле Ов. — Как же иначе?..

— Ты же... мог... жить так долго... написать столько картин...

— Зачем же писать много... когда нужна Одна? Ты ведь тоже могла жить долго...

Жанна молчала. Слова были едва различимы в хриплом дыхании умирающего художника.

— Сейчас, перед смертью, я столько вспомнил... столько чистого и прекрасного... Как прекрасно — прийти и выполнить свой Долг... Они так... радовались, — голова Ова повернулась к окну. — Их крик был... криком свободных людей.

Ов прикрыл глаза и помолчал... Улыбка умиротворения была на его устах.

— Неужели ты пришел только ради Знамени?.. — спросила его Жанна.

— А ты... — посмотрел на нее Ов. — Неужели ты пришла только ради Франции?... У каждого своя миссия, которая дана только для него. Многие приходят стать «просто» хорошими людьми — неужели они от этого хуже?.. Тебе будет нелегко освободить Францию... Мне было нелегко нарисовать Знамя... Кому-то нелегко прожить «просто» хорошую жизнь. У каждого — свой Подвиг.

Жанна смахнула с глаз слезы.

— Ты один из нас, Ов... — сказала она едва слышно. — Ты один из строителей...

Ов ласково смотрел на нее.

— Все мы строители... Даже разрушающие строят... Они разваливают трущобы, чтоб мы могли построить Дворцы. Разве не прекрасно, что трущобы рушатся?.. Бог милостив, Жанна. Он всегда даст шанс еще раз сложить разбросанные камни.

— Ты... ты скоро...

— Хватит о смерти, девочка, — перебил ее художник и улыбнулся. — Видишь, я уже могу называть тебя девочкой... Что ж ты плачешь, если столько прекрасного вспоминаю я. Не умираю, но преображаюсь[38], — он долго и хрипло дышал, а потом заговорил снова. — Моя Элли... моя дочь... она выйдет замуж. Поговори с магистратом, Жанна... может, город сможет помочь... чтоб свадьба... прошла...

— Я поговорю, — сказала Жанна. — Я обязательно поговорю с мэром.

— И еще одно, — Жанна подошла к художнику и пристально посмотрела в его глаза. — Ты не умрешь. Ты слышишь меня, Ов? Ты не умрешь!!! На отдых хочется многим... да только... рано. Рано тебе уходить — столько работы тут... Кто же будет ее делать?!! Кто вырастит твоих внуков, если у родителей никогда не хватает на это времени? Найди в себе силы... остаться... А болезнь... любая хворь — словно одичавшая псина: рычит и норовит загрызть, но если рявкнуть на нее и дать пинка, то подожмет хвост и уползет. Поверь мне, Ов... поверь *мне*...

Жанна положила свои ладони на лоб художника и закрыла глаза.

Ее чистая молитва была подобна рассвету.

---

[38] 1 Корр. 15:54 и далее.

1429. Тур. Мэр Гийом Фаринье

— Добрый день, Жанна, прости, что заставил тебя подождать... сама понимаешь... дела... — мэр вздохнул и покачал головой. — Ты говорила, что у тебя есть просьба ко мне.

— Да, — кивнула Жанна. — Дело в том, что скоро у Ова Пулнуара, художника, который расписывал мне Знамя, выходит замуж дочь. Как вам известно, Пулнуар — небогатый человек, а свадьба — это всегда недешево. Я просила бы вас выдать ему сто ливров из городской казны в качестве признательности за сделанный им труд. К тому же, он... сильно болен...

— Старик работал несколько ночей подряд и не додумался закрыть окна в мастерской, — усмехнулся Гийом Фаринье. — Что тут сказать... сам виноват.

— Он чувствовал внутренний жар...

— Что? — не понял мэр.

— Нет, ничего, — покачала головой Жанна. — Так что вы скажете насчет денег?

Фаринье кашлянул и отошел на несколько шагов в сторону.

— Понимаешь ли, Жанна... ситуация с деньгами в городской казне не совсем благоприятствует выполнению твоей просьбы. Все-таки идет война, налоги чудовищны... Пойми меня правильно, — прижал он руки к груди, — я ничего не имею против того, чтобы помочь старине Ову. Просто, одно дело — чего мы хотим, и совсем другое — что мы можем. Я вынужден заботиться о целом городе... а у нас каждый су на счету.

Жанна поморщилась, словно от боли.

— Мой король призывает меня в Блуа... Там собирается французская армия. Сегодня после полудня я покину Тур... Вот как мы сделаем, мсье Фаринье... Я дам вам сто ливров из денег, которые передал в мое распоряжение дофин Карл, а когда придет время свадьбы — случится ли это через неделю или же через полгода, — вы передадите их Ову от имени города... Такой вариант устроит городскую казну?

Мэр изумленно смотрел на нее, не в силах поверить своим ушам, а потом резко сложил руки перед грудью.

— Конечно... это вполне приемлемо, Жанна... Это... я думаю, это поступок большого благородства... Я потрясен... я...

— На том и остановимся, — прервала его Жанна. — Простите, но мне нужно спешить.

— Жанна! — крикнул ей вслед Гийом Фаринье. — Вышли письмо с твоей просьбой, чтоб члены магистрата видели, что это именно ты просишь... Вышли письмо, иначе ничего не получится!

1429. Блуа. Сборы армии

— Здравствуй, Жанна... я...

— Мой прекрасный герцог, — радостно улыбнулась ему Жанна.

— Я... я... — герцог был явно смущен.

— Его высочество был назначен одним из *реальных* командиров армии, — с ухмылкой сказал Жанне огромный капитан Ла Ир.

— Да... — герцог потупил взгляд и смущенно пояснил: — Ты должна понимать, что твое назначение главнокомандующим является формальностью... И до тебя были женщины, которых ставили во главе армии, бывало, что ставили и священников... И так получается, что теперь...

Жанна тепло похлопала Алансонского по плечу и улыбнулась:

— Главнокомандующий — это не тот, кто отдает приказы. Главнокомандующий — это тот, чьи приказы выполняются.

— Жанна... как понять... твои слова?..

— Пойми их так, что наш главнокомандующий — свобода Франции. Не забывай об этом... и тогда каждый отданный нами приказ будет исполнен в точности.

1429. Блуа. Сборы армии II

— Жанна... можно к тебе? — заглянул к ней в палатку Бертран де Пуланжи.

— Конечно, — улыбнулась Жанна. — Заходи, Бертран... тут спокойнее.

Рыцарь зашел в палатку и присел рядом с Жанной.

— Тебя волнует состояние нашего войска?.. — Жанна, как всегда, смотрела Бертрану прямо в душу, и рыцарю казалось, что все его помыслы были открыты для нее. — Что поделаешь, Бертран, такова правда: чтобы поверить в себя, людям нужны чудеса.

Она усмехнулась и добавила:

— Чтобы собралась армия патриотов, сначала армия наемников должна снять осаду с Орлеана.

Бертран с грустью смотрел, как Жанна поглаживает свое Знамя.

— Армия не верит в тебя, — сказал он наконец.

— Это наемники не верят в меня, — поправила его Жанна. — Когда человек привыкает верить золоту, ему становится тяжело доверять людям.

— Они смеются над тобой... — желваки играли на лице де Пуланжи, но Жанна лишь улыбнулась мягко и погладила рыцаря по щеке.

— Когда-то и ты смеялся надо мной... Но время все расставляет по местам... И способные к пробуждению пробуждаются. Ведь чтобы проснуться, нужен толчок.

Бертран долго молчал, глядя куда-то внутрь себя, а потом кивнул и вздохнул.

— Меня поразило, что реально дофин поставил д'Алансона во главе войска...

— Это войско нужно лишь для того, чтобы войти в Орлеан и призвать к борьбе истинных борцов. Самые главные победы будут одержаны благодаря ополчению... Однако, — Жанна аккуратно отставила Знамя в сторону и поднялась на ноги, — тебе не кажется, что уже подозрительно давно никто из капитанов не заглядывал в мою палатку? Наверное, собрались на очередной совет, полагая, что смогут придумать более мудрые решения, нежели те, о которых поведал мне Царь Небесный.

...— Жанна! — с наигранной радостью раскрыл объятья Ла Ир. — А мы полагали, что ты устала и поэтому укрылась в своей палатке. Сама понимаешь, что армейский лагерь не лучшее место для...

— Добрый день, капитаны, — перебила его Жанна и осмотрела присутствующих. Ее взгляд немного задержался на бароне Жиль де Ре[39] , и боль, жалость и сочувствие удушливой волной поднялись в ней: не только его прошлое было для нее открыто, но и будущее.

— Кто возьмет на себя труд рассказать, что пропустили мы с Бертраном?

— Мы только что начали, — краснея, произнес д'Алансон.

Неунывающий Ла Ир пришел ему на выручку и простодушно заявил:

— Жанна... ты же не станешь спрашивать с нас отчет о том, сколько провианта мы решили запасти для армии или сколько пороха берем с собой? Но коль уж ты присоединилась к нам, не пора ли обсудить и маршрут продвижения к Орлеану? Что скажешь на это?

Девушка спокойно ответила его насмешливому взгляду и едва заметно пожала плечами:

— Все зависит от вариантов, которые ты предложишь.

Ла Ир от души рассмеялся.

— Вот что я ценю в тебе, так это искренность. На Орлеан есть два пути: по правому берегу Луары, — рука капитана прочертила путь по карте, — и по левому, — он снова провел по карте рукой и выжидающе перевел взгляд на Жанну.

— Каким путем мы доберемся до английских позиций быстрее?

— Если последуем по правому берегу.

— Значит, так и пойдем, — сказала Жанна уверенно.

Ла Ир снова улыбнулся и указал на карту.

— Видишь эти две крепости? Это города Божанси и Менг, они заняты англичанами... Если пойдем по правому берегу, нам придется пройти мимо них, а потом еще прорываться через линию укреплений перед Орлеаном. Серьезных сражений не миновать.

— Вот и хорошо, — спокойно произнесла Жанна.

— Для тебя или для Орлеана? — тихо спросил Ла Ир.

Жанна холодно посмотрела на него, а потом ответила так же тихо:

— Меня нет без Орлеана. И без меня Орлеана скоро не будет.

Долго они буравили друг друга взглядами, а потом Ла Ир со вздохом пожал плечами.

— Жанна, я не понимаю тебя... что мы выиграем этими боями? Мы измотаем солдат, расстреляем порох... Мы будем прорываться к Орлеану несколько недель...

— Если дойдет до серьезных сражений, мы легко одолеем англичан и обязательно успеем к Орлеану вовремя.

— Я не думаю... — покачал головой капитан.

— И я не думаю, — перебила его Жанна. — Я лишь исполняю волю Царя Небесного. В тот день, когда ты сердцем своим поверишь Господу, ты

[39] "The commanders with the army at Blois constituted a large and diverse group ..." и далее. [2]

станешь намного счастливее, Ла Ир, потому что Он всегда расчищает пути для тех, кто исполняет Волю Его.

— Сражаются солдаты!!! — стукнул кулаком по столу Ла Ир.

— А Бог посылает им победу, — закончила фразу Жанна.

— Как странно, — добавила она немногим позже, — ни среди богословов, ни среди знати не найти мне того, чем живут простые люди.

Военный совет молчал... Капитаны искоса смотрели на нее. Даже герцог Алансонский сидел молча, потупив взгляд. Жанна усмехнулась.

— Вы все равно решите так, как посчитаете нужным... Что ж... пусть будет так. Ведите меня любым путем... Главное, чтобы в конце концов вы привели меня к англичанам.

1429. Левый берег Луары. Заводь напротив Орлеана

Волны мерно плескались о борта лодок. Граф Дюнуа почти задремал, когда дозорный крикнул: «Едут!!!»

...В клубах пыли остановился перед ними взмыленный конь... В седле сидел паж в рыцарских доспехах.

— Вы Дюнуа, орлеанский бастард[40]? — задыхаясь от быстрой скачки, спросил паж...

Лицо Дюнуа вдруг вытянулось, потому что он понял, кто перед ним на самом деле.

— Да, это я... — пробормотал граф. — И я рад вашему приезду.

— Где англичане? — последовал новый вопрос.

— Преимущественно на том берегу.

— А почему же меня привели на этот берег?

За Жанной подоспели и другие капитаны. Дюнуа растерянно смотрел на них, но Жанна даже не обернулась.

— Где ваши лодки?

— Э... большая часть их вчера была потоплена англичанами... Они были не очень вам рады.

— И как вы собираетесь переправлять наше войско?

Дюнуа еще более растерянно посмотрел на капитанов, словно ожидая от них поддержки.

— Ла Ир!!! — закричала Жанна, оборачиваясь. — Каким образом ваш военный совет планирует переправить армию в Орлеан?!!

— Жанна... — сказал капитан, досадливо морщась. — Ну кто же мог подумать, что англичане потопят простые рыбацкие лодки?.. Обычно им до рыбаков нет никакого...

— Бог!!! — отчеканила Жанна. — Он не только мог знать, Он даже знал, что все будет именно так, и пытался сказать вам об этом через меня!

— Но если Он все знал, почему тогда не сошел к нам в Сиянии Славы Своей и не указал прямо, каким берегом идти?!!

---

[40] Бастард (нем. Bastard) — в странах Западной Европы внебрачный ребенок владетельной особы (короля, герцога и др.). Могли пользоваться признанием и покровительством отца, многие имели полуофициальный статус при дворе. Большая Энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2002.

— Потому что Он создал вас людьми, а не куклами из балагана!!! Теперь скажите мне, как попасть в Орлеан без лодок...

Ла Ир протяжно вздохнул и пожал плечами.

— Жанна... нам придется вернуться в Блуа и отправиться по правому берегу.

Капитану стало не по себе от взгляда Девы, и он отвел глаза.

— А что насчет моста?.. — Жанна обернулась к Дюнуа, но тот уныло покачал головой.

— Форт Турель хорошо защищается. Чтоб взять его, нужна осада, а не один-единственный штурм. А ваши солдаты вряд ли сейчас способны на большее.

...Дюнуа нашел Жанну у реки. Она сидела на борту лодки и смотрела на Орлеан... В ее глазах были слезы.

— Жанна... — сказал Дюнуа. — Мы провели... военный совет... Армия вернется в Блуа и будет прорываться к Орлеану... по правому берегу. Здесь мы сумеем переправить лишь обоз с продовольствием и полсотни арбалетчиков для укрепления обороны на стенах города. Я хотел попросить тебя... чтоб ты осталась тоже и переправилась в Орлеан вместе с нами. Ты должна понять, что именно ты нужна защитникам города более хлеба и новых солдат...

— Почему? — она повернула к нему свое лицо, и дыхание Дюнуа невольно замерло: еще ни у кого не видел он таких огромных глаз, которые вмещали такую огромную боль.

— Ты... — начал граф, а потом отвел взгляд и моргнул несколько раз, словно до этого смотрел на солнце. — Ты же Дева... Жанна...

— А тебе что до того? — от глубокой печали в голосе Жанны по коже Дюнуа поползли мурашки. — Разве ты в меня веруешь?

Дюнуа молчал, молчала и Жанна.

— Но люди... они... верят, — сказал наконец граф.

Жанна все смотрела и смотрела на него, а он все никак не решался ответить ее взгляду.

— Хорошо, — сказала Жанна, поднимаясь на ноги, — я поговорю с капитанами.

...— Жанна, ну что ты? Все будет отлично, — заверял ее Ла Ир. — Дюнуа, конечно же, прав: ты нужна, в первую очередь, Орлеану!

Бертран де Пуланжи подошел к Жанне и сказал тихо, так, чтоб другие не услышали его:

— Жанна... все верно. Орлеан нуждается в тебе больше, чем армия. Сейчас его защитники держатся лишь верой в тебя. Что будет, если, придя под стены Орлеана, ты повернешься и уйдешь прочь? Кто станет разбираться — почему?.. Когда армия проделает свой путь по правому берегу, Орлеан может быть уже сдан. Да и англичане... Зная, что приближается французская армия, они усилят атаки на город. Без тебя крепости не выстоять. Дух может жить без тела, но только не тело без духа.

— Я знаю, — ответила она ему так же тихо. — Но армия... Я не уверена, что нынешние командиры сумеют привести ее в Орлеан. В первой же кровавой схватке с англичанами многие из наших капитанов могут вдруг вспомнить, что, кроме свободы Франции, существуют еще и их жизни. Если они побегут — кто остановит бегство солдат? Если я буду в Орлеане — кто вдохновит солдат на победу?..

— Но это всего лишь наемники, Жанна...

— Это люди, которым не занимать бесстрашия в бою. Но даже их может лишить мужества многоголосый хор безумных приказов. Боже Правый... что же будет с армией?..

— Но, Жанна... разве Он не убережет?..

Жанна застонала, словно от невыносимого страдания, крепко стиснув зубы. Потом вздохнула протяжно, и измученная улыбка появилась на ее устах.

— Прости, Бертран... Конечно, Он убережет армию. Вы войдете в Орлеан, и вскоре Бог подарит первую победу.

— Почему же тогда ты волнуешься?

Жанна прикрыла глаза. Сердце колотилось в горле и в висках... Было очень больно. Как объяснить Бертрану, что горному потоку нужно русло, дабы не смести все на своем пути?..

— Все в порядке, Бертран... все будет хорошо. Я иду в Орлеан, полагаясь на милость Божью.

— Слышите? — обратилась она к капитанам. — Я иду в Орлеан!

...— Жанна... — де Пуланжи подошел к ней. — Я иду с тобой

В глазах Жанны он видел грусть и вместе с тем признательность. Бертран прекрасно понимал, *что* они выбирают. Орлеан был осажден уже более полугода, потери защитников были колоссальными... Люди в городе страдали от голода и болезней. Армия, уходящая к Блуа под руководством герцога-юноши, имела все шансы не вернуться к Орлеану, и новые месяцы осады могли принести лишь новые и новые потери.

— Я тоже иду! — вышел вперед Жан из Меца.

Он вспомнил вдруг крестьянку, которую встретил в трактире Вокулера... и то, как позже она обернулась для него... много большим.

Ла Ир долго смотрел себе под ноги, а потом вздохнул и решительно махнул рукой.

— Черт дери!.. И я иду в Орлеан!

В ответ изумленному взгляду Жанны он сказал на удивление мягко:

— Там же наши люди...

...Вода мерно плескалась о борта шаланд. Паруса лениво похлопывали в ответ слабым дуновениям ветра. Ла Ир сидел напротив Жанны и украдкой разглядывал ее.

— Тебя действительно послал Бог? — спросил он наконец.

Жанна усмехнулась.

— Что изменит мой ответ? В словах тебе не найти веры.

Ла Ир простодушно рассмеялся.

— Вот я никак и не могу понять: если тебя послал Бог, почему Он не дал нам никаких Знамений? Если Он хотел, чтоб мы тебе поверили...

— А легенда про Деву? — повернулся к ним де Пуланжи.

— В Лотарингии сотни дев, — усмехнулся Ла Ир. — Когда одна из них говорит, что она — это Она, невольно можно усомниться.

— Понимаешь ли, Ла Ир... — сказала Жанна тихо. — Поверить — значит не потребовать доказательств. Верить, получив доказательства... это уже не верить, это как расчет у ростовщика. Зачем тебе торговаться с Богом? Ведь тебя нанял дофин.

Капитан медленно опустил взгляд, но Жанна лишь улыбнулась ему.

— Не печалься, Ла Ир... Верить сразу не получается ни у кого. Нужен долгий путь, чтобы человеческое сомнение убедилось в правдивости посылаемых Знаков. Кто может избежать сомнений, становится Святым... Сам знаешь, как мало Святых. А теперь скажи мне, доблестный капитан, кто я по твоему разумению?

Ла Ир молча смотрел, как мимо них бегут речные волны.

— Это не самый худший ответ, — тепло улыбнулась Жанна.

29 апреля 1429. Орлеан. Бургундские ворота

— Жанна!!!

— Жанна входит в Орлеан!!!

— Мы спасены!!! Жанна в городе!!!

— Радуйтесь, люди... Радуйтесь!!!

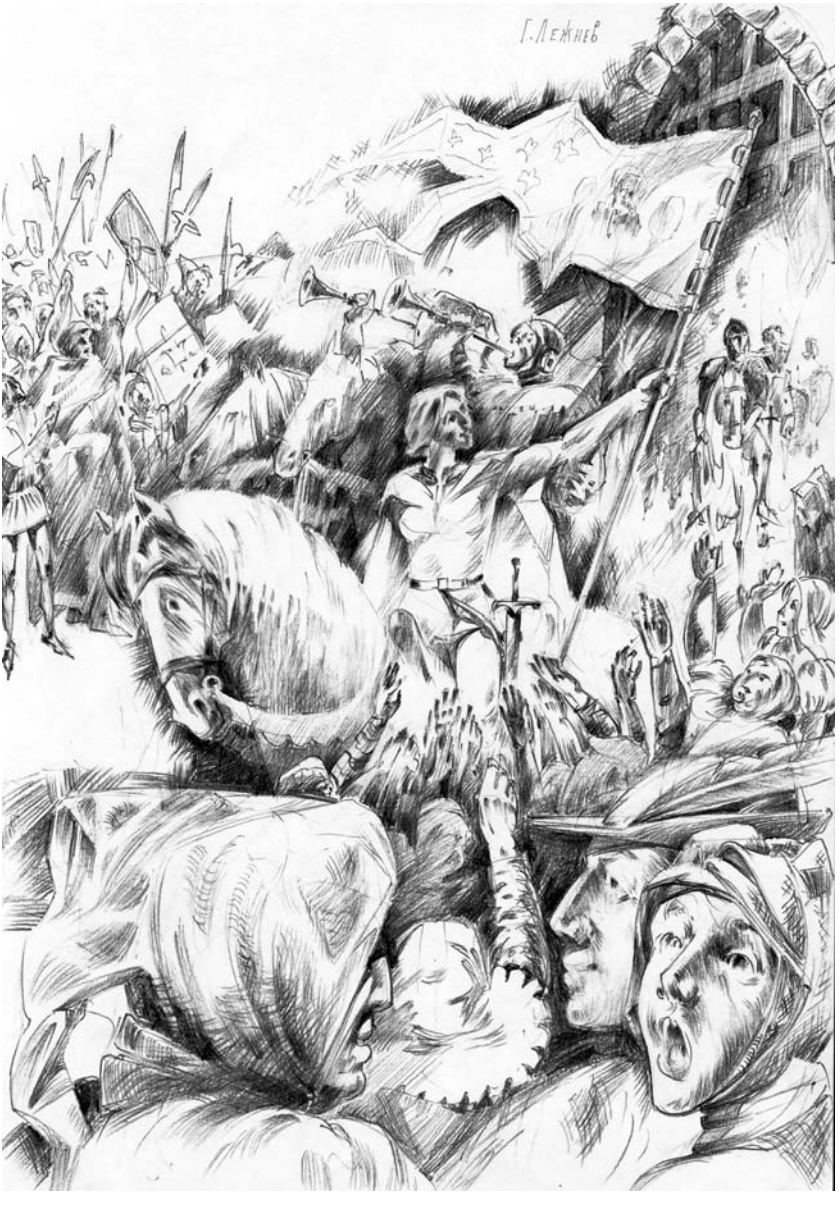
...Медленно и величаво въезжала Жанна в город. Она гордо восседала на белом коне, была свежа и приветлива; заходящее солнце освещало ее фигуру, наполняя облик мужеством и спокойствием... Никто не догадывался, как сильно она устала, проведя в седле весь день.

Рядом ехал Дюнуа, но люди не обращали на него внимания. Словно вода сквозь плотину, стремились они прорваться сквозь ограждение из дворцовых солдат... И ограждение не выдержало. Люди окружили Жанну, оттеснили ее от капитанов, тянулись к ней через головы друг друга, стремились дотронуться до нее или хотя бы до ее лошади. Они плакали от радости... смеялись и снова плакали.

— Жанна!!! — кричали они, набирали в грудь воздуха и снова кричали. — Жанна!!!

Она улыбалась им, радостно смеялась вместе с ними и вместе с ними плакала... пожимала им руки, и люди целовали свои руки там, где она коснулась их. Один из факельщиков, стоящих вдоль дороги, был притиснут людьми к лошади Жанны... Его факел случайно поджег Знамя, но Дева без малейшего испуга схватила полотнище за край и быстро погасила огонь... Люди ликовали вокруг нее. Все в ней было прекрасно. Она была именно той Освободительницей, которую они ждали.

...В соборах Орлеана звонили колокола.


Г. Лежнев

...Стиснутая человеческой толпой, Жанна проследовала через весь город — от Бургундских ворот до Ренарских. Люди кричали ее имя и возносили славу Всевышнему. Многие залезали на крыши домов и оттуда бросали под ноги лошадям редкие уцелевшие в городе цветы... Жанна махала им рукой и радостно смеялась.

...Жанна вошла в Орлеан.

...До бегства английских войск оставалось девять дней.

...— Жанна... — де Новеломон встретил ее на пороге дома Жака Буше. — Я видел, как загорелось твое Знамя... Я... это... наверное, очень плохой знак...

— Да, это плохой знак, — перебила его Жанна, заходя внутрь. — Для англичан. Ты должен понять, что есть один только Знак для нас, и имя ему — решимость. Когда солдаты сражаются за святое дело, они побеждают даже в меньшинстве! А все остальное... Темная сторона не дремлет, друг мой.

Жанна ходила по комнате взад и вперед, и кулаки ее были стиснуты. Было видно, что происшествие со Знаменем не оставило ее равнодушной.

— Когда Архангел приходит на помощь человеку, черти из кожи лезут вон, чтоб этого человека запугать. Что они могут сделать против Архангела? Они пшик, ничто... Архангел испепелит их одним взглядом. И поэтому они ничем не могут навредить ни Небожителю, ни тому Посланцу, которого Он защищает. Зато вокруг множество других людей, которые под охраной Небесной не пребывают и которых прислужники Сатаны стремятся использовать для своих мерзких целей. И когда эти люди, соблазняясь неверием и темными нашептываниями, начинают угрожать Посланцу, лишь от него зависит, испугается он или же нет. Но если испугается и усомнится, то выскользнет из-под крыла Ангельского.[41] Страх — это именно та щель в броне, которую ищет ядовитый кинжал врага. Пока щели нет, капли яда будут стекать по кирасе, но стоит щели появиться — и яд заполнит вены.

— И запомни, соратник, — Жанна остановилась напротив Мецкого, и ее взгляд, казалось, обжег рыцаря, — чем ближе мы к цели, тем сильнее будут пугать нас черти. Поддашься — назад дороги не будет. Над пропастью — нить, и мы — на этой нити... и спасение наше — Цель, к которой мы идем. Стоит остановиться или посмотреть вниз — и пропасть поглотит.

— Жанна, — изумленно сказал рыцарь, — неужели ты ни капли не боишься?

— Ничего, кроме предательства, — ответила Жанна тихо. — Но и этот страх уйдет, когда я прощу предателей.

...— Жанна... что нам делать... как выстоять перед англичанами... нас осталось так мало... подскажи нам... подскажи...

— Верьте Господу! Если ваша вера будет сильна, а надежда — крылата, освобождение от врагов будет даровано вам. Верьте Господу!!! Молитесь! А когда придет время, как один встаньте со мною рядом!

---

[41] Мф. 14:28-14:30.

Часть III. Жанна и Орлеан

30 апреля 1429. Жанна и Орлеан. День Первый

— Пиши, Бертран...

«Иисус, ✝ Мария. Лорду Тальботу. Мой Господь приказывает вам снять осаду с Орлеана и возвращаться в пределы Королевства Английского, ибо на то Его воля. Покоритесь и уходите с миром! В противном случае я нанесу вашим войскам такое поражение, которого вы даже вообразить не можете...»[42]

...— Что там, Бертран?..

— Англичане схватили посланца, Жанна. Они заковали его в цепи и сказали, что будут судить церковным судом как прислужника колдуньи. Угрожают сжечь его и обещают сжечь тебя, как только ты им попадешься.

...— Пиши, Бертран...

...— Мы послали двух гонцов, Жанна. Одного англичане схватили, а второго отпустили, чтоб он передал нам ответ. В ответе все то же... Обещают разрушить город, всех защитников убить, а тебя прилюдно сжечь.

Жанна ходила взад и вперед по комнате.

— На орлеанском мосту есть баррикада, которая защищает город от форта Ла Турель, верно?

Бертран кивнул.

— Проведи меня к ней — я хочу сама поговорить с англичанами.

— Жанна, — де Пуланжи покачал головой, — не стоит этого делать. Там до англичан всего шагов двадцать, а у них есть лучники и арбалетчики...

— А надо мной есть Длань Господня! — отрезала Жанна. — Пока существует хоть малейший шанс предотвратить кровопролитие, я сделаю все возможное.

...— Зачем вы пришли сюда? — кричала Жанна, стоя на вершине баррикады. — У вас есть своя страна, почему хозяйничаете в другой? Солдаты! Ваши командиры желают того, что им не принадлежит!.. Возвращайтесь же к своим городам и живите мирными жизнями, как призывал к тому Христос. Неужели Сын Господний вел вас захватывать чужие города и разорять чужие земли? Вы зовете себя христианами, но кто же вы на самом деле?.. Почему молчите, когда Господь призывает вас? Внемлите же Ему и верните то, что ваши капитаны в безумстве своем присвоили!

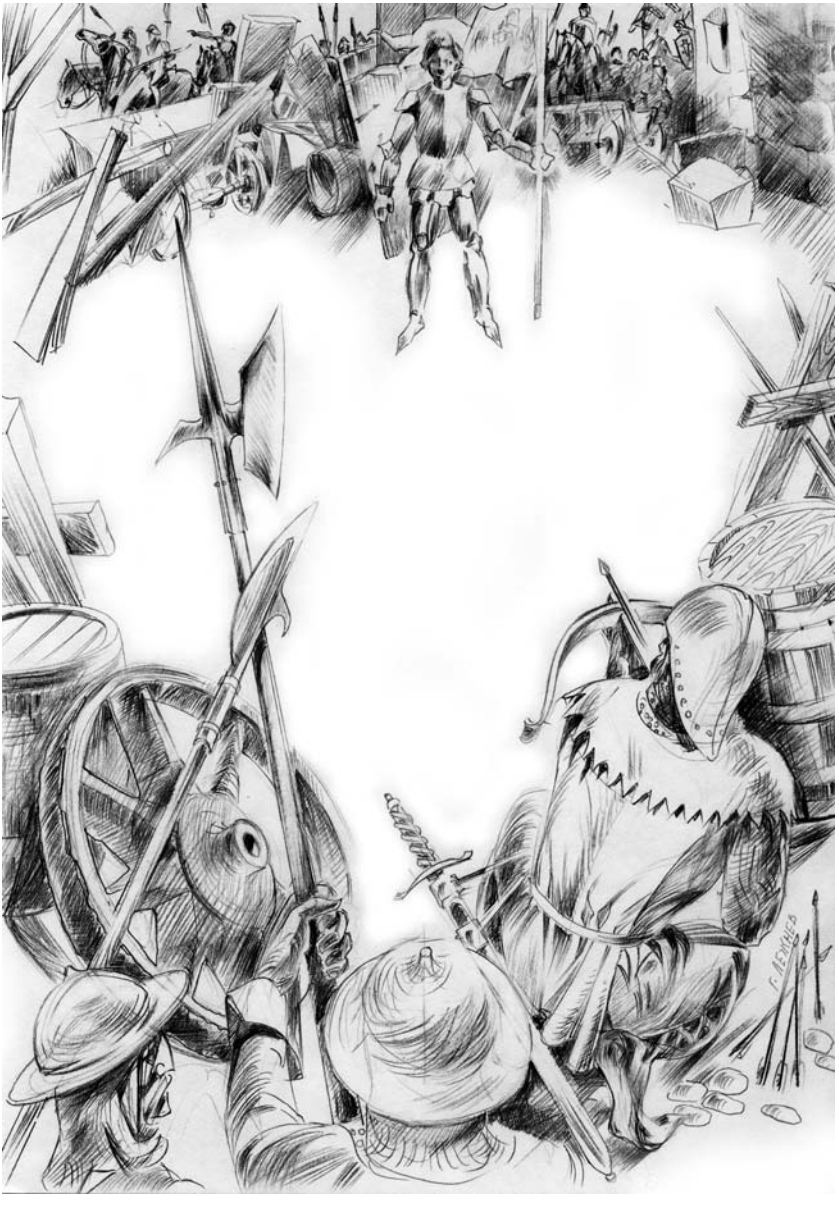
— Ведьма!.. — долетело вдруг с той стороны.

— Не заколдуешь нас!.. — другой голос.

— Постой так еще... арбалет только заряжу...

— Ну как вы не можете понять, — в отчаянии кричала Жанна, — что если не уйдете сами, то погибнете здесь все до одного! Ребенку не победить

[42] The second letter of Joan to English. [4]



отца, и вы не против меня копья обращаете, но против Царя Небесного, ибо Он вступился за Владения Свои.

В воздухе просвистел бельт.

— Боже... — побледнел Жан из Меца. — Нам надо спасать ее... а то... убьют...

Бертран де Пуланжи спокойно остановил его.

— Ты веришь в Жанну? — спросил тихо Бертран.

— Да, конечно... но там же арбалетчики, а для англичан двадцать шагов не расстояние...

— Так ты веришь в арбалетчиков или в Жанну? — снова спросил Бертран.

Жан замер... В его глазах был испуг. Он сильно вздрогнул, когда второй бельт вонзился в баррикаду возле ноги Жанны. Пот выступил на лбу бродячего рыцаря. Не в силах более совладать с собой, он сложил руки перед грудью и начал истово молиться. Бертан прикрыл глаза, когда в воздухе просвистел третий бельт, и присоединился к своему товарищу.

Через некоторое время с баррикады спустилась Жанна. Она была в ярости, ее кулаки были стиснуты, но слезы бежали из ее глаз.

— Безумцы... какие безумцы, — шептала она.

...— Я не виню простых солдат, — говорила она, когда ворота города закрылись за ними. — Но английские капитаны никогда не заслужат прощения. Безумцы!!! Ради звона окровавленного злата они готовы подставлять под мечи и копья своих же людей... Они же знать, благородные... Они должны любить и защищать свой народ и нести ему благо... ведь Господь создал богатство и дал его благородным для того, чтоб они могли защитить бедных. Где бедняк не может позаботиться о себе, там на помощь ему должен прийти благородный! А что делают эти безумцы? Они готовы утопить в крови сотни бедняков только ради того, чтобы достать из кровавого навоза один золотой!.. Безумцы! Не понимают, как строго спросит Судья после того, как призовет их!

...— Каждый рождается с определенной целью, — сказала Жанна, когда они добрались до дома Жака Буше. — Кто не имеет дара быть художником, тот не станет им. Кто не имеет дара быть оружейником, тот не станет им. Кто не имеет дара славить Господа, тот не станет священником. Великий грех — присвоить себе место, которое человеку не принадлежит... Этим он не только разменивает свое собственное дарование... разбивает его на осколки, чтобы продать старьевщикам... этим он еще и чужое место занимает, не пуская к исполнению Долга того, кому это было предначертано. Как будут стыдиться князья и бароны своего прошлого, когда заглянут на Небесах в глаза Отца, и Сына, и Пресвятой Девы... и вспомнят после этого свои бесчинства!..

— Ах, Господи, — зарыдала она вдруг, — как же мне жалко их... как мне их жалко!..

1 мая 1429. Жанна и Орлеан. День Второй[43]

— Бертран! Бертран, вставай! — Жанна трясла его за плечо.

Бертран моментально вскочил на ноги, хотя еще не отошел ото сна и не понимал, что происходит.

— Бертран, Бертран, — говорила Жанна, подавая рыцарю доспехи, — одевайся скорее, соратник мой! Второй день уже настал, а сделано так мало... Столько предстоит свершить, стольких разбудить в этом дне!.. Одевайся же, Бертран мой, и скорее в город!

— Что надо сделать, Жанна?..

Жанна смотрела на него, и в ее глазах были слезы счастья.

— Разбудить Орлеан.

Бертран де Пуланжи выглянул в окно. Солнце уже восходило.

— Но, Жанна... через час город проснется сам.

— Люди лишь откроют глаза, Бертран, а нам предстоит разбудить их. Ты сейчас найдешь Дюнуа и сообщишь ему, что воля Господня, чтоб люди собрались возле стен собора и услышали, что скажу им я — Посланница, Дева из Лотарингии. А теперь иди, иди, Бертран, иди... мне нужно помолиться...

...— Бертран! — крикнула Жанна, когда рыцарь уже вышел из дома.

Де Пуланжи посмотрел наверх... Жанна выглядывала из окна.

— Над тобою Ангел, друг мой, — прочел рыцарь по губам девушки. — Будь решителен, но человеколюбив. Каждая твоя мысль сегодня может воскресить... или погубить.

...Жанна молилась в своей комнате, стоя на коленях.

...Pater noster, qui es in caelis,
sanctificetur nomen tuum.
Adveniat regnum tuum.
Fiat voluntas tua, sicut in caelo
et in terra.
Panem nostrum quotidianum da nobis
hodie.
Et dimitte nobis debita nostra, sicut
et nos dimittimus debitoribus nostris.
Et ne nos inducas in tentationem,
sed libera nos a malo.
Amen.[44]

---

[43] "The next day, May 1st, Dunois and d'Aulon set out for Blois in order to retrieve the rest of the army — or at least what was left of it. Jean Chartier, the Royal chronicler of this period, indicates that a significant number of troops had deserted in Jehanne's absence..." и далее. [2]

Кроме того, я использовал документ [4] — комментарии к «the second letter of Joan to English.», в которых приводится пересказ разговора Жанны с людьми (она говорила, что им нужно не уставать надеяться и иметь веру в Бога).

В [7] приводится история геральдического герба Франции.

...Pater noster, qui es in caelis,
sanctificetur nomen tuum.
Adveniat regnum tuum.
Fiat voluntas tua, sicut in caelo
et in terra.
Panem nostrum quotidianum da nobis
hodie.
Et dimitte nobis debita nostra, sicut
et nos dimittimus debitoribus nostris.
Et ne nos inducas in tentationem,
sed libera nos a malo.
Amen.

...Площадь перед церковью была заполнена людьми. Весь город собрался здесь... Люди волновались и ждали Жанну. А она все не шла...

...— Жанна молится, — сказал Бертран графу Дюнуа.

— Да при чем тут молитва! — Дюнуа был зол, как никогда. — Эта девчонка сказала всех собрать, и люди побросали свои дела, которых у них полным-полно, а она даже не соизволила явиться!

— Она придет, — спокойно возразил де Пуланжи.

— Придет-то она придет! — рявкнул Дюнуа. — Да только когда?!! Мне нужно выезжать из Орлеана и встречать армию из Блуа, а я торчу тут непонятно по какой причине и жду Чудес!!!

Де Пуланжи с трудом подавил раздражение... в его сознании всплыли напутственные слова Жанны.

— Ты ждал Чудес больше года, — сказал он тихо, стараясь не выпустить стрелу злобы. — Неужели из-за одного часа теперь обругаешь Ту, в руках Которой Чудеса ютятся? Жанна несет Чашу Победы тебе, Орлеану, Реймсу, Франции... Чаша ее полна, и она не хочет пролить ни единой капли. За что же ругать ее, скажи?

Словно волна накрыла Дюнуа... Он почувствовал силу, хлынувшую из Бертрана. Некоторое время он даже не знал, что ответить. Но погасло наваждение, Бертран снова стал просто Бертраном, и Дюнуа вытер со лба пот.

— Я не верю в то, что простая крестьянка способна прогнать англичан...

---

[44] Отец наш, который на небесах,
пусть святится твое имя.
Пусть придет твое царствие.
Да будет твоя воля как на небе,
так и на земле.
Хлеб наш ежедневный дай нам
сегодня.
Отпусти нам грехи наши, как
и мы отпускаем должникам нашим.
И не введи нас во искушение,
но освободи нас от зла.
Аминь.
http://www.doktor.ru/latin/sacrum/oratio.htm

Де Пуланжи посмотрел на него и вдруг от души рассмеялся.

— Что?!! — рявкнул Дюнуа.

— Ничего-ничего, — примирительно замахал руками Бертран, — просто у меня родилось начало хорошей шутки: приходит к графу Дюнуа сын плотника и говорит, что он — Сын Божий...

...Pater noster, qui es in caelis,
sanctificetur nomen tuum.
Adveniat regnum tuum.
Fiat voluntas tua, sicut in caelo
et in terra.
Panem nostrum quotidianum da nobis
hodie.
Et dimitte nobis debita nostra, sicut
et nos dimittimus debitoribus nostris.
Et ne nos inducas in tentationem,
sed libera nos a malo.
Amen.

...Pater noster, qui es in caelis,
sanctificetur nomen tuum.
Adveniat regnum tuum.
Fiat voluntas tua, sicut in caelo
et in terra.
Panem nostrum quotidianum da nobis
hodie.
Et dimitte nobis debita nostra, sicut
et nos dimittimus debitoribus nostris.
Et ne nos inducas in tentationem,
sed libera nos a malo.
Amen.

...— Жанна!!! Жанна!!! — раздались крики в толпе.

— Жанна идет!!! Жанна!!!

...Она стояла перед ними и смотрела на всех и в то же время в душу каждого.

— Кто вы? — спросила она наконец.

Люди непонимающе переглядывались... Тишина повисла над площадью.

— Неужели англичане так запугали вас, что вы даже забыли, кто вы на самом деле? У каждого из вас есть имя, у каждого есть семья, у каждого есть дом. И когда вы живете в своем доме, то знаете, что рядом с вами живут ваши близкие: ваша жена, братья, сыновья, дочери. И вот теперь вы все стоите передо мной и не можете ответить на один простой вопрос: «Кто вы?»

Когда приходите в дом и видите гадину, свернувшуюся на столе, — неужели будете ждать, пока она зашипит или ужалит? Не возьмете ли секиру и не разрубите ли змею пополам?

Или когда приходите к дому своему и видите, как бродяги грабят его, связав ваших родных, — неужели станете в стороне и будете ждать, пока они уйдут? Или захотите наняться в носильщики?!! Не возьмете ли вилы в сарае, чтобы выгнать мерзавцев?

А когда свора бандитов нападает на ваш город — неужели залезаете под одеяло и ждете, пока они не насытятся? Не собираетесь ли вместе, дабы защитить достояние свое?

И когда я спрашиваю вас: «Кто вы?» — я хочу услышать от вас, что вы французы. Вы можете жить какой угодно жизнью, вы можете заниматься каким угодно ремеслом, но когда бандиты врываются в ваш дом, вы должны знать, что Дом ваш — Франция.

Даже собаки, которые поджимают хвост и скулят, умеют защищать свой дом. Поэтому воры перелезают через забор и бросают на собак сети, а потом убивают их. Однако ни один вор не захочет залезть во двор дома, если этот дом защищает лев. Никакая сеть не сдержит льва, и один лишь его рык изгонит грабителей вон.

На гербе Франции изображены лилии, в чистоте которых сокрыта любовь Матери Божьей, Девы Марии. Взбесившийся английский Лев не защищает более свой дом, но в помрачении набросился на святую землю. Защитница Франции никогда не проливала крови, но смиренно принимала страдания. Неужели будем стоять и смотреть, как Лев терзает самое священное для нас только потому, что сама Она защититься не может?!!

Когда двое сражаются, исход не всегда определяет сила, и более сильный зачастую уступает более смелому. Мы должны быть смелее англичан, мы должны сражаться еще более яростно!!

Вы не задумывались, почему английские войска, уступающие по числу французам, раз за разом побеждают? Потому что англичане храбрее нас. Для меня это тайна: ведь они в чужой стране, в любую секунду их могут отравить, зарезать во сне или расстрелять из арбалетов, когда они будут проходить мимо партизанской засады... И все равно англичане храбрее.

Неужели не пришло время становиться храбрыми нам? Где тот праведный гнев, которым Христос изгонял торговцев из храма? Разве не Храм — наша Франция? Разве не торговцы заполонили ее? В день, когда вы поймете, что на вашу долю выпала великая честь — защищать Храм Царя Небесного, вы перестанете бояться... и будете искать возможность исполнить Долг свой. Пришло время, когда нужно перестать сражаться из страха оказаться под властью англичан! Нужно начинать сражаться в священном стремлении изгнать англичан вон! Не страх должен направлять ваши копья, но праведный гнев!!! Воля Господня в том, чтобы Франция была возвращена в руки Его! Неужели думаете, что Он не поможет тем, кто стремится помочь Ему?!! Солдаты сражаются, и Бог дает им победу...

Кто может дать вам веру? Кто может дать вам успокоение? Кто может дать вам спасение? Никто!!! Но на поле боя возьмите у англичан то, что принадлежит вам!!! Господь стоит за вашими спинами, и Ангелы его парят над вами, но если убоитесь, никто из Них не сможет помочь! Щиты Ангельские

покрывают только бесстрашных, а кто боится неприятеля, тот испугается и Щита, когда воссияет Он Пламенно!

В бесстрашии — ваше спасение, а бесстрашие — в вашей вере!!! Воскресенье сегодня — воскресайте же, французы!!!

Верьте, сыны Франции!!! Будьте бесстрашны!!! Умейте воскреснуть!!!

Во спасение Франции!!!!!!!!!!!

Во спасение Франции!!!!!!!!!!!

Во спасение Франции!!!!!!!!!!!

...— Эй, Джон, что там французы разорались?

— Ведьма их заклинаниями одурманивает...

— Говорят, она страшная, как смерть, и кто с ней глазами повстречается, сразу паршивеет...

— Пусть говорят, что хотят, мне наплевать. Бог стоит за Англию!

— А за французов тогда кто?

— А за французов — ведьма!!!

2 мая 1429. Жанна и Орлеан. День Третий[45]

...— Где же подкрепления... почему их нет так долго... уже день прошел... О Милосердный Боже!.. Пребудь с солдатами Твоими! Сбереги их в пути, укрепи их дух, помоги победить голоса слабостей...

...— Бертран! Собирайся скорее!! Нам надо осмотреть укрепления англичан к северо-западу от города. Когда Дюнуа приведет солдат под стены Орлеана, мы должны быть готовы ударить по англичанам, если те попробуют остановить армию. Нужно навести на эти места пушки из артиллерийских башен, нужно подготовить к бою городское ополчение... У нас с тобой работы на несколько дней, а в запасе есть только один.

...— Жанна, ты опять подходишь слишком близко к позициям англичан...

— Ты боишься? — Жанна не отрывала своего взгляда от английских баррикад.

Бертран покачал головой.

— Только за тебя. Ты же знаешь...

— Так и ты знаешь, что я Дева Жанна... Посланница Господня.

— А англичане? — усмехнулся Бертран. — Кем посланы те, кто целится сейчас в тебя из арбалетов?..

Жанна молчала, разглядывая английские позиции. Вздохнула тяжело, и плечи ее поникли... но распрямились вновь.

— Англичане, как и всякая живая тварь на этой земле, созданы Вседержителем. Но, слушаясь голосов своих похотей, они отворачиваются от Бога... Они грешники, и грех их в том, что они пришли на чужую землю, чтобы разграбить и сжечь ее. С Францией Бог и Воинство Его, и я, Жанна,

[45] "May 2nd was passed waiting for Dunois and company to return with the reinforcements..." и далее. [2]

Посланница Небес. Я вижу, как англичане копошатся у своих баррикад, я слышу, как натягивается тетива на арбалетах, я чувствую их ненависть... Однако из безопасности крепостных стен нам не увидеть того, что я могу увидеть отсюда.

— Жанна... со стен города можно увидеть гораздо больше...

— Ты видишь глазами, — сказала Жанна тихо. — А я смотрю сердцем. Мое сердце не может видеть так далеко, я должна быть рядом, чтобы чувствовать. Стены Орлеана не расскажут об укреплениях англичан так, как это сможет сделать земля, на которой укрепления построены.

— Жанна... — тихо позвал ее Бертран. — Почему англичане пришли на нашу землю?.. Почему Всемогущий Создатель позволил это? Сто лет мы проливали кровь, и теперь приходишь ты и говоришь: «Идите за мной, я освобожу вас». Но прошло ведь сто лет... Почему ты ждала так долго?

Снова поникшие плечи... Слезы в глазах Жанны... Слезы, бегущие по щекам... Молчание... Боль в глазах де Пуланжи... «Я не знаю... — тихий ответ в ней. — Я не помню...»

Кивок Бертрана.

— Нет, Бертран, не кивай, — сказала ему Жанна. — Ты не знаешь ответа, не знаю и я. Но каждый день, который англичане остаются во Франции, приносит огромную боль Ему. Нестерпимую боль, невыносимую боль... Я не знаю, почему Он ждал так долго и не послал спасителя Франции раньше. Да и не нам размышлять над этим... Пусть за это дело возьмутся богословы лет через тысячу. Наше дело ясно и просто — снять осаду с Орлеана, освободить Реймс, короновать Карла VII и передать дело наше другим сильным духам, кто не убоится устремиться к освобождению Франции...

— Разве не ты будешь вести нас?..

— Нет, Бертран... Ты же знаешь, что мне отпущен год.

— Разве все настолько определено... разве не может весенний ручей... избрать другое русло?

— Ах, милый мой Бертран... Если ручей изберет другое русло, то не сможет он подмыть корни, которыми во Францию вросла Англия. Но довольно философии, ... возвращаемся в город. Ты займешься подготовкой ополчения, а я буду молиться... Мне нужно помолиться и исповедаться.

— Сейчас? — удивился Бертран, но Жанна лишь улыбнулась в ответ.

— Лучше сегодня, чем завтра...

...— Святой отец, — подошел к священнику Бертран. — Жанна...

— Она молится, — взгляд священника выражал испуг и растерянность.

— Святой отец, скоро полночь...

— О Господи, — священник сложил руки перед грудью. — За всю свою жизнь не встречал я такой веры... Жанна... Она не молится... Это не молитва... Это плач души... Столько боли, столько надежды...

— Боже-Боже-Боже, — священник начал быстро ходить взад и вперед, продолжая бормотать под нос. — Боже Правый... Молю Тебя, дай ей побе-

дить... Клянусь, что после войны уйду в монастырь искать Свет Твой, клянусь, что никогда не буду прежним... Ты только помоги ей... Ты только помоги...

Бертран стоял напротив дверей собора Святого Креста и задумчиво смотрел, как тень священника маятником огромных часов то появлялась, то исчезала в освещенном проеме.

...— Жанна... — Бертран бросился к ней со ступеней собора и подхватил под руки. — Что с тобой, Жанна?..

Лицо ее было мокрым, волосы прилипли ко лбу, ручейки пота катились по вискам... Она еле держалась на ногах.

— О Царь мой... — шептала она. — О Царь мой Небесный...

Ее колотила дрожь, от тела исходил немыслимый жар.

— Жанна!!! Жанна!!! — Бертран тряс ее за плечи до тех пор, пока взгляд девушки не остановился на нем.

— А... мой верный Бертран... — с улыбкой прошептала Жанна. — Мой милый, верный Бертран... Если бы ты только мог... видеть все это... если бы ты мог...

Жанна блаженно улыбалась, ее взгляд ускользал из этого мира.

— Веди меня домой... — шептала Жанна, из последних сил обращаясь к де Пуланжи. — Уложи меня спать... и никому не говори о том, что видел...

Они медленно брели по улице ночного Орлеана, а Жанна все так же продолжала шептать:

— Веди меня домой... Веди меня домой.

Бертран не смотрел на нее: он знал, что Жанна обращается не к нему. Он знал, что ее дух возносится в высокое звездное небо, где среди сотен тысяч мерцающих миров сверкают Двери ее истинной Обители. На мгновение Бертран зажмурил глаза, почувствовав в себе неимоверную боль... Болело не тело его, но душа... Так чувствовала мир Жанна... Неверие, отрицание, безумие, жажда власти и славы... и среди всего этого она — подобная цветку Лилии посреди болотной грязи.

3 мая 1429. Жанна и Орлеан. День Четвертый[46]

— Жанна... — Бертран осторожно постучал в дверь комнаты. — Жанна... ты проснулась?

— Заходи, Бертран, — раздался бодрый голос, и рыцарь осторожно приоткрыл дверь.

Жанна сидела за столом с пучком молодого лука в одной руке и вчерашним наброском английских укреплений в другой. Она выглядела веселой и отдохнувшей, словно проспала всю ночь, а не легла под утро в горячке. На краю стола стояла тарелка с вареной рыбой, но Жанна не прикоснулась к ней.

— Как ты себя чувствуешь? — осторожно спросил рыцарь.

— Как и должно, — ответила Жанна.

---

[46] "On May 3rd the advance elements of the forces approaching from Blois were spotted in the distance by the city's sentries, and in anticipation of renewed fighting a procession was held in the evening '...to implore Our Lord for the deliverance of the town of Orleans'..." и далее. [2]

Бертран смотрел, как она уплетает молодой лук с хлебом, и не мог поверить глазам: подымаясь к ней, он боялся увидеть, что Жанна слегла на несколько дней.

— Хочешь есть? — спросила она, заметив его взгляд. — Рауль де Рекур решил принести мне завтрак... Купил рыбы, хлеба и лука... Лук свежий и вкусный, а вот рыбы мне не очень хочется. Поешь?..

Бертран улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Ты вроде не умела читать карты, — сказал он, имея в виду клочок бумаги в ее руке, и присел к столу.

— А я и не умею, — Жанна доела кусочек хлеба и взяла еще лука. — Но вчера, когда мы ходили перед английскими баррикадами, часть всего, что я видела, осела на бумаге, словно снег на ставнях. Теперь, глядя на твою карту, я снова вижу английские укрепления... словно стою перед ними... Конечно, не так отчетливо... вижу только основное, детали смазаны... но и этого достаточно.

Бертран перевел взгляд с нее на лист бумаги в ее руке, а потом сказал тихо:

— Жанна... за это тебя могут сжечь на костре...

— Пусть сжигают! Я приношу все, чем являюсь, в жертву Франции. Если есть тот, кто может отдать Франции больше, пусть придет и отдаст.

— Но разве... это не колдовство?

— Нет, конечно!!! Бертран, ну разве так сложно все понять?!! Колдуны призывают в слуги демонов, а меня сопровождают Ангелы!

Бертран некоторое время молчал, а потом вздохнул смиренно.

— Чем займешься сегодня?

— Буду молиться в соборе. Если хочешь, присоединяйся ко мне...

Бертран стушевался.

— Я не очень хорошо молюсь, Жанна... Я больше солдат.

— Никто не должен стесняться молитвы, — сказала она. — Тем более защитник Родины. Словно огонь наполняет светильник, так и молитва должна наполнять твое сердце. Если не призовешь Господа к себе на поле боя... как узнаешь, кто из врагов достоин смерти, а кого достаточно обезоружить, или когда устремиться вперед с кличем Победы на устах?

— Жанна... но если я буду читать молитву постоянно, она обратится скороговоркой и от нее будет лишь клонить в сон.

— Радость должна быть твоей молитвой, Бертран. Не может сердце уставать радоваться... Умей радоваться так, чтоб радость никогда не кончалась!

— Жанна... но кругом лишь отчаяние... Как заставить себя радоваться?..

— Ты слагаешь будущее, Бертран... Почему же отчаяние окружает тебя? Неужели будущее твое так уныло?

Бертран посмотрел под ноги.

— Я не знаю...

— Но если ты не знаешь будущего, зачем идешь в бой?..

— Я иду в бой за тебя, Жанна!

— Нет, милый мой Бертран, — ласково улыбнулась она. — Ты идешь в бой за все самое светлое, что было возжжено в тебе нашей встречей, за ту часть тебя, которую разбудил крик будущего, долетевший из моей груди. Ты услышал будущее, и ты возжелал служить ему.

Жанна еще раз улыбнулась и ласково погладила Бертрана по щеке.

— Пойдем молиться, Бертран... Это так важно.

— Хорошо, — ответил рыцарь. — Только разреши позвать еще людей...

...— Эй, Джон, ты смотри... опять французы орут, как ненормальные...

— Ну и пусть себе орут, не мешай спать...

— Говорят, их армия на подходе...

— Да пусть подходит... Толку от их вояк никакого: запрутся в городе и будут лишь громче орать со своей ведьмой. Мы все укрепления захватили... А теперь все же замолчи... Французы спать не дают, и ты еще на ухо бубнишь...

4 мая 1429. Жанна и Орлеан. День Пятый[47]

— Мы взяли не мало солдат, Жанна?

— Пятьсот человек должно хватить... Я уверена, что англичане побоятся ударить. Они так крепко пустили корни в своих укреплениях, что покинут их, лишь когда в победе не будет никаких сомнений. Вот если бы их основные силы во главе с Фастольфом были здесь, все могло бы сложиться по-другому...

...— Идут!!! Идут!!!

...— Дюнуа!!! Старый обормот!!! — Ла Ир, смеясь, направил свою лошадь к орлеанскому бастарду. — Ты таки не заблудился...

— Д'Алансон!!! — он распахнул объятья. — Я чертовски рад тебя видеть!..

— Не сквернословь! — отрезала Жанна, подъезжая к командованию армии следом за Ла Иром. — Каждый раз, когда ты открываешь рот, у меня возникают опасения за сохранность твоей души.

— Жанна!.. Дорогой мой солдат! Пусть об этом попечется мой духовник...

Жанна усмехнулась.

— Будь у тебя хоть десять духовников, я все равно переживала бы.

После чего она кивнула Дюнуа.

— Рада, что вы уже здесь. Стычек с англичанами не было?

Дюнуа покачал головой.

— Мы видели несколько отрядов, но их основные силы все еще находятся около Жанвиля, это примерно двадцать миль отсюда... Они запасаются продовольствием, а потом собираются идти к Орлеану.

Жанну словно ударил разряд тока. Ликование, неземная радость, торжество — все эти чувства в считанные мгновения промелькнули на ее лице.

---

[47] "On May 4th the long-awaited army finally arrived from Blois. Riding out from Orleans with 500 troops 'to aid them, if need be', she met Dunois and company as they approached and rode with them into the city 'without the slightest opposi-tion', according to d'Aulon'..." и далее. [2]

— Именем Божьим приказываю вам уведомить меня, как только англичане приблизятся к Орлеану, — сказала она тихо, но очень отчетливо. — Дюнуа, если Фастольф сумеет обмануть вашу бдительность, я обещаю снять вам голову с плеч.

На мгновение все онемели, но Дюнуа лишь саркастически усмехнулся:

— Жанна... побереги силы для англичан. Можешь не бояться: как только армия Фастольфа приблизится, я дам тебе знать.

...— Добрались... — Жан де Новеломон рухнул на кровать. — Жанна, дорогая, с первых петухов мы высматривали Дюнуа. Нам всем надо передохнуть.

Жанна устало присела на кровать напротив.

— Сама ног не чувствую... Слава Богу, армия в городе, и англичане скоро будут изгнаны. Фастольф спешит... Это хорошо... Это очень хорошо.

Она зевнула, легла на бок и тут же задремала.

...— Боже! — сонная Жанна вдруг вскочила на ноги. — Мои Советники приказывают немедленно выступать против англичан! Но куда, против кого мне идти — против укреплений Тальбота или против сил Фастольфа?.. Что же могло произойти?..

Из распахнутого окна донеслись звуки набата. Бургундские ворота были открыты; горожане беспорядочно метались около них.

— Луи!!! — закричала Жанна и бросилась вон из комнаты.

Ее шаги загрохотали на лестнице, и голос донесся уже с первого этажа:

— Ах ты, негодный мальчишка! Что ж ты не сказал мне, что французская кровь проливается!!! Быстро седлай коня!

— Глупый... глупый Дюнуа! — со слезами на глазах причитала Жанна, облачаясь в доспехи с помощью госпожи Боше и ее дочери. — Сколько еще раз будешь осмеивать ты Посланницу Небесную, ведя солдат на смерть?!! Какой исход от битвы ожидаешь, если не удосужился разбудить победу?!!

Громыхая доспехами, Жанна выбежала во двор и взобралась на коня.

— Жанна, Знамя!!! — де Новеломон протянул ей древко из окна.

Жанна приняла Знамя и с криком послала лошадь в галоп.

В тот день, желая скорой славы, граф Дюнуа во главе полутора тысяч солдат отправился штурмовать бастилию Сен-Лу. Однако англичане умело отбили атаку и нанесли войскам графа немалый урон. Колонны раненых тянулись от бастилии к бургундским воротам... Кто был ранен легче, помогал нести тяжелораненых. Лицо Жанны искривилось от невыносимой боли.

— Когда я вижу кровь французов, у меня волосы на голове становятся дыбом, — сказала она догнавшему ее пажу.

— Держись за моей спиной, — добавила она, — а как приблизимся к сражению, спешься и помогай раненым.

— Но я...

— Спешься и помогай раненым!!! — закричала Жанна и пришпорила коня.

...— Вперед!!! Вперед, солдаты!!! За мной!!!

— Жанна!!! — схватил ее за руку Дюнуа. — Куда ты собралась?!! Там лучники англичан!!! Убьют!!!

Одним движением Жанна сбросила его руку и древком Знамени оттолкнула графа прочь.

— За мной, мои солдаты!!! За мной!!!

...Стрелы свистели вокруг нее, но она была впереди всех.

— За мной, мои солдаты!!! — кричала она, взбираясь все выше и выше по баррикаде. — Вперед, други мои!!!

Она не обращала на англичан никакого внимания, и стрелы словно избегали ее... Она кричала на солдат, звала за собой, стыдила, поворачивалась спиной к англичанам и грозно отчитывала соратников за нерешительность. Она вела за собой так неудержимо, что в конце концов солдатские сердца загорелись, и французы сумели взобраться на баррикады Сен-Лу.

И в этот момент, когда победа была совсем рядом, Жанна увидела отряд англичан, который спешил на помощь со стороны гарнизона Сен-Пуар, готовясь ударить нападающим в тыл. Словно вспышка озарила сознание девушки... Мир померк, а подкрепление англичан обернулось листком клена. Да, всего лишь листком клена.

Жанна быстро сбежала к основанию баррикады и поспешила к отрядам городского ополчения, которые находились в резерве.

— Други мои!!! — прокричала она. — Пришло время возжечь силу духа вашего. Победа близка, и Сен-Лу будет взят, если мы сумеем остановить подкрепленье англичан! Все в наших руках! Копья наперевес, братья! Станем стеною!!! Ангелы с нами!!! Ангелы с нами!!! Ангелы с нами!!!

Шестьсот ополченцев оказались лицом к лицу с многочисленным подкреплением англичан. Два отряда остановились друг напротив друга, и лишь отблески заката пылали на остриях пик. Неслыханное мужество горело в сердцах французов... Они были готовы умереть. И Жанна... Она стояла впереди, ее Знамя трепетало на ветру, а ее глаза были двумя серыми щелями.

В Орлеане все еще бил набат. Вооруженные горожане выбегали из Бургундских ворот и примыкали к живой стене ополчения. «Умрем, но не отойдем!» — проносилось по рядам. «Умрем, но не отойдем!» — твердил каждый из них. «Умрем, но не отойдем!!!»

Далекая команда английского командира прозвучала в тот момент, когда французы сами были готовы броситься в атаку. Развернулся строй английских солдат и медленно направился назад к Сен-Пуар. Лорд Тальбот оставлял Сен-Лу французам на растерзание.

...Не успели люди из ополчения прийти в себя и осознать значение великой победы, одержанной на клочке земли, где они были готовы умереть, но не сдаться, а Жанна уже бежала к Сен-Лу, и Знамя ее снова развевалось над баррикадами англичан.

...— Помилуйте...

Несколько клириков-англичан столпилось возле часовни Сен-Лу. На их лицах был испуг, в руках они держали кресты.

— Помилуйте слуг Господних...

— Вы слуги сатаны! — кричали французы, занося мечи.

— НЕТ!!! — завизжала Жанна, собою закрывая священников. — НЕ позволю!!! Не для того Господь дал нам победу, чтоб мы обращали ее в бесчинство и разбой!!! Солдаты! Вы призваны освободить Францию!!! Чем же эти безоружные священники угрожают Франции?!! Если наш даже самый лютый враг сложит оружие, мы позволим ему вернуться в Англию, потому что наша цель не убивать англичан, но освобождать Родину. Кто из англичан одумается, тот пусть уходит с миром! Покайтесь, солдаты!!! Возблагодарите Бога за победу, которую Он вам ниспослал, несмотря на грехи ваши. Сегодня канун Вознесения Господа нашего, а вы священников убивать надумали!!! Пусть сегодня же исповедуется каждый, иначе я уйду от вас, потому что невыносимо мне смотреть на зверства ваши! Освободителями же будьте, но не извергами!!!

Она стояла перед ними — чистая, прекрасная, пламенная... И солдаты чувствовали, как жаркая, удушливая волна сдавливает им горло.

— Идите за мной, святые отцы, — обратилась Жанна к клирикам.

...— Джон, французы взяли Сен-Лу...

— Ведьма!!! Проклятая ведьма!!! Пусть придет к Турели, уж я ее достану! Ведьма!!!

5 мая 1429.[48] Жанна и Орлеан. День Шестой[49]

«Вы англичане, у вас нет прав на Королевство Французское.

Царь Небесный извещает вас через меня, Деву Жанну, о Своем велении: оставьте укрепления, которые вы занимаете, и возвращайтесь в свою собственную страну. Если же вы останетесь, то грохот оружия оглушит вас, и вы запомните его навечно.

Это третий и последний раз, когда я обращаюсь к вам, боле я не напишу вам ни строчки.

Иисус,✝ Мария;
Дева Жанна.

---

[48] "You, men of England, who have no right to this Kingdom of France, the King of Heaven orders and notifies you through me, Joan the Maiden, to leave your fortresses and go back to your own country; or I will produce a clash of arms to be eternally remembered. And this is the third and last time I have written to you; I shall not write anything further.

Jesus, Mary;

Joan the Maiden

I would have sent you my letter more properly, but you detain my heralds (in French: mes heraulx); for you have de-tained my herald called 'Guyenne'. Please send him back to me, and I will send some of your men captured in the fortress of Saint Loup, for they are not all dead". Joan of Arc's Third Letter to the English at Orleans; May 5, 1429. [4]

[49] "Thursday May 5th was the Feast of the Ascension, and the fighting was therefore suspended again. She used the op-portunity to send her final warning to the English..." и далее. [2]

Я бы отослала вам это письмо более достойным образом, но вы задержали моих герольдов, один из которых, Гиан, является королевским герольдом. Прошу вас отпустить его, в обмен обещаю освободить тех ваших людей, которые выжили при штурме бастилии Сен-Лу».

...— Бертран, ты закончил?..

— Да, Жанна, письмо готово.

— Ты записал все в точности?..

— Жанна, я всегда записываю за тобой слово в слово...

— Почему же тогда англичане никак не поймут, что им лучше с миром покинуть наши земли?.. Ну почему, Бертран?!!

Рыцарь пожал плечами.

— Наверное, потому, что они люди, а людям свойственно заблуждаться, грешить и не верить.

— Да, это, конечно, так, но теперь, когда мы изгнали их из Сен-Лу... Неужели и теперь они не видят, что Господь с нами? Сколько лучников стреляло в меня. Сколько сотен стрел пролетело мимо, и ни одна не коснулась меня. А ополчение, которое остановило английских латников... Это ли не чудо?!!

Бертран печально улыбнулся.

— Мне кажется, это не чудо для англичан. Они полагают, что ты ведьма.

— Они заблуждаются!!! Если кто может служить Франции пламеннее, пусть придет, и я первая преклоню перед ним колено!

Бертран аккуратно сворачивал в трубочку послание англичанам, чтобы привязать к стреле.

— А как ты узнаешь этого человека? — спросил он Жанну тихо.

Жанна внимательно посмотрела на Бертрана, а потом мягко улыбнулась.

— А как можно не узнать Героя? Кто силен духом, тот увидит в нем силу духа. Кто милосерден, тот увидит сострадание. Кто отважен, тот увидит отвагу. Кто умеет Любить, тот увидит Любовь. Кто умеет Верить, тот увидит Веру. Потому что в этом Человеке будет ВСЕ.

...Задребезжала тетива, и стрела унеслась к недалекому щиту англичан.

— Послание!!! — крикнула Жанна. — Весточка вам!

Прошло несколько минут, а потом англичане разразились хохотом.

— Это лишь весточка от арманьякской шлюшки!

Жанна побелела лицом, и слезы навернулись на глаза.

— Как они могут так... — прошептала она, — сегодня же Вознесение...

— О Господи праведный, помоги мне выстоять... — продолжала она едва слышно. — Они не верят, что весточка от Тебя... Прости их, милосердный Господь мой... и укрепи меня на Пути.

— Жанна... — подошел к ней Бертран.

— Не надо, — покачала она головой. — Не жалей меня. Далеко не все Вести от Господа моего были записаны на бумаге. Все идет, как надо. Франция воскреснет. Пепел моего сердца удобрит ее поля.

...— Жанна... — как всегда приветливо, раскрыл объятья Ла Ир. — Наконец-то наш посыльный нашел тебя... Заходи же на военный совет, верный солдат Франции!

Жанна прошла мимо, не обращая внимания на приветливые слова: ее взгляд не отрывался от Дюнуа.

Граф немного растерялся от такого пристального взгляда, но все же сумел сказать спокойно и уверенно:

— Пока гонец искал тебя, мы с капитанами обсудили некоторые детали завтрашней кампании. И вот к какому решению мы пришли: чтобы закрепить сегодняшний успех, завтра мы собираемся атаковать крепость Сен-Лорен. Учитывая тот боевой дух, который ты подняла в солдатах сегодня, — добавил он с улыбкой, — нам кажется, это не составит особого труда.

Жанна пропустила его последние слова мимо ушей, взволнованно расхаживая по комнате и бросая колкие взгляды на капитанов и орлеанскую знать; но те лишь отводили глаза. Один Жиль де Ре смотрел на нее вызывающе насмешливо, но Жанна испытывала по отношению к нему все ту же жалость.

— Скажите мне, что вы на самом деле задумали? — обратилась она вдруг к Дюнуа.

Тот на мгновение смутился, а потом развел руки в стороны.

— Жанна... но с чего ты решила?..

— Говорите смело, — перебила его Жанна. — Я способна хранить секреты гораздо бо́льшие, чем этот.

— Но, Жанна... — граф растерянно мигнул несколько раз. — Мы не можем так сразу рассказать тебе все... Во-первых, это заняло бы уйму времени, а во-вторых, ты не поняла бы и половины, так как это связано со знанием стратегии и тактики боя. Мы действительно сегодня приняли решение атаковать Сен-Лорен. Я лишь добавлю, что в случае, если англичане придут на помощь крепости Сен-Лорен с другого берега Луары, мы должны будем пересечь реку и попытаться остановить их.

6 мая 1429. Жанна и Орлеан. День Седьмой[50]

— Пусть этот Рассвет отразится в ваших душах, солдаты Франции!!! — кричала Жанна перед городским ополчением. — Пусть ваши капитаны решили не допускать вас до сражения! Пусть они хотели закрыться вашей атакой на Сен-Лорен, чтобы за вашими спинами ударить по Ла Турели! Пусть они думают о собственной славе, а не о благе Франции! Но пусть все это будет важно для других людей, не для нас!!! Ничего нет важнее блага Франции!!! Ничего нет важнее блага Франции!!! Ничего нет важнее блага Франции!!! За мной!!!!!

И река ополчения покатилась по улицам Орлеана, направляясь к Бургундским воротам, где их уже ждала вооруженная стража, выставленная

[50] "The day of May 6th would see a resumption of the fighting, centered on two strongholds. A fortified monastery called 'le bastille des Augustins'..." и далее. [2]

Дюнуа. Но не было для горожан стражи, не было для них приказа Дюнуа, не было для них запертых ворот. Они шли исполнять свой долг. Они шли умирать. Они шли воскреснуть.

...— Господин де Гокур, по какому праву вы не допускаете людей до защиты своей Родины?!! — укоризненно кричала Жанна на коменданта.

Тот выглядел немного растерянным, но в то же время полным решимости исполнить приказ.

— Вы дурной человек!!! — закричала Жанна. — Как не можете вы понять, что солдат Франции никому не остановить и когда любовь к Родине горит внутри, препятствий уже нет?!! Эти люди все равно выйдут из города и исполнят свой долг так же пламенно, как и вчера; и ни вы, ни Дюнуа, ни лорд Тальбот, ни английские стрелы — ничто не сможет остановить их!

За спиной Жанны раздавались крики и стук копий, люди угрожающе надвигались на стражников. Лицо Гокура все больше заливала краска стыда, и внезапно он вложил меч в ножны.

— Идите!!! Идите, и я сам буду вашим капитаном!!! Открыть ворота!

Словно полноводная река, хлынуло ополчение из стен Орлеана. Во спасение Франции!!!

Солдаты Дюнуа к тому времени уже вброд перебрались на островок посреди Луары, и от него к другому берегу возводился понтонный мост... Ополчение вливалось в ряды наемников, и радость простолюдинов помимо воли зажигала солдат. Бертран де Пуланжи остался с ополчением, пытаясь выстроить неумелых горожан в боевой порядок, а Жан де Новеломон устремился к наемникам. Жанна же нашла Дюнуа и со всей силы ударила графа в плечо, смерила его испепеляющим взглядом и направилась к Ла Иру.

— Жанна! — радостно приветствовал ее капитан. — Не знаю, кого я был бы рад видеть больше!

— Дофина Франции, — сухо отрезала Жанна. — И свое жалование в его руках.

Ла Ир потупился, а потом со вздохом поправил наплечник Жанны.

— Не все в этой жизни продается, девочка. Я продаю свой меч, но не совесть. Я действительно рад тебя видеть...

— Эй! — крикнул он своему пажу. — Лошадь сюда, и быстро! Я захватил ее из Орлеана, потому что знал — ты прорвешься.

Жанна погладила по шее своего боевого коня.

— Спасибо, Ла Ир, — сказала она потеплевшим голосом.

— Спасибо скажешь, когда высадимся на тот берег.

...— Пора!!! Вперед, французы!!! Вперед!!!

— Час Огня, — прошептала Жанна.

— Час Огня!!! — закричала она, устремляясь вперед[51].

...— Вперед, французы!!! — кричала Жанна, размахивая Знаменем. — За мной!!! На штурм Огюстена! За мной!!!

[51] Речь идет о канонических часах церковного богослужения.

— Жанна... — догнал ее Дюнуа. — Погоди немного! Англичане оставили монастырь Сен-Жан-Ле-Блан... Нам незачем переходить в атаку на Сен-Огюстен... Можно пока остаться в Ле-Блане, укрепиться, а уже потом штурмовать Огюстен.

— Дюнуа, ты не думаешь ни о чем, кроме своих карманов! — закричала Жанна. — Пока вы будете грабить Ле-Блан, англичане укрепятся в Сен-Огюстене, и вам придется платить за свою жадность жизнями орлеанцев. Как же вы будете стыдиться своей жадности на Небесах!!!

— За мной, солдаты Франции!!! — устремилась она к укреплению Огюстен, не обращая внимания, поддержал ли кто ее атаку.

Ополчение как один человек устремилось в атаку за ней следом, но капитаны с наемниками остались в покинутом англичанами монастыре.

...— Дюнуа, Жанне приходится несладко, — мрачно сказал Ла Ир.

— А мне плевать, — зло огрызнулся граф и повернулся к капитану спиной. — Я предупреждал, что мои солдаты не поддержат ее! Пусть смерть научит эту гордячку!

Ла Ир опустил стальную ладонь на плечо Дюнуа и развернул его к себе лицом.

— Хочешь, чтобы весь Орлеан взбунтовался, когда люди узнают, что ты оставил Жанну на смерть, набивая свои карманы?

— А ты-то что?!! — взбеленился Дюнуа. — Ты сам наемник. Какое право ты имеешь меня отчитывать? Какое тебе вообще дело? Если запахнет бунтом, тебя как ветром сдует!

— Я... — усмехнулся Ла Ир и стиснул плечо Дюнуа так, что на доспехах графа остались вмятины. — Я подам веревку тем ополченцам, которые будут тебя вешать. Сейчас я и Жиль де Ре отправимся на помощь Жанне. Если ты не поддержишь нас, то по возвращении я при всех начищу твою наглую рожу.

...— Отводите ополченцев к Сен-Жан-Ле-Блан! — кричала Жанна коменданту Гокуру и де Пуланжи. — Мы прикроем вас!

— Но, Жанна...

— Если мы останемся здесь, то назад не вернется никто! Отводите ополчение!

Гокур некоторое время ошеломленно смотрел на нее, а потом заорал, что было мочи:

— Никуда я не пойду, черт его дери!!! Пусть, кто хочет, тот и отводит солдат к монастырю, а я останусь здесь и умру здесь, если на то воля Божья, потому что сражаться здесь и сейчас — моя воля!!!

— Не смотри на меня так, милая Жанна, — умоляюще прошептал Бертран. — И не требуй от меня невозможного. Пусть это сделает кто-то другой...

...— Друзья! — Жанна стояла лицом к поредевшим рядам отряда ополченцев, а за ее спиной грозно выстраивался строй англичан. — Братья! Много хочу сказать, но не сумею словами описать все Величие этого дня. Сражаться за Родину, Побеждать за Родину, Умирать за Родину — что может

быть прекраснее?!! Нет слов у меня, лишь Пламя в груди бьется! Примите от меня дар последний, солдаты Франции, — воспылайте же Пламенем!!! Омоем прегрешения наши собственной кровью и ступим в Священные Чертоги очищенными! Вперед, воины!!! Врата Царствия Небесного открыты!!!

Словно непоколебимая монолитная стена, ощетинившаяся копьями, двинулись вперед французы... А впереди них со Знаменем наперевес вдохновенно шла юная девушка семнадцати лет от роду. Прекрасная... Чистая... Пламенная.

И дрогнули англичане. Попятились, словно от наваждения, в страхе оглядываясь друг на друга. Не видели они такого в прошлом... но не раз еще увидят в будущем.

С флангов налетела на них кавалерия Ла Ира и Жиль де Ре... Создавалось впечатление, что летящие лошади сминают не английских солдат, но ряды огородных пугал... Остатки англичан в панике бежали в укрепление Сен-Огюстен.

После боя Ла Ир подошел к Дюнуа. Граф упрямо смотрел на него исподлобья. Однако капитан лишь улыбнулся:

— Сегодня один граф запечатлел себя на страницах истории как трус. Он останется трусом в веках. Каждый год, который ему предстоит прожить, тысячи взглядов будут говорить ему, что он был трусом. Что изменит, если сегодня я разобью этому графу лицо? К чаше его позора это не добавит ни капли.

И с этими словами Ла Ир ушел прочь.

...— Ла Ир, де Ре! — звонкий голос окликнул обоих.

— Жанна! — распахнул объятья Ла Ир. — Храбрейший солдат Франции!..

Жанна рассмеялась и крепко обняла капитана.

— Спасибо, что поддержал меня...

— И тебе спасибо, Жиль, — обратилась она к де Ре.

— Его заслуга, — кивнул на Ла Ира барон.

— Знаю... — тихо шепнула Жанна.

— Надо немедленно приступать к штурму Сен-Огюстена, — сказала Жанна рыцарям секундой позже.

Ла Ир и Жиль де Ре переглянулись.

— Нечего переглядываться! — крикнула Жанна. — Не меня на поле боя поддержали, но Спасение Франции! А коль поддержали, то имейте мужество следовать за Спасением... или оставайтесь здесь и наблюдайте, как истинные сыны Франции возьмут его без вас. Неужели думаете, что мне помогаете? Себе помогаете, слагая на поле боя грядущую славу и честь.

— Если мы не поддержим тебя, — усмехнулся де Ре, — штурм Огюстена обернется твоей гибелью.

— Если вы не поддержите меня, — холодно ответила ему Жанна, — то штурм Огюстена обернется *вашей* гибелью. Кто отдает свою жизнь за свободу Родины, тот воскресает Ангелом в Царствии Небесном, но кто

отрекается от Родины, чтобы жизнь сберечь, тот по-настоящему умирает. Выбирайте: со мной вы или с Дюнуа.

...— А может, действительно так будет лучше? — пробормотал Жиль де Ре, глядя Жанне вслед. — Пусть пойдет себе на штурм и погибнет на бастионах... А через полчаса мы с Дюнуа возьмем Сен-Огюстен. Мне кажется, пора уже избавиться от этой полоумной.

Ла Ир посмотрел на него взглядом, полным сочувствия, и усмехнулся.

— Ты страшный человек, Жиль.

Капитан-наемник взобрался на лошадь, а потом добавил:

— Воистину, нет пророка в своем отечестве... И только крестьяне, которым терять нечего, с радостью встречают Мессий.

— Чтобы потом распять их! — крикнул ему в спину Жиль де Ре, но Ла Ир лишь рассмеялся.

...— За мной!!! За мной, мои солдаты!!! — кричала девушка в доспехах, бесстрашно взбираясь на земляной вал у стен Сен-Огюстена. — Во славу Франции!!! Во славу Господа!!! За мной!!!

С небольшим отрядом солдат Жанне удалось подняться на гребень вала, где Знамя ее было укреплено, став зовущим магнитом для французских войск. Словно волна прилива, которая устремляется в расщелину между скалами, устремились французы к Знамени, полыхавшему над сражением, подобно солнечному лучу в горном водопаде. И Жанна была рядом, и доспехи ее ослепительно сияли, и слова проникали в сердце каждого француза.

Атакующие перевалили через гребень насыпи и устремились к стенам монастыря. Жестокий бой завязался у ворот, где на маленькой площадке громадный англичанин разил нападающих двуручным мечом. Английские арбалетчики бойко стреляли со стен, не давая лучникам французов поразить громилу.

— Жан!!! — подбежала к де Новеломону Жанна. — Я знаю, что у тебя есть солдат с мушкетом... Он очень нужен здесь!

...— Сможешь? — спросил солдата Жан из Меца.

— Сложно это будет, господин рыцарь... слишком далеко...

— Нет далеко или близко, — твердо сказала Жанна. — Есть вера или ее отсутствие. Я, Посланница Небесная, говорю тебе, что твой выстрел будет метким, если ты найдешь в себе силы поверить.

— Во что?.. — испуганно спросил ее стрелок.

Жанна улыбнулась ему и погладила по волосам.

— Что Господь сейчас рядом и направляет руку твою.

Громом ударил выстрел, все вокруг затянуло пороховым дымом... А когда ветер развеял сизые клубы, стало видно, что англичанин с двуручным мечом тяжело ранен и с трудом отражает удары нападающих.

— Не прекращай стрелять, — крикнула Жанна, убегая к воротам, покосившимся от удара тарана, — на стенах много арбалетчиков!

...— За мной, солдаты!!! За мной!!!

...— Жанна, — несмело позвал ее капеллан Паскерель, — меня прислал граф Дюнуа. Они провели совет... и решили не оставаться под стенами Ла Турели. Им кажется, что англичане могут ударить ночью... поэтому более разумно отвести солдат на ночь в Орлеан...

— А завтра утром снова сражаться за Сен-Жан-Ле-Блан? — усмехнулась Жанна. — Чтобы, захватив его, приступить к осаде Сен-Огюстена?.. Наши «военачальники» переживают за свои шкуры, в то время как на кон поставлена свобода Франции. Дюнуа опять собрал совет без меня и трусливо решил отступить в Орлеан... Но пока проходил этот совет, у меня состоялся Совет мой. И я знаю, что решения моего Господа будут осуществлены сыновьями Франции, тогда как решения титулованного малодушия обратятся прахом.

Жанна осмотрела Паскереля холодным взглядом.

— Если мы хотим победить, нам нужно разбить свой лагерь здесь, а завтра поутру встать рано, даже раньше, чем сегодня, и отдать все, что сможем, во имя освобождения нашей священной Родины. Паскерель, пребывай рядом со мной и устремляйся к победе так же, как это делаю я. И когда придет твой черед, не пожалей своей крови так же, как я. Быть раненым или убитым во имя Родины — ничто!!! И я чувствую... я уже чувствую эту предательскую стрелу у себя в ключице, я уже вижу, как кровь изливается из моих ран. Но останавливает ли это меня?!! Ни копья, ни стрелы, ни огонь, ни ненависть не способны остановить устремленный дух!!! Нет препятствий устремлению — и даже смерть не преграда!!!! Взгляни на мое Знамя, духовник мой! Оно продырявлено стрелами и измазано копотью, но от этого оно только прекраснее!

— Будьте, как это Знамя!!! — обратилась Жанна ко многим воинам, которые внимательно слушали ее. — Обретите величие во Славе освободителей!!! Солдаты, верьте своему сердцу! Зачем вам жизнь, если сердце ваше не горит о спасении Родины?!!

...— Дюнуа... — дружески обнял его Ла Ир. — Можно поинтересоваться, куда это ты собираешься?..

— Я и мои люди отходим в Орлеан, — Дюнуа зло сбросил руку капитана и презрительно осмотрел его. — Как и было решено на недавнем совете.

— Остынь, Дюнуа... — беззлобно усмехнулся Ла Ир. — Пройдись по лагерю, подыши воздухом...

Ла Ир посмотрел на него в упор и добавил:

— Послушай, о чем люди говорят...

Дюнуа оскалился и со злобой скрипнул зубами.

— С каких это пор нас интересует, что болтают простолюдины?!! Плевать мне, что они плетут!!! Все равно будет по-моему! Никогда не будет баба командовать моими людьми и тем более мной! Увидали спасительницу... Полоумную вы увидали и пляшете как один под ее дуду!.. Плевать мне, что там бормочут... Никогда я не звал крестьян на воинские советы!.. Плевать!!!

— А вот и напрасно, — похлопал его по плечу Ла Ир. — Напрасно тебе плевать. Зря прогуляться по лагерю не хочешь. Точно не пойдешь?.. Ну, тогда

я сам тебе в двух словах перескажу. Жанну боготворят, но это тебе неинтересно, я знаю. Однако ходят и другие слухи, которые тебя касаются... Говорят, граф Дюнуа англичанам продался...

Граф онемел, и его челюсть медленно отвисла. Ла Ир рассмеялся и продолжил:

— А ты думал!.. Народ, каким глупым он тебе ни кажется, тоже умеет наблюдать и делать выводы из того, что видит. Ведь это ты не позвал Жанну в атаку на Сен-Лорен, а она победу принесла. Это ты не хотел выпускать ее из города сегодня поутру, и ты не поддержал ее атаку на Сен-Огюстен, когда ее отряд вырезали англичане. А теперь ты подбиваешь людей оставить захваченные французской кровью укрепления. Тут ума много не надо, — Ла Ир вздохнул и покачал головой, — вывод сам напрашивается: ты продался англичанам и сделаешь все, чтобы помешать Жанне снять осаду с Орлеана.

— Но... — дар речи вернулся к Дюнуа возмущенным криком. — Но как?!! Такое только в бреду... Ведь я...

— А почему ты на меня кричишь?.. Пойди, поговори с людьми в лагере... на них покричи или им что-то докажи. Советовал же тебе...

Дюнуа медленно присел на камень, а потом вновь вскочил на ноги.

— Мне плевать на все эти бредни ополоумевших крестьян!!! Я собираю своих людей и отхожу в Орлеан!!!

Но взгляд Ла Ира заставил его замолчать.

— Забыл уже «селедочную битву»? — мрачно процедил капитан. — Шотландская рота... гасконцы... кавалерия... Ты похоронил их всех... ты не послушал меня, хотя я был против твоей идеи, как только стало ясно, что Клермонский нас не поддержит.

— Слушай, — широко усмехнулся Ла Ир, — а ведь все складывается один к одному... Уже и я начинаю сомневаться: может, ты действительно в сговоре с Англией?..

— Хорошенько подумай, прежде чем возвращаться в Орлеан, — добавил он, уходя.

7 мая 1429. Жанна и Орлеан. День Восьмой[52]

— Час Рассвета!!! — кричала Жанна солдатам, которые строились, чтобы штурмовать Ла Турель. — Час Рассвета!!! В час Пламени началась атака на Сен-Жан-Ле-Блан, и Господь даровал нам победу! Теперь пробил иной Час — Рассветный! Устремимся сердцами своими! Устремимся своими душами! Устремимся — и принесем Рассвет Матери нашей, Франции!!! За мной, солдаты!!! За мной!!!

...Она бежала вперед, чуть пригнувшись, не отрывая взгляда от земляной насыпи вокруг Ла Турели, и ее дыхание пульсировало внутри колким пламенем раннего утра. К ней летело множество стрел; словно во сне, видела Жанна, как проносились они мимо.

---

[52] “On May 4th the long-awaited army finally arrived from Blois. Riding out from Orleans with 500 troops ‘to aid them, if need be’, she met Dunois and company as they approached and rode with them into the city ‘without the slightest opposi-tion’, according to d'Aulon’...” и далее. [2]

«К насыпи...» — звучало внутри нее.

«К насыпи, девочка...»

Рядом в землю врезалось ядро бомбарды, и, словно хлопья снега, взметнулась земля...

«К насыпи... — шептала про себя Жанна. — К насыпи...»

Ее Знамя врезалось в потоки ветра, и древко трепетало в руках, словно живое.

Гулом далекого морского прибоя несся сзади рев бегущих в атаку французов... Слезы наворачивались на глаза Жанны и размазывались по щекам ветром: как радостно кричали ее братья!

«К насыпи... скорее к насыпи.

Там победа».

Вершина земляного вала окуталась порохом, когда англичане дали залп из мушкетов.

«Вверх... вверх... вверх по насыпи.

Вверх... вверх!»

Многие французы карабкались уже вровень с ней, а некоторые даже обогнали ее. Но грянул второй залп с вершины холма — и бегущие впереди с криками опрокинулись назад и покатились по склонам. Новые солдаты обгоняли ее, не обращая внимания на раненых и убитых товарищей... В тот день французы устремлялись вперед с такой силой, словно обрели истинное бессмертие.

Новые залпы грохотали на вершине, новые ядра сминали ряды атакующих, но новые люди становились на место погибших и с новой яростью поднимались все выше к гребню насыпи. Натиск французов был так неистов, что англичане не успевали перезаряжать мушкеты и орудия. И вот — волна нападающих накрыла собой английские ряды.

Англичане, поначалу рубившие французов мечами и боевыми топорами, уже не успевали заносить оружие и лишь отталкивали нападающих древками. Местами, где напор атакующих был особенно силен, возникала страшная давка и в ход шли даже кулаки.

Но снова ударили английские орудия и мушкеты — и поредевшие ряды французов откатились почти к основанию холма.

...— Не отступимся, солдаты!!! — кричала Жанна, помогая поднять лестницу к редуту, с которого англичане вели убийственный огонь. — Не отступимся!!!

...— Джон!!!

— Сам вижу!!! Уйди прочь! Из твоей пищалки не попасть!!! Мои стрелы вернее.

Заскрипела тетива.

— Держись, ведьма... — едва слышно прошептал английский лучник, и с резким щелчком стрела унеслась прочь.

...— Вперед!!! Вперед, солдаты мои!!! — кричала Жанна, взбираясь по лестнице.

Ее Знамя было внизу, переданное Ле Баску, но в руке был меч, а в сердце — пламя, и французы устремлялись за ней.

— Кто меня любит — ЗА МНОЙ!!!

...Удар, словно оглоблей, — прямиком в ключицу.

— Впе... ред...

Что-то соленое в горле.

Мир замер... покачнулся из стороны в сторону... опрокинулся... Перекладины лестницы мелькали, проносясь мимо. Вершина редута уносилась все дальше.

...— Пропустите... Пропустите нас...

— Жанна... о Боже... Жанна...

— Расступитесь, пропустите нас...

...Жанна была испугана, ее сотрясали рыдания.

— Жанна... — протолкался к носилкам один из солдат. — У меня есть амулет... Я знаю заклинание...

Жанна, кашляя кровью, приподнялась на локтях.

— Я скорее умру, чем совершу нечто, грешное для моей души! Никогда не преступлю я Веления Господнего!

— Ты Паскерель?.. — узнала она своего исповедника, молившегося с другой стороны носилок.

— Да, — он уложил ее обратно.

— Почему же ты здесь?!! Не я ли говорила тебе вчера... устремиться всеми силами?..

— Но, Жанна... ты ведь ранена...

— Моя рана затянется... а редут англичан причинит многие потери, если не захватите его теперь. Вперед!!! — закричала она. — Во спасение Франции!!!

Солдаты в нерешительности топтались вокруг.

— О Господи!!! — простонала Жанна с болью в голосе, пытаясь встать. — Неужели мне придется карабкаться по стенам со стрелою в груди?.. Но если на то Твоя Воля...

— Нет, Жанна, нет!!! — закричал Паскерель. — Мы уходим!

— На штурм!!! — закричал он солдатам. — Вы слышали, что сказала Жанна!!!

...Жанна плакала от отчаяния и боли, но скоро решимость вытеснила страдания прочь.

— Помогите снять панцирь, — обратилась она к солдатам, которые остались рядом.

...— Что, святой отец... что?.. — с надеждой шептала она, глядя в самую душу врача.

Тот отвел глаза.

— Стрела прошла насквозь... Надо извлечь ее... Надо перенести тебя в палатку... потому что здесь я не решусь...

Жанна часто дышала и все крепче стискивала челюсти. Затем с криком завела левую руку за спину и, раня пальцы, обломала стрелу возле наконечника.

— Дочь моя... — бросился к ней священник, но замер на месте, пригвожденный ее взглядом.

Жанна немного отдышалась и с рычащим криком выдернула из ключицы остаток стрелы.

— Теперь ничто не мешает вам обработать... рану... — прошептала она, теряя сознание.

...«Как жизнь светла...
Во тьме есть свет...
Вот боль была...
А вот — ее нет...»

...— Сестра моя... — чуть слышно шептала Жанна... — Сестра моя Катерина...

...— Тампон... — бормотал лекарь. — Оливковое масло... свиной жир... это остановит кровотечение... Слава Господу нашему, артерия не задета...

...— Проследите, чтобы она не вздумала встать, — приказал лекарь солдатам, уходя к другим раненым. — Хотя вряд ли она очнется до утра...

...«Вставай, дитя!
Господь зовет...
Веди войска
Свои вперед...»

...— А!!! — Жанна вскочила с носилок, словно подброшенная какой-то невидимой силой.

Солдаты бросились к ней, но Жанна жестом остановила их.

— Сколько я была без сознания? — требовательно спросила она.

Солдаты изумленно смотрели на нее, не в силах вымолвить и слова.

— Сколько?!! — крикнула она. — Ла Турель взята?!!

Солдаты замотали головами, и один из них пробормотал:

— Вы были без сознания меньше получаса...

— Редут захвачен?..

— Нет, госпожа... Мы отступили... Сейчас англичан обстреливают пороховые башни Орлеана.

...— Дюнуа!!! — резко окрикнула его Жанна. — это ты отдал приказ остановить штурм?

Дюнуа хмурясь смотрел на нее.

— Странно... Говорят, ты была серьезно ранена... а ты на ногах...

— Я на ногах милостью Божьей и силами Его Ангелов. Дюнуа, сейчас нельзя отступать! Необходимо продолжать штурм!.. Я прошу тебя, граф... Я умоляю тебя перед всеми твоими солдатами... Не отступайся еще хотя бы час. Мне нужно помолиться, но когда я вернусь, все будет по-другому. Клянусь, граф!!! Мы победим сегодня, если только атака будет продолжена!

С превеликим трудом Жанна взобралась на лошадь и ускакала к далекому винограднику.

Дюнуа обернулся к Ла Иру и Жиль де Ре. Оба смотрели на него выжидающе, с издевкой в глазах. Граф сглотнул.

— В атаку!!! — заорал он вдруг на капитанов. — Слышали, что сказала Жанна?!!

Ла Ир расхохотался во все горло и похлопал Дюнуа по плечу.

Жиль де Ре усмехнулся, потом пожал плечами и поднялся на ноги.

— Что, Дюнуа, уже и ты поверил «Посланнице Небесной»?

На лице графа заиграли желваки, и он яростно выхватил из ножен меч.

— Лучше бы ей действительно оказаться Посланницей... иначе Небеса ее не заждутся! Вперед!!!

...— *Сестры мои... укрепите меня... дайте сил... одарите мужеством... Как тяжело мне... как тяжело... Но вы пребудьте рядом... пребудьте рядом... пребудьте рядом...*

...— Ле Баск!!! — кричала Жанна, несясь к сражению на лошади. — Ле Баск!!! Кто видел Ле Баска?!!

— Он впереди, госпожа... — отвечали ей раненые. — Он с вашим Знаменем... Он словно заговоренный...

— Мое Знамя!!! — кричала Жанна. — Мое Знамя!!!

...— Ле Баск!!! — Жанна догнала его как раз в тот момент, когда начиналась новая атака. — Давай Знамя, я поведу солдат!

Рослый парень замотал головой, пятясь от нее, словно от призрака.

— Жанна... я не пущу тебя в атаку, ты еле на ногах стоишь... Эта атака тебя убьет...

— Отдай Знамя, солдат, и не перечь Божьей воле!!! — закричала Жанна и схватила Знамя за один конец древка, в то время как Ле Баск не выпускал второй конец из своих рук.

Какое-то время они перетягивали Знамя, словно канат, а затем Жанна взмолилась:

— Ах, Ле Баск... неужели это то, что ты обещал мне?

— Жанна... — ответил солдат на удивление спокойно. — Ты ранена. Твое Знамя поведет нас. Теперь, когда мы увидели, как сбываются твои пророчества, мы всеми силами устремимся вперед, потому что помним, как ты говорила вчера: «И в тот час, когда ветер понесет Знамя к Ла Турели, крепость будет взята». И вот — ветер нашей веры несет Знамя.

— За мной!!! — заорал он, вырвав Знамя из рук Жанны. — За Францию!!! Жанна с нами!!! Жанна с нами!!! Вперед!!!

Рев солдат, устремившихся вверх по насыпи, был оглушителен.

Силы оставили Жанну, и она опустилась на землю. По ее щекам бежали слезы, а мимо нее в сиянии Славы Небесной устремлялись вперед истинные сыны Франции.

...— Жанна... Жанна... — доносилось до нее, словно из невообразимой дали.

Она шла между солдат, едва находя в себе силы, чтобы идти.

Груженная смолой барка уже подожгла мост, по которому английское подкрепление спешило к Ла Турели, и англичане в панике отступили назад.

Ла Турель была захвачена, и немногие выжившие солдаты сэра Уильяма Гласдейла оборонялись около пылающего моста, прикрывая отход своих товарищей через этот пламенный ад.

— Гласдейл!!! — что было мочи закричала Жанна, видя, как английский капитан с остатками людей ступили на горящие доски моста. — Сложи... свое оружие... перед велением Царя Небесного!!!

В ответ долетело лишь размазанное ветром слово. Жанна закрыла руками лицо... Ее плечи сотрясались.

— Ты, который назвал меня шлюхой!!! — вдруг закричала она что было сил. — Я испытываю огромную жалость к твоей душе и к душам твоих солдат!!!

В ответ донесся смех... Но сразу после этого загрохотал обрушившийся в реку мост.

Десятки англичан нашли свое прибежище на дне Луары, утащенные под воду тяжестью доспехов... Жанна же опустилась на колени, а потом сложилась пополам в рыданиях невообразимой силы. Солдаты избегали смотреть на нее и друг на друга... В глазах у многих были слезы. Жанна плакала по погубленным душам англичан... а солдаты плакали по той боли, от которой плакала она.

...Жанну хотели внести в Орлеан на носилках, но она отказалась и въехала в город на лошади.

Когда она показалась в проеме южных ворот города, в соборах зазвучали колокола. Радостным был их звон, и радостными были крики орлеанцев. Устало улыбалась им Жанна, и два Ангела поддерживали ее в седле.

Самое важное сражение за Орлеан состоялось.

8 мая 1429. Жанна и Орлеан. День Девятый[53]

— Жанна!!! Жанна!!! Англичане покидают укрепления! Они отступают!!! Они отступают!!!

...— Нужно выстроить армию вот здесь!!! — взволнованно кричал Дюнуа. — И если англичане надумают сражаться, милости просим!!! А если будут убегать, словно трусливые псы, мы ударим им в тыл!!!

— Дюнуа, сегодня Воскресенье, — тихо сказала Жанна, стоящая на пороге.

— О, Жанна!!! — Дюнуа, казалось, действительно был рад ее видеть. — У нас получилось!!! Орлеан свободен!!!

— Еще нет, граф... Если мы надумаем дать англичанам битву и проиграем, Орлеан снова будет осажден.

Граф некоторое время смотрел на нее нахмурясь, а потом примирительно произнес:

---

[53] “The next day, Sunday May 8th, the English commanders decided to pull all forces out of their siege lines and abandon the effort. As they formed the troops in line of battle for one last challenge to the French, Jehanne put on a jasseren (a light suit of mail, since she was no longer able to take plate armor in her current condition) and rode out with the commanders to observe the situation...” и далее. [2]

— Что ты предлагаешь?

Жанна подошла к столу и некоторое время рассматривала карту, словно пытаясь узнать местность.

— Мы должны выстроиться армией вот здесь и стоять без малейшего движения до тех пор, пока англичане не уйдут или не начнут атаку. Мы сделаем все возможное, чтобы кровь не пролилась в День Воскресный; но если англичане изберут нарушить заповедь Божью, пусть будет так, как они хотят.

...Больше часа враждующие армии стояли в тишине друг напротив друга — лишь хлопали на ветру развевающиеся знамена.

После чего англичане отступили.

...— Мы должны атаковать немедленно, — радостно кричал Дюнуа, — англичане отступают... Они растягиваются в колонну, и мы можем ударить и разбить их войска сейчас же!

— Дюнуа, — тихо сказала Жанна. — Мы разбили бы их и в открытом бою... но боя не было. Англичане не настолько трусливы, чтобы избегать сражений... однако они развернулись и ушли. Причины их поступка мне неизвестны, и тебе тоже, но оставим исследование историкам. Сегодня Воскресенье, Святой день... Нельзя сражаться в Святой день!

— Но вся наша война священна!!! — закричал Дюнуа.

— Война священна для тех, кто идет освобождать Родину, а не свои владения, — спокойно ответила Жанна. — Скажи мне, в чем секрет успехов последней недели?

— Хочешь сказать, в тебе? — криво усмехнулся Дюнуа...

И хотя он усмехался, его усмешка уже не была прежней. В ней поубавилось яда.

— Нет, граф, — покачала головой Жанна, — не во мне. Но в Том, Кто пришел со мной. Заслуги кувшина нет в том, какое вино разливается по чашам. Если вы будете проливать кровь по воскресеньям или убивать английских священников, я все равно останусь с вами, но останется ли Тот, Кто пришел со мной, я не знаю.

...— Дюнуа... что ты тут делаешь? — подошел к нему Ла Ир.

— Некоторые капитаны ослушались приказа Жанны... — устало пробормотал граф, глядя на закатное солнце.

— Да, я знаю, — рассмеялся Ла Ир. — Не совсем приятно... но что поделаешь. Зато мы захватили больше сорока бомбард, арбалетов и мушкетов!

Дюнуа досадливо поморщился.

— Я уверен, что в атаке обвинят меня.

Некоторое время Ла Ир изумленно рассматривал графа, а потом усмехнулся.

— С каких это пор тебя начало волновать, что думают простые люди?

Дюнуа молчал.

— Скажи, — наконец заговорил он, — ты веришь, что Жанна — Посланница Небес?

Ла Ир задумчиво почесал затылок. Усмехнулся.

— Не знаю... Я не дока во всех этих «Божественных откровениях». Если она

Посланница, почему Бог не спас ее от ранения?.. Если она не Посланница, как сумела она так быстро подняться на ноги?.. Если она Посланница, почему Ангелы не приходят убедить нас?.. А если не Посланница, как мы смогли снять осаду с Орлеана за девять дней?.. Вопросов много... а ответов — ни одного...

— А сам по себе ты во что веришь?

— Я?.. Наверное, я верю, что Жанна — величайшая из ныне живущих дочерей Франции. Я верю, что она сделает все, чтобы освободить Родину. И я верю, что всегда буду рядом с ней, чтобы помочь ей.

— Алансон! — удивленно окрикнул Ла Ир шагающего к ним герцога.

Тот так глубоко задумался, что даже не обратил внимания на окрик капитана. Но вот он приблизился и в упор посмотрел на Ла Ира.

— Скажи мне откровенно... — спросил он тихо, — ты веришь, что Жанна — Посланница Небес?

Ла Ир в изумлении переводил взгляд с Алансона на Дюнуа, а потом со смехом развел руками.

— А тебя что натолкнуло на подобные размышления?

Алансон смотрел на капитана, но словно не видел его.

— После полудня я обходил захваченные укрепления... и чем явственнее я ставил себя на место оборонявшихся, тем лучше понимал, что укрепления могли быть захвачены нами лишь с помощью чуда, но никак не с помощью сил человеческих. Если бы мне предложили обороняться в этих укреплениях, дав надежных солдат, я без труда выдержал бы шести- или семидневную осаду.

Герцог взглянул на Дюнуа и проговорил немного испуганно:

— Говорят, когда церковники допрашивали Жанну в Пуатье и требовали от нее знамений, она попросила дать ей хоть сколько-нибудь солдат и отвести под стены Орлеана... Она сказала, что здесь, у Орлеана, каждый из священников сможет увидеть то чудо, которого так желает.

— Знаете... — добавил д'Алансон, немного погодя, — мне кажется, она свое обещание сдержала.

9 мая 1429. Жанна и Франция.[54] Клери

...— Что слышно, Бертран? — спросила Жанна вошедшего рыцаря.

— Франция кипит, — улыбнулся он. — Дофин шлет письмо за письмом во все верные ему города. Архиепископы во всеуслышание твердят, что ты — Посланница Господня. Народ ликует. К нам приходят все новые и новые люди... Уже собралось около шести тысяч солдат. Почти все орлеанцы, которые сражались в ополчении, перешли теперь в Армию. Они хотят освобождать Францию, Жанна... Они поверили... Они преобразились... Шесть тысяч — это большое войско!!!

---

[54] "'...the Maiden, whom We piously believe to be the angel of the armies of the Lord...' — Jacques Gelu, Archbishop of Embrun, in his treatise to Charles VII, May 1429.

The victory was summarized by Jean d'Aulon as follows: '...through the help of Our Lord and the Maiden, the city was delivered from the hands of [its] enemies'..." И далее: "Jehanne's stay in Orleans was brief. On May 9th, only a day after the English withdrawal, she and Lord Dunois were apparently at Clery, ten miles south of Orleans: the chapel there has a record of their visit". [2]

— Это только половина большого войска, — мягко поправила его Жанна. — Что слышно от англичан?

Бертран немного замялся.

— Как твоя рана? — спросил он.

— Моя рана почти зажила... Бледность и усталость перегорят в Пламени, когда час придет. Так что слышно от англичан?

— Англичане... причислили тебя к слугам Сатаны... Ведьмой тебя называют уже все верные им церковники. А что им делать? Еще месяц назад они выставляли свои победы напоказ и громогласно утверждали, что с ними Господь... Что же им говорить теперь... после поражения? Тебе приписывают неслыханные кощунства... Герцог Бедфорд собирает пятитысячную армию в Северной Франции, чтобы присоединиться к силам Тальбота «во Имя Господне». Объединение этих армий поставит нас в весьма сложное положение...

— Бертран, — усмехнулась Жанна, — неужели после всего, что ты видел, ты допускаешь мысль о том, что Господь оставит нас?.. Хватит страха и нерешительности. Мы победили, когда все преимущества были на стороне англичан; победим и теперь, когда не наемники, но Освободители собираются... Надо научиться доверять Господу...

— Жанна... — донеслось откуда-то издалека.

— Жанна!!! — повторил вслед за этим голосом Бертран, вскочил и принялся трясти ее за плечо. — ЖАННА!!!!

...Она вскочила на постели, словно от удара.

Рядом стоял Бертран и тряс ее за плечо...

— Бертран... — прошептала Жанна, постепенно приходя в себя после глубокого сна.

— Что слышно, Бертран? — спросила она, садясь на кровати.

Ее рана сильно болела.

— Тебя ждет Дюнуа, вы ведь собрались ехать в Клери... Но если тебе нездоровится, я сейчас скажу ему...

— Погоди, Бертран... — прервала его Жанна. — Со мной все нормально. Бледность и усталость перегорят в Пламени... когда придет час. Клери лежит на пути к Лошу, где я должна встретиться с дофином.

— Твоя рана очень серьезная...

— Моя рана — ничто! Дух командует телом, а не тело — духом... Иди... прикажи седлать коня.

— Бертран... — позвала Жанна, когда он уже выходил из палатки. — Что слышно... что происходит в мире?..

Некоторое время рыцарь изумленно смотрел на нее, а потом смущенно пожал плечами.

— Жанна, сегодня девятое мая... Англичане лишь вчера ушли из-под стен Орлеана. Гонец с вестью о победе достигнет Шинона только сегодня вечером... А мир узнает о свершившемся лишь через недели...

...— Жанна... — несмело позвал ее Дюнуа. — Ты сумеешь когда-нибудь простить меня?

Они стояли перед прекрасной капеллой в Клери. Солнце сияло на перекладинах креста, одаряя мир сотнями отблесков.

— Мне нечего прощать, граф. Мы ведь добрались до Клери сегодня... К чему вспоминать бастионы непонимания, которые преграждали нам путь?

— Я чуть было не предал Францию, — граф отвернулся и вытер слезы.

Жанна подошла к нему и погладила по плечу.

— Почему слезы твои так горьки? Брат, ты воскрес... Радость должна наполнять тебя.

Дюнуа, не в силах больше сдерживать рыдания, рухнул перед Жанной на колени.

— Прости меня... прости... прости...

Жанна нежно прижала его голову к груди и погладила по волосам.

— Не плачь, мальчик... не плачь... столько радостного впереди... столько светлого...

— Впереди...

— Свет... — закончила она за него. — Много света. Много свершений. Много побед. Прошел горестей час, и грех, который ты мог совершить, уже позади. Вы все приняли меня... Вы все доверились мне... Теперь вам ничего не страшно.

...— Жанна...

— Шагай смело, граф. Таинство исповеди свято... Пока ты исповедуешься, я буду молиться.

...— Жанна... — тихонько позвал ее Дюнуа.

Она стояла на коленях перед статуей Девы Марии... Из глаз ее бежали слезы, а лоб был покрыт испариной.

— Жанна! — позвал он громче.

Она встрепенулась, словно приходя в себя от забытья... некоторое время смотрела на Дюнуа, а потом улыбнулась, словно вспомнила его.

— Дорогой мой граф...

— Не называй меня так, — Дюнуа досадливо поморщился.

— Почему?.. — поднялась с колен Жанна. — Быть дворянином вовсе не зазорно... Скольких беззащитных сможешь защитить ты... скольким помочь... скольким дать надежду. А будь ты простолюдином, твои возможности были бы скромнее.

Жанна перевела взгляд на священника невдалеке и улыбнулась ему.

— Святой отец, вы примете и мою исповедь?..

11 мая 1429. Жанна и Франция.[55] Лош

— Верноподданная Его Величества дофина Карла VII Дева Жанна!

Она стояла в дверях зала, как всегда, смущенная большим количеством людей и тем, как бесцеремонно они разглядывали ее. Только на этот раз в их

[55] "On the 11th they were at Loches to meet with Charles. A detailed description was provided by a German chronicler, Eberhardt von Windecken, the treasurer for Emperor Sigismund: '... Then the young girl bowed her head before the King as much as she could, and the king immediately had her raise it again; and one would have thought that he would have kissed her from the joy that he experienced'..." и далее. [2]

взглядах было не только любопытство... Жанна чувствовала также и страх. Придворные боялись ее — ту, которая принесла Франции освобождение.

Жанна шла сквозь толпу, и многие отводили глаза, опасаясь встречаться с нею взглядом.

— Мой король! — Жанна преклонила колени перед дофином.

— Ну что ты, Жанна, — бросился к ней Карл и за плечи поднял на ноги. — Как же я рад тебя видеть!!!

Неожиданно для всех он обнял Жанну и радостно поцеловал ее.

— Освободительница!!! — закричал он, и спустя мгновение придворные подхватили крик.

— Освободительница!!!

Сердце Жанны бешено колотилось в груди, разрываясь от любви к дофину и жалости к придворным, которые прославляли ее в готовности отречься.

...Стук в дверь королевских покоев застал врасплох всех присутствующих на Тайном Совете.

— Милая Жанна... — улыбнулся дофин. — Тебе ли бояться войти к нам?

Жанна несмело улыбнулась в ответ и подбежала к нему, словно маленькая девочка к своему отцу... пала перед ним ниц и обняла за колени. Ее всю трясло, она пылала, словно в лихорадке.

— Дражайший мой дофин, — прошептала она. — Не поддавайся искушению столь многих и столь долгих размышлений... Воля Господа нашего известна тебе. Соберись же с силами и направься в Реймс как можно быстрее, дабы принять из Дланей Господних Корону Франции... Уже одиннадцатое число... Время безвозвратно уходит.

— Но, Жанна... — удивился дофин Карл, — Реймс занят англичанами.

— Нет препятствий для Божьей воли, — произнесла Жанна, — и когда время приходит, ничто не может остановить Свершение... ничто, кроме неверия... Нужно немедленно отправляться в Реймс... Так много времени утеряно...

— Это было открыто тебе на... твоем *личном Совете*? — выступил вперед Жерар Маше, епископ Кастра.

— Да, — без промедления ответила Жанна. — Мой Господь не раз указывал, что нужно как можно скорее прийти в Реймс, где дофин Карл будет коронован.

— Не желаешь ли ты в присутствии короля и верноподданных слуг его рассказать, каким именно образом общается с тобой твой Совет? Расскажи, что Они говорят тебе... Расскажи, *как* Они говорят с тобой...

Горькая усмешка появилась на устах Жанны, когда она поднималась с колен и оборачивалась к епископу.

— Ну что ж, — сказала она наконец, — вы интересуетесь хорошими вещами, поэтому я с радостью удовлетворю ваше любопытство. Иногда, когда боль от человеческого неверия разрывает сердце на части, я ухожу от всех, чтобы помолиться в одиночестве. Я плачу и говорю Господу, что люди не слушают меня и предпочитают Его Мудрости мудрость свою... Я молю Его

укрепить меня, дать мне сил и терпения, научить меня радоваться препятствиям на пути моем, ибо только препятствиями взрастает дух. И когда я заканчиваю молиться, то слышу Ответ, полный Пламени и веры в меня. Он говорит мне: «Дочерь Бога, иди, иди, иди! Я помогу тебе, иди!» И когда я слышу мои Голоса, приходящие поддержать меня и укрепить, я испытываю непередаваемую радость и стремление всегда пребывать во Служении... потому что нет ничего, что могло бы сравниться с возможностью нести Волю Господню людям. Слова, которые приносят мне утешение, каждый раз обращают мой взгляд к Небесам.

Епископ слегка покраснел, а потом усмехнулся.

— Почему мы должны верить, что все происходит именно так?

Жанна подошла к нему вплотную и, не таясь, посмотрела ему прямо в глаза.

— Потому что Господь дал мне право прийти в Орлеан и осуществить древнее пророчество. Я говорила от Его Имени, что Орлеан будет освобожден, — и Орлеан свободен. Я говорила, что Реймс будет освобожден, — и Реймс обретет свободу. Я говорила, что дофин станет королем, — и это будет. А вы изо дня в день можете задаваться вопросом, стоит ли мне доверять.

С этими словами Жанна развернулась и вышла из королевских покоев.

...— Дюнуа... — жалобно потянулась к нему Жанна.

— Все хорошо, — обнял ее граф. — Я знал, что ты в часовне...

— Карл?..

— Дофин послушался тебя, хотя многие были против.

— Мы идем в Реймс? — девушка с нескрываемой радостью вскочила на ноги.

— Да... — ответил тот, вздохнув. — Но все же сначала дофин решил освободить Жаржо и еще несколько крепостей в долине Луары, чтобы англичане не ударили нам в тыл... Уже отосланы гонцы к капитанам с приказом собирать войска возле Роморантена, это в сорока милях от Орлеана.

Жанна закрыла глаза... Ее подбородок задрожал. Ноги больше не держали ее, и она присела на скамейку.

— Ты, как всегда, дипломатичен, мой милый друг... — едва слышно прошептала она, не замечая бегущих по щекам слез.

— Бедный дофин... — сказала она, отворачиваясь. — Сколько же будешь ты проверять силы Господни вместо того, чтобы позволить им Созидать Грядущее?.. Как не понимаешь ты, что время Свершений не беспредельно?.. Зачем же бессмысленно тратить часы на поиски доказательств?

— Дофин желает одарить тебя дворянским титулом и гербом...

Лицо Жанны дернулось, и новые слезы побежали из глаз.

— Зачем даровать мне то, что никогда не пригодится, отказывая в том, что так необходимо теперь?..

— Значит, Жаржо... — вздохнула Жанна, немного успокоившись. — Что ж, пусть Армия Патриотов соберется под стенами Орлеана... Пусть Жаржо будет взят. Пусть долина Луары будет освобождена. Пусть доказательства будут явлены.

23 мая 1429. Жанна и Франция.[56] Селль-ан-Бери, возле Роморантена

— Что слышно, Бертран? — спросила Жанна, заходя в палатку, где размещался штаб обновленной Армии.

— Жанна!!! — обрадовался рыцарь, бросился к ней и крепко прижал ее к груди. — Как же я рад тебя видеть!!!

Перед ней встали на колени Ла Ир и Жан де Новеломон.

— Ну что вы, друзья, — рассмеялась Жанна. — Чтобы преклонять колени, существуют алтари в церквях...

...— Франция кипит, — вдохновенно рассказывал Бертран. — Дофин шлет письмо за письмом во все верные ему города. Архиепископы во всеуслышание твердят, что ты — Посланница Господня. Народ ликует. К нам приходят все новые и новые люди... Уже собралось около трех тысяч солдат. Почти все орлеанцы, которые сражались в ополчении, перешли теперь в Армию. Они хотят освобождать Францию, Жанна... Они поверили... Они преобразились... Три тысячи — это большое войско!!!

— Это только четверть, — печально улыбнулась Жанна, вспоминая свое видение.

— Что там англичане?.. — спросила она секундой позже. — Наверное, клеймят меня почем свет стоит...

Рыцари потупили взгляды.

— Клеймят... — печально усмехнулся Ла Ир. — Их церковь...

— Знаю, — прервала его Жанна. — Так и должно было произойти. Англичанам надо оправдать свою жажду завоевания... и они призывают Господа во служение себе, забывая, что как раз они должны служить Ему. Мы не должны повторять ошибки англичан, иначе и мы будем приведены к позорному поражению. Армия, которая собирается здесь, пойдет во освобождение Франции. Не для грабежей. Не для завоеваний. Но для Свершения Святого.

Капитаны, к вам обращаюсь! Необходимо обеспечить среди солдат строжайшую дисциплину, причем основанную не на страхе, но на осознании своей Миссии и на стремлении исполнить ее как можно лучше. Необходимо пояснять им все, что вы узнали от меня об Освобождении, о том, что такое Родина, о том, что такое Честь и Доблесть. Я знаю, что принято содержать около солдат «дочерей полка»... но только не теперь. Забавам и утехам не место в Храме, а мы сейчас освобождаем не что иное, как Храм наш — Францию. Кто не может обойтись без плотских утех , тот пусть остается дома и предается им, потому что каждый солдат, поднявший оружие во имя Освобождения, должен в первую очередь сам стать свободным. Оставаясь рабами греха — кого освободить сможем?

---

[56] “The ‘Journal du Siege d'Orleans’ says that the above exchange convinced Charles to adopt her plan. Preparations were therefore made for securing the Loire Valley before moving the army north.

The English had pulled their troops back to the remaining strongholds along the Loire. The Earl of Suffolk's contingent was at Jargeau...” [2]

Пусть капелланы читают солдатам псалмы и молитвы, пусть солдаты учатся причащаться и исповедоваться! И, дорогие мои капитаны, знаете, с кого должно начаться духовное возрождение Армии Освобождения?

Капитаны молчали, переглядываясь, а Жанна молчала в ожидании ответа.

— С нас, — печально вздохнул Ла Ир, и присутствующие едва сумели сдержать улыбки.

— Правильно, Ла Ир. С вас. Как вы сможете требовать от солдат то, что не исполняете сами?

— Жанна... — пожал плечами капитан, — но это же не самое главное в войне...

— Нет, не самое, — согласилась Жанна. — Самое главное — это ваша вера и вера солдат. Но пламенная Вера невозможна без внутренней чистоты, Ла Ир, равно как огонь светильни питается маслом. Неужели, причащаясь, ты можешь позволить себе ругательство?

— Ну... нет...

— Почему?

— Потому что в церкви нельзя ругаться... и потому что Бог... Он — *есть*...

— Неужели Бог живет только в соборах? Не вся ли земля — подножие Трона Его[57] ? Чем тебе вот это место не Храм? Да только тем, что здесь люди позволяют себе то, что не позволяют в соборах! Один муравей может унести только одну соломинку, но вместе они слагают огромные муравейники. Так же и один червь не сможет принести вреда большому дереву, но вместе они подтачивают вековые дубы. Есть только два пути — к Господу и от Него, и каждую секунду люди совершают выбор. Каждым словом, каждой мыслью, каждым устремлением. Если сотни устремлений объединяются в одно, свершается Чудо.

Почему многие битвы оставались за англичанами? Потому что их солдаты все как один устремлялись к победе, а наши — кто куда. Нужно уметь объединить людей под Крылом Единой Веры. Так пусть же нашей Верой станет Святость!!! Никогда не было более богоугодного призыва, нежели призыв к Святости, потому что Святость приобщает к Господу! Каждый из вас знает, что Он с нами в этой войне... Но как тяжело помогать тем, кто отстоит так далеко! Нам нужно приблизиться! Кто надеется на Бога, тот не должен праздно лениться в ожидании чудес! Бог дает победу лишь тем солдатам, которые сражаются!

Отныне, когда хотите ругнуться, призывайте Святость; когда хотите осмеять кого-то, призывайте Святость; когда молитесь в часовне, призывайте Святость!

Пусть Святость станет вашей путеводной Звездой!

...— Жанна! — догнал ее герцог Алансонский, когда она вышла из палатки и направлялась к краю поселка, чтобы немного побыть одной.

— Да, мой прекрасный герцог...

— Ты сегодня... Спасибо тебе, что поговорила с герцогиней... Я все равно не остался бы дома, но мне не хотелось уходить... вот так...

---

[57] Деян. 7:49.

— Я хорошо понимаю тебя, — улыбнулась Жанна.

— Ты просто знай... Мы всегда хорошо ладим... Просто я долго был в плену... Никто вообще не ожидал, что я выживу... А потом нам пришлось заплатить большой выкуп... Сама понимаешь — англичане отпустили меня под честное слово... Я не мог даже подумать о том, чтобы не заплатить... а герцогиня...

— Я все понимаю... — ласково сказала Жанна. — Твоя супруга слишком любит тебя, чтобы без страха отпускать на войну, а ты слишком любишь ее, чтоб молча развернуться и уйти. Но тебе нечего бояться, я сказала правду: ты вернешься домой цел и невредим, и в состоянии духа своего даже лучшем, чем теперь.

Жанна улыбнулась снова и добавила:

— Если, конечно, будешь меня слушаться.

2 июня 1429. Жанна и Франция.[58] Селль-ан-Бери, возле Роморантена

— Жанна... дофин вызывает тебя!!! — ворвался в палатку Бертран. — Он... он... Жанна! Дофин желает даровать тебе дворянство и родовой герб!!!

Жанна печально улыбнулась.

— Ты не рада, Жанна?!!

— Что изменят титул и герб? Людям, которые имели внутренние силы полюбить меня, все равно, какой герб украшает мой щит... а недруги останутся недругами, невзирая на мой титул. Родовой герб — это подарок, скорее, моим братьям, чем мне.

— Но раз на то воля дофина... — добавила она, — пусть будет так.

...— Должно быть, тебя зовут Людовик и ты будущий король Франции, — улыбнулась Жанна маленькому мальчику, который в нерешительности стоял напротив, в королевском палисаднике.

— Как ты узнала меня? — буркнул мальчик, но Жанна ласково подмигнула ему:

— Разве ты не знал, что у всех, кого Господь призвал служить Ему и народу Его, за плечами есть Ангел?

Мальчик нахмурился, а потом недоверчиво обернулся по сторонам.

— Я не вижу никакого Ангела, — сказал он.

— Но это не значит, что его нет. Луну сейчас ты тоже не видишь, но ночью она взойдет на небо.

— А когда я смогу увидеть Ангела?

— Чем чище ты будешь внутри, тем ближе будет к тебе Ангел. Если ничто в этом мире не сможет поколебать твою веру в то, что Ангел рядом, и твою любовь к нему, он обязательно явится воочию.

— Но я хочу видеть его сейчас!

---

[58] "On May 23rd Jehanne left Loches for Selles-en-Berri, near Remorantin. It was around this time, (on June 2nd) that Charles granted her armorial bearings, and she apparently met the future Louis XI, at that time a little boy of seven years, who later said that he remembered meeting the famous Maiden all his life..." [2]

— Если ты хочешь видеть его сейчас, это хорошо. Потому что только когда мы желаем чего-то, мы стремимся этого достичь.

— Так он явится мне?!

— Конечно, явится — когда ты станешь достойным.

— Если бы он хотел, чтобы я в него поверил, он явился бы мне сейчас!

— Видишь, — усмехнулась Жанна, — ты уже засомневался, хотя испытания еще не подоспели. Если ты хочешь увидеть своего Ангела, ты должен научиться верить ему, что бы с тобой ни произошло. Никогда не рано начинать учиться верить. Чем раньше, тем лучше, потому что старик не поверит тому, что с радостью примет малыш.

— Я не малыш, — воинственно вздернул подбородок Людовик. — Мне уже... уже десять лет!

— Будет... через три года, — рассмеялась Жанна. — Не надо возвышаться хитростью...

Мальчик глянул на нее исподлобья и шмыгнул носом.

— Откуда ты знаешь все обо мне?

— Мой Ангел разговаривает с твоим, а потом рассказывает мне то, что узнал.

— У тебя тоже есть Ангел?

— Конечно... Я ведь служу Господу и народу Его.

— Разве ты принцесса?

— Нет, я крестьянка... Впрочем, — нахмурилась Жанна, — уже нет. Сегодня твой отец даровал мне титул и герб.

— Твой герб красивый?

— Наверное, — пожала плечами Жанна. — На нем меч, а по сторонам от него лилии... и мой девиз... а на острие меча надета корона. Мне не нравится, что меч острием вверх.

— Почему? — удивился Людовик. — Ведь это же здорово: значит, он готов рубить врагов!

— Лучше не создавать врагов, нежели уметь хорошо убивать их.

Мальчик нахмурился.

— Когда я вырасту, я завоюю Англию...

— А зачем тебе Англия?

— Чтобы Франция стала сильнее!

— Ты знаешь, что Франция сейчас разделена на несколько частей?

Людовик кивнул.

— Франция станет сильнее, если ты объединишь эти части, молодой принц.

— Но я хочу завоевывать!

Жанна улыбнулась.

— Чтобы завоевывать, тебе надо будет прийти на чужие земли... как англичане пришли к нам. Но скажи мне, Людовик, на чьей стороне Господь в этой войне?

— На нашей! — без промедления ответил мальчик.

— А ты знаешь почему?

— Потому что мы сражаемся за Родину!

— Правильно. Господь всегда на стороне тех, кто несломим духом в сражении за Родину. Если ты пойдешь завоевывать Англию, Он будет против тебя. Мне кажется, лучше все-таки объединять Францию: ведь в этом тебя поддержат Небеса... И даже если будет очень трудно, Небеса придут на помощь только потому, что в твоем сердце будет гореть любовь к Родине.

— Жанна!!! — вбежал в палисадник Бертран де Пуланжи. — Тебя все ищут... с ног уже сбились!

— Иду... — Жанна кивнула и печально улыбнулась Людовику.

— Мне пора...

— Ты — Жанна?!! — изумился Людовик.

— Дева Жанна?! — уточнил он через секунду. — Святая?..

Жанна подошла к нему и ласково погладила по голове.

— Людовик, я всего лишь дочерь своей Родины... Святые Ангелы — на Небесах.

6 июня 1429. Жанна и Франция.[59] Селль-ан-Бери, возле Роморантена

— Дева Жанна! — громко представил ее Бертран, когда она выходила из походной палатки.

Двое молодых рыцарей, ожидавших снаружи, преклонили колени.

— Анри и Ги де Лаваль, — представил их Бертран.

Жанна остановилась перед ними, облаченная в доспехи, только шлема не было на ней.

— Поднимитесь, рыцари, — произнесла она. — Я рада приветствовать внуков великого Бертрана дю Геклена.

Братья поднялись и в замешательстве переглянулись: такого теплого приема они не ожидали.

— У меня есть немного времени перед отъездом в Роморантен... Если у вас есть желание, мы можем поговорить...

Братья снова переглянулись.

— На днях я отослала вашей матушке золотое колечко в память о вашем деде... Понимаю, что это не бог весть какое чествование с моей стороны, но все же это самое лучшее из того, что я могла отослать ей. Если вас не затруднит, когда будете писать своей матушке, просите носить это колечко, не снимая: оно убережет от многих хворей, потому что Святая Екатерина прикасалась к нему.

— Но что же мы стоим у входа... Заходите внутрь, я прикажу принести вина.

...— За освобождение Франции! — провозгласила она, когда кубки были полны. — Конечно, я бы хотела угостить вас вином в Париже... И это не замедлит... Ведь день сегодняшний сгорает именно для того, чтобы возгорелся день завтрашний.

---

[59] “On June 6th she met the grandsons of Lord Bertrand du Guesclin, who was revered by the French for his victories over the English several decades earlier; his grandsons, Guy and Andry de Laval, had arrived that day with a small contingent of troops...” и далее. [2]

...— Дева Жанна... — сказал Ги де Лаваль. — У нас... у меня есть к тебе просьба. Дело в том, что моя матушка написала кузену Ла Тремуйю письмо с просьбой удержать меня в стороне от боя... Кузен обратился с этим к дофину, и теперь Карл VII отписал мне находиться при штабе и набираться умения в тактике и стратегии. Но этому я учился еще у деда, и вряд ли при штабе смогу узнать что-то новое. Я стремился сюда, чтобы воевать, чтобы сражаться за свой народ, а не для того, чтобы отсиживаться в безопасности.

Жанна с интересом слушала молодого рыцаря, а потом спросила его:

— Почему ты не боишься смерти?

Ги де Лаваль подумал немного и пожал плечами.

— Дед говорил, что смерти боится только тот, кто боится жить... Кто не умеет сражаться за то, что он любит, — тот уже мертв.

Жанна почтительно склонила голову.

— Бертран дю Геклен — истинный Сын Франции. Великий воин и прекрасный учитель... Я рада, что у него такие прилежные ученики. Только... — печально улыбнулась она, — пока я ничем не могу помочь твоей просьбе. Когда долина Луары будет освобождена и откроется путь на Реймс, ты сможешь присоединиться ко мне.

— Впрочем... — Жанна подмигнула рыцарю, — никто ведь не может удержать человека на том или ином месте против его воли... Лишь решение самого человека смириться воздвигает преграды.

Братья изумленно смотрели на нее.

— Разве не грешно ослушаться короля?

— Грешно, — улыбнулась Жанна. — Приказ короля должен быть законом... если неизвестен приказ Короля Небесного. Поэтому, если хотите сражаться за Родину вашу — Францию, я говорю вам, чтоб вы брали оружие и смело шли туда, где в звоне стали куется Грядущее. И не будет греха на вас, коли не преступите законов рыцарства и будете верны Господу как на поле боя, так и на полях души своей.

...Когда братья уже уходили, лошадиное ржанье заставило их обернуться. Новый боевой конь Жанны, черный, как смоль, был слишком горяч кровью, чтобы позволить ей забраться в седло.

— Ведите его к Кресту, — сказала Жанна спокойно.

На выезде из Селль-ан-Бери находилась небольшая церквушка, а напротив нее, у дороги, был вкопан крест. Коня подвели к кресту, и Жанна некоторое время тихо разговаривала с животным... после чего взобралась в седло без малейших проблем, словно конь был связан.

— Святые отцы, — обратилась она к священнослужителям, которые изумленно наблюдали за происходящим из-за церковных ворот. — Пожалуйста, организуйте службу и вознесите молитвы Господу.

— Вперед!!! Вперед!!! — закричала она, и конь, словно очнувшись от забытья, понесся по направлению к Роморантену, чтобы устремиться затем к Орлеану, а еще позже — к Жаржо, Пате и Реймсу.

...— Анри, — Ги де Лаваль подошел к брату на закате солнца. — Я подумал, что пора уже разделить то наследство, которое досталось нам от деда.

Брат посмотрел на Ги испытующе, а потом усмехнулся:

— У тебя такой же вид, как в детстве, когда ты из кухни таскал булочки для нищих... Хочешь пожертвовать свою часть наследства Армии?

Ги отрывисто вздохнул и кивнул.

— Даже не пытайся отговаривать меня, — предупредил он. — Я долго думал об этом.[60]

— Конечно, — рассмеялся Анри, — целых полдня... Это немалое достижение. Только знаешь, что... Наверное, не стоит делить дедово наследство. Я хотел предложить тебе то же самое... завтра утром.

9 июня 1429. Жанна и Франция.[61] Орлеан

— О чем спор? — Жанна стояла перед раскрасневшимися военачальниками...

Как всегда, капитаны решили провести совещание без нее, правда, на сей раз по иным причинам: им не хотелось расстраивать Жанну своим «диспутом». Но времени, пока Жанна была на мессе, не хватило, и вот они уже краснели перед ней.

— Ла Ир, — повернулась к нему Жанна, — в чем суть недоразумения между вами?

— Жанна... Зачем же называть это так громко? — широко улыбнулся капитан. — Никакого недоразумения нет. Мы просто решаем... как бы это сказать... мы решаем...

Ла Ир смущенно повернулся к Дюнуа.

— Все верно, — подхватил тот. — Недоразумения действительно нет... Мы просто обговариваем мелочи... детали... Мы всего лишь не можем решить... не можем...

Граф запнулся и снова покраснел.

— Штурмовать ли Жаржо? — прямо спросила Жанна.

Капитаны молчали, отводя в сторону взгляды.

— Конечно, штурмовать, — усмехнулась Жанна. — Что за вопросы?.. Сегодня герцог Алансонский привел почти две тысячи солдат, из них шестьсот — конные рыцари[62] . Если мне не изменяет память, примерно столько же привел с собой граф Дюнуа. Кроме того, наша армия усилена многочисленным ополчением... Что противопоставит нам лорд Суффолк в

---

[60] Пламенная натура Ги де Лаваля будет по достоинству оценена дофином: перед коронацией в Реймсе за самоотверженность и верность, Карл удостоит его титула графа. (Guy XIV de Laval (the young man whose letter was previ-ously cited) was elevated to the rank of Count... [2]).

[61] "As Guy mentions above, Jehanne left Selles on June 6th and went to Remorantin, where the army was massing.

On June 9th she was back at Orleans, the last stop before setting out for the English positions on the 10th. With her was the Duke of Alencon with 600 'lances' (a total of about 1,800 troops), reinforced the following morning by a roughly equal number led by Dunois and d'Illiers. To these must be added an unknown number of lightly-armed 'commons' who rallied to her army, perhaps several thousand in total.

The first target was Jargeau..." и далее. [2]

[62] Man-at-arms.

Жаржо? Всего до тысячи солдат, причем рыцарей среди них немного. Я понимаю, что крепость выглядит неприступной, но я уверяю вас, что не стоит бояться ни количества англичан, обороняющих Жаржо, ни могущества укреплений, потому что Господь обозревает и оберегает каждый труд, сотворяемый во имя свершения Его Воли. Он направлял нас, когда наши войска были куда менее многочисленны и куда менее воодушевленны... Почему вы решили, что Он может оставить нас теперь, когда мы все так же сражаемся во Имя Его? Доблестные капитаны, поверьте мне, Господь никогда не оставит нас, пока мы сами не отвернемся от Него. И поверьте, если бы я не была готова жизнь положить за то, что говорю, то предпочла бы выпасать овец, а не спасать Францию.

...— Жанна... — подошедший Ла Ир обнял ее за плечи. — Ты должна понять, что капитаны, в общем-то, люди смелые и решительные... Просто столько десятилетий длится уже эта война... вот мы и отупели все немного...

— Да, — кашлянул шедший вслед за ним Дюнуа. — Просто мы не можем перестроиться за несколько дней... Все ясно, пока ты рядом... но когда тебя нет, все становится каким-то... туманным и запутанным...

— Я хотел сказать то же самое, Жанна, — это был ее верный Бертран. — Ты пришла и навела порядок... Все стало понятно... Нам даже в глаза было стыдно друг другу посмотреть... Ты не подумай чего: Дюнуа, Ла Ир и я... мы сразу были за то, чтобы не отступаться от штурма Жаржо, просто мы это умом понимали, а словами пояснить не могли... Потому и разгорелся тот дурацкий спор...

— Я все понимаю, — улыбнулась Жанна, — и никого не буду винить. Все именно так, как сказал Дюнуа... опыта не набраться в одночасье. Вы учитесь, я помогаю вам учиться, а Господь — над всеми нами, чтобы помочь каждому. Так устроен мир, и Слава Богу, что все так, как есть... У каждого времени свои задачи. Сейчас нам надо научиться, как отобрать у англичан Жаржо.

11 июня 1429. Жанна и Франция.[63] Окрестности Жаржо

— Дева Жанна!!! Дева Жанна!!! — кричал юный паж, несясь во весь опор.

Заметив ее, он так натянул поводья, что обезумевший конь чуть было не перевернулся через голову.

— Дева Жанна!!! Ополчение отступает!!!

Жанна изменилась в лице так, что вены проступили на висках.

— А кто дал им команду наступать?!! — закричала она, вскакивая в седло.

Паж отвечал, что ополченцы решили вступить в бой сами, как только подошли к укреплениям англичан.

— Без латной пехоты? Без кавалерии? Без копейщиков?... Знамя мне!!!

Схватив Знамя, она повернулась к капитанам.

— Атакуйте настолько быстро, насколько сможете. Я жду вас.

---

[63] "The outskirts of Jargeau were reached on June 11th, 'about two hours after dinner' according to Perceval de Cagny, squire and chronicler for the Duke of Alencon. The common soldiers immediately launched an assault on their own without the support of the men-at-arms, apparently thinking that their great ardor would be sufficient to carry the day. They were retreating with equal ardor when the Maiden showed up..." [2]

И с этими словами она послала коня в галоп.

...— Жанна... Жанна... — шептались ополченцы, увидев, как, спрыгнув с коня, она направилась к ним, звеня латами.

Когда Дева остановилась перед ополченцами, никто не смел поднять на нее взгляда; повисло гробовое молчание; лишь Знамя Жанны отрывисто хлопало на ветру.

— Имейте же мужество закончить начатое! — жестко произнесла Жанна и направилась в сторону англичан.

...Когда английские солдаты были отброшены во внутренние укрепления, Жанна со Знаменем в руках вышла к крепостной стене.

— Сдайте сей город Царю Небесному и благородному королю Карлу и уходите прочь, иначе бедствие падет на ваши головы и сокрушит неверие ваше!!! — звонко прокричала она.

Англичане молчали; из-за стен не доносилось ни насмешек, ни угроз.

...— Думается мне, англичане туги на веру, — заговорщически улыбнулся Ла Ир, когда Жанна вернулась к лагерю. — Надо подкрепить твои слова... более... материальными доводами.

Капитаны громко рассмеялись, не в силах хранить серьезность, а из-за холмов донесся оглушительный грохот орудийного залпа. Все вокруг заволокло белесой пеленой порохового дыма, который, впрочем, быстро развеяли порывы ветра.

— А теперь послушаем «Пастушку», — прошептал Ла Ир и зажмурился, зажав уши ладонями.

По сравнению с выстрелом этой колоссальной пушки грохот предыдущего залпа показался треском веточек в костре. В поход ее тащили тридцать шесть лошадей, и перед тем, как переходить мосты, солдаты непременно проверяли опоры и почти всегда укрепляли их. Теперь же ее разрушительная мощь была освобождена.

Когда дым от первого выстрела развеялся, стало видно, что «Пастушка» серьезно повредила огромную пороховую башню Жаржо, с которой английские солдаты могли обстреливать нападающих на большом расстоянии. Вторым выстрелом «Пастушка» снесла верх этого укрепления, а после третьего — башня рухнула, похоронив под обломками многих англичан.

Некоторое время артиллерия продолжала обстрел города, но в целях экономии пороха вскоре было решено остановиться.

...Поздним вечером прискакал гонец от лорда Суффолка и сообщил, что лорд предлагает переговоры и что он желает вести их с капитаном Ла Иром.

...— Ну что? — встретила Жанна возвращающегося капитана.

— Да все то же, — усмехнулся Ла Ир. — Англичане слишком долго побеждали, чтобы уметь проигрывать с достоинством. Суффолк предлагает двухнедельное перемирие... с таким видом, будто не он, а мы находимся в осажденном городе.

— Пытался подкупить тебя? — прямо спросила Жанна.

— Пытался... — с улыбкой ответил капитан. — Хотел, чтобы я убедил Алансонского в необходимости перемирия. Но я сказал, что у герцога имеются советчики получше, и еще раз посоветовал сдать город, пока еще есть, кому уходить из него.

— А Суффолк что?

— А он смотрел на меня, словно на сумасшедшего. Не думал, наверное, что я откажусь от столь щедрого предложения.

Жанна рассмеялась.

— Ай да лорд... Ничего... вот возьмем его в плен, будет у тебя еще шанс потолковать с ним о законах рыцарской чести.

— Этьен... — позвала его Жанна, когда Ла Ир уже уходил. — Ты молодец. Я очень горжусь тобой.

...— Лорд Суффолк! Слушай же наш ответ!!! — прокричал герцог Алансонский, выйдя к крепостной стене Жаржо. — Отступай немедленно или будь готов встретить нашу атаку, потому что иное тебя не ждет!

12 июня 1429. Жанна и Франция.[64] Окрестности Жаржо

— Герцог, время пришло.

— Жанна... я обдумывал план наступления. Мне кажется, нужно еще немного обстрелять крепость.

— Герцог, наибольшую опасность мы сравняли с землей вчера... всего тремя выстрелами «Пастушки». Урочный час наступает, когда угодно Господу... не нам. Действуйте, когда того хочет Господь, — и Господь будет действовать, и Ангелы будут лететь над вами, и Их крыла оберегут вас, а огненные мечи воспылают в каждом клинке. О милый мой герцог... неужели ты боишься?.. Не я ли обещала твоей жене вернуть тебя домой целым и невредимым? Не страшись того, что *не* произойдет... Верь мне.

— Я не страшусь, Жанна... просто... у нас ведь не будет второго шанса. Стоит нам оступиться — и Франция падет.

— Верно, мой прекрасный герцог. Поэтому мы должны сделать все так, чтобы не оставить врагу малейшего шанса. Но подумай, знаем ли мы помыслы врага? Знаем ли, что нам делать, чтобы победить? Нет... Единственное, что мы можем, это довериться Господу, Которому открыты все пути и Который прозревает каждый миг грядущего. Довериться для того, чтобы Он привел нас к победе. Действуйте, когда того хочет Господь, и Он тоже будет действовать.

...«Вперед! Вперед,
девочка Моя.
Ты устремляешься — и стрелы огибают тебя.
Ты устремляешься — и копья уклоняются от встречи.
Ты устремляешься — и ты достигаешь.

---

[64] "Jehanne would later say that the lords in her army refused to grant Suffolk's request, and instead told him to pull out immediately or face an assault..." и далее.. [2]

Скоро.
Скоро.
Скоро вернешься ты в объятия Мои».

...— Нашу атаку не остановить, мой славный герцог... Еще немного — и ты увидишь, что я не лгала. Час настает в то время, когда это угодно Господу. Мы идем — и мы достигаем! Слава Господу!!! Слава Франции!!! Слава!!! Слава!!! Слава!!!

— Слава!!! — подхватили солдаты, устремляясь к стенам города.

Ядра врезались в строй нападающих, но не могли нарушить его, и на место убитых становились живые.

— Герцог!!! — закричала вдруг Жанна. — Быстро отойдите в сторону, потому что вон та пушка англичан нехорошо на вас поглядывает...

Орудие окуталось дымом, через секунду долетел грохот выстрела, и ядро врезалось в ряды солдат, где только что шел в атаку герцог.

— Не знаю, как уберечь всех, — прошептала Жанна, чувствуя слезы на своих глазах. — Почему я не могу уберечь больше?..

...«Я должна идти впереди...
Я должна идти впереди...
Я должна идти впереди».

...— На стены!!! На стены, французы!!! Победа близка!!! За мной!!!

Удар в голову сбросил ее с лестницы, но что-то словно взорвалось в ней тремя потоками Света... сияние вспыхнуло на ее оплечьях и пламенной короной вознеслось над челом. Жанна встала на ноги и сбросила прочь измятый шлем... он с дребезжанием покатился по каменным осколкам. Солдаты, как французские, так и английские, ошеломленно смотрели на Жанну, не в силах поверить, что огромный камень, сброшенный ей на голову с крепостной стены, рассыпался на мелкие кусочки, вместо того чтобы раздавить ее.

— Друзья мои, ну же! — закричала Жанна. — Вперед! Господь наш вынес приговор англичанам, и теперь они — наши, не сомневайтесь! Возжгите мужество!

...— Эарл! — кричала Жанна, когда остатки английских войск были оттеснены внутрь городского собора. — Сложи оружие перед солдатами Господа! Ты до сих пор не веришь, что воинство Короля Небесного и короля Карла вернуло Жаржо Франции, но это так! Ты до сих пор не веришь, что твои люди разгромлены, но это так! Ты не можешь понять, как Господь может покровительствовать Франции, но, невзирая на это, Он — на нашей стороне... и доказательство ты получил сегодня! Не проливай больше крови!!! Сложи оружие и преклони колени пред Тем, Чье милосердие безгранично!!!

Пыль и каменная крошка взметнулись у ее ноги, а через мгновение до солдат долетел звук выстрела... Французские лучники ответили залпом, и к ногам Жанны рухнуло тело рыцаря, который взобрался на крышу собора, чтобы убить ее.

— Александр, брат Эарла, — сказал Ла Ир, подойдя к покойному.

— Сколько крови тебе еще надо?!! — в отчаянии прокричала Жанна. — Лорд Суффолк! Ты хотел перемирия, но мы не можем дать тебе две недели! Мы согласны на два часа! Подумай над тем, что видели сегодня твои глаза!!! Если ты хочешь новой крови, так тому и быть... Но это будет твоя кровь, и падет она на тебя!

...— Ты — та, которая называет себя Девой Жанной?

— А ты — лорд Суффолк?

— Да. Я согласен сдаться войскам дофина Франции. Но честь рыцаря не позволяет мне сдаваться тому, кто ниже меня рангом. Меня возьмет в плен лишь рыцарь.

— К какому же рангу относишь ты Посланницу Небесную? — усмехнулась Жанна, но не стала дожидаться ответа и обратилась к герцогу Алансонскому:

— Ты примешь капитуляцию лорда?

Тот покачал головой и подошел к Эарлу.

— Не в рангах плененных состоят победы рыцаря. Мне не нужна слава. Сегодняшняя победа — это победа Жанны, Посланницы Небесной, той, которая вела нас.

— Я не сдамся крестьянке, какой бы титул ни даровал ей самозванец, — мрачно пробормотал Суффолк, но Жанна лишь усмехнулась в ответ.

— Это и есть честь рыцаря? Что может быть дороже человеческой жизни? Что может быть дороже жизни людей, которые доверились тебе? Ты готов погубить и себя, и их только потому, что гордыня затмевает твой разум... Но не волнуйся, я не поставлю тебя перед выбором, совершить который ты не в силах. Видимо, жизни твоих солдат мне дороже, чем тебе. Ты можешь сдаться только рыцарю, не так ли?

Эарл молча кивнул.

— Кто из вас, — обернулась Жанна к капитанам, — может принять капитуляцию Эарла Суффолка?

Капитаны отводили взгляды.

— Жанна, это твоя победа, — тихо сказал Ла Ир. — Без тебя мы ничего не смогли бы.

— А я ничего не смогла бы без Господина моего Небесного! — закричала она. — Так что, теперь звать Его сюда, чтобы принять капитуляцию лорда Суффолка? Мы говорим не о почестях и доблестях, мы говорим о жизнях людей!!! В этот день пролилось достаточно крови!!!

— Кто же?!! — в отчаянии прокричала она, но молчание было ей ответом.

По щекам Жанны бежали слезы, и капитаны избегали ее взгляда.

— Кто ты? — спросила она солдата, который стоял недалеко.

— Гийом Ренольт, — тихо ответил он.

— Почему ты плачешь?

— Я... мне больно... Вы... всегда стремились сберечь жизни, госпожа... даже жизни врагов... Мне больно, что я не могу так... Я хотел бы... но не могу... Вы можете сохранять жизни, а я умею только отбирать... поэтому я плачу.

Жанна некоторое время смотрела на солдата, а потом отвернулась, словно от невыносимого страдания.

— Преклони колени, — тихо сказала она.

— В чем заключается Свобода? — спросила она, словно саму себя.

— В том, чтобы никогда не предавать свою Совесть, — прошептала Жанна.

— Что есть голос Совести? — снова спросила она. — Это слова, которые звучат в сердце твоем, когда его посещает Господь.

— Чем является Господь? — вновь прозвучал голос Жанны. — Он Есть Любовь, которая окрыляет твои стопы. Чему же ты хочешь учиться, солдат?

Рыдания сотрясали плечи Гийома.

— Свободе... — едва слышно прошептал он.

— Герцог Алансонский, — властно сказала Жанна, — посвятите этого мужа в рыцари.

...— Ты действительно посланница Божья? — спросил Эарл Суффолк, когда его капитуляция была принята.

Жанна некоторое время смотрела на него, затем снова отвернулась, вытирая новые слезы... Граф Дюнуа обнял ее за плечи и отвел в сторону.

— Она плачет о нас, — грустно улыбнулся Ла Ир. — Пойдем, проведу к твоей палатке. Бежать не надумаешь?

... Ла Ир... к тебе можно? — зашел к нему вечером Суффолк.

— Этьен, — поправил его капитан. — Зови меня Этьен. Мы больше не враги.

Англичанин кивнул и присел на табуретку.

— Ты хочешь спросить, верю ли я, что Жанна послана Небом? — усмехнулся французский капитан. — Но что даст тебе мой ответ? Ты хочешь доказательств, но тех, которые были явлены тебе, почему-то недостаточно. Что добавит пара слов гасконского наемника?

Суффолк сидел, понурив голову.

— Просто... — пробормотал он наконец, — так получается... что если Бог на вашей стороне... кто же тогда... за англичан?..

Он вздохнул...

— Жанна... она... Мне бы очень хотелось, чтобы у Англии были такие Дочери.

— И что тогда? — усмехнулся Этьен. — Вы завоевали бы Францию?.. Полно, Эарл... Достойную ли судьбу готовим мы своими войнами для таких Посланцев? Знаешь, чего хотелось бы мне? Чтобы, приходя, они имели шанс брать в руки не меч, но перо и бумагу. Столько Любви и Сострадания в Жанне... А изо дня в день мы вынуждаем ее вести за собой солдат, потому что никто, кроме нее, на такое не способен. Ты не поверишь, но я начал молиться... Я благодарю Бога за то, что Он привел меня к Жанне. До нее я жил, словно во мраке. Война, почести, женщины... Чего еще желать солдату? — усмехнулся он.

— Но как же насчет Бессмертия в Царствии Небесном? — Ла Ир посмотрел на Суффолка, и тот с изумлением увидел слезы в глазах

французского капитана. — Мы проживаем свои жизни, не задумываясь о том, что будет позже. А потом... когда жизнь сводит с такими чистыми Душами... — капитан вытер глаза и отвернулся, — ты понимаешь вдруг, что жил в дерьме и это дерьмо в тебе навечно, и тебе больно, когда она стоит рядом, потому что ты знаешь, как больно ей... за тебя...

— Да не смотри ты на меня так, — усмехнулся Ла Ир. — В последнее время я довольно легок на слезы. Это, конечно, не помешает мне отправить тебя к праотцам, если мы снова сойдемся на поле боя, но послушай моего совета, Эарл: пока ты здесь... у тебя есть шанс. Пойди к ней... поговори с ней... Раз Бог сохранил тебе жизнь, значит, Он сделал это с определенной целью. Используй выпавший шанс... потому что больше такого случая у тебя не будет.

13 июня 1429. Жанна и Франция.[65] Орлеан

— Жанна... — постучался в дверь комнаты граф Дюнуа. — К тебе можно?

Жанна сидела у распахнутого окна и смотрела на огненный от летнего солнца Орлеан.

— Конечно... — тихо ответила она, словно возвращаясь из неимоверных далей. — Заходи.

Дюнуа зашел в комнату и подошел к окну.

— Город отстраивается, — сказал он. — Скоро уже ничто не будет напоминать про осаду...

— Навсегда останется память.

— Да, — вздохнул герцог. — Ты права. Не скоро забудутся события этих лет.

— Никогда не забудутся, мой дорогой граф. По крайней мере, хочется верить, что сердца грядущего не будут равнодушны к тому, что мы делаем теперь. Если пламя Свободы однажды погаснет в людях, не все ли равно, когда это произойдет — столетием раньше или столетием позже... без Свободы у них останется лишь рабство.

— Свобода... — прошептал граф. — Я помню, что ты говорила про Свободу. Я понимаю, что ты свободна... Но ты ведь Посланница, ты видишь Ангелов, ты слышишь их Голоса... А нам, простым людям... как научиться?

— Спроси своего отца, — ответила Жанна. — Он в плену у англичан уже четырнадцать лет, но он свободен. Он волен в любой день уйти, призвав Францию заплатить выкуп, но он остался верен клятве вернуться на Родину лишь после того, как из плена будет освобожден последний его солдат. Англичане приставляют к нему охрану, но он улетает духом от своих конвоиров, а по возвращении пишет стихи о Свете. Он пленник англичан, но среди них нет человека свободнее.

Дюнуа закусил губу, глядя в окно.

— Ты освободишь его? — спросил он тихо.

Жанна с мягкой улыбкой покачала головой.

---

[65] “This victory achieved, Jehanne returned to Orleans on the 13th, where she received an honor granted in the name of the city's duke: an entry in the city's financial accounts for the following day records a commission to make ‘[cloth] nettle leaves for the Maiden's robes’...” и далее. [2]

— Твой отец вернется домой живым и здоровым, и свободный Париж будет приветствовать отважнейшего из герцогов. Но на Родину верну его не я.

— А Париж... освободишь ты... правда?

— Не знаю, дорогой мой Дюнуа. Очень многое в Вокулере, Шиноне и Пуатье я не сумела сделать так хорошо, как могла бы теперь. Совершенные ошибки ничем не исправить, и первоначальный Замысел Господа моего уже не достижим. Мне остается лишь отдаваться Делу Его без остатка... чтобы сгладить последствия совершенных ошибок. Как знать, может, мы еще и выпьем вина в Париже.

— Но, Жанна... — прошептал Дюнуа. — Ты не можешь совершать ошибок... Это *мы* мешаем тебе незнанием и неверием.

Жанна печально усмехнулась.

— Ошибаются все, граф, один лишь Бог Свят.

Немного они посидели молча.

— Жанна... — кашлянул граф, — я ведь не просто так зашел... От имени моего отца градоначальниками Орлеана тебе будет вручено платье с гербом нашего рода. Я понимаю, что платье тебе, в общем-то, не нужно... но отцы города решили, что лучше всего тебя наградить именно так.

— Платье — это хороший подарок, — сказала Жанна серьезно, хотя глаза ее улыбались. — Когда церемония?

— Через час... Ты пока останешься здесь?

— Да, — улыбнулась Жанна. — Радостно видеть свободный Орлеан.

Дверь затворилась, а Жанна все так же сидела у окна, и ее сознание уносилось вверх и среди сияющих просторов Неба встречалось с иным сознанием, которое возносилось из далекого английского Питерборо.

У человека нет иных оков, кроме тех, которые он на себя надевает.

Один — раб на царском троне. Другой же — свободен и в тюрьме.

14 июня 1429. Жанна и Франция.[66] Орлеан

— Герцог, — окликнула Жанна герцога Алансонского. — Наше пребывание в Орлеане закончено. Подготовьте солдат, завтра до обеда мы выступим, чтоб навестить наших «друзей» в Менге и Божанси.

Рыцарь на мгновение замер, а потом ответил с улыбкой:

— Я прикажу грузить бочки с порохом: Жаржо показал важность артиллерии.

Жанна кивнула.

— Пусть порох будет погружен, но с собой мы возьмем только третью часть того, что брали к Жаржо.

Герцог непонимающе посмотрел на нее, однако Жанна опередила его вопросы:

— Так будет правильно.

---

[65] "She didn't stay in Orleans long, however: on the night of the 14th she told Alencon to have the troops ready to move out by the next day 'after dinner' in order to 'go see those of Meung'..." [2]

15 июня 1429. Жанна и Франция.[67] Менг

— Нет! Нам не нужно разворачивать полную атаку против Менга! — Жанна с трудом перекрикивала грохот артиллерии. — Мы захватим мост и загоним англичан внутрь города... У них здесь нет орудий, а мы оставим четыре пушки на дальнем конце моста. И если англичане надумают вырваться, наши залпы сметут их! Каждое ядро уложит десятки солдат, ведь они собьются на мосту, как сельди в бочке!

15 июня 1429. Жанна и Франция.[68] Божанси

— Подходим... — сказал герцог Алансонский, — скоро будем возле города. Насколько я понял из разговора капитанов, штурм не будет сложным. Они опасаются лишь огромной башни двенадцатого века, откуда англичане могут обстреливать нашу армию... Но мне кажется, что мы эту башню сможем сбить, как было при Жаржо... Жанна... что-то не так?..

Жанна настороженно осматривала дорогу, по которой шла армия.

— Не знаю, герцог, — ответила она рассеянно. — Не пойму, что беспокоит меня...

Дорога к Божанси проходила между двумя рядами домов, которые располагались на холмах в предместье города. Кроме жилых домов, здесь было несколько трактиров, а также кузница... Сейчас дома эти были пусты: люди прятались или внутри Божанси, или в окрестных лесах. Однако когда войско проходило мимо построек, ставни на окнах резко распахнулись и треск ружейных залпов наполнил воздух. В кузнице сверкнула молния орудийного выстрела, и облако порохового дыма вырвалось из двери... Французы оказались в ловушке.

— Граф!!! — Жанна схватила за плечо растерявшегося Дюнуа. — Разворачивайте орудие и уничтожьте кузницу! Бертран, Алансонский, ударьте с флангов! Ла Ир, со мной! Остальным рассредоточиться!!! Рассредоточиться!!!

...*«Вперед... вперед... вперед...»*

Позади — лишь крики боли, рядом — крики ярости.

«В атаку, друзья, в атаку!»

Громко хлопало на ветру Знамя. Англичане выбегали из домов и устремлялись навстречу. Но вот — сзади грянул залп из мушкетов, и англичане покатились по склону вниз. Над головой понеслись стрелы... в одну сторону... в другую...

«Навстречу... навстречу... навстречу».

---

[67] "This was done, and the army moved southwest along the Loire. Rather than launch a full assault against Meung, the decision was made to merely take the town's fortified bridge and garrison it with troops, thereby preventing any unpleasant surprises as the army continued farther south to Beaugency. The bridge was taken speedily enough so that the effort barely held up the army's progress to the main target, which was reached on the following day". [2]

[68] "Beaugency was at the southern limit of the English positions which had been clustered around Orleans. The town was dominated by a 12th century tower whose sturdy block form still looks imposing today even in its partially ruined state..." и далее. [2]

Позади грохнуло орудие — и кузница взлетела в воздух сотнями обломков.

«Вперед!!!»

...— Вот так англичане... — герцог Алансонский перевязывал глубокий порез на руке. — Как только додумались?..

— Мы потеряли много людей, — пробормотал Дюнуа.

— Англичане тоже, — ответила Жанна и поморщилась от досады. — Я должна была все понять, как только увидела эти дома...

Она закусила губу и вздохнула.

— Ну да ладно, что сделано, то сделано. Разворачивайте орудия! Заряжайте! Мы обстреливаем Божанси!!!

16 Июня 1429. Жанна и Франция.[69] Божанси

— Крепкая башня...

— Крепкая, — согласилась Жанна. — Посылайте в Орлеан гонца за порохом.

...— Что за крик... а драки нет? — Жанна подошла к столпившимся капитанам, которые громко спорили.

— Сейчас будет! — выкрикнул Дюнуа и добавил, обращаясь к капитанам-наемникам. — Не бывать этому никогда!!!

— Стоп-стоп-стоп... — поморщилась Жанна. — Что вы, как дети малые: стоит оставить вас, как начинаете ссориться?! Что произошло?

— Дело в том, Жанна, — улыбнулся Ла Ир, — что наши разведчики доложили о приближении сразу двух армий. С одной стороны шагают сэр Джон Фастольф и несколько тысяч солдат. Видимо, в его планах было подкрепить войска в Божанси... Остается хвалить Господа, что мы не стали осаждать Менг, а пришли сразу сюда. Кроме англичан, к нам приближается полуторатысячное войско Артура де Ришмона... судя по всему, с огненным желанием присоединиться к нам.

— А из-за чего спор? — удивилась Жанна.

— Артур — отступник! — возмутился Дюнуа. — Он в немилости у короля! Он поднял восстание против Жоржа де Ла Тремуйя!!!

— Позволю себе напомнить, — рассмеялся Ла Ир, — что совсем недавно в немилости был ты сам. А Тремуй в прошлом — мерзкий бургундец, да и лестницу ко двору он сложил из трупов. Против такого не грех и восстание поднять...

— Ла Ир!!! — рявкнул герцог Алансонский. — Не смей говорить так! Король знает, кого приближать к себе, а кого нет! Если этот Ришмон примкнет к вам, тогда уйду я!

---

[69] "After driving off these attackers, the French proceeded to pummel the tower with artillery in what seems to have been a sustained bombardment: to feed the hungry cannons, the financial accounts for the city of Orleans mention that a man named Robin le Bosant was sent by Jehanne to obtain more gunpowder..." [2]

"Meanwhile, two new armies were approaching: Sir John Fastolf was working his way south with a few thousand men to reinforce the English at Beaugency; and Count Arthur de Richemont was moving northeast to aid the French with his '400 lances and 800 archers'..." [2]

Ла Ир покраснел и процедил сквозь зубы:

— Если бы благосклонность дофина не носилась, как осенний ветер, он не послал бы Артура Ришмона арестовывать Дюнуа, чтобы потом приблизить Дюнуа и изгнать Ришмона! В наше время лжи и доносов любой, кто сегодня приближен, завтра может остаться без головы!!!

— Ла Ир! Герцог! — одернула спорщиков Жанна. — Успокойтесь. Интригами пусть опутывается королевская свита. Ваше одеяние — Честь! Если мы печемся о благе Франции, то необходимо принять коннетабля Ришмона и, по крайней мере, дать ему высказаться. Чем ближе подходит Фастольф, тем быстрее нам понадобится подкрепление.

— Но, Жанна!.. — опешил герцог Алансонский.

— Мой прекрасный герцог, — улыбнулась она, — пора учиться помогать себе. У каждого из нас множество дел, которые необходимо решать сейчас же. Тебе надо провести переговоры с английским гарнизоном в Божанси, пока они не пронюхали, что Фастольф на подходе. Кроме этого, надо отвести наших людей и орудия от Менга, предварительно, конечно, сделав пару прощальных выстрелов. Поэтому давай как можно скорее примем Артура, посмотрим, что у него на уме, и вернемся к нашим неотложным делам.

...— Ах, благородный коннетабль... — с грустной улыбкой сказала Жанна, глядя на коленопреклоненного Артура. — Тебя ко мне привело не сердце. Но раз ты пришел, мы приветствуем тебя. Поклянись в верности дофину Франции Карлу VII, исповедайся капеллану и присоединяйся к нашему войску.

17 Июня 1429. Жанна и Франция.[70] Божанси

— Жанна! — подбежал к ней взволнованный герцог Алансонский. — Гарнизон Божанси покинул город. Я выдал им охранное свидетельство и взял слово, что они не будут принимать участие в грядущем сражении.

— Что Фастольф?

— Пронюхал, где мы стоим, и подошел к Менгу. Наши люди уже здесь, орудия отведены... Последним залпом мы сбили ворота, но англичане побоялись высунуться из города: наверное, подумали, что отход войск — это ловушка. По сообщениям разведчиков, около тысячи англичан приближается к нам со стороны Менга... Наверное, Фастольф ищет сражения.

— Сколько нас осталось здесь?

— Шестьсот человек, остальные уже вошли в Божанси. Вызвать солдат из города?..

Жанна вздохнула и покачала головой.

— Не надо. Сегодня сражению не состояться. Мы останемся на вершине этого холма... Вперед надо выставить лучников, как это обычно делают англичане. Фастольф потопчется у основания холма, но нападать не решится.

— А завтра? Даже учитывая то, что мы разрешили Артуру сражаться на

---

[70] "With the retreat of Beaugency's garrison, the only remaining English troops to contend with were those at Meung, reinforced by the army under Sir John Fastolf...

On the 17th the rival armies came into view of each other... Battles were often still arranged by mutual agreement, in the leisured fashion of the 'gentlemanly' style of feudal warfare..." и далее. [2]

нашей стороне, англичане все равно имеют численный перевес... Что скажешь?

Жанна усмехнулась:

— Скажу лишь, что нам понадобятся хорошие шпоры.

Услышав эти слова, герцог изменился в лице.

— Что ты говоришь? Неужели нам придется с позором бежать?..

— Нет, мой прекрасный герцог. Нам понадобятся шпоры, чтобы славно догонять англичан.

...Шестьсот французских воинов выстроились на вершине холма, как указала Жанна... Прошло совсем немного времени, и к основанию холма подошли англичане. Первым делом они выставили вперед лучников и вкопали в землю пики против кавалерии. А затем армии застыли друг против друга, и время отбивало такт хлопками знамен.

...— Вы и есть та, которая называет себя Девой Жанной? — заносчиво спросил один из двоих англичан. — Мы — герольды сэра Джона Фастольфа. Командир уполномочил нас передать вам, что теперь, когда наши армии встретились, только от вас зависит решение спуститься с холма и принять вызов.

— Передайте сэру Джону Фастольфу, — холодно ответила Жанна, — чтоб он разбивал лагерь и располагался на ночлег, так как уже достаточно поздно, а завтра, по воле Господа нашего и Богоматери, мы сойдемся ближе.

Герольды смотрели на нее с насмешкой и нескрываемым презрением. Затем они едва заметно поклонились и повернулись, чтобы уйти.

— А ну-ка постойте... — широко усмехнулся Ла Ир и добавил, обращаясь к Жанне. — Помнится, когда мы посылали герольдов к Тальботу из Орлеана, он имел привычку арестовывать их и заковывать в кандалы... И теперь, глядя на двух англичан, я думаю, а не вернуть ли нам должок...

Лица герольдов Фастольфа вытянулись и они испуганно переглянулись.

— Ну что, ребята, погостите в подземельях Божанси? Как говорится — долг платежом красен.

— Мы — герольды... — пробормотал один из англичан. — Мы... Это будет бесчестно... Вы не можете...

— Так знайте, — загремел Ла Ир, — что ведьма, которую вы все презираете, имеет в сердце больше благородства, нежели ваш капитан, лорд, сэр Джон Тальбот! А теперь проваливайте к черту и помните о том, что здесь произошло.

...— Этьен... не стоило с ними так. Они простые солдаты, которые не виноваты в этой войне... Уважение не вбить кувалдой, а страх нам не нужен.

— Разве ты не хочешь, чтобы англичане боялись Францию?

— Нет... конечно же, нет. Страх надевает на человека оковы, которые рано или поздно человек этот попытается снять. Страх приводит к восстаниям и войнам, а мы сражаемся не для того, чтоб дать рождение новым кровопролитиям. Мы завоевываем право жить мирно, а мир не совместим со страхом... Францию должны уважать, но никак не бояться.

— Из чего же рождается уважение?

— Из того, что вечно. Подумай сам, как мы уважаем — даже больше, чем уважаем, — как мы все любим Ова Пулнуара за то, что он сотворил Знамя. Никакими оковами и никакой неволей не смог бы он вколотить в тебя уважение, но, отдавая свою жизнь за то, во что верил, он вошел в твою жизнь как Друг. Вечность складывается только тогда, когда мы отдаем себя тем, кого любим.

18 июня 1429. Жанна и Франция.[71] Битва при Пате

...Господи, кратка моя молитва: направь наши руки, направь наши копья, направь наши стрелы на свершение Необходимого. Да пребудет с нами Воля Твоя!

...— Отличный день! — радостно сказала Жанна, заходя в командирскую палатку. — Все ли готовы вершить Волю Господа нашего?

— Жанна... — печально вздохнул герцог Алансонский. — У англичан все же серьезное превосходство... Нам необходимо тщательно обдумать нашу стратегию...

— Во Имя Господа!!! О чем тут думать? Мы должны сражаться! Все предопределено, и Час Избран! Даже если бы англичане взобрались на облака, мы все равно стянули бы их оттуда сегодня, чтобы победить! Нельзя медлить или сомневаться! Господь не может помочь только тем, кто ничего не делает!

В этот момент в палатку влетел взволнованный посыльный.

— Англичане отходят по направлению к Пате! — прокричал он и выбежал прочь.

...— Жанна, армия готова. Мы оставили в Божанси небольшой гарнизон на случай атаки из Менга... Остальные уже в седлах.

— Отлично! Тогда — в погоню за англичанами! Я поведу авангард!

— Прости, Жанна, но авангард уже выдвинулся, он поручен Ла Иру...

— Почему?!! — вскричала Жанна. — Кто распорядился так?!!

— Но мы думали, ты ему доверяешь...

— Да причем здесь доверие? Вести сегодня авангард — это тяжкое бремя, вес которого выдержат не каждые плечи... Ах, Ла Ир... справься... справься... справься... молю тебя!

...— Кавалерия французов настигает нас, сэр Джон, — прокричал командир английского войска сэр Фастольф лорду Тальботу. — Мы не для того покинули хорошие позиции возле Божанси, чтоб нас догнали в чистом поле! Выбери место, возьми с собой пять-шесть сотен лучников и устрой там засаду!!! Перестреляй лягушатников!!!

...— Луи... не шуми ты так... англичане услышат... — двое французских разведчиков пробирались через лес. — Ну не шуми ты так, говорю... Посмотри, что натворил, дурак, — оленя спугнул!..

---

[71] "On the following day the two armies faced each other again; when the jittery French asked Jehanne what they should do, she replied: 'En nom Dieu, il les faut combattre. S'ils estoient pendus aux nues nous les aurons' ('In God's name, we must fight them. If they were hanging in the skies we would [still] have them'..." и далее. [2]

И вдруг два солдата изумленно замерли, потому что из-за холма, куда ускакал олень, донесся многоголосый вскрик. Не веря своему везению, французы подобрались поближе... За холмом маршировал арьергард англичан.

...— Нет, так нельзя!!! — Ла Ир резко одернул разгоряченного герцога. — То, что Господь преподнес нам прекрасный подарок, еще не значит, что надо сломя голову бросаться в атаку!!! Вспомни Божанси и ту ловушку, которую устроили нам англичане. Мы не будем мчаться по следам Фастольфа, потому что будь я на его месте, то посадил бы Тальбота и несколько сот лучников в засаду... например, вот здесь, — капитан ткнул пальцем в карту, — да и орудие поставил бы рядом... Мы потратим немного больше времени и пойдем другой дорогой — вот здесь или здесь, — его палец пробежался по карте, огибая опасные места, и указал на Алансонского. — Вот что мы сделаем.

— А если засады нет?

— Если засады нет, то мы не потеряем много... полчаса... час... не больше. Но если засада есть, мы выиграем очень много.

Герцог Алансонский некоторое время ходил из стороны в сторону, нервно кусая губы, а потом остановился и сказал:

— Ты понимаешь, что мы можем потерять прекрасную возможность для атаки?!! Благодаря невероятной случайности мы знаем, где находятся англичане, но через полчаса все может измениться!

— Пусть лучше мы потеряем возможность для атаки, чем нашу армию.

— О Господи... — герцог возвел глаза к небу. — Ну как ты...

— И так как авангард доверен мне, — не дал ему договорить Ла Ир, — решение мое остается беспрекословным: мы обойдем англичан с фланга.

...— Ла Ир... — смущенный герцог подскакал к капитану. — Все получилось, как ты и говорил: англичане — прямо перед нами... И кавалерия уже на исходной. Мы готовы атаковать!

Ла Ир улыбнулся ему и принял копье от оруженосца.

— Тогда вперед, герцог... зададим жару годонам[72]!

— Смерть англичанам! — громогласно закричал он. — Вперед, солдаты Франции! ВПЕРЕД!!!

...Грохот надвигающейся кавалерии сотрясал землю. Захваченные врасплох английские лучники спешно заряжали арбалеты и натягивали луки... но конница французов была все ближе. Не встретив преграды из пик, кавалерия ворвалась в ряды англичан, лавиной сметая все на своем пути... Задние ряды лучников в панике обратились в бегство, но очень немногим из них удалось выжить.

...— Сэр... Сэр Фастольф... арьергард... арьер... его больше нет...

— Прекратить панику!!! Ничего еще не потеряно! Нужно немедленно

[72] Ругательное наименование англичан во Франции.

Г. Лежнев

соединиться с авангардом и развернуться к французам строем, выставив лучников вперед!!! Все к авангарду!!! Все к авангарду!!!

...— Бегут! Войска Фастольфа бегут!!!

— Да что ты говоришь такое?..

— Сам посмотри!!! Говорят, французы вырезали весь арьергард! Видимо, и по центру ударили, раз Фастольф убегает... Нам самим не выстоять! Нам не выстоять!!!

— Бежим!..

— Бежим!!!

...— Что делают эти идиоты?!! — в гневе кричал Фастольф. — Почему авангард отступает?!! Нужно объединить авангард и центр!!! Гонца вперед!!! Остановить отступление!!!

...Но сорвавшуюся в бегство армию было уже не остановить.

Французы преследовали англичан на протяжении четырнадцати миль к северо-востоку от Пате, настигая, уничтожая, переформировываясь и снова настигая. А когда остатки английского войска добежали до городка Жанвий, оказалось, что его жители, услыхав о произошедшем при Пате, подняли восстание и взяли в плен английский гарнизон... Городские ворота захлопнулись перед испуганными солдатами Фастольфа. И тем пришлось отступать дальше — к Этампу, до которого измученные солдаты добрались лишь к полуночи.

Французы потеряли в этом сражении убитыми трех человек. Потери англичан составили больше двух тысяч убитыми и пленными. Боевой дух английского войска был подорван состоявшейся резней, а также тем, что в плен попали многие отважные и любимые солдатами капитаны: лорд Тальбот, лорд Скаль, лорд Томас Рампстон, лорд Вальтер Хунгерфорд.

Узнав о поражении при Пате, несколько английских гарнизонов позорно бежало из городов, которые они охраняли... После этого контроль над данным регионом долины Луары был утерян Англией полностью и необратимо.

Часть IV. Реймс

1429. Жанна и Франция.[73] Шатонеф

— Ваше Величество...

— Заходи, Дюнуа... Мне нужно поговорить с тобой. Садись... Ты, наверное, догадываешься, о чем?

— Коннетабль Артур Ришмон? — полуспросил граф, но дофин отмахнулся.

— Что ты, вовсе нет... Коннетабль был в немилости, но оказал нам услугу и был прощен. Жанна утверждает, что его солдаты храбро сражались и сам он показал себя с лучшей стороны... Но несмотря на это, ко двору я его не приближу. Пусть живет без страха в своем родовом поместье. А я хотел поговорить с тобой о решении военного совета — о направлении нашего нового наступления. Что ты думаешь об этом?

Граф немного помолчал.

— Я верю Жанне, — сказал он наконец. — Если она утверждает, что надо держать путь на Реймс, значит, так оно и есть.

Карл вздохнул и, подойдя к окну, принялся нервно барабанить пальцами по стеклу.

— Ты веришь ей... — пробормотал он. — Но почему?

— Потому что она послана Богом... Чем больше я пребываю в ее окружении, тем больше я в этом уверен.

Дофин все так же стучал пальцами по стеклу.

— А если она сумела вас всех обмануть? Что если она сумела *нас всех* обмануть?

— Но... — опешил Дюнуа. — Она принесла Франции столько побед, сколько никто другой за последнее столетие.

— Да... да... да... — пересек комнату дофин и опустился в свое кресло. — Но не странно ли это? Я помню свою первую встречу с ней... Она словно околдовала меня... Я не мог отвести взгляда, и ее слова были так разумны... Я словно общался не с пастушкой, а с великим Мудрецом. А позже, когда Жанна ушла, все, что она говорила, стало призрачным и туманным... Некоторое время я даже жалел, что отпустил ее с войском. Но потом она освободила Орлеан... Да, — повторил Карл задумчиво, — она освободила Орлеан... А еще позже мы одержали при Пате такую победу, по сравнению с которой меркнут все самые славные победы наших дедов...

— Разве это не достаточно веские аргументы, чтобы поверить Жанне? — осторожно спросил граф.

Дофин задумчиво смотрел в окно и барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Дело в том, друг мой Дюнуа, — сказал он наконец, — что победы наши ведут к консолидации французского войска, не так ли?..

---

[73] "Wednesday the 22nd — The king's council meets at Chateauneuf. Jehanne implores Charles to now march to Reims to be crowned king. Charles still hesitates, no doubt under the influence of La Tremoille". [2]

— Да... — кивнул граф, — но я не понимаю, каким образом...

— А таким, друг мой, что, если эта «консолидированная армия» будет разгромлена, никаких шансов у нас не останется.

Дюнуа онемел.

— Вы предполагаете... Но, сир, тогда зачем было освобождать Орлеан? Если Жанна связана с англичанами...

— Я не предполагаю, что она связана с англичанами, — оборвал его дофин. — Понятно, что нечто покровительствует Жанне в ее начинаниях; вопрос только в том, что именно покровительствует ей?.. Тебе не приходило в голову, что это нечто может желать гибели как Англии, так и Франции?

— Я уверен, что это священники нашептали вам... Но так говорит тот, кто не видел Жанну в бою. Она бесстрашно ведет солдат за собой, она совсем не думает о своей жизни... Однажды она была очень тяжело ранена, и только чудо спасло ее. И... если ваши священники предполагают, что Жанна... — граф запнулся и еле выговорил это слово, — ведьма... пусть они тогда пояснят, где же сейчас Господь? Если Жанна... ведьма... почему Он позволяет лгать от Его имени?..

— *«...и многие лжепророки восстанут и прельстят многих»,*[74] — процитировал дофин.

Дюнуа стиснул зубы.

— Это не про Жанну.

— Как ты знаешь?

— А как бы вы узнали, если бы к вам пришел Святой?

— Я думаю, — усмехнулся Карл, — что Господь нашел бы способ сообщить мне.

— Сир... Вы можете казнить меня, но не думаю, что Господь дает знаки королям о Своих Посланцах. Ведь даже о Приходе Сына Своего Он оповестил пастухов.

Карл сглотнул и побагровел.

— Я и вправду могу казнить тебя за такие слова, — пробормотал он. — Что-то ты не спешишь молить о пощаде...

— Моя казнь в вашей воле, сир... но не моя душа. Священники обманули вас ложью и клеветой: Жанна вовсе не та, кем они пытаются ее представить.

— Зачем им это?

— Причина проста, — улыбнулся в ответ Дюнуа. — За каждым из них стоят феодалы... те, кто подталкивал вас на военном совете идти в Нормандию. Они хорошо все продумали: феодалы убеждают вас на военном совете, священники — вне оного... Конечно, за этим хитросплетением сложно увидеть одну истину...

— Какую? — подался вперед Карл.

— Ваша коронация в Реймсе укрепит монархию. Огромный лоскут власти будет стянут с плеч феодалов и расстелится у подножия вашего трона. В то время как поход в Нормандию принесет новые непокорные земли, с хозяевами которых можно будет плести интриги против вас.

---

[74] Мф. 24:11.

Дофин медленно откинулся на спинку кресла и некоторое время размышлял, исподлобья разглядывая графа.

— Ты... говоришь разумно... да... все очень разумно... Но ты не учел, Дюнуа, что я знаю тебя. Знаю, что, не имея выгоды, ты не раскрыл бы мне истинное положение вещей.

Граф отвел взгляд в сторону и едва слышно усмехнулся.

— Почему же, благородный дофин... у меня есть выгода, просто вы ее не видите.

— И что же это за выгода?..

— Моя любовь к Франции.

— По-твоему, *я* не люблю Францию?!!

— По-моему, слишком мало придворных любит Францию. Ваша коронация принесет Франции благо, дофин... Я не тот человек, который будет плести интриги, когда цель может быть достигнута и без них.

Дофин в задумчивости смотрел на графа.

— Дюнуа, — сказал он наконец, — если ты ведешь какую-то игру, она плохо закончится для тебя. Твой образ в моей голове не совмещается с образом патриота... и я не могу понять, что ты задумал. Но все сказанное тобою кажется... логичным... Надо же... я просил тебя о совете, а ты поставил передо мной новую дилемму.

Карл встал и снова подошел к окну.

— Так ты веришь Жанне?..

— Да, сир.

— Без остатка?

— Да, сир.

— Ты веришь Деве Жанне больше, чем своему королю?

— Разве мой король больше Короля Небесного?

На лице Карла заиграли желваки.

— Дюнуа, ты рискуешь быть отлученным от двора.

— Воля ваша, сир... Но в таком случае вы потеряете верного слугу.

— Но разве можешь ты служить мне верно, если веришь Жанне больше?

— Жанна — Посланница Царя Небесного, вы — Его ставленник. Какие могут быть противоречия между вами?

— Хорошо... Допустим, Жанна говорит, что надо идти на Реймс, а я скажу идти в Нормандию... Что ты выберешь, граф?

— Но вы уже видели это, сир... Ведь недавно Жанна говорила идти на Реймс, а вы сказали освобождать Жаржо и Божанси.

Карл усмехнулся и махнул рукой в сторону двери.

— Иди, граф, ты свободен. Мне нужно подумать...

— Граф! — окликнул его дофин, когда Дюнуа приблизился к двери. — Надеюсь, не надо пояснять, что все, о чем мы говорили, не должно выйти из этой комнаты?

1429. Жанна и Франция.[75] Сен-Бенуа-сюр-Луар

— О дорогой мой дофин... — со слезами на глазах Жанна пала на колени. — Почему сборы армии так долги?.. Почему мы не выдвигаемся в поход? Каждый день на счету у Господа нашего, и чудеса уже приготовлены. Но кто, кроме нас, придет взять их?

— Жанна... ну что ты? — поднял ее за плечи дофин. — Как же ты терзаешься... Мое сострадание к твоим мучениям безгранично. Тебе необходимо отдохнуть... набраться сил... А тем временем мы соберем припасы, подтянем войска и выступим на Реймс...

— Дофин... — Жанна снова припала к его ногам. — Мои мучения только оттого, что корона не вручена вам!.. Когда Господь наш водрузит корону на ваше чело, многое изменится, и вам станет легче защищать Францию... Соберитесь же с мужеством и поверьте мне! Гоните сомнения — вы получите Королевство Французское, и коронация ваша состоится! Нужно лишь собраться с силами и прийти в Реймс...

Дофин бросил негодующий взгляд на Дюнуа, но тот лишь покачал головой в ответ.

— Но, Жанна... — улыбнулся Карл, — чем поможет мне корона? Верные капитаны уже верны мне, а в ком жило предательство, те уже предали...

— А как же благословение Господне?.. — Жанна подняла на него заплаканные глаза. — Без благодати нет короля... Лишь после помазания вера людская устремится к вам со всей Франции, чтоб дать вам силы нести Крест Служения. Многое, что не по силам сейчас, будет сделано позже. Я знаю, что вам советуют идти в Нормандию... Но зачем добавлять к метле новые прутья, если рука не удерживает те, которые уже есть?.. Пока нам не нужно искать нового. Связать старое воедино — вот что необходимо.

...— Дюнуа!!! — дофин в ярости схватил графа за руку. — Как ты посмел передать наш разговор Жанне?..

— Ни единое слово не покинуло мои уста, сир.

— Ты врешь!!! Откуда же она узнала?

Дюнуа помолчал, а потом произнес тихо:

— Может, это и есть те знаки, которых вы искали?

— Прекрати эти игры!!! — вскричал Карл. — Я не верю ни тебе, ни Жанне! И несмотря на какую-то там благодать, я хотел бы отдать приказ о походе в Нормандию... Но я все еще колеблюсь. Приведи хоть один разумный довод, чтобы убедить меня в своей правоте, потому что мое терпение уже на исходе!

Дюнуа подумал немного и сказал:

— Вы помните, каким я был... и видите, каким я стал. Конечно, заглянуть ко мне в душу вы не можете, но одно вы не могли не заметить: я перестал бояться смерти.

— ДА?!! И почему же это?!!

---

[75] "Now followed the torturous process of inducing the Royal council to give the order to move the army forward, frequently a matter of some difficulty..." и далее. [2]

— Потому что смерть моего тела ничего не значит для духа, который вечен... А духу моему никто не может причинить вреда, кроме меня самого. Бесстрашие и Голос Сердца стали моим Щитом.

Карл в гневе оттолкнул графа, развернулся и пошел прочь.

...— Пусть Жанна и околдовала капитанов, ваше высокопреосвященство, но поход на Реймс действительно кажется разумным... Как вы полагаете?..

Реньо де Шартр усмехнулся.

— Я архиепископ Реймский, а значит, лицо заинтересованное. Дюнуа прав в одном: взятие Нормандии добавит много хлопот.

— Значит, мне нужно идти в Реймс?

— Поход в Реймс добавит хлопот не меньше... На пути к нему много сильных крепостей.

— Что же вы посоветуете?

Реньо с улыбкой посмотрел на дофина.

— Я рад, что этот выбор придется делать не мне. Но, независимо от вашего решения, все ближе время, когда от девчонки нужно будет избавляться.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что Жанна, именующая себя Девой, начинает являть все больше угрозы для дофина, именующего себя Карлом. Ее влияние среди капитанов неоспоримо... Фактически, она управляет армией, а не герцог Алансонский, назначенный вами главнокомандующим. Кроме того, растет ее влияние среди простого народа. Как вы видите, «верхи» и «низы» все более сходятся в любви к ней, а страх или угрозы никогда не явят власти большей, нежели это сделает любовь. Чем больше любят Жанну, тем могущественнее становится она. Если поход на Реймс (или в Нормандию, как вы решите) будет успешным, в чем лично я не сомневаюсь, Дева Жанна обретет такую ВЛАСТЬ, которую не имел еще ни один король Франции.

— Вы считаете, что поход на Реймс будет успешным? — переспросил Карл.

— Конечно.

— Значит, вы... верите, что Жанна ниспослана Небесами?

Архиепископ усмехнулся.

— Она непрестанно молится, почти каждый день посещает мессы, причащается, исповедуется, падает на колени чуть ли не перед каждым священником... не сражается с мечом, чтоб никого не убивать... Многие из тех, с кем ее свела судьба, изменились, словно по велению Иисуса... Кроме того, она милостива даже к англичанам. Жанна вполне может оказаться Небесной Посланницей.

— Но... как же тогда вы говорите... что надо избавляться от нее?..

— Дофин... чтобы вы могли понять меня, давайте допустим, что Жанна действительно ниспослана Господом. Теперь, когда этот вопрос более не обсуждаем, давайте подумаем, для чего Он мог послать ее нам?

Карл нахмурился.

— Наверное, для того чтобы освободить Францию...

— Верно. Но что надо для того, чтобы освободить Францию?

— Короновать меня?..

Реньо рассмеялся и покачал головой.

— Нет... Чтобы освободить Францию, нужно понять, *что* есть Франция. А Франция, мой дорогой дофин, — это не вы... и не я... Это миллионы маленьких французиков. Свобода Франции — не в вашей короне и не в изгнании англичан из Реймса или Парижа, потому что корона — это всего лишь кусок золота, а Реймс и Париж — это глыбы камней. Свобода — внутри каждого человека... Представьте маленькую капельку, парящую с тысячами подобных в небесном облаке. Сама по себе эта капелька сделать ничего не может: она слишком незначительна даже для того, чтобы упасть на землю... А потом приходит Объединитель — и сотни облаков обращаются грозовой тучей... сверкает молния, и потоки воды смывают прочь пыль и грязь, и даже вековые деревья выворачиваются с корнем. Жанна уже объединила Францию, и события грядущего стали неизбежны. Даже если отказаться от похода на Реймс и отправиться в Нормандию, освободительная борьба не утихнет, но будет развиваться со все большей и большей силой. Конечно, в Реймсе коронован будет, скорее всего, ваш сын или внук, а не вы, но два поколения ничего не значат для истории.

— Но... — сглотнул Карл, — если Жанна действительно сделала все это... зачем «избавляться» от нее?

Архиепископ холодно посмотрел на дофина.

— Небесная Посланница выполнила свою миссию и должна возвращаться на Небо. Неограниченная власть не должна собираться в руках человеческих. К тому же... народу нужен мученик. А если мы сумеем передать Жанну в руки англичан... все устроится самым лучшим образом.

Некоторое время Карл молчал, изумленно и с боязнью глядя на Реньо де Шартра, а потом спросил тихо:

— Разве вы не боитесь кары Божьей?..

— А разве вы верите в Бога, чтобы спрашивать меня о подобном? — резко ответил архиепископ. — Я вижу вас насквозь, сир. Бог для вас существует лишь тогда, когда это вам выгодно. Закончим этот разговор: вы узнали достаточно.

С этими словами архиепископ Реймский поднялся и вышел из королевских покоев.

24 июня утро 1429. Жанна и Франция.[76] Орлеан. Выход армии. Жьен, сорок миль от Орлеана, вечер

— Вперед, святые отцы, вперед!!! Мы идем на Реймс! Поднимите же Хоругвь[77] повыше! Пусть Христос освятит наш Путь! Пойте, пойте гимны Святой покровительнице нашей, Деве Марии! Пусть Небеса возрадуются тому, что свершается наконец-то на земле.

---

[76] "Decisions were made, and things now got underway: the army moved out from Orleans on Friday the 24th, 'early morning'. In one of her memorable phrases, Jehanne told Alencon: 'Have trumpets sounded and mount your horse. It's time to go meet the noble King Charles to put him on his way to his anointing at Rheims'..." [2]

[77] Хоругвь — в старину: боевое знамя войска; полотнище с изображением Христа, святых и т. п., укрепленное на длинном древке, которое носят при крестных ходах, церковных шествиях в христианской церкви. Большая Энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2002.

...— Никогда меня еще так не вдохновлял вид поющих святош, — сказал вечером Ла Ир герцогу Алансонскому.

— Кажется, что-то спало внутри, а теперь просыпается, — ответил тот.

— Согласен с тобой, герцог. Начинаешь мир полнее видеть...

— Как думаешь, Ла Ир, быстро до Реймса дойдем?

— А то как же... — рассмеялся капитан. — Если Жанна за что берется, то все быстро складывается.

— Она сказала мне сегодня: «Трубите же в трубы и взбирайтесь на лошадей. Время уже настало, чтоб встретить благородного Карла и привести его к Помазанию». Знаешь, что меня беспокоит? Что будет после коронации... Карл ведь получит все, что хотел... Не заберет ли он у Жанны армию?

— Но армия в подчинении у тебя... — хитро усмехнулся Ла Ир, однако герцог лишь покачал головой.

— Бунта не будет. Если Жанна коронует Карла в законные правители, значит, именно так лучше для Франции.

— И если Карл заберет у Жанны армию... это тоже будет лучше для Франции?..

— Мне кажется, будет лучше подчиниться его глупому решению, чем подрывать королевскую власть неповиновением. Мы не можем выступать против того короля, которого избрал Господь... А в том, что Карл — избранник, у меня сомнений нет.

Ла Ир вздохнул и растянулся на сочной траве, теплой после дневного жара.

— Понимаешь ли, Жан... когда приходит время, распускаются цветы. Но пчела, которая собирает нектар, может случайно пролетать мимо. Мне кажется, наступило время распуститься французским лилиям... но дофин может иметь к этому времени весьма далекое отношение. Однако ты все равно прав — выступать против Карла не стоит. Если настало время для Франции обрести короля, не нам этому противиться... Хороший ли, плохой ли... Франции нужен король.

— Странно... если все равно, каким будет король... зачем он вообще нужен?..

— Наверное, чтобы вера у людей окрепла. Ведь если Господь даст Франции свободу и короля, это подтвердит, что Он о Франции заботится... Воодушевление и радость войдут в души людей, — он усмехнулся. — Ведь простым смертным нужны доказательства, чтобы поверить.

25 июня 1429. Жанна и Франция.[78] Жьен[79]

«Иисус, ✝ Мария.

Благородные французы города Турне, Дева Жанна пишет вам о событиях произошедших. Дева имеет честь сообщить, что за восемь

---

[78] "It was a forty mile journey to Gien, covered in one day. Charles himself was there to greet them with 'great joy' in this city on the edge of friendly territory, the jumping-off point for the coronation march..." и далее. [2]

[79] "Jesus + Mary

Noble loyal Frenchmen of the town of Tournai, the Maiden informs you of the tidings from here: that in eight days she has driven the English out of all the places they held on the River Loire, by assault and otherwise, where there were many killed and captured; and she has defeated them in battle.

...To the loyal Frenchmen of the town of Tournai". Письмо от 25 июня 1429 жителям города Турне. [4]

дней она выбила англичан из укреплений, которые они занимали в долине Луары. Мы одержали победы во всех сражениях, многие из англичан были убиты или захвачены в плен. Знайте, что среди плененных были: лорд Суффолк и его брат Ла Поул, лорд Тальбот, лорд Скаль и лорд Фастольф, а также многие другие рыцари и капитаны. Смерть предпочли Гласдейл и второй брат Эарла Суффолка. Воспряньте же духом, верные французы, молю вас! Также прошу и умоляю, чтоб вы были готовы явиться на помазание благородного короля Карла в Реймс, в который мы прибудем очень скоро. И как только узнаете, что мы приближаемся, присоединяйтесь к нам. Благословляю вас от имени Господа! Да будет Он благосклонно пребывать с вами и вдохновит на правое дело освобождения Королевства Французского.

Писано в Жьене верным французам Турне двадцать пятого дня месяца июня».

— Жанна... — в комнату заглянул Дюнуа. — Герольды, отосланные Карлом к Бонни-сюр-Луар, Косну и Ла-Шарите, принесли отказ... Города отказываются признать его власть.

Жанна улыбнулась.

— Передай дофину, чтоб он послал армию к Бонни-сюр-Луар, пусть ее поведет Луи де Кулан. Штурм города не будет сложным... Два остальных города пусть пока остаются под властью бургундцев... Пока это не важно.

— Жанна... еще одно... Можно поговорить с тобой наедине?

...— Дофин выдал войскам весьма скудное жалование... Мы с капитанами волнуемся, чтоб солдаты не начали расходиться по домам... И мы подумали, что можем доплатить недостающее из своих денег...

— Мой милый граф... — ласково обняла его Жанна. — Как я рада, что постигаешь ты суть Служения своего. Но позволь просить тебя приберечь деньги до дня, когда они действительно будут необходимы. Развею твои страхи — наша армия не узнает дезертирства. Это уже не армия наемников, Жан, но армия патриотов... Разве патриоты могут разбежаться из-за плохого жалования? Посмотри на воинов — сколько благородных людей здесь... Кто не мог приобрести доспехи, пришел простым лучником или копейщиком. Когда такое было в последний раз — чтоб благородные с простолюдинами в одном строю стояли, зажигаясь единой идеей Свободы? Все идет, как должно. А дофин, наверное, сберегает деньги, чтобы не было перебоев с провиантом на английской территории.

28 июня 1429. Жанна и Франция.[80] Дорога на Осер

— Мы отошли от Жьена уже на четыре лье... — сказал Дюнуа, нагоняя Жанну. — Наверное, пора разбивать лагерь.

[80] "The court took its time embarking on the latter course. After waiting three days for the army to be given marching orders, Jehanne and a number of the commanders left early and camped 'about four leagues' (around 12 miles) to the east on the route to Auxerre.

Charles took the hint: he finally left Gien two days later, and the campaign began on 'the [feast day] of St. Peter', June 29th..." и далее. [2]

Жанна кивнула.

— Пусть будет так.

— Каким образом скажешь укрепиться? Если на нас наткнутся англичане, нам не поздоровится.

— С какой стати англичанам бродить в четырех лье от двенадцатитысячной армии французов? Разбивайте лагерь, и ничего не бойтесь. Укрепляться тоже не надо... Выставить дозорных, да и только.

Дюнуа вздохнул.

— Думаешь, наш уход ускорит Карла?

— Думаю, да, — усмехнулась Жанна. — За три дня его королевский совет не сумел определиться, каким маршрутом следовать, но теперь дофин пришпорит их... Он ведь не хочет, чтоб мы вошли в Реймс без него.

29 июня 1429. Жанна и Франция.[81] Дорога на Осер

— Жанна!!! Дофин покинул Жьен! Армия приближается!!!

— Отлично! Поскачем навстречу и встретим соратников!

...— Но... что это?!! — вдруг обомлела Жанна. — Что?.. Да как?!! Как они...

— Жанна, — Ла Ир миролюбиво положил ей руку на плечо, — надо понять солдат... Им выдали жалованье, им хочется немного отдохнуть перед сражениями... расслабиться...

— Отдохнуть?!! — Жанна сбросила руку капитана, с силой вонзила шпоры в бока лошади, и та сорвалась в галоп навстречу приближающемуся войску.

— Дева Жанна... — встретил ее один из придворных, но она молнией пронеслась мимо.

Возле возов с продовольствием она резко осадила коня и спрыгнула на землю... Медленно подошла к телегам.

— УБИРАЙТЕСЬ отсюда! — в ярости прошептала она проституткам, которые разлеглись на тюках с продовольствием.

— Ой... а это еще кто?.. — капризно протянула одна из них, грызя зеленое яблоко. — Наверное, Жанна... Смотри-ка, — обратилась она к подружкам, — а она и ничего... Непонятно, что ж ее в девках-то оставили...

Под их хохот Жанна медленно побагровела. Затем достала из ножен меч.

— Ха... — не унималась все та же с яблоком, — у нее и меч есть, как у заправского вояки... — она снова обернулась к подружкам, — стал быть, парнем наряжаться любит...

— УАЙ!!! — завизжала она, когда меч Жанны плашмя опустился ей на спину.

— ПРОЧЬ ОТСЮДА!!! — закричала Жанна, продолжая бить незадачливую шутницу.

Та вскочила с телеги и попыталась защищаться, но, пропустив сильный удар мечом по бедру, пустилась, прихрамывая, наутек. Жанна бросилась к

---

[81] "...After the order had been given for the troops to move out, Jehanne noticed that some of the soldiers were distracted by prostitutes lurking around the army. Action was swift: drawing her sword, she hit 'two or three' of them with the flat of the blade, breaking the blade in the process..." и далее. [2]

другим и принялась хлестать их плоской стороною меча. Те попытались сообща обезоружить Жанну, но сильные удары быстро вернули их к реальности... Жанна успокоилась, лишь когда весь бордель с визгом и криками ретировался по направлению к Жьену.

— Ох, Жанна, Жанна... — спрыгнул с лошади Ла Ир, — дорогая моя праведница... Меч-то ты обо что поломала?

Тяжело дышащая Жанна посмотрела на обломок меча в своей руке и отбросила его прочь.

— О ваши грехи.

Ла Ир тяжело вздохнул, но Жанна ответила ему резко:

— Не о чем вздыхать, капитан. Это был один из моих обычных мечей... Меч из часовни Святой Катерины я берегу для Парижа.

— Да не о том я вздыхаю, дорогая Жанна... Ты измучена, на тебе тяготы всей Реймской кампании, а ты изматываешь себя такими мелочами...

— Это не мелочи, Этьен, — ответила она тихо. — Стать святым или грешником невозможно в одночасье. Каждым днем, каждым поступком своим, каждой своей мыслью мы ткем крылья нашего духа. Какие нити изберем — такого цвета будут крылья, когда смерть земная даст рождение Надземное. Каждое слово — это нить, каждая мысль — это нить, каждый поступок — это нить. Если привыкаем брать из-под ног нити черные, как заставить себя искать в небе нити белые? Нельзя привыкать ко Тьме, Этьен... иначе встреча со Светом ослепит и повергнет в ужас.

— Слышите?!! — обернулась она к солдатам и закричала что было мочи. — Нельзя привыкать ко Тьме, иначе встреча со Светом ослепит и повергнет в ужас!!!

2-3 июля 1429. Жанна и Франция.[82] Осер

...— Осер отказался признать власть Карла. Говорят, что не для того присягали на верность герцогу Бургундскому, чтоб теперь становиться на колени перед самозванцами.

— Я знала, что будет так. Начинайте готовиться к осаде и штурму города. Не далее чем послезавтра Осер будет в наших руках.

...— Жанна!!! Осер прислал парламентеров... причем это не простые герольды, а отцы города. Наверное, они пришли, чтобы...

— О, нет... — прошептала вдруг Жанна. — Где они?

— В палатке дофина...

— Кто, кроме дофина, там?

— Только стража и Ла Тремуй. А что, Жанна?.. Что-то не так?..

— Господи прости, Господи прости, Господи прости... — шептала Жанна, рухнув на колени...

---

[82] "The army decided to take a detour to Auxerre, which would otherwise be a possible menace to their rear. Earlier, she'd had to sneak into this town to hear Mass; now, she was at the head of an army.

...The commanders therefore made preparations for a siege. This plan was overruled, however, and the chroniclers all placed the blame squarely on the shoulders of Lord Tremoille, whom the citizens had bribed with a payment of 'two thou-sand ecus' to call off the attack". [2]

...— Приняв во внимание всю сложность сложившейся ситуации, — развязно говорил Ла Тремуй на созванном им военном совете, — мы решили не осаждать Осер, но оставить его пока в состоянии независимого города. В ответ на нашу милость отцы города изъявили готовность явить такое же повиновение, как Труа, Шалон и Реймс. Кроме всего прочего, была обговорена продажа провианта для нашей армии и сохранение суверенитета Осером до взятия вышеуказанных городов. Если Жанна действительно Посланница, то взятие этих городов не составит большого труда, стало быть, под Осером незачем проливать кровь наших солдат.

— О крови задумался, — негромко сказал кто-то из капитанов.

— Прошу прощения... — не понял Ла Тремуй. — Кто это сказал?

Злые, колкие взгляды были ему ответом.

...— Мишель!!!

— Да, граф...

— Быстро встань с колен! Ты стоял в страже, когда дофин и Ла Тремуй беседовали с посланниками Осера?.. Нечего молча сопеть! Отвечай!!!

— Не могу, господин мой...

— Да не падай ты на колени! Я не священник, чтоб тебе грехи отпускать! На ноги, солдат! Не заставляй выбивать из тебя признание!

— Ла Тремуй убьет меня.

— Ла Тремуй убьет всю Францию, если не остановить его сейчас, пока еще не слишком поздно.

— Как вы остановите этого демона?..

— Это моя задача. Твоя — рассказать мне, что произошло в палатке Карла.

...Не прошло и двух часов, как все в лагере, включая солдат, знали, что Ла Тремуй отменил атаку на Осер в обмен на две тысячи золотых ливров. Куда бы ни шел министр, солдаты плевали ему вслед, а взгляды капитанов выражали лишь неприкрытое презрение. Под вечер министр уже не решался выйти из своей палатки и утроил стражу вокруг нее.

4 июля 1429. Жанна и Франция.[83] Труа

«Иисус, ✝ Мария.

Дражайшие мои друзья (если мне будет позволено обратиться к вам подобным образом) — лорды и простые горожане!

Дева Жанна обращается к вам от Имени Царя Небесного, ее полноправного и высочайшего Повелителя, которому она самозабвенно служит изо дня в день.

Прошу вас сложить оружие и явить полное повиновение королю Франции, который войдет в Реймс и Париж очень скоро, вне зависи-

---

[83] "After a rest of three days, the host proceeded eighteen miles northeast to the town of Saint-Florentin, which immediately surrendered, and then set course for the city of Troyes, where the treaty disinheriting Charles had been signed nine years before.

On July 4 the army was at the town of St-Phal, within easy distance of Troyes..." и далее. [2]

мости от того, кто встанет у него на пути, и который с Божьей помощью будет править в Королевстве Французском.

Благородные французы! Преклоните колени пред королем Карлом! Да не будет непонимания между нами! И если вы поступите так, то не будет угрозы ни вашим жизням, ни вашей собственности!

Если же вы изберете иной путь, это ничего не изменит и с Божьей помощью мы все равно войдем в города, которые должны быть присоединены к священному Королевству Французскому, независимо от того, останетесь вы при этом в живых или же нет[84].

Миру суждено прийти на нашу землю, и будет, как суждено, и не важно, кто встанет у нас на пути.

Да пребудет Господь с вами, да обережет Он вас, если сумеете отыскать путь к Его благодати.

Жду вашего ответа.

Писано под стенами Труа в поселке Сент-Фал во вторник, четвертого дня месяца июля»[85].

...— Вот и Труа... Странно, что гарнизон напал на нас... бургундцы атаковали как-то глупо... Что думаешь?

— Думаю, бургундцы пытались поймать нас в ловушку, как англичане около Божанси... Да только ничего не получилось ни у тех, ни у других.

— Что теперь?

— А теперь будем ждать решения королевского совета о начале штурма.

— Не боишься получить сюрпризов от Ла Тремуйя?

— Нет. Труа не присылал парламентеров.

...— Мсье...

— Я здесь, не кричите. Если нас застанут вместе, будем убиты оба.

— Вы — э-э-э...

— Я это, я. Вам что, луна глаза ослепила?

— И вы сможете сделать то, что мы хотим от вас?

— А вы сами сможете сделать то, чего хочу я?

— Мы готовы сейчас же вручить вам две тысячи ливров.

Едва различимый смех в ответ.

— Труа не Осер. Армия теперь в гневе, каждый солдат рвется в бой. Мне придется рисковать много большим... поэтому и сумма будет много большей.

— Насколько большей?

— В три раза.

— ЭТО НЕСЛЫХАННО!

— Не шипите так громко! И не забывайтесь!!! Я ничего у вас не требую: это вы пришли делать мне предложение. Армия — на поводке у Карла, а Карл — на поводке у меня. Сами подумайте, что будет с вашим городом, если завтра я выпущу поводок из рук.

---

[84] Так я перевел фразу: “I promise and guarantee upon your lives”, хотя она переводится как «клянусь вашими жизнями».

[84] “+Jesus, Mary

Very dear and good friends — if you don't mind...

...Before the city of Troyes, written at St. Phal, Tuesday July fourth”. Письмо Жанны жителям Труа. [4]

Вздох.

— Вы страшный человек.

— Я не человек. Я истинный правитель Франции.

— Пусть будет по-вашему. А эти две тысячи пусть будут свидетельством нашего доверия.

Тени начали удаляться друг от друга.

7 июля 1429. Жанна и Франция.[86] Труа

— Жанна... что происходит... почему король медлит?..

— Жанна, мы голодны, что нам есть?..

— У нас нет провианта... помоги нам, Жанна...

— Жанна...

— Жанна...

...— Солдаты! Я, Дева Жанна, которую вы называете Орлеанской Девой, а враги наши — Лотарингской колдуньей, говорю вам, что Труа будет взят! Здесь не повторится Осер! Здесь не будет второго Азенкура! Мы вышибем бургундцев из города и подымем свои знамена на башнях! Но мне нужна ваша Вера, ваше Мужество. Да, мы голодаем, но вместе с голодом растет и наше негодование. Не позволим врагам повергнуть нас в отчаяние! Возле Труа есть поля с неубранными бобами — будем есть бобы, ежесекундно храня Верность и Мужество! Не поддадимся!!! Не поддадимся!!!

...— Ах, Жанна... — подошел к ней герцог Алансонский. — Сколь же будет продолжать наш дофин издеваться над верными своими солдатами?..

— Не говори так, прошу...

— Ловлю себя на мысли, что хочется бунтовать, — со злостью ответил герцог. — Это не король, а скряга, трус и негодяй!

— Прекрати!!! — крикнула Жанна и помимо воли ударила герцога по губам.

— Прости, прости... — бросилась она к нему и крепко-крепко обняла.

Герцог со слезами на глазах опустился перед ней на колени.

— Ты прости...

Жанна вытерла слезы и погладила его по голове.

— Все напряжены, мой прекрасный герцог. Но король есть король... Какой бы он ни был, он будет помазан Господом. Никогда не поднимай восстание, хотя тебе будет хотеться сделать это не раз. Царствия Небесного нет на земле... Во все времена были Ла Тремуйи и тысячи невежд, преисполненных злобы и жадности. Твое восстание разрушит все, что мы такими мучениями строим. Карл в первую очередь Божий Помазанник и только потом человек... Мой верный друг, помни об этом, даже когда меня не станет.

---

[86] "Jean Gerson complained about noble soldiers who insisted on having portable ovens hauled along with them so they could eat 'little pies' baked fresh on campaign, referring to the rich meat pastries typical of the era. The reader can well imagine the agony produced by an unhappy meal of raw beans picked from the fields.

The situation produced a far worse problem: with genuine hunger setting in, the troops inevitably began to steal food from nearby farms despite Jehanne's prohibition against such pillaging..." и далее. [4]

10 июля 1429. Жанна и Франция.[87] Труа

— Учитывая все обстоятельства, я, дофин Франции, предлагаю окончить поход и наконец-то вернуться с небес на землю: нам никогда не взять не то что Реймс, но даже Труа.

Капитаны поглядывали на него со смесью сочувствия и стыда.

— Нам вообще не следовало выдвигаться на Реймс, в то время как стратегически правильным был поход в Нормандию. Я сказал, что думаю... Теперь попрошу высказаться моих капитанов.

Медленно поднялся Робер Ле Мезон.

— Мы слушаем тебя, — кивнул дофин.

— Да нечего мне говорить... — усмехнулся капитан, — кроме одного. Мы с самого начала знали, что у нас нет необходимых припасов и снаряжения для такого похода, но мы все равно пришли сюда... потому что поверили Жанне... И теперь мы тоже ей верим. Она начала этот поход... Я считаю, что решать его судьбу в отсутствие Девы недопустимо. Надо хотя бы посоветоваться с ней.

Лицо Карла вытянулось, но не успел он открыть рот, как раздался гомон одобрения. Ла Тремуй налился кровью, но дофин все-таки отдал приказ привести Жанну на Совет.

...— Дражайший дофин... — шептала Жанна, припав к его коленям. — Умоляю вас продолжить осаду города... И тогда не больше чем через два или три дня мы войдем в Труа — или волей своей, или силой, или отвагой... Мы ворвемся в город к удивлению всех бургундцев.

...— Солдаты!!! — кричала Жанна, выбежав из королевской палатки и вскочив в седло. — Час штурма пробил!!! Час свободы пробил!!! Тащите охапки с хворостом! Тащите столы, двери, мотки ветоши! Мы завалим ими ров! Тащите осадные лестницы! Мы взлетим на стены! На штурм, друзья мои!!! На штурм!!! Во славу Франции!!! Во славу Господа!!! Возьмем же Труа!!!

Взвилось над рядами солдат Знамя Жанны... обожженное, пробитое стрелами и пулями... но такое прекрасное.

И яростный рев французов заполнил утро нового дня.

...— Боже правый... не может быть... французы собираются на штурм!..

— Проклятый Ла Тремуй!!!

— Да они же разнесут весь город!!! Они же...

— Успокойся... Надо подумать... Надо подумать... Нет, нельзя допускать штурма... нельзя... Высылаем парламентеров...

...— Труа прислал парламентеров!!!

— Труа прислал парламентеров!!!

---

[87] “With a precarious situation developing, Charles called a meeting of his lords and asked them to decide whether the siege should be abandoned. They were in favor of withdrawing the army; but then an aged member of the council named Robert le Mason suggested that since they had known from the beginning that they didn't have the material resources for such a campaign, and it had therefore been faith in Jehanne's advice that had prompted the undertaking in the first place, it would be reasonable to consult her before making any decision. She told the group that if Charles chose to stay in front of the city, it would be his within two or three days, ‘...either willingly or by force or by courage, and treasonous Burgundy will be amazed’...” и далее. [4]

...— Жанна!!! — крепко обнял ее Ла Ир. — Повелительница моя!!! Ох и напугала ты бургундцев... ох и напугала... «Пастушка» бы так не смогла!!! Без единого выстрела, без звона мечей взять такую крепость!!! О-о-о... легенды сложат об этом штурме! Песни напишут об этом Походе!!! В веках прославят, как на Святое дело Франция поднялась!!!

— Этьен... город еще не сдан...

— Сдан, моя Воительница, сдан. Пусть не на бумаге, но в реальности!!! Дофин словно нотариус... ему осталось лишь оформить... — Ла Ир задорно рассмеялся, — передачу Труа...

...— Смотри, Жанна... один из парламентеров... — солдаты вокруг с трудом сдерживали смех, а некоторые сгибались пополам в приступах беззвучного хохота.

Шагах в пяти от Жанны по широкой дуге медленно и осторожно ходил священник из Труа. Он неотрывно смотрел на Жанну, бормоча под нос молитвы и периодически брызгая в ее сторону святой водой из плошки. Постепенно он приближался все ближе, его бормотанье становилось все отчетливее.

— Святой отец... — с мягкой укоризной сказала ему Жанна, — подходите ближе... не бойтесь, я не улечу.

Услыхав это, ряды солдат взорвались молодецким гоготом, а священник покраснел вплоть до своей гладко выбритой лысины.

— Подходите, — еще раз произнесла Жанна. — Я вижу, что вы хороший человек и хороший священник... Мир бывает так сложно понять...

— Откуда ты знаешь, какой я человек? — произнес священник, исподлобья глядя на Жанну.

— Но это же вы сказали горожанам посадить как можно больше бобов на полях...

Лицо священника вытянулось.

— Откуда...

— Потому что знаю, — не дала ему договорить Жанна и опять улыбнулась. — Знаю, что вы ждали прихода Армии.

— Но не твоей! — крикнул священник. — У стен Труа должна была собраться Святая Армия с Ангелами, парящими над ней. Я видел это, словно наяву... А в твоей армии солдаты грубы и неотесанны! Куда им быть освободителями, если они грабили наши фермы! Это ли святость?!! Как можно грабить тех, кого ты пришел освобождать?!!

— Святой отец, — тихо сказала Жанна, — я могу предложить вам побеседовать в моей палатке?

Священник несколько раз моргнул и пожал плечами.

— Пусть будет так.

...— Два часа уже... О чем говорить столько?.. Не придушил бы этот «святоша» нашу Жанну...

...— Ла Ир, — Жанна подошла к капитану. — Знакомься, это францисканец, фрайя Ришар...

Ла Ир саркастически осмотрел священника.

— Это он тебя святой водой кропил?

— Лишней святости не бывает, — спокойно ответила Жанна. — Не злись на него, Этьен. Учись отделять человека от его ошибок. Брат Ришар решил остаться в нашем войске капелланом. Я подумала, ты лучше всех введешь его в курс дела и найдешь ему место.

— Капелланом? — изумился Ла Ир. — Зачем вам быть капелланом войска дофина?

— Капелланом войска Господня, — поправил его священник. — Ведь Господь пребывает не только со святыми, но и с каждым, кто сражается за святое.

...Труа был сдан.

Карл позволил бургундскому гарнизону уйти, однако Жанна не выпускала солдат из города, пока бургундцы не отпустили на свободу всех пленных французов из тюрьмы Труа. По законам того времени бургундцы имели право забрать их с собой, однако Карл уступил Жанне и заплатил выкуп за каждого пленного. Конечно, выкуп был символическим, но бургундцы были не в том положении, чтобы торговаться.

Под звон колоколов армия дофина вступила в Труа.

...— Дева Жанна... разрешите зайти к вам?

— Заходи, Ришар...

— Я знаю, что вы едва держитесь на ногах от усталости... Но дело в том, что сегодня я должен крестить нескольких детей... Одна из матерей попросила меня передать вам просьбу... Не могли бы вы прочитать над ее ребенком молитву?.. Может, вы могли бы благословить этого ребенка?

Жанна тепло улыбнулась, и что-то стерло прочь всю ее усталость.

— Я буду рада, Ришар... И если этой матери будет угодно, я готова стать ребенку крестной.

14 июля 1429. Жанна и Франция.[88] Шалон-сюр-Марн

...— Город сдан!!! Сам епископ передал ключи дофину Карлу! Город сдан!!!

...— Франция верит, Жанна... Отовсюду сходятся люди к Реймсу, чтобы увидеть грядущую коронацию.

— Да, Этьен... слава Богу, что люди нашли в себе силы... Верить совсем не просто. Я сегодня встретилась с людьми из моей родной деревни... Они разговаривали со мной, кивали, слушали... но смотрели на меня так, словно я перестала быть собой и обратилась кем-то другим... Но я все время была такой, просто меня считали чудачкой. Почему же теперь их взгляды настолько далеки?

Ла Ир промолчал, а Жанна усмехнулась.

— Так странно видеть, что чужие люди, которые знакомы со мной всего несколько дней, понимают меня много лучше тех, что знали с рождения. Я

[88] "The victorious army entered Troyes around nine in the morning, with Jehanne arranging ranks of archers all along the road to serve as a welcome for Charles and his lords. Another small picture of her emerges from the events on this day: she took part in the baptism of one of the babies for whom she would be asked to serve as godmother. She would later say that she usually named the boys 'Charles' after her king, and the girls 'Jehanne' (following a common practice of naming babies after one of the godparents)..." [4]

призвала своего кузена, священника Николя из монастыря... Я так хотела пояснить ему все, что происходит... хотела отдать частичку того, что понимаю сама... Но он смотрел на меня вежливо, и глаза его были пусты, а он все кивал и кивал. А когда я спросила, понял ли он хоть что-нибудь, он все так же вежливо заверил, что понял все. Как же! Фрайя Ришар, который приходил изгонять из меня бесов, осознал мои слова в сотни, тысячи раз лучше, хотя никогда раньше меня не видел, а мой кузен, который рос рядом со мной, ушел от меня с тем же, с чем и пришел...

Ла Ир пожал плечами.

— Может, дело в том, что не все те братья, которые под одной крышей родились... и не все чужие, кто впервые встретились... Есть нечто более могущественное, чем узы крови, Жанна... Мне кажется, ты бы назвала это узами Духа. Мы родились братьями, мы были братьями все эти годы... Ты была мне сестрой, даже когда я никак не мог в тебя поверить, сидя в той рыбацкой шаланде, что переправляла нас в Орлеан. А потом, однажды, словно пелена спала с глаз... и я увидел Сестру в том человеке, в ком раньше видел лишь чудачку.

— Почему же это происходит не со всеми?

— Наверное, потому что не всем приходит пора взрослеть.

15 июля 1429. Жанна и Франция.[89] Замок Сеп-Сол, двенадцать миль от Реймса

— Надо понять, как рискованно осаждать Реймс... Нам не хватает мощных орудий, и если город решит сопротивляться, а не откроет ворота непостижимым образом, как это было в Труа, наша кампания обречена... Необходимо встать лагерем в одном из ближайших замков и дать клич дружественным городам... Может, они смогут подтянуть сюда свои пушки!

— Нет... совсем не так! Нужно взять Реймс хитростью! Не на все нужна грубая сила!

— Да молчи ты... хитрец!! Тут надо так подойти...

...— А что скажет Жанна? Жанна?..

Военачальники повернулись к ней... а затем улыбки осветили их лица: Жанна, уставшая от тягот похода, спала, склонив голову на руки.

— Жанна... — будил ее Ла Ир, — Жанна...

Дева сонно посмотрела на него, словно не узнавая, а потом улыбка появилась и на ее лице.

— Мой верный Ла Ир... что, — осмотрелась она, — Совет уже закончился?..

— Нет, — покачал головой капитан. — Как всегда, мы не можем прийти к единому мнению...

— Не повернуть ли вспять? — зевнув, договорила за него Жанна.

Капитан едва удержался от смеха.

---

[89] "At the chateau of Sept-Saulx, about a dozen miles from the city, Charles halted his army amid fresh worries. One eyewitness says that there was some concern that if the place chose to resist, the army's lack of adequate artillery would doom the campaign; but Jehanne told him: 'Have no fear, the townsmen of Rheims will come out to meet you'..." и далее. [4]

— По мнению опытных капитанов, — громко и надменно сказал Ла Тремуй, — опасно приступать к осаде Реймса без мощной артиллерийской поддержки.

Жанна посмотрела на него таким же взглядом, каким часто смотрела на маршала Франции Жиля де Ре.

— Зачем вам поддержка пороха и ядер, если Дух Святой поддерживает вас? — спросила она.

Ла Тремуй замялся, промычал что-то под нос, а Жанна обратилась к капитанам:

— Изгоните страх, мои верные соратники, сомнения — оружие Тьмы! Есть сотни способов уклониться от Свершения и всего один способ быть Ему верными. Не сдавайтесь, когда стоите за шаг от победы... Послы Реймса обязательно прибудут.

...В тот день рано утром бургундский гарнизон во главе с лордом Шатийона-сюр-Марн и лордом Совеса в спешке покинул Реймс, наказав отцам города продержаться шесть недель, чтобы бургундцы могли вернуться с подмогой. Отцы города поразмыслили, сопоставляя шансы, и понесли ключи от Реймса в крепость Сеп-Сол.

...На следующий день армия дофина вступила в город под звон колоколов и радостное скандирование горожан: «Ноэль! Ноэль!»[90] Люди взбирались на крыши домов и забрасывали армию цветами, а когда Жанна проезжала мимо, все преклоняли колени.

Конечно, от острого глаза Ла Тремуйя это не укрылось.

16 июля 1429. Жанна и Франция.[91] Реймс. Собор

— Боже... Боже... Боже...

— Дофин! — донеслось до Карла из угла собора. — Вы пришли молиться?..

— Жанна? — изумился Карл, глядя на девушку, идущую к нему.

— Я присяду на минутку...

— Конечно, Жанна, конечно...

Жанна смотрела на него с теплотой и печалью. От этого взгляда дофину становилось не по себе.

— Так ты... — сглотнув, заговорил Карл. — Ты действительно... Божья Посланница?..

— Я просто дочерь моей Родины, — сказала Жанна и со слезами на глазах поцеловала дофина в лоб, после чего улыбнулась ему и поднялась на ноги.

— Не бойтесь, мой дорогой дофин... Вы будете хорошим королем.

---

[90] Noel (фр.) — радостная весть.

[91] «Карл, которого Жанна называла до сих пор дофином ("Она говорила, что не назовет его королем, пока он не будет коронован и миропомазан в Реймсе, куда она полна решимости его отвести", — указывает один из королевских советников Франсуа Гаривель), по-видимому, накануне вечером пришел к собору, дабы "помолиться Богу и бодрствовать, молясь, столько, сколько он посчитает нужным и насколько его удержит его набожность"...» [8]

...Выйдя из собора, Жанна без сил опустилась на ступени и горько разрыдалась.

Небо было стянуто тучами, но в просветах виднелись звезды.

...— Отец... — преклонила голову Жанна.[92]

— Девочка моя, — обнял ее Жак Дарк, в то время как Изабелла Роме вытирала слезы, стоя в стороне. — Ты так... повзрослела...

— Ты тоже... — улыбнулась ему Жанна.

— Ты... простишь меня?.. Твой родной отец в тебя не верил...

— Мой родной отец хотел мне земного счастья... Я не виню его за это. Я ведь выросла на твоих глазах... Тяжело поверить, что Ангелы могут сопровождать того, кто только вчера учился ползать.

— Дочь моя... прости, — рыдал Жак. — Прости дурака старого...

...— Вы остановитесь в этой комнате, — говорила Жанна. — Гостиница как раз напротив собора, так что завтра вам не придется далеко идти.

— «Полосатый осел», — рассмеялась Изабелла. — Дочь, но это же самая дорогая гостиница в Реймсе...

— Не волнуйтесь насчет денег, все оплатит городская казна...

— Городская казна? — изумленно переспросила Изабелла. — Но мы всего лишь бедные крестьяне... Мы не заслужили подобной чести...

— Заслужили, матушка... К тому же, не верится мне, что дела обстоят так плохо. Вы уже отстроили Домреми?

— Не то, конечно, чтобы мы совсем бедствовали, — вздохнул Жак Дарк, — но живем мы небогато... Да и сборщики податей забирают последнее. Мы, конечно, понимаем, что война — это не прогулка, и обходится она дорого французской казне... Но разве нельзя делать исключение для тех деревень, которые были разрушены?.. Ведь когда есть хозяйство, то не заплатить подати даже и грешно... но когда ничего нет, то из чего платить, скажи мне?..

17 июля 1429. Жанна и Франция.[93] Реймс. Письмо Жанны герцогу Бургундскому

«Иисус, ✝ Мария.

Высокочтимый и внушающий страх принц, герцог Бургундский! Дева просит вас от имени Царя Небесного, моего справедливого и высочайшего Господина, чтобы король Франции и вы заключили добрый и прочный мир на долгие лета. Полностью простите друг друга от

---

[92] "Another pair of important personages, at least to Jehanne, also arrived around this time: within the financial records of Rheims there is a small entry which says that 'the father of the Maiden' (and also her mother, according to another source) stayed at an inn called L'Ane Raye; [The Striped Donkey], across from the cathedral, and were lodged there at the town's expense during the coronation..." [2]

[93] «Высокочтимый и внушающий страх принц, герцог Бургундский, Дева просит вас от имени Царя Небесного, моего справедливого и высочайшего Господина, чтобы король Франции и вы заключили добрый прочный мир на долгие лета...» и далее. [4] Письмо Жанны герцогу Бургундскому. Русский перевод письма я брал отсюда:

http://www.christianity.org.ru/unafides/Jehanne/letters.html

всего сердца, как то подобает истинным христианам; а ежели вам нравится воевать, идите на сарацин. Принц Бургундский, я молю, умоляю, прошу вас так смиренно, как только могу, не воевать более со святым Королевством Францией и отозвать немедленно своих людей, кои находятся в некоторых местах и крепостях названного святого королевства. Что же до славного короля Франции, он готов заключить мир с вами, сохраняя при этом достоинство, и все зависит от вас. Сообщаю вам от имени Царя Небесного, моего справедливого и высочайшего Господина, ради вашей пользы, вашей чести и вашей жизни, что вы не выиграете ни одного сражения против верных французов и что все те, кто пойдет войной на святое Королевство, будут сражаться против короля и Иисуса, Царя Небесного и всего мира, моего справедливого и высочайшего Господина. Я прошу и молю вас не затевать сражения и не воевать против нас ни вам, ни вашим людям, ни вашим подданным, и будьте совершенно уверены, что, какое бы количество людей вы ни повели против нас, они не победят и придется очень сожалеть о сражении и пролитой крови тех, кто придет с Вами. Вот уже три недели, как я написала вам и послала с герольдом доброе письмо, чтобы вы присутствовали на миропомазании короля, кое сегодня, в воскресенье, семнадцатого дня нынешнего месяца июля, происходит в городе Реймсе, — я не получила на это письмо ответа и с тех пор не имела никаких известий от названного глашатая. Поручаю вас Господу Богу, да хранит Он вас, если ему будет угодно; и молю Бога, чтобы Он установил добрый мир.

Написано в вышеназванном городе Реймсе названного семнадцатого дня июля.

Герцогу Бургундскому».

17 июля 1429. Жанна и Франция.[94] Реймс. Коронация

... — Слава!!!

— Ноэль!!!

— Слава!!!

И трубы грянули так громко, что казалось, свод собора рухнет.

И Жанна со слезами, бегущими из глаз, стояла возле короля.

И в руке ее было Знамя, ее Великое Знамя, обожженное и пропахшее порохом, пробитое пулями и стрелами... но Светлое и Прекрасное...

Знамя, как сама Франция.

...— И теперь, когда миропомазание свершилось, — говорила Жанна, пав перед королем на колени и обняв его ноги, — говорю, что исполнено поручение, доверенное мне Господом: я сняла осаду с Орлеана и привела вас

[94] "The ceremony lasted from nine in the morning until two in the afternoon. Charles was knighted by the Duke of Alencon, and the Archbishop of Rheims placed the crown on his head. "Every man shouted 'Noel!'"..." и далее. [2]

в Реймс к миропомазанию, чтобы показать всему миру, что вы истинный король, которому по праву принадлежит Королевство Французское.[95]

...— Жанна... ну почему ты всегда исчезаешь и приходится часами искать тебя?.. — радостные Ла Ир и герцог Алансонский присели рядом с ней.

— Ты так печальна... — сказал Ла Ир.

— Жиль де Ре был одним из «Всадников»... — последовал ответ.

— Но он многое сделал для Франции...

— Я говорила архиепископу Реймскому выбрать для «Всадников» самых достойных людей, потому что Святое Миро нельзя нести руками нечистыми. Не мне сделал он хуже, призвав де Ре, но королю и Франции. Много лучше было бы сделать «Всадником» Ги де Лаваля...

— Ну, ему и так не на что жаловаться... теперь он граф...

— Он от рождения был графом! Не манеры и воспитание делают человека благородным, но широта сердца и чистота души.

— Жанна... не переживай ты так... — попытался утешить ее Ла Ир, — ну больно же смотреть на тебя...

— А мне больно смотреть на вас! — резко ответила Жанна.

— Не надо... не горюй, — положил ей руку на плечо Жан Алансонский. — Мы же твои верные друзья.

— Знаю, — ответила Жанна тихо. — Просто и друзья иногда делают больно...

...— Что теперь?

— Теперь мы пойдем на Париж.

— И возьмем его за несколько дней? — широко усмехнулся Ла Ир.

— И сделаем для этого все.

— Но твои Голоса...

— Этьен, — вздохнула Жанна. — Теперь мы — это только мы. Господь призвал меня, чтоб освободить Орлеан и миропомазать Карла. Теперь только мы сами себе помощники во всем, что будем делать.

Ла Ир немного помолчал, а потом рассмеялся.

— Значит, надо помочь себе как можно лучше!

---

[95] "After Charles was crowned, Jehanne went down on her knees and embraced his legs, 'weeping hot tears', and said, 'Noble king, now is accomplished the will of God, who wished me to lift the siege of Orleans, and to bring you to this city of Rheims to receive your holy anointing, to show that you are the true king, and the one to whom the kingdom of France should belong'..." [2]

Часть V. Париж и Компьень

18 июля 1429. Франция и Жанна.[96] Реймс

— Ваше Величество...

— Полно, Реньо де Шартр... оставьте этикет для двора...

— Как скажете, сир.

Карл VII нервно ходил по комнате взад и вперед.

— Вся армия кипит... Люди хотят выдвигаться на Париж... Я и сам не уверен, что это плохая идея.

— Что же вас привело ко мне?

— Ла Тремуй говорит, что взятие Парижа обернется крахом для моей власти.

— Почему?..

— Жанна обретает все большее влияние среди простолюдинов.

— Ну что вы... — рассмеялся архиепископ Реймский. — Большего влияния, чем она уже имеет, заполучить невозможно.

— Но можно заполучить новых простолюдинов, если захватить новые земли, — холодно сказал король.

— Это правда, — подтвердил архиепископ. — Вам, наверное, будет интересно узнать, что в дальних землях Франции в честь Жанны строятся часовни. Люди говорят, что она величайшая из всех Святых после Девы Марии. В ее честь служатся мессы и читаются канонические молитвы. Ее статуи и изображения помещают в церквях на уровне с канонизированными Святыми ...[97]

Гримаса досады искривила лицо короля.

— Да, да... Ла Тремуй говорил об этом же. Но что делать? Как низвести ее? Помнится, вы говорили, что надо избавиться от Жанны... У вас уже есть план?

Архиепископ иронично усмехнулся.

— Разве вы не боитесь кары Господней?

— Вы сами говорили, что подобная власть не должна собираться в руках человеческих!

— Ох, дорогой мой Карл... как же верно я истолковал вашу веру в Бога... Но довольно, — махнул он рукой, — к делу. Очевидно, что, если просто взять и убить Жанну, вы сами проживете недолго. Если отменить поход на Париж, недовольство в народе также будет расти. Но и взять этот город будет большой ошибкой. Что остается?

— Не знаю, — раздраженно ответил Карл. — Я не очень хорошо играю в шахматы.

— А напрасно, — улыбнулся Реньо де Шартр. — Это игра истинных королей. Она учит, чем можно жертвовать и как подбирать для этого нужный

[97] "By all these inventions, Jeanne had so seduced Christian people that many have in her presence adored her as a Saint, and in her absence do adore her still, composing in her honor masses and collects; yet more, going so far as to call her the greatest of all the Saints after the Virgin Mary..." Первые обвинительные статьи (Жана д'Эстиве), статья 52. [5]

момент. Вам следует выступить на Париж, но по дороге провести переговоры о мире с герцогом Бургундским, который, — усмехнулся священник, — будет искренне представлять англичан. Если мои шпионы принесли верную информацию, то с десятого числа этого месяца герцог Бедфорд, регент Франции, устроил Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому, торжественный прием в Париже. В честь последнего давались празднества и даже служились мессы. Кроме всего прочего, герцог Бургундский стал... богаче... Так что теперь он верный союзник англичан, но, впрочем, и нам подыграет, если почует выгоду. Не совсем же он дурак, чтоб не замечать предсмертную агонию английского правления. Так вот... придя к Парижу, нужно будет дать какое-то показательно-неубедительное сражение, после чего заключить с англичанами мир на три-четыре месяца.

— Это сильно укрепит их позиции... Они подтянут войска из Англии и Шотландии.

— Да, уже теперь триста пятьдесят хорошо вооруженных солдат высадились в Кале... — архиепископ усмехнулся. — Карательный отряд, набранный кардиналом Винчестерским для борьбы с еретиками-гуситами в Богемии, оказался нужнее в Париже. Однако, сир, вам стоит определиться: что для вас является большей угрозой — силы англичан или силы Жанны. Если вы хотите победить англичан, то нужно вверить армию в руки Девы. И не более чем через год вся Франция будет освобождена. Но возникает новый вопрос: как тогда вы будете бороться против Народной Героини?!! Бояться англичан не надо, мой король... Как я говорил, Жанна верно исполнила свою миссию и научила французов побеждать. Она преподала этот урок настолько хорошо, что умение побеждать сохранится у французов, даже когда ее самой не станет. Конечно, ее уход вызовет страшный гнев простолюдинов... Но даже это будет нам на пользу, если мы сумеем народный гнев направить... И тогда позиции англичан не покажутся вам такими уж неприступными.

27 июля 1429. Франция и Жанна.[98] Дорога между Ла-Ферте-Милон и Крепи-ан-Валуа

— Страшно на нее смотреть...

— Не представляю, что бы я чувствовал, случись мне пережить подобное.

— Не знаю, как понять короля!.. Ведь он запрещает Жанне сражаться за его королевство!

— Это так странно, мой друг... Никогда не видел я такого духовного подъема среди солдат! Сейчас один француз с легкостью одолеет десяток противников... Казалось бы, самое время, чтоб выплеснуть ярость народную

[98] «В тот самый момент, когда ее отец и мать, а также преданный Дюран Лаксар, сопровождавший их, совершенно ошеломленные неожиданной славой «Жанетты», отправляются в Домреми, у Жанны, обладавшей удивительным даром предвидения, появляется чувство, что для нее наступает время неопределенности, поражений и жестоких нравственных страданий, начинается путь на Голгофу. Этим, возможно, и объясняется горестное восклицание, вырвавшееся у нее по дороге в месте, четко указанном в воспоминаниях Орлеанского Бастарда, между Ла-Ферте-Милон и Крепи-ан-Валуа: “Да будет угодно Богу, моему Создателю, чтобы я теперь могла уехать, оставить оружие и отправиться служить моему отцу и моей матери, пася овец вместе с сестрой и братом, которые так будут рады вновь увидеть меня!”...» и далее. [8]

на англичан, а король медлит. Сейчас мы могли бы уже осаждать Париж, а мы все топчемся в окрестностях Ла-Ферте-Милон.

— Если бы Карл не был настолько прагматичен, я решил бы, что слава и почести вскружили ему голову... К нему ежедневно прибывают послы из различных городов, чтобы заверить в верности и вручить ключи от ворот.

— Ты прав, дело не в славе... Принимая ключи от городов, Карл не может не понимать, что это лишь крохи по сравнению с тем, что он получит, если позволит Жанне пойти на Париж. Получается парадокс: король Франции не стремится освободить французские земли.

— Или... стремится не освободить.

— Господи... да ты только посмотри на Жанну...

Орлеанская Дева выпустила поводья из рук и, уткнувшись лицом в ладони, горько рыдала.

...— Жанна... соратница наша... не плачь, не плачь...

— Как хотела бы я, — сказала Жанна сквозь слезы, — чтобы Господу, Создателю моему, было угодно направить меня домой, служить моему отцу и моей матери, с сестрой и братом выпасая овец... Как хотела бы я сложить оружие и отправиться туда, где от меня будет хоть какой-то толк.

— Жанна... пойми, мы солдаты. Наше дело — ратные подвиги... Политикой ведает королевский совет.

— Нельзя ослушаться короля... — шептала Жанна, словно в лихорадке, трясясь всем телом.

На лбу ее выступил холодный пот, а лицо становилось все белее.

— Нельзя ослушаться... — шептала она, — нельзя... нельзя... нельзя. Но как подчиниться?.. Как?!!

5 августа 1429. Франция и Жанна.[99] Окрестности Провена

— Жанна... письмо от горожан Реймса... Они опасаются, что остались без защиты гарнизона одни на границе с бургундскими землями.

...«Мои дорогие друзья, законопослушные французы города Реймса!

Дева Жанна обращается к вам, дабы уведомить о новостях, а также чтоб попросить и даже потребовать не беспокоиться о сохранности Дела, которое она свершает для Королевской Семьи.

Обещаю и ручаюсь, что не покину вас, пока жива. Это правда, что король заключил на пятнадцать дней перемирие с герцогом Бургундским, по условиям которого герцог Бургундский должен мирно

---

[99] «В тот самый момент, когда ее отец и мать, а также преданный Дюран Лаксар, сопровождавший их, совершенно ошеломленные неожиданной славой «Жанетты», отправляются в Домреми, у Жанны, обладавшей удивительным даром предвидения, появляется чувство, что для нее наступает время неопределенности, поражений и жестоких нравственных страданий, начинается путь на Голгофу. Этим, возможно, и объясняется горестное восклицание, вырвавшееся у нее по дороге в месте, четко указанном в воспоминаниях Орлеанского Бастарда, между Ла-Ферте-Милон и Крепи-ан-Валуа: “Да будет угодно Богу, моему Создателю, чтобы я теперь могла уехать, оставить оружие и отправиться служить моему отцу и моей матери, пася овец вместе с сестрой и братом, которые так будут рады вновь увидеть меня!”...» и далее. [8]

сдать Париж по истечении пятнадцатидневного срока. Однако меня не удивит, если я не вступлю в Париж так быстро. Сколько бы ни было перемирий, заключенных подобным образом, я этим очень недовольна и не знаю, буду ли соблюдать их. Но ежели я соблюдаю их, то только потому, что дорожу честью короля. Также заявляю, что я не позволю бургундцам обмануть Королевскую Семью, и с этой целью я буду хранить целостность королевской армии, чтобы быть готовой действовать по окончании пятнадцатидневного срока, если бургундцы не позволят всему решиться мирно. Из этих соображений, мои дражайшие друзья, я молю вас не беспокоиться, пока я жива, но вместе с тем прошу соблюдать усиленную бдительность и защищать город короля; дайте мне знать, если выявите предателей; так быстро, как смогу, я сделаю все, чтоб они покинули вас раз и навсегда. Держите меня в курсе событий.

Вверяю вас Господу, который да сумеет охранить вас.

Писано в пятницу, пятого дня августа, неподалеку от Провена, в полях по дороге в Париж».[100]

7 августа 1429. Франция и Жанна.[101] Монтеро. Письмо регента Франции герцога Бедфорда

«...Карлу Валуа, дофину Вьенскому, в настоящее время беспричинно называющему себя королем...

...Вы, искушающий и злоупотребляющий доверием невежественного народа; вы, прибегающий к помощи людей суеверных и проклятых, таких, как бесноватая, потерявшая стыд женщина, одетая в мужскую одежду и распутная. Вы — убийца!!!

...Выберите в означенной стране Бри, где мы находимся, и не очень далеко друг от друга, любое угодное место, дабы встретиться; и в установленный день появитесь там с сей женщиной, отступническим монахом, и всеми вашими клятвопреступными союзниками, и с такой силой, каковую вы сможете собрать; тогда мы будем, к удовольствию Господа, лично встречать Вас на названном месте как представители нашего сюзерена — короля...»

Регент предлагал королю расположиться в Бри и Иль-де-Франсе, чтобы помериться силами собранных ими армий.

---

[100] "My dear and good friends, the obedient and loyal Frenchmen of the city of Rheims, Joan the Maiden lets you know of her tidings, and asks and requests that you should have no concerns about the good cause she is carrying on for the Royal family..." и далее. Joan of Arc's Letter to the citizens of Rheims, August 5, 1429. [4]

[101] «Тем временем регент Бедфорд воспользовался непредвиденной отсрочкой, чтобы укрепить оборону Пари-жа; он вышел из города 4 августа во главе мощной армии и стал подниматься по левому берегу Сены. Через три дня из Монтеро он бросает вызов королю Франции...» и далее. [8]

14 августа 1429. Франция и Жанна.[102] Монтепийуа. Вечер

— Ваше Величество! Могу ли я говорить открыто?!!

— Можешь, конечно! Какой из меня король, если я буду запрещать высказываться моим лучшим капитанам?

— Я не понимаю, сир, по какой причине мы не вступили в сражение с англичанами!! Мы легко разбили бы их!!! Мы простояли друг против друга целых два дня, солдаты ждали лишь вашего приказа... Они были готовы растерзать англичан! Никогда еще дух армии не был так силен! Почему вы не отдали приказ?! Почему мы ограничились одной фланговой вылазкой?

— Мой дорогой герцог... Наверное, в таком помрачающем приступе ярости вам было сложно заметить пылевую бурю, которая бушевала в это время. Я не хотел, чтоб мои солдаты вступали в бой, не будучи уверены, кого они рубят...

— Но это же неправда!!! Несмотря на бурю, мы хорошо видели друг друга...

— Ты смеешь обвинять меня во лжи?.. — холодно спросил Карл VII.

— Я не знаю, что происходит с вами, сир, — бесстрашно ответил герцог Алансонский. — И в каком городе остался честный дофин, не смеющий претендовать на корону Франции, не будучи до конца уверенным, что он является законным наследником.

Какое-то время король и герцог молча буравили друг друга взглядами, а потом король заговорил:

— Все, что я делаю, я делаю для блага Франции. А так как я — король, твой повелитель, тебе придется подчиняться моим приказам, согласен ты с ними или нет. Иди и не забивай голову вопросами, понять которые ты не можешь.

...— Ваше Величество...

— Ла Тремуй...

— Герцог являет все большие признаки грядущего бунта.

— Что ты предлагаешь?

— Убить, и как можно скорее.

Карл усмехнулся и покачал головой.

— Ты бываешь слишком кровожаден, мой советник... Нет, я не считаю, что герцога Алансонского надо убивать... Заключить в темницу — да, но только в свое время и под достойным предлогом... Не раньше, чем стихнут боевые действия.[103]

---

[102] «Английская армия произвела маневр в направлении Санлиса и остановилась 14 августа около деревушки Монтепийуа...

Казалось, что решающее сражение должно произойти при Монтепийуа...» и далее. [8]

[103] Печальной страницей в истории Освободительной Войны времен Карла VII является жизнь «прекрасного герцога Алансонского». Он так и не смог наладить отношения с королем и даже направил свое оружие против коро-ля во время Прагерии [Прагерия (Praguerie) — мятеж в 1440 французской знати против централизаторской политики королевской власти; подавлен королем с помощью городов. Большая Энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2002.]. Во время, совпавшее с реабилитационным процессом Жанны Дарк, герцог был помещен в тюрьму со строжайшими указаниями, данными стражникам: «...никогда не должен оставаться один, не должен ни с кем разговаривать, кроме своих сторожей, не должен ни получать, ни писать никаких писем; он может, однако, читать и играть в шахматы со своими сторожами, но при нем никогда не должно быть денег». После смерти Карла VII герцог Алансонский был выпущен из тюрьмы Людовиком IX, но, будучи человеком крутого нрава, вскоре оказался опять в тюрьме (в Лувре), где и скончался в 1473 году. Пересказ Главы II «Действующие лица». [8]

— Я вижу, вы уже успели посоветоваться с архиепископом Реймским...

— Ты имеешь что-то против? Или хочешь указать, с кем мне советоваться, а с кем не стоит?..

— Простите, Ваше Величество...

— Пока мне нечего прощать... Но если надумаешь пойти против моей воли, рассчитывая на прощение, вспомни сначала, чему научил меня.

22 августа 1429. Франция и Жанна. Компьень. Ответ на письмо графа Жана IV д'Арманьяк

«Иисус, ✝ Мария.

Герцог Арманьякский, почитаемый мною![104] Дева Жанна доводит до Вашего сведения, что прибыл гонец, которого Вы послали ко мне, чтобы узнать, какому из трех Пап, указанных в Вашем послании, следует верить. На этот вопрос я не могу ответить до тех пор, пока не вошла в Париж или не освобождена от своих воинских обязанностей. На сегодняшний же день война занимает слишком много времени; но когда Вы узнаете, что я прибыла в Париж, пришлите ко мне гонца, и я с радостью поясню, кому из Пап стоит верить, поясню настолько подробно, насколько вдохновит меня указание моего Господа — Короля всего мира.

Да пребудет Господь с Вами, дабы уберечь от всяческих бедствий.

Писано в Компьене в день двадцать второй месяца августа»[105] .

26 августа 1429. Франция и Жанна.[106] Компьень. Шестой день переговоров Карла VII и бургундского герцога Люксембургского

— Общая картина переговоров ясна, Жанна. С бургундцами заключается перемирие сроком на четыре месяца... Кроме того, Карл VII обещает передать во владения бургундцев несколько городов вдоль течения Уазы. Предварительно это Компьень, Пон-Сент-Максанс, Крей и Санлис... самые крупные города.

— Ты... — побледневшая Жанна с трудом выговаривала слова. — Дюнуа... ты уверен, что ничего не путаешь?..

— Боюсь, что нет, Жанна. Источник информации весьма надежен и предан тебе. Скажи, что нам делать?.. Одно твое слово — и я брошу двор, соберу людей и отправлюсь с тобой в Париж.

---

[104] В английских комментариях к письму указывается, что это была стандартная формула, с помощью которой Жанна обращалась к большинству людей и групп людей вне зависимости от того, знала она их лично или же нет.

В данном случае считаю необходимым указать на это, потому что герцог Арманьякский не имел никакого отношения к арманьякам (патриотам) и являлся ярым сторонником англичан.

[105] «Jesus + Mary

Count of Armagnac, my very dear and good friend...» и далее. Joan of Arc's Letter to Count Jean IV d'Armagnac, Au-gust 22, 1429. [4]

[106] «Пока Жанна помышляет лишь о том, чтобы на волне энтузиазма продолжить наступление и должным образом применить сильную армию, у короля на уме только переговоры и перемирия...» и далее. [8]

— Нет... так нельзя... За тобою Орлеан. Нельзя, чтобы Орлеан выступил против воли короля Франции...

— Но если эта воля безумна?!!

— Что ты, Дюнуа, — печально улыбнулась Жанна. — Эта воля вовсе не безумна...

В отчаянии Жанна заломила руки, и вопль отчаяния вырвался из ее горла:

— Как не хочу я погибать в плену!!!

Дюнуа похолодел, а потом произнес едва слышно:

— Если к этому идет... то Карл не выживет. Я подниму весь Орлеан, мы уничтожим его и его приспешников...

— Нельзя!!! — что было мочи прокричала Жанна. — Нельзя!!! Если ты выступишь против Карла, Франция снова развалится! Часть городов пойдет за тобой, часть — за Карлом, а тех, кто победит в этой междоусобной войне, вырежут англичане... Я — жертва, приносимая во имя Грядущего моей Родины... Я должна быть предана моей Родиной и оплевана моей Родиной, а ты и другие должны принять это и смириться. Не о себе должны мы думать, но о Франции; и поход на Реймс был самой легкой частью этой борьбы, потому что мы сражались против англичан; теперь же против себя сражаться предстоит...

— Как тяжело... как мне тяжело... — плакала Жанна, закрыв лицо руками. — Как не хочу я погибать в плену, в позоре... как не хочу, не хочу, не хочу...

— Боже-Боже-Боже, — пала она на колени, — позволь мне пойти на Париж и пасть под его стенами... Позволь мне умереть в бою... Позволь мне смертью своей вернуть Париж Франции...

...— Кто пойдет со мной?.. — едва слышно спросила она чуть позже. — Тебе, Дюнуа, даже думать об этом нельзя. Бертран... Жан Мецкий... кто... герцог... — лицо ее вдруг просветлело, и она повернулась к д'Алансону. — Герцог... мой прекрасный герцог... пойдешь ли со мною на Париж?

— Да.

— Зная, чем это обернется для тебя?

— Все уже обернулось, Жанна. Королю не нужны разоренные герцоги, чье мнение всегда будет стоять поперек королевского самодурства.

— Тогда собери своих людей и людей других капитанов, которым уже нечем рисковать. Я хочу отправиться и своими собственными глазами посмотреть на Париж поближе.

26 августа 1429. Франция и Жанна. Компьень. Вечер

— Девчонка с войсками герцога отправилась к Парижу!!!

— Успокойтесь, Ваше Величество, не нужно паники. Нас должно волновать не то, куда они отправились, но что им будет позволено там сделать...

— Я не могу отозвать их из-под стен Парижа!!! Это будет слишком явно! А зная везение Жанны, я предполагаю, что они легко возьмут Париж... И

тогда — несмываемый позор! Король с армией остался в Компьене, не желая вступать в сражение, а Жанна с горсткой смельчаков захватила Париж... Да меня высмеют в тысячелетиях!!!

— Оставьте... что вам тысячелетия, вы с Ла Тремуйем живете днем сегодняшним. И все же, вы правы: вашему авторитету как среди простого народа, так и среди знати существует реальная угроза... Вместе с тем, не будем забывать, что угроза — это лишь призрак беды, но никак не сама беда. Разве Жанна не научила вас, что призраков надо гнать прочь, как только они появятся? Будущее — в наших руках, и никакие призраки над ним не властны!

Давайте-ка вспомним победы Жанны... Она побеждала легко, если умела предпринять что-то непредсказуемое. Судя по всему, ее «везение» именно в том, чтобы оглушить противника, испугать, а затем обратить в паническое бегство. Поэтому, если она начнет штурм, гарнизон города, скорее всего, бежит, даже не попытавшись вступить в сражение. Значит, что мы должны сделать? Не допустить немедленной атаки. Поэтому предлагаю вам отослать гонца к герцогу Алансонскому и предложить ему явиться... скажем, в Санлис, куда вы немедленно переедете. Такое предложение наш доверчивый герцог воспримет как ваше раскаяние и желание принять участие в штурме Парижа... Понятно, что атака на город будет отложена.

По приезду герцога вам следует не принимать его несколько часов, а затем долго и дотошно расспрашивать, как устроена оборона города и с какой стороны лучше всего совершить нападение. Так как герцог не имеет достаточного опыта, чтобы запомнить эти детали с одного взгляда, ему придется съездить к Парижу и назад, что займет как минимум день. Во второй прием вам следует обговорить детали нападения и снова отослать герцога к Парижу, чтобы посоветоваться с Жанной. Когда Жанна даст свое согласие, вам стоит вернуться в Компьень и послать отсюда еще одного гонца, вновь вызывая герцога... Причину придумайте сами или спросите у Ла Тремуйя, он с легкостью подскажет вам хоть десяток. А когда Жанна и герцог поймут истинное значение игры, в которую вы их втянете, будет уже поздно: гарнизон Парижа увидит, что перед ним не адские демоны, а простые люди, которые, к тому же, никак не могут определиться, начинать им штурм или же нет. Мы можем даже войска к Парижу подтянуть... не позволяя все же вступать в бой никому, кроме сил Жанны. Мы выиграем это сражение, дорогой мой король... Жанне *суждено* проиграть.

8 сентября 1429. Франция и Жанна.[107] Лагерь Ла-Шапель, предместья Парижа

— Что?!! — в ярости вскричала Жанна. — Король опять вызывает тебя?!! Но он же прибыл к стенам Парижа, и армия уже здесь, что можно еще обсуждать?!!!

— Я сам ничего не понимаю... — развел руками герцог. — Сначала Карл всячески давал понять, что он заинтересован в атаке на Париж и готов поддержать нас, однако теперь мне кажется, что он специально затягивает переговоры...

[107] «Четверг, 8-й день сентября. Праздник Рождества Богородицы. Солдаты мессира Карла де Валуа, собравшиеся в большом числе пред стенами Парижа у ворот Сент-Оноре...» [8]

Жанна вскочила и направилась к выходу из палатки, откинула в сторону полог и закусила губу, в отчаянии глядя на Париж.

— Он это и пытается сделать, — сказала она. — Благородный Карл дал парижанам время прийти в себя от нашего появления под стенами крепости. За то, что в первый день могло быть достигнуто с легкостью, теперь придется платить вдесятеро дороже... Но это не должно остановить нас, мой прекрасный герцог.

— Хватит переговоров! — закричала она. — На штурм!!! Возьмем Париж!!!

...— На штурм!!!

— На штурм!!!

...— На стены!!! Взбираемся на стены, солдаты мои! Во славу Господа!!! Во славу Франции!!! За мной!!!

...— На стены!!! Мы возьмем Париж!!!

...— На стены!!!

...— На стены!!!

...— На стены!!!

...— Жанна... остановись, уже ночь, ты ранена и еле-еле на ногах держишься... Твой знаменосец убит... Солдаты устали...

— Рауль де Гокур!!! Моя нога прекрасно меня слушается! Мы не должны отступать!!! Сегодня наш шанс!!! Сегодня наш день!!! Вперед, солдаты мои!!!

— Жанна!!! Опомнись! Темно уже, ничего не видно!!!

— Вперед!!! Вперед!!!

— Жанна!!!!

Бывший начальник гарнизона Орлеана и еще несколько человек вытащили сопротивляющуюся Жанну изо рва и отвезли в лагерь.

Никто не смог зайти к ней в палатку: ее рыдания разрывали солдатские сердца.

9 сентября 1429. Франция и Жанна.[108] Лагерь Ла-Шапель, предместья Парижа. Утро

— За мной, солдаты мои!!! — кричала Жанна, поднявшись на стременах. — За мной, враг не устоит!!!

— Дева Жанна, позвольте вас на пару слов...

— Мне некогда, мы штурмуем Париж!

— Боюсь, уже нет. Меня зовут герцог де Бар, со мной граф де Клермон, мы посланы королем Франции Карлом VII, передать вам приказ Его Величества немедленно прекратить штурм и отвести оставшиеся войска в Сен-Дени.

---

[108] «Жанну перевезли в лагерь Ла-Шапель, где она провела в молитвах часть предыдущей ночи. На следующий день, несмотря на свою рану, она собиралась уже выехать с герцогом Алансонским, но “пришли герцог де Бар и граф де Клермон от имени короля", отдавшего приказ к отступлению. По приказу герцога Алансонского был выстроен мост из лодок для возобновления наступления — ночью король приказал его разрушить». [8]

— Но вы не понимаете!!! — закричал герцог Алансонский, подъехав к ним на лошади. — Вчера после штурма мы построили понтонную переправу из лодок с другой стороны цитадели. И мы лишь ждали рассвета, чтоб войти в город и поднять знамя короля над его башнями! Париж наш, его гарнизону не устоять против двойной атаки!

— Понтонный мост разрушен.

— Но... как?!! Парижане не могли сделать этого!!! С той стороны у них нет орудий!!!

— Мост разрушен по приказу Его Величества короля Франции.[109] Теперь, когда все детали ясны... вы не станете сопротивляться отходу в Сен-Дени?

...— Мы можем взять Париж... — шептал герцог, отведя Жанну в сторону.

— Мы не можем ради этого поставить на кон Францию, — тихо ответила ему Жанна. — Карл сделал все именно так, как захотел... Мы отходим в Сен-Дени. А оттуда Карл наверняка отправит нас в тыл... куда-то к Орлеану... Об одном прошу, друг мой: перед тем как мы покинем Сен-Дени, помоги мне закрепить мои боевые доспехи в базилике города. И меч... рядом мы повесим меч бургундца, плененного вчера. Пусть англичане знают, что Франция уже не отступит от стен Парижа.

22 сентября 1429. Франция и Жанна. Жьен

«Что писать в Труа?.. Как суметь объяснить людям, которые верили ей, что их надеждам оправдаться не суждено? Какими словами начать письмо?

Крест; Иисус, Мария... Как же иначе?

Что дальше? Что сказать дальше? Простите, горожане Труа, но вынуждена довести до вашего ведома, что армия отозвана от стен Парижа и распущена; мир с герцогом Бургундским нерушим и более почитаем, нежели Рождество Девы Марии; а мне пора возвращаться в Домреми и приступать к выпасу овец... Оставляю вас на усмотрение Божье, верьте и не унывайте...»

Жанна с силой зажмурилась, пытаясь справиться с приступом слабости.

«Ничего не поделаешь... все действительно так. Остается лишь подобрать слова».

Жанна тяжело вздохнула... из ее глаз текли слезы, но она не замечала их.

— Пиши, — произнесла она хрипло, обращаясь к писарю. — Иисус, Мария...

10 ноября 1429. Франция и Жанна.[110] Жьен

— Ваше Величество...

— Да, мой славный герцог Жан Алансонский...

— Я прошу отправить меня и Жанну с войском в Нормандию, куда вы собирались развернуть наступление до похода на Реймс. Жанна в Берри

---

[109] «...По приказу герцога Алансонского был выстроен мост из лодок для возобновления наступления — ночью король приказал его разрушить». [8]

[110] «Когда король находился в Жьене, герцог Алансонский пожелал увести Деву и солдат короля в Нормандию, но сеньор де Ла Тремуй не захотел этого...» [8]

словно птица в неволе... Вы поручили ее заботам мсье д'Альбре, но его забота уж слишком напоминает заботу тюремщика. Неволя душит Жанну... Разрешите нам пойти в Нормандию и присоединить эти земли к Королевству Французскому!..

— Мы не думаем, что твоя идея мудра, наш верный друг. Но чтоб ты не волновался за Жанну, хотим сообщить, что в скором времени Жанна будет направлена в центральные области Франции на борьбу с войсками предателя Перрине Грессара. Этот отступник и английский наемник занял несколько крепостей вдоль главных дорог Франции, что делает продвижение по ним крайне опасным. В уничтожении банды Грессара мы видим первейшую задачу на текущий период, поэтому и направим Жанну к Сен-Пьер-ле-Мутье, где обосновался этот предатель.

— Но Жанна... она же — Орлеанская Дева!.. Разве можно заставлять ее ловить разбойников?..

— Жанна — верноподданная своего короля! И король вправе требовать от нее повиновения в тех вопросах, которые он считает наиглавнейшими!!! Вы свободны, герцог Алансонский, у нас больше нет желания общаться с вами.

18 ноября 1429. Франция и Жанна.[111] Монфокон-ан-Берри[112]

— Дева Жанна... к вам провидица...

— Кто? — не поняла Жанна.

— Провидица... При ней было письмо от фрайя Ришара... Он просит принять эту женщину и уделить ей внимание... Он пишет, что сам он не может понять, лжет она или же говорит правду...

— Правду о чем?

— Вам... лучше услышать это от нее.

...— Милочка... — заговорила женщина в летах, присев напротив Жанны, — меня зовут Катрин, родом я из Ла-Рошели... Я знаю твою беду, и вся Франция знает... У нашего благородного короля Карла истощилась казна, и более нет для него возможности содержать армию. Однако теперь и ты, и Франция спасены! Вот уже несколько недель каждую ночь ко мне приходит Белая Дама и говорит одно и то же: чтоб я шла к королю и заверила его, что моей Покровительнице ведомо, как добыть сокровища, которые позволят вновь собрать армию и изгнать англичан из Франции!!!

— Что?.. — не поняла Жанна. — Как изгнать англичан из Франции... это знает ваша Белая Дама? Кто же она... такая?..

— О девочка моя, — не по годам задорно рассмеялась Катрин, — моя Покровительница прекрасна!!! Она приходит в белых одеждах, расшитых золотом! Мне хочется петь и танцевать, лишь только я вспоминаю ее!..

— Что ж она вам не показала, где сокровище?

---

[111] «Незадолго до начала похода Жанна встретилась с провидицей — или выдававшей себя за таковую — Катрин из Ла-Рошели...» [8]

[112] “ — What did this Catherine say to you?

— That a white lady came to her, dressed in cloth-of- gold...” и далее. Шестой Публичный допрос, 3 марта. [5]

— Ха! — усмехнулась женщина. — Дело в том, что моя Покровительница привела меня к тебе именно для того, чтобы осуществить свой замысел... Дело в том, что ты должна пойти к королю и сказать, чтоб он дал тебе герольдов, а также солдат для охранения. Мы будем ходить из города в город и из поселения в поселение, и герольды будут трубить о том, что все, кто имеет золото, или серебро, или закопанные клады, должны достать их и сдать в казну, ибо дело Франции того требует. А на того, кто имеет золото, но пожелает его утаить, укажешь ты, и солдаты отберут золото силой!.. Моя Покровительница умна, ах, как она умна... Франция спасена!!! Франция спасена!!!

Жанна с опаской поглядывала на хохочущую Катрин. Было в этой женщине что-то... неестественное. Такое поведение более подходило бы для хозяйки таверны, которая завлекала гостей, но не для человека, познавшего всю ответственность своей миссии.

— Но почему простые люди должны отдавать нам то, что ими собрано? Если они хотели поступить так, то могли сделать это уже сотни раз, а если желают дать своим деньгам иное применение, на то их полное право...

— Ну почему же, милочка, — перебила ее Катрин, — ведь на эти деньги ты сможешь нанять войска и вновь отправиться к Парижу!!! Тебе обязательно нужно поговорить с моей Белой Покровительницей, она все-все-все тебе пояснит!!!

Жанна немного помолчала, а потом тихо произнесла:

— Хорошо... Давайте сделаем так: вы останетесь здесь и мы попытаемся встретиться с вашей... Белой Дамой. А когда она придет, я... попытаюсь поговорить с ней...

— Конечно!!! — радостно всплеснула руками Катрин. — Мне ж только этого и надо — чтоб вы встретились и поговорили... Она убедит тебя... ах, как моя Покровительница умеет убеждать!!!

...— Катрин... я ждала до полуночи, а потом уснула... Твоя... Дама приходила?

— Да, конечно, она ведь приходит каждую ночь! Я пыталась разбудить тебя, но твой сон слишком уж крепок...

— Ясно, — вздохнула Жанна. — Я постараюсь немного выспаться сегодня днем...

— Прекрасно!!! А я этой ночью расскажу тебе столько интересного, что сон даже и не наведается!

...— О, да, а еще однажды Покровительница пришла ко мне, когда я убирала морковь, и сказала, что муж мой, растяпа, развалил поленицы дров, которые мы на зиму заготовили. Я побежала домой, и таки да, все правда, дрова по всему двору! «Что ты наделал?!» — говорю, а он мне так спокойно: «Прости, хотел доложить сверху...» А еще раз было...

— Извини, что перебиваю тебя, Катрин, — Жанна указала на сереющее окно, — но скоро уже рассвет, а твоя Белая Дама не явилась...

Катрин на мгновение замолчала, а потом рассмеялась все так же задорно и беззаботно.

— Да, такое бывает, что она не приходит. Должны же быть у нее какие-то другие заботы!..

— Погоди, — покачала головой Жанна, — раньше ты говорила, что твоя Покровительница приходит к тебе каждую ночь...

— Разве? Наверное, ты не так поняла меня; я хотела сказать, что моя Покровительница приходит ко мне почти каждую ночь. Хотя, она вполне может явиться и сейчас... Может, осталось подождать всего одно-единственное мгновение.

...Снова начинало сереть небо. Вторую ночь бодрствовали они в комнате Жанны. Обе они устали, и Катрин уже не болтала без умолку. Жанна, утомившаяся за день от приготовлений к походу и от вчерашней бессонной ночи, едва находила в себе силы не поддаться слабости и не провалиться в сон. Она продолжала бодрствовать, даже когда рядом беззаботно засопела Катрин.

Мир казался зыбким... Тени от пламени лучины метались по стенам, темной паутиной сплетаясь в углах. Словно призрачные оскалы выглядывали из какого-то потустороннего мрака.

Жанна встрепенулась и осмотрелась по сторонам. Нет, не было никаких оскалов, просто на стенах колыхались тени. Чтобы отогнать от себя сон, Жанна встала с кровати и села за стол.

Сладко похрапывала Катрин...

Тени метались по стенам, проносились из одного угла в другой, с шипением боли минуя освещенные участки. Словно изодранные крылья оказались между стеной и пламенем, и с каждым их движением сотни теней пускались в пляс.

— Жанна... — призрачно донеслось из мрака. — Жа-а-а-анна-а-а-а...

Жанна тряхнула головой и осмотрелась по сторонам. Не было никаких крыльев... не было никаких голосов. Тихонько шипела догорающая лучина. Жанна встала и заменила ее новой. Присела за стол... Тяжелая голова гудела, словно ветер в голых ветвях деревьев. Со вздохом Жанна опустила голову на руки.

Метались тени по стенам...

Метались тени по стенам...

Метались тени по стенам.

Она все так же сидела в комнате, только комната была немного другая... словно дымкой подернутая. Огонь лучины напоминал тлеющий уголек и совсем не давал света... но все же комната была освещена. Жанна сонно обернулась по сторонам, а потом поняла, что источник света был неразделим с ней. Переведя взгляд на грудь, Жанна увидела словно сияющий кулон... Он пульсировал... и он был... Жанна немного испугалась, потому что сияющий кулон был внутри нее. Куда бы Жанна ни смотрела, она не могла найти тени от себя, она вся светилась, словно каждая клеточка ее тела была зажжена маленьким солнцем, горевшим в ее груди.

— Жаннааааааааа... — донеслось до нее.

Стены комнаты казались призрачными, словно были сплетены из паутины; тени же, которые метались по стенам, напротив выглядели живыми и реальными... Эти тени словно пропитывали стены, приходя извне, как вода пропитывает песок. За пределами стен, там, где тени были очень густы, Жанна увидела какое-то подобие человеческой фигуры... Это была фигура женщины, которая со злостью зачерпывала руками тьму и раскатывала по своему телу... Тьма начинала призрачно светиться, покрывая фигуру чем-то, похожим на белую тунику. Из новых пригоршней тьмы фигура плела цепочки украшений, и они начинали светиться золотым. Затем она словно умывалась тьмой, чтобы возникло красивое женское лицо...

— Жаннааааааааа... — шептала фигура.

— Жаннааааааа... — повторяла она, пытаясь подойти к границам пламенного света, который струился из груди Жанны... но от лучей света туника и украшения размякали, словно воск, и темной смолой стекали по телу женщины; так же размякало ее лицо и текло вниз густыми потеками.

— Жаннааааааа... Жаннааааааааааааа... — шипела злоба и отступала во тьму.

Онемевшая Жанна не могла отвести взгляд от пустых глазниц, проступивших на обтянутом темной кожей черепе.

— Мы пришли за тобой, Жаннааааааа...

— Мы пришли за тобой... — доносилось со всех сторон. — Мы пришли за тобой... пришли за тобой... пришли за тобой...

С криком Жанна вскочила из-за стола, испуганно озираясь. Тихо шипела лучина да храпела Катрин из Ла-Рошели... И сотни колких глаз пронзали стены комнаты.

— Не убоюсь! — прошептала Жанна, падая на колени перед распятием.

— О Господи, дай мне сил! О Господи, дай мне сил!! О Господи, дай мне сил!!!

Беспокойно заворочалась во сне Катрина.

А Жанна читала молитву.

«Ave Maria, gratia plena; Dominus tecum:
benedicta tu in mulieribus, et benedictus
fructus ventris tui, Iesus.
Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus,
nunc et in hora mortis nostrae. Amen».[113]

...« Ave Maria, gratia plena; Dominus tecum:
benedicta tu in mulieribus, et benedictus
fructus ventris tui, Iesus.
Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus,
nunc et in hora mortis nostrae. Amen».

---

[113] *Радуйся, Мария, благодати полная!*
Господь с Тобою;
благословенна Ты между женами,
и благословен плод чрева Твоего, Иисус.
Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных,
ныне и в час смерти нашей. Аминь.

...« Ave Maria, gratia plena; Dominus tecum:
benedicta tu in mulieribus, et benedictus
fructus ventris tui, Iesus.
Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus,
nunc et in hora mortis nostrae. Amen».

...— Жанна, — проснувшаяся Катрин посмотрела на нее с тоской и испугом. — Что произошло? Почему ты молишься? Ведь должна прийти моя Покровительница...

— Забудь о своей Покровительнице, — тихо ответила Жанна. — А если явится когда, то не верь, что это она, и гони прочь. Возвращайся к мужу, займись хозяйством, расти детей... но про Покровительницу свою забудь... если не хочешь страшного горя себе и близким.

...— Дева Жанна, вы хотите написать королю?

— Да. Мы напишем, что случай с этой Катрин — не более чем неосмотрительность и самообман с ее стороны.

23 ноября 1429. Франция и Жанна.[114] Сен-Пьер-ле-Мутье[115]

— Дева Жанна... почему вы не спите?.. Уже поздно, а завтра с самого утра мы начинаем штурм города.

— Я хочу еще посмотреть на солнце...

— Но солнце уже село...

— Да, но его свет все еще виден... Я хочу побыть там, где свет... Оставьте меня, идите спать... Вы правы, завтра нам предстоит тяжелый день.

...Медленно бледнел свет заката... На небосводе одна за другой появлялись звезды. Колючий мороз забирался за шиворот, холодной водой разливался по спине. Тени сливались, становились все больше, разбухали, словно дрожжевое тесто... Казалось, они дышали.

«Кто вы, живущие *там*?.. — хотелось закричать Жанне. — Что вам от меня надо?..»

Тени уже не крались по земле, пригвожденные к ней Взглядом Светила. Они поднимались в воздух, словно ядовитый пар над болотом, они пропитывали воздух, насыщали его, словно туман или мгла песчаной бури.

Тени крались, тени воспаряли, тени заслоняли мир.

«Жанна... — доносилось до нее из тьмы. — Жаааанааааааа...»

«Кто вы?!!» — хотелось кричать ей. Она молилась Богородице, она плакала, она твердила себе, что не убоится, но тени не отступали. Они не приближались, никто не выходил их них, но тени были живыми... Они кружились вокруг нее, прячась на самой границе яви.

---

[114] «Осада Сен-Пьер-ле-Мутье оказалась делом сложным. Операцией командовали сир д'Альбрэ, маршал Буссак и граф де Монпансье. Штурм королевской армии был отбит, и уже начали отступать, когда Жан д'Олон заметил Деву, остававшуюся с очень маленькой группой своих людей, сопровождавших ее...» и далее. [8]

[115] Накануне атаки на Ла-Шарите.

«Жааанннаааа...» — слышалось ей.

«Жааанннаааа...»

...Она поднялась на ноги и уныло побрела в отведенный ей дом.

Мгла ложилась на ее плечи едва ощутимой, но вместе с тем гнетуще-потусторонней тяжестью.

Как победить неизбежность?

Разве это грех — желать достойной смерти?.. Разве это грех — бояться предательства?..

Как много уже сделано... как много... Почему же этого так мало по сравнению с тем, что еще предстоит?..

...— Вперед, солдаты!!! Вперед!!! Во славу Франции!!! Во славу Франции!!!

...— Вперед!!! Вперед!!! Вперед!!!

...— Жанна, — подбежал Жан д'Олон, — прекрати... Мы проиграли... Штурм захлебнулся... Надо отступать!..

— Если тебе надо, ты и отступай! — отрезала Жанна, снимая с головы плоский боевой шлем.

Ее взгляд был холоден и остр, словно отполированный клинок.

— Но... Жанна... Все уже отошли назад!.. Ты осталась одна.

— Я не одна, — спокойствие наполняло ее голос. — И никогда не буду одна. Если тебе надо, ты и отступай.

— Жанна!!! Оглянись вокруг!!! С тобой осталось всего трое солдат... остальные убиты!

— Со мной *пятьдесят тысяч* солдат! И я не уйду до тех пор, пока город не будет взят!

— Опомнись!!! Никого же нет! Тебя убьют!!!

Жанна не ответила ему.

— Что... — обратился Жан к солдатам, которые стояли рядом, — вы тоже видите пятидесятитысячное войско?

Трое были уставшими и измученными... но глаза их смотрели решительно.

— Так... — опешил Жан д'Олон, — и что же... вы все... видите?..

— А разве ты не видишь? — прошептал стоящий рядом копейщик.

Жан оглянулся по сторонам... Он не видел многотысячного войска... Он видел отступающих солдат. Он видел захлебнувшийся штурм. Он видел безумцев, которые решили вчетвером захватить крепость.

И в этот момент Жанна посмотрела ему в глаза — все так же холодно и остро... словно услышала его мысли. Жаркая волна прилила к лицу д'Олона, ему стало душно, и слезы навернулись на глаза. Как он мог назвать Жанну безумной?!!

Взгляд Жанны стал печальным и в то же время очень ласковым... Она мягко прикоснулась к его лбу... и тут что-то словно рухнуло с небес... И будто завеса, разрывающаяся в храме, взорвались внешние формы предметов, явив

взгляду рыцаря их ослепительно-сияющую сущность. Все воспылало... То, что было видимым, стало призрачным; то, что было призрачным, стало реальным, преобразилось, словно вино, которое преображается в Причастии в Кровь Христову. Легионы Пламенных Воинов парили в небе над ними... Их Крылья ослепительно сияли, их мечи пламенели. А во главе этого Воинства стояла Жанна... преобразившаяся... сияющая. Две Святые стояли рядом и о чем-то ласково с ней говорили. Их голоса не напоминали человеческую речь... они были подобны переборам лютни в руках Неизвестного Менестреля. Жанна слушала их, и слезы адамантами сверкали на ее щеках.

— Надо завалить ров, — сказала Орлеанская Дева, повернувшись к Жану д'Олону. — Скажи солдатам, чтобы несли изгороди и большие ветки... Мы сможем соорудить мост и ворваться в крепость с этой вот стороны.

— Но...

— Делай, как я говорю!

Жан не мог оторвать взгляд от крепости. Над ее защитниками парили демоны.

— Делай, как я говорю!!! — закричала Жанна, и что-то словно толкнуло Жана изнутри.

Он непонимающе посмотрел наверх и увидел, что и над ним парил Ангел. Жаркая волна снова залила его лицо, и Жан сорвался с места.

— Ко мне!!! — закричал он отступившим солдатам. — Все ко мне!!! Несите изгороди!!! Несите большие ветви! Мы завалим этот ров! Мы сделаем мост! Мы возьмем крепость! Мы возьмем крепость!!!

...— Жанна...

Крепость была уже взята, когда д'Олон нерешительно подошел к Орлеанской Деве.

— Можно тебя спросить?..

— Спроси...

— Как же так?.. Я думал, что когда Ангелы сходят с Небес, то Они разят Зло своими мечами, и никто не может устоять...

— Разве не это ты увидел сегодня?

— Но... они только сдерживали демонов и не допускали их помогать разбойникам... А брать крепость пришлось нам...

— Разве не так должно быть? Каждый человек черпает силу в чем-то. Если это что-то убрать, человек останется беззащитным... Поэтому черпай силу в Ангельском Свете: Он всегда рядом, даже если ты его не видишь.

— Ангелы сегодня оттеснили демонов... но что, если бы случилось наоборот?

Жанна закусила губу, но д'Олон продолжал говорить, не замечая этого:

— Тогда, наверное, нужно просто верить, что это не навсегда, и что Свет никогда не может быть слабее Тьмы, и что Свет обязательно вернется, чтобы прогнать Тьму и спасти претерпевших. Жанна... ты плачешь?.. Почему ты плачешь? Почему?..

10 декабря 1429. Франция и Жанна.[116] Ла-Шарите-Сюр-Луар

— Жанна, мы держим осаду почти месяц. Провианта не осталось, запасы пороха на исходе... вместо стрел нам скоро придется класть в луки ветки деревьев... Король не присылает припасов, он словно забыл про нас...

— Нам нужно держаться.

— Жанна, но посмотри на людей, они исхудали так сильно, словно находятся в плену. Нам не победить...

— Нам нужно держаться.

— Жанна... куда ты, Жанна?..

— НАМ НУЖНО ДЕРЖАТЬСЯ!!!

...Месяц.

Они осаждали Ла-Шарите уже месяц.

Люди выбились из сил и перестали верить. Даже Жан д'Олон, ее верный оруженосец, который сумел заглянуть за пределы осязаемого при штурме Сен-Пьер-Ле-Мутье, уже не был уверен в том, что увидел... Ему оказалось легче поверить, что все то было иллюзией, чем понять, что Планы Небесные могут быть разрушены человеческим предательством.

Жанна не стала пояснять, что Сила Небес — лишь в той Огненной Мощи, которую может пробудить в себе сам человек; и Святость словно Дверь, за которой лежат бесчисленные Дары, — но кто бы ни указывал на эту дверь, открыть ее сумеет только сам человек. Жанна не стала объяснять, что если бы Бертран, Ла Ир, герцог Алансонский, Дюнуа и другие не поверили ей, Реймс так и пребывал бы в руках бургундцев... Жанна не стала объяснять, что Высшие Планы лишь указывают наилучшие обстоятельства, воспользоваться которыми должны сами человеки. Царство Небесное — на Небесах, здесь же — земные пределы... Ангел приносит весть и удаляется, позволяя человеку поступать так, как подскажет ему сердце.

Предательство... Какое страшное слово. Карл VII, король Франции, предал ее, Жанну, дочерь Франции.

Был уже вечер... Как же она ненавидела вечер! Как она ненавидела огонь лучины и тени, которые метались по стенам комнаты! Ее Сестры приходили все реже... Они были все так же ласковы, но как сильно Жанне не хватало Их, когда сгущались сумерки!

«Карл VII, король Франции, помазанник Божий... зачем отрекся ты от Голоса, который открыл тебе Грядущее?.. »

Нужно держаться... нужно держаться... сдаваться нельзя.. Кто угодно пусть сдается, но только не она... только не Жанна!!!

Все будет хорошо... все будет хорошо... Надо лишь найти силы не слушать голоса, не слушать ночных призраков.

Почему же не удалось взять крепость?..

---

[116] Осада Ла-Шарите началась 24 ноября. Она обернулась поражением.

«В самый разгар зимы с малым количеством людей простояли перед Ла-Шарите... почти месяц и с позором сняли осаду, хотя те, кто находился в крепости, не получили никакого подкрепления и потеряли бомбарды и артиллерию...» [8]

Когда припасы закончились в первый раз, на письмо Жанны отозвался недалекий Клермон, жители которого прислали селитры, серы и два ящика стрел. Тогда удалось уничтожить бомбарды и артиллерию бандитов, гарнизон которых сидел в крепости, не получая подкреплений...

«Но почему все последующие попытки захлебывались одна за другой? Что она сделала не так?.. Где побоялась? Где была чересчур осторожной?»

Было ли?

Был месяц боев.

Был месяц терзаний.

Был месяц неосуществленных молитв.

«Что она сделала не так?!!»

...И тени...

...Тени по вечерам.

Их шепот: «Ты не смогла..., ты не сумела..., ты подвела Его...»

«Прочь, призраки!!!

Подите прочь!!! »

Она все сделала так!!! Просто не в силах человеческих освобождать королевство против воли короля, а свергать Карла нельзя... даже думать об этом грешно! Не она возвела Карла VII на престол, она была лишь солдатом, который сумел верно исполнить Приказ. Неужели теперь она станет хулить имя Командира, который этот Приказ отдал?!!

Никогда!!!

«Прочь, призраки!!!

Подите прочь!!!

О бедный-бедный Карл... Кто поспешил дать прозвище твоему отцу?.. Не он был безумен, а ты. Твои солдаты замерзают в снегах, у твоих солдат нет пищи, твоим солдатам нечем стрелять в неприятеля, чтобы исполнить твой приказ!

О бедный-бедный Карл... какое грядущее куешь себе?!!»

...— Дева Жанна...

— Заходи, мой друг, присядь... помолчи... послушай.

Я вижу, что ты хочешь поговорить со мной, и я вижу, что ты хочешь мне сказать. Военный совет окончен. Осада Ла-Шарите окончена. Война с разбойниками окончена. Капитаны не могут оставаться здесь больше.

Нет провианта.

Нет пороха.

Нет стрел и бельтов.

И веры у вас уже не осталось.

Что ж... уходите. Оставьте меня здесь. Я возьму Ла-Шарите.

Даже если вы оставите меня, то не Ангелы Небесные. Не Сестры мои. Не моя Вера.

Уходите.

А теперь, когда я все сказала, уходи и ты из моей комнаты.

—... но, Жанна...

— Уходи из моей комнаты!!!

...Жанна опустила голову на руки и горько разрыдалась.
А когда слез не осталось, усталость сомкнула ее веки.

...«Сестрица... слабости словам
Не позволяй гнездиться в духе.
И Чашу горькую до дна
Спеши испить... не верь Разлуке!

Не надо горестно жалеть,
Что предана ты на попранье,
Ведь муки скорбные терпеть —
Твое великое Призванье.

Ты сотворила, что могла.
Ты Свет Отчизне подарила,
А боль Ее себе взяла,
Чтоб жечь в душе, пока есть сила.

Но верь, пройдут терзанья дни.
За мраком — Светлые просторы...
Бутоны Пламенной любви
Распустят новые узоры».

...Жанна вскочила на ноги, как и тогда... в ту далекую ночь, когда она вместе с Катрин ожидала появления Белой Дамы.

Ей показалось, что она уронила голову на руки всего на мгновение, но на улице было темно, и лучина почти догорела.

«Где Вы, Сестры?!» — едва не закричала Жанна изо всех сил, но сердце опередило... ударило, словно набат: «Здесь».

...— Жанна, ты не переживай, мы вернемся по весне и отберем у бандитов все крепости. Король наверняка даст нам подкрепление и припасы... Может, именно сейчас в казне не хватает денег, может, весной дела пойдут лучше... Надо верить, Жанна... Ты же сама учила нас этому... Надо верить! Надо верить!!!

Зима 1430. Франция и Жанна.[117] Сюлли-сюр-Луар

За окнами скорбно завывал ветер.
Пламя свечи трепетало.
Жанна неотрывно смотрела на огонек, опустив голову на руки.
Одиночество...
Одиночество...
Одиночество.
Похоронной процессией ползли мимо серые дни...

[117] «Для Жанны наступила печальная зима. Вероятно, большую часть ее она проведет в Сюлли-сюр-Луар, в замке, принадлежавшем семейству де Ла Тремуй...» и далее. [8]

Смрадом склепа дышали темные погонщики-ночи.

Бесплотными призраками проплывали мимо чужие ей люди.

Она была одна во всей Вселенной.

«Надо быть сильной, надо быть сильной, надо быть сильной», — твердила она часами, но слова сливались друг с другом, и смысл их терялся среди сплетения теней, которые нетопырями носились по стенам.

Тени больше не вызывали у Жанны страха... Привидениями проплывали они мимо нее, сливались с другими привидениями и исчезали вместе с ними.

«Жанна... мы пришли за тобой», — зловеще шептали одни, нависая над ней из стен.

«Жанна, скоро пир в Орлеане», — почтительно бормотали другие, выглядывая из-за двери.

Пир в Орлеане — лишь отблеск горящей свечи. Вот он был, а вот уже его нет... исчез, растворился, обернулся дымом.

«Жанна, король даровал дворянство всем членам твоей семьи... Оно будет передаваться не только по отцовской, но и по материнской линии!..»

Дворянство — лишь завитки чернил на бумаге. Пергамент истлеет — и пропадут завитки.

Король — едва заметный светлячок... Карл Светлячок.

...Трепетал огонек свечи.

Отчаяние... разочарование в том, чему была посвящена жизнь.

Неверие...

«Нет!!! — хотелось кричать Жанне. — Я верую!!! Верую!!! Верую!!!»

«Credo in Deum Patrem omnipotentem, Creatorem caeli et terrae.

Et in Iesum Christum, Filium eius unicum, Dominum nostrum, qui conceptus est de Spiritu Sancto, natus ex Maria Virgine, passus sub Pontio Pilato, crucifixus, mortuus, et sepultus, descendit ad infernos, tertia die resurrexit a mortuis, ascendit ad caelos, sedet ad dexteram Dei Patris omnipotentis, inde venturus est iudicare vivos et mortuos.

Credo in Spiritum Sanctum, sanctam Ecclesiam catholicam, sanctorum communionem, remissionem peccatorum, carnis resurrectionem et vitam aeternam.

Amen».[118]

В такие моменты она вскакивала и металась по комнате, находила себе занятие, чтоб отвлечься от давящих мыслей, разжигала камин, жалась к огню так близко, что, казалось, еще немного — и загорится вместе с ним.

Но проходили минуты, неотвратимо слагались часы, полдень сменялся

---

[118] «Верую в Бога Отца всемогущего, Создателя неба и земли.

И в Иисуса Христа, сына его единого, Господа нашего, который сотворен от Святого Духа, рожден от Девы Марии, пострадал от Понтия Пилата, был распят, умер и похоронен, сошел в преисподнюю, на третий день воскрес из мертвых, вознесся на небо, воссел по правую руку от Бога Отца всемогущего, откуда будет судить живых и мертвых.

Верую в Духа Святого, святую католическую Церковь, святое причастие, прощение грешников, воскрешение плоти и жизнь вечную.

Аминь».

http://www.olenegorsk.northchurchru.org/rus/credo.php

вечером, и от сполохов камина оставался лишь огонек свечи, одиноко горящей на столе.

«Жанна... — шептали тени на стенах. — Жаннааааааааааа...»

Как можно привыкнуть к любой, даже непосильной, ноше, так же привыкла Жанна к присутствию теней.

«Зачем бояться?» — думала она, равнодушно глядя на оскаленные пасти.

«Чему радоваться? — вторил ей писклявый голосок, доносящийся непонятно откуда. — Печаль — обитель твоя».

«А я хочу радоваться! — опять вскакивала на ноги Жанна. — Я хочу радоваться! Хочу радоваться!!!»

И так как дров в комнате уже не было, Жанна бежала на улицу к поленницам, обжигая руки морозным холодом, хватала поленья, возвращалась в комнату, разжигала огонь и снова жалась к нему до тех пор, пока от сполохов не оставалась все та же свеча на столе... почти уже догоревшая свеча.

«Ты забыта, — шептали тени на стенах. — Никогда уже Карл не позволит тебе освобождать Францию, никогда более не доверит армию...»

«Но *я* сражаюсь!» — отвечала Жанна и бросалась прочь из комнаты за новыми дровами.

«Тебе не дано победить... тебе дано не победить...»

«Никому не известно, что мне дано!!! Никто не сможет победить меня до тех пор, пока *я* сражаюсь! Победа — в моих руках!!!»

«В твоих руках лишь дрова... Скоро они обернутся золой, и снова лишь огонек свечи будет скрашивать твое одиночество...»

Одиночество...

Одиночество...

Одиночество...

«Я не одинока!!!! Со мной все мои друзья! Со мной все мои соратники!!!»

«Нет... их нет... их нет».

«Со мной Господь мой и Сестры мои!»

«...»

«Ну что ж молчишь ты, Тьма? Я говорю тебе, что я не одинока, и со мной Господь мой, и я слышу Его голос в биении сердца, и Сестры — во мне, и я слышу Их утешения в каждой мысли!!! Что ж молчишь ты?!! Пока горит свеча, нет тебя во мне, и не будет, даже когда она погаснет, потому что, кроме этой свечи на столе, есть и Свеча в моем сердце. Прочь!!! Приказываю тебе и повелеваю, потому что имею в себе Свет, которого тебе не ослушаться!!!

ПРОЧЬ!!!!!!!!!!!!»

...И наступало новое утро.

И сменялось новым вечером.

И ни на секунду не прекращалось сражение в сердце Освободительницы.

И горел камин в ее комнате.

И она жалась к огню так близко, что, казалось, еще мгновение — и вспыхнет сама...

1430. Франция и Жанна. Сюлли-сюр-Луар

«Ов... старый здоровяк, выдает-таки дочку замуж!

Молодец!!! Какой молодец Ов!!!»

Новость о том, что у художника все хорошо, на несколько дней придала Жанне былые силы.

Письмо, которое она написала членам магистрата Труа, было полно огня и радости.

7 февраля 1430. Франция и Жанна. Труа. Решение магистрата

«...ввиду бедственного положения, в котором состоит городская казна, мы считаем невозможным удовлетворить просьбу Девы Жанны, потому что городские финансы должны использоваться на ремонтные работы для города и никак иначе. Однако в силу любви и почитания, которые мы испытываем к Деве, город выделит хлеб и вино для обряда свадебного благословения Элли Пулнуар. Также члены магистрата, церковники и простые жители Труа данным решением обязуются прийти на обряд свадебного благословения в следующий четверг, для того чтобы выразить почтение и любовь вышеупомянутой девушке и молиться за ее благополучие. Молитвы должны быть прочитаны в присутствии наиболее почитаемых граждан Труа...»[119]

Март 1430. Франция и Жанна.[120] Сюлли-сюр-Луар. Приезд Карла VII и архиепископа Реймского

— Сир... все ближе сужденный час...

— Дражайший мой архиепископ, — медленно говорил Карл, зло поглядывая на монсеньора де Шартра. — Пусть лучше все окажется именно так. Ваши игры в неопределенность и выжидания лишили меня многих прекрасных земель. Филипп Добрый готовит наступление на Шампань, английская армия вот-вот высадится во Франции, а вы все твердите и твердите, что нужно ждать. Право, странная у вас позиция... Тут уж напрашивается мысль о вашей связи с бургундцами. Вы же не думаете, что возможно играть на две стороны и не понести наказание от обеих?

— Сир, — спокойно улыбнулся Реньо де Шартр. — Единственное, чем Господь щедро одарил Ла Тремуйя, это богатое воображение. Однако не стоит беспокоиться на мой счет: ведь я умею просчитывать многие ходы. Я не настолько глуп, чтобы переходить на сторону бургундцев, поражение которых — вопрос времени, причем не такого уж и большого. Я привез вам ответ на столь беспокоящий вас вопрос.

---

[119] «...nothing [i.e., no money; see the food listed below] will be paid or given out because the city's funds need to be used for repairs to the town and not otherwise; but, for the love and honor of the aforesaid Maiden, the churchmen, bourgeois, and inhabitants will honor the aforesaid young woman [Heliote] at her nuptial benediction, which will be next Thursday; and they will have prayers said for her in the aforesaid town's name; and to give the aforesaid prayer in the presence of the leading citizens of this town» [4]

[120] «Наступление бургундцев.

15 февраля Карл VII покинул свою резиденцию Мён-сюр-Йевр и обосновался в Сюлли-сюр-Луар, куда в начале марта к нему приехала Жанна...» и далее. [8]

— И что же это за ответ? — недоверчиво нахмурился Карл.

— Компьень, — снова улыбнулся архиепископ. — Как свидетельствуют мои информаторы, город не откроет врата перед бургундцами, как это было предусмотрено вашей договоренностью с Филиппом Добрым.

— И что это дает?

— Вам не следует более противиться желанию Девы Жанны собрать свое войско. Конечно, никто из капитанов не должен последовать за ней, особенно герцог Алансонский... Насколько мне известно, он сражается в Нормандии? Пускай там и остается. А Жанне позвольте собрать солдат и отправиться в бой. Несложно догадаться, что она прибудет в Компьень, где мы сумеем тихо и без особого риска передать ее в руки бургундцев. Как вы отметили, Жан Люксембургский[121] наконец-то готовится к наступлению в долине Уазы... Нам стоит воспользоваться этим как прекрасными декорациями для постановки собственного спектакля. Пусть бургундцы наступают... Пусть они думают, что заманили нас в ловушку, из которой не выбраться... Пусть они даже возрадуются, когда Жанна окажется в их руках. Ни они, ни англичане так и не смогут понять, что тот же костер, на котором сгорит Жанна, испепелит также остатки их власти во Франции.

— Но каким образом мы передадим Жанну бургундцам?

Архиепископ рассмеялся, после чего примирительно замахал руками:

— После долгих размышлений я пришел к выводу, что ни вы, ни я, ни даже Ла Тремуй... никто из нас не сможет разыграть все достоверно: мы не обладаем достаточным боевым опытом. Такое представление под силу лишь тому человеку, который, во-первых, истинно ненавидит Деву, а во-вторых, является опытным капитаном и знает все перипетии сражения.

— Реньо, опомнитесь, все капитаны боготворят Жанну!

— Все ли?.. — хитро улыбнулся архиепископ. — Ключ к этой головоломке прост, мой король.

Некоторое время священник наслаждался замешательством Карла, а потом вновь усмехнулся:

— Это Джон Тальбот.

Март 1430. Франция и Жанна. Сюлли-сюр-Луар

— Поправьте меня, если я заблуждаюсь, монсеньор архиепископ, но вы хотите, чтоб я, английский капитан, верноподданный своего короля, разработал план пленения бургундцами главной вдохновительницы вашего войска?.. А взамен вы обещаете мне скорое освобождение?.. Я ничего не перепутал?

— Вы все поняли верно, сэр Джон Тальбот. Конечно, вы поклянетесь никогда не рассказывать о своей роли... Кроме того, вы должны понимать, что ваше освобождение может произойти как через год, так и через пять лет... при первых же благоприятных обстоятельствах.

— Но позвольте... это все очень странно... Вы действительно хотите использовать мои умения, чтобы обезглавить свое войско?

[121] Вассал Филиппа Доброго.

— Сэр Джон... мне кажется, вы ищете в моем предложении подвох.

— Есть у меня мысль, что мне известны далеко не все обстоятельства...

— Ваша мысль верна... но она не делает обстоятельства яснее. И ничто не сделает.

Тальбот некоторое время внимательно смотрел на архиепископа, а потом криво усмехнулся.

— Ваше предложение бесчестно. То, что вы хотите предать Жанну, это ваше дело... но то, что вы предлагаете мне...

— Это уже ваше дело, — договорил за него Реньо де Шартр и наклонился вперед, в упор глядя на английского капитана:

— Я знаю, что вы ненавидите Жанну. Я знаю, что вы считаете ее ведьмой и прислужницей Сатаны. Я вижу вашу душу насквозь, сэр. Как может пострадать ваша рыцарская честь, если *завоевание Франции* для вас дело благочестивое?..

Продолжительное молчание повисло в комнате. Архиепископ Реймский медленно откинулся на спинку кресла. Джон Тальбот сглотнул и неопределенно пожал плечами.

— Но... я англичанин... Я имею право думать так.

— Неужели вы полагаете, что принадлежностью к тому или другому народу можно оправдать то или иное отношение к Богу?

— Богу противостоит Сатана! — вскричал Тальбот. — Поэтому перед тем, как преклониться перед велением, надо узнать, из чьих уст оно исходит! Неужели вы действительно знаете, кому служит Жанна?

— Я не берусь оценивать ее миссию. Пусть этим займутся теологи грядущего.

— Вы... лицемеры... — капитан скривился, словно от отвращения. — Признавали ее, пока она была выгодна, и продаете теперь, когда она больше вам не нужна! Если она ведьма, то кому же служите вы?

— А ты не думай об этом!!! — ударил кулаком по столу Реньо де Шартр. — Что там для тебя важно? Что *ты* служитель Господа?!! Так служи, как велит тебе долг! Коль вся Франция оплетена терниями ереси, то твоя обязанность эти тернии выкорчевать!!! Ты веришь, что Жанна — посланница Сатаны, так сделай то, что должен! Предай ее в руки церкви, которой ты веришь, а потом стань свободным и займись нами, которых ты считаешь преступниками еще более страшными.

— Где... гарантии, что вы меня освободите?

— Гарантии предоставить несложно. Я могу написать письмо английскому двору и дать обещание освободить вас в обмен на кого-то из наших людей, не важно на кого. Или вы можете поверить мне на слово... результат будет тот же.

Март 1430. Франция и Жанна. Сюлли-сюр-Луар. Апартаменты короля.

— Да, дражайшая моя воительница... я полностью поддерживаю твое стремление возобновить боевые действия. Прошла зима, и растаял лед непонимания в сердце моем... Теперь я вижу, как бессовестно обманул меня

герцог Бургундский, заманив в ловушки лживых перемирий. Что поделать, Жанна, сделанного не вернешь, и утраченное время — на моей совести. Я понимаю, что не о прошлом думать надо, а идти вперед... поэтому я всецело поддерживаю тебя и окажу любую помощь, которую смогу.

— Сир, мне нужны солдаты...

— Конечно, Жанна, конечно... но королевская казна пуста; мы можем пожертвовать только весьма ограниченную сумму денег... Тебе придется самой искать солдат. Но, наняв их, ты вольна делать, что посчитаешь нужным, я больше не отзову тебя и не помешаю твоим планам, обещаю. Я слыхал, что ты получила письмо от жителей Реймса... О чем они говорят? Чего боятся? Мне как королю Франции интересно знать все...

...— Что, Жанна?...

— Теперь никто не остановит нас, Паскерель!

...«Мои дорогие и любимые, все те, кого я так страстно желаю увидеть![122] Дева Жанна получила ваше письмо, в котором вы делитесь опасениями о возможности осады города. Знайте же, друзья, что опасности нет, потому что вскоре я надеюсь выступить против бургундцев, и тогда им будет не до вас... Если же у меня не получится перехватить их главные силы и они придут к стенам вашего города, тогда закройте городские врата, и в скором времени я буду с вами, а если застану бургундцев под вашими стенами, то заставлю их надеть шпоры в такой спешке, что они и мыслить перестанут об осаде и уберутся прочь, будто их никогда и не было. Пока я ничего боле писать вам не буду, кроме того, что вы должны хранить верность Франции и королю нашему. Молю Господа позаботиться о вас.

Писано в Сюлли в шестнадцатый день месяца марта.

Пока я не буду посылать вам дополнительных новостей, которые сумели бы осчастливить вас, потому что боюсь, что письма могут быть перехвачены по пути к вам и враги, а не вы, узнают об этих новостях.

Жанна».[123]

...— Солдат все еще мало...

— Солдат никогда не бывает мало.

— Но, Жанна...

— Бывает мало отваги!!!

...« Иисус, ✝ Мария.[124]

Уже долгое время как отдельные слухи, так и общий глас народа доносят до меня, Девы Жанны, что из верных христиан вы обратились еретиками и что, как и сарацины, вы разрушили истинную веру и пали в

---

[122] Жителям Реймса.

[123] "Very dear and well-beloved and those whom I greatly desire to see, Joan the Maiden has received your letters..." и далее. Joan of Arc's Letter to the citizens of Rheims, March 16, 1430. [4]

[124] Письмо гуситам. Гуситы — сторонники антикатолического и национального движения в Чехии (отчасти в Словакии) в первой половине 15 века, последователи учения Яна Гуса. Большая Энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2002.

объятия позорного кощунства и беззакония. Также слышала я, что вы всячески стремитесь распространять заразу своих заблуждений и что нет такого позорного и отвратительного деяния, на которое вы бы не осмелились. Вы извратили церковные таинства, вы изорвали догматы Веры, вы разрушаете церкви и разбиваете статуи святых, в которых запечатлена история христианства, вы истребляете христиан, потому что они оберегают истинную Веру.

Как же назвать эту злобу?

Какая ярость или безумие поглощают вас?

Истинную Веру, которую Всемогущий Господь, Сын и Святой Дух открыли для людей, укрепили, и наделили законной властью, и прославили с помощью тысяч чудес, вы подвергаете гонениям в стремлении низвергнуть и уничтожить. Слепцы вы! И слепота ваша не в том, что вам не хватает глаз или понимания. Неужели вы думаете, что останется она безнаказанной? Неужели безрассудно полагаете, что Господь не станет противиться вам или что Он позволит вам пребывать в темноте заблуждений и далее? Чем более вы потворствуете слабостям своим и своей жажде разрушения и святотатства, тем более мучительное наказание готовит Он для вас. Говоря откровенно, если бы я не была так занята войнами с англичанами, то давным-давно пришла бы повидать вас. Но если вы не одумаетесь и не измените сами устои своей жизни, я могу отложить сражение с англичанами и выступить против вас, чтоб сталью (если другие способы окажутся бессильными) очистить ваше безумное кощунство и положить край вашей ереси или вашим жизням. Но если вы решите вернуться к католической вере и Свету Небесного Учения, пришлите ко мне своих послов, им будет сказано, что следует делать.

Однако если вы изберете сопротивляться, помните о том, какие разрушения и оскорбления вы нанесли, и ожидайте меня, ту, которая принесет то же самое вам силами человеческими и Небесными.

Писано в Сюлли в двадцать третий день месяца марта еретикам Богемии.

Писчик — Паскерель».[125]

...«Дражайшие мои друзья![126]

Да будет вам радостно узнать, что я получила ваши письма, которые упоминают о том, как до короля были донесены новости о многочисленных предателях в Реймсе. Хочу заверить вас, что вы поступили верно, рассказав королю о них, сокрытых обманом и готовых предательством передать город бургундцам. Король рад узнать, что

---

[125] "Jesus, Mary

For a long time the rumor and voice of the people have reported to me, Joan the Maiden, that from true Christians you have become heretics, and like the Saracens..." и далее. Letter to the Hussites (March 23, 1430). [4]

[126] Жителям Реймса.

заговор раскрыт, такое доказательство вашей верности сильно порадовало его. Знайте, что он очень расположен к вам и что, если вам доведется сражаться, он окажет вам всяческую поддержку, если дело дойдет до осады. И ему хорошо известны все мучения, которые вам довелось вынести от предателей, желавших победы бургундцам. Итак, король освободит вас, если на то будет Воля Божья, очень вскоре — то есть настолько скоро, насколько быстро смогут дойти солдаты королевской армии. Прошу и умоляю, мои дражайшие друзья, защищать город ваш ради короля нашего... и хранить неустанный дозор. Вскоре мои радостные новости достигнут вас более детально. Пока же я ничего не буду писать Вам, кроме того, что Бретань теперь принадлежит Франции и герцог должен прислать королю три тысячи солдат, которым уплачено за два месяца вперед.

Вверяю вас в руки Господни, да охранит Он вас.

Писано в Сюлли в двадцать восьмой день месяца марта.

Жанна».

...— Банда наемников... Теперь ты — во главе банды наемников.

— Хватит, Паскерель, довольно. Не происхождение делает человека человеком... Иногда нескольких часов, проведенных на кресте, достаточно, чтобы преобразить всю свою жизнь.

— Для этого рядом должен быть Христос...

— А разве это не так? Разве не с каждым из нас Он ежесекундно? Во что же ты веришь, исповедник мой, если сомневаешься в этом?..

...— Вы — люди, которых я призвала в свою армию! Мне не важно, кем вы были, где сражались и чем жили... Это было раньше. Мало с кем жизнь обращается ласково. Я понимаю, что многим из вас доводилось совершать не совсем богоугодные поступки. Но это было раньше, а теперь вы здесь, со мной, и можете все начать заново. Воспользуетесь вы этим шансом или будете жить так, как жили до того, не скажет никто, кроме вас самих. Я не буду карать тех, кто согрешит, но и в рядах своего войска я таких не потерплю. Победа берется не числом, но отвагою и мужеством!!! Вперед, солдаты мои!!! На помощь братьям нашим в Компьене!!!

Начало апреля 1430. Франция и Жанна.[127] Ланьи

— Слыхал? Говорят, наша Жанна чудеса творит... Говорят, поутру она пошла в церковь, а там заплаканные женщины молились, потому что у одной из них дите было при смерти уже три дня: задыхалось так, что почернело совсем... Некрещеное дите было, а мать все переживала, что некрещеных нельзя хоронить на церковном кладбище. Вот и молилась, чтоб Господь позволил хотя бы окрестить бедняжку.

---

[127] "Early in April, while at Lagny, Jehanne happens upon a group of women praying. One young mother is holding a baby son that had showed no signs of life for three days..." [6]

"Jehanne learns that Franquet d'Arras, a mercenary, has departed Paris headed north with a troop of 300-400 Anglo-Burgundian soldiers..." и далее. [6]

Вот, значит, пришла Жанна в церковь и увидела этих женщин... Узнала, в чем дело, и стала на колени перед статуей Богородицы... Не прошло и пяти минут, как дитя порозовело, зевнуло три раза и начало приходить в себя. Говорят, ребенок прожил столько, сколько понадобилось, чтоб его окрестить, а потом почил с миром...

Вот скажи мне теперь, кто же эта Жанна, что ей такие дела подвластны?..

Хотя чего я не могу в толк взять... Вот ребенка полумертвого она смогла с того света вернуть, чтоб окрестить его и похоронить в освященной земле... а денег у короля раздобыть не смогла, чтоб себе отряд посильнее нанять... Хотя... она ж говорит, что сила не в том, сколько людей... Может, ей и нас хватит.

А что?!! Мы вояки хоть куда, и лошади у нас отменные. Как налетим на бургундцев да англичан, будет им второе Патэ.

Верно Жанна говорит... все верно... Послушаешь ее, бывает, и всю жизнь переменить хочется...

Эх... понимать бы еще, как...

...— Подъем, солдаты! Подъем!!! По коням!!! Франке из Арраса покинул Париж!!!

...— Говорят, этот Франке еще тот разбойник... и смелый капитан в придачу... Говорят, с ним четыреста солдат...

— Но и нас не меньше, не волнуйся...

— Так у него половина — лучники...

— И что с того? Пришпорить лошадь и ни о чем не переживать — вот и все, что тебе надо сделать! Разве много?..

— Да вроде и не много... Только... боязно. Патэ-то одно было...

— А раз было, значит, и повториться может! Я Жанне верю.

— А я вот не знаю... Если верно, что Господь послал ее, почему теперь Он отнял у нее Армию, а взамен дал лишь один отряд?.. Разве мы стоим целой Армии? Много вопросов разных... И кто ответить сможет?..

— Что-то ты распереживался... Драка на носу, а ты места себе найти не можешь... Смотри... услышит тебя Господь, да и призовет, чтоб на все вопросы ответы дать...

— Типун тебе на язык, дурак ты эдакий... Кто ж так шутит?!!

— А что ж пугаешься так сильно? Ты ответов ищешь или боишься, что ответят не то, что хочешь?

— Ну, дурак!!! Говорю ему, беду не накликай, а он продолжает, словно оглох вдруг!..

— Да разве смерть — это такая уж беда? Ведь из тех просторов Жанна...

...— Вперед!!! В атаку, солдаты мои!!! В атаку!!!

...— Отбили... отбили атаку...

— Не бояться!!! Не бояться, солдаты мои!!! Вперед!!!

...— Мы прижали их к изгороди!!! Им некуда бежать! Третьей атаки им не выдержать!!! Вперед!!!

...— Бей! Бей!! Бей!!!

...— Та, кто называет себя Девой Жанной... — говорил высокий мужчина в измятых латах, понуро опустившийся перед ней на одно колено, — прими меч Франке из Арраса... я сдаюсь тебе.

17-22 апреля 1430. Франция и Жанна.[128] Мелен

— Где Жанна?..

— Молится в церкви...

— Тот человек... Жак Гийом... на которого Жанна хотела обменять Франке... англичане уже казнили его.

— Наверное, хороший был человек, раз Жанна вступилась за него... Царство ему Небесное... и да утешит его Господь.

— Все они были мужественными людьми... они и монахи, которые им помогали.

— Если бы восстание состоялось, Париж был бы наш.

— Париж никуда не убежит, а вот людей, которых схватили англичане, уже не вернешь. Говорят, больше ста человек тайком побросали в Сену, некоторых казнили прилюдно...

— Сама смерть не так страшна, как смерть бессмысленная... Погиб, значит, Жак Гийом... что ж... тем хуже для Франке.

...— Отче... Господь мой... Неужели нельзя мне пасть на поле боя?.. Неужели позорный плен неизбежен?.. Как боюсь я позора, как боюсь... Позволь мне умереть достойно, позволь мне погибнуть, как подобает солдату Твоему. Зачем же Ты все повторяешь, что плен неизбежен?..

...До дня Святого Иоанна, — говоришь Ты...

...Как страшно мне, — говорю я...

...Будь мужественной, — говоришь Ты...

...Все мое мужество — в Тебе, — говорю я...

...Значит, не усомнись во Мне, — говоришь Ты...

...Как же мне страшно, — говорю я...

...— Паскерель, друг мой...

— Жанна!.. Что с тобой? Ты вся горишь...

— Не важно... это не важно. Расскажи мне про Святого Иоанна...

— Про Иоанна Апостола или про Иоанна Крестителя?..

— Не знаю... не знаю... не знаю... Расскажи про Крестителя...

24 апреля 1430. Франция и Жанна.[129] Санлис

— Что там, Паскерель?..

— Подкреплений нет.

— Король обещал мне...

— Я знаю, Жанна.

---

[128] "Between April 17 to the 22nd — Jehanne is at Melun. The voices tell her it is God's will that she be captured before St. John's Day (June 24)..." и далее. [6]

[129] "The 24th — Jehanne is at Senlis awaiting reinforcements from Charles. The record of her whereabouts now goes silent until May 14th when a reception is held in her honor in Compiegne..." и далее. [6]

— Может, они задержались в пути?..
— Может...
— А ты в это веришь?
— Нет.
— Получается, что подкреплений не будет...
— Получается так.

14 мая 1430. Франция и Жанна.[130] Компьень

— Жанна, что ты здесь делаешь?.. Тебя ищут гости...
— Не меня... не меня они ищут... не меня!!!
— Почему ты плачешь, Жанна? Весь Компьень собрался приветствовать тебя...
— Да не меня же, Паскерель! Весь Компьень собрался приветствовать Освободительницу!!! Орлеанскую Деву, которая и с этого города снимет осаду за девять дней! Но здесь не Орлеан, и я не Освободительница! Мне не дано помочь Компьеню, не дано!!!
— Перестань, Жанна, не рыдай так горько... И не наговаривай на себя, пожалуйста... Ты именно та, кто ты есть, Освободительница. Ты уже освободила Францию, ты заставила людей возжелать свободы сильнее всего, а Желание — мать Свершения...
— Но Компьень... я ничем не смогу помочь ему...
— Предоставь судить об этом жителям города. Ты нужна им...
— Плененная?
— Самоотверженная.
— О... как тяжело мне, святой отец... как мне тяжело...
— Но так и должно быть, Жанна, и слабость должна прийти, чтобы быть поверженной силой... Ведь именно сила Духа, мужество твоего сердца — именно они становятся Свершению Отцом.

16 мая 1430. Франция и Жанна.[131] Компьень

— Бургундцы взяли Шуази... Это была надежная крепость, но мы не удержали ее... Почему так вышло?.. Почему?..
— Жанна, девочка моя, но ты же знала, что так будет...
— Будущее не предрешено! В настоящем существуют лишь очертания, и от нас зависит, что произойдет на самом деле. Если бы я только успела с подмогой чуть раньше... если бы я только успела!.. Как научиться, Паскерель?!! Как научиться успевать везде?!!
— Жанна, девочка моя...
— Ничего... еще можно изменить положение, если я приложу все силы! Я это знаю, я это чувствую... Надо просто стараться — и неизбежное будущее станет податливым, словно воск! Истинное Пламя размягчает все!

---

[130] "Sunday, the 14th — Jehanne is in Compiegne for a reception in her honor..." и далее. [6]

[131] «Крепость Шуази не устояла под сильнейшим напором артиллерии герцога Бургундского. 16 мая Луи де Флави со своими людьми пришлось оставить ее и укрыться в Компьене...» и далее. [6]

"Tuesday, the 16th — The Burgundians capture Choisy on the north bank of the Aisne and control an important bridge. Jehanne may have joined the battle near its end, but must return to Compiegne..." и далее. [6]

— Истинное?..

— Любовь, Устремление, Вера... именно они творят Чудеса!

— Жанна, дорогая...

— Если я буду устремляться, если всю себя вложу в то, что делаю, никто не будет в силах остановить меня!

— Жанна!!! Это тебе не под силу!!! Как ты не понимаешь... это Воля Божья. Он Рукоположил тебя на подвиг, но как можешь ты сказать: «Отец мой, вот это и это я приму, а остальное пусть делает кто-то другой?» ВСЕ ЭТО — и есть твой Подвиг!!!

— Но... но...

— Ты не представляешь, как мне не хочется, чтоб ты умирала... и тем более, чтобы ты умирала в руках англичан... Но на то не твоя воля и не моя, а Его... Смирись, девочка... Позволь событиям развернуться так, как задумано... как задумано Им. Великими называют только мучеников.

— Но я могу все изменить... Я могу победить бургундцев...

— Твое главное сражение — вне пределов земных. Душа твоя — поле рати, и Вере суждено сразиться там с отчаянием, Верности — с предательством, Силе твоей — с твоей же слабостью. Чем победишь в этом сражении, если перестанешь Любить Господа твоего и будешь стремиться не принять сужденное, но изменить?..

...— Я все равно... — твердила Жанна, шагая прочь из комнаты своего духовника, — все равно... смогу. Я не хочу сдаваться бургундцам, не хочу, не хочу...

17 мая 1430. Франция и Жанна.[132] Компьень, Суассон

... — Сестры мои милые... откройте мне, когда буду я пленена... Скажите мне, скажите... Но почему же молчите Вы?.. Ведь никогда раньше Вы не молчали... Не покидайте меня... будьте со мной... будьте рядом...

...— Жанна... мы выступаем...

— Да, Паскерель... я иду... иду...

— Жанна... я хотел сказать тебе...

— Не надо, друг мой... Если пленение неизбежно, то слова ничего не изменят. Я уже много раз молила моих Сестер открыть мне, где и когда я буду пленена... но они молчат. Они, которые никогда не отказывали мне ни в совете, ни в слове поддержки... теперь Они немы.

— Может быть... они понимают, что, узнав сужденное время и место, ты сделаешь все, чтобы избежать пленения?

— Может... но не об этом хотела я сказать. Будь что будет, грядущее — в Руках Господних... но настоящее — в руках моих. Не утешай меня более, не надо, и постарайся забыть о днях, когда я была так ужасно слаба. Сколько бы ни оставалось мне, я вся вложусь в эти дни... чтобы бургундцам не досталось много.

---

[132] «Через день Жанна вместе с Реньо де Шартром и графом Вандомским покинула Компьень и направилась к Суассону, чтобы попытаться переправиться через Эну и напасть с тыла на бургундцев напротив Шуази. Но капитан Суассона Гишар Бурнель, согласившись пропустить Деву и двух высокопоставленных сеньоров, отказался впустить солдат, ссылаясь на то, что горожане не хотят их содержать». [8]

Вперед, друг мой! Сегодня мы зайдем врагам в тыл и выбьем их из Шуази!!!

...— Вы капитан Суассона Гишар Бурнель?

— Я... А вы...?

— Это не так важно. Нашему отряду необходимо остановиться в вашем городе, а утром — перейти мост через Эну.

— Как я понимаю, вы собираетесь зайти бургундцам в тыл?..

— Это тоже не важно, капитан. Скажите лучше, окажете ли вы нам содействие?

— Мне нужно... *подумать*... Вы собираетесь сильно разозлить тех, кто, возможно, скоро станет хозяевами этих земель. Давайте сделаем так: Дева Жанна, достопочтенный капитан Компьеня Гийом де Флави и монсеньор епископ... ох, простите, архиепископ... так вот... вы переночуете внутри Суассона, а ваши солдаты останутся снаружи. У моих горожан нет большой охоты кормить столько голодных ртов.

...— Мсье Бурнель... разрешите зайти к вам?

— Да... Ох... это вы, монсеньор архиепископ...

— Неужели вы ждали кого-то другого? — усмехнулся Реньо де Шартр. — Помнится, вы говорили, что имеете нужду определиться с некоторым щекотливым для вас решением...

— Да, монсеньор, это так. Вы... э-э-э... знаете, как помочь мне?..

— Надеюсь, что да. Посмотрите на эти маленькие круглые аргументы... в них столько убедительности...

— Хм... должен сказать, вы умеете вести переговоры. Хотя... аргументов все же маловато, чтоб я разрешил переправиться через мост.

— Должен сказать, мсье Бурнель, вы не совсем верно меня поняли. Я привел вам столько аргументов для того, чтоб вы нашли предлог *отказать* нам.

— Простите... но я не совсем понял... Вы платите мне за то, чтоб я не позволил вам перейти на другую сторону Эны?.. Я, наверное, чего-то не понимаю?..

— Боюсь, что слишком многого, мсье. Но вы ведь сможете сделать то, что мне нужно?.. Вот и славно. В таком случае, доброй ночи, мсье Бурнель.

18-21 мая 1430. Франция и Жанна.[133] Суассон, Крепи-ан-Валуа

...— Как я уже говорил вам вчера, жители вверенного мне Господом города опасаются открывать врата перед таким большим количеством солдат. Поэтому пересечь мост через Эну я могу разрешить лишь вам, Дева Жанна, и вам двоим, достопочтенные сеньоры... если вы все же пожелаете перейти Эну без солдат.

---

[133] "Monday, the 22nd — Jehanne is in Crepy-in-Valois. She had been forced to divide her troops, as the surrounding countryside was not able to provision them. She has Baretta left and some 200-300 cavalry troops. Jehanne receives word that the Duke of Burgundy has arrived just outside of Compiegne on the other side of the river. Jehanne and her men leave at midnight for Compiegne. Her own men try to dissuade her from going to the inevitable confrontation. Jehanne responds with her headstrong spirit, 'By my staff, we are enough! I shall go to see our good friends at Compiegne'..." и далее. [6]

...— Капитан Флави...

— Да, монсеньор архиепископ...

— Время близится.

Капитан нахмурился и покачал головой.

— Вы требуете от меня... невозможного. Это же... предательство.

— Нет, — жестко усмехнулся архиепископ Реймский, — я ничего не требую. И, к тому же, мне не хотелось бы спорить о понятиях... потому что оказание услуги королю Франции — это вовсе не предательство.

— Вы... Я знаю, что если откажусь, то головы мне не сносить.

— Ну и что? Разве это плохой выбор? С одной стороны — ваша голова, а с другой — ложные представления о верности, через которые я предлагаю вам переступить. Если ваши принципы настолько сильны, найдите в себе мужество, чтобы остаться верным принципам, а не королю... но если здравый смысл одерживает верх, вам следует прислушаться к его голосу. Однако выбор все равно за вами... только за вами.

— Я не знаю... не знаю, смогу ли... Мне противно даже думать об этом.

— Мсье Флави... у вас есть еще шесть дней, но ни днем больше: ведь через Уазу надо еще построить лодочный мост. Постарайтесь распорядиться этим временем мудро.

...— Жанна... разреши войти.

— Да, заходи, Паскерель.

— Уже ночь... Я думал, ты спишь...

— Не спится... У тебя какие-то новости?

— Да... но не очень утешительные. Гишар Бурнель продал Суассон герцогу Бургундскому.

— Каков мерзавец... Теперь понятно, почему он не хотел пускать нас в город... Боялся, что мы пронюхали про его сделку и пришли выставить его вон. Ну а дурак каков! Будто бы дел у нас больше нет, кроме его несчастного городишка... Что там бургундцы?

— Подтягивают силы к Компьеню... Здорово укрепились возле Марни.

— Значит, надо возвращаться.

— Конечно, надо... Но нам пришлось распустить часть войск, ты помнишь? Местное население не в состоянии содержать столько солдат...

— Хватит причитать, людей достаточно! Завтра же надо навестить наших друзей в Компьене... Так ты говоришь, бургундцы укрепились возле Марни?.. Наверное, надо навестить и их.

22 мая 1430. Франция и Жанна. Часовня церкви Сен-Жак, Компьень

В часовне подвывал ветер... плакал, словно брошенный щенок.

Солнце смотрелось в витражи, и цветные пятна расплескивались от его взглядов по полу.

На коленях перед распятием стоял маленький мальчик, по его лицу бежали слезы, а плечи подрагивали.

В воздухе все еще витали слова, с которыми Жанна обратилась к прихожанам после утреннего молебна: *«Дорогие друзья и дети, я должна сказать вам, что я была продана и предана и скоро погибну. Я прошу вас молиться за меня; скоро я больше не буду иметь никакой возможности служить королю и королевству»*.[134]

Но люди не поверили ей. Непонимающе переглянулись и разошлись по домам: кто может погубить Орлеанскую Деву?

И только один мальчик остался в церкви... Он все смотрел и смотрел на Жанну, а она смотрела на него, а потом расплакалась и выбежала прочь.

Мальчик тоже заплакал... Он понял, что все сказанное было правдой.

Ему стало страшно, ветер выл, как никогда раньше, и блики весеннего солнца были холодны.

Пав на колени перед алтарем, мальчик молился за Жанну, и невидимые ему Ангелы плакали, молясь перед алтарем рядом с ним.

23 мая 1430. Франция и Жанна. Сражение близ Марни

[Из записи хрониста]

«И она взобралась на лошадь, облаченная в доспехи, подобающие более мужчине, с золототканой накидкой поверх брони. Она ехала на прекрасном сером скакуне, очень красивом и гордом, и была подобна отважному капитану, который вел в бой огромную армию. Именно в таком облике, с высоко поднятым знаменем, которое трепетало на ветру, окруженная многими благородными людьми, она выехала из города и устремилась в атаку... и было четыре часа пополудни.

Как только она ворвалась в ряды армии бургундцев, неприятельские солдаты были отброшены назад и обращены в бегство к своему лагерю. Лишь они выступили снова, Дева устремилась во вторую атаку и снова отбросила их до самого лагеря. И в третий раз атаковала она бургундцев, но смогла отбросить их лишь на половину пути. Английские войска поспешили на помощь бургундцам и устремились в нападение, чтобы отрезать Жанну и ее солдат от Компьеня, и многие солдаты Жанны испугались и начали отступать к городу...»[135]

...— Жанна!!! Нужно прорываться к Компьеню, иначе мы останемся здесь навечно!!!

— Еще не время!!! Поражение бургундцев только от нас зависит!!! Думайте лучше не о бегстве, а о том, как ударить посильнее!!!

...— Жанна!!! Жанна!!! Теперь нам точно не устоять!!!

---

[134] «В один из последних дней в Компьене она, по обычаю, пришла на раннюю мессу в церковь Сен-Жак и по окончании службы, видя вокруг себя множество простолюдинов и их детей, глазеющих на нее, сказала...» и далее. [11]

[135] “She mounted her horse, armed as would a man, and adorned in a doublet of rich cloth-of-gold over her armor...” и далее. [6]

— Да тихо вы... теперь и сама вижу. Откуда у бургундцев столько подкреплений?.. Ладно... отходим к мосту... К мосту!!! К мосту!!!

...— Жанна...

— Защищай мост, солдат! Поражай противника или умри, но не отступи!!! Мы прикрываем отход соратников, и мы взойдем на мост последними... или же останемся здесь!

— Но, Жанна!!! Капитан Флави закрыл ворота Компьеня!!!

— Что?!!

— Ворота Компьеня закрыты!!! Капитан Флави оставил нас на смерть!

— Без паники, солдаты!.. Переправляйтесь на тот берег и спасайтесь на свое усмотрение!!!

«...Гийом-Гийом... вот уж не думала, что твоей стрелой меня судьба настигнет...»

...[Из записи хрониста]

«И тогда Дева, превозмогая природу женщины, силою духа встретила натиск бургундцев и приняла многие страдания, дабы уберечь своих солдат от погибели, оставаясь позади отступавших, как храбрейший из капитанов. Когда враги увидели это, то попытались захватить ее в плен, но она сопротивлялась с великой силой и мужеством. В конце концов, пять или шесть солдат попытались захватить ее сообща, один — хватая рукою ее, остальные — хватая за сбрую ее коня, и все они говорили: «Сдавайся мне и дай обещание не сбежать!», на что Дева ответила: «Я поклялась в верности другому, и ему свою верность сохраню». И тогда один из лучников, человек крутого нрава, которому сильно досаждало, что женщина, о которой он так много слышал, вот-вот справится со столькими отважными мужчинами... схватив ее сбоку за накидку из золотого полотна, стянул с лошади, и она плашмя упала на землю. Ее солдаты пытались прийти на выручку и помочь ей снова взобраться на лошадь, но тяжелый латник, имя которого было Бастард Вандомский, подоспел, как только она упала, и с яростью бросился в бой...»

...— ЖАННА!!!

— Отступитесь от меня, дайте мне встать, отступитесь!!!

— ЖАННА!!!

— Прочь, прочь, прочь!!!

— МЕНЯ ЛИ ГОНИШЬ, ЖАННА?..

— Я... я не пони... Ты ли это, Владыка?..

— ПРИШЛО ВРЕМЯ, ДЕВОЧКА МОЯ... СЛОЖИ ОРУЖИЕ... СДАЙСЯ. ОТНЫНЕ НЕ С НИМИ СРАЖЕНИЕ ТВОЕ.

Книга II. Дыша Жанны

Часть II. Плененная

Письмо герцога Бургундского Филиппа Доброго, направленное «в добрые города своего государства»

«Волею нашего благословенного Создателя женщина, называемая Девой, была взята в плен. Ее пленение докажет заблуждения и безрассудность доверия всех тех, кто проявил к деяниям сей женщины благосклонность и одобрил ее поступки... И мы сообщаем вам сию новость в надежде, что она обрадует и утешит вас и вы возблагодарите Создателя нашего, своей доброй волей соблаговолившего направить наше рвение на благо государя нашего, короля Англии и Франции, к утешению его добрых и верных подданных...»[136]

24 мая 1430. Плененная Жанна. Замок Клэруа[137]

Сырой воздух давил на плечи... Казалось, не влага, но именно промозглый страх пронизывает все.

«Плененная...

Плененная...

Плененная...» — звучало в ней.

«Так должно быть.

Не бойся.

Держись». — звучало вне ее.

«Не сломаться... только бы не сломаться».

Зима в замке Сюлли-сюр-Луар показалась вдруг сказкой.

Ведь там был камин.

...Взгляды стражников, которых приставил к ней герцог Бургундский, выражали испуг. Непонятно, кто больше боялся находиться здесь — она или стражники.

...«Что делать?..»

Она бросалась из стороны в сторону... от одной стены камеры к стене другой.

---

[136] [8]

[137] "Jehanne is taken to Clairoix (about five miles away) for a few days and then to Beaulieu.

...Her brother Pierre is also taken prisoner (he will eventually be ransomed several years later). Jean d'Aulon was also taken prisoner and allowed to continue to attend to her". [6]

Пленников, проявивших покорность, никогда не держат в камерах. Почему же ее заперли в четырех стенах?.. Боятся, что она сбежит?..

Бежать!!! Бежать!!! Какое зовущее слово!

Бежать и не останавливаться; не замечать ни сел, ни дорог; бежать прочь, прочь, прочь из этой камеры!

Бежать... словно копье вонзается в сердце!

И сердце обливается кровью...

И слезы застилают глаза...

«Прочь, призраки!!!!!!!

Вам не сломить меня! Не сломить!!!

Не имеете вы власти надо мной!

Не заставите усомниться!

Слышите!!!

Прочь!!!!!!!!!

Сестры мои со мной!!!

Сестры мои со мной!!!»

Голоса... голоса... Как много голосов вокруг... Почему так много голосов вокруг?.. Почему так силен страх?.. Почему она — словно и не она вовсе?!!

От одной стены до другой... от одной стены до другой.

Испуганные взгляды стражников...

...Медленно закатывалось солнце.

Медленно вползали в камеру отсветы горящих в коридоре факелов.

Мрак окружал все плотнее, и отвратные оскалы раскрывались над ней. Лишь закушенная до крови губа помогала не закричать от ужаса.

...Факелы... У стражников были факелы... Как хорошо было стражникам!

...«Жан!!! Дорогой Жан д'Олон! Где ты сейчас, почему тебя нет рядом?..

Пленный... Ты тоже пленен. Тебе даже позволяли приходить ко мне, чтобы "слова утешения" стальным холодом разлились по внутренностям, словно от ножа, вонзенного в живот.

Пьер!!! Брат мой... пленен и ты. Почему все получилось так? Почему все получилось именно так?!!»

...Слова... Сестры рядом, но почему так блеклы их голоса?.. В них нет больше мира или надежды... в них нет покоя... будто и не было никогда.

...«Почему?!!

Почему?!!

Почему?!!»

26 мая 1430. Письмо Парижского Университета герцогу Бургундскому Филиппу Доброму[138]

«Вышеупомянутая женщина, которая называет себя Девою, сверх всякой меры оскорбляла честь Господню, до крайней степени поносила веру, бесчестила Церковь, так что идолопоклонство, ереси и немыслимое

[138] [9]

зло распространились в этом королевстве. Мы просим Вас, могущественного и почтенного господина графа, ради чести Господней и святой католической веры отдать эту женщину под суд. Пришлите ее сюда, чтобы предать ее трибуналу Парижской инквизиции, и Вы тем самым приобретете милость и любовь Всевышнего».

Конец мая 1430. Плененная Жанна. Замок Клэруа[139]

Серое утро сменялось серым вечером.

Серый вечер обращался в сумрак ночи.

Сумрак ночи вытеснялся серым мерцанием рассвета.

На смену рассвету приходил день, полный отзвуков, которые доносились со двора замка.

Жизнь, казалось, замерла в промозглой и сырой камере.

Вчерашний визит герцога Бургундского казался далеким и нереальным.

— Здравствуй та, которая величает себя Девой Жанной.

— Здравствуй... тот, который служит Бедфорду.

— Я служу лишь своей Родине! И служу верно!

— Верный слуга не распродает того, что доверил ему Хозяин.

— Как смеешь ты, простолюдинка, врунья и еретичка, дерзить мне, герцогу Бургундскому?!!

— Разве происхождение делает человека благородным?

— Благородство рождается только от благородной крови!

— Разве благородные по крови никогда не поступают, как подлецы?

Молчание... шаги... косые взгляды герцога...

Лучики солнца за решеткой окна.

— Бывает, что и поступают... Но такие не имеют права более называться благородными.

— А простолюдин разве не может поступить так, что самые благородные люди почтут за честь преклонить перед ним колени?

— Не слыхал я о таких простолюдинах...

— Неужели ты не преклонил бы колени перед Апостолами?

Онемевший герцог... медленно приходящий в себя...

— Но... кхх... кхкхх... Ты-то как можешь судить об этом? Ты, еретичка...

— По каким поступкам признал меня виновной?

— Ты... бесовской силой совершаешь невозможное.

— Разве стремление освободить Францию — от беса?

— Если бы французы хотели стать свободными, они давно освободились бы и без тебя!

— Когда человек болен, он не вспашет поле... сначала его нужно вылечить.

— И ты, надо понимать, вылечила Францию?

— Такое под силу только Господу. Служить Ему — мое счастье.

---

[139] "The Duke of Burgundy himself comes to see Jehanne, but there is no record of what was said at their meeting". [6]

Молчание... шаги из стороны в сторону.

— Если бы Господь хотел, чтоб мы тебе поверили, Он послал бы Знамение... И тогда мы...

— И тогда вы сказали бы, что оно — от беса... Орлеан свободен, Реймс свободен, король коронован... а вы все ищете знамений... Я долго не могла понять, как люди могли распять Христа... Ведь все, что нужно было сделать, — это просто поверить...

— Ты вовсе не Христос!!!

— Но не поверили даже Ему!

— Остепенись! Не тебе говорить об этом! Церковью ты названа еретичкой...

— Одни священники поют мне хвалебные гимны, другие — нарекли ведьмой... Кого из них ты зовешь церковью?

Шаги... снова шаги и косые взгляды.

— Но кто-то же из них прав!!!

— Да...

— И кто?!!

— А ты сам, как думаешь?

— Я думаю, что ты была выгодна французским святошам, вот они и нарекли тебя посланницей Божьей.

— Да, но английским святошам я не выгодна... Не потому ли они называют меня ведьмой?

Молчание... долгое молчание...

— Мне вовсе не нужно тебя в чем-то убеждать... Я сам не пойму, почему это делаю.

— Ты не можешь смириться с тем, что не находишь нужных слов перед крестьянкой.

— Зато, как я вижу, слова очень хорошо находишь ты...

— Мне незачем их искать... О любимом можно говорить бесконечно. Слова иссякают, лишь когда уходит свет, их зажигающий.

Скрип дверной решетки.

— Посмотрим, как ты священников переспоришь...

1430. Плененная Жанна. Письмо архиепископа Реньо де Шартра жителям Реймса

«...Ее обуяла гордыня, она носила роскошные одежды и не следовала велениям Господа, действуя по своей прихоти... но вот, отрок Гийом, боговдохновенный... говорящий то же, что говорила и Жанна... который совершит дела много более значимые...»[140]

---

[140] В летописях встречается всего одно упоминание об этом пастухе — именно в письме архиепископа Реймского (полный текст письма мне найти не удалось). Неизвестно, где Реньо де Шартр нашел молодого пастуха Гийома, который считал себя боговдохновенным... впрочем, дела этого Гийома также остались неизвестными. Что же до самого Реньо, то после пленения Жанны архиепископ Реймский не упускал возможности клеймить ее как гордячку, которая в стремлении к почету и роскоши отреклась от Миссии, которую даровал ей Господь, за что якобы и была Им оставлена.

4 июня 1430. Плененная Жанна. Епископский дворец недалеко от замка Нойон[141]

— Здравствуй, дитя мое...

— Здравствуйте.

— Ты знаешь, кто я?

— Нет...

— Я герцогиня Люксембургская, тетка Жана Люксембургского, в замке которого ты пребываешь. Стоит ли тебе говорить, что со дня на день мы ожидаем нового визита герцога Бургундского, сюзерена моего нищего племянника... Филипп Добрый прибудет в сопровождении Изабеллы Португальской, своей супруги, которая страстно желает лицезреть тебя... Что ты думаешь о предстоящем разговоре?

— Я не люблю думать о разговорах.

Герцогиня осмотрела Жанну и едва заметно усмехнулась.

— Тебя морят голодом?

— Нет... не морят.

— Почему же ты такая истощавшая? Не могу поверить, что ты такая по своей природе...

— Примерно такая, герцогиня...

— Посмотри мне в глаза... А теперь скажи мне, что тебя волнует больше всего?

— Свобода Франции...

— Почему же ты здесь? Если свобода Франции волнует тебя больше всего, значит, обет, данный тобою при пленении, для тебя не очень важен.

— Это так, герцогиня... Он меня почти не волнует.

— И...

— Я не могу убежать...

— Ты ведь не калека.

— Я не знаю, как выбраться из камеры.

— Тебя держат в запертой камере?!!

— Да... стражники меня очень боятся.

Жесткая усмешка герцогини.

— Говорят, ты творишь чудеса силою бесовской?

— Они так говорят.

— И кто именно, если не секрет?

Вздох Жанны.

— Я не хочу доносить... Пусть каждый сам за себя скажет. Чужие слова, что чужой воз, — кто на этом возу сидит, тот пусть и думает, куда он едет.

— Думаешь, есть доля правды в том, что англичане называют тебя колдуньей?

— Если б я сражалась за них, англичане называли бы меня святой... но я оставалась бы все той же.

— Разве служители Господа способны на клевету?

---

[141] “The 6th-Philip the Good (duke of Burgundy) arrives at Noyon with his wife, Isabelle of Portugal...” [6]

— Герцогиня... кто, по-вашему, является служителем Господа?

— Кто выполняет Волю Его, я думаю.

— Но сейчас одни христиане поднимают меч на других христиан... Те и другие кричат: «Во Имя Господне!», «С нами Господь!»... Кто же из них исполняет Волю Его?

Молчание герцогини... ее пристальный взгляд...

— Христос завещал любить врагов своих и благословлять презирающих нас. Кто меч поднимает на брата, тот волю Господа не исполняет. Никто из упомянутых тобой не исполняет Волю Его.

— Но когда хворь проникает в тело ваше, значит ли это, что тело ваше должно благословить хворь и дать ей погубить себя? Не происходит ли так, что вы выздоравливаете, а хворь, которая просочилась внутрь, погибает?

Новое молчание. Новые слова Жанны:

— Так и мы все — частички великого Тела Франции... И хворь, которая пришла убить это Тело, должна уйти в свои пределы... или умереть в неравном поединке.

— Почему же поединок неравный?

— Потому что Господь — с Францией.

— Неужели Господь всегда против завоевателей? Ты забываешь, что именно завоеватели строят историю!

— Историю строят строители! Сильную страну не захватить, так же как и сильную крепость не разрушить залпом из пушек... Завоеватели способны обратить в руины лишь трущобы... чтобы строители, которые придут следом, начали складывать из обломков Новый Храм.

Вновь тишина.

— Ты так искренне веришь, что ты — от Господа?..

— Герцогиня, простите мою дерзость, но посещали ли вы мессу прошлое воскресенье?

— Конечно...

— И вы так искренне в это верите?

— Что значит, верю?! Меня там видели десятки людей... Ничего не стоит пойти к ним и заполучить их свидетельства.

— Так знайте, герцогиня, что сотни и даже тысячи Ангелов готовы свидетельствовать за меня хоть сию секунду, и все, что надо сделать моим обвинителям, — это пойти к Ним и заполучить Их свидетельства. А кто обвиняет меня только на том основании, что не способен слышать ответы ангельские, тот не против меня гнев свой обращает, но против Духа Святого, который не увидать простым взглядом и не услыхать простым слухом, но который постоянно внутри каждого, свидетельствуя за каждое слово и каждую мысль перед Отцом нашим Небесным.

— Жан...

— Да, тетя... Вы хотели говорить со мной?..

— После визита Филиппа Доброго переведите Жанну в более достойное место. Не для нее сырые камеры замка Нойон.

— Вы полагаете...

— Я полагаю, что нам с тобой очень не повезло. Для Жанны невозможно миновать смертный одр, но горе тем, чьими делами смерть к ней придет.

— Но я... не могу... отпустить ее... и бежать ей я тоже позволить не могу...

— Прошу тебя лишь о времени, которое ты можешь дать королю Франции Карлу...

— Вы хотите, чтоб мы разрешили Карлу выкупить Жанну?

— Я хочу надеяться, что он захочет выкупить Жанну.

14 июля 1430. Плененная Жанна. Дорога и замок Боревуар

— Герцог Люксембургуский, я Пьер Кошон, епископ Бове. Пока мы держим путь в вашу обитель, поспешу поговорить о делах неотложных. Итак, Святой Матерью Церковью мне поручено передать вам настоятельную просьбу о выдаче женщины, которая называет себя Девой, в руки церкви для проведения разбирательства об обстоятельствах ее деятельности. Так как вы не ответили на мои многочисленные письма, я приехал поговорить с вами лично. Как вам известно, перед нашей беседой я был удостоен аудиенции у герцога Бургундского, Филиппа Доброго... и герцог не нашел достаточных аргументов для оправдания вашего молчания.

— Понимаю, ваше преосвященство.

— Боюсь, что нет. Я поясню, что вы затеяли крайне небезопасную игру с силами, о мощи которых даже не имеете представления.

— Вы угрожаете мне, ваше преосвященство?

— Я?!! Что вы... Я всего лишь человек из плоти и костей, который находится сейчас в вашей полной власти... Но есть силы, над которыми вы власти не имеете. О них я и призываю вас задуматься.

— Мне не о чем думать, ваше преосвященство, а Господь, о котором вы, должно быть, говорите, моему разумению неподвластен.

— Я вижу, герцог, вы недооцениваете не только меня, но и всех, которые стоят за мной... а напрасно. Хорошо, буду говорить начистоту: если вы надумали передать Жанну Карлу VII, гнев, который обрушится на вашу голову, будет ужасен.

— Хорошо, давайте поговорим начистоту. С одной стороны, жена герцога Бургундского, с другой — моя собственная жена слезно умоляют не выдавать вам Жанну... Кроме того, моя тетка недвусмысленно намекает, что лишит меня наследства, если я решусь поступить против ее воли, а воля ее с вашей не совпадает, как вы поняли. Кроме того, герцог Бургундский никак не может определиться, что нужно сделать с этой девкой, то рассуждая о лояльности англичанам, то — о времени, которое никуда не торопится... при этом ежесекундно ожидая от меня какого-то гениального решения, которое удовлетворит вас, англичан, и его совесть. Поэтому, если мы решились поговорить начистоту, должен сказать: вместе с вашими отдаленными угрозами надо мной висят другие, много более близкие. Надеюсь, я говорю достаточно откровенно?

Пьер Кошон долго буравил герцога взглядом, а потом хмуро покачал головой.

— В день сегодняшний вы стремитесь совершить ошибку, которая навредит не только вам, но и многим другим людям, герцог. Когда мы приедем, будьте любезны сразу же провести меня к вашей тетушке, с которой я желаю поговорить.

...— Герцогиня...

— Святой отец...

— Хорошо, что мы встретились и можем поговорить без свидетелей...

— Как знать, отче... как знать...

...— Господи правый, — побагровевший Кошон вылетел из зальной комнаты и перевел дыхание. Взглянул на герцога Люксембургского и покачал головой.

— Ваша тетка — настоящая еретичка! Если б не ее возраст и положение... Она не верит ни в Бога, ни в дьявола... Каких бед она наделает! Для всех было бы лучше, если бы она приняла великодушное предложение Святой Матери Церкви, но теперь... когда она так... откровенно... Боже правый...

Кошон перевел дух и вытер испарину со лба.

— Проводите меня к заключенной. Как епископ епархии, на территории которой она была взята в плен, я имею полное право побеспокоиться о сохранности ее души.

...— Здравствуй, Жанна, я епископ Бове, Пьер Кошон. Я хочу поговорить с тобой от лица Святой Матери Церкви. Не буду скрывать, что нас беспокоит много вопросов, но главнейший из них — твоя недавняя попытка бегства. Ты понимаешь, что подобными поступками ты вредишь себе так сильно, как никто другой?

— Я всего лишь хочу вернуться на помощь Компьеню... Они нуждаются во мне.

— Ты веришь Господу нашему Иисусу Христу?

— Да.

— Тогда ты должна понимать, что все в Руках Его, и если Его воля будет на то, Компьень будет взят, и никто не сможет противиться.

— Чтобы Господь дал победу, солдаты должны сражаться.

— Ты хочешь начать полемику по понятиям богословия?.. Вижу, что нет, и правильно, потому что речь идет не о написании новых трактатов или опровержении старых — речь идет о твоей собственной жизни.

— Моя жизнь — ничто по сравнению с сотнями жизней горожан Компьеня! Когда я запирала своих стражников в башне замка, я думала только о том, как помочь городу.

— Вверь все в руки Господни! Помни, что Он милостив и что... даже если, как говорят... в ближайшее время Компьень будет захвачен... тебе все равно надо надеяться на милость Его!

— Что?!! Говорят, что... Компьень...

— О, да... Как это ни прискорбно, говорят, что вскоре крепость не устоит и бургундские наемники учинят резню... Говорят, все, кто старше семи лет от роду, будут преданы огню и мечу... Каждый раз, когда я слышу об этом, мое сердце обливается кровью. Но мы должны верить в Благость Господа, если хотим стать достойными Царства Его.

— Резню?!!

— Прости, Жанна, мне пора.

— Погодите, святой отец, вы сказали, что наемники хотят учинить в городе резню?!!

— Верь, Жанна. И да пребудет с тобою Господь.

...— Вы знаете, кто я?

— Да, ваше преосвященство.

— Теперь забудьте о том, кто я.

— Да, ваше... мы поняли.

— Вы будете сторожить плененную Жанну сегодня ночью?

— Да, это так.

— Вечером, говоря друг с другом, вы красочно опишете сцены убийств женщин и детей, которые учинят наемники герцога Бургундского, как только захватят Компьень.

— Эээ...

— Вот. Этого хватит на разъяснение всего, что вам непонятно. Итак, после ваших рассказов пленница будет вне себя от ярости и отчаяния... Надеюсь, излишне говорить, что утешать ее не стоит. Когда отчаяние пленницы достигнет предела, вы уйдете, оставив ключи лежать таким образом, чтоб она смогла до них дотянуться. Проследите, чтобы двери, ведущие из башни во двор, были заперты, а те, которые ведут на крышу башни, открыты. Вы поняли меня? Славно. Надеюсь, не надо пояснять, что произойдет с вами, если хоть одно из моих указаний вы не выполните надлежащим образом?

...«Не делай, Сестрица!!!
Не делай, Сестрица!!!
Не делай, Сестрица!!!»

...— Компьень! К тебе лечу я!!!

16 июля 1430. Плененная Жанна. Замок Боревуар

— Ну что ж ты глупенькая натворила, а?.. Ш-ш-ш... Лежи спокойно... Боюсь, что если пошевелишься, то рассыплешься на части... Кто ж тебя надоумил-то?.. С такой высоты сигануть... Как ты жива осталась, не пойму?..

— Й... й...а...

— Тише, тише... Ты... конечно, ты, кто же еще...

— Се... се... стры... мо... и...

— Ну... я бы не стала говорить так... Мы просто твои друзья... Мы твои тезки, так что в именах ты не запутаешься. Я Жанна де Бетюм, супруга герцога Люксембургского... Помнишь, мы виделись, когда приезжал герцог Бургундский с герцогиней... Кроме меня, тебя любят и опекают моя дочь и тетка моего мужа... Тебе здорово повезло, что ты пришла в себя, когда с тобой рядом мы с дочкой... Суровая Жанна, тетка Жана Люксембургского, поговорила бы с тобой много строже.

— Се... стры... мои...

Г. Лекнер

— Тише, Жанна, ну тише... Не надо разговаривать: это заберет у тебя остаток сил и ты будешь выздоравливать до второго Пришествия.

— Й... й... йаааа... вижу... ваа...с... Сес...тры...

16 июля 1430. Плененная Жанна. Замок Боревуар

— Ты помнишь меня, дитя мое?

— Да... Вы герцогиня Люксембургская... Суровая Жанна.

— К чему смех? — резко обернулась герцогиня к Жанне де Бетюм. — Девица верно говорит. Вы все меня так за глаза называете, а она прямо сказала, не побоялась. Молодец, одно слово. А теперь, когда ты уже можешь связно говорить, скажи мне, девочка моя, почему ты не сбежала, когда тебя перевели в Болье-ле-Фонтен?..[142]

— Я заперла своих сторожей в башне и направлялась в подземелья, чтобы освободить брата и Жана д'Олона, но привратник встретился мне на пути и поднял шум...

— Ты могла бы ударить его, оглушить... Почему не сделала этого?

— За что мне было бить его? Он ведь не виноват, что он привратник, а я пленница. К тому же, ударить его я могла лишь факелом, а он был без доспехов... Я бы сильно покалечила его...

— Но ты сама говорила, что, когда тело заболевает, оно сражается до последнего, чтобы сохранить одежды душе, которая в нем живет... Убежав, ты могла бы помочь своей Родине, многим тысячам людей... Разве ради этого не стоило покалечить одного привратника?

— Нет! Не говорите так, герцогиня, мне страшно слушать ваши слова... Нельзя, нельзя так просто брать факел и бить им человека!

— Но ты же сражалась с англичанами? Девочка моя, посмотри мне в глаза и скажи честно — ты убивала?

— Нет!!! За все время сражений я не убила ни единого врага! У меня было Знамя, я не брала в руки меч именно потому, что не хотела убивать!

— Неужели ты все время была со Знаменем? Неужели ни одного раза не обнажила меч?..

— Бывало и такое... Но я старалась не бить мечом, а только отражать удары. А чаще всего я была со Знаменем и била древком, как копьем.

— Ты сбивала противников с ног?

— Да, почти всегда.

— Как ты думаешь, твои соратники могли добить их?

—...Наверное, да...

— Так можно ли говорить, милая Жанна, что ты вообще не приложила руку к убийству?

— Я не убивала, герцогиня!!!

---

[142] По свидетельству Р. Перну, это происходило в замке Болье-ле-Фонтен, хотя в то же время Перну допускает возможность, что это происходило и в замке Нуайон: «Для Жанны пребывание в Болье-ле-Фонтен было отмечено неудавшейся попыткой побега; мы охотно разделяем точку зрения, согласно которой пленница предприняла эту попытку после возвращения в Нуайон, когда узнала, что вскоре ее отвезут еще дальше и разлучат с братом и интендантом». [8]

— И ты не приказывала обстреливать крепости из пушек? Жанна, мне кажется, тебе надо понять, что...

— Я не убивала!!! Я не убивала!!! Я не убивала!!! — закричала Жанна, закрывшись руками. — И я правильно сделала, что не ударила привратника!.. Потому что с Компьенем все будет хорошо, и помощь придет еще до святого Мартина зимнего!.. Мне об этом Сестры рассказали, когда я лежала без сил... И они говорят, что я дурно поступила, когда бросилась с крыши и думала, что Ангелы меня подхватят... что даже всемогущий Христос не поступал так... зная, что нельзя искушать Господа своего!!! Так что с Компьенем все будет хорошо... И я им не нужна так сильно, как я думала, и помощь они получат... А мне Сестры сказали исповедаться и набраться смирения и мужества, потому что для Франции я ничего больше не смогу сделать... что теперь должна думать о том, как выстоять перед судом англичан...

— Герцогиня, — жалобно посмотрела на нее заплаканная Жанна, — а правда, что меня продадут англичанам?.. Сестры говорят, что вы того не хотите, но ничего не сможете поделать...

— Успокойся, девочка моя... — уголками губ улыбнулась герцогиня. — Пока я жива, тебе опасаться нечего.

...— Матушка...

— Что, дорогая?

— Вы были так жестоки с Жанной... Она ведь... едва может разговаривать...

— Тепло и забота должны предъявляться не телу ее, но душе.

— Разве вы заботитесь о душе ее, так на нее наседая?

Герцогиня пристально посмотрела на жену племянника и неожиданно улыбнулась.

— Кто-то же должен вооружить ее перед инквизицией...

Жанна де Бетюм на некоторое время онемела, а потом спросила, едва выговаривая слова:

— Вы полагаете, что этим закончится?

— Ах, не будь наивной, — отмахнулась от нее герцогиня. — Сколько мне осталось жить? В лучшем случае полгода... Думаешь, я не чувствую смерть рядом с собой? Дама с косой давненько ко мне на чай заглядывает и все моим здоровьем интересуется... А как не найду я, что ответить, так племянничек мой бесхребетный и отдаст Жанну Кошону в руки. Страшно представить, что ожидает ее... Как он подтолкнул нашу девочку прыгнуть с башни... идиот. Был бы умным, так понимал бы, что Карл отрекся от Жанны и теперь ждет лишь как можно более скорого процесса и костра.

— Но, матушка...

— Дитя! Ты все еще дитя! Поэтому старших слушайся да ума набирайся, а не перечь... Если б Жанна попала в плен по случайности, Карл давно уже прислал бы послов, чтобы предложить выкуп, а от этой шлюхи высокородной ни одного письма не пришло!

— Матушка... но, может, у него в казне совсем нет денег...

— Цыц, говорю... а ты все не унимаешься! Франция боготворит Жанну. Если бы Карл, не имея денег, написал обращение к жителям лишь одного Орлеана, скоро он имел бы такую сумму, что его самого можно было десять раз выкупить из любого плена.

— Думаете, пожертвовали бы... Орлеанская знать жадностью славится...

— Знать — да, но не простые горожане. Если десять торговцев по сто ливров дадут, то только тысяча наберется. А если тысяча горожан да крестьян из окружающих деревень по десять ливров сложится, то уже десять тысяч у тебя будет. А если вся Франция, которая Жанну полюбила любовью неземной, сложится деньгами — сколько наберется? А капитаны французские? Не думаю, чтоб Ла Ир, граф Дюнуа и герцог Алансонский, да и другие — вон их сколько с Жанной знакомы были! — ничего бы Карлу не предложили. Да только зачем Карлу их предложения? Жанну народ полюбил, а не его, потому что Жанна народу самое себя предлагала, а король только налогами новыми порадовать может... на содержание двора своего, ядом Тремуйя отравленного.

— Ох, дитя... — тяжело вздохнула герцогиня. — Иногда радуюсь я близкой кончине, потому что смотреть на всю эту мерзость не хватает ни сил, ни милосердия... Одно жаль: тебя, дурочку, оставлять в мире этом одну-одинешеньку...

Герцогиня отвернулась, пытаясь скрыть слезы, но секунду спустя снова подняла взгляд, и глаза ее снова были холодны и властны.

— Что о Жанне заботишься, то верно... Помнишь, как в Евангелиях Христос страшный суд вершил, овнов от козлов отбирая? В доме у нас та, которая вступится за тебя, когда День Тот наступит.

— Матушка...

— Да, дитя мое, матушка я тебе, матушка... хоть и не родная, но какая уж есть.

— Еще одно, — обернулась герцогиня от двери. — Не вздумай уготовить Жанне побег. Все идущие по стопам Христовым должны через свою Голгофу пройти. Не горе это для них, но Честь великая и Доверие, Царем Небесным оказанное. Жанна очень горюет об этом... Молода она да пылка больно... Не готова еще на Голгофу восходить. Хочешь помочь девочке — молись денно и нощно, чтоб Господь укрепил ее дух, дал ей мужества и смирения... больше даже смирения, чем мужества.

А теперь прости меня...

16 сентября 1430. Плененная Жанна. Авиньон. Смерть Жанны де Лини[143]

— Подойди ко мне, дитя мое... и не плачь так горько... Предначертанное всегда сбывается. Люди рождаются, взрослеют, стареют и умирают.

---

[143] «Но не военная операция решит судьбу Жанны. В начале сентября высокородная дама Люксембургская готовится ехать в Авиньон... приехав 10 сентября 1430 года в город пап, она почувствовала усталость и поняла необходимость написать завещание; не напрасная предосторожность: она скончалась 18 сентября...» и далее. [8]

— Ох, матушка...

— Тише ты... Когда уже научишься слушать, не перебивая, дурочка?

— Оххх... — печально вздохнула умирающая герцогиня, а затем, извиняясь, погладила Жанну де Бетюм по руке:

— Прости сердце мое черствое... Все тебя дочуркой назвать хотелось, а из меня только «дурочка» и выскакивает. А теперь слушай и не перебивай... пожалуйста.

Дочка, все в мире устроено так, что смерти нет. Падает семя в землю, растет, цветком становится и новые семена в землю роняет... а увядшее тело цветка дает этим семенам пищу. Смерти нет, есть только жизнь, которая все больше и больше над смертью торжествует. Тела наши смертны, но тела — прах земной, от земли взяты и в землю возвратятся... А то, что Господь в прах вдохнул, человека сотворяя, то после смерти к Господу отойдет.[144] Душа ли не больше пищи, а тело — одежды, в которую оно одето?[145] Тело — лишь одежды для души, а душа — такие же одежды для духа... Как тело ничто по сравнению с душой, так и душа ничто по сравнению с духом... Как душа живет в теле, так и дух — в душе.[146] Зачем же плачешь, когда изнашивается старое платье, которое паутиной опутывало душу, обрекая ее на бытие в просторах мира временного?

Не плачь, девочка... Утешение тебе дано будет, если не свернешь с той дороги, которой долгие годы уже идешь. У тебя доброе и открытое сердце, а глубины сердца — это и есть Престол Истинной, некнижной, мудрости.

Возьми ключ из-под подушки... Да, этот. Он открывает потаенную дверь в замке Боревуар... Помнишь, ты ее нашла как-то, а я строго наказала никому о ней не рассказывать, потому что за ней лежит Сокровище нашего рода? Ты сдержала клятву, и в день сегодняшний, скорбный для тебя, получаешь награду, которая утешит тебя в дни куда большей скорби, научит быть сильной, мужественной и верной истинным Заветам Великого Искупителя нашего — Христа Небесного.

Зайдя в комнату, спустишься по лестнице и внизу справа под третьим камнем от стены найдешь книгу... Читай ее внимательно, с сердцем открытым, учись мудрости и в каждый день своей жизни вноси ее. Когда понимать многое начнешь, захочется миру поведать, чтоб людей из темноты вывести, но делать так не смей, потому что люди мудрости не слушаются, а мудрость приносящих распинают. Расти любовь в сердечной мудрости, учись людям помогать, учись зла не помнить — и тогда многие этому же научатся и мудрость, которую ты сердцем и разумом познаешь, они подражанием тебе наследуют... Этого им хватит для начала Пути.

Про книгу запомни, девочка моя: церковью она анафеме предана, но церковь во многом ошибается теперь. Христос совсем другую Церковь строил. Если священнослужителей, кои в сути своей есть простые люди, слушать будешь, каким ухом услышишь голоса ангельские? Имя книги и

---

[144] Еккл. 12:7.
[145] Мф. 6:25.
[146] Евр. 4:12.

мудреца, который книгу написал, в сердце храни, в самой потаенной комнате, и не пускай туда никого.

В моей жизни было много людей, которые доверие вызывали, но в комнату сердца моего они так и не вошли... Ты первая и последняя, кому я передаю устремление Брата Оригена к познанию Истины, которую нам принес Христос и которая Одна может сделать людей Свободными. Истины о том, что Бог есть Любовь и что лишь через Любовь люди к Богу приходят. В названии книги все верно сказано: там изложены сами Начала, Основы разумения Пути — ведь как по Пути пойдешь, если Путь не понимаешь? Если за кем-то идешь, то и ладно: понимать нечего, главное — не отстать сильно да слушать, что объясняют... Но если сама, без Наставника, в Путь выходишь, то лучше изучить Свидетельство Мудреца, который Путь уже прошел и каждый Его поворот описал с любовью и трепетом... Отныне ты — преемница Его Мудрости, равно как и Мудрости Его Учителя... Истине лишь Путь Единения научит, потому будь верна и самоотверженна. Да не сломают тебя невзгоды... ведь каждый удар молота... меч духа кует.

А теперь, дочурка милая, прощайся со мной, потому что скоро в жизнь новую войду, которую Ориген признавал, а церковники отрицают... Страшный Суд каждый в себе носит... в сердце своем, в своих делах и помыслах.

— Матушка... матушка моя...

— Как хорошо... как радостно!.. Дай Бог и тебе в Жизнь Новую так же перейти, сделав все, что должна... Жаль только, что Жанну... Деву мы с тобой не переодели в платье женское: сильно ее за это инквизиция потреплет. Но на суде человеческом лишь человеки судят, и не на эти приговоры будет смотреть Господь, вынося вердикт Окончательный... Первый суд есть ничто, но второй есть Все. Жаль, что не довелось мне с Папой поговорить, как хотела... А может, это и к лучшему... — едва слышно усмехнулась она. — Кто знает, чем закончился бы такой разговор?..

Жанне ничем помочь уже не сможешь... Мой племянничек (береги его, кстати: олух он, но сердцем чистый)[147] ее англичанам продаст. Молись за нее страстно, и утешение себе в новых знаниях ищи.

Еще прошу. На могилку брата моего младшего, Пьера Люксембургского, сходи да в церкви о нем помолись... Там, куда уходим, хоть и Светлее для душ невинных, да кто ж невинен в этом мире? Каждая молитва звучанием Арфы Небесной в сердце ушедшего откликнется. Только не молись об упокое — никогда не будет подобной глупости... Молись, чтоб сил дали, и понимания, и любви — утешения на пути к Господу, который смертию не завершается... Всего святее Любовь, о ней молись — как для живых, так и для тех... для других... у которых и жизнь нынче другая...

А теперь прости, дочурка, иди... Смерть совсем уже близко, и тебе с ней встречаться пока ни к чему.

— Матушка...

---

[147] «Жан Люксембургский в 1420 году потерял глаз в Шампани, но тем не менее оставался доблестным воином». [8]

— Да, моя хорошая...

— Я сделаю все, как вы сказали: я буду читать эту книгу и буду людей любить, я буду искать Неба на земле, потому что вас там увижу... И про книгу я никому не скажу, кроме одного человека, которому отдам ключ перед самой смертью... Я не подведу вас...

— Знаю, милая... знаю... иначе выбросила бы ключ вчера.

А теперь... беги...

15 ноября 1430. Плененная Жанна. Замок в Аррасе[148]

Продана...

Продана...

Продана...

Лучше умереть, чем попасть в руки к англичанам!!!

«Ах, Сестры мои... зачем спасали меня?.. Почему не разрешили умереть на плитах двора в Боревуаре?..»

Грешно... грешно... грешно... нельзя так говорить!

Но почему?!!

Почему ее продали?!!

«Ты же знала, что так должно быть...»

Знала... знала... неужели? Далекие слова, что жить ей осталось не больше года... Кто говорил их? Неужели она сама?!!

«Милая, хорошая девочка... как пояснить тебе, что сердце не ошибается?»

Все казалось таким далеким... таким... нереальным... Ведь надо было еще освободить Орлеан... Надо было короновать Карла... надо было взять Париж. Тогда казалось, что этот год никогда не закончится, а он пролетел мимо, словно осенний лист, сорванный ветром.

Почему же все так заканчивается? Почему?!!

«Милая, тебе нужно верить, что у Господа есть свои причины, чтобы передать тебя англичанам».

«Разве плохо служила я Царю своему? Разве не выполнила миссию, которую Он на меня возложил?»

«Девочка наша, Он очень доволен тем, как ты исполнила Указы Его...»

«Почему же Он отдал меня в руки врагов? Почему обрек на позор?!!»

«Разве может Он опозорить тебя? Он прокладывает Путь лишь к славе и величию, чем этот Путь ни казался бы тебе сейчас».

«Англичане высмеют все, что я сделала...»

«Насмешки ничего не заберут у Франции».

«Они будут смеяться над всем святым, что у меня есть!!!»

«Природа человеческая — в этом. Люди осмеивают каждого, кто приходит от Света... Христос не миновал этой участи... как же хочешь миновать ее ты?»

«Мне страшно... Они будут насмехаться, а я ничего не смогу ответить им...

---

[148] «Считается, что в Аррасе Жанну заключили в один из небольших замков, возвышавшихся над так называемыми воротами Ронвиль. Можно предположить, что она покинула эти места примерно 15 ноября...» [8]

Я просто глупая крестьянка... Как могла я подумать, что унесу этот крест?..»

«Если ты перестанешь верить в себя, что станет с твоей верой в Него? А если перестанешь верить в Него, как сможет Он тебе помочь?»

«Я... я...»

«Из Его рук ты принимала судьбу свою... Разве, если кто просит у отца хлеб, тому он даст камень?[149] *Никому не дает Он тяжести, желая сломать, но по силам каждый получает испытания».*

«Как смогу я унести этот крест? И когда церковники будут запутывать меня своими вопросами — что смогу ответить им?»

«То же, что отвечала другим церковникам, которые пытались запутать тебя. Не заботься о том, что говорить: когда придет Час, Дух Святой будет говорить в тебе.[150] *Лишь подготовь Обитель, чтобы Дух Святой мог войти... Помни, что Истина речется бесстрашными... Но как только страх входит в человека, Истина покрывается паутиной сомнений. Апостол шел по воде, но страх забрал у него опору».*

«Как же изгнать мне сомнения?.. Как освободиться от страха?..»

«Помни о любви к Господу. Воспоминания делают далеких людей ближе — а тем более Дух! В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх.[151] *Дерзай, сестра, и помни, что именно теперь начинается сражение твое решительное, в котором Света Небесного враг и Света Небесного друг в тебе самой сражаются. Страх, сомнения, горечь несправедливости — все это во врагах ходит и вниз тебя утянуть хочет... А любовь, мужество, преданность — все это от Света — искоркой свечи во тьме непроглядной мерцает... Замечают такую искорку Ангелы и к ней стремятся, чтоб человека поддержать на пути нелегком».*

«Ангелы мои... Вы всегда рядом... Но бывает так тяжело, словно и нет Вас боле...»

«Когда огонек загорается, к нему не только Ангелы идут, чтоб Пламя поддержать, но и бесы устремляются, чтоб Искорку задуть. Стоит человеку из-под Щита ангельского выйти хоть на минутку, как бесы наваливаются всей силой. Такие дни самые страшные, но кто проходит их, тот умения Воина обретает. Ангел примет в Щит самые страшные стрелы, но если Он человека оградит от ВСЕГО, кем тот человек вырастет? В трудностях и сражениях человек крепнет, а не в роскоши и безмятежности».

«Я буду стараться... я буду стараться не сомневаться... что Вы рядом. Я буду стараться».

«Старайся...

Верь...

Не усомнись...»

---

[149] Мф. 7:9.
[150] Мф. 10:20.
[151] 1 Ин. 4:18.

15 ноября 1430. Плененная Жанна. Руан. Апартаменты, выделенные епископу Пьеру Кошону[152]

В приоткрытую дверь апартаментов несмело постучался высокий, но вместе с тем очень сгорбленный мужчина.

— Монсеньор... — в его голосе был страх, словно от пережитой некогда боли.

— Заходи, — епископ Кошон махнул рукой, даже не поднимая взгляда. — Стражники тебя не сильно потрепали?

— Нет, монсеньор... Они знали, что я приду.

— Да, я говорил им накануне... Думал, может, забыли. Ты... знаешь, зачем я тебя вызвал? Ведь за тобой должок имеется... А мне... м-м-м... понадобился человек для важной работы. Завтра же с утра отправишься в Лотарингию... Посетишь Домреми, Вокулер, может, еще какие города, на месте люди подскажут, и соберешь как можно больше сведений о пленнице нашей, которая Девой Жанной именуется. Меня интересуют свидетельства людей, которые знали ее с детства, — свидетельства о ее ведьминском прошлом. Надеюсь, не надо пояснять, почему я выбрал именно тебя? Также умолчу, что от количества и качества собранных фактов будет зависеть величина прощенного тебе долга. Понимая, что такое задание тяжело для одного человека, Святая Матерь Церковь определяет тебе в помощники нотариуса Николя Байи и писца Жерара Пети... Оба будут дожидаться тебя в Шомоне.

— Я все понял, монсеньор... Куда прикажете отсылать отчеты?

— Никаких отчетов! Все собранные сведения храни при себе, их отдашь мне лично, когда вернешься в Руан.

— Но...

— Никаких «но»!.. Я знаю, что ты интересуешься «Девой Жанной» и знаешь о ее нынешнем местопребывании... Что ж, знай и о том, что суд состоится здесь, в Руане... В ближайшем времени я отправляюсь за этой девкой к Жану Люксембургскому. Если честно, меня волнует уже не столько ее купля-продажа...

Пьер Кошон невольно сделал многозначительную паузу, и голос его стал тише.

— Меня волнует, как этой ведьме ведьмачить не позволять... Целыми днями в колодках на руках-ногах она быть не сможет, потому что рано или поздно начнется болезнь крови,[153] и процесс придется оканчивать уже без нее. Что делать?.. А ну-ка, — Кошон пристально посмотрел на сутулого, — что посоветуешь?..

— Монсеньор епископ... Я уже честный человек... Я не имею никакого отношения...

---

[152] «Право самолично судить Жанну Кошон получал только при условии, что процесс будет проходить в Бове. Факт пленения Девы на правом берегу Уазы мог в крайнем случае подтвердить полномочия епископа и доказать, что этот суд — в его компетенции. Хотя, безусловно, для того чтобы предстать перед судом инквизиции, обвиняемая в ереси должна была бы совершить преступление в епархии Кошона; “приличия” были соблюдены вследствие места пленения...» и далее. [8]

[153] Гангрена.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Кошон. — Говори, пока *я* тебя спрашиваю... Сам знаешь, что в подземельях замка есть много других желающих... Ты понимаешь меня?..

— Да, монсеньор...

— Ну так говори, коль понимаешь...

— Когда я был вхож в одно... общество... — в горле мужчины першило, он даже закашлялся, но потом взял себя в руки и продолжил, — с провинившимися там поступали сурово. Их запирали в железную клетку, привязывая руки и ноги по ее углам. Бывало, что еще на горло накидывали петлю, которая затягивалась, если человек пытался освободиться, и ослаблялась, если он стоял смирно.

— Ясно-ясно... — пробормотал заинтересовавшийся Кошон. — Знаешь человека, который такую клетку смастерить бы смог?

— Знаю... Этьен Касти...[154] Это он нам клетку сделал... Мы соврали ему, что клетка для медвежат, которых с балаганом будут возить.

— Ладно-ладно... Смотри только, чтоб твой мастер благоразумную цену назвал... А теперь расскажи мне о колдовских умениях. Опасаюсь я всего этого. Что надо сделать, чтоб она колдовать не смогла? Чесноком ее обвесить с ног до головы что ли?

Сутулый едва заметно улыбнулся.

— Чеснок не поможет. Не допускайте к ней никого, кто будет просить о встрече, чтоб не передали ей трав или колдовских амулетов. Если найдете при ней крест или кольца — отберите все...

— Как, — изумился Кошон, — даже крест?

— Даже крест. Магия наслаивается на всем, что можно взять в руки... Что бы это ни было — крест, кольцо или даже статуэтка Девы Марии, — на все можно наслоить магию помощи или магию проклятия...

— Этого вот мне не надо, — поморщился Кошон. — Святая Матерь Церковь никогда не признает никакую другую помощь, кроме той, что снисходит через священников Христовых. Так что будь осторожен с тем, что говоришь...

— Хорошо, — устало кивнул мужчина. — Я... понимаю. Просто заберите у нее все, что при ней есть, независимо, признаете вы, что крест может обернуться колдовским амулетом, или же нет.

— Кольца?

— Все *предметы*, потому что любой предмет — это чашка, в которую можно налить воды, или же вина, или же браги ядовитой. Кроме того, держите ее руки связанными и следите, чтоб она не делала никаких жестов... И не позволяйте ни на кого пристально смотреть: из кончиков пальцев и из глаз может исходить свет, которым колдун, будто сетью, опутать может.

— Что еще?..

— Пусть стражники слушают, о чем она молится, потому что может и не молиться, а заклинания читать. Даже если простые молитвы читает, пусть

---

[154] "Jean Masseiu testifies that he heard from Etienne Casteille, the very locksmith that made the cage, that Jehanne was kept in it..." [6]

следят за тем, как слова произносит... Если приказом говорить начнет, ее сразу прервать надобно, потому что уже не молится, но заклинает... Не разрешайте ей разговаривать со стражниками, потому что некоторые одним только голосом околдовывать умеют.

— Что-нибудь еще припомнишь?

— Честно говоря, больше ничего в голову не приходит. Все главное я сказал... если и забыл, то мелочи.

— Хорошо... Но смотри — если мы все сделаем по твоему указанию, а Жанна все равно колдовать сумеет... на тебе вся вина будет. Понял? Молодец. Иди... И чтоб завтра с утра тебя в Руане уже не было.

Конец ноября 1430. Плененная Жанна. Переправа через реку Сомму[155]

Тяжелая от первых заморозков вода лениво плескалась в борта лодки.

Закованная в кандалы Жанна сидела на средней банке... Впереди и позади нее сидели английские солдаты. Они смотрели на нее так пристально, словно стремились пробуравить лицо взглядом, но стоило ей поднять глаза, как звучал резкий окрик:

«Смотреть под ноги!»

Ее кисти замерзли от остывшего на морозе железа, но греть руки дыханием ей тоже не позволяли.

«Сиди смирно! Не шевелись! Головой не верти! Смотри под ноги!»

Иногда сухой кашель сотрясал ее... от холода дрожало все ее тело... но охранники оставались к этому совершенно безучастны.

Вода лениво плескалась в борта лодки. Пар от дыхания колебался легким маревом. Несмотря на холод, Жанну неудержимо клонило в сон.

— Спать хочется, ведьма французская? — с презрением пробормотал один из конвоиров. — Что уставилась, арманьякская потаскуха? Под ноги смотри!!! Глухая что ли? Вот так... стерва.

Обида от несправедливости горькой волной поднялась в Жанне.

— Что я сделала тебе, что так сильно меня ненавидишь?

— Что ты сделала? Да ты Сатане поклоняешься и колдовством Божью правду попираешь!!! Ты, мерзкая ведьма, посмела врать, что Ангелы к тебе являются... Я б тебя!!! — и звонкая оплеуха чуть не выбросила ее за борт.

Жанна медленно подняла взгляд на англичанина.

— Вниз смотри! — рявкнул тот.

— Я послана Господом, чтобы принести мир Франции, и Ангелы даже сейчас пребывают со мной...

— Вниз смотри!!!

— Вы захватчики, вы пришли на чужие земли, вы разоряете села и угоняете скот, оставляя после себя лишь пустыри и пепел...

---

[155] «Маршрут, воссозданный Пьером Роколем, кажется обоснованным. Из Ле-Кротуа Жанну, видимо, перевезли на лодке в Сен-Валери-сюр-Сомм, следуя во время прилива фарватером, проложенным Соммой в эстуарии, в то время как всадники переехали Сомму по мосту у Аббвиля...» и далее. [8]

— Ах ты тварь!!! — англичанин выхватил из-за пояса кинжал, но Жанна опередила его и что было силы ударила кандалами сбоку в лицо...

С громким всплеском охранник вывалился из лодки... попытался схватиться за борт, но немилостивая судорога свела его мышцы, и он пошел ко дну. Другие англичане некоторое время смотрели ему вслед, но, придя в себя, вместе бросились на Жанну.

...Однако один за другим они начали оседать на днище лодки: кинжал, который выронил англичанин, был в руках Жанны.

...— Спать хочется, ведьма французская? — голос конвоира вернул ее к действительности.

Жанна вскрикнула от неожиданности: англичанин был жив, и остальные охранники были живы, и они все так же сидели на своих местах, пристально на нее глядя.

— Что уставилась, арманьякская потаскуха? Под ноги смотри!!! Глухая что ли? Вот так... стерва.

Обида от несправедливости горькой волной поднялась в Жанне. «Что я сделала тебе? — хотелось спросить ей... — Что сделала?..» Но потом она поняла. Простые английские солдаты сидели напротив нее... люди, которые шли воевать с Францией, повинуясь приказу своего короля. Что для них король? То же, что и для французов Карл Валуа. Кому они верят — ей или своему королю? Бедные, несчастные люди... обманутые люди... Им обещали Царство Небесное, но повели дорогой в Ад. Им обещали сражения во Имя Господне, но дали сражения во имя земель и злата. И солдаты эти смотрят теперь на нее с ненавистью, потому что в том обманном мире она — ведьма и колдунья... Арманьякская потаскуха.

— Да что ты смотришь на меня так? — заорал конвоир, и оплеуха чуть было не выбросила Жанну из лодки.

Соленая кровь наполнила ее рот.

«Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера...»[156] Откуда взялось в ней это?..

— Под ноги смотри, — зло пробормотал англичанин. — Если еще раз так на меня глянешь...

Как тяжелы эти слова... как терзают они ее нутро, как хочется кричать от этой боли... кажется, что не слова, а ведро расплавленной смолы вылил ей в душу англичанин.

«Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека...»[157]

— *Ave Maria, gratia plena...* — прошептала Жанна, крепко-крепко зажмурившись.

— А ну, прекрати колдунствовать! — все тот же англичанин снова занес руку для оплеухи.

---

[156] Гал. 5:22.
[156] Мк. 7:15.

«...benedicta tu in mulieribus, et benedictus — продолжала Жанна про себя, — fructus ventris tui, Iesus...»

— То-то же... — усмехнулся англичанин. — Не дождаться тебе дня, колдунья, когда мы перестанем бдить над тобою.

Конец декабря 1430. Плененная Жанна. Руан

— Ваше святейшество...

— Тише, остолоп! Не ори так. Что пленница?

— Тихо себя ведет...

— Не буянит, не колдует?

— Нет. Сидит молча и смотрит перед собой... иногда на стену, иногда в окно... молчит. Может, с ума сошла?

На лице Кошона заиграли желваки.

— В клетку на ночь сажаете?

— Сажаем...

— И не возмущается, не просит о милости?

— Нет...

— А наутро что?

— Наутро достаем чуть живую... В первый раз петлю на шею как надели, так чуть не удавилась, да сами знаете, мы вам докладывали...

— Ну?!!

— Что, монсеньор?..

— Ты так на меня смотришь, остолоп, что, кажется, сейчас рыдать начнешь.

— Я... это... нет, не буду рыдать... зачем же...

— А ну, выкладывай, что у тебя на уме, а то в подземелья наведаешься!

— Да в общем... и говорить-то нечего... Просто в конюшнях с лошадями и то лучше обращаются... А эта... Вот вы ее ведьмой называете, а она терпит все... как будто...

— Святая? — криво усмехнулся Кошон. — Надо бы высечь тебя за дерзость... хлыстов двадцать тебе или тридцать... да ладно, я сам ведь приказал все рассказывать. Глупый ты просто... неуч, одним словом. Кто ты такой, чтоб святых отличать или чтоб ведьм видеть? Латыни не знаешь, Писания не читал, а судить каким умом пытаешься? Откуда знаешь, что в душе ее темной делается? Или думаешь, смирение там? Как бы не так! Ведьма дело свое ведьмачье знает и околдовать вас всех пытается, дураков и тугодумов... Да не то что пытается, а уже околдовала: вон, ты ее уже Святой назвать собрался... Еще немного — и кандалы из жалости снимешь, а она прыг с крыши — и улетит вороной. Не слыхал небось? Она уже прыгала раз, убежать хотела... Лишь молитва чудотворная колдовские чары сломала... Ведь когда она с крыши прыгала, я в часовне Боревуара умолял Иисуса за нас вступиться и

---

[86] "Jean Gerson complained about noble soldiers who insisted on having portable ovens hauled along with them so they could eat 'little pies' baked fresh on campaign, referring to the rich meat pastries typical of the era. The reader can well imagine the agony produced by an unhappy meal of raw beans picked from the fields.

The situation produced a far worse problem: with genuine hunger setting in, the troops inevitably began to steal food from nearby farms despite Jehanne's prohibition against such pillaging..." и далее. [4]

забрать у колдовских чар их силу... Как думаешь, будь она Святой — прыгнула бы с крыши? Когда Сатана поставил Христа на крышу храма в Иерусалиме и сказал прыгнуть вниз, чтоб Ангелы Его поймали и показали народу, что Он истинно Сын Божий, Христос ответил: «Сказано: не искушай Господа Бога твоего».[158] Кто же такая эта ведьма, чтоб от слов Христовых отмахиваться?

Эх, дуралей ты, дуралей... Сходи на исповедь нынче же и все священнику расскажи, не то погубишь себя погибелью смертной.

...«Я... мне... мне так хотелось бы, чтобы Вы погасили огонь, который горит у меня внутри. Тогда я могла бы смиренно принять все, что мне предстоит. Смиренно... смиренно... смиренно...»

«Ты должна помнить, милое дитя, что Бог есть Любовь. В каждое творение свое вдохнул Он Любовь Пламенную, создавая миры из Вод извечного Моря, над которым парил Святой Дух в Начале[159]*. Но пришел Змий-Дракон, хозяин морей,*[160] *царь всего, что находится в воде,*[161] *и вошел в творения Господни, ибо, что творилось из Воды, в том и драконья часть осталась. И обернулась Любовь Божественная страстью земною, и нет Пути, чтобы войти в Царство Божие, кроме как через сражение с Драконом, который внутри человека Любовь в страсть обращает... через очищение пламени чадящего до ясных цветов Небесной Радуги».*

«Разве пламя *должно* гореть внутри? Разве не должно погасить его раз и навсегда?.. Разве не оно вливалось в жилы мои, когда кричала я в гневе и вела солдат на убийство англичан и разрушение крепостей? Разве не это пламя чуть не заставило меня схватить кинжал того охранника в лодке?..»

«Божий Огонь, пламя Духа, войдя в волны Морские, стал пламенем двояким — Божьим и Змиевым, от Бога взявши жар, а от Змия — цвет. Многим пророкам Говорилось, что Бог есть Огонь...[162] *Сам Апостол Павел завещал: «В усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите».*[163] *Во всех этих наставлениях Говорилось о Божьем Пламени, коий есть Любовь Божественная, Любовь Совершенная.*

Но, сойдя в Извечное Море, Божий Огонь покрылся Водами и остался Божественным лишь в самой своей глубине, снаружи обернувшись пламенем Змиевым. Огонь Змиев входит в помыслы человеческие через слабости и немощи людей. Страх, гнев, зависть, нетерпимость, постановление себя превыше других, непрощение и нелюбовь — все это осталось в естестве человека от Вод Морских. Кто вверяет себя этому огню, тот сжигает себя, ибо Змиев огонь обращает людей в огарки и чадный дым[164] *. Лишь Божественный Огонь не опаляет*[165]*.*

---

[158] Мф. 4:7.
[159] Быт. 1:2.
[160] Иов. 41: 23-25.
[161] «В книге же Иова дракон называется царем всего того, что находится в воде (Иов. 41, 25)». Ориген. «О Началах». Гл. 8. «О Душе». В современном переводе данного отрывка книги Иова именно таких слов нет, однако я полагаю, что это особенность именно дошедшего до нас перевода.
[162] Втор.4:24, Евр. 1: 7, Исх. 3: 2.
[163] Рим. 12:11.
[164] Иез. 28:18; Исаия 50:11.
[165] Иез. 8:1,2 и далее.

Кто может истребить свои немощи, тот очищает Воды свои, и над этими Водами Змий власть теряет... Обращаются такие воды потоками воды живой, и в каждой капле сверкает Божественное Пламя: любви, радости, мира, долготерпения, благости, милосердия, веры, кротости, воздержания от делания греха[166].

Вода Христова тоже некогда была Морской, но очистилась Пламенем Любви, которое каждому дано от Всевышнего... и стала Любовью Сама.

Запомни, дитя: кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть Любовь[167].

Нужно не тушить в себе пламя, но очищать его, потому что под каждым Змиевым огнем в человеке горит Огонь Господний.

Под страхом спит мужество.

Под злобой — непробужденная терпимость.

Под ненавистью — алмаз милосердия.

А за всем этим стоит Одна-Единая Любовь, которая освящает ВСЕ.

Кто преуспевает в Любви, тот обретает как мужество, так и терпимость и милосердие.

Но кто страха победить не сможет, тот не познает мира. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение».[168]

Кто злословие злым словом встретит, тот не познает радости.

«Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне».[169]

Но кто на пламя ненависти сумеет все же пролить чистые воды милосердия, тот причастится к Безгрешному Господу, ибо «любовь покрывает все грехи».[170]

«Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд».[171]

Познавай же Истину, Сестра... плененная, обретай Свободу.

Познавай же Истину о том, что

Бог

Есть

Любовь».

...— Что?!!

— Ваше святейшество... Ваше...

— Да что случилось, я спрашиваю?

— Жанна... пленница...

— Ну что?!! Что?!!

— Едва жива... У ней руки-ноги холодные, еле дышит... Мы ночью за ней смотрели, как обычно, а она в клетке стояла... А потом слышим — вздохнула

---

166 Гал. 5:22.
167 1 Ин. 4:8.
168 1 Ин. 4:18.
169 1 Кор. 4:14.
170 Притч. 10:12.
171 Лк. 6:36.

так протяжно, чуть не застонала... Мы к ней, а она уже холодеть начала... Вытащили ее из клетки, а она вся бессилая...

...— Что с ней, лекарь?

— Ничего смертельного, монсеньор. Сердце работает нормально... Сильный упадок сил и истощение от нервов.

— Она... Вы мне скажите главное... Она пытки выдержит?

— Сложно говорить однозначно... Но если ваше святейшество имеет в планах пытки, лучше позабыть о клетке и дать пленнице время восстановиться... Иначе она может ускользнуть из ваших рук тем неприятным образом, над которым вы совершенно безвластны.

...— Эй, ты...

— Да, ваша милость.

— Отправляйся туда, откуда тебя призвали для охраны ведьмы...

— А...

— А ее будут охранять другие. Иди, и язык держи за зубами. Коль где проговоришься, больше слова в жизни не скажешь.

— Конюшни... — задумчиво пробормотал Кошон. — Вот ведь как... остолоп-остолопом, а подсказку мне дал.

10 января 1430. Плененная Жанна. Руан[172]

— Извините, ваше святейшество, но...

— Что?..

— Сейчас мы... не можем впустить вас... к Жанне...

— Что?!!

— Госпожа... герцогиня... она...

— Кто?!! Я же приказал: ни одной живой души!!!

— Не могли... никак не могли... Герцогиня... она...

— Разгильдяи!!! На дыбу всех!!! Четвертую!!!

— Не виновны!!! Не виновны!!!

...— Ваше святейшество, не стоит наказывать стражников...

— Знаю, знаю, друг мой Николя[173]. Нельзя наказывать тех, кто исполнял приказ герцогини... даже если приказ этот шел вразрез с моим... Кстати, ты подумал над моим предложением? Поможешь тайно перепроверить писцов на процессе, а то у меня к Маншону большого доверия нет... Поможешь? Вот и славно... Я знал, что могу на тебя положиться. Хватит мне и одной герцогини в соболезнующих. Она все еще в камере?

— До сих пор там...

— Поставь-ка человека к нише...

---

[172] «Впрочем, кое-кто заступился за нее. В Руане Жанне еще раз пришлось пройти обследование на девственность, которое она уже прошла в Пуатье; на сей раз это, несомненно, произошло в то время, как в ее родных краях велись всевозможные расследования. Обследование было проведено под контролем Анны Бургундской, герцогини Бедфорд... растроганная Анна Бедфорд запретила сторожам грубо обращаться с Девой».

[173] «Среди асессоров трибунала был некий руанский священник по имени Николя Луазелер. Близкий друг Кошона, он пользовался полным доверием епископа и выполнял самые “деликатные” его поручения...» и далее. [10]

— Герцогиня уже поставила к нише своего глухого... Он никого не подпускает.

...Холодный сухой ветер приглушенно выл за стенами замка. В коридоре гортанно переговаривались стражники. Две женщины смотрели друг другу в глаза.

— Ты знаешь, кто я? — спросила одна из них.

— Я видела вас во сне, — ответила вторая.

— Я Анна Бургундская, герцогиня Бедфорд. Я не хочу разговаривать с тобой в присутствии стражников... Однако скажи откровенно — может, мне стоит позвать одного из них?

— Я не причиню вам вреда...

— Справишься с искушением? Можешь поклясться, что не будешь колдовать? Однако чем заставить тебя поклясться?..

— Я не буду колдовать, потому что я не колдунья...

— Священники утверждают другое.

— Но ведь вы им не верите...

— Я не хочу им верить. Сегодня тебя проверяли... твою... невинность... Ты говорила правду о том, что ты дева... Но значит ли это, что твоя избранность Господом так же истинна?.. Что молчишь?..

— Мне нечего сказать, госпожа. У меня не хватит ни сил, ни мудрости убедить весь белый свет в том, что Господь избрал меня, что Он послал мне Ангелов и дал силы освободить Его королевство. Я... понимаю вас, герцогиня... Ведь столько лет Англия одерживала одну победу за другой, и ваши священники убеждали всех, что Бог отвернулся от Франции... что эта страна должна быть покорена огнем и мечом, что убивать и жечь французов — значит помогать Всевышнему восстанавливать справедливость. Но Господь ведь никогда не отворачивается даже от тех, кто сам отвернулся от Него... По первому Зову Раскаяния готов прийти Он на помощь грешнику, дабы спасти его душу от погибели. Если Франция и была некогда обречена на скрежет зубовный, то эти времена миновали.

— Ты говоришь, что Господь пришел на помощь... Но не Сын ли Его завещал подставить правую щеку, если ударят по левой?

— Разве Сын Его завещал это одним французам?

— Праведники должны прощать грешников.

— Но французы далеко не праведники... И Господь на помощь не к праведникам сходит... Мы лишь усталые и измученные дети Его, которые молят о месте, где можно преклонить голову после долгих-долгих лет страданий. И Он как любящий Отец оглядел нас с жалостью и пониманием: что можно требовать от детей, которые едва стоят на ногах? Поэтому Он и помог вернуть Францию, и дал место, где преклонить голову, прежде чем вновь прийти с наставлениями.

Герцогиня поморщилась.

— Исходя из твоей картины, англичане просто варвары и завоеватели какие-то...

— Нет, — вздохнула Жанна и улыбнулась едва заметно. — Вы не варвары... Вы просто верные слуги своего короля. Мне вспомнился один давний сон... — она нахмурилась. — В нем я встретилась с королем Англии... Все было, как в тумане, я почти ничего не помню... Но мне кажется, он очень жалел, что потратил столько лет на завоевание земель соседей, хотя с

юношества мечтал о Походе в Землю Святую. Подумайте, герцогиня... ведь у каждого есть светлая мечта, и осуществить ее — великое счастье. Что же становится с этой мечтой, когда человек забывает о ней и свет покрывается мраком? Мечта перестает существовать... и лишь на смертном одре раскаленной иглой раскаяния она пронзает сердце... Неужели у вас, англичан, нет мечты более светлой, нежели покорить Францию?

Герцогиня пристально смотрела на Жанну.

— Ты говоришь так ладно, словно книжник какой-то...

— Я не умею читать, — потупила взгляд Жанна. — К тому же, священник из Домреми говорил, что жизнь лучше любой книги. Легко говорить, когда говоришь правду... А правда — она всегда правда, и уста простолюдина не могут ее сделать менее правдивой.

— Правда... — сказала герцогиня задумчиво. — Что есть правда? У тебя есть своя правда, у меня — своя... у Пьера Кошона тоже есть правда, в которую он свято верит. Так чья правда правдивее?

— Та, в которой больше Бога.

— В Писании сказано, что «Бог есть любовь». Разве твоя правда правдива, если подвигнула тебя на войну?

— Война началась очень давно, я лишь пыталась завершить ее... Мне невыносимо видеть мучения моей Родины...

Герцогиня подошла к Жанне и присела возле нее.

— Но твоя правда потребует... и твоей смерти...

— Смерть не самое худшее... — ответила Жанна и потупилась. — Если я могу попросить вас о милости, госпожа... Скажите охранникам, чтобы... не пытались меня обесчестить. Церковники и без того надругаются над моей душой... Пусть хотя бы тело мое останется чистым...

— А охранники... — глаза герцогини сузились в две стальные щелки. — Они... пытаются?..

Жанна отвернулась и едва заметно кивнула.

— До недавнего времени они держали себя в руках... но теперь они все наглее пристают ко мне... Пока это всего лишь шутки... но я вижу, чем это может закончиться...

Герцогиня молчала, пытаясь совладать с волной ярости, которая накрыла ее. Тем временем Жанна продолжала, не зная, как истолковать ее молчание:

— Вы поймите меня, госпожа герцогиня... Я солдат... И в безвыходном положении я буду защищаться. Кандалы на мне очень тяжелы, а я, несмотря на маленький рост, довольно сильна. Я не хочу причинять зла. Я не хочу убивать. Этого не было на войне... и я не хочу, чтобы это произошло теперь. Если бы я могла победить свою натуру, истинно говорю, я дала бы надругаться над собой, только чтобы сохранить жизни сторожам... Но я не смогу принести такую жертву... Я буду защищаться... очень сильно защищаться... Если только, госпожа, вы бы могли...

— Успокойся, девочка, — тихо произнесла Анна Бургундская, а потом порывисто обняла Жанну и прижала ее к себе. — Если от костра я тебя уберечь не смогу, то уж от такого позора — наверняка. Знай, скоро среди стражников появится новый человек, это будет человек от меня... Он проследит за тем, что подвластно ему и моему слову через него.

У дверей камеры герцогиня обернулась.

— Скажи, ты пошла бы в Орлеан, если б знала, куда приведет твоя мечта?

Жанна устало кивнула и улыбнулась.

— Я лишь спешила бы сильнее... чтобы больше успеть.

19 февраля 1431. Плененная Жанна. Руан

«Знаем помыслы твои... Почему не спрашиваешь?»

«Не решаюсь...»

«Ты решилась прийти в осажденный город простой крестьянкой и стать во главе многотысячной армии... О чем же не решаешься спросить?»

«О церкви...»

«Разве в церкви есть что-то страшное, что ты боишься спросить о ней?»

«Когда-то во сне я видела Огненную Церковь, которую строили Ангелы с Небес... Если священники осудят меня, значит... Неужели... У меня просто не может в голове уместиться... Ведь священники — слуги Господа... Я тоже Его слуга... Как же так получается, что они хотят осудить меня Именем Его?»

«Они думают больше о себе, чем о Нем, поэтому книжной буквой судят тех, которые думают больше о Нем, чем о себе».

«Но... как же так? Они ведь — церковь Христова...»

«Церковь Христова — это Тело Его.

Церковь Христа — это Лоза Виноградника, где Виноградарь — Господь. Христос говорил о Теле Своем Апостолам, чтоб те несли Слова Его людям:

— Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода.... Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон как ветвь и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.... Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками.... Сия есть заповедь Моя: да любите друг друга, как Я возлюбил вас...[174]

Так говорил Господь Христос о Церкви Своей, плоды приносящей, плоды нетленные, плоды духа. Но тот, чье сердце сухо и на плоды духа не способно, тот не Причастен Господу Иисусу, потому что не может вместить Его Завет и преисполниться Его Кровию. Как может такой войти в Царство Небесное, ежели все, им собранное, лишь на земле ценно?

Такие называют себя судиями, но осужденных ими ждет Обитель Небесная, а их самих — тьма и скрежет зубовный».

«Мне... так... страшно...»

«Ничто не вечно, и уж тем более страх... Тебя осудят люди, но оправдает Господь. С этой мыслию живи. С этой мыслию иди к величайшей из своих Побед».

---

[174] Ин. 15:1-12.

[175] Гал. 5:22.

Часть II. Осужденная

21 февраля 1431. Плененная Жанна.[176] Руан

Присутствовали епископ и сорок два асессора.[177]

Серый утренний свет сочился в зал из высоких окон. Руанская знать и многие другие, прибывшие на процесс, перешептывались друг с другом, не сводя с Жанны глаз. Мысль о горькой аналогии изогнула губы Жанны усмешкой: все было так же, как и при дворе Карла, только теперь она была в цепях и от придворных ее отделяли стражники. Собрание священников вдруг напомнило ей о Пуатье... даже больше, чем собрание знати — о Шиноне.

...— И вот, мы собрались здесь для того, чтобы рассмотреть дело некоей женщины, плененной на территории епархии Бове[178], — Кошон говорил очень ладно, будто читая мессу. — Женщина эта обвиняется в том, что многие поступки, которые противоречат ортодоксальной вере, были совершены ею не только в нашей епархии, но также и во многих других. Нам в руки был передан отчет о совершенных ею злодеяниях, о которых наслышан весь христианский мир. И вот, в месте, наиболее тихом и верном традициям христианства, наш повелитель, король, передал нам эту женщину для того, чтобы мы, согласно праву и закону, произвели над нею суд по вопросу веры, основываясь на переданном нам отчете, а также на многих слухах, которые касаются поведения и образа жизни этой женщины. Выводы, которые сделает суд, будут основываться на советах и заключениях священников, наиболее искушенных в вопросах божественного и мирского права...

Монотонный голос священника обладал удивительным даром рассеивать внимание и уводить взгляд к стрельчатым окнам.

...Жанна вдруг осознала, что уже некоторое время смотрит на Пьера Кошона, который стоит перед ней и выжидающе молчит.

— Жанна, — заговорил он снова, — ты должна положить руки на Святое Писание и поклясться говорить правду обо всем, что мы будем тебя спрашивать.

---

[176] Во всех протоколах допросов указывается тот факт, что к Жанне судьи обращались на «вы», но я не стал ис-пользовать это местоимение, потому что эта лицемерность никак не могла изменить истинного отношения церковного судейства к Жанне.

[177] «В среду 21 февраля 1431 г. в 8 часов утра преподобный отец во господе мессир Пьер Кошон, епископ и граф Бове, занял председательское место за судейским столом в королевской капелле Буврея. Подле него на рас-ставленных полукругом скамьях разместились асессоры. Их было 42 человека: 15 докторов богословия, 5 докторов гражданского и канонического права, 7 бакалавров богословия, 11 лиценциатов канонического права и 4 — гражданского...» [10]

[178] Считаю необходимым упомянуть о нарушении, допущенном при определении судьи, который имел право главенствовать на процессе по делу Жанны, а именно: место судьи было отдано Кошону противозаконно.

(It is agreed by all authorities that Jeanne was not captured in the Diocese of Beauvais, which ended at the Bridge of Compiegne. Jeanne was taken north of the Bridge, on the right bank of the river, and either in the Diocese of Noyon or Sois-sons, which of the two has not been determined. The Bishop's assertion is distinctly untrue). [5]

«Всеми авторитетными учеными подтверждается тот факт, что Жанна не была схвачена в епархии Бове, которая заканчивалась около Компьеньского моста. Жанна же была схвачена на правом берегу реки, к северу от моста, на землях, которые принадлежали или епархии Нойона, или епархии Суассона, к какой именно, установлено не бы-ло». Комментарии к Первому Публичному допросу, 21 Февраля.

Таким образом, церковь пошла на попрание даже буквы установленных на тот момент законов.

— Как я могу дать такую клятву? — ответила Жанна хрипло. — Я не знаю, о чем вы хотите меня спросить... Может быть, вы меня спросите о вещах, о которых я не должна вам говорить.

Публика ахнула, люди начали громко переговариваться. Кошон некоторое время изумленно смотрел на Жанну... Так же изумленно осматривали ее девять докторов богословия, четыре доктора канонического права, один доктор «того и другого права», семь бакалавров богословия, одиннадцать лиценциатов канонического права и другие из сорока двух заседателей.

— Жанна, — Кошон заговорил уже более настойчиво. — Ты должна поклясться говорить правду обо всем, что касается вопроса веры и о чем ты ведаешь.

— Об отце и матери, обо всем, что я сделала с тех пор, как дорога привела меня во Францию[179], я охотно поклянусь говорить правду. Что же до откровений, которые обрела я от Господа, никому о них не скажу ни слова, охраняя каждое для Карла, моего короля. И вам их не открою, даже если это будет стоить мне головы, потому что обрела я их в видениях или через Тайный Совет и мне запрещено разглашать их. Добавлю лишь, что, прежде чем восемь дней пройдет, я буду знать, могу ли я открыть вам то, что было открыто мне.

— Жанна!!! Предупреждаю тебя о том, что ты должна дать клятву! Если с самого начала ты не хочешь сотрудничать с представителями Святой Матери Церкви, на какое понимание от нас ты надеешься?

— Вчера, когда вы приказали мне быть на процессе, я просила, чтоб половина судей была из церковников французского королевства... Вы ничего не сделали для этого...

Присутствующие снова возмущенно загудели. Кошон перевел сбившееся дыхание и спокойно ответил:

— Священники служат не королевствам, а Святой Матери Церкви!

— Если все священнослужители одинаково преданы Господу, почему вы пригласили только тех, кто живет на верных англичанам землях?

— Мы приглашали тех, кто наиболее опытен в вопросах ереси! — едва сдержался епископ.

Жанна задумалась, но до того, как Кошон успел задать новый вопрос, она обезоруживающе пожала плечами:

— Неужели получается так, что на землях Франции еретиков нет, в то время как земли Англии кишат ими?..

Зал наполнил возмущенный шум с вырывающимися из него криками... Судьи побледнели и переглядывались, а Кошон медленно налился краской ярости.

— Жанна... — заговорил он наконец. — Я не понимаю, какую игру ты затеяла, но настоятельно советую тебе ее прекратить. Мы хотим задать тебе много вопросов, чтобы установить, виновна ли ты в грехе ереси и если виновна, то в какой степени... Как верные сыны Матери Церкви мы печемся прежде всего о сохранности твоей души, кою всеми мыслимыми и немыслимыми способами намереваемся спасти... Однако как мы сможем это сделать, если ты совсем не помогаешь нам?.. Согласно нашим правилам, мы даже не можем задать тебе

[179] Францией в те времена называли свободную часть этой страны.

ни одного вопроса до тех пор, пока ты не поклянешься отвечать правду. Возложи же руки свои на Священное Писание и поклянись отвечать правду...

Жанна рассеянно посмотрела на священника, затем преклонила колени и положила руки на молитвенник.

— Клянусь отвечать правду на все вопросы, которые касаются вопроса веры или какого другого известного мне вопроса, оставляя в молчании все, что касается вопроса откровений, о которых не буду ничего рассказывать или обсуждать.

По залу снова пронесся возмущенный гул, а лицо Пьера Кошона на мгновение искривила гримаса досады.

— Пусть будет так, — произнес он наконец. — Расскажи нам о своем имени, фамилии и прозвище.

— На родине меня звали Жанеттой, а после того как я приехала во Францию, люди называли меня Жанной. Что же до моих прозвищ, то о них я ничего не знаю.

— Где ты родилась?

— Я родилась в деревне Домреми, которая сливается с Гре. Главная церковь находится в Гре.

— Как зовут твоих родителей?

— Отца моего звать Жаком Дарком, а мать моя — Изабелла.

— Где тебя крестили?

— В деревне Домреми.

— Кто были твоими крестными отцами и матерями?

— Одну из моих крестных зовут Агнессой, другую — Жанной, еще одну — Сивиллой; из крестных же отцов одного зовут Жаном Ленге, другого — Жаном Барреем. Но моя мать говорила, что у меня есть и другие крестные отцы и матери.

— Какой священник тебя крестил?

— Мне кажется, господин Жан Мине...

— Жив ли он?

— Насколько мне известно, да.

— Сколько тебе лет?

— Думаю, около девятнадцати.

— Знаешь ли какие-то молитвы?

— Да, мама научила меня молитвам «Pater noster», «Ave Maria», «Credo»[180]. Лишь благодаря ей я изучила эти молитвы.

— Прочти нам «Pater noster».

— Выслушайте меня на исповеди, и я с охотой прочту эту молитву.

Кошон снова начал багроветь.

— Ты считаешь, что вправе ставить условия докторам теологии?

— Я считаю, что вправе просить выслушать меня на исповеди у священников.

— Прочти молитву!!!! — закричал Кошон.

---

[180] «Отче наш», «Радуйся, Мария», «Верую».

— Я не прочту ее до тех пор, пока вы не выслушаете мою исповедь...

Едва сдерживая ярость, епископ Бове подошел к одному из своих коллег, бывшему ректору Парижского Университета, Жану Боперу.

— Не поддавайся!!! — зашептал тот Кошону, брызгая слюной. — Если принять исповедь, мы не сможем осудить ее!!! Ты же собственноручно отпустишь ей грехи!!!

— Жанна, — вновь развернулся к ней Пьер Кошон. — Мы понимаем, что ты не можешь молиться при столь обширной аудитории, — и епископ театральным жестом обвел присутствующих. — Однако Матерь Церковь готова вновь пойти тебе навстречу и позволить произнести молитву в моем присутствии и присутствии еще двух священников, которые выступят в роли свидетелей.

— Я прочту молитву в присутствии любого священника, который готов меня исповедовать.

— Жанна!!! Ты забываешься!!!

— Это вы, которые возомнили себя моими судьями, — вы забываетесь!!![181] Потому что наступит день, когда и вы будете Судимы! Будь вы лучше осведомлены обо мне, то не пожелали бы, чтоб я находилась в ваших руках, потому что судейство над невинным ставит под большую угрозу самих судей!!!

Кошон и его помощники вновь потеряли дар речи.

— Жанна!!! — надрывно выкрикнул один из них. — Да как ты смеешь?!!

— Знайте же, — устало добавила она, — что я лишь выполняю свой долг, предупреждая вас.

— Ты... — пропищал епископ Бове, спешно переходя к следующему вопросу. — Тебе... Мы запрещаем тебе покидать свою камеру...

— Как я могу покинуть свою камеру, если пять англичан сторожат меня — трое в камере и двое за пределами?

Кошон, хватая ртом воздух, обернулся к писцам процесса.

— Не писать!!! — яростно прошептал он. — Не писать это!!![182]

— Ты должна дать клятву, — продолжил вместо него Жан Бопер, — что под страхом уличения в ереси не будешь покидать отведенную тебе келью руанской тюрьмы.

— Я не принимаю такого запрета. Если мне удастся убежать, никто не сможет упрекнуть меня в осквернении ересью моей веры или в нарушении клятвы, кому бы я ее ни дала...

— Меня целый день держат в цепях и железных кандалах... — вновь заговорила она. — Пять человек сторожат меня... Неужели в кандалах есть необходимость?

---

[181] Я поместил вместе высказывания, сделанные Жанной на трех заседаниях. «На процессе 22 февраля 1431 г. Жанна заявила своим судьям, что если бы они были лучше осведомлены о ней, то не пожелали бы, чтобы она находилась в их руках. 24 февраля Дева сказала, что судьи ставят себя под большую угрозу, а 14 марта объявила, что, если бог покарает судей, пусть знают, что она выполнила свой долг, предупредив их об этом». Таинственные обстоятельства жизни и смерти Жанны д'Арк. Черняк Е.Б.

[182] «Известно также, что во время заседаний Кошон и другие судьи требовали от секретарей изменять слова и выражения Жанны. "Они приказывали мне по-латыни, — говорит Гильом Маншон, — употреблять другие термины, чтобы исказить смысл ее слов и написать совсем не то, что я слышал...» [10]

— Жанна... мы не можем снять кандалы... Как нам сказано, ты уже неоднократно пыталась сбежать из мест, где ты содержалась, — из Болье и из Боревуара.

— Верно, — усмехнулась Жанна. — Я хотела бежать, да и сейчас хочу. Разве это не законное желание каждого узника?

22 февраля 1431. Плененная Жанна.[183] Руан[184]

Присутствовали епископ и 48 асессоров.

Из высоких стрельчатых окон все так же сочился серый свет унылого утра. Отсутствие публики, уже не допущенной на заседание,[185] только усиливало ощущение тоски и одиночества.

...— Достопочтенные заседатели, довожу до вашего сведения, что по моему запросу к нам присоединился Жан Леметр, представитель Верховного Инквизитора, дабы принять участие в этом нелегком судебном разбирательстве. Так как юридически возглавлять процесс имеет право только епископ Бове, господин Леметр не присоединится к нам в качестве судьи до тех пор, пока не получит от Верховного Инквизитора дополнительных полномочий...

...— Жанна... под угрозой всего наказания, которое только может обрушить на тебя Закон, поклянись говорить абсолютную правду обо всех вещах, касательно которых мы спросим тебя.

— Я уже дала клятву вчера, этого должно быть достаточно.

— Жанна, поклянись отвечать правду на все вопросы, которые ты услышишь.

— Я не могу дать такую клятву, потому что вопросы откровений, которые я получала, — не для многих ушей. Вы пытаетесь возложить на меня слишком тяжкое бремя!

— Разве есть в твоих откровениях что-то постыдное?

— Конечно же, нет!!!

— Так почему же ты не хочешь говорить об этом?

— Потому что мои откровения святые. О постыдном я не стала бы молчать и давно призналась бы во всем исповеднику, а после него и вам, конечно.

— Ты хочешь сказать, что твой исповедник не знает о твоих откровениях?

---

[183] «На следующий день Жанна вновь предстала перед судом. И опять, когда речь зашла о клятве, повторилась сцена, происшедшая накануне: "Я вам уже поклялась вчера, и этой клятвы вам должно быть достаточно; вы возлагаете на меня слишком тяжкое бремя". Тем не менее, Жанна соглашается "отвечать правдиво на все вопросы, касающиеся веры"». [8]

[184] “Thursday, the 22nd — Jehanne is present at 8 a.m...” [6]

[185] Как известно, не только первый допрос был «публичным», но я полагаю, что этот термин относится не к присутствию публики, а именно к многочисленным помощникам. Райцес говорит об этом вопросе так: «Так начались допросы. Вначале они были публичными и проводились в одном из залов Буврейского замка. На них присутст-вовали все должностные лица трибунала и от 30 до 60 асессоров. На первый допрос были допущены зрители, но затем Кошон распорядился закрыть двери суда и поставить у них двух английских солдат: секретари жаловались, что посторонняя публика мешает им работать <...> Последний публичный допрос состоялся 3 марта». [10]

— Я открывала все, что для меня свято, только своему королю, Карлу VII.

— Так ты молчишь об откровениях именно потому, что они слишком святы?

— Именно поэтому.

Кошон едва заметно повернулся к Жану Леметру, и тот так же едва заметно кивнул ему.

— Ты считаешь нас псами?.. — иронично спросил Кошон. — Или ты считаешь нас свиньями?

— Простите меня?.. — не поняла Жанна.

Кошон широко усмехнулся и процитировал:

— *«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас»*. Евангелие от Матфея, глава седьмая, стих шестой.

Он немного помолчал и продолжил:

— Как видишь, сказано — не давать святыни псам и не бросать жемчуга перед свиньями... Значит, если ты не хочешь делиться с нами полученными откровениями... которые, несомненно, представляются тебе святынями, ты считаешь нас псами или свиньями... Жанна... неужели это так?

— Нет...

— Значит, твои святыни могут быть открыты нам?..

— Нет...

— Получается, что они вовсе не святыни?

— Святыни...

— Дорогая девочка, — еще шире улыбнулся Кошон. — Ты должна понять, что Писание не лжет. Сказано — не давать святыни именно псам, значит, остальным давать их можно — ведь так получается?

— Не знаю... возможно...

— Но если для тебя мы не псы, о чем ты уже сказала, получается, что нам святыни давать можно?

— Я не знаю... я не знаю... Мои Голоса... Они говорили никому не открывать...

— Разве слова твоих Голосов могут противоречить словам Господа Иисуса?

— Нет...

— Поэтому слова твоих Голосов о том, что нельзя никому открывать откровения, не должны подразумевать ничего другого, кроме того, о чем говорил Иисус... Иначе они стали бы противоречить Его словам...

— Скорее всего, так...

— Значит, ты не должна открывать откровения именно псам и метать жемчуг именно перед свиньями.

— Да, получается так...

— Значит, всем другим, кроме псов и свиней, ты имеешь право рассказать о своих откровениях... В свете того, что мы объяснили тебе, согласна ли ты поклясться говорить правду обо всем, о чем мы будем тебя спрашивать?[186]

---

[186] Весь отрывок о «псах и святынях» в протоколах отсутствует. Равно как отсутствует там и реальная причина, по которой Жанна на втором допросе согласилась дать клятву правдиво отвечать на все вопросы, хотя на предыдущем допросе подобная клятва дана не была. По своему разумению, я привел гипотетический диалог, который, на мой взгляд, мог убедить Жанну.

Жанна помолчала немного и кивнула головой.

— Клянусь отвечать правду на вопросы, касающиеся веры, которые будут заданы мне, — произнесла она в полной тишине.

— Прекрасно, — улыбнулся Кошон. — В таком случае я передаю право вести дальнейший процесс своему коллеге Жану Боперу.

— Итак... — голос Бопера разнесся по залу скрипом несмазанной двери. — Расскажи нам, в каком возрасте ты впервые ушла из отцовского дома?

— Касаемо моего возраста, я не могу клятвенно поручиться...

— В молодости своей изучила ли ты какое-то ремесло?

— Пока я жила у отца в Домреми, то занималась домашними делами и не ходила в поля с овцами и коровами. Мама научила меня хорошо прясть и шить — я думаю, что могла бы поспорить в этом деле с любой руанской женщиной. Из страха перед бургундцами покинула я Домреми и остановилась в Нефшато, что в Лорейне, в доме женщины по имени Ла Рус. Я пребывала там на протяжении пятнадцати дней. Каждый год я исповедовалась своему кюре[187], а когда он был занят, то другому священнику по его разрешению. Иногда, правда, я исповедовалась нищенствующим монахам[188], это было в Нефшато... А на Пасху я допускалась к таинству Евхаристии.

— Что ты можешь рассказать нам о втором уходе из отцовского дома, когда ты тайно покинула своих отца и мать?

— Это было в Нефшато. Тогда Голоса сказали, что пришло время и я должна спешить в Вокулер и просить коменданта крепости, чтоб он помог мне на пути в Шинон.

— Твой отец... он был против этой поездки?

— Да...

— И все же ты уехала без родительского благословения, оставив отца и мать...

— Мои Голоса сказали мне поступить так. Даже если бы у меня было сто отцов и сто матерей, я все равно должна была поступить так.

— Расскажи нам о тех, кого ты называешь своими голосами.

— ... Жанна, не забывай, ты поклялась говорить правду... Ты же не хочешь стать клятвопреступницей?

— Своими Голосами я называю Голоса Святых, которые приходят ко мне.

По рядам священнослужителей прокатился вздох изумления.

— К тебе приходят Святые?

— Да... Когда мне было тринадцать, Голос был ниспослан Господом для того, чтобы помогать мне и наставлять. Когда я услышала этот Голос в первый раз, то очень перепугалась, потому что был пост, а я накануне не постилась... Голос доносился справа от меня, он словно летел от церкви... Он пришел, облаченный в ослепительное Сияние. Я очень редко слышу Голоса без Света. Свет бывает с той же стороны, откуда слышен и Голос, и тогда Сияние становится необыкновенно сильным. С тех пор как я пришла во Францию, я очень часто слышала этот Голос.

---

[187] «Every year I confessed myself to my own Cure...» Это высказывание Жанны, равно как и другие, которые касаются протоколов допросов, приведены мной из [5] — англоязычного источника.

[188] Они назывались «Фрайя» (Friars).

Г. Левинов

— Как же ты могла рассмотреть этот свет, если он светил сбоку от тебя?

— Он светил словно отовсюду... Он словно пронизывал весь мир; и все, к чему он прикасался, начинало светиться... Он светил даже внутри меня...[189]

— Этот голос являлся тебе независимо от места, где ты находилась?

— Нет... Каждое место отличается от другого. Если я была в лесу, то легко могла слышать этот Голос... Мне казалось, что Голос исходит из уст кого-то, стоящего рядом... В такие моменты мне хотелось пасть на колени и молиться. Я искренне верила, что Голос нисходит от самого Господа. Когда я услышала этот Голос в третий раз, я поняла, что это Голос Ангела. Этот Голос всегда охранял меня, и я его очень хорошо понимала. Он наставлял меня, чтоб я была хорошей, чтобы часто ходила в церковь... Этот Голос сказал мне однажды, что пришло время отправляться во Францию.

— Жанна... расскажи нам, в какой... образ... был облечен этот голос, когда явился тебе?

— Боюсь, что ничего об облике не могу я рассказать вам в этот раз.

— Как часто приходил к тебе этот... голос?

— Он приходил два-три раза в неделю... Он раз за разом повторял: «Ты должна идти во Францию!» Мой отец ничего не знал о том, что происходило в моей душе... А Голос все приходил и повторял: «Иди во Францию!» Я не могла боле оставаться в доме отца... Голос говорил: «Иди, сними осаду, которой окружили славный город Орлеан!» «Иди, — добавлял он, — к Роберу де Бодрикуру, капитану Вокулера: он предоставит эскорт, чтобы сопроводить тебя. Иди, иди, иди!» А я отвечала, что я никто, что я просто бедная девочка, которая ничего не знает о том, как ездить верхом или сражаться. Я отправилась к своему дяде и сказала, что хотела бы остаться у него на некоторое время... Я провела у него восемь дней, а потом призналась, что должна отправляться в Вокулер. Он отвез меня туда. Когда я прибыла, то узнала капитана де Бодрикура, несмотря на то, что никогда раньше не видела его... Я узнала его благодаря Голосу, который сделал так, чтоб я смогла его узнать. Я сказала Роберу: «Я должна отправиться во Францию!» Дважды Робер отказывался выслушать меня до конца и отмахивался от моей просьбы. В третий раз он принял меня и дал людей для эскорта...[190] Мои Голоса всегда говорили, что так произойдет.

Но до того как я отправилась в Шинон, герцог Лорейнский приказал доставить меня к нему. Я рассказала герцогу, что собираюсь ехать во Францию... Он начал спрашивать меня про свое здоровье[191], но я сказала, что ничего не знаю об этом. Я поговорила с ним немного о том, как добралась, и просила отослать своего сына и немного охраны со мной, чтоб доставить меня во Францию, и сказала, что буду молить Господа за его здоровье. Я шла к нему совершенно спокойно, зная, что выполняю указания Голосов... Оттуда я

---

[189] Протоколы говорят, что Жанна не смогла ответить на этот вопрос. Я не склонен доверять этому, потому что человек, имеющий Контакт с Высшим, способен описать, как этот Контакт проистекает. Я привел ответ на свое усмотрение, исходя из контекста многочисленных высказываний Жанны о Голосах.

[190] Историки предполагают, что главную роль в этом сыграло сбывшееся предсказание Жанны о «великой боли», которую обрел Карл 12 февраля, когда состоялась битва, вошедшая в историю как «День Селедок».

[191] Он тогда был очень болен.

вернулась в Вокулер, а из Вокулера уехала, одетая как мужчина, вооруженная мечом, который дал мне Робер де Бодрикур, но без доспехов. Со мной были рыцарь, сквайр и несколько других сопровождающих, с которыми мы достигли городка Святого Урбана, где я спала в аббатстве. По пути мы проехали Осер, где я слушала мессу в главной церкви. Начиная с этого места, я слышала свои Голоса очень часто.

На протяжении всей ее речи онемевшие судьи не могли отвести взглядов от Жанны... Стоя перед ними в кандалах, она казалась очень спокойной и даже умиротворенной. Первым пришел в себя Жан Бопер.

— Эээ... вот как... все было... — произнес он задумчиво и добавил. — А кто подсказал тебе надеть мужскую одежду?

— Сейчас я не могу ничего сказать об этом.

— Ты дала клятву!!!

— И я сдержу ее. Я буду отвечать правдиво... А о чем мне говорить Запрещено, то останется в тайне, даже если решите отрубить мне голову.

— Жанна, так или иначе, тебе придется ответить на этот вопрос. Постарайся не тратить время попусту... Кто дал тебе указание надеть мужскую одежду?

Жанна некоторое время молчала, а потом вздохнула тяжело.

— Что ж, я отвечу на этот вопрос... Только не взыщите, если ответ не понравится вам. Я понимаю, что вы подразумеваете под этим вопросом... Вы не первые священники, которые пытаются уличить меня в том, что я ношу мужскую одежду. Вы спрашиваете, кто дал мне указание одеться так... Мой ответ таков: в том, что я надела мужскую одежду, я не виню никого.

— Мы тоже не собираемся никого винить!!! — не сдержался Жан Бопер, наливаясь от ярости кровью. — Ты ни в чем пока не обвиняешься! Это слушание собрано для того, чтобы рассмотреть вопросы слухов и домыслов и установить, имеют эти слухи под собой какую-то основу или же нет. Если ты не хочешь говорить о том, кто именно вдохновил тебя сменить женское платье на мужское, расскажи нам хотя бы об обстоятельствах, при которых это произошло...

— Давая мне сопровождение, Робер де Бодрикур заставил поклясться всех солдат в том, что они доставят меня в Шинон в целости и сохранности. Для меня было необходимо сменить женское одеяние на мужское платье. Мои Голоса отозвались об этом хорошо. «Езжай, — сказал де Бодрикур, видя меня в седле. — Езжай! И да свершится сужденное!»[192]

— Ты имела откровения о Робере де Бодрикуре?

— Совсем немного.

— А о ком давалось тебе много откровений?

— Я получала много откровений о герцоге Орлеанском... больше, чем о ком-либо из живущих, кроме моего короля. Я знаю, что Господь очень любит герцога Орлеанского.

...— Когда именно ты покинула Вокулер?

— В конце зимы...

— Как ты добралась до Шинона?

---

[192] "'Go,' said Robert de Baudricourt to me, 'Go! and let come what may!'". [5]

— Я уже сказала, что капитан де Бодрикур дал мне сопровождающих. Мы скакали ночами, а дни пережидали в лесах... Только если было очень пасмурно и шел дождь, мы ехали также и днем.

— Почему ты так спешила?

— Мои Голоса говорили, что я должна поспеть в Шинон к началу марта, чтобы явить дофину утешение и помощь.

— Ты успела?

— Да, я добралась без преград, но несколько дней оставалась на постоялом дворе...

— А потом дофин принял тебя?

— Да. Он прислал за мной людей из замка, в котором располагался его двор.

— И что, он встретил тебя восседающим на троне?

— Нет, он посадил на трон другого человека, а сам спрятался среди толпы.

— Ты узнала дофина?

— Да. Мои Голоса указали на него. Я сказала Карлу, что готова отправиться сражаться против англичан.

— Опять ты говоришь о своих голосах[193]... Слушая тебя, у нас складывается впечатление, что ты больше действовала по указанию этих таинственных голосов, чем по своему собственному усмотрению...

— Так и было.

— Ты считаешь это разумным?

— Если мудрецы дают совет, разве разумно его ослушаться и сделать по-своему?

— Это были советы или приказы?

— Когда вы стремитесь выбраться из чащи леса, в которой заблудились, и встречаете человека, который указывает вам путь, — разве его указания будут приказами?

— Ты так хотела добраться до Руана?

— Я стремилась к тому, что мне было дано сделать.

— К чему?

— Освободить Орлеан и короновать дофина Карла.

— Ты уже тогда знала, что тебе это дано сделать?

— Я уже тогда знала, что не смогу жить со спокойной совестью, если не осуществлю это.

— Откуда же в сердце простой пастушки взялись такие мечты?

— От Святого, который поместил в сердце пастушки их ростки.

— От Святого... — удивленно-насмешливо пробормотал Бопер и на некоторое время задумался.

— Когда твои голоса указали на короля, ты тоже видела свет?[194]

---

[193] Этот отрывок допроса, касающийся встречи Жанны и дофина Карла, я взял смелость немного интерпретировать и дополнить комментариями, которые, как мне кажется, вполне могла дать Жанна.

[194] С этого места возобновляется почти точное следование протоколу допроса — с небольшими отклонениями для обеспечения непрерывности повествования.

— Следующий вопрос...

— Ты видела Ангела над королем?

— Пощадите меня... Переходите к следующему вопросу.

— Король сразу поверил тебе?

— Прежде чем король допустил меня к делам, ему было дано множество видений и прекрасных откровений.

— И какие же именно видения и откровения были даны королю?

— Я не скажу вам. Пока еще не время рассказывать об этом. Но вы можете послать гонцов к королю, и он сам все расскажет.

— Были ли у тебя опасения, которые касались твоего визита к Карлу?

— Мои Голоса обещали мне, что, как только я приду к королю, он примет меня. Мои сопровождающие знали, что Голоса ниспосылаются мне от Господа, они видели и понимали их, я в этом уверена.[195] Мой король и многие другие также видели и слышали Голоса, которые приходили ко мне. Рядом с нами находились Карл Бурбонский и два или три других человека. С тех пор не было дня, чтоб я не слышала Голоса... Я в них очень нуждаюсь.

— Скажи, Жанна... а какую награду ты хотела бы получить от своих голосов за то, что так верно и самозабвенно им служишь?

— Никогда я не просила награды иной, кроме спасения моей души.

— Ты так сильно заботишься о спасении своей души?

— Насколько мне позволяют мое устремление и силы...

— А скажи-ка нам, Жанна, когда ты принимала участие в стычке перед Парижем, твои войска остановились в городке Сен-Дени?

— Да. И туда меня принесли после ранения во рве перед Парижем. Я хотела остаться и продолжить штурм, но посланные Карлом капитаны забрали меня против моего желания. Если бы я не была ранена, я ни за что не ушла бы оттуда.

— Ты отдала приказ о штурме Парижа?

— Да...

— Разве день, когда ты подняла своих солдат в атаку, не был праздничным?

— Мне кажется, это был день праздника.

— Разве это было хорошо — устраивать нападение в день праздника?

— Что об этом говорить теперь... Переходите к следующему вопросу.

— Думаю, на сегодня достаточно.[196] Следующий допрос назначается на субботу, двадцать четвертое февраля, на восемь часов утра.

22 февраля 1431. Плененная Жанна. Руан. Апартаменты епископа Пьера Кошона. Вечер

— Наконец-то! Почему так долго?

— Монсеньор... я несколько раз отсылал вам отчеты.

---

[195] “Those of my party knew well that the Voice had been sent me from God; they have seen and known this Voice, I am sure of it”. [5]

[196] Кроме всего перечисленного, в англоязычном тексте протоколов допроса указывалось, что именно на втором допросе Жанной был дан ответ о письме, которое она написала англичанам. Однако я отнес этот вопрос к допросу, проведенному 1 марта, когда рассматривалось также и письмо Жанны к графу Арманьякскому, которое касалось вопроса «трех пап». Мне показалось логичным, что вопросы об обоих письма должны были рассматриваться на одном и том же допросе.

— Знаю, хотя я и запретил тебе это делать. Но отчеты твои я выбросил, как только получил... Если я правильно понял, ты написал их специально на случай, если письма перехватят... А я, получив их, должен был понять, что вся информация, тобою собранная, не может быть доверена бумаге и поэтому находится при тебе... Я прав?

— Нет, монсеньор...

Лицо Пьера Кошона вытянулось... а затем глаза его сузились.

— И как прикажешь это понимать?

— В отчетах все написано верно. Жанна никогда не была колдуньей.

— Что значит не была?!! Да кто ты такой, чтобы это утверждать?!! Ты что себе позволяешь?! Ты... случаем, не пьян?

— Нет... Я все исполнил, как вы сказали... Опросил всех, кто знал Жанну... Люди не врали, монсеньор. Все не могли врать одно и то же... Они ее любили за чистоту, целомудрие, радость. Жанна — не ведьма.

— Молчать!!! — епископ наотмашь хлестнул пришедшего по губам, а потом схватил его за ворот рубахи и стянул ворот узлом так, что на шее мужчины вздулись вены. — Я говорю тебе, что Жанна — ведьма, и твоя задача не придумывать, почему она может быть не ведьма, а искать подтверждения тому, что я сказал.

— Я искал...

— Плохо искал!!!

— Нет, монсеньор... Вы знаете, что я хорошо разбираюсь в этих вопросах... Ведь именно поэтому вы выбрали меня. Жанна — не ведьма.

— Да мне наплевать, кто она!!! Мне нужно, чтоб ты сказал, что она ведьма!

— Я... не скажу такого...

— Ты... что?..

— Я... не скажу, что она... ведьма...

Кошон некоторое время смотрел на своего собеседника, медленно наливаясь кровью.

— Я проведу тебя через ад, — наконец процедил сквозь зубы епископ Бове. — Я возобновлю тот процесс, который сам некогда закрыл... Ты будешь обвинен в колдовстве и ереси и сгоришь заживо вместе с арманьякской шлюхой!!! Ты меня слышишь?!! Я сожгу тебя, пропустив перед этим через всех палачей в Руане!!!

— Да будет так.

— Что?!!!!!!!!! А ты точно... не пьян? Что-то уж больно ты... спокоен... Ведь тебе не убежать. Тебе некуда бежать!!!

— Мне незачем бежать. Я уже нашел, что искал.

— Ты нашел... — Кошон недоверчиво рассмеялся. — Погоди-погоди... ты нашел... *философский камень*?!!

— Крохи его.

— Ну да... — еще громче рассмеялся Кошон. — Почему же крохи? А куда сам камень подевался?..

— Он в камере Руанской тюрьмы.

Епископ Бове вдруг осекся... Его руки медленно опустились. А потом Кошон прикрыл ладонью свои губы.

— Как же я раньше не догадался?.. Ты же помутился рассудком... Помню, говорил мне лекарь, что не выдержишь пыток... Тогда надломился, теперь доломался... Господи правый, надо же, чтобы так не во время...

— Стража!!! — рявкнул он в открытую дверь, а когда посетителя увели, без сил опустился в кресло.

— Каков идиот... — пробормотал епископ. — Всю жизнь искал философский камень, а перед смертью признал за этот камень шлюшку-пастушку...

22 февраля 1431. Плененная Жанна. Руан. Апартаменты епископа Пьера Кошона. Поздний вечер

— Здравствуй, Николя, заходи... У меня к тебе новое поручение... Чтоб ты понял, о чем речь, я расскажу тебе кое-что, не предназначенное для чужих ушей. Порочащих сведений о Жанне в Домреми не нашлось... вообще. Ты понимаешь, что это значит? Да, это значит, что теперь у нас нет вообще ничего. И если положение не изменится, скоро нам придется удавить эту девку в камере и объявить, что она повесилась... чем и обосновать ее связь с дьяволом. Согласись, если все закончится так, нам с тобой не сдобровать. Понимаешь, к чему я веду?.. Ситуация должна измениться. До следующего заседания у нас имеется лишь один день. Ты... готов оказать мне... помощь?

Вот и прекрасно. Я знал, что могу положиться на верного друга.

23 февраля 1431. Плененная Жанна. Руан. Тюремная камера Жанны. Утро

— Здравствуй, Жанна...

— Здравствуйте...

— Я Николя с берегов Меза...

— Мез, — пробормотала Жанна, — но это же...

— Лотарингия, — с улыбкой подтвердил Николя. — Я родом из твоих мест.

Жанна чуть было не бросилась к нему с объятьями: такая волна радости захлестнула ее... Но потом она подалась назад, нахмурившись.

— Вы не знаете, почему ушла моя стража?.. Я думаю, если кто-то наведается сюда, то меня десять раз обвинят в том, что я убила и съела охранников, прежде чем найдут их храпящими за углом.

— Думаю, что твои охранники сегодня получили выходной или что-то вроде этого, потому что я тоже удивился, когда ключник привел меня к тебе... Известно ведь, что тебя сурово охраняют и никого не подпускают...

— Да уж...

— Так здорово, что судьба свела нас... Конечно, в Руанской тюрьме людей, что селедок в бочке... Может, пьяный ключник и попутал все на свете... Представляю, как ему попадет за это... В лучшем случае хлыстом угостят, а может и на дыбу попасть... Волшебство, да и только...

— Я не верю в волшебство, — сухо ответила Жанна. — Над всеми праведными — Воля Господня, а кто волшебства ищет, тот с бесами дружбу водит.

— Да, да, именно так! Именно! Просто с языка слетело. Так в моих местах говорят, но я с тобой полностью согласен: если кто Стезею Господней идет, тому волшебство, что чистому человеку одежда с блохами. Ты прости меня... Вижу, для тебя это очень серьезно... Я не буду мешать, я просто сяду и помолчу, пока охрана не вернется... А то зашел к тебе и тараторить начал... а, может, ты устала и подумать хочешь... Я не буду больше мешать, прости...

Жанна молча наблюдала, как вошедший умащивается на топчане, где обычно сидели стражники, а затем сказала примирительно:

— Ты тоже извини... Я не хотела так резко говорить... Ведь меня все на свете колдуньей считают, вот и обозлилась уже... как собака...

— А и пусть считают, — с готовностью подхватил Николя Луазелер. — Ты, главное, знаешь, что ни в чем не повинна, что Господь — Наставник твой, а остальные, что хотят, то пусть и считают. На них тоже Судья найдется...

— Вот и Голоса мои так говорят... — тихо сказала Жанна. — А мне все равно больно...

— Голоса?.. — не понял Николя.

— Да, Святые, которые приходят ко мне.

— Ты видишь Святых?!!

— Да, так же отчетливо, как тебя сейчас.

— Жанна... ты должна быть самой счастливой женщиной на земле! Тебя избрал сам Господь!!! Знаешь, многие в глубине сердца вообще не верят в Бога, а ты имеешь этому реальное подтверждение!!!

— Я верила в Бога и до того, как Святые пришли ко мне...

— Конечно!!! Ведь именно за твою веру Господь избрал тебя!

— Ты думаешь? Сколько раз я ни задавалась этим вопросом, так и не смогла понять, почему Он пришел именно ко мне... Я такая же грешница, как все, очень заносчива и вспыльчива... Меня в монастырь отдать бы надо... а Он на спасение Франции сподвиг...

— Наверное, раз Он так поступил, у Него были свои причины, — улыбнулся Николя. — Расскажи о Святых... Они прекрасны?

— О, да! Они самые прекрасные женщины из всех, кого я только видела...

— К тебе приходят именно женщины?

— Да, Святая Екатерина и Святая Маргарита... Они наставляют меня, учат не отчаиваться, всегда верить в Господа, быть Ему верной. Они поддерживали меня на полях сражений. Когда я была ранена под Орлеаном, Святая Екатерина помогла мне вынуть из раны стрелу, а потом дала силы, чтобы я могла держаться в седле остаток дня.

— А как Голоса являются к тебе?

— Обычно вместе со Светом и звуком колокола... Я редко вижу звук без света...

— А Святые никогда не оставляли тебе никаких колец или вышитого платочка... может, крестик?

Жанна с недоумением посмотрела на собеседника.

— Зачем им делать такое? Колечко у меня есть от матушки, платочков всегда было достаточно, и крестик у меня тоже был... пока англичане не отобрали.

— Так это ж все простые вещички, а вот если бы Святые тебе оставили что-то... было бы что-то чудодейственное...

— Мои Голоса говорили, что нет чудес больших чем те, которые есть во мне самой.

— Странная фраза... Ты понимаешь, что хотели сказать твои святые?

— Конечно, понимаю. Они хотели сказать, что человек совершает наибольшие чудеса, если вдохновлен своею верою.

— Получается, чтоб совершить чудо, надо сначала поверить?

— А как иначе чудеса совершаются, как не верою в Господа?

— Да, да... ты права... наверное, так... Ты знаешь, теперь, когда Франция почти свободна, я все больше и больше думаю, что ты действительно Посланница Небесных Сил... Третьего дня наша армия отбила Компьень... да и Париж скоро будет взят...

— Компьень?!! — не поверила своим ушам Жанна. — Париж?!!

— Конечно!!! А ты думаешь, почему на тебя так насели? Почему хотят осудить как можно скорее? Потому что власти у англичан остается все меньше! Франция почти свободна, Жанна! Благодаря тебе! Благодаря одной лишь тебе!!!

...— А потом Святая Екатерина и Святая Маргарита вместе приходили ко мне. Они рассказывали, каким должен быть воин, что у каждого есть совесть и если приходится сражаться за Родину, то надо делать это так, чтоб потом было не стыдно смотреть в глаза родным...

...— А Святой Михаил... Он так прекрасен, что я едва не теряла сознание, когда Он приближался. А когда я вспоминала Его голос, то сразу чувствовала, как начинают дрожать коленки.

...— А когда я была маленькая, то бургундцы напали на Домреми, но Святые укрыли меня от них, и никто не смог причинить мне вреда...

...— И тогда я вытащила стрелу из раны своими руками, потому что Святая Екатерина была рядом и не давала мне умереть. И я ничего не боялась, пока она была рядом, и поэтому все было так легко... А когда вынула стрелу, то поскакала к Дюнуа, потому что он собирался отозвать наступление...

...— Но я не хотела отходить со всеми, потому что они не видели того, что видела я... Они думали, что мы в одиночестве, а я знала, что тысячи Ангелов сошли с Небес, чтобы поддержать нас...

...— Жанна... ты столько всего рассказала... Столько чудес происходило в твоей жизни... Я не могу понять, как ты держишься теперь, когда ты в тюрьме и охранники все время издеваются над тобой...

— Меня все так же навещают мои Святые. Правда, теперь из-за охранников и криков, которые доносятся сюда, я часто не могу услышать их или не могу четко расслышать слова...

— Твои Святые, наверное, утешают тебя...

— Утешали раньше, пока я не поняла, что все это — испытания, через которые мне надо пройти, чтобы стать сильнее. Это словно чистилище, в котором должно сгореть все, что есть во мне плохого... потому что именно страдания очищают.

— Это тебе тоже Святые рассказали?

— Да, конечно... Я совсем не такая умная, чтоб до этого всего додуматься.

— Они... твои Святые... они такие мудрые...

— Они мне тоже говорят, что это не Их мудрость, Они говорят, что если на Лозе рождается гроздь, то Лоза стремится напитать ее всем самым лучшим.

— Прости меня... — обомлел Луазеллер. — Я не понял...

— Лоза — это Премудрость, Закон Божий. Каждую гроздь, которая прививается к Ее Телу любовью и многотерпением, Лоза наполняет всем, что Сама имеет от Отца своего.

— Это... тоже рассказали тебе... Святые?..

— Да... они часто приходят, чтобы почитать мне Книгу Огненную, каждая страница которой написана Святым Ангелом... Знаешь, они мне еще очень много поведали такого, что я даже тебе не могу рассказать, хотя верю тебе и считаю своим другом.

— Но... почему?.. Разве не говорил Христос, что зажженную свечу нужно ставить так, чтоб все видели свет?..

— Я вижу, ты человек ученый... Я и рада бы рассказать, но Святые предупреждали, что есть вещи для всех, а есть — для избранных... И, ставши избранным, нельзя другим открывать то, что от них сокрыто.

— Понимаю тебя... и преклоняюсь перед верностью твоей. Я слышал, что к тебе не допускают священника... Знай же, что ныне милосердие Господа привело к тебе одного из них. Я сокрыл от тебя то, что я священник, чтобы проверить тебя... Теперь, убедившись в твоей искренности и чистоте, я готов сделать все, что попросишь. Могу помолиться твоим Святым, потому что меня иногда допускают в часовню...

— Ты... священник? — радостно вскрикнула Жанна.

— Да, так и есть.

— Ты... исповедуешь меня?

...— А теперь, как своему исповеднику, расскажи об откровениях, которые ты имела от приходящих к тебе Святых...

23 февраля 1431. Плененная Жанна. Руан. Апартаменты епископа Пьера Кошона. Поздний вечер

— Писцы записали?! — ворвался к Кошону Николя Луазелер. — Они все успели записать?! Ты слышал, что она говорила?!! Теперь она в наших руках!!! Теперь она никуда не ускользнет... Дай же... дай мне эти записи!!! Я не хочу терять ни секунды!!! Столько надо сопоставить! Теперь у нас есть сотни вопросов, на которые она не найдет ни единого ответа!!!

— Николя... Маншон отказался протоколировать...

— *Что*?!!.. Маншон... *Вот мерзавец*!!! Ну, да ладно, даже того, что мы услышали, нам хватит с головой... Жанна сама составила себе приговор, теперь надо лишь заставить ее подписаться.

Николя принялся возбужденно ходить взад и вперед по комнате.

— Ересь... — бормотал он себе под нос. — Одна лишь ересь...

Пьер Кошон сидел в кресле, с интересом наблюдая за своим коллегой.

— Как сам понимаешь, — остановился напротив него Луазелер, — мы можем доказывать лишь то, что приходящие к ней духи являются нечистой силой. Затронуть же вопрос еретичности учения этих духов мы можем лишь вскользь, иначе нам придется подробно излагать их идеи и объяснять, чем каждая из них не соответствует догматам Святой Матери Церкви... Если бы Жанна почерпнула свои знания из отвергнутых церковью сочинений, объявить ее еретичкой не составило бы труда, но так как она опирается лишь на «откровения», полученные от своих «святых»...

— А скажи-ка мне, друг мой Николя, — перебил его Кошон. — Тебе ничего не напомнили эти «откровения»?

Луазелер на некоторое время задумался, а потом криво усмехнулся.

— Сочинения ранних гностиков.

— Верно... ранних гностиков в общем и Оригена в частности. Теперь ты понимаешь все значение этого процесса? — Кошон мерно хлопал ладонью по подлокотнику кресла. — Ведь мы наконец-то сможем доказать, что души еретиков продолжают неприкаянными скитаться по Земле и, принимая облики Святых, прельщают слабые сознания ко грехопадению! Ясно, что этот отчет не будет предназначаться для широкого круга священников — о нем будем знать лишь мы с тобой и Папа... Но значение его переоценить сложно... Ты прав, давай хорошенько обдумаем завтрашний допрос, нам надо спланировать все до мелочей. Будешь среди заседателей? Все равно, что могли, мы из Жанны вытянули, теперь надо ее сломать, раздавить... размазать по полу эту мерзкую гордячку!!!

— Да... Жанну пора ломать. В конце концов, ей и двадцати не исполнилось... Не думаю, что сломать ее будет сложно. Надо только поговорить с другими асессорами и выработать единую политику поведения.

24 февраля 1431. Плененная Жанна. Руан

Спокойный, надменный взгляд.[197]

Взгляд того, кто сидел среди судей.[198]

---

[197] Многие историки делают упор на то, что Николя Луазелер навещал Жанну в тюрьме не раз, некоторые говорят даже, что на протяжении нескольких недель... Однако я исхожу из того факта, что Николя Луазелер появился на допросе у Жанны 24 февраля (Р. Перну утверждает это). Значит, без его участия прошло всего два допроса, 21 и 22 февраля... Однако ни на первом, ни на втором допросе давления как такового на Жанну оказано не было, и тема Голосов не поднималась «прицельными вопросами». Я предполагаю, что все это время Кошон ожидал отчета своего безымянного слуги, отправленного в Домреми для сбора сведений. Не получив никакого результата, Кошон пустил в ход Луазелера (который прервал свою миссию по перепроверке писцов). Пусть его общение с Жанной происходи-ло не на протяжении одного дня, как нарисовал я, но не думаю, что на протяжении большем чем два-три дня (иначе, как мне кажется, были бы найдены другие писцы вместо заартачившегося Маншона, которые составили бы протокол общения Жанны с подсадным Луазелером).

[198] «Жанне предписано вновь предстать перед судом через день, в субботу 24 февраля.

В этот день ее ожидал сюрприз: среди заседателей находился Николя Луазелер. Жанна уже неоднократно встречалась с этим человеком — он навещал ее в тюрьме, выдавая себя за уроженца берегов Меза и пленника...» [8]

Жанна стояла, словно парализованная...

— Жанна...

—...нешься ли ты...

—...равду обо всех вопросах...

— Жанна...

— Жанна!...

— Жанна, ты слышишь меня?!!

Кошон, придвинувшийся вплотную к ней...

Вдруг ее нос заполнило омерзительное зловоние... Казалось, что Кошон воняет, как бочка с тухлой рыбой. Невольно Жанна отшатнулась от священника и поморщилась от отвращения.

— Ты клянешься говорить только правду обо всем, что...

— Кто этот человек? — перебила его Жанна и кивнула на Луазелера.

— Это Николя Луазелер, один из слуг Святой Матери Церкви... К сожалению, лишь сегодня он смог занять свое место...

— Этот человек выведывал у меня... — снова перебила она его.

— Жанна!!! — Кошон навис над ней разъяренным чудовищем.

Ей вдруг показалось, что черты его лица раздвигаются в стороны и через них проглядывает смердящий оскал... один из тех, которые она видела в темных углах комнаты.

— Жанна!!! Ты должна поклясться говорить правду обо всем...

— Кто этот человек?!! — что было мочи закричала Жанна.

— Поклянись говорить правду!!!

— Он пришел ко мне в камеру и назвался...

— Ты должна поклясться! — закричал из-за спины Кошона один из судей.

— Почему ты не клянешься?!! — кричал другой священник, сидевший справа от нее.

— Сколько же это будет продолжаться?!! — вопил третий священник, сидевший слева.

— Этот человек...

— Как смеешь ты отвергать требования Святой Матери Церкви?!!

— Поклянись говорить правду!!!

— Поклянись!!!

— Поклянись!!!

— Поклянись!!!

— *Дайте же мне сказать!* — умоляюще закричала Жанна.

— Поклянись!!!

— Поклянись!!!

— Поклянись!!!

— Дайте же...

— Клянешься ли ты?!!

— Клянешься?!!

— Клянешься?!!

— Ну дайте же мне сказать!!! Во имя моей веры! Вы можете спрашивать меня о многих вещах, о которых я не смогу ничего сказать вам, особенно, что

касается вопроса откровений... Однако если я поклянусь, вы можете заставить меня открыть вам те вещи, о которых я обещалась не говорить... и тогда я буду виновна в клятвопреступлении, а желать этого вы никак не можете...

— Жанна!!! — крикнул Кошон. — Как смеешь ты указывать нам на то, о чем спрашивать или не спрашивать тебя?!! Мы твои судьи, и мы будем решать, чего коснутся наши вопросы.[199]

— Скажу-ка я вам, — ответила ему Жанна. — Хорошенько следите за тем, что вы говорите... Вы, который стали моим судьей! На себя кладете огромную ответственность, осуждая меня. Говорю еще раз, что достаточно той клятвы, которую я уже давала дважды.

— Жанна... не тебе указывать мне, *назначенному* твоим судьей, за чем мне нужно следить. Не я рвался на это место, но Матерь Церковь призвала меня!!!

— Так ли, судья мой?.. — едва слышно пробормотала Жанна.

— Жанна! Поклянешься ли ты... безо всяких условий и искренне?!!

— Вы, несомненно, можете продолжать допрос и без этого. Я достаточно уже клялась... Дважды... Все духовенство Руана и Парижа не сможет осудить меня, если закон не будет на вашей стороне. Про мой приход во Францию я охотно расскажу всю правду, но всего я рассказывать не буду, потому что восемь дней еще не прошло, и их может не хватить, чтоб я поняла, могу ли я рассказать вам о своих Откровениях.

— Жанна... послушайся советов моих помощников... Дай клятву отвечать правдиво на все вопросы, которые будут тебе заданы, кажется тебе это справедливым или нет...

— О своем приходе во Францию я буду говорить охотно и правдиво, но не обо всем остальном. И больше не говорите со мной об этом!

— Ты все больше обнажаешь свое нежелание дать клятву говорить правду вообще.

— Вы знаете, что это не так. Больше не надо об этом. Переходите дальше.

— Мы еще раз настоятельно требуем, чтобы ты дала нам клятву отвечать одну лишь правду на вопросы, которые мы тебе зададим, стремясь постичь природу твоих голосов и откровений.

— Я радостно скажу вам, что смогу, но это не значит, что я скажу вам все, что знаю. Я пришла помогать Франции во имя Божье, и природа моих Голосов пришла вместе со мной. Мне нечего больше делать здесь, и все, о чем я прошу, это чтоб меня отправили назад, к Господу, от Которого я и пришла.[200]

— И снова мы взываем к твоему разуму и требуем, чтоб ты дала клятву под угрозой признания истинными обвинений, которые выдвинуты против тебя.

— Переходите дальше.

— И в последний раз мы требуем, чтоб ты поклялась, и настоятельно предостерегаем тебя, чтоб ты говорила одну лишь правду обо всем, что

---

[199] Естественно, приведенные в протоколах допросов переговоры по поводу клятвы были немного видоизменены мною: я полагаю, что в силу шока от того, что Жанна увидела Луазелера среди заседателей, она никак не могла говорить так спокойно, как получалось, исходя из текста протоколов.

[200] I have nothing to do here; let me be sent back to God, whence I came. [5]

касается суда над тобой. Не желая дать клятву, ты подвергаешь себя огромной опасности.

Жанна внимательно посмотрела на Кошона, а потом едва заметно покачала головой.

— Я готова говорить правду обо всем, что касается суда надо мной.

Кошон непонимающе развел руками и направился к своему месту.

...— Скажи-ка нам, Жанна... — вновь перед ней возник Жан Бопер. — Как много времени прошло с того момента, как ты в последний раз получала питье и еду?[201]

— Со вчерашнего полудня[202].

— А сколько времени прошло с того момента, как ты слышала свои голоса?

— Я слышала их вчера и сегодня.

— И в каком же часу вчера слышала ты их?

— Вчера я слышала их трижды: один раз утром, второй раз во время вечерней службы в церкви и третий раз, когда вечером звонили «Ave Maria». Но бывало, что я слышала Голоса даже чаще, чем вчера.

— Чем ты занималась вчера, когда голос пришел к тебе?

— Я спала... Голос разбудил меня.

— Что, прикосновением руки?..

— Нет, чтоб разбудить меня, руки ему не нужны.

— Этот... голос... он находился именно в твоей камере?

— Нет, насколько я могла понять... Наверное, где-то в замке.

— Ты поблагодарила его? Встала ли ты перед ним на колени?

— Конечно, я поблагодарила его! Я сидела на кровати... Я соединила ладони и молила Голос о помощи. Он сказал мне: «Отвечай смело». Я просила объяснить мне, как именно нужно отвечать, моля его донести до меня совет Господа... Голос еще раз повторил мне: «Отвечай смело. Господь поможет тебе, дщерь».[203] До того как я снова взмолилась дать мне Совет, Голос произнес несколько слов, которые я не смогла понять... А после того как я окончательно проснулась, Голос повторил в третий раз: «Отвечай смело».

Жанна обернулась к Кошону и сказала:

— Говоря о том, что вы мой судья, не забывайте хорошо заботиться о том, что вы делаете, потому что я на самом деле послана Господом, и, ища способ осудить меня, вы подвергаете большей опасности себя, чем меня.

---

[201] Некоторые историки пришли к заключению, что судьи Жанны пытались доказать, что природа ее Голосов имела вполне физическую природу и заключалась в ее теле, ослабленном длительными воздержаниями. Так, по ее же словам, пребывая в доме своего отца (не во время войны), обычно она ела один раз в день — один кусок хлеба, окуная его в вино с водой.

"This, and a subsequent inquiry, on February 27th, as to Jeanne's habit of fasting, would seem to suggest a desire on the part of the questioner to prove that her visions had a more or less physical cause in a weak bodily state resulting from absti-nence. As Jeanne's usual food consisted of a little bread dipped in wine and water, and as she is reported to have had when at home (not in war) but one meal a day, it need hardly be supposed that she suffered much from the results of a Lenten Fast)". Примечания к Третьему Публичному допросу, 24 февраля. [5]

[202] Полдень, 12-00.

[203] "Answer boldly; God will help thee".

Бопер ехидно усмехнулся и продолжил, словно Жанна ничего и не говорила:

— Бывает ли так, что твои голоса дают тебе разные советы?

— Никогда не замечала я, чтоб они имели различные мнения по поводу того, что надо сделать. Этой ночью я снова слышала, как Голос сказал мне: «Отвечай смело».

— Запрещал ли твой голос отвечать на те вопросы, которые тебе задаются?

— На этот вопрос я отвечать не буду. Если откровения касаются короля Франции, вам их не выведать.

— Запрещал ли он тебе рассказывать об откровениях?

— Мне не было дано совета об этих вещах. Дайте мне отсрочку в пятнадцать дней,[204] и я отвечу вам на вопрос об откровениях. Если бы мои Голоса запретили мне говорить об этом, что бы вы сказали? Что мои Голоса грешны? Поверьте, что не человек запретил мне говорить об откровениях, и сегодня я не отвечу на эти вопросы, потому что не знаю, имею на то право или нет: это мне открыто еще не было. Но всей убежденностью своей христианской веры и святостью крови Христа-Искупителя прошу вас поверить, что Голоса эти приходят от Самого Господа и по Его распоряжению.

— Этот голос, который, как ты говоришь, приходит к тебе... он приходит от Ангела или прямо от Бога... или, может, он приходит от кого-то из Святых?

— Голос приходит ко мне от Господа, но я не расскажу вам всего, что знаю об этом, потому что много больше боюсь расстроить этот Голос, чем не ответить на ваши вопросы. Что же до самого вопроса, то умоляю лишь о том, чтоб вы дали мне отсрочку с ответом.

— Может ли расстроить Бога то, что ты говоришь правду?

— Мои Голоса доверили мне некоторые тайны, которые я должна была открыть королю Франции... не вам. Сегодня ночью они поведали мне много хорошего о будущем моего короля, и мне сразу же захотелось пересказать все это ему, даже если мне не придется пить вина до Пасхи:[205] король так повеселел бы за обедом.

— Разве ты не можешь убедить свои голоса дать обещание доставить эти новости твоему королю?

— Я знаю, что новости достигнут короля не в том случае, если Голоса пообещают, но если это будет угодно Господу. Если на то будет Его Воля, Он сумеет донести откровения до короля, и меня это очень сильно порадует.

— Почему же голос не разговаривает больше с королем, как он делал это в то время, когда ты была рядом?

— Думаю, для того чтобы общаться с Карлом, им нужен посредник... В августинском монастыре, который находится близ Домреми, мне не раз говорили, что Бог может общаться с людьми только через Ангелов... Может, чтобы общаться с Карлом, Ангелам нужна я...[206] Думаю, Воля Господня,

---

[204] Именно через пятнадцать дней Жанна расскажет аллегорию об Ангеле и Короне и даст ключ к этой аллегории, говоря, что все сказанное сказано о ней.

[205] Думаю, речь идет об евхаристическом вине.

[206] Этого предложения не было в оригинальных протоколах допросов, но думаю, что этот ответ является логичным: Голоса являлись Карлу только в присутствии Жанны. Думаю, что дело было в свете, который излучался ее душой и очищал пространство вокруг нее, делая возможным проявления рядом с нею Светлых Сил.

которая направила ко мне Голоса, словно передала с ними частичку Его благодати, которая окружила меня. Без благодати Божьей я не имела бы представления даже, с чего начать все, что мне надо было сделать.

Жан Бопер задумчиво посмотрел на Жанну, словно размышляя над чем-то, а потом сверился с планом допроса.

— Открывали ли тебе твои голоса, что ты сбежишь из тюрьмы?

— Об этом мне нечего вам сказать.

— Давал ли твой голос тебе совет этой ночью о том, на какие вопросы ты можешь отвечать, а на какие нет?

— Если он и давал мне советы, то я их не поняла... Я уже говорила, что иногда не могу разобрать слов...

— Те два последних раза, когда ты слышала этот голос... приходил ли с ним свет?

— Свет появляется в тот же момент, когда приходит и Голос

— Кроме голоса, который приходит к тебе, ты что-нибудь видишь?

— Я не скажу вам всего. У меня нет на то разрешения... Моя клятва отвечать правдиво этого не касается. Голоса мои прекрасны и заслуживают того, чтоб относиться к ним с почтением, так что я не обязана отвечать вам на этот вопрос. Я прошу, чтоб вопросы, на которые я не отвечаю, записывались отдельно и были заданы мне позже.

— Тот голос, который дает тебе советы... у него есть лицо и глаза?

— Пока я ничего не скажу вам об этом.

И тут Жанна встретилась взглядом с одним из судей, который все время до того рисовал что-то на листе бумаги.

— Ты думаешь, что находишься в состоянии благодати Божьей?

Жанна кожей почувствовала, как напряглись судьи... как замерли их мысли... как желание ее ошибки наполнило весь зал.

«Милость»...— ударило ее сердце и замерло.

«Благодать»... — вспыхнуло в ее голове.

С момента, как был произнесен вопрос, не прошло и секунды.

— Если я не нахожусь в состоянии благодати, да дарует мне его Бог; а если я в нем нахожусь, да утвердит меня в нем Бог, потому что я была бы несчастнейшим человеком в мире, если бы знала, что это состояние запретно для меня. Однако если бы я пребывала во грехе, неужели вы думаете, что Голоса стали бы приходить ко мне? Мне хотелось бы, чтоб каждый человек в мире слышал Голоса так же отчетливо, как слышу их я.

Гримаса досады на лице священника, который снова вернулся к рисованию.

Серия его мыслей, которые, как картинки, вспыхнули перед глазами Жанны: ответ «нет» — Жанна признает себя отверженной Богом; ответ «да» — Жанна расписывается в смертном грехе гордыни, потому что никто не может знать, пребывает ли на нем «благодать Божья».

Жанна прошла по струне, натянутой над раскрытой пастью бездны.

Жан Бопер сглотнул, моргнул несколько раз, приходя в себя, кашлянул... подошел к столу и налил из кувшина воды. Отпил глоток. Снова кашлянул.

— Сколько тебе было лет, когда твои голоса пришли к тебе впервые?

— Думаю, около тринадцати.

— Ходила ли ты гулять в поля с другими юношами и девушками?

— Иногда ходила...

— А в каком возрасте?

— Не помню...

— А жители Домреми находились на стороне бургундцев или же на враждебной бургундцам стороне?

— За всю жизнь я была знакома всего с одним бургундцем... его давно ждет топор. Впрочем, на все воля Божья.

— А в деревне Марсей находились бургундцы или их противники?

— Марсей была под властью бургундцев.

— Когда ты была в юношеском возрасте... не этот ли голос сказал тебе, чтоб ты ненавидела бургундцев?

— Голоса никогда не говорили ненавидеть кого-то. Просто после того как я поняла, что Голоса находятся на стороне короля Франции, я сама перестала любить бургундцев.

— Получается, до того ты любила их?

— Не особо.

— Как же ты могла перестать любить тех, кого не любила?

— Спросите у него, — кивнула Жанна на Луазелера.

— Но я спрашиваю у тебя, — Бопер подошел к ней поближе.

От него воняло так же, как от Кошона.

— Когда любишь не особо, значит, любовь еще не ушла, а когда перестаешь любить, любви уже не остается.

— Христос завещал любить своих врагов.

— А вы меня любите?

— Святая Матерь Церковь любит всех своих чад.

— Разве хорош тот отец, который сажает ребенка на цепь, окружив пятью охранниками и не допуская к исповеди?

—...Ты собираешься судить деяния Церкви?

— Я всего лишь задала вам вопрос.

— Жанна, — скрипнул зубами Жан Бопер. — Позволю себе напомнить, что пока я задаю тебе вопросы.

— Готовите меру? — усмехнулась Жанна.

— Прости меня?.. — нахмурился Бопер.

— Во францисканском монастыре священники часто говорили прихожанам: «Какою мерою меряете...»

— Жанна!!! — закричал на нее клирик. — Да как ты смеешь?.. Не забывайся![207]

Он быстро подошел к столу и взял в руки несколько листов бумаги. Затем нервно отшвырнул их прочь и обернулся к Жанне.

---

[207] Начиная от «Получается, до того ты любила их...» и до этого места, я поместил вопросы, которые, по моему мнению, было бы логично задать со стороны судей, и ответы, которые, как мне кажется, могла бы дать Жанна.

— Получается так, что ты все же ненавидишь бургундцев?

— Нет. Но, независимо от моих чувств, бургундцы будут ввергнуты в войну до тех пор, пока не сделают, что должны... Я знаю это от моих Голосов.

— В детстве ты гуляла вместе с мальчиками, которые ходили в Марсей драться?

— Не помню... Зато я хорошо помню, что мальчики, которые ходили в Марсей, иногда возвращались оттуда сильно побитыми и окровавленными.

— А какими они возвращались в другие дни?

— Наверное, радостными...

— Думаешь, это было хорошо?

— Вы умнее меня, вы и скажите.

— В детские годы у тебя было желание преследовать бургундцев и сражаться против них?

— У меня было лишь стремление, чтобы мой король получил принадлежащее ему королевство.

— Когда ты отправилась во Францию, хотела ли ты быть мужчиной?

— Я уже была женщиной, когда Господь призвал меня к служению. Зачем мне хотеть становиться мужчиной?

— Для чего же ты оделась как мужчина и постриглась как мужчина?

— Чтобы меньше отвлекать от сражений других мужчин.[208]

...— Ты водила стадо в поля?

— Я уже отвечала на этот вопрос. Когда я выросла из детского возраста, я не пасла стадо, но помогала отгонять его на луга или в крепость, называемую «Остров»,[209] когда угрожало нападение солдат. Про детство же я не помню, водила стадо в поля или нет.

— Что ты можешь рассказать нам об одном дереве, которое растет возле твоей деревни?

— Смотря о каком именно дереве вы говорите.

— Жанна... возле Домреми есть всего лишь одно дерево, о котором не говорят, как о простом дереве.

Жанна в задумчивости смотрела на священника... Тот глубоко вздохнул, пытаясь унять раздражение, и спросил, процеживая слова:

— Что ты можешь сказать о «дереве фей»?

— А... — поняла его Жанна. — Дерево фей... Вблизи Домреми есть такое дерево... Одни называют его Дерево Дам, другие — Дерево Фей...[210] Возле него есть источник... Говорят, больные лихорадкой пьют из него и другие люди приходят, чтобы взять воду для получения исцеления.

---

[208] В протоколах сказано, что на вопрос, хотела ли она быть мужчиной, Жанна ответила: «Я уже говорила об этом», однако в текстах протоколов допросов нет такого упоминания, что наводит на мысль о том, что данный ответ попал под церковную цензуру. Я воссоздал этот ответ на свое усмотрение.

[209] "To a Castle called the Island".

[210] "'The Ladies' Tree — others call it 'The Fairies' Tree". В истории этого дерева интересно то, что, по утверждению Интернет-обозревателей протоколов, оно обрело силу исцеления после того, как в него попала молния. "According to local tradition, this tree stood to within the last 50 years, and was struck by lightning". Примечание к Третьему Публичному допросу от 24 февраля. [5]

— Ты сама это видела?

— Да, я видела, что люди приходили брать воду, но я не знаю, выздоравливали они или нет. Хотя молва говорит, что те, кто однажды выздоровел, приходили к этому дереву снова, чтоб прогуливаться возле него. Это прекрасное буковое дерево... Оно принадлежало рыцарю, господину Пьеру де Бурлемон. Мы с подружками иногда ходили туда, чтобы делать гирлянды для иконы Святой Девы Марии в Домреми. Так вот, про это дерево некоторые старики (но не мои кровные родичи) говорили, что феи часто посещают его. Об этом говорила и одна из моих крестных — Жанна, жена мэра Обери... говорила, что видела там фей.

— Думаешь, это правда?

— Не знаю... может, «да», может, «нет»... Люди иногда любят рассказывать от себя о том, что слышали от других.

— А сама ты когда-нибудь видела этих... фей?

— Нет.

— А знаешь ли ты, как эти феи выглядят?

— Нет...

— В таком случае, если ты не знаешь, как они выглядят... может, ты все-таки видела их... просто не понимала, кого именно ты видела?..

— Вряд ли... я не помню, чтоб видела возле этого дерева что-то необычное...

— Может, ты видела этих фей в лесах?

— В лесах много необычного... Если я не знаю, как выглядят феи, разве могу я сказать, что видела именно их, а не причудливую тень от дерева?

— Вспомни, Жанна... что именно ты видела, когда приходила к дереву?

— Что именно?.. — задумалась Жанна. — Я видела, как девушки плели гирлянды и вешали их на ветви... Я тоже плела гирлянды и оставляла на ветвях... Впрочем, самые красивые гирлянды мы уносили с собой.

— Ты любила играть возле этого дерева?

— Когда я узнала, что мне предстоит уйти во Францию, я перестала играть с друзьями и старалась вообще не думать о развлечениях.

— А когда ты повзрослела, ты ходила к этому дереву?

— Может, и ходила с подружками...

— Вы водили вокруг дерева хороводы?

— Подружки, думаю, да. А я, скорее всего, пела...

— Есть ли возле твоего дома роща, которая называется Дубовой?

— Есть...

— Пророчество про деву из Лотарингии с этой рощей как-то связано?

— Да, вроде Дева придет из местности, которая находится возле Дубовой рощи. Когда я пришла к королю в Шинон, было несколько человек, которые спрашивали меня, нет ли на моей родине рощи, называемой Дубовой... Они спрашивали меня именно из-за пророчества. Но в детстве я в это не особо верила.

— Эта роща находится далеко от дома твоего отца?

— Не очень... она видна с порога дома. Точно сказать не могу, но, мне кажется, я не слышала, чтоб феи появлялись там.

— Так с чего же твой брат взял, что ты получила свое откровение именно возле Дерева Фей?

— Он сказал мне однажды, что соседи говорят, будто «Жанетта получила свою миссию около Дерева Фей». Но это совсем не правда, и я сразу же сказала ему об этом. Думаю, просто люди из Домреми очень давно верили в это Дерево Фей, и когда Карл был коронован в Реймсе, мои соседи, должно быть, решили, что это могло произойти лишь при содействии фей.

— И что, в детстве тебе ни разу не пришло в голову, что дева, которая должна спасти Францию, — это... ты?

— А почему это должно было приходить мне в голову?

— Но ты ведь весьма необычная личность... ты слышишь голоса...

— Когда Голоса явились мне, Они *сказали*, что я — та самая Дева. Эти слова не пришли мне в голову, не были придуманы мной... Они были сказаны мне... Это было Откровение.

— Хотела бы ты получить женскую одежду?

— Дайте мне ее, я ее возьму и уйду, иначе я ее не возьму.

— Так... — Бопер вновь побагровел и засеменил к своему столу... заглянул в бумаги.

— Уходя из дома, ты понимала, что именно тебе придется сделать для освобождения Франции?

— В детстве я не собиралась ничего делать, а когда пришло понимание, что пора уходить, все, что мне надо было сделать, стало четким и понятным.

Жан Бопер подошел к Гийому Маншону и взял протокол процесса... пролистал несколько страниц.[211]

— А почему, повтори нам еще раз, парни из Домреми ходили в Марсей?

— Я уже отвечала, что они ходили драться с мальчишками из Марсея...

— Ах, да... это потому, что жители Марсея поддерживали бургундцев... — он ткнул пальцем в одну из страниц. — Ты считаешь это достаточно веской причиной, чтобы ходить драться в чужую деревню?..

— Я считаю, что каждый должен поступать по совести, а потом держать ответ за свои поступки.

— Ты говорила, что хотела бы, чтоб тому бургундцу, которого ты знала, отрубили голову... Это по-христиански?

— Я говорила, что его ждет плаха... Вы коверкаете мои слова.

— Твои слова записаны писцом. Можешь посмотреть сама.

— Я... не умею читать.

— Ах, да... как я мог забыть... Слушая твои мудрые ответы о совести и свободе, я как-то забыл, что ты даже не умеешь читать.

— Неужели каждый, кто умеет читать, знает все о свободе и совести?

---

[211] Естественно, приведенная ниже часть в протоколах отсутствует, однако на реабилитационном процессе Маншон говорил, что не раз на протяжении процесса его заставляли менять показания Жанны и писать то, что она не говорила. Конечно, он утверждает, что не поддавался и всегда «писал по совести», но признаться — значит согласиться в соучастии в убийстве... В реальности, ослушаться приказаний епископа Бове Маншон не мог: понятно, что его сразу же заменили бы другим писцом и сослали бы куда-нибудь в глушь. Поэтому я решил заострить внимание на том факте, что картина, которая запечатлена в протоколах допросов Жанны, скорее всего, весьма отлична от той, которая имела место в реальности.

— Не будем отклоняться от темы допроса... У меня в руке протокол, где записаны твои слова: «Я хотела бы, чтоб тому бургундцу отрубили голову...»

— Монсеньор, — кашлянул залившийся пурпуром Маншон.

— Что?!! — рявкнул на него Бопер.

— Я...

— Ты пиши протокол усердно, потому что это твоя работа, а обо всем, что ты хочешь сказать, мы поговорим сегодня же вечером.

— Итак, — снова обратился Бопер к Жанне, — я сказал, что тут написаны именно такие слова... Что ты об этом скажешь?

— Я скажу, что нехорошо коверкать слова человека, который не может постоять за себя.

— А хорошо было нападать на Париж в День Рождения пресвятой Богородицы?

— Я отвечала на этот вопрос... Переходите к следующему.

— Скажи нам, Жанна, это твои голоса сказали тебе напасть на Париж?

— Да. Они сказали, что город может быть взят.

— Значит, на самом деле, это они не чтят христианские Праздники?

— Они не говорили, когда именно нападать, это решала я.

— Все понятно... А голоса являлись тебе возле дерева фей?

— Нет, там было слишком людно...

— А показания твоего брата говорят, что являлись...

— Нет, он что-то напутал.

— Он утверждает, что ты сама рассказала ему, что голоса впервые явились тебе именно около дерева фей.

— Он перепутал то, что я ему говорила...

— Значит, ты рассказывала ему о своих откровениях?

— Только в общих чертах... Детали я не открывала никому, кроме короля Франции Карла VII.

— Твои голоса запрещают говорить тебе об откровениях?

— Я уже отвечала на этот вопрос. Вам стоит все-таки поверить, что мне запретили это не люди. Запреты людские могут сдержать лишь тело мое, душу же сдержать вы не в силах... Однако именно мир, из которого приходят Голоса, примет душу мою после смерти. К чему мне бояться прогневить вас, которые властны лишь над оставшимися мне днями, и не бояться прогневить Их, которые будут решать, достойна ли я войти в Вечность?

— Часто ли приходят к тебе голоса?

— Бывает по-всякому.

— Ты говоришь, что голоса являются тебе в тюрьме... а раньше ты говорила, что они не являлись возле дерева фей, потому что там было слишком людно... Как же получается, что твои голоса то являются тебе, когда ты не одна, то не являются?

— Сначала мои Голоса являлись, когда я была в одиночестве, потом они начали появляться, когда и другие люди были рядом. Они являлись мне даже посреди сражений... хотя для Них лучше тишина и покой. И если бы я не была в тюрьме или охранники не шумели так сильно, Голоса являлись бы чаще.

...Священник, который рисовал, прошептал что-то на ухо своему соседу, тот шепотом обратился к Боперу... Бопер снова начал наливаться кровью.

— На сегодня у нас больше нет вопросов, — опередил его Кошон. — Следующее заседание назначается на вторник, двадцать седьмое февраля, — после чего он повернулся к стражникам и указал на Жанну. — Уведите ее...

24 февраля 1431. Плененная Жанна. Руан. Апартаменты епископа Пьера Кошона. Вечер

— Монсеньор... э-э-э... монсеньоры...

— Заходи, Маншон, заходи... присаживайся. А теперь расскажи-ка нам, Маншон, что творится с твоей верой в Господа Иисуса Христа и желанием служить Матери Церкви?..

—...Я не понимаю, о чем вы говорите, монсеньоры.

— О твоем нежелании вести... правильные... протоколы.

— Я всегда вел правильные и очень точные протоколы... Мне казалось, именно по этой причине вы пригласили меня на данный процесс, отец Кошон.

— Но... понимаешь ли, Маншон... все равно придется исправлять некоторые места в протоколах допросов... хочешь ты того или же нет. Жанна — ведьма, она умеет быть хитрой и даже понимать, о чем мы собираемся спросить, поэтому ее ответы... нечестны. Ты это понимаешь?

— Я понимаю, что виновность человека определяется вердиктом церковного суда, который опирается на неоспоримые доказательства, а не одним-единственным человеком, исходящим из своего личного мнения.

— Послушай меня, Маншон,— вздохнул Жан Бопер. — Как бы тебе этот процесс ни виделся, Жанна уже признана виновной... Мы лишь подбираем достаточно веские аргументы для наших коллег из Парижского Университета. Я думаю, чтобы это понимать, не надо быть пророком. Так вот — я буду откровенен и не столь деликатен, как мой друг и коллега Пьер. По завершении процесса, который весьма важен для Матери Церкви, все его участники получат вознаграждение соответственно тому вкладу, который они в этот процесс внесут. Не буду скрывать, Маншон, что, если так пойдет и дальше, некоторых клириков ждут тяжкие времена... Ты понимаешь, о ком я говорю?.. Вот и хорошо... Однако... если данные клирики исправятся и будут всеми силами стремиться влить процесс в то русло, которое проложила для него Матерь Церковь, их ждет щедрое вознаграждение. Подумай над этими словами, друг мой... у тебя есть два полных дня. Но на третий день будь любезен определиться. Ждем твоего решения перед началом допроса.

Свободен.

24 февраля 1431. Плененная Жанна. Руан. Тюремная камера Жанны. 24 февраля 1431. Поздний вечер

— Ты притворялся моим другом... а сам выведал, что тебе надо было, стараясь осудить меня... Какой же ты священник?

— На этот вопрос сама себе ответь. Я тут для того, чтобы задать тебе вопрос другой. Не нужно отвечать на него мне... просто подумай и ответь себе

сама. Или задай тем, кого ты называешь голосами. Вопрос таков: если приходящие к тебе — от Света, если они Посланцы Господние, почему они не предупредили тебя о моем обмане?

Николя потер руки и усмехнулся.

— Пора посмотреть правде в глаза — тебя использовали, Жанна. Мало того, ты хотела этого... хотела быть инструментом. И ты им стала. Но, счастливая оттого, что чьи-то руки управляют тобой, ты не спешила задаться вопросом, кому именно эти руки принадлежат. И вот теперь, когда твои друзья перестали нуждаться в тебе, ты осталась одна-одинешенька... и лишь костер станет твоим побратимом.

Жанна холодно смотрела на него... Ее подбородок подрагивал, но лицо сохраняло суровые черты.

— Хочешь убедить меня в том, что мои Голоса — от тьмы? Однако что ты сделал, чтобы я поверила тебе? Пришел и предал меня, воспользовался, как... кабачной девкой. Ты... Если мои Голоса — от тьмы, кто же прислал тебя?

— Но если твои Голоса — Свет, — рявкнул Луазелер, — почему Они не предупредили тебя?

Жанна с трудом проглотила комок в горле.

— Когда увидишься с Ними... Николя с берегов Меза... не забудь об этом спросить.

...Жанна лежала, отвернувшись к сырой стене камеры, и по ее щекам одна за другой бежали слезы.

Было больно.

Было очень больно...

Почему Голоса не предупредили ее?..

Разве ей выпало мало мучений?

Как такое могло произойти?

Весь мир казался сырым и серым, словно осеннее утро, пропитанное едким туманом.

Ее трясло, как в лихорадке; внутренняя дрожь никак не утихала... наоборот, она лишь крепла с каждой минутой.

Стражники поначалу отпускали в ее сторону язвительные шуточки, но, чуть погодя, опасливо переглянулись и отодвинулись от нее. «Никак, чумой захворала», — испугом билось в их головах.

Ей было очень плохо. Хотелось, чтоб все оказалось неправдой. Хотелось домой, в Домреми... Хотелось в часовенку в лесу...

Хотелось забраться на самый верх и плакать, плакать, плакать навзрыд.

Хотелось Музыки Голосов, Их Небесного сияния...

Темно... как темно...

Зачем она доверилась предателю?

Зачем пренебрегла тем, что Говорилось ей?

Она сама во всем виновата.

Сама...

Сама...

Сама.

...Сырые стены наваливались на нее, душили, горбили непомерным грузом. Казалось, даже воздух стал тяжелым и давил изнутри каждым новым вдохом.

После того как доктор обследовал ее, стражники начали издеваться над ней еще ожесточеннее.

Но минуты слабости прошли. Слез больше не было, страха больше не было, нерешительности больше не было.

Голоса приходили. Из гула далекого колокола они превращались в громогласные разряды грома, которые каждым слогом сотрясали мир... Их одеяния из мерцания лунной зарницы оборачивались ослепительным пламенем, которое, словно в горных кристаллах, отражалось внутри каждого камня тюремной камеры. Жанна теряла дар речи, она замирала и растворялась в Огне...

А потом Голоса уходили, и стражники, рядом с Ангелами неприметные, все более озлобленно терзали ее... Воздух становился тягучим, и при каждом вдохе наполнял ее тяжестью... словно она провалилась на льду и вместо воздуха мерзлая вода вливалась в нее.

Когда Ангелы уходили, мир терял реальность, становился плоским и серым... будто был нарисован на куске мешковины, который накрыл ее глаза мокрым, полусгнившим лоскутом.

27 февраля 1431. Плененная Жанна. Руан

Присутствовали епископ и 54 асессора.

— Жанна, клянешься ли ты отвечать правду на все вопросы, которые будут тебе заданы?

— Я давала эту клятву уже не раз... Вам должно быть этого достаточно.

— Жанна... мы как судии церкви обязаны каждый раз перед тем, как задавать тебе вопросы, убедиться, что ответы будут правдивыми. Клянешься ли ты...

— А как же слова, что клясться нельзя?

— Жанна! Это нам, священникам, решать, какие слова Писания и к какой ситуации применять... Сейчас ты должна...

— Неужели вы не можете ошибиться в своем решении?

— Все мы люди, и все можем ошибиться... Но, кроме всего прочего, мы слуги Господа, и когда дело касается предмета веры, мы полагаемся не только на свой разум, но и на Его ручательство, данное Апостолу Петру, когда основание Церкви лишь закладывалась.

— Основание Церкви — на Небесах...[212] — едва слышно пробормотала Жанна.

— Что? — переспросил ее Кошон.

— Ничего... будь по-вашему... Клянусь говорить правду обо всем, что касается суда... но не обо всем, что мне известно.

---

[212] Естественно, этой словесной дуэли в оригинальных протоколах не было. Протокол этого допроса начинается требованием дать клятву и клятвой Жанны говорить правду с оговоркой, что она не обязуется рассказывать обо всем, что знает; после чего следует вопрос о состоянии Жанны.

— Жанна, — тяжело вздохнул Кошон. — Сколько можно ходить по одному и тому же кругу? Пойми, что это наше право требовать с тебя клятву отвечать правду и только правду, для того чтобы установить истину по вопросу ереси и ведьмачества, в которых ты обвиняешься...

Кошон вдруг закашлялся, его лицо дернулось от досады.

— То есть, подозреваешься, — исправился он и продолжил. — Для этого нам и нужна твоя клятва, чтоб решение, которое вынесет суд, не было ошибочным. По большому счету, именно тебе нужна клятва, которую мы раз за разом с боем из тебя вырываем.

— Мне хватит тех клятв, которые я уже дала. И вам должно их хватить... Я клялась достаточно.

...— Скажи нам, Жанна... — выступил вперед Жан Бопер. — Каково твое состояние?.. С прошлой субботы,[213] я имею в виду...

— Вы сами видите, каково мое состояние. Я в полном порядке... насколько это вообще возможно.

— Ты голодаешь каждый день на протяжении этого Великого Поста?

— Это что, касается судебного процесса?

— Каждый вопрос, который ты слышишь здесь, касается судебного процесса.

— Ну... в таком случае, да, я голодаю каждый день.

— Слышала ли ты голоса за это время? С прошлой субботы, я имею в виду.

— Да, и много раз.

— Слышала ли ты их в субботу в этом вот зале, где тебя допрашивали?

— Это уж точно никак не относится к этому суду.

— Жанна... это относится к суду, и даже более чем ты можешь предполагать. Да и вопрос откровений сейчас не затрагивается... однако вновь ты начинаешь упрямствовать и отказываться отвечать на наши вопросы. Как это понимать, Жанна?..

— Хорошо... будь по-вашему. Я слышала Голоса.

— И что же тебе сказали эти голоса в прошлую субботу?

— Я не совсем хорошо понимала их... а к тому моменту, как вернулась в свою камеру, я не слышала уже ничего такого, что могла бы пересказать вам.

— Что именно сказал тебе голос, когда ты вернулась в камеру?

— Он сказал, чтоб я смело отвечала на ваши вопросы. Я стараюсь советоваться с Голосами по поводу того, что вы спрашиваете... Я охотно отвечаю на те вопросы, на которые Господь дал мне разрешение отвечать... Что же до откровений, которые касаются короля Франции, я не расскажу о них ничего без разрешения Голосов.

— Неужели голос запретил тебе говорить вообще обо всем?

— Не имея указаний, как отвечать на те или иные вопросы, которые вы мне задаете, я не дам на них ни одного ответа. А как я уже говорила вам, некоторые советы моих Голосов я не могу расслышать.

— О чем рассказал тебе голос в последний раз?

---

[213] 24 февраля, когда состоялся последний допрос.

— Я спросила советов по определенным вопросам, которые вы задали мне.

— И ты получила ответы?

— По некоторым вопросам мне разрешено ответить вам, по остальным же — ответа от меня вы не получите, как усердно ни спрашивали бы, потому что разрешения давать ответы я еще не получила.

— Ты опасаешься отвечать без разрешения голосов?

— Если я буду пренебрегать указаниями Голосов, они, я думаю, перестанут помогать мне. Когда же мне будет дано разрешение Спасителя Нашего, тогда не побоюсь я ответить, потому что буду делать все в соответствии с данными мне указаниями, а не вопреки им.

— Жанна... как бы тебе ни хотелось промолчать на следующий вопрос, но задать его мы обязаны... Слишком долго ты упоминаешь о своих голосах, не уточняя конкретно, кому они принадлежат. Не кажется ли тебе, что пришло время рассказать нам всю правду о том, принадлежит ли этот голос Ангелу, или одному из Святых, или же этот голос исходит напрямую от Самого Бога?

— Как раз на этот вопрос мне было дано разрешение отвечать, так что молчать у меня нет никакого желания. Голоса принадлежат Святой Екатерине и Святой Маргарите. Их лица украшены прекрасными венцами, очень богатыми и благородными.[214]

— Вот как? Почему-то твои слова не вызывают у меня большого доверия.

— Возможно, дело в вас. Но вы можете послать гонцов в Пуатье, где служители церкви уже задавали мне подобные вопросы... Может, их мнение поможет вам заручиться большим доверием.

— Хорошо... давай я объясню тебе, что именно смущает меня в твоих показаниях. Как ты могла узнать, что к тебе пришли именно те две Святые, которыми ты их считаешь? И каким именно образом ты отличала одну из них от другой?

— Я прекрасно знаю, что это именно они, и я могу легко различать их.

— Вот видишь, что настораживает меня... Ты не даешь обоснованных ответов, но предлагаешь нам довериться твоему... чутью. Расскажи нам, каким именно образом отличала ты одну Святую от другой.

— Мое чутье тут совсем ни при чем. Обе Святые были названы мне, поэтому я знаю их имена... А различаю я их по манере приветствия и разговора. Уже семь лет прошло с того дня, как они одарили меня своим Руководством; теперь я узнаю их, как только они являются.

— Эти святые одеты... в одинаковые одежды?

— Пока ничего больше сказать вам я не могу... Как только разрешение будет дано мне, вы узнаете об этом.

— Жанна... нам кажется, ты даешь слишком мало информации, чтобы продолжать ставить нам условия.

— Если этой информации вам мало, то пошлите гонца в Пуатье, как я уже и говорила.

— Жанна!!!

— Откровения, о которых вы меня спрашиваете, были даны королю Франции, а не вам... Вы вообще не имеете права задавать такие вопросы, и

[214] Precious.

если ответы все же будут даны и отдалены от вас лишь временем, не благоразумно ли подождать?..

— Святые одинакового возраста?

— Пока у меня нет разрешения говорить об этом.

— Они говорят одновременно или по очереди?

— Пока у меня нет разрешения говорить об этом.

— Ну хотя бы скажи, кто из них явилась тебе первой?

— Поначалу я их не различала и полагала, что ко мне приходит одна Святая... Потом я разобралась, но пока не могу говорить об этом.[215] Если бы мне было дано позволение, я сказала бы охотно... Можете свериться: то же самое было записано в Пуатье. Но, кроме всего, я могу сказать, что получала утешение и поддержку от Святого Михаила.

— Кто из них явился тебе первым?

— Святой Михаил.

— Много ли времени прошло с тех пор, как ты впервые услышала голос Святого Михаила?

— Я не говорила, что слышала его Голос. Я сказала, что получила от него великое утешение и поддержку.

— Это он принес весть, что тебе суждено стать освободительницей Франции, когда тебе было тринадцать лет?[216]

— Да... однажды Он сказал мне об этом.

— Знаешь ли... Вообще-то, там, на Небесах, все четко распределено... Скажу тебе по секрету: передача Вестей оттуда — это обязанность Гавриила. Ты не полагаешь странным, что к тебе пришел именно Михаил?

— Мне это и в голову не пришло.

— Что именно?

— Что это странно... Ведь именно Святой Михаил — покровитель Франции... Почему же Его слова, сподвигающие на освобождение Франции, должны казаться странными?

Жан Бопер некоторое время пристально смотрел на Жанну, а потом досадливо поморщился.

— Расскажи, как это произошло.

— Мне было тринадцать... Было лето... Мы с ребятами бегали наперегонки на лугу. Мы бежали от Домреми до дубовой рощи...

— До *той самой* дубовой рощи?

— Да... *до той самой*. Я никогда в своей жизни так быстро не бегала; мне казалось, что я могу взлететь...

— Ты так сильно хотела победить?

— Нет, я просто бежала... Мне было очень хорошо и радостно... Казалось, вот-вот произойдет что-то светлое и хорошее. Я прибежала в рощу первая и

---

[215] Слова в оригинале, довольно странно звучащие в устах Жанны: «Я некогда знала это довольно хорошо, но теперь забыла». (I did not distinguish them at first. I knew well enough once, but I have forgotten). Так что я перевел их немного по-другому. К тому же, последующее предложение, которое она сказала, проливает свет на то, что она не хотела говорить об этом именно без разрешения.

[216] Здесь в протоколах стоит вопрос: «Какой из Голосов пришел к тебе в тринадцать лет?» и ответ Жанны, что это был Святой Михаил. Кроме этих слов, я вставил сюда описание встречи Жанны и Архангела Михаила.

остановилась отдышаться... И тут передо мной появился мальчик... Он был моего возраста, я его никогда раньше не видела. Он сказал, чтоб я ступала домой, потому что нужна моей матери. Но когда я прибежала домой, оказалось, что никто за мной не посылал...

— Этот мальчик... он был один из твоих родственников?

— Нет... я не видела его ни до, ни после того дня...

— Ты думаешь, это был... Ангел?

— Думаю, да... ведь он направил меня домой, где мне было дано Откровение...

— Но мальчик сказал, что ты была нужна матери, а на самом деле это было не так... Хочешь убедить нас, что Ангелы умеют лгать?

— Я думаю, он все сказал верно... Я была нужна своей матери...

— Но ты же только что сказала, что за тобой никто не посылал...

— Я была нужна своей Матери-Франции...

Бопер покраснел до корней волос, однако Жанна даже не заметила этого.

— Я вышла в сад отцовского дома... Там и явился мне Архангел Михаил. Он был не один, Его сопровождали многие Ангелы Небесные... И там он впервые заговорил со мной. Я очень хорошо помню этот Голос, потому что Он всегда хранил меня и оберегал. Мне очень хотелось бы, чтоб все люди в мире слышали Его так же отчетливо, как слышу я. Архангел и Ангелы были так прекрасны и чисты, что я поклялась хранить девственность, пока Богу это будет угодно.

— Ты видела Святого Михаила и этих Ангелов своими собственными глазами?.. Они не были призрачны, но... реальны?[217]

— Я видела их своими собственными глазами так же хорошо, как я вижу вас... Я сильно плакала, когда Они уходили, и просила забрать меня с собой...

— Опиши нам, как выглядел Святой Михаил.

— Я не могу пока говорить об этом свободно... Не спрашивайте меня больше.

— Что именно сказал тебе Святой Михаил во время этой встречи?

— Я больше не буду отвечать на эти вопросы сегодня. И хотя мои Голоса сказали, чтоб я отвечала смело, я больше не могу говорить о том, что Святой Михаил поведал мне. Однажды я рассказала королю все, что было открыто мне, потому что это касалось его, но теперь я боле не вольна говорить об Откровениях.

— Если на то Воля Божья, — обратилась Жанна к Боперу, — мне бы очень хотелось, чтоб вы заполучили копию моих допросов из «Книги Пуатье».[218]

---

[217] Возвращаемся к тексту протоколов.

[218] Как отмечали историки, в протоколах допросов Жанна не один раз ссылалась на эту «Книгу Пуатье», но ни на этом процессе, ни на процессе реабилитации эта книга так и не появилась. Историки предполагают, что «Книга Пуатье» содержала важную информацию из свидетельств Жанны и была уничтожена ее противниками после или даже во время Руанского процесса. Ведь, если бы книга была поднята, Кошон не смог бы вынести вердикт о ереси, так как Жанна уже была оправдана представителями той же Церкви. Если бы Кошон вынес вердикт о ереси и книга Пуатье была цела, он сам автоматически становился бы еретиком и раскольником (потому что нарушал Догмат о Единстве Церкви).

— Это голоса запретили тебе говорить об откровениях без предварительного одобрения с их стороны?

— Я больше не буду отвечать на эти вопросы. Обо всем, о чем говорить мне дозволено, я отвечу с радостью. В последний раз я не очень поняла, запрещали ли Голоса отвечать вам... поэтому, пока я не получу более точного ответа, я не буду касаться этих тем.

— Какой знак можешь ты дать нам, чтобы доказать, что твои откровения низошли от Бога и что именно Святые Екатерина и Маргарита разговаривают с тобой?

— Я уже сказала вам, что это именно они. Верьте мне, если желаете.

— Тебе запрещено говорить об этом?

— Я уже сказала не раз, что не очень поняла, могу ли я говорить об этом.

— А как ты можешь различить вещи, о которых ты можешь говорить, от тех, о которых тебе говорить запрещено?

— По некоторым вопросам я спрашивала разрешения, по другим же — разрешение давалось без моего запроса.

— Ты все делаешь только с позволения голосов?

— Мне было бы лучше, чтоб меня разорвали лошадьми, нежели прийти во Францию без Господнего позволения.

— Бог ли предписал тебе одеться как мужчина?

— Мужская одежда — это пустяк... это даже меньше чем пустяк.[219] И я надела ее не по совету кого бы то ни было из людей. Я не надела бы это платье, равно как не сделала бы ничего другого, иначе, чем по совету Господа Нашего или Ангелов Его.

— Тебе казалось, что приказ облачиться в мужское платье был правомочным?[220]

— Все, что я делала, я делала по Приказу Господа Нашего. Если бы мне было сказано облачиться в иные одежды,[221] я должна была бы поступить так, потому что на то была Его Воля.

— А не облачилась ли ты в мужское платье по приказу или же по совету Робера де Бодрикура?

— НЕТ.

— Думаешь, женщине хорошо облачаться в мужское платье?

— Все, что я сделала по Приказу Господа Нашего, я считаю, было хорошо. Мне всегда дается поручительство и необходимая помощь в этих делах.

— А в этом конкретном вопросе, облачения в мужское платье... как думаешь, ты преуспела?[222]

— Ничего в этом мире не делала я без указания Господнего. Не мне судить, преуспела ли я.[223]

---

[219] "What concerns this dress is a small thing — less than nothing".
[220] "Did it appear to you that this command to take man's dress was lawful?"
[221] "If I had been told to take some other..."
[222] "In this particular case, this taking of man's dress, do you think you did well?"
[223] Второе предложение добавлено мной.

— Когда ты видела, как этот твой голос снисходит к тебе, освещалось ли все вокруг?

— Где бы ни приходил ко мне Голос, все вокруг освещалось, как тому и дулжно быть. Ну как же вы не поймете?!![224]

— Был ли Ангел над головой твоего короля, когда ты увидела его впервые?

— О Святая Богородица!!! Если он там и был, мне ничего об этом не известно! По крайней мере, я над его головой Ангела не видела.[225]

— Сиял ли там свет?

— В зале присутствовало больше трехсот рыцарей и было зажжено более пятидесяти факелов, если вы это имели в виду. Духовный свет также сиял ярко.[226]

— Как ты думаешь, по какой причине король сумел поверить в твои слова?

— Ему были даны прекрасные знаки, которые засвидетельствовало также и духовенство.[227]

— Какие же откровения получил твой король?

— В этом году вы их от меня точно не узнаете[228]. На протяжении трех недель меня допрашивало духовенство в Шиноне и Пуатье. Прежде чем король поверил мне, он получил Знамение о моей миссии, и духовенство пришло к выводу, что ничего, кроме добра, в этой миссии нет.

— Ты бывала в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа?

— Да, однажды я присутствовала там на трех мессах в один и тот же день, а после этого послала письмо королю, чтобы узнать, будет ли мне позволено увидеть его... Я писала, что проделала огромный путь в сто пятьдесят лье, чтобы прийти ему на помощь, и что я несу ему добрые вести. Думаю, в моем письме были слова о том, что я смогу узнать его среди других[229].

— Что ты можешь рассказать нам о мече, который был найден в этой часовне?

— Пока я была в Шиноне, при мне был меч, который дал мне Робер де Бодрикур, но, прибыв в Тур, я отправила людей искать меч, который находился в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа за алтарем... Его сразу же нашли. Меч был в земле, его покрывала ржавчина, а его лезвие венчало пять крестов... Я знала от своих Голосов, где искать меч, но я не слышала, чтобы кто-то другой искал его. Я написала священникам церкви об этом мече и о том, что, может, им принесет радость, если меч будет в моих ножнах. И они выслали его мне.

— А где именно нашли меч?

— Меч нашли под землей, закопанным не очень глубоко. Мне кажется, он был за алтарем... Я точно не знаю, был ли он закопан перед или за алтарем, но, как мне кажется, я писала, что меч был закопан за алтарем.

---

[224] "It does not all come to you!"

[225] Придерживаюсь той версии, что монархи, которые вершат судьбы стран, должны иметь Помощников в Тонком Мире. Поэтому я поместил Ангела дофину за плечи, а Жанна сказала, что не видела Ангела у дофина над головой. Я полагаю что то, что Карл перестал слушаться своего Ангела, не говорит о том, что Его над Карлом не было.

[226] "There were more than three hundred Knights and more than fifty torches, without counting the spiritual light".

[227] "He had good signs, and the clergy bore me witness".

[228] "You will not have them from me this year".

[229] "I think I remember there was in my letter the remark that I should recognize him among all others".

— Он был сильно заржавевшим?

— Да, но когда священники принялись стирать ржавчину, она опала практически без усилия. Потом прибыл еще и турский оружейник. Священники Фьербуа подарили мне ножны, жители Тура подарили еще одни; первые были покрыты малиновым вельветом, а вторые — золотой тканью.

— Получается, у тебя было двое ножен?

— У меня были еще и третьи ножны, сделанные из кожи, очень крепкие.

— С тобой ли был тот меч, найденный в часовне, когда ты попала в плен?

— Нет... я всегда носила с собой этот меч с того момента, как его передали мне, и до моего отъезда из Сен-Дени, после той атаки на Париж...

— Благословляла ли ты свой меч и если благословляла, то какой молитвой?

— Я никогда не благословляла этот меч, равно как и не просила, чтоб его благословили.

— Почему?

— Потому что не знала бы, что с ним после этого делать.[230]

— Ты отрицаешь мощь благословения? — подал голос «рисовальщик».

— Я отрицаю благословение оружия. Разве вы благословляете мечи на то, чтоб ими проливали кровь?[231]

— Ты любила свой меч?

— Он был мне очень дорог — из-за места, где его нашли. Я очень люблю Святую Екатерину.

— Бывала ли ты в Куланж-ле-Винес?[232]

— Не могу вспомнить.

— Может, ты все-таки постараешься? Возле этого города ты поломала свой меч.

— То, как я поломала свой меч, я помню, но не помню, произошло ли это именно возле этого города.

— Ты поломала там меч из часовни?

— Если вы знаете обстоятельства, при которых мой меч был поломан, — процедила Жанна сквозь зубы, — то должны понимать всю несуразность своего вопроса.[233]

— Ты когда-нибудь помещала свой меч на алтарь, чтобы он стал более «удачливым»?

— Нет. Я даже о таком не слыхала, чтобы кто-нибудь делал подобное.[234]

— Молилась ли ты когда-нибудь, чтоб твой меч обрел большую удачу?

— Мне хватало желания, чтоб мои *доспехи* обрели большую удачу.

— У тебя был меч из часовни, когда тебя взяли в плен?

---

[230] Слова “I neither blessed it, nor had it blessed: I should not have known how to set about it” можно перевести и так, что Жанна не знала, как подойти к благословению меча, но думаю, мой перевод более логичен.

[231] Этого и предыдущего предложения в протоколах допросов не было.

[232] Предположительно, это маленький городок возле Осера, где произошел инцидент с переломом одного из мечей Жанны.

[233] Конечно, этого в протоколах не было... Там просто стоит вопрос об этом городке (Coulange-les-Vineuses), после чего задан новый вопрос. Но, если Боперу так уж хотелось спросить об этом городке именно в контексте вопросов про меч из часовни, думаю, что он задал бы и вопрос о поломанном мече.

[234] “Not that I know of”.

— Нет, со мной был тот, который я отобрала у одного бургундца.

— А где же ты оставила меч из Фьербуа? В Сен-Дени?

— В Сен-Дени я оставила свои доспехи и меч, но это был не меч из часовни... Его я оставила в Ланьи. Отправляясь из Ланьи в Компьень, я взяла с собой бургундский меч: он был хорош для сражения — им можно было наносить удары, которые ошеломляли противника.[235] А что стало с мечом из часовни, то это процесса не касается.

— А кто владеет твоим имуществом теперь?

— Мои братья.

— Можешь перечислить, что осталось им в наследство?

— Им остались мои лошади, меч, насколько мне известно, и все остальное, что стоит больше чем двенадцать тысяч королевских крон.[236]

— Когда ты была в Орлеане, при тебе было знамя или штандарт? И какого цвета они были?

— У меня было Знамя, полотнище которого было усеяно лилиями. На этом фоне был нарисован Вседержитель и два Ангела, по одному с каждой стороны от Него. Знамя было белое из ткани «боккасен». На Знамени было написано «Иисус, Мария»... Край знамени был отделан шелком.[237]

— Слова «Иисус, Мария» были написаны сверху, снизу или сбоку?

— Думаю, сбоку.

— Что было тебе более дорого — твое знамя или твой меч?

— Много больше... в сорок раз больше чем меч я ценила свое Знамя. Я сама несла Знамя, когда шла в атаку... чтобы избежать убийств. За всю войну я не убила ни единого человека![238]

— Кто подсказал тебе нарисовать на Знамени именно то, что там было нарисовано?

— Я уже достаточно говорила вам, что ничего не делаю иначе, чем по велению Господа.

— Какие силы были переданы в твое распоряжение, когда твой король допустил тебя до дел?

— Он дал мне десять или двенадцать тысяч человек. Прежде всего, я направилась в Орлеан, к бастилии Сен-Лу, и уже оттуда — к форту Ла Турель.

— Какую из крепостей ты атаковала, когда отдала солдатам приказ отступать?

— Я не помню такого... Я была совершенно уверена в том, что осада будет снята с Орлеана: я знала это из откровения. Я рассказала об этом королю прежде, чем отправиться в Орлеан.

— Перед атакой говорила ли ты своим солдатам, что ты одна примешь на себя все стрелы, бельты, камни и ядра, летящие из орудий и метательных машин?

---

[235] “It was a good sword for fighting — very good for giving stout buffets and hard clouts”.

[236] “And the rest, which are worth more than twelve thousand crowns”.

[237] “It was fringed with silk”.

[238] Это добавлено Жанной к ответу на следующий вопрос, но я перенес фразу сюда, потому что здесь она звучит более уместно.

— Как я могла давать такие обещания, — усмехнулась Жанна, — если была способна принять не больше одной стрелы за раз? Не говоря уже про камни и ядра... Более сотни из моих людей было тяжело ранено во время этого штурма, но я повторяла тем, кто остался: «Будьте бесстрашны — и вы снимете осаду!!!».

— В этой ли атаке ты была ранена?

— Да, при атаке форта Ла Турель меня ранила в шею стрела или бельт, но я получила великое утешение от Святой Екатерины и выздоровела меньше чем за две недели. Правда, я не переставала ездить верхом и сражаться. Я и до этого знала, что мне предстоит получить ранение... И королю я сказала, что буду ранена, но, невзирая на это, должна отправляться делать наше с ним общее дело. Это знание я получила через откровения от моих Святых, благословенной Екатерины и благословенной Маргариты. Я первая приставила лестницу к стене бастиона и, взбираясь по ней, получила ранение этим злосчастным бельтом.

— Жанна... а почему ты отклонила двухнедельное перемирие, которое было вам предложено при осаде Жаржо?

— Перемирие отклонили капитаны, но я их полностью поддерживала; потому я и сказала англичанам, чтоб они уходили из города и сохранили свои жизни.

— Но ты бы могла дать англичанам время подумать...

— У них было много времени с того дня, как из-за стен осажденного Орлеана я посылала им одно письмо за другим.

— Были ли у тебя откровения о том, принимать ли предложение о переговорах?

— Не могу вспомнить.

— Наверное, на сегодня довольно. Остальные вопросы будут заданы в четверг, первого марта.

1 марта 1431. Плененная Жанна. Руан

Присутствовали епископ и 58 асессоров.

— Здравствуй, Жанна... как всегда, сначала мы хотели бы услышать клятву отвечать правду на вопросы, которые будут тебе заданы.

— Я клялась уже не раз.

— Жанна... Мы требовали, требуем и будем требовать от тебя правдивых ответов и поэтому каждый раз будем напоминать тебе об ответственности за ложь.

— Повторяю, что я уже клялась и готова поклясться вновь говорить правду обо всем, что я знаю и что касается этого судебного процесса. Но я также знаю о многом, что этого процесса не касается и о чем говорить здесь нет нужды... Поэтому я охотно буду говорить правду лишь о том, что непосредственно касается данного процесса.

— Не тебе решать, что касается этого процесса, а что нет!

Жанна холодно посмотрела на Кошона и произнесла очень отчетливо:

— Обо всем, что касается процесса, я буду отвечать охотно и правдиво. Я расскажу вам всю правду, которую открыла бы самому Папе Римскому.

— О Господи!!! Жанна! Ты невыносима!

...— Получала ли ты письмо от герцога Арманьякского с вопросом о том, кого из трех Пап следует почитать как истинного?

— Да, герцог действительно написал мне такое письмо. Среди прочего я ответила, что постараюсь прояснить ситуацию с Папами, когда наконец-то войду в Париж. Насколько помнится, я как раз взбиралась на лошадь, когда давала этот ответ.

— Насколько помнится, в этот период происходили переговоры между бургундцами и Карлом. Куда же ты спешила?..

— Я... готовилась к походу на Париж.

— Ах, да! Мы забыли, что, пока твой король инициировал мирные переговоры, за его спиной ты снова готовилась начать войну... Думаешь, это было хорошо по отношению к твоему королю?

— Спросите об этом у Карла.

Кошон скрипнул зубами.

— Хорошо, давай вернемся к теме трех Пап и прочтем копии письма герцога д'Арманьяка и твой ответ.

«Моя дражайшая Госпожа!

Смиренно преклоняю перед Вами колени и во Имя Христа нашего Спасителя молю пояснить разделение, которое существует во Святой Вселенской Церкви по вопросу Пап... Ибо на сегодняшний день существуют три претендента на Папство: один, располагающийся в Риме, называющий себя Мартином V, ему изъявили верность все христианские короли; второй, живущий в Паниcколе, в королевстве Валенс, который называет себя Клементом VII[239] *; и третий, о местожительстве которого никто не знает, разве что он со своими людьми прячется у кардинала Святого Этьена... он называет себя Папой Бенедиктом XIV. Первый, Папа Мартин, был избран в Констанции*[240] *с согласия всего христианского мира. Тот, которого зовут Клементом, был избран в Паниcколе после смерти Папы Бенедикта XIII тремя из его кардиналов. Третий, который нарек себя Бенедиктом XIV, был секретно избран в Паниcколе с благословения кардинала Святого Этьена.*[241] *Не можете ли Вы воззвать к нескончаемому милосердию Спасителя нашего Иисуса Христа, чтобы через Вас дал Он ответ на вопрос: который из трех, перечисленных выше, Пап — истинный и кому нам хранить верность отныне и присно, чтобы*

---

[239] На самом деле, этот папа был Клементом VIII. Как предполагают историки, герцогу Арманьякскому, который был связан с арманьякской фракцией только своим именем, вопрос Пап был безразличен (отсюда и незнание верного титула Папы Клемента Восьмого), но, руководимый англичанами, верным слугой которых он являлся, он написал это письмо... Как, должно быть, полагали англичане, ответ безграмотной крестьянки должен был обличить ее незнание и самоуверенность.

[240] Constance.

[241] "The third, who dubs himself Benedict XIV, was elected secretly at Paniscole, even by the Cardinal Saint Etienne".

получить одобрение Его, — тому, кто назван Мартином, тому, который назван Клементом, или тому, который назван Бенедиктом? И кому верить нам и как верить — втайне, или же входя в противостояния с некоторыми людьми, или же заявляя о своей вере во всеуслышание? И как скажет Он, так и будет, ибо все мы готовы исполнять веления Господа Нашего Иисуса Христа.

Без остатка Ваш герцог Арманьякский».[242]

Теперь твой ответ:

«Иисус, Мария.

Герцог Арманьякский, почитаемый мною, Дева Жанна доводит до Вашего сведения, что прибыл гонец, которого Вы послали ко мне, чтобы узнать, какому из трех Пап, указанных в Вашем послании, следует верить. На этот вопрос я не могу ответить до тех пор, пока не вошла в Париж или не освобождена от своих воинских обязанностей. На сегодняшний же день война занимает слишком много времени; но когда Вы узнаете, что я прибыла в Париж, пришлите ко мне гонца, и я с радостью поясню, кому из Пап стоит верить, поясню настолько подробно, насколько вдохновит меня указание моего Господа — Короля всего мира.

Да пребудет Господь с Вами, дабы уберечь Вас от всяческих бедствий.

Писано в Компьене в день двадцать второй месяца августа».[243]

Скажи нам, это именно тот ответ, который ты дала герцогу Арманьякскому?

— Думаю, я могла так ответить частично, но никак не полностью.

— Говорила ли ты в своем ответе, что по указанию Царя Царей ты можешь узнать, как именно нужно поступить герцогу?

— Ничего не могу ответить об этом.[244]

— У тебя были сомнения по поводу того, кому именно из трех Пап герцог должен быть верным?

— Мне было сложно понять, каким именно образом ответить ему на вопрос о Папах: ведь герцог хотел знать, кому он должен быть верным по велению Господнему. Что до меня, то я верна господину нашему, Святому Папе Римскому. Я сказала посланцу герцога некоторые вещи, которых не было в зачитанных копиях. Возможно, если гонец не ускакал сразу же после получения ответа, ему пришлось искупаться в крепостном рве,[245] естественно, не по моей воле... Просто, кто такой герцог Арманьякский, известно и простым солдатам. Что до вопроса герцога о том, кому

---

[242] "My very dear Lady — I humbly commend myself to you, and pray, for God's sake, that, considering the divisions which are at this present time in the Holy Church Universal on the question of the Popes..." Пятый Публичный допрос, 1 марта. [5]

[243] "Jesus Maria

Count of Armagnac, my very dear and good friend..." Пятый Публичный допрос, 1 марта. [5]

[244] В протоколах стоит ответ Жанны: «Я ничего не знаю об этом» ("I know nothing about it"), но мне именно такой ответ кажется маловероятным.

[245] "...if the messenger had not gone off immediately, he would have been thrown into the water".

повиноваться по Воле Господа, то я ответила, что ничего сказать не могу, но дала ответы на другие вопросы, которые не вошли в зачитанную вами копию. Еще раз повторю, что лично я верю в Святого Папу Римского.

— Скажи почему?

— Как рассказывали в августинском монастыре, который находится возле Домреми, Христос дал своему ученику ключи от Царства Небесного, а ученик этот передал их первому Папе, а первый Папа был Папой Римским... И я не думаю, что Папа Римский передал бы ключи от Царства Небесного кому-то, кроме своего наследника[246].

— Почему же ты написала, что дашь ответ позже, если так верила в Папу Римского?

— Ответ, который я собиралась дать, касался не только вопроса трех Пап, но и многих других вещей.

— Говорила ли ты, что по вопросу трех Пап ты обратишься за советом к твоим голосам?

— Я никогда не говорила и не давала команды писать, что ответ на вопрос о трех Папах будет исходить именно от Голосов.

— Ты можешь поклясться в этом?

— Клянусь.

— Есть ли у тебя привычка помещать Имена «Иисус, Мария» вместе с крестом вверху твоих писем?

— На некоторых я ставлю их, на других нет. А иногда я ставила крест как знак своим людям, что они не должны делать, как было указано в письме.

— Даже так?.. Что ж, теперь давай послушаем твое письмо нашему господину, королю Англии, герцогу Бедфордскому, а также некоторым другим людям, принадлежащим к этому же лагерю.

«Иисус, Мария!

Король Англии и вы, герцог Бедфорд, называющий себя регентом Королевства Франции, вы, Вильям де Ла Поул, граф Суффолк; Джон, лорд Тальбот; и вы, Томас, лорд Скаль, именующий себя наместником упомянутого герцога Бедфорда, внемлите рассудку, прислушайтесь к словам Царя Небесного. Отдайте Деве, посланной сюда Богом, Царем Небесным, ключи от всех добрых городов, которые вы захватили, разрушили во Франции. Она пришла сюда от Имени Господа, чтобы вступиться за Королевскую Семью. Она готова заключить мир, если вы пожелаете поступить верно, лишь бы вы вернули Францию и заплатили за то, что она была в вашей власти. И заклинаю именем Божьим всех вас — лучники, солдаты, знатные люди и другие, кто находится пред городом Орлеаном: возвращайтесь в вашу собственную страну. А если вы этого не сделаете, ждите известий от Девы, которая скоро придет к вам к великому для вас сожалению и нанесет вам огромный ущерб. Король Англии, если вы так не сделаете, то я, став во главе армии, где бы ни настигла ваших людей во Франции, заставлю их уйти, хотят они того или нет; а ежели они не захотят повиноваться, я их изгоню силою. Я послана Богом, Царем

[246] Не из протокола допроса.

Небесным, — дух от Духа Его, — чтобы изгнать вас из Франции. Если же они повинуются, я помилую их. И не думайте, что может быть по-другому, так как Королевство Франция не будет вам принадлежать по воле Бога, Царя Небесного, сына Святой Девы Марии; но принадлежать оно будет королю Карлу, истинному наследнику; ибо Бог, Царь Небесный, хочет этого, и Дева возвестила ему (Карлу) это, и он войдет в город Париж во главе величественной армии. Если же вы не захотите поверить известию, посылаемому вам Богом и Девой, то, где бы вас ни нашли, мы вас покараем и учиним такое сражение, какого уже с тысячу лет не было во Франции, если вы не образумитесь. И будьте твердо уверены, что Царь Небесный ниспошлет Деве и ее добрым солдатам силу большую, чем та, которая заключена во всех ваших воинах, и исход сражений покажет, на чьей стороне, по воле Божьей, правда. Дева обращается к Вам, герцог Бедфорд, и просит одуматься и не ступать на путь, который приведет лишь к вашему поражению. И если Вы ее послушаетесь, Вы сможете прийти вместе с ней туда, где французы совершат прекраснейшее дело, которое когда-либо совершалось для христианского мира. Дайте ответ, ежели Вы желаете заключить мир в городе Орлеане; а если Вы так не сделаете, то подумайте о великих бедах, которые вам придется пережить...

Писано во вторник на Святой Неделе».

Узнаешь ли ты это письмо?

— Да, за исключением нескольких фраз. Так, слова «сдавайтесь Деве» нужно поменять на «сдавайтесь королю»; кроме того, некоторых слов, которые прозвучали здесь, не было в моем послании.[247]

— Ты получила совет написать это письмо именно таким образом от капитанов французской армии?

— Ни один капитан не имел отношения к тексту какого-либо из писем, но именно я сама диктовала эти письма, прежде чем отослать их. Тем не менее, я всегда показывала письма кому-то из моих сторонников.

— Это письмо ты писала «от себя», как письмо графу д'Арманьяку, или оно было продиктовано тебе голосами?

— Это письмо писалось от меня и от Голосов. Я, как могла, пыталась передать то, что Они говорили.

— То есть, это не ты, а они угрожали англичанам гибелью и великими разрушениями?

— Они не угрожали. Они лишь говорили, что, если англичане изберут гибель во Франции, никто не сможет им помешать.

— Скажи, Жанна... а твои Голоса ошибаются?

— Нет, никогда.

— Как же они не ошибаются, если англичане все еще во Франции, а ты уже в плену? Ведь в этом письме было сказано, что ты будешь преследовать англичан и изгонять их, пока они во Франции...

— То, что я попала в плен, ничего не сможет изменить. Не пройдет и семи

---

[247] Дословно Жанна сказала так: «А слов "body for body" и "chieftain of war" в моем письме не было вообще». В приведенном выше переводе письма их и так нет, поэтому я не стал указывать конкретные фразы.

лет, как англичане потеряют значительно больше, нежели при Орлеане, — они потеряют свой самый ценный залог во Франции...[248] И случится это в результате большой победы, ниспосланной французам Богом!

— Откуда у тебя эти сведения?

— Из Откровения, которое было дано мне...

— Значит, в течение семи лет?

— Да, и меня пронзает мучительная боль, оттого что это затягивается так надолго.

— Ты уверена, что сумела верно понять свое откровение... Ведь, как ты говорила неоднократно, бывают моменты, когда ты не можешь понять, что конкретно говорят голоса...

— Я уверена в этом откровении настолько же, насколько уверена, что вижу именно вас перед собой.

— И когда же это произойдет?

— Мне не известен ни день, ни час.

— Скажи хотя бы, в каком году?

— Вы ничего более не вытянете из меня... Но всем своим сердцем я желаю, чтобы это произошло до Дня Святого Иоанна.[249]

— Не говорила ли ты ранее, что это произойдет до Дня Святого Мартина, зимой?

— Я говорила, что до Дня Святого Мартина многие свершения будут явлены и англичане могут быть отброшены прочь.[250]

— А что ты сказал Джону Грею, начальнику твоей стражи, по поводу праздника Святого Мартина?

— Я только что об этом сказала.

— Кто принес тебе известия, что все произойдет именно таким образом?

— Святая Екатерина и Святая Маргарита.

— Приходил ли Архангел Гавриил вместе с Архангелом Михаилом?

— Не могу вспомнить.

— С прошлого вторника, общалась ли ты со Святой Маргаритой и Святой Екатериной?

— Да, но в котором часу, не знаю.

— Скажи хотя бы, какой это был день.

— Вчера и сегодня. Не бывает такого дня, чтоб я не слышала их.

— Ты всегда видишь их облаченными в одни и те же одежды?

— Приходя ко мне, они выглядят так же, как в прошлый раз, — с прекрасными венцами на головах[251]. Про остальные их одежды я говорить не буду, потому что не знаю, во что именно они одеты.

---

[248] Англичане потеряли Париж в 1436.

[249] "You will not have any more. Nevertheless, I heartily wish it might be before Saint John's Day".

[250] "I said that before Martinmas many things would be seen, and that the English might perhaps be overthrown".

Это предсказание, данное Жанне, также сбылось — осада была снята с Компьеня в начале ноября, а праздник Святого Мартина был 11 ноября.

[251] "I see them always under the same form, and their heads are richly crowned".

— А как ты узнаешь, появился перед тобой представитель мужского или женского пола?

— Я прекрасно это понимаю, различая их по голосам, когда они со мной разговаривают. Все известное мне я получила или через Откровения, или же через Указания Господа.

— Какую часть их голов ты видишь лучше всего?

— Лицо.

— А у этих святых, которые являются тебе... у них есть волосы?

— Радостно знать, что есть.[252]

— Есть ли еще что-то между их венцами и волосами?

— Нет.

— Их волосы настолько длинные, что ниспадают вниз?

— Мне об этом неизвестно.

— Есть ли у них руки и ноги?

— Об этом тоже ничего не знаю, потому что они всегда появляются вместе со слепящим светом, который настолько прекрасен, что мне не хочется высматривать, есть ли у них руки и ноги или другие телесные органы.

— На каком языке они общаются с тобой?

— Они говорят на прекрасном французском, я слышу их очень хорошо.

— Как же они могут разговаривать с тобой, не имея органов речи?[253]

— Я оставляю это на усмотрение Господа. Их голос красив, мягок и звучит по-французски.

— Разве Святая Маргарита говорила не по-английски?

— Зачем ей говорить по-английски, обращаясь ко мне?.. К тому же, она ведь не на стороне англичан...

— А на этих увенчанных головах... были какие-то кольца? Например, серьги в ушах?

— Мне ничего об этом не известно.

— А у тебя самой есть кольца?

Жанна повернулась к Кошону.

— У вас есть одно из них, отдайте мне его...

— А где второе кольцо?

— Второе — осталось у бургундцев. Если мое кольцо у вас, я умоляю, дайте хотя бы посмотреть на него... Оно мне очень дорого.

— Откуда у тебя кольцо, которое теперь у бургундцев?

— От моей мамы и отца. Как помнится, имена «Иисус, Мария» выгравированы на нем. Я не знаю, кто именно написал их...

— Были ли в этом кольце камни?

— Нет.

— Где тебе его подарили?

— В Домреми.

— А откуда у тебя первое кольцо?

— Брат подарил мне его... Это то кольцо, которое теперь у вас.

---

[252] “It is well to know they have”.

[253] Имеется в виду то, что Жанна сказала выше, — «не знаю, есть ли у них другие телесные органы».

— Как ты думаешь, в твоих кольцах есть какая-то... сила?

— Призываю вас передать это кольцо Церкви, и пусть они решат этот вопрос.[254] Я никогда и никого не исцеляла с помощью колец и не творила ими никаких «чудес».

— Скажи нам, Жанна, Святые Катерина и Маргарита разговаривали с тобой под деревом, о котором мы уже упоминали?

— Не припомню такого.

— А они разговаривали с тобой возле источника, который находится вблизи дерева?

— Да, там я их слышала... но о чем они тогда говорили, я не помню.

— Какие обещания они тебе давали у источника или в другом месте?

— Они ничего мне не обещали, кроме как по поручению Господа.

— Но все же, какие обещания они давали тебе?

— Это не касается данного процесса никаким образом.

— Жанна! Здесь *мы* решаем, что касается процесса, а что нет! Отвечай на вопрос: какие обещания давались тебе приходящими к тебе святыми?

— Среди этих обещаний было Откровение, что мой король вновь обретет свое Королевство, как сильно ни противились бы этому его враги. Также Святые обещали указать мне путь к Небесам...[255] Я страстно молила их об этом.

— Они давали тебе другие обещания?

— Было еще одно, но о нем я не скажу, потому что оно процесса не касается. Лишь через три месяца смогу я открыть это обещание вам.

— Неужели твои голоса сказали тебе, что в течение трех месяцев ты будешь освобождена из тюрьмы?

— Это процесса не касается. Однако насчет освобождения я готова сказать, что не знаю, когда именно я буду освобождена... Знаю лишь, что те, кто хочет изгнать меня из этого мира, вполне могут уйти передо мной.

— Говорили ли тебе голоса, что ты будешь освобождена именно из этой тюрьмы?

— Спросите меня об этом через три месяца, и я отвечу вам. Кроме того, попросите всех, кто присутствует здесь, чтоб они под клятвой ответили, касается ли этот вопрос процесса.

— Вот как? — усмехнулся Кошон и обратился к другим судьям. — Жанна желает слышать ваше мнение. Итак... касается ли этот вопрос процесса?

— Касается.

— Касается.

— Касается...[256]

— Теперь, Жанна, когда представители Матери Церкви клятвенно подтвердили причастность этого вопроса к данному процессу, не будешь ли ты настолько любезной, чтобы все-таки ответить нам?

---

[254] "I charge you to give it to the Church".

[255] "They told me also that they would lead me to Paradise".

[256] Протоколы подтверждают, что по указанию Кошона другие заседатели высказались по этому поводу и пришли к заключению, что, несмотря ни на что, этот вопрос касается процесса.

— Я уже сказала, что в должный день вы обо всем узнаете. Да, Голоса пообещали мне, что однажды я буду освобождена, но я хочу, чтоб мне было дано разрешение открыть вам день. Именно для этого я и прошу отсрочку.

— Это твои голоса запретили тебе говорить правду?

— Вы хотите, чтобы я рассказала вам об откровениях о Карле? — не поняла его Жанна. — В этих откровениях есть много того, что никак не касается процесса, потому что суд идет надо мной, а не над Карлом. Я прекрасно знаю, что мой король вернет себе Королевство Французское, и это известно мне так же хорошо, как и то, что именно вы находитесь сейчас передо мной, заняв места судей.[257] Я давно умерла бы от горя, если бы это Откровение не поддерживало меня каждый день.

— А что ты сделала со своей мандрагорой?

— У меня никогда ее не было.

— Но ты знаешь, что это такое?

— Да... я слышала, что одно такое растение есть где-то возле Домреми,[258] но я никогда его не видела. Я слышала, что держать его при себе — дело злое и опасное. И где его применяют, я тоже не очень знаю.

— А где та мандрагора, о которой ты слышала?

— Говорили, что она где-то в земле, недалеко от того дерева, которое упоминалось раньше... но более точного места я не знаю. Говорили, над этой мандрагорой растет лещина.

— А с какой целью люди выкапывают мандрагору?

— Говорят, чтоб деньги не переводились... Но я в это не особо верю, а мои Голоса никогда не рассказывали об этом.

— В каком облике явился тебе Святой Михаил?

— Корону я не видела... О его платье ничего сказать не могу.

— Он был наг?

— Думаете, Господу не достает средств, чтобы одеть его?[259]

— У него были волосы?

— А зачем бы их остригали?

— Были ли у него крылья?

— Конечно.[260]

— Когда ты видела Святого Михаила в последний раз?

— Я не видела его после того, как покинула замок Кротой. Он не приходит ко мне часто. Точно не могу вспомнить, были у него волосы или нет...

— Были ли при нем весы?[261]

---

[257] "I know it as well as I know that you are before me, seated in judgment".

[258] "But I have heard that there is one near our home".

[259] "Do you think God has not wherewithal to clothe him?"

[260] В протоколах Шестого Публичного допроса есть слова: «После этого, руководствуясь тем, что в предыдущих допросах Жанна сказала, что у Святого Михаила были крылья...» ("Afterwards, because she had said, in previous inquiries, that Saint Michael had wings...") Однако в самих текстах предыдущих допросов слов про крылья нет, поэтому я поместил эти слова в Пятый допрос.

[261] На французских витражах 13-14 века Святой Михаил часто изображался с весами — для взвешивания душ. ("The balance was a frequent accessory to Saint Michael in the French stained glass windows of the 13th and 14th centuries"). Примечание к тексту Пятого Публичного допроса. [5]

— Об этом ничего не помню. Для меня была огромная радость видеть его... Мне казалось, что когда я видела его, то больше не была подвержена смертному греху.

— Ты когда-нибудь исповедовалась своим голосам?

— Святая Катерина и Маргарита время от времени принимали мою исповедь.

— Они исповедовали тебя одновременно? Вдвоем?

— Нет, каждая из них исповедовала меня по очереди.[262]

— Как ты думаешь, эти исповеди спасли тебя от смертного греха?

— Если я пребываю в смертном грехе, мне об этом ничего не известно.

— Жанна... по твоему мнению, пребываешь ли ты в смертном грехе?

Замерший взгляд «отца-художника»... Замерший возле бумаги карандаш. Но разве это ловушка?

«Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас».[263]

Откуда пришли эти слова? Каким теплом наполнили они каждую клеточку тела Жанны... Как они были прекрасны.

— Жанна, по твоему мнению, пребываешь ли ты в смертном грехе?

— Если пребываю, да укажет мне Господь путь освобождения... Если же нет, да не позволит Он мне пасть в него. Пусть Он убережет меня от поступков, которые могут принести вред моей душе!!![264]

...— Какой знак подала ты своему королю, чтобы доказать, что ты послана Богом?

— Я говорила уже не один раз, что вам не вытянуть это из моих уст. Отправляйтесь к нему и задайте этот вопрос.

— Разве ты не дала клятву открывать истину обо всем, что будет спрошено у тебя на процессе?

— Я еще раз готова повторить, что не скажу вам ничего, что касается моего короля, так что говорить об этом я не буду.

— Разве тебе не известен знак, который ты дала королю?

— От меня вы об этом не узнаете.

— Но это касается нашего процесса.

— О том, что я обещала сохранить в секрете, вы ничего не узнаете. Я уже говорила, что не могу рассказать о том, что вы просите, без клятвопреступления.

— Кому же ты дала эту клятву?

— Святой Катерине и Святой Маргарите... Также я дала такую клятву королю.

— И чем же они потребовали поклясться?

---

[262] "Saint Catherine and Saint Margaret were pleased from time to time to receive my confession, each in turn".
[263] Мф. 10:19.
[264] "I do not know if I am in mortal sin, and, if it please God, I will never so be; I do not believe I have done its works; nor, please God, have I ever done or ever will do deeds which charge my soul!"

— Я дала эту клятву без какого-либо требования, лишь по своей воле, потому что слишком много людей могло бы спрашивать меня о том, что я не обещала хранить в секрете.

— Когда ты подавала знак королю, ты была с ним наедине?

— Я не обращала внимания ни на кого другого, кроме короля, хотя еще много людей было вокруг.[265]

— Когда ты показывала знак королю, увидела ли ты корону над его головой?

— Не могу рассказать об этом без клятвопреступления.

— Не получил ли твой король корону в Реймсе?

— Думаю, король с радостью принял корону, которая была вручена ему в Реймсе... Но другая, намного более богатая, корона должна была быть вручена ему позже.[266] Он спешил совершить обряд коронации как можно скорее по просьбе горожан Реймса, которым было трудно содержать в стенах города такое большое войско. Но, подождав, он получил бы корону в тысячи раз более богатую.

— Видела ли ты эту «более богатую» корону?

— Я не могу сказать вам об этом без клятвопреступления.

— Мы же не просим ее описать.

Жанна немного помолчала, после чего сказала со вздохом:

— Эту корону я не видела, но мне было сказано, что она достаточно ценна.[267]

...— Следующее заседание назначается на третье марта, субботу.

3 марта 1431. Плененная Жанна. Руан

Присутствовали епископ и 41 асессор.

— Жанна, поклянись отвечать правду на вопросы, которые будут тебе заданы.

— Готова поклясться, как и делала раньше, что все слова, которые я скажу, будут правдивыми.

...— Жанна, так как ты уже рассказала нам, что у Святого Михаила были крылья, но ничего не рассказала о телесных органах Святой Маргариты и Святой Катерины, мы хотели бы дать тебе шанс дополнить их описание.

— Что знаю, я рассказала вам, и больше не скажу ни слова. Я видела Архангела Михаила[268] и упомянутых вами Святых настолько близко и отчетливо, что понимала всем своим естеством: Они спустились с Небес.

— Было ли видно что-нибудь, кроме лица, у этих святых?

— Сказанное мною — правда, но все я не расскажу вам, даже если горло мне перережете. Что мне известно касаемо процесса, я готова открыть... но не более.

---

[265] "I do not take account of any one else, although there were many people near".

[266] "...but another, much richer, would have been given him later".

[267] "...though I have not seen it, I have heard that it is rich and valuable to a degree".

[268] В то время Его практически всегда называли Святым Михаилом.

— Неужели ты думаешь, что у Святого Михаила и Святого Гавриила человеческие головы?

— Я видела их своими глазами, и я верю, что те, кого я видела, были именно теми, кем я назвала их перед вами. Эта моя вера настолько же крепка, как и вера в самого Господа Бога.

— Ты думаешь, Господь создал их именно в том облике, который ты видела?

— Да.

— Думаешь, Господь ничем не дополнил их облик с того момента, как создал их?[269]

— Больше моих ответов на эту тему вы не получите.

— Открыто ли тебе через откровение, что ты совершишь побег?

— Вашего дела это не касается... И не хотите ли вы, чтоб я свидетельствовала сама против себя?

— Голоса... говорили тебе об этом?

— Это процесса не касается. Я требую, чтоб мне перестали задавать вопросы, которые процесса не касаются.[270]

— Жанна! Еще раз повторю: здесь не ты решаешь, что касается процесса, а что нет. Если ты хочешь, мы проведем еще один опрос судей с тем, чтобы установить, касается данный вопрос процесса или же нет... если ты забыла, чем закончился предыдущий опрос.

— Клянусь, что мне не известен ни день, ни час, но я точно знаю, что буду освобождена из темницы.

— Твои голоса описывали хотя бы в общих чертах, как это произойдет?

— Да, они говорили мне, что я буду освобождена, но я не знаю ни дня, ни часа.

— Они говорили тебе как-то... готовиться... к этому?

— Да, они говорили, чтоб я была мужественной и никогда не теряла присутствия духа.[271]

— Когда ты пришла к твоему королю, задавались ли тебе вопросы про откровения, касающиеся твоего мужского платья?

— Я уже говорила вам, что не помню. Это записано в Пуатье.

— Ты хочешь, чтоб мы поверили, что служители Церкви, которые допрашивали тебя в другой консистории[272] — некоторые на протяжении месяца, другие на протяжении трех недель, — не спрашивали тебя о смене платья?

— Об этом не помню, но они точно спрашивали меня, где я получила мужское платье... Я им ответила, что это было в Вокулере.

— А эти служители Церкви не спрашивали тебя о том, по совету ли голосов ты надела это платье?

— Я не помню.

---

269 ""Do you think that God did from the first create them in this form and fashion?"

270 "I refer me to the Case".

271 "...of good courage and keep a cheerful countenance".

272 "...who questioned you in the other Consistory..."

— А твоя королева спрашивала об этом, когда вы встретились?

— Я не помню.

— Говорил ли тебе король, королева или кто-то из твоих соратников, чтоб ты сняла мужское платье?

— Это не касается суда надо мной.

— Разве тебе не говорили об этом в замке Боревуар?

— Да, говорили, и я ответила, что не сниму это платье без позволения Господа. Герцогиня Люксембургская и Жанна де Бетюм предлагали мне женское платье или ткань, чтобы его пошить... Они уговаривали меня носить это платье, но я ответила, что дозволения от Господа у меня еще нет, потому что не настало еще должное время.

— А мсье Жан де Пресси[273] и другие люди в Аррасе никогда не предлагали тебе женское платье?

— Он и многие другие довольно часто предлагали мне его.

— Ты думаешь, что поступила бы неправильно или пала бы в смертный грех, если бы надела это платье?

— Я делала все, для того чтобы верно служить моему Повелителю Небесному,[274] который есть Господь. Если бы я и надела женское платье, то, скорее, по просьбе дам из Боревуара, чем по просьбе каких-либо других дам во Франции, за исключением разве что королевы.

— Когда Господь дал тебе откровение о том, что тебе надо переодеться в мужскую одежду, сделал ли это Он через голос Святого Михаила, или же Святой Екатерины, или же Святой Маргариты?

— В настоящее время вы ничего больше об этом не узнаете.

— Когда король впервые допустил тебя до ратных трудов[275] и когда твое знамя было готово, разве всадникам не были сделаны вымпелы на пики наподобие твоего?

— Да будет вам известно, что благородные рыцари[276] полностью сохранили свое собственное вооружение. Некоторые из рыцарей сделали себе такие вымпелы по своему собственному желанию, другие — нет.

— Из какого материала они делали себе эти вымпелы — из холста или из ткани?[277]

— Они были из белого сатина... На некоторых из них была геральдическая лилия. В моей группе было всего два или три копьеносца, но командиры других отрядов делали вымпелы наподобие моих... Они делали это, чтобы иметь возможность отличить своих солдат от других, у которых вымпелов не было.[278]

— Часто ли обновлялись такие вымпелы?

---

[273] Присутствовал в лагере бургундцев, когда Жанна была взята в плен, и в Аррасе, где ее держали некоторое время по пути из Боревуара в Руан.

[274] Sovereign Lord.

[275] "When your King first set you to work..."

[276] Lords.

[277] "Of what material did they have them made? Of linen or of cloth?"

[278] "It was of white satin; and on some there were fleur-de-lys. In my company I had only two or three lances. But my companions-in-arms now and then had them made like mine. They only did this to know their men from others".

— Я не помню... но когда копья ломались, то делались новые вымпелы.

— Говорила ли ты когда-нибудь, что вымпелы, похожие на твой, принесут их владельцам удачу?

— Все, что я говорила иногда моим соратникам, это, чтоб они смело врезались в ряды англичан, и сама я поступала так же.

— То есть, ты говорила им, что, если они будут сражаться смело, удача будет на их стороне?

— Естественно, я рассказывала им о том, что происходило, и о том, к чему это приведет.[279]

— Орошала ли ты когда-нибудь или приказывала орошать вымпелы святой водой, когда они закреплялись на копьях впервые?

— Об этом ничего не знаю, и если такое и делалось, то только не по моему приказу.

— Неужели ты никогда не видела вымпела, орошенного святой водой?

— Это данного процесса не касается. Если я когда и видела орошенный вымпел, то ничего не скажу об этом, потому что мне дан совет ничего об этом не говорить.

— А твои соратники никогда не писали на своих вымпелах «Иисус, Мария»?

— Клянусь, что мне ничего не известно об этом!

— Носила ли ты сама или отдавала приказ носить ткань, из которой потом делались вымпелы, вокруг церковного алтаря или вокруг самой церкви?

— Нет. И я никогда не видела, чтоб такое делалось.

— Когда ты атаковала Жаржо, то закрепляла ли что-то на задней части своего шлема? Что-то круглое и блестящее?[280]

— Клянусь, что там ничего не было!

— Была ли ты когда-нибудь знакома с братом Ришаром?

— Я не видела его с тех пор, как пришла под стены Труа.

— В какой манере встретил тебя брат Ришар?

— Полагаю, в манере горожан Труа, которые послали его ко мне, сказав, что, по их мнению, Жанна — это не то создание, которое могло спуститься к ним с Небес. Приблизившись ко мне, брат Ришар осенил меня крестом и побрызгал в мою сторону Святой Водой, на что я ему сказала: «Подходите смелей, я не улечу!»

— Видела ли ты и приказывала ли делать свои портреты и изображения, на которых тебя можно было узнать?

— Я видела такое изображение однажды в Аррасе. На этой картине я была в полном боевом снаряжении... Я преклоняла колено, передавая какую-то грамоту королю... Других же своих портретов я никогда не видела и делать не приказывала.

---

[279] "I have certainly told them what has happened and what will yet happen".

[280] Историки утверждают, что судьи Жанны пытались доказать, что возле Жаржо она закрепила на своем шлеме стальную полосу в форме нимба. Хотя, я думаю, на самом деле в одной из атак Жанна настолько воспылала Духом, что сияние ее Ауры стало заметно даже простым людям. Предположительно, это произошло, когда англичане сбросили на нее камень со стены города.

— В доме, в котором ты останавливалась в Орлеане, висела картина с изображением трех женщин и надписью: «Правосудие, мир, единение». Эта картина имеет отношение к тебе?

— Ничего об этой картине не знаю, хотя девиз хорош.

— Знаешь ли ты, что твои сторонники приказывали служителям Святой Матери Церкви устраивать в твою честь службы, мессы и молитвы?

— Ничего об этом не знаю... Если кто и устраивал такие службы, то не по моему приказанию; однако если им хотелось помолиться за меня, то мне кажется, в этом не было ничего дурного.

— Жанна... твердо ли верят твои сторонники, что ты ниспослана Богом?

— Как я могу знать? В этом вопросе я полностью доверяюсь их чувствам. Но если они в это и не верят, я все же ниспослана Богом.

— Думаешь, их вера не хороша, если они не верят в то, о чем ты говоришь?

— Если они верят, что я послана Богом, то не ошиблись.

— В каком духовном настрое находились твои соратники, когда они приходили целовать твои руки и одежду?..

— Многие охотно целовали мои руки и ноги, но я старалась этого не допускать... Кроме того, ко мне часто приходили бедняки, потому что я не обращалась с ними грубо и по возможности старалась поддерживать их.

— Как чествовали тебя горожане Труа, когда ты входила в город?

— Вовсе никак.

— Приветствовал ли тебя брат Ришар?

— Насколько мне помнится, брат Ришар вошел в город вместе с нами... Я не помню, чтобы он стоял возле входа.

— Разве он не устроил службу по случаю твоего въезда в город?

— Я не останавливалась в этом городе... Я даже не осталась там отоспаться. Про службу я ничего не знаю.

— Сколько дней ты провела в Реймсе?

— Я полагаю, мы пробыли там пять или шесть дней.

— Ты принимала участие в крещении детей? Стала ли ты кому-нибудь крестной?

— В Труа такое было: я стала крестной одному ребенку. А вот в Реймсе я такого не припомню, равно как и в Шато.[281] В Сен-Дени меня просили стать крестной дважды...

— Какие имена ты давала детям?

— Обычно я давала мальчикам имя Карл, в честь моего короля; что же до девочек, то я называла их Жаннами. Но если родители желали дать иное имя, я поступала, как им было угодно.

— Был ли такой случай, когда горожанки прикасались своими кольцами к тому, которое ты носила на пальце?

— Много женщин прикасалось к моим рукам и моим кольцам, но я ничего не знаю ни об их чувствах, ни об их намерениях.

— Кто из твоих людей перед Шато-Тьери ловил бабочек в твое знамя?[282]

---

[281] Chateau-Thierry.

[282] “Who of your people, before Chateau-Thierry, caught butterflies in your standard?”

— Мои люди никогда такого не делали. Кто-то с вашей стороны это придумал.

— Расскажи нам, что ты сделала в Реймсе с теми перчатками, которые носил священник во время обряда миропомазания?[283]

— В Реймсе многие рыцари и люди благородного происхождения носили перчатки. Один из них потерял свои перчатки, но я его не заверяла, что он эти перчатки найдет.

— Но что ты можешь сказать о перчатках, которые носил священник?

— Я ничего не знаю об этом.

— Где было твое знамя во время коронации Карла в Реймсе?

— Мое Знамя было в Реймском Соборе. Мне кажется, оно стояло возле алтаря, я сама принесла его туда. Не помню, держал ли его брат Ришар.

— Когда ты с армией шла через нашу страну, часто ли ты принимала участие в Таинствах Епитимьи[284] и Евхаристии?

— Да, время от времени.

— Ты принимала участие в этих Таинствах, будучи облаченной в мужскую одежду?

— Да, но я не помню, принимала ли я участие в этих Таинствах в доспехах и с оружием.

— Почему ты взяла лошадь епископа Санлиса?

— Лошадь была куплена за двести салутов.[285] Получил ли он эти деньги, я не знаю. В том городе было особое место, где лошадей можно было покупать. Позже я написала ему, что если он хочет, то может забрать назад свою лошадь, потому что она ничего не стоила, если приходилось нести тяжеловооруженного всадника.[286]

— Сколько лет было ребенку, которого ты навестила в Ланьи?

— Ребенку было три дня от роду. Его принесли к Образу Пресвятой Девы Марии... Мне сказали, что многие девушки деревни молились перед этим образом и что если я желаю, то могу присоединиться к ним и молить Деву Марию и Господа нашего, чтобы жизнь вернулась к этому новорожденному. Я присоединилась к ним, и мы молились вместе. В конце концов жизнь начала возвращаться к ребенку, который зевнул три раза, после чего был окрещен... Вскоре после этого он умер и был похоронен в освященной земле. Говорили, что уже три дня прошло с того времени, как жизнь покинула малыша, когда я его увидела: он был такой же черный, как мой камзол... А когда он зевнул, цвет начал возвращаться к нему.

— Значит, благодаря твоей молитве жизнь вернулась к новорожденному?

— Я на коленях молила Богородицу вместе с другими девушками.

— А в деревне разве не говорили, что все это произошло благодаря тебе и твоей молитве?

---

[283] “What did you do at Reims with the gloves with which your King was consecrated?”

[284] Епитимья (эпитимия) (от греч. epitimion — наказание) — в христианстве — церковное наказание в виде поста, длительных молитв и т. п., налагается исповедующим священником. Большая Энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2002.

[285] Saluts.

[286] “...because it was worth nothing for weight-carrying”.

— Я не осведомлялась по этому поводу.

— Видела ли ты когда-нибудь или была знакома с Катериной из Ла-Рошели?

— Да, в Жаржо и в Монфокон-ан-Берри.

— Не показала ли тебе Катерина даму в белом, которая, по ее словам, иногда представала перед ней?

— Нет.

— Что сказала тебе эта Катерина?

— Что к ней приходит белая дама, облаченная в одежды из золота, и говорит, чтоб Катерина прошла через все большие города, которые верны королю, с герольдами (которых должен был дать ей король) и фанфарами и провозгласила, что каждый, у кого есть золото, или серебро, или еще что-нибудь ценное, должен немедленно принести это и отдать ей. А если кто имеет сокровище, но захочет утаить его, она... узнает об этом и придет, чтобы забрать все ценное силой. Она хотела с помощью собранных денег заплатить рыцарям-всадникам.

— Что на это сказала ты?

— Я сказала Катерине, что ей стоит возвратиться к своему мужу, приглядывать за домом и растить детей. А чтобы быть полностью уверенной относительно ее миссии, я обратилась за советом к Святой Катерине или же Святой Маргарите, точно не помню, к кому именно из них... Мне было сказано, что миссия Катерины была ничем иным, как неосмотрительностью и самообманом.[287] Я написала королю о том, что следовало сделать касаемо этого вопроса, и когда я позже встретилась с ним, то повторила ему слова о том, что миссия Катерины была лишь самообманом. Так как брат Ришар поверил ей и был готов приняться за дело, они с Катериной были очень недовольны моими словами.

— Не обсуждала ли ты с указанной Катериной проект похода на Ла-Шарите-сюр-Луар?

— Она не советовала мне отправляться туда: было слишком холодно, и она сказала, что сама она ни за что не пошла бы. Она говорила, что хотела прийти к герцогу Бургундскому, чтобы заключить с ним мир.

— Что на это ответила ты?

— Я ответила, что, скорее всего, мир будет найден лишь на острие копья.[288]

— Что ты делала для того, чтобы встретиться с... белой дамой?

— Я спросила, приходит ли эта... дама к ней каждую ночь, на что она ответила, «да». Тогда я сказала, что буду бодрствовать с ней ночью, чтобы дождаться встречи. Я пришла к ней и бодрствовала до полуночи, но ничего не увидела, и тогда я уснула. Утром я спросила, приходила ли Белая Дама, и Катерина сказала, что да, но когда эта Дама пришла, я спала так крепко, что разбудить меня оказалось невозможно. Тогда я спросила, придет ли ее Дама на следующую ночь, и ответ был «да». Поэтому я немного поспала днем,

---

[287] "...who told me that the mission of this Catherine was mere folly and nothing else".

[288] "I told her it seemed to me that peace would be found only at the end of the lance".

чтобы иметь возможность ожидать всю последующую ночь. Я легла в кровать с Катериной и бодрствовала всю последующую ночь, но ничего не видела. Я спросила Катерину о том, придет ли когда-нибудь ее Дама, и Катерина ответила, что да, она придет обязательно, может быть, даже через мгновение.

— Как бы ты отозвалась об этой Катерине из Ла-Рошели?

— Я бы сказала, что женщина эта страдает от желания помочь Франции и неумения сделать это.

— Что ты делала во рвах Ла-Шарите?

— Я осаждала этот город.

— Приказывала ли ты бросать или бросала сама в стены этого города пузырьки со Святой Водой?

— Никогда не делала я ничего подобного и не приказывала делать это, хоть солдаты из Ла-Шарите страшно клеветали на меня.[289]

— Почему ты не вошла в Ла-Шарите, если на то было указание Божье?

— Кто вам сказал, что Господь указывал мне на это?

— Разве тебе не давались советы от Голосов, которые касались осады Ла-Шарите?

— Я всеми силами стремилась во Францию, но рыцари переубедили меня, что лучше всего сначала направиться к Ла-Шарите.

— Пребывала ли ты какое-то время в башне замка Боревуар?

— Около четырех месяцев.

— Расскажи нам о своем прыжке с башни.

— Когда я узнала, что англичане вот-вот придут, чтобы забрать меня, я была очень зла; однако мои Голоса много раз запрещали мне прыгать с башни, чтобы сбежать.[290] В конце концов, страшась продажи англичанам, я прыгнула и поручила себя Господу и Пресвятой Деве Марии. От прыжка я была сильно ранена, но Голос Святой Катерины сказал мне, чтоб, несмотря ни на что, я держалась и была бодра — и тогда придет исцеление. Она также сказала, что люди Компьеня, за которых я очень переживала, получат поддержку. Я всегда молила свои Голоса за жителей Компьеня.

— Что ты сказала, когда прыгнула?

— Многие говорили, что я умерла, — не поняла вопрос Жанна. — Но когда бургундцы увидели, что я жива, они принялись упрекать меня за то, что я совершила.

— Разве ты тогда не говорила, что лучше умереть, чем оказаться в руках англичан?

— Я сказала, что лучше отдам свою душу Господу, чем передам ее в руки англичан.[291]

— Не была ли ты тогда настолько зла, что допустила богохульство на Имя Господне?

---

[289] “I made an assault there; but I neither threw, nor caused to be thrown, Holy Water by way of aspersion”. Дословный перевод слов про Святую Воду звучит так: «Но никогда не бросала я и никогда не приказывала, чтоб другие бросали Святую Воду в качестве компенсации за клевету».

[290] В своих более поздних показаниях Жанна подробнее опишет свой прыжок и укажет, что совершила его во-все не в попытке самоубийства, а пытаясь сбежать.

[291] “I said I would rather give up my soul to God than be in the hands of the English”. Дословный перевод звучит так: «Я лучше передам свою душу Господу, чем попаду в руки англичан».

— Никогда не проклинала я никого из Святых, да и сквернословить — не моя привычка.

— Разве, говоря о крепости Суассон и капитане, который сдал этот город бургундцам, не богохульствовала ты о Господе и не говорила о капитане, что, будь он в твоих руках, ты четвертовала бы его?

— Я никогда не богохульствовала ни о ком из Святых, и уж тем боле не богохульствовала я о Самом Господе. Те, кто свидетельствует об этом, все напутали.

3 марта 1431. Плененная Жанна. Руан. Апартаменты епископа Кошона. Вечер

— Заходи, Джон[292], заходи... Я хотел бы поговорить с тобой о весьма щекотливом вопросе, который ты как начальник стражи должен будешь во что бы то ни стало решить... если он возникнет.

Понимаешь, мы с коллегами провели немало времени над размышлениями насчет этого... пророчества... про грядущее освобождение Жанны и теперь хотели бы поручить тебе одну... миссию. Если вдруг обстоятельства сложатся так, что французская армия каким-то чудом подберется к стенам Руана, а мы не успеем никуда перевезти Жанну, ты должен будешь зайти к ней в камеру и лично проследить за тем, чтоб Жанна не вернулась в руки французов. Я знаю, Джон, что ты верный и надежный солдат, и поэтому я не стану говорить о том, какое наказание ожидает отступников, или о том, что пред Святой Матерью Церковью преклоняют колени даже монархи. Я скажу лишь, что о порученном тебе не должен узнать никто, даже твой духовник. Понимаешь меня, Джон? Останься верным, получи свою награду и вкушай плоды деяний твоих. Не теряй путь и не оскальзывайся на ступенях, которые легко могут привести в пыточную не только тебя, но и твоего... духовника.

Промежуточные заседания, запротоколированные Гийомом Маншоном (расуждения о процессе) в период с 4 по 9 марта

4 марта епископ Бове принимает решение о том, что все последующие допросы должны проводиться тайно.[293]

«После чего Мы, Епископ, сказали, что для продолжения процесса и чтобы ни в коем случае не приостанавливать его Мы вызовем к себе некоторых докторов и специалистов — экспертов в юриспруденции религиозной и гражданской, — чтобы они выбрали все, что посчитают необходимым, из заявлений Жанны, сделанных ею во время процесса и записанных на бумаге. Их работа будет закончена, как только будут найдены направления дальнейших допросов. Мы примем для дальнейшего расследования рекомендации указанных выше докторов и не будем

[292] Джон Грей, начальник стражи Жанны.
[293] “The Bishop decrees that the Inquiries, if any are thought necessary, shall henceforth be made in private”.

утомлять всех специалистов, которые помогают нам теперь в таком огромном количестве.[294] *Последующие допросы также должны быть письменно запротоколированы с той целью, чтобы указанные выше доктора и другие достопочтенные сыны науки могли плодотворно размышлять и предоставлять нам результаты своих размышлений в виде верных советов, поданных в должный час. Тем временем мы призываем всех помощников изучать у себя на дому материалы процесса, сопоставляя с тем, что они из этого процесса уже вынесли, дабы найти те моменты, которые требуют уточняющих вопросов. Мы предписываем передавать результаты размышлений Нам лично, либо тем докторам, которые будут назначены Нами, если они, конечно, не изберут получить результаты размышлений в полном объеме, чтобы сложить свое мнение, опираясь на всесторонние знания о процессе.*

Мы категорически запрещаем всем и каждому покидать Руан без нашего на то позволения до полного завершения процесса».

Встреча нескольких докторов в доме епископа.

«В воскресенье, 4 марта, а также в понедельник, вторник, среду, четверг и пятницу, 5, 6, 7, 8 и 9 числа того же месяца, Мы, Епископ, собрали в нашем жилище многих авторитетных докторов и специалистов по вопросу права священного и гражданского, которым была поставлена задача собрать все сведения, предоставленные Жанной в ее ответах или откровениях на протяжении данных допросов, и извлечь из этих сведений моменты, которые не кажутся докторам освещенными должным образом и являются заслуживающими дальнейшего изучения. Эта сложная двойная работа была проведена ими, и Мы, Епископ, по совету указанных докторов приняли решение, что необходимо переходить к дальнейшим допросам. Но так как наши многочисленные обязанности не позволяют нам присутствовать на данных допросах лично, Мы поручили это почтенному и рассудительному человеку, Жану де Ла Фонтейну, магистру гуманитарных наук и лиценциату канонического права, который будет допрашивать вышеуказанную Жанну от нашего имени.[295]

Таким образом Мы постановили 9 марта в присутствии докторов и магистров: Жана Бопера, Жака де Турена[296]*, Николя Миди, Пьера Мориса, Тома де Курсейя*[297]*, Николя Луазелера и Гийома Маншона».*

10 марта 1431. Плененная Жанна. Руан. Камера Жанны. Первый тайный допрос

Присутствовали епископ, его уполномоченный представитель Жан де Ла Фонтейн, Николя Миди и Жерар Фейе[298]. Свидетели: Жан Фекар[299], адвокат, и метр Жан Масье[300], священник.

---

[294] Поясняется причина, по которой Кошон отказался от присутствия заседателей на будущих допросах, — чтобы дать им время на поиски нестыковок в уже сказанных словах Жанны.
[295] Несмотря на сделанное заявление, епископ присутствовал на четырех из девяти допросов.
[296] Jacques de Touraine.
[297] Thomas de Courcelles.
[298] Gerard Feuillet.
[299] Jean Fїcard.
[300] Maotre Jean Massieu.

— Жанна, — сказал Кошон, слегка причмокнув губами. — Как ты уже поняла, новые заседания будут проводиться здесь, в твоей камере. Вести допросы будет метр Жан де Ла Фонтейн. Никто, кроме присутствующих здесь людей, не будет посещать эти заседания во избежание разглашения информации, которую ты нам откроешь. Итак... поклянись говорить правду на все вопросы, которые будут тебе заданы.

— Я обещаю говорить правду обо всем, что касается процесса... Но чем больше клятв вы вытягиваете из меня, тем позже я расскажу о том, что вы так хотите услышать.

— Жанна, — кашлянул Жан де Ла Фонтейн, выходя вперед, — осознавая ответственность клятвы, которая только что была дана, скажи нам, из какого города отправилась ты в Компьень, когда ехала туда в последний раз?

— Из Крепи-ан-Валуа.

— Ты пробыла в Компьене несколько дней, прежде чем совершила свою вылазку... или атаку, называй, как хочешь?[301]

— Я прибыла туда тайно, рано утром; враг не знал, что я вошла в город. И этим же вечером я совершила эту... вылазку... или атаку, в которой была пленена.

— Когда ты отправлялась в свою вылазку, слышала ли ты колокольный звон?

— Если колокола в тот момент и звонили, то это произошло не по моему приказу и без моего ведома. Я не думаю, что так было, и не помню, чтоб говорила об этом.

— Ты предприняла эту вылазку по указанию своих голосов?

— На протяжении пасхальной недели в прошлом году, когда мои войска располагались под Меленом, мне было сказано моими Голосами, Святой Катериной и Святой Маргаритой, что до дня Святого Иоанна я буду взята в плен и что так должно быть. Голоса говорили мне, что я не должна мучить себя из-за этого; они говорили, что я должна быть покорной и смиренной и что Господь обязательно поможет мне.

— До этого случая в Мелене не говорили ли тебе твои Голоса, что ты попадешь в плен?

— Да, говорили много раз, почти каждый день. Я просила свои Голоса о быстрой смерти вместо плена и долгих страданий в тюрьме,[302] а они говорили мне: «Будь смиренна пред лицом грядущего — так тому дулжно быть». Мои Голоса так и не открыли мне часа... Возможно, если бы мне был ведом этот час, то я не пошла бы в атаку.[303] Часто я просила Голоса поведать мне о том, как я попаду в плен, но они так ничего и не сказали.

— Ты предприняла эту вылазку по указанию своих голосов?... Давали ли они знак, что ты будешь взята в плен, если атакуешь бургундцев?[304]

---

[301] "When you were at Compiegne, were you several days before you made your sally or attack?"

[302] "And I asked of my Voices that, when I should be taken, I might die soon, without long suffering in prison".

[303] "They did not tell me the time; and if I had known it, I should not have gone".

[304] "Did your Voices command you to make this sally from Compiegne, and signify that you would be taken if you went?"

— Если бы я знала час своего пленения, то никогда не отправилась бы в атаку по своей воле... Но я всегда исполняла указания Голосов, чем бы это все ни обернулось для меня в итоге.

— Когда ты совершила вылазку из Компьеня, имела ли ты указания или откровения от своих голосов, которые касались ее?

— В тот день у меня не было никаких откровений по поводу пленения, равно как не было указания идти в атаку... Но Голоса всегда говорили, что мне необходимо испить чашу узника.[305]

— Когда ты предприняла вылазку, проходила ли ты компьеньский мост?

— Я проехала мост и укрепления около него[306] и с отрядом моих соратников выступила против солдат герцога Люксембургского. Дважды я отбрасывала их до самого бургундского лагеря, а третий раз отбросила до половины. Пришедшие к ним на помощь англичане отрезали меня и моих людей от моста,[307] и поэтому мои соратники начали отступать. Во время отступления по направлению к полям на Пикардийской стороне (возле подступов к мосту) меня взяли в плен. Между Компьенем и местом, где я была пленена, нет ничего, кроме быстрой реки и укрепления со рвом.[308]

— Жанна... а на твоем флаге разве не было изображения Вседержителя, двух Ангелов и прочего?

— Было. Другого знамени я себе не искала.[309]

— А что бы это могло значить — Бог, который держит мир, и эти Ангелы?

— Святые Екатерина и Маргарита наказывали мне взять Знамя и смело нести его, и чтоб Король Небесный был нарисован там.

— У тебя есть гербовый щит?[310]

— У меня его никогда не было, но потом дофин одарил мой род гербом... Это был лазурный щит, на котором изображены две золотые геральдические лилии и между ними — меч. Данный герб я описывала в этом замке художнику, потому что он спрашивал меня, какой герб я носила. Король одарил этим гербом нас с братьями[311] больше для того, чтобы порадовать их. Он не спрашивал меня, хочу ли того я... да и откровений, которые касались бы этого, я не получала.

— Когда тебя взяли в плен, ты ехала на обычной лошади, боевом скакуне или же на полукровке?[312]

---

[305] "...but they had always told me it was necessary for me to be taken prisoner".

[306] В протоколах зафиксированы слова Жанны о том, что она проехала мост и "the boulevard". Предполагаю, что это некая площадка перед мостом, которая могла использоваться лучниками города для обстрела неприятельских солдат.

[307] the boulevard.

[308] "The boulevard with its ditch".

[309] "Yes; and I had no other".

[310] "Have you not a shield and arms?"

[311] В англоязычном протоколе стоит указание на то, что король одарил гербом именно братьев Жанны ("The King gave them to my brothers... without request from me and without revelation..." [5]), но я склоняюсь к той версии, что именно Жанна получила от дофина свой герб. Как известно, после освобождения Орлеана дофин вызывал ее в свою резиденцию (2-го июня), где она и встретилась с будущим Людовиком XI. Возможно, своим ответом Жанна указывает на то, что родовой герб имел много большую ценность для ее братьев, нежели для нее самой.

[312] "Had you, when you were taken, a horse, charger, or hackney?"

— Я была в седле, да... Конь, на котором я ехала, был наполовину боевым скакуном.

— Кто дал тебе эту лошадь?

— Мой король; или его доверенные люди купили мне ее на королевские деньги. У меня было пять боевых скакунов, купленных на королевские деньги, не учитывая лошадей, взятых внаем, которых у меня было больше семи.

— Получала ли ты от твоего короля другие богатства, кроме этих лошадей?

— Я ничего не просила у своего короля, кроме хороших доспехов, хороших лошадей и денег, чтобы платить солдатам[313].

— У тебя не было драгоценных накоплений?

— Десять или двенадцать тысяч, которые были при мне,[314] это не такое уж большое сокровище, когда берешь его с собой на войну... Я бы даже сказала, что эта сумма очень мала. Кроме того, как я думаю, все эти богатства принадлежат теперь моему брату... У меня же остались только те деньги, которые король выделил на мои личные расходы.[315]

— Какой знак был явлен твоему королю, когда ты пришла к нему?

— Это был самый прекрасный, благородный и не внушающий никакого сомнения Знак в мире.

— Тогда почему ты не расскажешь нам об этом и не покажешь нам его? Ведь от Катерины из Ла-Рошели ты сама требовала знака...

— Я, может, и не просила бы этот знак от указанной Катерины, если бы он уже был показан перед выдающимися служителями церкви, такими, как архиепископы и епископы, так же, как и мой. Мой Знак был явлен перед архиепископом Реймским и другими епископами, чьи имена мне неизвестны, в присутствии Шарля де Бурбона, графа де Ла Тремуйя, герцога Алансонского; и многие другие рыцари видели и слышали его так же хорошо, как я вижу и слышу тех, кто говорит со мной сегодня. Кроме того, я уже знала от Святой Екатерины и Святой Маргариты, что дела этой Катерины из Ла-Рошели закончатся ничем.

— Тот знак, который ты подала... длится до сих пор?

— Да, и меня радует то, что он будет длиться еще тысячу лет. Мой Знак вплетен в королевское сокровище.[316]

— Это золото, серебро, драгоценные камни... или корона?

— Об этом я вам больше ничего не скажу. Нет человека в мире, который мог бы придумать что-то такое же прекрасное, как этот Знак. И все же лишь мое освобождение из ваших рук... только оно может стать убедительным знаком для вас. Когда приближалось время встречи с дофином Карлом, Голоса сказали мне: «Иди смело. Когда ты явишься перед королем, он получит достаточно убедительный Знак, чтобы принять тебя и поверить в тебя».[317]

---

[313] В тексте протоколов стоит слово, выражающее бульшую степень родства (my household), но я подумал, что не стоит применять это слово, потому что соратникам и единомышленникам не платят.

[314] "I was worth..."

[315] "...what I have is my King's own money".

[316] "My sign is with the King's treasure".

[317] "Go boldly; when you art before the King, he shall have a sure sign to receive thee and believe in thee".

— Когда твой знак явился перед королем, почитание какого рода ты оказала? Пришел ли этот знак от Бога?

— Перво-наперво я возблагодарила Господа за то, что Он сумел решить противоречия, возникшие у меня с придворным духовенством,[318] которое было сильно настроено против меня; и я преклонила колени несколько раз. Ангел, пришедший от Господа и ни от кого другого, дал Знак моему королю, и за это я много раз благодарила Господа нашего. Священники, которые поддерживали Карла, перестали нападать на меня, когда распознали этот Знак.

— Получается, что верное Карлу духовенство тоже видело этот... знак?

— Когда мой король и все те, кто был с ним, увидели Знак, а также Ангела, который этот Знак принес, я спросила короля, удовлетворен ли он... Он ответил: «Да». Тогда я вышла и направилась в маленькую капеллу, которая была неподалеку. После говорили, что, когда я вышла, больше чем триста человек видели упомянутый Знак. Из любви ко мне и чтоб меня не спрашивали об этом много, Господь позволил некоторым моим будущим соратникам увидеть Знак своими собственными глазами.

— Ты и твой король... оказали ли вы знаки почтения Ангелу, который принес Знак?

— Да, конечно. Приветствуя его, я встала на колени и сняла головной убор.

12 марта 1431. Плененная Жанна. Руан. Камера Жанны. Второй тайный допрос

Присутствовали епископ, его уполномоченный представитель Жан де Ла Фонтейн, Николя Миди, Жерар Фейе и приглашенные ими свидетели: Тома Фьеве[319], Паскье де Во[320] и Николя де Хубан[321].

— Жанна... мы вновь обращаемся к тебе с требованием поклясться отвечать правду и одну только правду обо всем, что мы спросим тебя.

— Я уже говорила не один раз, что обо всем, что касается процесса, я охотно расскажу правду.

И вновь вперед выступил Жан де Ла Фонтейн.

— Тот Ангел, который принес знак твоему королю... он разговаривал... с королем?

— Да, он разговаривал с королем и сказал ему, что я должна быть допущена к сражениям с англичанами и тогда в скором времени вся страна может быть освобождена.

— Ангел, который принес знак твоему королю, и тот Ангел, который являлся тебе... это один и тот же Ангел?

— Он Един.[322] И он никогда не подводил меня.

---

318 "...with the clergy of my party..."
319 Thomas Fiefvet.
320 Pasquier de Vaux.
321 Nicolas de Houbent.
322 "It is all one..."

— Разве этот Ангел не подвел тебя, когда позволил попасть в плен? Разве ты не лишилась всего самого хорошего, что было в твоей жизни?

— Я думаю, так как мое пленение угодно Господу, оно стоит всего самого хорошего, что было или могло быть в моей жизни.

— Разве этот Ангел никогда не подводил тебя в вопросах, которые касаются благодати Божьей?

— Как может он подвести меня, если он поддерживает и утешает меня каждый день?

— Значит, ты получаешь свое утешение от него?

— Поддержка и утешение приходят ко мне от Святой Екатерины и Святой Маргариты.

— Ты зовешь их, или они приходят без твоего зова?

— Часто они приходят без зова, но когда их нет слишком долго, я молю Господа о том, чтоб Он прислал их.

— А бывало ли так, что ты звала их, а они не явились?

— Не было еще такого случая, чтоб я нуждалась в них и они не пришли.

— Являлся ли тебе Святой Дени[323]?

— Насколько мне известно, нет...

— Когда ты клялась Спасителю Нашему сохранять девственность, ты разговаривала именно с Ним?

— Мне кажется, вполне достаточно, что я давала обещание тем, кто был послан Им, — а именно, Святой Екатерине и Святой Маргарите.

— Кто подсказал тебе подать в суд на мужчину из Тула по вопросу замужества?

— Я ни на кого не подавала в суд, напротив, как раз этот мужчина подал в суд на меня, и меня вызвали в суд, и я поклялась судье говорить правду. К слову, я не давала этому человеку никаких обещаний... С первого раза, как я услышала свои Голоса, я решилась хранить девственность, сколько это будет угодно Господу... Мне тогда было где-то тринадцать лет.[324] Мои Голоса сказали, что мне предстоит выиграть тот процесс в Туле.

— Ты посвящала в свои... видения своего кюре или какого-то другого священника?

— Нет. Я приоткрыла их перед Робером де Бодрикуром, но полностью открыла лишь королю Карлу. Мои Голоса не требовали от меня, чтоб я хранила все виденное мною в тайне, но я сама решила не разглашать Откровения, опасаясь, что бургундцы каким-то образом узнают о них и создадут преграды на моем пути в Шинон. Также я боялась, что мой отец будет препятствовать.

— Думаешь, ты поступила хорошо, покинув родительский кров без родительского согласия, учитывая, что ты обязана «почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу»[325]?

— Во всем я была покорна им, кроме того, что касалось моего отъезда. Но впоследствии я написала им письмо, и они простили меня.

---

[323] Saint Denis.
[324] "I was then about thirteen years of age..."
[325] 1 Тим. 5:4.

— Когда ты покинула своих отца и мать, думаешь, ты не согрешила?

— Если Господь указывал, я была обязана подчиниться. Если Господь указал, что мне надо уходить, я поступила бы так, даже будь у меня сто отцов и матерей или если б я была королевской дочерью.

— Спрашивала ли ты у своих голосов о том, должна ли говорить отцу и матери о своем уходе?

— Голоса желали, чтоб я рассказала родителям, невзирая на ту боль, которую это причинит им; однако мне совсем не хотелось ничего рассказывать. В конце концов Голоса согласились, что я могу поступать, как посчитаю нужным: или рассказать обо всем, или же сохранить в тайне.[326]

— Ты преклоняла колени перед Святым Михаилом и Ангелами, когда они являлись тебе?

— Да, а после того как они уходили, я целовала землю, где они стояли.

— Они оставались с тобой надолго?

— Очень часто Ангелы тайно пребывают вместе с верными христианами, особенно в церкви... Я часто вижу Ангелов среди христиан, исполненных веры.[327]

— Получала ли ты когда-нибудь письма от Святого Михаила или от голосов?

— Пока у меня нет разрешения говорить вам об этом, но когда пройдет восемь дней, начиная с этого, я охотно расскажу все, что знаю.

— Не называли ли тебя твои голоса «дочерью Господа», «дочерью Церкви» и «дочерью с огромным сердцем»?[328]

— До того, как осада была снята с города Орлеана, и каждый день с тех пор, когда они разговаривают со мной, то часто называют «Дева Жанна, дочерь Господа».

— Так как ты назвалась «дочерью Господа», почему бы тебе не прочитать нам «Pater Noster»?

— Я охотно прочту эту молитву теперь. В последний раз, когда я отказывалась прочесть ее, я всего лишь хотела, чтобы епископ Бове исповедал меня.

Плененная Жанна. Руан. Камера Жанны. Третий тайный допрос. Тот же день после обеда

— Жанна, твоему отцу когда-нибудь снились сны о тебе перед тем, как ты ушла?

— Когда я все еще была со своими родителями, моя мама много раз пересказывала мне сон, который однажды приснился отцу. В этом сне он видел, как я, Жанетта, его дочь, ушла прочь вместе с тяжеловооруженными всадниками.[329] Мать и отец хотели уберечь меня от этого и поэтому старались, как могли, чтоб я была зависима от них.[330] И я была покорна им во всем, кроме

---

[326] "As to my father and mother, my Voices would have been quite willing I should tell them, had it not been for the trouble I should have caused them in speaking of this. As for myself, I would not have told them at any price. My Voices agreed that I might either speak to my father and mother or be silent..."

[327] "Very often they came among the faithful [i.e., in church] without being seen; and often I saw them among the faithful".

[328] "Did not your Voices call you 'Daughter of God, daughter of the Church, great-hearted daughter?'"

[329] "...went away with the men-at-arms".

[330] "... and held me much in subjection".

отъезда и дела в Туле, что касалось замужества. Я слышала, как мать рассказывала кому-то, что отец сказал однажды моим братьям: «Вот уж действительно, если бы я знал, что сбудется тот сон о моей дочке, я наказал бы вам утопить ее, а если бы вы отказались, то утопился бы сам». Он чуть не упал в обморок, когда узнал, что я отправилась в Вокулер.

— Эти мысли и сны приходили к твоему отцу после того, как ты обрела свои видения?

— Да, больше чем через два года с тех пор, как я в первый раз услышала Голоса.

— По приказу ли Робера де Бодрикура или по своему собственному усмотрению облачилась ты в мужское платье?

— Я поступила так больше по своему усмотрению, чем по приказу человека из плоти.[331]

— Твои голоса приказали тебе облачиться в мужскую одежду?

— Все хорошее, что я совершила в этой жизни, я сделала по указанию своих голосов. Что же до платья, то я расскажу о нем в другой раз: сегодня мне советовали не говорить об этом, но завтра я отвечу на этот вопрос.

— Надевая мужское платье, полагала ли ты, что поступаешь неверно?

— Нет... И даже теперь, если бы я оказалась вдруг со своими соратниками, облаченная в мужское платье, я знала бы, что поступать так, как я поступала до пленения, было великим благом для моей любимой Франции.

— Как ты должна была освободить герцога Орлеанского?

— Я должна была захватить во Франции достаточно пленных англичан, чтобы обменять на него... А если б англичан во Франции не хватило, я должна была пересечь море, отыскать его в Англии и вызволить силой.

— Святая Екатерина и Святая Маргарита на самом деле говорили тебе, что ты или захватишь в плен достаточно англичан, чтобы вернуть герцога Орлеанского, или, в противном случае, тебе придется пересечь море, чтобы отыскать его самой?

— Да, я так и сказала своему королю, и он позволил мне поговорить об этом с уже плененными английскими лордами. Если б у меня было больше времени и меньше людей все время мешало мне, я наверняка вызволила бы герцога. Для этого мне было нужно меньше чем три года, но больше чем один. Но больше я ничего об этом не помню.

— Какой знак ты подала своему королю?

— Я посоветуюсь по поводу этого вопроса со Святой Екатериной.

Рассуждения о процессе от 12 марта, запротоколированные писцом Гийомом Маншоном

«Понедельник, 12 марта.

Встреча с братом Ордена Святого Доминика Жаном Леметром, посланником Верховного Инквизитора, по вопросам греха ереси в Королевстве Французском, созванная в Нашем жилище Нами, духовным и

[331] “It was of myself, and at the request of no living man”.

сведущим в науках человеком, проводится в присутствии почтенных и ученых магистров, а также священнослужителей весьма высокого церковного сана[332] *, таких как Тома Фьеве, Паскье де Во, Николя де Хубан и брат Исамбар де Ла Пьер.*

Мы, Епископ, констатировали, что в начале процесса по вопросу ереси, начатого нами[333] *против женщины, которую, в основном, называли Девой Жанной, призвали вышеуказанного посланника присоединиться к нам и предложили ему ознакомиться с актами и документами, одним словом, со всем, что было в нашем распоряжении и касалось процесса. Однако вслед за этим возникла сложность, заключенная в том, что посланник Верховного Инквизитора был наделен полномочиями проводить процессы, касающиеся только самого города Руана и руанской епархии. Процесс же, который поднят Нами, в силу причастности к епархии Бове посланник рассматривать права не имеет, хотя и выделил нам территорию Руана для его проведения. По этой причине и дабы обезопасить результаты процесса от недостаточной аргументации, по совету магистров, Мы решили написать о сложившейся ситуации Верховному Инквизитору. Мы попросили его без задержки прибыть в Руан собственной персоной или же передать полномочия, необходимые для проведения логического осмысления процесса и его завершения, тому служителю церкви, которого он хотел бы видеть в этой роли. Указанный Инквизитор получил Наше письмо и согласился с Нашими аргументами; во имя славы и величия ортодоксальной веры он наделил необходимыми полномочиями указанного выше брата Жана Леметра, как это четко следует из полученного нами письма, запечатанного инквизиторской печатью.*

Вследствие получения этого письма Мы, Епископ, призвали брата Леметра, который присутствует здесь, и ознакомили его с положениями письма Верховного Инквизитора, обязав присоединиться к нам в процессе. На что указанный брат ответил, что он изучит суть полномочий, которыми он наделен теперь, ознакомится с материалами процесса, которые заверены секретарями процесса, непосредственно общаясь с Нами по возникающим вопросам, и что, как только материалы будут изучены им, он даст Нам ответ о том, что он считает наиболее правильным с точки зрения Святой Инквизиции.

Мы, Епископ, также добавили, что указанный посланник присутствовал на большей части процесса и, как следствие, мог лично слышать ответы Жанны; и что все же Мы были удовлетворены решениями данного посланника и без сомнения обговорим с ним детали всего, что было предпринято в процессе, чтобы он располагал наиболее полными данными».

---

332 “Lords and Masters...”

333 Должно быть, имеется в виду — «служителями церкви», потому что о себе епископ упоминал только с заглавной буквы.

12 марта 1431. Плененная Жанна. Руан. Камера Жанны. Поздний вечер

«И после семи дней помышления сердца моего опять были для меня крайне тягостны;

но душа моя приняла дух разумения, и я снова начал говорить пред Всевышним,

и сказал: о Владыко Господи! Ты из всех лесов на земле и из всех дерев на ней избрал только одну виноградную лозу;

Ты из всего круга земного избрал Себе одну пещеру, и из всех цветов во вселенной Ты избрал Себе одну ***лилию****;*

Ты из всех пучин морских наполнил для Себя один источник, а из всех построенных городов освятил для Себя один Сион».[334]

Жанна видела, как прекрасная лилия покачивалась перед ней на бирюзовой глади миниатюрного пруда. Все, что открылось ее внутреннему взору, испускало мягкий, ласкающий свет... сама же лилия полыхала внутренним пламенем. Капли росы на лепестках ее прекрасной чаши сверкали, словно сотни самых разнообразных драгоценных камней. Закатные рубины и полуденные аметисты, весенние изумруды и осенний янтарь... хрусталь бриллиантов и ночное небо опалов... все сплелось воедино, обрамляя величайший Символ Чистоты и Верности.[335]

Затаив дыхание, Жанна наслаждалась открывшейся перед ней картиной, желая лишь одного — стать достойной войти в Сад, где лилии настолько Прекрасны...

13 марта 1431. Плененная Жанна. Руан. Камера Жанны. Четвертый тайный допрос

Представитель Верховного Инквизитора присоединяется к процессу.[336]

Присутствовали епископ, брат Жан Леметр, которым помогали Жан де Ла Фонтейн, Николя Миди и Жерар Фейе. Свидетели: Николя де Хубан и Исамбар де Ла Пьер.

— Жанна, самим спасением твоей души призываю тебя отвечать правду на те вопросы, которые мы должны будем тебе задать.

...— Расскажи нам о том знаке, который ты подала своему Кролю?

— Вас удовлетворит, что при этом я стану клятвопреступницей?

— Давала ли ты обещание или клятву Святой Екатерине, что не разгласишь этот знак?

---

[334] 3 Эзд. 5:21.

[335] Сокрытая символика короны уходит к «огненным венцам», которые на протяжении многих тысячелетий люди замечали над головами Святых самых различных религий. Современные фотографии человеческих излучений, сделанные по методу Кирлиан, помогают воочию убедиться в правдивости свидетельств.

[336] Некоторые процессуальные вопросы протокола, которые касались назначения Леметром своих помощников, я пропустил и переводить не стал. Необходимое относительно этой персоны я указал, а именно, что из состояния «гостя процесса» Леметр перешел в состояние обвинителя, судьи, равноправного с Кошоном.

— Я давала обещание и клятву ради себя самой, потому что на меня слишком давили, пытаясь выведать эту тайну. И тогда я сказала себе: «Обещаю не говорить об этом никому в этом мире». Ангел принес моему королю корону, и этот знак убедил короля, что ему будет дано получить все Королевство Французское помощью Божественной и моими стараниями, что он должен позволить мне приняться за ратные труды, доверив мне войско, и что, в противном случае, он не будет коронован и миропомазан вскоре.

— Ты разговаривала со Святой Екатериной со вчерашнего дня?

— Я слышала ее со вчерашнего дня, и она несколько раз сказала мне, чтоб я отвечала смело судьям о том, что они спросят, если это будет касаться суда надо мной.

— Как именно этот Ангел нес корону? И поместил ли он ее на королевскую голову?

— Корона была передана архиепископу — к слову, мне кажется, это был архиепископ Реймский — в присутствии моего короля. Архиепископ принял корону и передал ее королю... Я присутствовала при этом. Позже корона была помещена среди сокровищ моего короля.

— В какое место была принесена корона?

— В покои моего короля в замке Шинон.

— В какой день и в какой час?

— Какой это был день, я не помню; что же до времени, то было еще светло.[337] Больше воспоминаний об этом у меня нет... разве что о месяце... Это был либо март, либо апрель. Так что или в этом месяце, или в следующем будет уже два года, как это случилось. Это произошло после Пасхи.

— Ты видела знак в тот же день, что и твой король?

— Да, он видел его в тот же день.

— Из какого материала была сделана упомянутая тобой корона?

— Да будет известно, что корона эта была сделана из прекрасного золота... Она была настолько прекрасна, что я даже не могу передать все ее богатство или оценить ее красоту. Корона символизировала, что мой король получит Королевство Французское.

— Где располагались в ней камни?

— Я рассказала все, что знала о ней.

— Ты прикасалась к этой короне или целовала ее?

— Нет.

— Ангел, который принес корону, пришел с Небес или с земли?

— Он спустился сверху; я предполагаю, что по указанию Господа нашего. Он вошел в зал через дверь, а когда он подошел к королю, то приветствовал его, склонясь перед ним в поклоне и произнося слова, о которых я уже говорила. Кроме того, Ангел утешил короля, отдав ему частичку своего спокойствия, чтоб король имел силы выстоять перед лицом всех бед, которые его окружали.[338] Ангел пришел от двери и коснулся земли, подходя к королю.

---

[337] "It was full day".

[338] "...and at the same time the Angel put him in mind of the great patience he had had in presence of so many tribulations".

— Какое расстояние было между дверью и королем?

— Мне кажется, примерно в длину копья[339]... Ангел вернулся тем же путем, которым он и пришел. Когда Ангел уходил, я сопроводила его вверх по лестнице в покои короля. Ангел вышел первым, потом пошла я, сказав королю: «Сир, вот ваш Знак. Примите его».

— Где явился тебе Ангел?

— Почти всегда он являлся, когда я молилась о Знамении, которое позже Господь дал королю. Тогда я была в своем жилище, в доме почтенной женщины возле шинонского замка... Там он и явился. После мы с ним вместе отправились к королю... Его сопровождали другие Ангелы, которых никто не видел. Явился ли мне Ангел из любви ко мне или же чтобы облегчить мою ношу, которая давила мне на плечи, но я думаю, что многие люди, смотревшие на Ангела, так и не увидели его.

— Все те люди, которые были вместе с твоим королем... они видели этого Ангела?

— Я полагаю, что архиепископ Реймский видел его... равно как и герцог Алансонский, министр Ла Тремуй и Карл Бурбонский. Что же до короны, то многие из духовенства видели ее, но вместе с тем не видели Ангела.

— Как выглядел этот Ангел? Какого он был роста?

— Пока у меня нет разрешения говорить об этом, но завтра я расскажу.

— Те Ангелы, которые сопровождали его... они выглядели одинаково?

— Некоторые походили на него довольно сильно, другие — нет... по крайней мере, так я видела. У одних были крылья, у других на голове были короны. С ними вместе пришли Святая Екатерина и Святая Маргарита, которые направились с тем самым Ангелом в королевские покои.

— Когда этот Ангел покинул тебя?

— Он покинул меня в маленькой капелле... Мне было очень больно, что он ушел; сердце рвалось из груди, желая отправиться с ним.[340]

— После того как Ангел ушел, осталась ли ты в бодром состоянии или же почувствовала, как страх сковывает тебя?

— Ангел никогда не покидал меня в горе или в печали, но когда он все же уходил, я чувствовала себя обездоленной.

— Как ты думаешь, Господь прислал тебе Ангела за какие-то заслуги?

— Он пришел с великой целью. Я надеялась, что король поверит Знаку и что придворные перестанут спорить со мной и наконец-то помогут защитникам Орлеана. Что же до заслуг, то Ангел был ниспослан за заслуги короля и доброго герцога Орлеанского.

— Почему Ангел пришел именно к тебе, а не к кому-то другому?

— На то была воля Господня, чтобы простая девушка отбросила прочь врагов короля.

— Было ли тебе сказано, где именно Ангел взял вышеуказанную корону?

— Она была принесена от Господа. Нет в мире ювелира, который мог бы украсить ее настолько богато и благородно.

---

[339] Примерно 3,5 метра.

[339] "...willingly would I have gone with him — that is to say, my soul".

— Где именно Ангел взял ее?

— Пусть Господь ответит на этот вопрос, потому что я ничего больше об этом не знаю.

— Как пахла эта корона? Был ли ее аромат приятен? Сверкала ли она?

— Об этом не помню... но я подумаю над этим. Хотя... конечно!!! Она прекрасно пахла и будет пахнуть так всегда, лишь бы ее охраняли и защищали должным образом.[341] Запах словно был частью этой короны.[342]

— Ангел когда-нибудь писал тебе письма?

— Нет.

— Какой знак был подан твоему королю и его людям, дабы убедить в том, что пришедший являлся именно Ангелом?

— Короля убедило духовенство, которое присутствовало при явлении Ангела, а также Знак Короны.

— Но как духовенство поняло, что это был Ангел?

— С помощью своего знания, а также благодаря причастности церкви.

— Что ты можешь сказать о женатом священнике и утерянной чаше, о которых ты однажды упоминала?[343]

— Об этом мне ничего не известно, я даже и не слышала об этом.

— Были ли у тебя откровения от голосов, в которых тебе указывалось выступать к Парижу?

— Нет, я отправилась по просьбе господ, которые желали осадить этот город; я также имела намерение выступить в поход и прорваться к городу сквозь укрепления.

— Были ли у тебя откровения о том, чтобы атаковать Ла-Шарите?

— Нет. Я пошла туда по велению рыцарей[344], как я и говорила раньше.

— У тебя были откровения о том, чтобы выступать на Пон-Левек?[345]

— Когда во время осады Мелена я получила откровение о том, что буду пленена, я все чаще советовалась с капитанами моей армии... все больше прислушивалась к их мнению, но про свое откровение им не рассказывала.

— Хорошо ли, что ты напала на Париж во время праздника Рождения Пресвятой Богородицы?

— Я всегда стремилась и буду стремиться соблюдать праздники, посвященные Деве Марии, по совести — от их начала и до самого завершения.[346]

— Почему же ты напала на Париж именно во время наибольшего из таких праздников?

— Пусть об этом судят другие.

— Осаждая Париж, разве ты не говорила горожанам: «Сдавайте этот город, повинуясь Воле Господа Иисуса»?

— Нет, но я говорила: «Сдавайте этот город, повинуясь воле короля Франции».

---

[341] "Yes, it smelt good, and will smell good always, if it be well guarded, as it should be".

[342] "It was in the form of a crown".

[343] "What have you to say about a married priest and a lost cup that you were to have pointed out?"

[344] Men-at-arms.

[345] 2 May, 1430.

[346] "It is well to observe the Festival of the Blessed Mary, and on my conscience it seems to me that it was, and ever will be, well to observe these festivals, from one end to the other".

14 марта 1431. Плененная Жанна. Руан. Камера Жанны. Пятый тайный допрос

Присутствовал Жан де Ла Фонтейн, которому помогали Николя Миди и Жерар Фейе. Свидетели: Николя де Хубан и Исамбар де Ла Пьер.

— Почему ты бросилась вниз с башни Боревуара?

— Я слышала, что все жители Компьеня, начиная с семилетнего возраста, будут преданы огню и мечу... Я скорее предпочла бы умереть, чем жить после такой резни, учиненной среди прекрасных людей. Это была одна из причин. Что же до второй, то я узнала, что меня продали англичанам... а как я уже говорила, я была готова скорее умереть, чем попасть в руки моих врагов.

— Давали ли твои Святые какие-нибудь советы, которые касались этого вопроса?

— Святая Екатерина почти каждый день говорила мне не прыгать, потому что Господь обязательно поможет мне... равно как и жителям Компьеня. Я сказала Святой Екатерине: «Я хочу быть в Компьене, когда Господь поможет этому городу», — но она ответила мне, чтоб я смирилась и не спотыкалась на пути своем, потому что мне не дано получить освобождение до тех пор, пока не состоится моя встреча с королем Англии.[347] Я ответила ей: «Как не хочу я встречаться с ним! Мне легче умереть, чем попасть в руки англичан».

— Правда ли, что ты сказала Святой Екатерине и Святой Маргарите: «Неужели Господь позволит, чтобы хорошие горожане Компьеня погибли так страшно»?

— Я не говорила «так страшно»... я сказала: «Как может Господь предать смерти жителей Компьеня, которые были и остаются Ему настолько верны»?[348] После того как я прыгнула с башни, я не могла есть на протяжении двух или трех дней... Я была настолько травмирована, что не могла даже пить... И все это время Святая Екатерина утешала меня. Она сказала исповедаться и всем сердцем просить у Господа прощения... Она также сказала, что Компьень устоит и получит помощь еще до дня Святого Мартина, который празднуется зимой. После ее утешений я начала выздоравливать и кушать, и вскоре была исцелена.

— Совершая прыжок с башни, ты думала, что на этом ты закончишь свою жизнь?

— Нет, но, прыгая, я всецело вверила себя в руги Господни. Я надеялась, что каким-то чудом мне удастся освободиться из плена и таким образом избежать продажи англичанам.

— Когда после прыжка к тебе вернулась речь, разве не богохульствовала ты, проклиная Имя Господне и Его Святых? Это подтверждено свидетельствами.[349]

— Не помню, чтобы я когда-нибудь богохульствовала, проклиная Господа или Его Святых, в том месте или в каком-либо другом.

---

[347] "...you will not be delivered before seeing the King of England".

[348] Скорее всего, имеется в виду тот факт, что Компьень, отданный королем Франции на растерзание бургундцам, отказался признать их власть и остался верным тому самому Карлу VII, который от него отрекся.

[349] "When speech returned to you, did you not blaspheme and curse God and His Saints? This is proved by allegation".

— Хочешь ли ты, чтоб мы обратились к запросу, который уже сделали по этому поводу, или, может, хочешь, чтобы мы сделали новый запрос?[350]

— Я хотела бы, чтоб вы сделали запрос у Господа и ни у кого другого... Кроме того, можете принять мою исповедь: она будет также правдива.[351]

— Твои голоса когда-нибудь просили отсрочки, чтобы ответить тебе?

— Иногда я не могу понять ответы Святой Екатерины из-за того, что в тюрьме никогда не бывает тихо... да и охранники сильно шумят. Когда я спрашиваю о чем-то Святую Екатерину, обе мои Святые передают этот вопрос Господу, а затем, получив от Него ответ, передают его мне.

— Когда Святые приходят к тебе, с ними всегда приходит свет? Разве ты видела свет, когда голос обратился к тебе из замка и ты не знала, находится ли он в твоей комнате?

— Не было такого дня, чтоб Святые не приходили в этот замок... И они никогда не приходят без света. А в том случае, о котором вы говорите, я не помню, видела ли я свет или, может быть, даже Святую Екатерину. О трех вещах просила я свои Голоса: о том, чтобы меня освободили; о том, чтобы Господь приходил на помощь французам и защищал их города; и всегда просила я о спасении моей души.

— Жанна, как ты относишься к тому, чтобы твое дело передали в Парижский Университет?

— Если меня повезут в Париж, я попросила бы лишь, чтоб со мной направили копии моих ответов на вопросы. Я дала бы эти копии моим судьям и сказала бы им: «Так меня спрашивали в Руане, и вот мои ответы...» — таким образом, меня не мучили бы вновь, выспрашивая одно и то же.

— Ты сказала, что епископ Бове подвергает себя большой опасности, верша суд над тобой... О какой опасности ты говорила? Какой именно опасности подвергаем себя мы — твои судьи и их помощники?[352]

— Я сказала епископу Бове: «Вы говорите, что являетесь моим судьей... Не знаю, так ли это, но будьте осторожны, чтобы не судить неверно, потому что вы подвергаете себя большой опасности, и об этом я вас предупреждаю. Поэтому, если Господь сочтет необходимым наказать вас за ваше судейство, я выполнила свой долг, предупредив вас».

— Но в чем именно эта угроза?

— Святая Екатерина сказала мне, что я получу помощь. Я не знаю, в чем именно будет заключаться эта помощь — в том ли, что она освободит меня из тюрьмы, или же, может, так как я сохранила верность, начнутся какие-то беспорядки, в результате которых я буду иметь шанс освободиться... Я думаю, что обещанная помощь придет ко мне тем или иным образом. К слову, мои Голоса говорили, что я буду освобождена в результате великой победы, и они добавляли: «Будь покорна. Не беспокойся о своих мучениях... В конце своего пути ты войдешь в Царство Небесное». Они говорили мне все это четко и ясно, без каких-либо недоговорок. Под моими мучениями они подразумевали

---

[350] "Will you refer this to inquire made or to be made?"
[351] "I refer me to God and not to any other, and to a good confession".
[352] "In what peril or danger do we place ourselves, your Judges and the others?"

боль и подавленность, в которых мне приходится жить в тюрьме... Не знаю, предстоит ли мне перенести еще большие страдания... но я во всем полагаюсь на Волю Господа.

— С тех пор как твои голоса сказали тебе о том, что в конце пути ты войдешь в Царство Небесное... чувствовала ли ты уверенность, что спасена и что адские мучения тебе больше не грозят?[353]

— Я верю моим Голосам, когда они говорят мне, что я буду спасена. Я верю в это настолько сильно, словно уже пребываю там.

— После этого откровения, полученного тобой... полагаешь ли ты, что больше не сможешь совершить смертный грех?

— Я не знаю... Я буду во всем полагаться лишь на Господа.

— Но этим ответом ты принимаешь на плечи великую тяжесть!

— Да. И этот же ответ открывает предо мной великие сокровища![354]

Тот же день, 14 марта 1431. Время после обеда. Шестой тайный допрос

Присутствовал Жан де Ла Фонтейн, уполномоченный вести допрос, которому помогали Николя Миди и Жерар Фейе. Свидетели: брат Исамбар де Ла Пьер и Жан Маншон.

— Я хотела бы дополнить по поводу ответа, который дала вам этим утром о спасении моей души... Я имела в виду, что для этого спасения считаю необходимым сдержать все обещания, которые я дала Господу, начиная от обещания хранить в непорочности свое тело и душу.

— Как ты думаешь... принимая во внимание, что ты веришь в откровение о своем грядущем спасении... у тебя есть необходимость в том, чтобы исповедоваться?

— Не знаю, что до возможности совершения смертного греха... но полагаю, что, если бы я пала в смертный грех, Святая Екатерина и Святая Маргарита покинули бы меня в тот же момент. Что же до вашего вопроса, то я не думаю, что кто-нибудь сможет очистить совесть другого человека слишком сильно.[355]

— За время пребывания в тюрьме ты никогда не ругалась и не гневалась на Бога?[356]

— Нет. Иногда я говорила «по воле Бога», или «Святой Жан», или «Богоматерь». Те, кто донес вам о том, что я ругаюсь на Бога, могли просто не понять.

— Взять человека в плен под условие выкупа и казнить его — это ли не смертный грех?

— Я никогда не поступала так.

— А что же ты сделала с Франке из Арраса, который был казнен в Ланьи?

---

[353] "Since your Voices told you that you would come in the end to the Kingdom of Paradise, have you felt assured of being saved and of not being damned in Hell?"

[354] "Yes, and one which I hold for a great treasure".

[355] "I do not think one can cleanse one's conscience too much".

[356] "...have you never blasphemed or cursed God?"

— Я согласилась, что он должен умереть, если заслуживает того, потому что он признал, что был убийцей, вором и предателем... Суд над ним продолжался пятнадцать дней. Его судьями были бейлиф Санлиса[357], а также люди из суда Ланьи[358]. Я распорядилась, чтобы Франке обменяли на человека из Парижа, хозяина гостиницы де Люр. Когда к нам пришли сведения, что этого человека казнили, бейлиф сказал мне, что я поступлю наперекор правосудию, если не выдам Франке. Я ответила, что, учитывая смерть человека, на которого я собиралась обменять Франке, пусть бейлиф поступит так, как считает правильным, дабы свершилось правосудие.

— Ты давала или же приказывала дать бейлифу деньги за то, что он взял на себя хлопоты, связанные с Франке?

— Я не казначей монетного двора Франции и не хранитель французских сокровищ, чтобы распоряжаться деньгами подобным образом.

— Жанна! Взываем к тебе и хотим услышать правдивый ответ. Как ты думаешь: атаковав Париж в день Святого Праздника; взяв себе лошадь епископа Санлиса; прыгнув из башни замка Боревуар; надев на себя мужскую одежду; дав согласие на казнь Франке из Арраса, — ты не совершила смертного греха?

— Что касается атаки на Париж, я не думаю, что пала в смертный грех... Но если это все же произошло, то пусть об этом судят Господь и священник, который примет мою исповедь. Что касается лошади епископа Санлиса, я твердо уверена, что ничем не согрешила против Господа нашего, потому что лошадь была оценена в двести золотых салутов, которые были переданы епископу... Кроме того, эта лошадь была передана графу де Ла Тремуйю, чтобы вернуть ее епископу Санлиса: как я уже говорила, лошадь не подходила для меня, потому что была не применима для конных атак. Кроме того, у епископа ее взяла не я. И последнее, что стоит отметить: я не хотела оставлять у себя эту лошадь, после того как узнала, что епископ недоволен тем, что она была взята. Не знаю, заплатили ли епископу еще или же вернули ему лошадь... но, скорее всего, лошадь не вернули.[359] Что же до моего прыжка с башни в Боревуаре, я совершила его не потому, что отчаялась, но в стремлении освободиться из плена[360] и отправиться на помощь храбрым воинам, над которыми нависла смертельная угроза.[361] После прыжка я исповедалась и попросила прощения. Я, конечно, совершила ужасный проступок, но из откровения, данного Святой Екатериной, мне известно, что после исповеди я была прощена. Именно по совету Святой Екатерины я отправилась на исповедь.

— Понесла ли ты епитимью?

— Да, и большей частью моя епитимья приняла форму страданий, обретенных мною от прыжка с башни.

— Ты говоришь, что, прыгая с башни, ты совершила ужасный проступок... Как ты думаешь, этот проступок был смертным грехом?

---

[357] Bailly of Senlis.

[358] "...people of the Court at Lagny..." Возможен также перевод «придворные из Ланьи», но какой при Ланьи был двор?

[359] "I do not know if the Bishop was paid, nor if his horse was restored to him; I think not".

[360] "...but thinking to save myself..."

[361] "...to the help of all those brave folk who were in danger".

— Я ничего не знаю об этом, но свято верю в справедливость Господа. Что же до моего одеяния, то, так как я облачилась в него по указанию Господа и для свершения угодных Ему дел,[362] я не думаю, что совершила что-то не так. Как только Господу будет угодно дать мне новое указание, я немедленно сниму это платье.[363]

Четверг, 15 марта 1431, утром. Седьмой тайный допрос

Присутствовал Жан де Ла Фонтейн, уполномоченный вести допрос, которому помогали Николя Миди и Жерар Фейе. Свидетели: Николя де Хубан и брат Исамбар де Ла Пьер.

— Жанна... мы полагаем, что пришло время попытаться предупредить тебя и попробовать убедить настолько бережно, насколько нам будет дозволено, положиться в оценке твоих поступков, которые так или иначе противоречат христианской вере, на решения Святой Матери Церкви.[364]

— Пусть духовенство хорошо изучит мои ответы, после чего пусть они скажут мне, есть ли в этих ответах что-то, противоречащее христианской вере. Получив объяснения своих Голосов, я буду точно знать природу данных явлений и расскажу вам, что из этого должно подвергать суду, а что нет.[365] Кроме того, если некоторые поступки, которые совершались мной по указанию Господа, будут определены вами как противоречащие христианской вере, я не смогу принять подобных решений... как ни прискорбно будет противопоставление моего мнения вашему.[366]

— Жанна... пойми, что существует Церковь Торжествующая и Церковь Воинствующая... Первая — есть Церковь Небесная, а Вторая — Церковь Земная, которая во всем является наследницей Церкви Небесной. Если верить твоим словам, голоса принадлежат Небесной Церкви, которая вдохновляет и направляет дела и свершения Церкви Воинствующей. Таким образом, если, по твоим словам, ты была во всем верна Церкви Торжествующей, ты должна быть верна также и Церкви Воинствующей, потому что вторая относится к первой, как дочерь к матери... Ты должна доверить все свои поступки, хорошие они были или же плохие, суду Воинствующей Церкви.[367]

— Пока об этом я ничего больше отвечать не буду.

— Помня о клятве, которую ты нам дала, ответь, каким именно образом ты собиралась сбежать из замка Болье, если для этого тебе было необходимо протиснуться еще и между деревянными брусьями?[368]

---

[362] "... since I bear it by command of God and for His service..."

[363] "...so soon as it shall please God to prescribe it, I will take it off".

[364] Перевел из косвенной речи в прямую: "First of all, Jeanne was charitably exhorted, warned, and required, if she had done anything which might be against our Faith, that she should refer it to the decision of Holy Mother Church".

[365] "I shall know surely by my counsel what it is, and will say afterwards what shall be judged and decided".

[366] "And, moreover, if there be anything wrong against the Christian Faith which Our Lord commanded, I should not wish to maintain it, and should be very sorry to be in opposition".

[367] Как понимаю, перевел из косвенной в прямую речь: "Then we explained to her about the Church Triumphant and the Church Militant, and the difference between them. [She was] required to submit to the decision of the Church Militant whatever she had said or done, whether of good or ill".

[368] "Upon the oath that you have taken, tell us, how did you think to escape from the Castle of Beaulieu between two planks of wood?"

— Никогда я не была еще заключена в такой тюрьме, из которой не мечтала бы сбежать. Пребывая в этом замке, я наверняка закрыла бы своих сторожей в башне... Я бы сбежала, если б тот привратник не заметил меня и не настиг. Но на все Воля Божья... Как я уже говорила, мои Голоса указывали на то, что мне еще предстоит встретиться с королем Англии.[369]

— Получила ли ты разрешение от своих голосов на то, чтобы покинуть тюрьму, как только сможешь?[370]

— Я спрашивала много раз, однако разрешения еще не получила.

— Сбежишь ли ты сейчас, если тебе представится такая возможность?

— Если я увижу открытую дверь, я уйду, потому что именно в этом и будет заключаться разрешение, данное Господом. Даже если, обнаружив дверь открытой, я увижу за ней моих сторожей и других англичан, которые готовы помешать мне, я все равно увижу в этом разрешение и помощь, которые ниспосланы мне Господом. Однако без такого разрешения я никуда не пойду, разве что попытаюсь вырваться силой и именно так узнаю, есть ли на то Воля Божья, чтоб я убежала. Так говорит и поговорка: «Помогай себе сам — и Господь поможет тебе». Я говорю все это к тому, что, если я убегу, никто не сможет сказать, что я сделала это наперекор Воле Божьей.[371]

— Когда ты просила допустить тебя на мессу, не казалось ли тебе, что более уместным будет, если ты оденешься, как женщина? Что ты предпочтешь: надеть женское платье и быть допущенной на мессу или же остаться в мужском платье и не услышать мессы?

— Прежде всего, дайте мне гарантию, что, если я облачусь в женское платье, меня допустят на мессу... и тогда я отвечу.

— Очень хорошо, я лично заверяю тебя, что ты будешь допущена на мессу, если наденешь женское платье.

— А что вы скажете, если я клялась нашему Царю, который — мой Господин, что не буду снимать мужское платье? Но как бы то ни было, я отвечу вам так: сделайте для меня длинное платье до самой земли без шлейфа, дайте мне его, чтобы я могла пойти на мессу, но как только вернусь, я вновь надену то платье, которое на мне надето теперь.

— Повторяю тебе еще раз: согласна ли ты носить женское платье и быть допущенной на мессу?

— Я посоветуюсь по этому вопросу, а потом дам вам окончательный ответ... Но все же молю вас о том, чтобы во имя Господа нашего и Пресвятой Девы Марии мне было позволено присутствовать на мессах в этом добром городе.

— Можешь ли ты однозначно и без дополнительных условий согласиться принять женское платье?

— Дайте мне одно из платьев, которые носят дочери граждан этого города, — как его называют, «хуплан», — и я буду надевать его, чтобы ходить

---

[369] "Never was I prisoner in such a place that I would not willingly have escaped. Being in that Castle, I should have shut my keepers in the tower, if it had not been that the porter espied me and encountered me. It did not please God that I should escape this time: it was necessary for me to see the English King, as my Voices had told me, and as has been already said".

[370] "Have you had permission from God or your Voices to leave prison when it shall please you?"

[371] "I say this in order that, if I do escape, no one may say I did so without God's leave".

на мессы. Однако я молю вас так сильно, как могу: позвольте мне посещать мессы в том одеянии, которое надето на мне в данный момент, не надо ничего менять...[372]

— Готова ли ты передать свои слова и поступки Церкви и подчиниться ее суждению?[373]

— Мои слова и дела — в Руках Господних; во всем я буду полагаться на Него. Заверяю вас, что я ничего не сказала бы против христианской веры и уж тем более ничего бы не сделала... Поэтому, если духовенство скажет, что какие-то слова или поступки, шедшие из моей души, на самом деле противоречат христианской вере, зерна которой были засеяны Господом нашим, я не приму таких утверждений и попросту не буду обращать на них внимания.[374]

— Значит, ты не согласна покориться в этом вопросе велению Церкви?[375]

— Больше я ничего не отвечу вам по этому вопросу. Пришлите мне священника в субботу, если не пожелаете прийти сами, и я с Божьей помощью дам ему ответ... И ответ этот должен быть записан.

— Когда к тебе приходят голоса, выражаешь ли ты им свою покорность и почтение так же, как и Святым?[376]

— Да, и если по какой-то случайности я не поступала так, то потом просила их милостиво простить меня. Я не знаю, каким образом приветствовать их, чтоб это подобало их величию, ибо я твердо убеждена в том, что ко мне приходят именно Святая Екатерина и Святая Маргарита. То же самое я думаю и о Святом Михаиле.

— Святым Царства Небесного часто зажигают свечи... Ты когда-нибудь зажигала свечи своим Святым; или, может, делала им какие-то другие подношения в Церкви или в другом месте; или, может, читала им мессы?

— Нет, разве что я просила священников читать мессы в честь Святой Екатерины, одной из Святых, которые являются мне. Я никогда не зажигала столько свечей, сколько бы мне хотелось, в честь Святой Екатерины и Святой Маргариты, которые пребывают в Царствии Небесном и которые, я искренне в это верю, являются мне.

— Когда ты ставила свечи перед ликом Святой Екатерины, то делала это в честь той, которая является тебе?

— Я ставила эти свечи в честь Господа, Пресвятой Богоматери и Святой Екатерины Небесной, которая является мне.

— Ты ставила эти свечи в честь той Святой Екатерины, которую ты видела во время ее явлений тебе?

— Да. Я не делаю разницы между той, которая является мне, и той, которая пребывает на Небесах.

---

[372] "I beseech you as earnestly as I can, permit me to hear it in the dress I wear at this moment and without changing anything!"

[373] "Will you submit your actions and words to the decision of the Church?"

[374] "My words and deeds are all in God's Hands: in all, I wait upon Him. I assure you, I would say or do nothing against the Christian Faith: in case I have done or said anything which might be on my soul and which the clergy could say was con-trary to the Christian Faith established by Our Lord, I would not maintain it, and would put it away".

[375] "Are you not willing to submit yourself in this to the order of the Church?"

[376] "When your Voices come, do you make obeisance to them as to a Saint?"

— Ты всегда действуешь с великим стремлением завершить то, на что было указано тебе голосами?

— Всеми своими силами я стараюсь завершить указания, которые Господь посылает мне с помощью Голосов, — в той мере, как понимаю их.[377] Мои Голоса ничего мне не указывали, если на то не было Воли Господней.

— В вопросах, которые касались военных действий, ты ничего не делала без указаний Голосов?

— На этот вопрос я уже отвечала вам, так что хорошенько пересмотрите свои записи, и вы найдете мой ответ. Некоторые из рыцарей считали целесообразной атаку на Париж, и сам король просил меня атаковать Ла-Шарите. Эти действия не произошли против воли моих Голосов, но по их указанию.

— Неужели ты никогда не делала ничего против их воли и указания?

— Все, о чем я знала, как это сделать, и что было в моих силах, я выполнила настолько хорошо, насколько могла. Что же до моего прыжка с башни Боревуара, я совершила его против воли моих Голосов, но я была не в состоянии контролировать себя. Когда мои Голоса увидели, насколько мне было тяжело, и что я не знала, как взять себя в руки, они спасли мою жизнь и уберегли от самоубийства. Что бы я ни совершала в моих самых великих предприятиях,[378] Святая Екатерина и Святая Маргарита всегда помогали мне, а это указывает на то, что они хорошие духи.

— Можешь ли ты привести другие знаки о том, что они хорошие духи?

— Святой Михаил заверил меня в этом, прежде чем они пришли ко мне.

— А откуда ты узнала, что это был Святой Михаил?

— По манере разговора и по языку Ангелов. Я твердо уверена, что они все Ангелы.

— Но с чего ты взяла, что это был язык Ангелов?

— Я сразу же в это поверила... У меня было достаточно сил, чтобы поверить в это.[379] Когда Святой Михаил явился мне, он сказал: «Святая Екатерина и Святая Маргарита будут приходить к тебе. Следуй их советам. Они были избраны для того, чтобы направлять тебя в пути и давать советы обо всем, что тебе предстоит свершить. Верь тому, что они будут говорить тебе, потому что это — Указ Господа нашего».

— А если бы сатана облачился в подобие ангельское — как бы ты узнала, пришел к тебе хороший или же плохой Ангел?

— Я действительно могла бы определить, Святой ли это Михаил или же кто-то, под него маскирующийся. В первый раз я очень сильно сомневалась относительно того, кто пришел ко мне... и поэтому перепугалась. Святой Михаил являлся мне много раз, прежде чем я поняла, что это действительно он.

— Почему же ты сумела узнать его вскоре после того, как, по твоим словам, ты поверила, что это он, а не в тот раз, когда он явился тебе в первый раз?

---

[377] "With all my power I accomplish the command that Our Lord sends me through my Voices, in so far as I understand them".

[378] "Whatever things I did in my greatest undertakings..."

[379] "I believed it at once, and I had the will to believe it".

— Когда он явился мне впервые, я была юным ребенком и была сильно напугана... Однако после он учил меня так хорошо и все стало так ясно для меня, что я поверила всем сердцем: это был именно он.

— И какой же доктрине он тебя обучал?[380]

— Прежде всего, он говорил мне, чтобы я была хорошим ребенком и что Бог обязательно поможет мне прийти на помощь королю французскому, равно как он поможет и другим моим начинаниям. Большая часть того, чему он учил меня, уже находится в той книге, которую вы пишете... Также Он рассказал мне о великой скорби, которая царила в Королевстве Французском.

— Каков был рост этого Ангела и как он выглядел?

— В субботу я дам ответ на этот вопрос вместе с другими ответами, которые я должна дать, если на то будет Воля Господня.

— Не думаешь ли ты, что, поступая вопреки указаниям Святой Екатерины и Святой Маргариты, которые являлись тебе, ты совершала великий грех, кроме всего прочего, оскорбляя их?[381]

— Да, наверное, так... И сильнее всего, мне кажется, я согрешила, когда прыгнула с башни в Боревуаре... Я молила их о прощении и снисходительности... равно как просила простить те оскорбления и боль, которые я могла причинить им.

— Как ты думаешь, Святая Екатерина и Святая Маргарита потребуют от тебя плотского возмездия за все эти обиды?[382]

— Я не знаю... я не спрашивала...

— Ты говорила, что людей иногда вешают за то, что они говорят правду... Скажи, Жанна, знаешь ли ты какое-то преступление, совершенное тобой, или недостаток, имеющий место в тебе, рассказав о котором, ты должна быть предана смерти?[383]

— Такого не знаю.

Суббота, 17 марта 1431, утром. Восьмой тайный допрос

Присутствовал Жан де Ла Фонтейн, уполномоченный вести допрос, которому помогали Николя Миди и Жерар Фейе. Свидетели: Исамбар де Ла Пьер и Жан Масье[384].

— Жанна, мы хотим, чтоб ты вновь поклялась отвечать правду на те вопросы, которые будут тебе заданы.

— А я вновь говорю, что буду отвечать правду на те вопросы, которые касаются суда надо мной.[385]

---

380 "What doctrine did he teach you?"

381 "Do you not think it a great sin, and one which offends Saint Catherine and Saint Margaret who appeared to you, to act against their commands?"

382 "Will Saint Catherine and Saint Margaret take bodily vengeance for this offense?"

383 "You have asserted that, for speaking the truth, men were sometimes hanged: do you, then, know any crime or fault in yourself for which you should die, if you confessed it?"

384 Jean Massieu.

385 "The said Jeanne was required to take the oath already made by her. Afterwards, she was again interrogated".

...— В каком обличье явился тебе Святой Михаил? Кем он тебе сначала показался? Какого он был роста и во что был одет?[386]

— Он явился мне в обличье истинно почитаемого Святого.[387] Что же до платья и всех прочих вопросов, то ничего больше сказать я не могу.

— А те Ангелы, которые были вместе с ним?.. Что ты можешь сказать о них? Были ли они призрачны?

— Я могу сказать, что видела этих Ангелов своими собственными глазами... но ничего больше о них вы от меня не узнаете. Я так же сильно верю в свершения и слова Святого Михаила, который явился мне, как и в то, что Спаситель наших душ, Иисус Христос, прошел через Смерть и Предсмертные муки ради нас.[388] Это помогает мне верить в истинность хороших советов, светлого утешения и чистого учения, которые я получала от Святого Михаила.[389]

— Сможешь ли ты в знак уважения ко всем своим словам и делам, хорошими они были или же плохими, покориться решению Святой Церкви, нашей Матери?[390]

— Святая Церковь! Как сильно я ее люблю и как бы хотела поддержать ее всеми своими силами во имя нашей христианской веры! Вовсе не мне надо запрещать ходить в церковь и слушать мессы! Что же до всех хороших дел, которые я совершила, и до моего прихода к королю, я должна полагаться на Царя Небесного, Который направил меня к Карлу, королю Франции, сыну Карла, который также был королем Франции. Вы сами увидите, что скоро французам будет ниспослана великая победа, потому что Господь готовит такие свершения, которые сотрясут все Королевство Французское. Я говорю об этом лишь ради того, чтобы, когда эти свершения произойдут, вы вспомнили мои слова.

— И когда же это произойдет?

— Господу виднее.

— Готова ли ты вверить себя в руки Церкви и подчиниться ее решению?

— Я вверяю себя в руки Господа, от которого я пришла, в руки Пресвятой Богородицы и Святых Царствия Небесного. Кроме того, я думаю, что это все едино — Господь и Церковь — и что не надо создавать никакой путаницы в этом вопросе. Зачем вы создаете все эти сложности?[391]

— Есть Церковь Торжествующая, которая состоит из Бога, Святых, Ангелов и душ спасенных людей. Кроме нее, есть еще и другая Церковь — Воинствующая, в которую входят Папа, наместник Бога на земле, кардиналы, прелаты Церкви, духовенство и все добрые христиане и католики...[392] Эта

---

[386] "In what form, kind, size, and dress did Saint Michael come to you?"

[387] "In the form of a true honest man".

[388] "I believe the deeds and words of Saint Michael, who appeared to me, as firmly as I believe that Our Savior Jesus Christ suffered Death and Passion for us".

[389] "That which makes me believe it, is the good counsel, comfort, and good doctrine which he has given me".

[390] "Will you, in respect of all your words and deeds, whether good or bad, submit yourself to the decision of our Holy Mother the Church?"

[391] "And in my opinion it is all one, God and the Church; and one should make no difficulty about it. Why do you make a difficulty?"

[392] "...and all good Christians and Catholics".

Церковь, созданная непогрешимой,[393] не может заблуждаться, потому что она руководима Духом Святым. Вверяешь ли ты себя в руки этой Церкви, которую мы только что подробнейшим образом описали?

— Я пришла к королю Франции от Господа, от Благословенной Девы Марии, от всех Святых Царства Небесного и Всевышней Победоносной Церкви... Лишь по их указанию пришла я сюда. Этой Церкви я вверяю все свои добрые дела, все, что я уже совершила или что еще только совершу. Что же до вопроса, вверяю ли я себя в руки Церкви Воинствующей, я пока не отвечу больше ни слова.

— А что ты скажешь нам по вопросу женского платья, которое было предложено тебе, чтоб ты могла отправиться на мессу?

— Пока я не приму это платье... до тех пор, пока на то не будет Воля Божья. А если случится так, что я предстану перед судом и должна буду снимать верхнюю одежду,[394] я молю представителей Церкви дать мне женскую сорочку и чепец, чтобы прикрыть волосы... Однако я лучше умру, нежели пренебрегу тем, что Господь указал мне выполнить.

— Не боишься ли ты, что твой Господь может покинуть тебя?

— Я твердо уверена в том, что Господь не позволит обстоятельствам сложиться так, что мне не будет дозволено заручиться Его поддержкой и что чудес больше не произойдет в моей жизни.[395]

— Почему, если, по твоим словам, ты носишь мужское платье по указанию Господа, оказавшись на краю смерти, ты просишь о женской сорочке?[396]

— Мне будет достаточно, если она будет длинная.

— Твоя крестная, которая видела фей... о ней говорят, как о мудрой женщине?[397]

— О ней говорили, как о хорошей и доброй женщине, не как о посланнице Небес, но и не как о колдунье.

— Ты говорила, что наденешь женское платье, если тебе дадут шанс уйти... Как ты думаешь, это порадует Господа?

— Если мне будет дозволено уйти в женском платье, скоро я буду вынуждена переодеться в платье мужское, чтобы совершить все, указанное Господом, — я уже говорила вам об этом. Ни за что на свете не поклянусь я не брать в руки оружия и не одеваться по-мужски, потому что я должна быть верна приказам Господа нашего.

— Какого возраста были Святая Екатерина и Святая Маргарита и во что они были одеты?

— Вы получите от меня только те ответы, которые я уже вам давала, и ничего больше... Но то, о чем я рассказала, известно мне наверняка.

---

[393] “This Church, regularly assembled...” Дословный перевод: «Эта Церковь, созданная по всем правилам...»

[394] “That I have to divest myself in Court”.

[395] “...and I believe firmly that God will not allow it to come to pass that I should be brought so low that I may not soon have succor from Him, and by miracle”.

[396] “As you say that you bear a man's dress by the command of God, why do you ask for a woman's smock at the point of death?”

[397] “Did your Godmother who saw the fairies pass as a wise woman?”

— До сегодняшнего дня думала ли ты, что феи — это злые духи?

— Я ничего об этом не знаю.[398]

— Известно ли тебе о ненависти Святой Екатерины и Святой Маргариты к англичанам?

— Они любят то, что любит Господь... и ненавидят они то, что Господь ненавидит.

— А Господь ненавидит англичан?

— О любви или ненависти, которую испытывает Господь к англичанам, или о том, что Он сделает для их душ, мне ничего не известно... Зато довольно хорошо я знаю, что все они будут выдворены из Франции, за исключением тех, кто обретет здесь успокоение... И что Господь ниспошлет победу французам в сражениях с англичанами, мне тоже хорошо известно.

— Был ли Господь на стороне англичан, когда они вторгались во Францию?

— Я не думаю, что Господь ненавидел французов, но мне кажется, Он хотел наказать французов за грехи, если они были грешны, конечно.

— Какого ручательства или помощи ожидаешь ты от Господа за то, что носишь мужское платье?

— За это платье и за все остальное, что я совершила, я не желаю никакой иной награды, кроме спасения моей души.

— Какие доспехи принесла ты в жертву в Сен-Дени?[399]

— Мое полное облачение из белой брони, которое подобает солдату, и меч, который я завоевала перед Парижем.

— А почему ты совершила это приношение?

— В знак преданности своему делу, а также потому, что среди солдат существует обычай оставлять свои доспехи, в которых они были ранены. Будучи ранена перед Парижем, я совершила приношение в Сен-Дени, потому что «Сен-Дени» — это боевой клич Франции.[400]

— Сделала ли ты что-нибудь для того, чтоб твоим доспехам можно было поклоняться?

— Нет.

— А с какой целью на меч, который ты нашла[401] в часовне Святой Екатерины в Фьербуа, были нанесены пять крестов?

— Об этом мне ничего не известно.

— Кто подсказал тебе нарисовать на твоем знамени Ангелов с руками, ногами и облаченных в одежды?

— Я уже отвечала вам.

— Ты нарисовала их в том виде, в котором они приходили к тебе?

---

398 "I know nothing about it".

399 "What arms did you offer at Saint Denis?"

400 Сен-Дени — город, названный в честь Святого Дионисия.

«Священномученик Дионисий, епископ Александрийский (265 г.) — святой, был в зрелом возрасте обращен в христианство знаменитым учителем Церкви Оригеном (III в.) и стал его самым выдающимся учеником. Впоследствии (ок. 232 г.) возглавил Александрийскую школу, а затем, в 247 году, поставлен во епископа Александрии. Жил во время гонений от императоров Деция (249-251) и Валериана (253-259). Автор первой Пасхалии, известен своей обширной перепиской, а также полемикой с еретиками».

[Wikipedia, http://ru.wikipedia.org/wiki/Дионисий_Александрийский]

401 "...that you found..."

— Нет, я нарисовала их в том виде, в котором они изображены в церквях.

— Они когда-нибудь являлись тебе в том виде, в котором они изображены на твоем знамени?

— Больше я ничего вам не скажу.

— Почему ты не нарисовала сияние, которое снисходило к тебе с Ангелами и голосами?

— Потому что об этом мне ничего не было сказано.

Тот же день, 17 марта 1431, после обеда. Девятый тайный допрос

Присутствовали епископ и представитель Верховного Инквизитора, которым помогали Жан Бопер, Жак де Турен, Николя Миди, Пьер Морис, Жерар Фейе, Тома де Курсей, Жан де Ла Фонтейн. Свидетели: Исамбар де Ла Пьер и Джон Грей.

— Два Ангела, которые изображены на твоем знамени, символизируют собою Святого Михаила и Святого Гавриила?

— Они были помещены на Знамя для того, чтобы восхвалять Господа нашего, который изображен, держащим мир в руках.[402]

— Эти два Ангела на знамени представляют собой тех, кто оберегает Мир?[403] Почему же ты не нарисовала их больше, если сам Господь в окружении сонма Ангелов указал тебе взять такое знамя?[404]

— На Знамя было указано мне нашим Господом через Голоса Святой Екатерины и Святой Маргариты, которые сказали мне: «Возьми же Знамя во Имя Короля Небесного...» И так как именно они принесли мне этот Указ, я сказала художнику нарисовать фигуру Господа и двух Ангелов.

— Спрашивала ли ты их о том, не приведут ли качества этого знамени к тому, что битвы будут возжигаться вокруг тебя, где бы ты ни оказалась... и что благодаря этому знамени ты будешь выходить из них победительницей?

— Они сказали мне принять все смело — и тогда Господь поможет мне.

— Кто кому помогал больше — ты своему знамени или твое знамя тебе?[405]

— Откуда бы ни приходила победа — или от Знамени, или же от меня самой, — изначально все шло от Господа.[406]

— Твоя надежда быть победительницей... основывалась на твоем знамени или на твоих собственных качествах?

— Она имела основу только в Господе и нигде больше.

— Если бы кто-нибудь, кроме тебя, нес это знамя, принесло бы оно ему такую же удачу?

— Я ничего об этом не знаю, но искренне полагаюсь на Господа.

— А если бы кто-то из твоих соратников дал тебе свое знамя, была бы

---

[402] “They were there only for the honor of Our Lord, Who was painted on the standard. I only had these two Angels represented to honor Our Lord, Who was there represented holding the world”.

[403] “Were the two Angels represented on your standard those who guard the world?”

[404] “Why were there not more of them, seeing that you had been commanded by God to take this standard?”

[405] “Which gave most help, you to your standard, or your standard to you?”

[406] “The victory either to my standard or myself, it was all from Our Lord”.

твоя уверенность так же непоколебима, как когда ты держала в руках знамя, которое, по твоим словам, было послано тебе Господом? Даже знамя твоего короля, будь оно доставлено тебе... могло бы оно вселить в тебя ту же уверенность, которую вселяло знамя твое?[407]

— С большей охотой я возносила то Знамя, которое было уготовано для меня Господом... И, между прочим, я во всем полагалась на Его указания.

— С какой целью ты помещала на свои письма знак креста и слова «Иисус, Мария»?

— Монахи, которые были моими писцами, помещали на письма этот знак...[408] А некоторые говорили, что для меня было бы уместно ставить на каждом письме слова «Иисус, Мария».

— Не открывалось ли тебе когда-нибудь, что если ты потеряешь свою девственность, то потеряешь и саму радость жизни и Голоса больше к тебе не придут?

— Таких откровений я не имела.

— Если бы ты вышла замуж... как ты думаешь, голоса пришли бы к тебе?

— Я не знаю, но полагаюсь на Господа нашего.

— Как ты думаешь... или как подсказывает тебе твоя вера... твой король поступил верно, приказав убить милорда, герцога Бургундского?[409]

— Это событие открыло кровоточащую рану на теле Франции... но что бы ни произошло между ними, Господь послал меня на помощь именно королю Франции.[410]

— Жанна... однажды ты сказала епископу Бове, что ответишь ему и его представителям так же честно и искренне, как ты ответила бы его святейшеству, господину нашему Папе[411]... Но все еще остается много вопросов, на которые ты не дала ответа... Скажи, самому Папе ты ответила бы полнее, нежели нам?

— Я отвечала вам всю правду, которая мне известна... И если теперь мне вспомнится что-то, о чем я умолчала раньше, то я расскажу об этом с радостью.

— Разве тебе не кажется, что ты должна отвечать его святейшеству Папе, Наместнику Бога на земле, обо всем, что касается вопроса веры и твоей совести,[412] более полно, нежели нам?

— Хорошо... пусть меня отвезут к нему, и я отвечу ему обо всем, о чем я должна ответить.

— Из какого материала было сделано колечко с надписью «Иисус, Мария»?

— Я точно не знаю... Но если кольцо было сделано из золота, то оно было не очень хорошего качества. Я не знаю, было это золото или латунь... На нем было три креста и больше никаких знаков, исключая надпись «Иисус, Мария».

---

407 "If one of the people of your party had sent you his standard to carry, would you have had as much confidence in it as in that which had been sent to you by God? Even the standard of your King, if it had been sent to you, would you have had as much confidence in it as in your own?"

408 "The clerks who wrote my letters put it..."

409 [1]

410 "It was a great injury to the Kingdom of France".

411 "...as you would before our most holy Lord the Pope..."

412 Conscience.

— А почему перед сражениями ты зачастую смотрела на это кольцо?[413]

— Я поступала так для того, чтобы почтить память моего отца и матери, а также потому, что очень любила это кольцо...[414] Оно часто было у меня на пальце или в ладони, когда я прикасалась к Святой Екатерине при ее появлении.[415]

— И какой же части Святой Екатерины ты касалась?

— Я больше ничего не скажу об этом.

— Ты когда-нибудь целовала или же обнимала Святую Екатерину или Святую Маргариту?

— Я обнимала их обеих.

— Воздух вокруг них был наполнен благовониями?[416]

— Да, и это очень приятно вспоминать.

— Обнимая их, чувствовала ли ты жар или что-то другое?

— Я не могла обнять их, ничего при этом не почувствовав.[417]

— Что ты целовала — лицо или ноги?

— Мне казалось более уместным и уважительным целовать их ноги.

— Разве ты не преподносила этим Святым короны?

— Чествуя их, я часто надевала короны на их статуи в церквях... Что же до Тех, которые являлись мне, то, насколько я помню, я никогда не давала им никаких корон.

— А когда ты вешала короны из цветов на дерево, о котором мы говорили раньше, ты поступала так, чествуя тех, кто являлся тебе?

— Нет.

— Когда эти Святые являлись тебе, не оказывала ли ты им почтения, не преклоняла ли перед ними колени, не склоняла ли головы?

— Я приветствовала так, как только умела... Я знаю, что ко мне приходили те, кто пребывает в Царстве Небесном.

— А о тех, кто летает в воздухе вместе с феями, тебе разве ничего не известно?

— Я никогда их не знала и не делала ничего, чтобы с ними познакомиться. Но я слышала, что они приходят по четвергам, хотя я сама в это не верю и считаю колдовством.

— Разве они не размахивали твоим знаменем вокруг головы короля Карла во время обряда миропомазания в Реймсе?

— Нет, я ничего об этом не знаю.

— Почему же во время обряда миропомазания короля Карла в Соборе Реймса твое знамя стояло на более почетном месте, чем знамена других капитанов?[418]

— Оно разделило со мной немало боли... и этим заслужило право разделить славу.[419]

---

413 "...generally looked at this ring..."
414 "For pleasure, and in honor of my father and mother".
415 "I had that ring in my hand and on my finger, when I touched Saint Catherine as she appeared to me".
416 "Did they smell good?"
417 "I could not have embraced them without feeling and touching them".
418 "Why was it taken to the Church of Reims for the consecration more than those of other captains?"
419 "It had shared in the pain, it was only right it should share in the honor".

Промежуточные заседания от 18, 22, 24, 25 и 26 марта

18 марта. Встреча докторов теологии и священников-консультантов в доме епископа с целью обсудить состояние процесса. Присутствовали епископ и Жан Леметр, которым помогали двенадцать консультантов.[420]

«Мы, вышеуказанный Епископ, которого поставили в известность, что Жанна была допрашиваема в течение восьми дней и что большинство ее ответов было записано, желаем в день сегодняшний услышать мнение помощников и консультантов по вопросу методики продолжения процесса.

Мы приказали зачитать многочисленные утверждения и заключения,[421] которые по Нашему приказу были извлечены несколькими магистрами из ответов Жанны, чтобы с помощью этих утверждений вышеуказанные консультанты имели возможность объять процесс как единое целое и, таким образом, с большей уверенностью высказаться о том, что осталось недоделанным.

После того как данные утверждения были зачитаны, указанные магистры и священнослужители приступили к их обсуждению со всей торжественностью и пониманием значимости предмета; каждый из них поделился с Нами своим мнением.

Мы, Судии, подвели итоги услышанного и отдали следующие распоряжения.

Каждый из докторов и магистров должен будет изучить досконально и со всем усердием свою часть (ответов Жанны) на предмет соответствия вышеприведенным утверждениям и, кроме того, найти в авторитетных книгах подтверждения высказываниям докторов по каждому из утверждений.[422] В следующий четверг мы соберемся вновь, чтобы обсудить полученные результаты. В тот день каждый представит на рассмотрение нам свое мнение по данному вопросу.

Кроме того, мы повелели, чтобы между днем сегодняшним и вышеуказанным нами из вопросов и ответов Жанны были созданы определенные Статьи, которые должны быть выдвинуты против нее в зале суда перед нами, судьями».

22 марта. Еще одна встреча в доме епископа, на которой было решено составить Статьи обвинения из вышеуказанных выдержек[423]. Присутствовали епископа и Жан Леметр, которым помогали двадцать три асессора.

«В присутствии вышеназванных священников были зачитаны различные утверждения и заключения по сути процесса, собранные и обработанные докторами и магистрами с полным осознанием всей ответственности. Слушая данные заключения и их детальные

---

[420] "The Bishop and Jean Lemaitre, assisted by twelve Assessors, present".
[421] Assertions.
[422] "Each of the Doctors and Masters shall have the matter to examine and study for his own part in all diligence, and to make research in authentic books for the opinion of the Doctors on each of the said assertions".
[423] Extracts.

обсуждения каждым из консультантов, мы, Судьи, решили и отдали приказания, чтобы утверждения и заключения были записаны в виде небольшого количества Статей, или, другими словами, предложений по Сути Процесса. Статьи, подготовленные таким образом, должны быть *сразу же сообщены докторам и магистрам — всем вместе и каждому по отдельности, которые таким образом получат возможность более легко высказать свое мнение.*

По вопросу, должна ли Жанна подвергнуться дополнительным допросам, Мы высказались таким образом, что процесс, вверенный Нам, должен быть, с помощью Господа нашего, проведен без малейших недостатков — во славу Всевышнего и во имя возвеличения Святой Католической Веры».

24 марта. В тюремной камере Жанны. Присутствовали метр Жан де Ла Фонтейн, епископ, брат Жан Леметр, которым помогали Жан Бопер, Николя Миди, Пьер Морис, Жерар Фейе, Тома де Курсей, Энгеран де Шампрон.

«В присутствии вышеназванных Мы приказали зачитать Жанне Журнал, который содержит заданные ей вопросы и ее ответы. Чтение это было произведено Гийомом Маншоном, писцом, который и вел Журнал.

Однако прежде чем приступить к чтению, прокурор, избранный Нами, мсье д'Эстиве, предложил подтвердить, на случай того, что Жанна не узнает некоторых своих высказываний, что все записи, которые содержатся в указанном Журнале, — вопросы и ответы — были зачитаны именно так, как они и были записаны во время допросов. Со своей стороны, Жанна дала клятву, что во время предстоящего чтения она ничего не будет добавлять или изменять в своих ответах, если на самом деле это было неправдой.

После чего был зачитан Журнал.

В одном месте Жанна сказала:

«Моя фамилия Дарк или Роме[424]*: в моем краю девушки берут фамилию матери».*

Позже она сказала:

«Пусть все вопросы и ответы, которые дулжно зачитать, будут зачитаны без остановки: если ничто не вызовет во мне противоречия, то это будет принято и подтверждено мной».

В дополнение к отрывку, который касался ее платья, она сказала:

«Дайте мне женское платье, чтобы я могла отправиться к своей матери... Я приму его, выберусь из тюрьмы, и когда я окажусь снаружи, то основательно подумаю, как мне поступить дальше».[425]

Когда же чтение данного Журнала было завершено, она сказала:

---

[424] В англоязычных протоколах указано так: "I have as surname d'Arc or Romйe...", т.е. с использованием апострофа (d'Arc). Однако, по заключению Райцеса [10], в те времена французская грамматика вообще не знала апострофа.

http://www.christianity.org.ru/unafides/Jehanne/raytses_02.html.

[425] "Give me a woman's dress to go and rejoin my mother; I will take it that I may get out of prison, because when I am outside I will consider as to what I should do".

«Я действительно полагаю, что говорила все так, как указанно в Журнале... Я не предъявляю претензий ни по одному из пунктов».

25 марта. Утро, тюремная камера Жанны в замке Руан. Увещевание, зачитанное Жанне.

«Мы, Епископ, обратились к Жанне в присутствии достопочтенных магистров и иных Служителей Церкви: Жана Бопера, Николя Миди, Пьера Мориса, Тома де Курсейя.

Мы сказали Жанне, что много раз до сегодняшнего дня и, что примечательно, вчера в частности ей говорилось, что ввиду торжественности нынешнего времени[426] она может получить разрешение сегодня, в Вербное Воскресенье, присутствовать на Мессе. Мы еще раз спросили ее, согласна ли она в ответ на подобную благосклонность снять с себя мужское платье и облачиться в платье женщины, дабы ходить в нем, как раньше, когда она проживала в своей родной деревне, и как подобает всем женщинам ее страны.

Указанная Жанна ответила Нам вопросом о том, может ли быть ей позволено слушать Мессу в том платье, которое было на ней надето в тот самый момент, и в этом же платье приобщиться к Таинству Евхаристии в День Пасхи.

«Ответь же, — сказали Мы ей, — о том, о чем мы спрашивали тебя, и скажи, изберешь ли ты расстаться с платьем, которое ты носишь, если получишь разрешение присутствовать на Мессе?»

«По этому вопросу я еще не получала советов,[427] — ответила она, — поэтому пока не могу принять женское платье».

«Желаешь ли ты получить совет твоих Святых и узнать, дóлжно ли тебе принять женское одеяние?»

«Неужели нельзя разрешить мне прийти на Мессу в той одежде, которая надета на мне сейчас? Я пламенно этого желаю! Что же до смены платья, я никак не могу: это не в моей власти».

После этого все консультанты присоединились к Нам, и каждый пытался убедить ее принять такое великодушное предложение удовлетворить чувство набожной преданности, которым (по крайней мере, как казалось) она была движима, и облачиться в то единственное одеяние, которое приличествовало ее полу.

«Это, — заявила она, — не в моей власти! Если бы это зависело только от меня, то вскоре было бы сделано!»

«Поговори об этом со своими Голосами, — сказали консультанты, — и узнай, будет ли тебе дозволено вновь облачиться в женское платье, чтобы получить на эту Пасху Причастие[428]».

«Я не могу сменить свое платье, и, таким образом, я не смогу получить

---

426 “Имеются в виду церковные праздники.

427 “I have not consulted thereon...”

428 В тексте протоколов стояло слово “Viaticum”, что переводится более жестко, а именно: «причастие, даваемое умирающему».

Причастие. Умоляю вас, милорды, разрешите мне прийти на Мессу в мужском платье: ведь это платье не лежит смертным грехом на моей душе и не запрещено уставами Церкви».[429]

После чего магистр Жан д'Эстиве, прокурор, спросил, может ли быть им составлен соответствующий документ в присутствии магистров и других служителей церкви весьма высокого церковного сана, а также Адама Хийе[430]*, Вильяма Бролбстера*[431] *и Пьера Орьена*[432] *из духовенства Руана, Лондона и Шалона соответственно».*

26 марта. Встреча в доме епископа. Присутствовали епископ, брат Жан Леметр, которым помогали двенадцать консультантов.

«В присутствии вышеуказанных священнослужителей Мы дали распоряжение зачитать Статьи, которые прокурор собирается выдвинуть против Жанны.

После зачтения данных Статей Нами, Епископом, и Нами, Представителем Верховного Инквизитора, было решено, что все последующие заседания предварительного процесса, до сих пор направляемые из нашего ведомства,[433] *в дальнейшем будут продолжаться в обычном судебном порядке.*

Также было указано, что Статьи, которые только что были зачитаны, сгруппированы должным образом;[434] *что Жанна должна быть опрошена по каждой из них;*[435] *что эти Статьи будут преподнесены суду от имени прокурора заслуживающим уважения адвокатом*[436] *или же лично прокурором; что, если Жанна откажется отвечать даже после канонического предостережения, адресованного ей, как это уже имело место, указанные Статьи будут приняты как истинные.*[437]

Следуя принятому решению, мы, судии, отдали приказание, чтобы Статьи, о которых мы говорили, с завтрашнего же дня были выдвинуты обвинителем и чтобы Жанна была опрошена по каждой из них и внимательно выслушана».[438]

---

429 "...this dress does not weigh upon my soul, and is not contrary to the laws of the Church".
430 Adam Hillet.
431 William Brolbster.
432 Pierre Orient.
433 "...following the preliminary trial until now conducted from our Office..."
434 "It was also decided that the Articles just read have been well put together..."
435 "That Jeanne should be questioned and heard upon each of them".
436 "By some grave advocate".
437 "That if Jeanne should refuse to answer after a Canonical monition shall have been addressed to her, as a prelimi-nary, the said Articles shall be held as acknowledged".
438 "Following on this decision, We, the Judges, gave order that the Articles of which we treat shall, from tomorrow be proposed by our Promoter; and that Jeanne should be, in like manner, interrogated upon each of them and heard in answer".

Вторник, 27 марта 1431. Статьи прокурора. Помещение возле большого зала руанского замка

Присутствовали епископ, Жан Леметр и тридцать восемь помощников-консультантов.

— Именно таков текст обвинения, которое я желал бы предъявить деве, известной как Жанна Дарк.

— Господа, — поднялся со своего места Кошон. — Мы выслушали прокурора, мсье Жана д'Эстиве[439], и теперь я хотел бы услышать ваши мнения по поводу обвинения, которое он желает выдвинуть против вышеуказанной Жанны, здесь присутствующей.

— Я считаю, — заговорил один из магистров теологического права, Николя де Вендр, что прежде всего нам следует потребовать с Жанны клятву говорить правду обо всем, что совершенно обоснованно перечислил прокурор... Кроме того, считаю нужным предостеречь ее, что если она откажется давать эту клятву, то будет признана непокорной и отлучена от церкви со всеми вытекающими из этого последствиями.

— Сначала нужно зачитать ей Статьи, а потом подвергать отлучению, — поправил своего коллегу Жан Бассет.

— Согласен... — подал голос следующий теолог.

— А я поддерживаю позицию Николя де Вендра!

— Да, все верно, только мы должны дать Жанне как минимум трехдневную отсрочку, перед тем как признать ее отлученной... В гражданском праве есть положение, что человеку дается три дня на размышления, прежде чем с него требуют клятву.

— А я считаю, что три дня — это слишком много! Хватит с нее и одного дня! Надо зачитать ей Статьи и дать один день на размышления.

...— Итак, принимая во внимание требования прокурора и выслушав предложения каждого из консультантов, мы, Судии, решили, что обвинительные Статьи будут зачитаны Жанне, которая сразу же ответит по каждой из них, согласно своему разумению. Если по какому-нибудь из пунктов она попросит отсрочки с ответом, то получит ее, согласно закону.

...— Я, прокурор данного процесса, присягаю, что вышеупомянутые Статьи были составлены мною не на клеветническом основании и выдвинуты против Жанны не из жажды наживы, не из затаенной злобы, не по причине мести или страха, но были единственно вдохновлены моим стремлением сотворить служение святой католической вере.

... Жанна была введена в помещение.

...— Жанна, я, епископ Бове, обращаюсь к тебе с каноническим увещеванием. Хочу напомнить тебе, что все помощники-консультанты, которые присутствуют здесь, — служители Святой Матери Церкви... Они специалисты с огромным запасом знаний, они являются экспертами в вопросах права человеческого и Божественного. И они всеми силами

[439] Jean d'Estivet.

стремятся продолжать процесс по твоему делу в том же русле теплоты и сочувствия, в котором он находился до сих пор... ибо они не ищут возможности воздать тебе наказание из мести, но, наоборот, всеми силами стремятся направить тебя к пути истины и спасения. Однако так как ты недостаточно обучена пониманию этих весьма сложных вопросов, то в целях пояснения всех тонкостей, мы хотели бы предложить тебе избрать одного или нескольких консультантов, которые, по твоему мнению, способны помочь тебе. Если ты не знаешь, кому отдать предпочтение, мы готовы совершить этот нелегкий выбор вместо тебя. Конечно, консультанты будут лишь объяснять тебе суть вопросов; вся ответственность за правдивость ответов ляжет только на твои плечи.

— Первое, что мне хотелось бы сделать, это поблагодарить вас за то, что вы увещеваете меня ради моего собственного блага и во имя нашей веры... Я благодарю вас и ваших помощников, которые присутствуют здесь. Что до советников, которых вы предлагаете мне, то у меня нет намерения отказываться от Совета Господня. Что же до клятвы, которую вы хотите от меня услышать, то я готова говорить правду обо всем, что касается процесса, о чем и клянусь на Святом Писании.

Вторник, 27 марта 1431. Зачтение Обвинительного Акта, состоящего из семидесяти Статей, подготовленных прокурором. Помещение возле большого зала руанского замка

Присутствовали епископ, Жан Леметр и тридцать восемь помощников-консультантов.

СТАТЬЯ 1

— В соответствии с Божественным Правом, равно как в соответствии с каноническим и гражданским правом, обращаюсь к Вам, епископ, как к священнику, который исполняет обязанности судьи, и к Вам, посланник, как к уполномоченному исполнять обязанности Верховного Инквизитора по вопросам веры, и напоминаю об обязанности изгонять, уничтожать и вырывать с корнем все проявления ереси, колдовства, предрассудков идолопоклонничества и других преступлений той же природы во вверенных вам епархиях и во всем Королевстве Французском. Именно вам вверено карать, вразумлять и наставлять на путь истинный еретиков, а также тех, кто во всеуслышание высказывается, пророчествует или каким-либо другим образом действует вопреки святой католической вере, а именно: колдунов и колдуний,[440] прорицателей,[441] призывателей демонов, тех, кто думает зло о вере или высмеивает ее, и всех преступников этого же рода, а также их подстрекателей и соучастников, задержанных в вашей епархии или в другом округе, который попадает под вашу юрисдикцию, не только за те злодеяния, которые они совершили там, но и за иные преступления, совершенные ими в других округах, почитая в этом случае также право и обязанность другого

[440] Sorcerers.
[441] Diviners.

судьи преследовать таких правонарушителей в соответственных епархиях и округах. Также добавлю, что вверенная вам с этой целью власть распространяется на всех мирян, невзирая на их имущественное состояние, пол, отличительные черты личности и высоту общественного положения... благо ваша компетенция охватывает все, что мною было перечислено.

— Жанна, а как ты можешь прокомментировать зачитанную статью?

— Я искренне верю, что его Святейшество Папа Римский, епископы и остальное духовенство поставлены на свои места Господом, чтобы оберегать христианскую веру и карать тех людей, чья набожность пребывает в попрании.[442] Однако что до меня, то я готова всецело вверить себя лишь Церкви Небесной... Господу, Деве Марии и Святым Царства Небесного. Я твердо верю, что не допускала шатания в вопросах христианской веры и никогда их не допущу.

СТАТЬЯ 2

— Не только в этом году, но и с раннего детства, и не только в Вашей епархии, епископ, или в областях, которые попадают под Вашу юрисдикцию, представитель Верховного Инквизитора, но и во многих других областях этого королевства, обвиняемая замыслила и совершила, а также задумала и уготовила (но совершить не успела)[443] ряд святотатств и идолопоклоннических кощунств. Так, она превознесла себя как предсказательницу; заставляла людей поклоняться и боготворить себя; призывала злых духов и демонов, слушалась их советов и действовала совместно с ними, заключала с ними соглашения, договора и сделки, использовала их силы;[444] вовлекала в свои ритуалы других людей,[445] которые были готовы соблазниться ее «свершениями», помогала им, поддерживала и всячески подталкивала к тому образу жизни, который вела сама. Кроме всего прочего, она не раз говорила, подтверждала и всячески отстаивала свое убеждение, что поступать так — использовать колдовские силы и пророчествовать идолопоклонческою силой — было не грешно и порицаемо Церковью, но, наоборот, должно утверждаться Церковью как совершенно законное, достойное одобрения деяние и даже восхваляться. Также она вовлекла в сети своих заблуждений и злу угодных поступков огромное количество людей обоих полов и всевозможного общественного состояния, чем оставила в их сердцах отпечатки наиболее пагубных заблуждений. Жанна была арестована в границах епархии Бове — Вашей, епископ, юрисдикции — в ходе совершения всех перечисленных выше злодеяний.[446]

— Жанна, что ты можешь сказать по сути этой Статьи?

— Я отрицаю, что когда-либо использовала для предсказания колдовские силы или была идолопоклонницей. Что же до того, что я позволяла

---

442 "...and punish those who are found wanting therein".
443 "...had done, composed, contrived and ordained..."
444 "...had made use of them..."
445 "...had furnished to others..."
446 "Jeanne had been taken and arrested within the limits of your diocese of Beauvais, in the very act (flagrante delicto) of perpetrating all these misdoings".

поклоняться мне, так если кто-то целовал мои руки или одежды, то это было не по моей воле или желанию. Я всегда искала возможности уйти от подобных проявлений и старалась не допустить их настолько, насколько позволяла моя мирская власть.[447]

СТАТЬЯ 3

— Обвиняемая впала во многие самые разнообразные мерзкие заблуждения, пропитанные зловонием ереси.[448] Она многократно повторяла, утверждала криками,[449] распускала сплетнями,[450] другими способами обнародовала и насаждала в сердцах простых людей в корне неверные и лживые верования, не только родственные ереси,[451] но и сами по себе еретические. Верования эти злостно противоречат основным принципам нашей святой католической веры, законам святого Евангелия и конвенциям, принятым и утвержденным на вселенских соборах[452]. Верования Жанны входят в противоречие не только с Божественным Правом, но также и с положениями канонического и гражданского права; они являются постыдными, святотатственными, противными хорошему нраву и отвратительными для ушей набожных верующих... И в то же время Жанна предоставляла помощь, давала советы и наделяла благосклонностью только тех, кто принимал эти верования как догму и всячески способствовал их распространению.[453]

— Что ты можешь сказать об этой Статье?

— Я отрицаю все сказанное в ней... И наоборот, утверждаю, что всегда поддерживала Церковь — насколько это было в моих силах.

СТАТЬЯ 4

— Теперь пришло время, милорды и судьи, поговорить более детально и рассказать вам о греховных оскорблениях, чрезмерностях, преступлениях и злодеяниях, совершенных обвиняемой в епархии Бове и в других, отдаленных друг от друга местах.[454]

Верно, что обвиняемая родилась в деревне Гре в семье Жака Дарка и его жены Изабеллы, что до возраста примерно в семнадцать лет она жила в деревне Домреми на берегах Меза в епархии Тул округа Шамон[455], в Басини, в провосте Монклер и Андело.

В детстве она не была наставлена в понимании принципов и убеждений нашей святой веры, но, вместе с тем, одна старуха приобщила ее к обретению колдовской силы, ворожбы, к поклонению идолам и магическим феноменам.

---

447 "...I sought to protect myself from it, and to prevent it as much as in me lay".
448 "The Accused had fallen into many diverse and detestable errors which reek of heresy".
449 Vociferated.
450 Uttered.
451 "False and lying propositions allied to heresy".
452 General Councils.
453 "Had furnished help, counsel and favor to the people who dogmatically, affirmed, or promulgated such propositions".
454 "...and elsewhere, in many and divers places".
455 "In the Bailly of Chaumont".

Жанна и сама говорила, что от нескольких людей и, что примечательно, от своей крестной она получала пояснения своих видений и являющихся ей фей... Она была пропитана отвратительными и пагубными заблуждениями этих злых духов — настолько, что во время допроса перед вами она созналась, что даже теперь не знает, были эти феи злыми духами или нет. Кроме всего прочего, Жанна так и не прочитала нам «Credo[456]»!

— Что ты можешь сказать по этой Статье?

— Первая ее часть правдива — где говорится про моего отца, мать и место рождения. Если же говорить о феях, то я до сих пор не знаю, что они собой представляют. Что до моего обучения, то меня научили верить в Господа и должным образом относиться ко всем обязанностям, которые необходимо исполнять хорошим детям.[457] Что же касается моей крестной, то я прошу обратиться к тому, что было сказано на другом допросе. Вы хотите услышать от меня «Credo»?[458] Так спросите моего исповедника, — Жанна кивнула на Николя Луазелера. — Я читала ему эту молитву.

СТАТЬЯ 5

— Возле деревни Домреми есть величественное дерево, большое и древнее; его называют «Зачарованное Древо Фей Бурлемона»... Рядом с этим деревом есть ручей, возле которого, как говорят, живут злые духи, называемые феями. Люди, павшие в грех колдовства и магии, танцуют по ночам с этими духами, чтобы заручиться их нечистой поддержкой.

— Что ты можешь сказать по этой Статье?

— Что до ручья и дерева, я прошу вас поднять мои прошлые ответы. Остальное же я отрицаю.

СТАТЬЯ 6

— Привыкшая посещать это дерево и ручей по ночам, чтобы избежать лишних глаз, впрочем, во время проведения церковных обрядов, также и днем, Жанна танцевала колдовскими кругами вокруг дерева и ручья.[459] Время от времени она вешала гирлянды, сплетенные из трав и цветов ее собственными руками, на ветви этого дерева, дополняя свои танцы песнопениями, которые были наполнены ведьмаческими призывами, заклинаниями и прочими колдовскими увещеваниями. Гирлянды, которые после подобных ритуалов оставлялись на ночь, к утру исчезали.

— Что ты можешь сказать по этой Статье?

— Я прошу вас обратиться к моим предыдущим ответам... Остальное я отрицаю.

---

[456] «Верую».

[457] "On what touches my teaching, I learnt to believe, and have been brought up well and duly to do what a good child ought to do".

[458] "You ask me to say the Creed?" Creed или Credo — название для католической молитвы «Верую».

[459] "Accustomed to frequent this tree and this spring, above all by night, sometimes also by day, but at the times when the Church celebrates the Divine Office, Jeanne, in order to find herself more alone, danced roundelays around this tree and this spring".

СТАТЬЯ 7

— Жанна также носила с собой мандрагору, надеясь таким образом обрести в этом мире удачу и богатства... Фактически, она верила, что мандрагора имеет свойство притягивать удачу своему владельцу.

— Что ты можешь сказать по поводу мандрагоры?

— Эту статью я отрицаю полностью.

СТАТЬЯ 8

— Когда ей было около двадцати лет, Жанна по своему собственному желанию и без родительского разрешения отправилась в Нефшато в Лорейне. Там она некоторое время помогала по дому содержательнице гостиницы, женщине по имени Ла Русс[460]; в этой же гостинице жила некая женщина злого образа жизни, и там же в огромных количествах поселялись солдаты.[461] Во время своего пребывания в этой гостинице Жанна иногда проводила время с этой злой женщиной, иногда водила в поля овец или водила лошадей на водопой в луга или же на пастбища...[462] Именно здесь она научилась ездить верхом и сражаться с оружием в руках.

— Что ты можешь сказать по поводу этой статьи?

— Прошу вас поднять мои предыдущие ответы... Все остальное я отрицаю.

СТАТЬЯ 9

— В то время, когда Жанна состояла на службе у этих женщин, она подала судебный иск властям Тула на молодого человека, которого она обвинила в нарушении данного им обета. Много раз она возобновляла судебное дело, стараясь довести его до конца, и потратила на это почти все, что у нее было, но молодой человек все равно отказался жениться на ней, потому что знал о ее связи с той злой женщиной, которой она прислуживала. Во время процесса этот молодой человек умер,[463] и тогда Жанна, не имея больше сил оставаться у той женщины, ушла от нее.

— Что ты можешь сказать по поводу этой статьи?

— По поводу того судебного дела о замужестве я уже отвечала раньше и прошу вас поднять этот ответ. Все остальное я отрицаю.

СТАТЬЯ 10

— После того как Жанна ушла со службы у Ла Русс, она впервые притворилась, как притворяется и сейчас, что в течение пяти лет у нее были видения Святого Михаила, Святой Екатерины и Святой Маргариты, которые якобы являлись ей. По словам Жанны, они принесли ей весть, что она должна снять осаду с города Орлеана и короновать Карла, которого она называет королем. Впоследствии эти голоса предсказывали, что она изгонит всех

---

460 La Rousse, в некоторых переводах — «Рыжая».
461 "...and where soldiers were accustomed to lodge in great numbers".
462 "...took the sheep into the fields, or led the horses to watering in the meadows and pastures..."
463 "He died during the trial".

англичан с территории Франции. Вопреки воле своих родителей, на свое собственное усмотрение, она ушла из дому, руководимая лишь своими собственными желаниями, и направилась к Роберу де Бодрикуру, коменданту крепости Вокулер, с которым она общалась якобы по указанию Святого Михаила, Святой Екатерины и Святой Маргариты, через чьи явления Господь будто бы обратился к ней. Это указание Господа касалось вышеупомянутого Робера, который якобы должен был найти необходимые средства, для того чтоб дать Жанне шанс завершить все, что было описано ей в откровениях.[464] Дважды отвергнутая Робером, она дважды возвращалась к своим родителям. В третий раз, возвращаясь к исполнению приказа, ниспосланного ей через откровения, она была признана Бодрикуром и получила от него помощь.

— Что ты можешь сказать по этой статье?

— Посмотрите то, что я говорила раньше.

СТАТЬЯ 11

— Сойдясь ближе с вышеуказанным Робером, Жанна начала похваляться перед ним, что после того как закончит дела, порученные ей Господом, она родит трех сыновей, первому из которых суждено стать Папой Римским, второму — императором и третьему — королем. Слыша это, Робер де Бодрикур спросил: «А не могу ли я стать отцом одному из этих детей, если им суждено стать такими великими людьми? Эдак и моя собственная ценность возрастет».[465] «Нет, нет, дорогой мой Робер, — ответила ему Жанна, — еще не время. А когда время придет, Святой Дух сам все завершит». Это история, которую Робер часто предавал огласке перед большим количеством людей во многих местах, в том числе в присутствии прелатов церкви, благородных господ и личностей самого высокого общественного положения.

— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи?

— Я прошу обратиться к тому, что я говорила раньше. Я никогда не похвалялась, что мне суждено стать матерью троих детей.

СТАТЬЯ 12

— Чтобы достичь своей цели скорее и менее скрываясь, Жанна попросила Робера де Бодрикура распорядиться изготовить для нее мужское платье и соответствующие доспехи. Капитан с огромным отвращением уступил ее просьбе. Когда мужское платье и доспехи были изготовлены, Жанна отбросила женское одеяние, как нечто недостойное, остригла волосы под горшок и облачилась в рубашку, бриджи, дублет и брюки, которые были пристегнуты к упомянутому дублету двенадцатью застежками, длинные гетры, зашнурованные с внешней стороны ноги, короткий плащ до колен или около того. Узкая кепка, туго сидящие на ноге ботинки, длинные шпоры, меч, кинжал, металлический нагрудник, копье и другое вооружение, подобающее солдату, — именно таким образом начала Жанна исполнять Божью волю, говоря, что это все было предписано ей откровениями.

---

464 "...asking of the said Robert to find her the means to accomplish what had been revealed to her".

465 "My own value would thereby be the greater!"

— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи?

— Поднимите все то, что я говорила вам раньше.

— Жанна, ты приняла это снаряжение, оружие и воинское облачение по приказу Господа?

— Ответ на этот вопрос также есть в том, что я говорила раньше.

СТАТЬЯ 13

— Жанна приписывает Господу, Его Ангелам и Святым приказы, которые противоречат благопристойному поведению в рамках того или иного пола и которые запрещены Божественным Законом. Жанна осуществляла деяния, которые омерзительны как Господу, так и простому человеку, осознающему всю тяжесть церковной анафемы и духовного порицания: она одевалась в мужские одежды — короткие, обтягивающие, распутные... такой была как верхняя, так и нижняя половина ее костюма. Возносимая значением этих поддельных приказов, она облачалась в роскошные и величественные одеяния — в золототканые наряды и меха. И она носила не только короткие камзолы, но облачалась также в накидки без рукавов[466] и одеяния, сверх приличия открытые с обеих сторон... Возвращаясь к роскошным одеждам, стоит отметить тот печальный факт, что она была взята в плен в свободно развевающейся золототканой накидке. Ее всегда видели с мужской шапкой на голове, ее волосы были острижены коротко под горшок, как стригутся мужчины. Одним словом, даже оставляя в стороне врожденную скромность ее пола, ее поступки противоречили не только женской благопристойности, но не входили и в рамки, которыми руководствуются мужчины достойных нравов: она облачалась в одеяния и украшения, которые привычны только развратным людям, доходя даже до того, что носила оружие. Приписать все это приказу Господа, который был передан Ангелами и даже Непорочными Святыми, — значит поносить Господа Бога и Его Святых, пытаться разрушить положения Божественного Права, всячески попирать канонические правила, дискредитировать все добродетели, присущие женскому полу. Поступая так, Жанна отреклась от достоинства, превознесла разнообразнейшие примеры беспутной жизни и, кроме всего этого, с усердием завлекала в сети погибели и других людей.

— Что ты можешь сказать по этой Статье?

— Я не поносила ни Господа, ни Его Святых.

— Но, Жанна, Святые Каноны и Святое Писание указывают, что женщины, которые облачаются в мужское одеяние, или мужчины, которые облачаются в женские одежды, совершают поступки, омерзительные Господу Богу. Как же ты можешь утверждать, что приняла мужское платье по указанию Бога?

— Вы уже получили ответ. Если вы хотите, чтоб я отвечала вам по этому вопросу дальше, дайте мне отсрочку.

— Облачишься ли ты в платье женщины, чтобы приобщиться к Телу и Крови Спасителя на Пасху?

---

[466] Tabard.

— Ни для этого, ни для чего бы то ни было другого, не сниму я пока свое одеяние. Я не понимаю, в чем различие между мужским и женским платьем, для того чтобы получить Причастие. Вы не должны отказывать мне только из-за моей одежды.[467]

СТАТЬЯ 14

— Жанна подтверждает, что поступила правильно, облачившись в платье, которое предпочитают только самые беспутные мужчины, и, кроме этого, пророчествует, что будет продолжать носить его до тех пор, пока не получит через откровение четко сформулированное указание от Господа, даже не задумываясь о том, что этими словами предает поруганию Имя Господа, Его Ангелов и Святых.

— Что ты можешь сказать об этой Статье?

— Я не делаю ничего плохого, когда служу Господу. Завтра я отвечу вам подробнее.

— Были ли тебе даны указания или откровения о том, чтобы ты носила мужское одеяние?

— На этот вопрос я уже отвечала раньше и на данный уже ответ хотела бы сослаться. Новый ответ я дам завтра. Я очень хорошо осведомлена о том, кто указал мне облачиться в мужские одежды, но я не знаю пока, в какой именно форме я могу открыть вам это.

СТАТЬЯ 15

— Множество раз Жанне задавался вопрос о том, будет ли ей угодно присутствовать на мессе при условии, что она откажется от одеяния, которое носит, и вновь примет женское платье. Жанне было дано заверение,[468] что мы позволим ей присутствовать на мессе и принять Причастие, если она полностью и бесповоротно отречется от мужского платья и примет платье женское, приличествующее ее полу... Однако она отказалась. Другими словами, ей ближе не присутствовать на Таинствах и не принимать участия в Божественной Службе, чем отречься от своей привычки, притворяясь, что это вызовет недовольство Господа. В этом выражается ее упрямство, очерствение ее сердца, недостаток добродетели, непокорность Святой Церкви и презрение к Священным Таинствам.

— Что ты можешь сказать об этой статье?

— Я лучше умру, чем решусь переиначить то, что было сделано по Указанию Господа.

— Чтобы послушать мессу — оставишь ли ты одеяние мужчины?

— Я пока не могу снять это платье... Время еще не пришло. Если вы не разрешите мне слушать мессу, то все же в Воле Господней дать мне разрешение и без вашего участия. Я хорошо помню предостережение не облачаться пока в женское платье. Что же до непочтительности и других подобных вещей, я отрицаю это.

---

[467] “I ought not to be refused for this question of dress”.

[468] В англоязычном тексте стоит слово “hope” — надежда, однако священники давали Жанне именно гарантию, заверение.

СТАТЬЯ 16

— Как до ее пленения, так и после него — в замке Боревуар и в Аррасе — представители обоих полов много раз с мягкостью наставляли Жанну снять мужское платье и вновь облачиться в одеяние, которое подобало ей. Она без колебаний отказалась от этого предложения и по сей день отказывается с невообразимым упорством и непреклонностью. Кроме всего прочего, с презрением относясь к женской работе, она, судя по всему, воспринимает себя более как мужчину, нежели как женщину.

— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи?

— Как в Аррасе, так и в Боревуаре мне предлагали женское платье... Тогда я отказалась от него и отказываюсь до сих пор. Что же до женской работы, о которой вы говорили, есть множество других женщин, которые смогут ее выполнить.

СТАТЬЯ 17

— Когда Жанна предстала перед Карлом, одетая и вооруженная, как было указано выше, среди прочего она пообещала ему три вещи: что она снимет осаду с Орлеана; что она посвятит его в короли в Реймсе; и что она отомстит его врагам, которые, являясь англичанами и бургундцами, будут убиты или изгнаны из королевства ее стараниями. Много раз и в разных местах похвалялась она этими обещаниями, а чтобы сделать их более весомыми, она часто прибегала к колдовству и ворожбе, открывая посредством заклинаний образ жизни или наиболее сокровенные поступки людей, которые приходили к ней и которых она никогда раньше не знала и не видела... Она похвалялась, что узнаёт все через откровения.

— Что ты можешь сказать по этой Статье?

— Во Имя Господа я принесла моему королю новости о том, что Царь Небесный вернет ему королевство, коронует его в Реймсе и изгонит прочь всех его врагов. Я была лишь посланницей Господа, когда смело просила короля допустить меня до дел, чтобы снять осаду с Орлеана. Говоря об Орлеане, я подразумевала все королевство, и если милорд Бургундский и другие подчиненные короля не вернутся к повиновению, король будет знать, как вернуть их силой. Что же до конца Статьи и того, что я знала некоторые вещи о Робере де Бодрикуре и моем короле, я прошу вас обратиться к тому, что уже говорила раньше.

СТАТЬЯ 18

— Во время всего своего пребывания при дворе Карла Жанна изо всех сил отговаривала его от заключения мирного договора или каких-либо других договоренностей со своими противниками, всячески подталкивая стороны к убийствам и кровопролитию и утверждая, что мир возможно добыть только мечом и копьем, что этого желает Господь и что, в противном случае, враги короля никогда не откажутся от земель его королевства, которыми они владеют. Из сказанного Жанна делала вывод, что сражаться против таких врагов — одна из самых великих привилегий, которые только могут быть обретены в христианском мире.

— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи?

— Что до милорда Бургундского, я неоднократно предлагала ему как в своих письмах, так и через своих послов заключить мир с моим королем... Что же до англичан, то мир, который им нужен, — это возможность отправиться в свою собственную страну, в Англию. На все остальное, о чем было сказано в Статье, я уже отвечала раньше и теперь прошу поднять эти мои ответы.

СТАТЬЯ 19

— Демонические увещевания и ворожба подсказали Жанне послать людей в церковь Сент-Катрин-де-Фьербуа. Быть может, обманным путем, вероломно руководствуясь одним лишь злым умыслом, Жанна спрятала или приказала спрятать некий меч в вышеуказанной церкви, чтобы ввести в заблуждение придворных, дворянство, духовенство и простой люд. Таким образом, она обрела возможность убедить людей в том, что ей было известно о месторасположении меча через откровение. С помощью этой хитрости и других подобных измышлений она преуспела в создании непоколебимой веры в свои слова.

— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи?

— Я прошу вас обратиться к моим предыдущим ответам... Все, кроме них, я отрицаю.

СТАТЬЯ 20

— Вместилищем ее колдовской силы стали: ее кольцо, ее знамя, полоски льна и вымпелы, которые она закрепляла на своем копье и приказывала закреплять другим людям, а также тот меч, который был найден по указанию ее откровений в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа... как она говорит.[469] Не раз Жанна указывала, что все эти вещи принесут владельцам удачу. В самых разнообразных городах она возносила проклятия и вызывала иные колдовские чары, публично заверяя людей, что с помощью этих сил она совершит великие подвиги и одержит победы над врагами. Также она убеждала своих солдат, что никакого вреда не может быть причинено тем, кто носит ее вымпелы на пиках... Она говорила все это в Компьене в преддверии того дня, когда она пошла в атаку на милорда Бургундского и была захвачена в плен, а многие ее солдаты — ранены, убиты или же оказались в плену. Те же слова она говорила и в Сен-Дени перед нападением на Париж.

— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи?

— К тому, что я уже сказала, мне нечего добавить. Во всем, что я совершила, никогда не было ни колдовства, ни какого-либо иного темного вдохновения.[470] Что же до удачи, которую приносило мое Знамя, я думаю, что так получалось из-за Силы Предопределенности, которую посылал через него Господь.[471]

---

[469] Обвинитель продолжает настаивать, что меч в реальности был найден в другом месте, а в часовню Святой Екатерины подложен позже.

[470] "In all I have done there was never any sorcery or evil arts".

[471] "As for the good luck of my banner, I refer it to the fortune sent through it by Our Lord".

СТАТЬЯ 21

— В безрассудстве своего самомнения Жанна приказала написать определенные письма, в начале которых она поместила имена «Иисус», «Мария» с крестом посередине. Эти письма, содержащие множество губительных ересей, которые противоречат святой католической вере, она приказала адресовать от своего имени нашему господину королю, милорду Бедфорду, регенту королевства Франции, лордам и капитанам, которые осаждали в то время Орлеан. О текстах писем речь пойдет в следующей Статье.

— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи?

— Я не посылала писем, о которых вы говорите, в гордыне или самомнении, но по указанию Господа. Я помню и признаю содержание этих писем, за исключением трех фраз.[472] Если бы англичане поверили тому, что было написано, они всего лишь поступили бы мудро. Теперь же им придется достаточно хорошо вникнуть в смысл сказанного еще прежде, чем семь лет истекут.

СТАТЬЯ 22

— Содержание письма...[473]

— Что ты можешь сказать по этой Статье?

— Я помню, как оно писалось... за исключением трех фраз, которые я не диктовала. Поверив мне, англичане поступили бы правильно. Не пройдет и семи лет, как они прочувствуют на себе ту правду, о которой я им писала и о которой я отвечала вам раньше.

СТАТЬЯ 23

— Содержание письма, которое приведено в предыдущей статье, подтверждает, что Жанна была лишь марионеткой злых духов и что она часто советовалась с ними о том, что должна сделать... или же, что она придумала этих духов, чтобы совращать людей с пути истинного, насыщая вымысел своею греховностью.

— Что ты можешь сказать об этой Статье?

— Я отрицаю, что когда-нибудь совершала поступки под вдохновением злых духов.

СТАТЬЯ 24

— Жанна в корне неверно использовала имена «Иисус», «Мария» и знак креста между ними. Так, ей и ее людям было понятно, что если на письмах стояли эти имена и знак креста, нужно было совершать поступки, противные тому, о чем она писала... и фактически все происходило именно наперекор.

— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи?

— Я прошу обратиться к моим предыдущим ответам.

СТАТЬЯ 25

— Узурпировав должность Ангела,[474] Жанна неоднократно утверждала и

---

[472] Жанна говорила о трех словах, “three words”, но, однако, это были три фразы.
[473] Пятый публичный допрос, 1 марта.
[474] “Usurping the office of Angels”.

подтверждала, что она была послана Богом... Она говорила это даже в подтверждение действий, которые направляли к насилию и пролитию человеческой крови, что наиболее противоречит святости и страшно и отвратительно для всех набожных душ.

— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи?

— Сначала я молила о мире... И лишь если миру предпочиталась война, я была готова сражаться.

СТАТЬЯ 26

— Пребывая в Компьене в августе 1429, Жанна получила от герцога Арманьякского письмо, основные положения которого изложены в следующей Статье.

— Что ты можешь сказать?

— Я ссылаюсь на то, что говорила раньше.

СТАТЬЯ 27

— Основные положения упомянутого письма...[475]

СТАТЬЯ 28

— В ответ на это письмо Жанна послала ответ, подписанный ее именем, помещенный в Статье, которая следует ниже.

СТАТЬИ 29 и 30

— Письмо Жанны герцогу Арманьяку...[476]

— Жанна, что ты можешь сказать по поводу Статей 27, 28, 29, 30, которые старательно были зачитаны тебе от первого слова до последнего?

— Прошу посмотреть мой ответ на Статью 26.[477]

27 марта 1431. Тюремная камера Жанны. Вечер

— Жанна... ты узнаешь меня?

— Да... Вы один из судей... мсье де Ла Фонтейн.

— Я не один из судей, Жанна, я всего лишь асессор, консультант. Я приехал в Руан, чтобы судить ведьму, но теперь вижу, что для спектакля, который здесь разыгрывается, вообще не имеет значения, виновна ли ты хоть в чем-нибудь...

— Я не виновна, мсье, я ни в чем не виновна, и моя совесть чиста перед людьми и Господом...

— Не так громко, Жанна... стражники недалеко. Ты понимаешь, что больше мы с тобой не увидимся?

— Почему?..

---

[475] Пятый публичный допрос, 1 марта.

[476] Пятый публичный допрос, 1 марта.

[477] Жанна ссылается на ответ, в котором, в свою очередь, ссылается на ответ, данный раньше. В конечном итоге, ее пояснения, касающиеся этого вопроса, можно найти все в том же пятом публичном допросе.

— Кошон придет в ярость, когда узнает о моем визите к тебе. Но, дочка, ты должна знать, что ввергнешь себя в огромную опасность, если не заявишь о покорности Папе и Собору. Ты должна понять, что выявление этой твоей «непокорности» станет одним из главных доводов, которыми будет оправдано твое сожжение. Заяви о покорности, перейди в церковную тюрьму и беги... Тогда ты сможешь продолжить свое дело.

Жанна потупила взгляд.

— Если я предам все, чему посвятила жизнь... во что я буду верить, оказавшись на свободе?

— Жанна, девочка... тебе так много предстоит... Постарайся понять, что ты сможешь совершить все это, только если будешь жива...

— Не каждый жив, кто дышит, отче... И не каждый, кто испустил дыхание, умер. Наша жизнь — в делах наших... Я... не хочу отрекаться от своих дел, умирая заживо. В Господе — просветление мое... а все что не от Него — то от слабости.

— Но, Жанна...

— Я знаю, что вы хороший человек, мсье де Ла Фонтейн... другой не пришел бы ко мне сегодня. Однако не пытайтесь более помочь мне: Господь дает указания верным Своим для того, чтобы их исполняли.

Среда, 28 марта 1431. Зачтение Обвинительного Акта, состоящего из семидесяти Статей, подготовленных прокурором. Помещение возле большого зала руанского замка

Присутствовали епископ, Жан Леметр и тридцать пять помощников-консультантов.

СТАТЬЯ 31

— Со времен самого своего детства Жанна повсеместно похвалялась и до сих пор похваляется тем, что имела множество откровений и видений, касающихся вопросов, о которых она так и не поклялась говорить правду и не имеет к этому ни желания, ни стремления. Без ответа остались как наши милосердные увещевания, так и требования дать клятву, которые предъявлялись ей, согласно закону. Она даже не отвечает, были эти откровения даны ей в обличье слов или же знаков... Неоднократно на предварительных слушаниях она откладывала подобные ответы, дискутировала об их необходимости или отвергала целиком, и вот теперь она снова откладывает их, снова дискутирует о них и отвергает. Множество раз она настаивала на том, что не откроет эти откровения вам, судьям, даже если ей отрубят голову или же четвертуют. «Они не вытянут этого из моих уст, — сказала она однажды, — ни Знака, который подал мне Господь, ни признаков, по которым я узнала, что этот Знак подает мне Господь».

...— ЖАННА...

— Господь мой...

— ...НЕ УСТРАШИСЬ...

— Почему все так, Господи? Почему... так происходит?

...— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи? Жанна?.. Жанна, ты нас слышишь?

...— Что до Знаков... и всего прочего... о чем вы теперь говорите... я могу лишь повторить, что все это было обретено мной через откровения, и я ничего не открою вам. Но также хочу добавить то, что мне стоило всегда говорить, а именно: я ничего не открою вам без разрешения Господа Бога.

СТАТЬЯ 32

— Принимая во внимание отказ Жанны открыть эти вымышленные откровения, вы, судьи, можете и должны со всей ответственностью отнестись к предположению, что откровения и видения Жанны были произведены лживостью ее натуры, а если они все же имели место, то были ниспосланы злыми духами, а не Господом Богом. Да, отнеситесь к этому предположению со всей ответственностью, принимая во внимание ее жестокость, ее гордыню, платье, в которое она облачена, поступки, которые она совершила, ложь, которой пропитаны ее слова, противоречия святой католической вере, преподнесенные вам в многочисленных Статьях, которые формируют наиболее убедительные доводы как с точки зрения закона, так и с точки зрения Божественного Права.

...— *ЖАННА...*
— *Господь мой...*
— *ЖАННА...*
— *Почему они так ненавидят меня?*
— *ПОТОМУ ЧТО НЕ МОГУТ ПОНЯТЬ.*
— *Но ведь я исполняла* ***Твои*** *Веления...*
— *ОНИ НЕ МОГУТ ПОНЯТЬ И МЕНЯ...*
— *Но они же — Твои священники.*
— *ОНИ СЛУЖАТ НЕ МНЕ, А ЦЕРКВИ.*
— *Но это же Твоя Церковь.*
— *МОЯ ЦЕРКОВЬ — В СЕРДЦАХ ВЕРНЫХ.*

...— Жанна... что ты можешь сказать об этой Статье?

— Я... поступала так по указу... Откровений, которые получала от Святой Екатерины и Святой Маргариты... И я не отрекусь от этого... даже на пороге смерти...

...— *ЖАННА...*

—...единственное, что я хотела бы дополнить, это отрывок в моем ответе... о котором вы напомнили мне: «Все, что я совершила, я совершила по указанию Господа нашего...» Я хотела бы дополнить этот отрывок, чтобы он начинался так: «Все, что я совершила хорошего...»

— Хорошо или плохо ты поступала, когда направлялась к Ла-Шарите?

— Если я не смогла все сделать, как надо, пусть исповедь примет мои ошибки.[478]

[478] “If it were ill done, it will be confessed”.

— Хорошо ли ты поступила, выступая на Париж?

— Верные сыны Франции желали отправиться к Парижу. Мне кажется, что, выступая против врагов своей Родины, они лишь исполняли свой долг.

СТАТЬЯ 33

— Жанна самонадеянно похвалялась и теперь похваляется тем, что якобы знает будущее и может лицезреть прошлое; что знает суть вещей, которые происходят в настоящем, но неведомы большинству людей... И все эти атрибуты Божественности она приписывает себе, созданию простому и необразованному.[479]

...— *Они говорят, что Тебя нет...*
— *НО ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я ЕСТЬ.*
— *Они говорят, что Ты Злой Дух.*
— *ДА, ОНИ ТАК ГОВОРЯТ.*
— *Но разве Ты не Господь?*
— *Я — ТВОЙ ГОСПОДЬ.*
— *А кто же тогда... их... Господь?*
— *САМООБМАН.*
— *Но они говорят, что служат Тебе, а обманываюсь я.*
— *ДА, ОНИ ТАК ГОВОРЯТ...*

—... что ты можешь сказать по этой Статье?

—... в силах Господа посылать откровения тем людям, кому Он посчитает нужным. Это я сказала, имея в виду меч из Фьербуа и грядущие события. Все это было открыто мне через Откровения.

СТАТЬЯ 34

— Упрямая в своем безрассудстве и самомнении, Жанна говорила, провозглашала и публично заявляла, что способна услышать и различить один от другого голоса Архангелов, Ангелов и Святых... Она до сих пор упорствует, что знает, как распознать их Голоса.

...— *Ты не оставишь меня?*
— *Я НЕ ОСТАВЛЮ ТЕБЯ.*
— *Ты... освободишь... меня?*
— *Я ОСВОБОЖУ ТЕБЯ.*

...— Что ты можешь сказать об этой Статье?

— Я придерживаюсь того, что уже говорила. Что же до упорства и безрассудства, которые видете во мне вы, я полагаюсь лишь на Господа, моего Судью.

СТАТЬЯ 35

— Жанна похвалялась и уверяла, что знает, как отличить тех людей, которых Господь любит, от тех, кого Он ненавидит.

---

[479] "...all which, an attribute of the Deity, she claims for herself, a simple and ignorant creature".

— Что ты можешь сказать об этом?

— Я придерживаюсь того, что говорила уже раньше о короле и плененном герцоге Орлеанском... Что до других людей, то я не знаю. Я знаю лишь, что Господь за доброту и праведность любит моего короля и герцога Орлеанского больше чем меня. Я знаю это из откровений.

СТАТЬЯ 36

— Жанна говорила, заверяла и похвалялась (как поступает и теперь), что она узнавала и теперь с уверенностью узнает (и что не только она сама, но и другие люди с ее помощью узнавали и знали это наверняка) Голоса, которые приходили к ней... невзирая на то, что по своей природе голос должен быть невидимым для каждого человеческого существа.

— Что ты можешь сказать по поводу этой Статьи?

...Два светящихся овала...
Две прекрасные фигуры...
Лица, полные чистоты...
Пламенные венцы, парящие над ними.
— Не бойся, девочка... мы тебя защитим...
Одеяло Света, которое окутало ее... Как хотелось расплакаться, обнять Их, вознестись с Ними на Небо...
Почему? Почему все так... жестоко...

...— А ты знаешь такую вот песенку:
«Много Ангелов на Небе...
Много горя на Земле...
Мы проходим через горе,
Чтобы Путь найти в себе...»

...— Я... придерживаюсь того... что сказала раньше.

«...Горе боль нам причиняет,
В этой боли мы растем.
Счастлив, кто не забывает
Истину про Отчий Дом».

СТАТЬЯ 37

— Жанна созналась, что зачастую поступала наперекор откровениям, которые она якобы получала от самого Бога... отступление из Сен-Дени, прыжок с башни Боревуара... Или у нее не было откровений от Бога, или же она пренебрегала ими... она, которая осмелилась заверять, что во всем послушна Господу...

— Жанна...что ты... сказать... об этом?

«...Истина нам крылья дарит,
А страдания ведут
Сквозь роскошные трущобы
В те Места, где прост Уют».

...— Я придер... того, что сказала раньше...
— Поступая против... своих Голосо... не впала ли ты в смертный гре...
— Я во все... ...лагаюсь на Господа...

СТАТЬЯ 38
— И хотя Жанна грешила по семь раз на дню, она осмелилась во всеуслышание заявлять... как доказывает обвинение...

«...В те Места, где прост Уют...»

СТАТЬЯ...
— Забывшая о своем спасении, направляемая в своих поступках дьяволом, она в то же время не стыдилась... принимать Тело Христово[480] ...лаченная в мужскую одежду...

«...В те Места, где прост Уют...»

...— Что ты мо... об этом?
—...на Господа...

СТАТЬЯ...

...— Они говорят, что я поступала грешно, когда поверила Вам...
— Франция скоро будет свободна...
— Они говорят, что все это совершено колдовскою силою...

СТАТЬЯ...

—...разве Нам переубеждать тебя?
— Зачем же Вы здесь?
— Разве ты хочешь, чтоб мы ушли?

СТАТЬЯ...

...— А Вы бы... ушли?
— Нет.
— Почему?
— Тебе тяжело...

СТАТЬЯ...

...— А если в гневе я прогоню Вас?..
Улыбка:
—В сердце твоем — одна лишь Любовь. Все плохое скажет твоя боль.
— И Вы останетесь?..
— И мы останемся.
— Как... мне... научиться быть такой же?
— Верь своему сердцу.

[480] Евхаристия.

СТАТЬЯ...

...— Как научиться?
— Сейчас ты учишься.
— Но мне так больно...
— Другой учебы нет...
— Я не знаю, чему верить...
— Другой учебы нет...
— Я молю Вас, заберите меня с Собой...
— Другой учебы нет.

СТАТЬЯ...

...— Они говорят столько зла...
— Чтоб ты нашла в себе добро.
— Я хотела лишь исполнять волю Господа...
— Мы знаем...
— А они говорят, что это от гордыни...
— Мы знаем...
— Мне так хочется плакать...
— Мы знаем...
— А... мне... можно?..
— На тебя смотрят столетия.

СТАТЬЯ...

...— Как могу я устоять?
— Будь мужественной перед лицом своего врага — и Господь полюбит тебя.
— Разве... эти судьи... мои враги?
— Они лишь заблудшие души.
— Кто же мой враг?
— Твоя слабость. Твой страх. Твои сомнения.

СТАТЬЯ...

...— Мне кажется... отчаяние пропитало меня...
— Тебе кажется...
— Я... уже не знаю... не сломаюсь ли через секунду...
— Тебе кажется...
— Как спасти мне свою душу?
— Сумей выйти из того, что тебе кажется.
— Но где же этот... выход?..
— Близко.

СТАТЬЯ...

...— Они говорят, что я поступала плохо, поклоняясь Вам...

— Они многое говорят.

— Они так ненавидят меня...

— Болезнь всегда ненавидит лекарство. Но если лекарство станет подобно болезни... что принесет оно Франции?

— Но их слова записывают в протокол... Их ненависть записывают... Что останется от меня, кроме поруганий?..

— Их слова станут их наследием... От тебя же останутся дела. Каждый сам сотворяет себе памятник.

— Они осудят меня...

— Нет. Они осудят себя.

СТАТЬЯ...
СТАТЬЯ...
СТАТЬЯ...

...— Господь мой праведный...

Во имя Твоих Святых Страстей молю: если Ты любишь меня, открой, как ответить на вопросы, которые задает духовенство...

...Скажи, возможно ли, чтобы Волей Твоей пришло ко мне просветление?..[481]

...— Жанна, ты слушаешь нас?

СТАТЬЯ 51

— Жанна не боялась заявлять, что Святой Михаил, Архангел Господа, пришел к ней с великим множеством Ангелов — в дом женщины, у которой она остановилась в Шиноне. Затем Архангел якобы отправился вместе с ней, держа ее за руку, взошел с ней по ступеням замка и сопроводил в королевские покои. Жанна также утверждает, что он приветствовал короля, склонясь перед ним, и что множество Ангелов окружало их, у одних из которых были короны, а у других — крылья. Приписывать все эти действия Архангелу и Святым Ангелам может лишь человек самонадеянный, нахальный и лживый, так как в Святом Писании нет указаний на то, что Архангел и Ангелы осуществляли что-либо, напоминающее поклон или преклонение, перед кем-либо из Святых... Даже Благословенная Дева Мария, матерь Божья, не была удостоена подобной чести. Жанна также говорила, что Архангел Гавриил часто приходил к ней вместе с Арх...лом ...хаилом, а иногда даже с тысячей других Анге...в! Она также зая...т, что по ее ...сьбе...

— Зачем столько мучений?

— В мире все уравновешено.

— Но я несла Франции добро... Разве может быть слишком много добра?

— Ровно столько, сколько заслужено.

---

[481] Реальная молитва Жанны приведена в ответе на Статью 50, правда, я опустил ту часть молитвы, которая касается мужской одежды. "'Most sweet Lord, in honor of Thy Holy Passion I beseech Thee, if You love me, that You wilt reveal to me how I should answer these Clergy. I know well, as regards this dress, the command by which I have taken it; but I do not know in what way I should leave it off: for this, may it please Thee to teach me".

— Но... Франция была грешна — и англичане напали... Теперь Франция верна Господу — и Он дал ей освобождение...

— Свобода Франции — в сердцах ее детей... Как Господь мог дать свободу, если сердца французов пребывали в рабстве? Свобода — Пламя сверкающее. Свобода — крылья бесстрашных. Принося людям стремление, ты забрала себе их оковы. В мире все уравновешено... Ты отдала другим Свет и Тепло, себе оставив пепел.

— Как... страшно...

— Будь бесстрашной перед лицом своего врага...

— Так... всегда?..

...«Был у Христа-младенца сад,
И много роз растил он в нем;
Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплесть венок себе потом.

Когда же розы расцвели,
Детей еврейских созвал он;
Они сорвали по цветку,
И сад был весь опустошен.

"Как ты сплетешь себе венок,
В твоем саду нет больше роз?"
"Вы позабыли, что шипы
Остались мне", — сказал Христос.

И из шипов они сплели
Венок колючий для Него,
И капли крови вместо роз
Чело украсили Его».[482]

...—...как... прекрасна эта... песнь... Песнь Ангелов Небесных... Ее нужно спеть людям, нужно чтоб... они узнали... чтоб они поняли... чтоб...

— Пока не время, Жанна...

...— Нет даров без тернового венца?

— Нет. Если не хочешь венца, оставь дар себе... он твоей кровью выстрадан. Но если решишься отдать его... прими также и дар взамен.

— Ненависть?.. Осмеяние?.. Позор?..

— Кто может дать больше, чем имеет? Люди одаряют лишь тем, что у них есть.

— Но почему судьи не могут понять? Они ведь тоже французы, они ведь должны любить Францию и желать ей свободы... Господь дал свободу, я принесла ее... Зачем же этот суд и вся эта ненависть?

---

[482] Алексей Плещеев, перевод из неизвестного английского поэта. 1877.

— Твои судьи не просили свободы, Жанна, они были довольны всем и без тебя. В их жизнь ты пришла незваной и возжелала одарить их тем, принять что они были не в силах... Они нашли счастье в рабстве, а ты разбила их цепи... За это они тебя и ненавидят... Они называют тебя гордячкой и еретичкой не потому, что ты такова, а потому, что ничего, кроме этого, они в тебе не видят. Как слепой не может увидеть свет, так и они не могут увидеть Посланницу. И никто не сможет переубедить их... Даже если на твою защиту явится Сам Архангел Михаил, они найдут способ объявить Его Сатаною.

— Но есть же и другие! Которые хотели свободы... которые были готовы отдать свои жизни за нее... которые страдали и погибали в строю со мною рядом...

— Девочка наша... они свободны теперь лишь потому, что на тебе — их оковы.

—...нет даров... без тернового... венца...?

— Нет.

...—...и она вела невиданный доселе образ жизни, отрицая общество женщин и желая жить только с мужчинами, желая пребывать с ними даже в своей собственной комнате, даже во всем, что касалось наиболее личных деталей, — все это неслыханно для целомудренной и порядочной женщины!!![483]

—... по поводу этой Статьи?

Жанна смотрела на своих судей и видела лишь ненависть и презрение. Отвечать?.. Зачем?

— Жанна?

Нужно отвечать...

«Верно...»

Нужно... ведь она приняла этот крест. Кто теперь унесет его?

«Верно, что в моем подчинении...»

Нужно быть мужественной... на нее ведь смотрят не только судьи. На нее смотрят и все те, кто будет защищать Францию в грядущих веках. Ждут, затаив дыхание, нерожденные герои... ждут ее ответа. Ждут искры их сердца, чтобы вспыхнуть слепящим пламенем.

— Верно... — непослушными губами произнесла Жанна. — Верно, что в моем подчинении были мужчины. Однако в жилых домах, где мы останавливались, чаще всего со мной была и женщина. Когда же ночь заставала меня в походах, я спала полностью одетая и облаченная в доспехи, не всегда имея возможности найти женщину, которая помогла бы мне снять броню.

СТАТЬЯ...

—...получала огромные богатства от своих измышленных пророчеств... лошадей, роскошные платья... благосклонность обманутых королей... Изображая из себя Небесного Пророка, она запросто приписывала свою ложь самому Богу!!!

---

[483] Статья 54.

...и может не напрасно Катерина Ла Рошель сказала властям Парижа, что, если Жанну не будут охранять должным образом, она сумеет выбраться из тюрьмы с помощью дьявола![484]

...и в день Рождества Пресвятой Богородицы Жанна призвала всю армию короля Карла совершить нападение на Париж, говоря, что в тот же день она войдет в город и что это было ей открыто через откровение: да, судя по всему, она заключила все сделки, которые только возможно, чтобы войти в город... И множество раз Жанна давала предсказания, которые не сбывались... Она отрицает их теперь, но существуют письменные свидетельства людей, достойных всяческого уважения...[485] И теперь на вопрос, почему она не вошла в Париж, но, напротив, она и многие ее люди были ранены самым ужасным образом или даже убиты, Жанна ответила просто: «Христос не сдержал своего обещания».[486]

...также в Сен-Дени Жанна приказывала зажигать свечи над маленькими детьми, чтоб тающий воск падал на их головы. Она говорила, что это принесет им в будущем счастье, но на самом деле проводила колдовской обряд, который помогал ей совершать множество пророчеств...[487]

...не желающая вверить свои дела и поступки в руки Воинствующей Церкви, она, вместе с тем, не раз утверждала, что подчинится Церкви Торжествующей, тем самым признаваясь, что находится по этому вопросу во власти гибельного заблуждения...[488]

...неоднократно искушала людей ставить ее мнение выше мнения духовенства... Она основала множественные секты ереси и погибели, которые откололись от Единой Церкви...[489]

...не боится бросать проклятия против целой нации и ее величайших людей...

...из слов, которые мы услышали, одни противоречат Божественному Праву, другие — каноническому, третьи — гражданскому праву и положениям вселенских соборов. Эти слова, с одной стороны, полны колдовства и чернокнижия, с другой — суеверия и идолопоклонничества; сквозь них до нас доносится дыхание ереси и гибельных заблуждений...[490]

...она как отказывалась раньше, так и отказывается теперь приложить усилия для исправления своей греховной натуры, предаваясь все тем же пагубным заблуждениям и ереси...[491]

---

[484] Статья 56.

[485] Статья 57. Примечание составителя: письменные свидетельства, о которых говорил прокурор, так и не были приложены к материалам дела.

[486] Все та же Статья 57. “It was Jesus, who broke His word to me”. В своем ответе обвинителю Жанна указала, что она никогда не произносила этих слов.

[487] Статья 59. В ответе Жанна указала, что описанного обряда с восковыми каплями никогда не происходило.

[488] Статья 61.

[489] Статья 62.

[490] Статья 66.

[491] Статья 69.

СТАТЬЯ 70

— Утверждения, изложенные в вышеуказанных Статьях, — все вместе и каждое в отдельности — правдивы, общеизвестны и очевидны. Все слои общества наполнены слухами, которые подсудимая подтвердила много раз и в достаточной степени перед свидетелями правдивыми и достойными доверия, как в суде, так и за его пределами...

Среда, 28 марта 1431. Покои епископа Кошона. Вечер

— Мсье епископ... и... мсье представитель Верховного Инквизитора...

— А!.. Дорогой друг Жан, — епископ Бове быстрым шагом подошел к стоящему в дверях человеку и хищным движением обхватил его за плечи.

От его жеста Жан д'Эстиве сжался, словно от удара плетью... И он был прав: показное дружелюбие епископа прикрывало ярость — словно мокрая тряпка, на какое-то мгновение способная прикрыть раскаленную плиту металла.

— Заходи, заходи, — продолжал епископ. — Дорогой друг, прокурор процесса, прелат церкви. Ой... — на мгновенье запнулся Кошон и елейно улыбнулся. — Ошибочка. Уже не прокурор. БЫВШИЙ ПРОКУРОР!!!!! — заорал он вдруг и, схватив Жана д'Эстиве за ворот рясы, принялся трясти его, как тряпичную куклу. — Неужели тебе было поставлено слишком сложное задание?!! Неужели мало сплетен развелось про Жанну, что ты собрал семьдесят самых отвратительных? Неужели было сложно преподнести их в такой манере, чтобы у девятнадцатилетней девчонки с расшатанными нервами началась истерика? Что сложного? Что сложного, я тебя спрашиваю?!! Я же ясно сказал, что мне нужны ее крики и обвинения в твой адрес, остолоп... Но что мы увидели вместо этого? Мы увидели исходящего пеной прокурора и совершенно спокойную Жанну... БРАВО!!! — епископ отшвырнул д'Эстиве и принялся демонстративно хлопать в ладоши. — БРАВО!!!!!

У тебя в распоряжении было целых два дня и все сплетни Франции... а также все твое воображение!!! И что мы получили? Ты знаешь, что получил суд в итоге?!! НЕОБХОДИМОСТЬ переписывать твои Семьдесят вымышленных грехопадений в несколько реальных статей обвинения, потому что, имея на руках все преимущества, ты не сумел воспользоваться ни одним из них!!! Болван!!! Остолоп!!! Прочь!!! Прочь от меня!!!

Суббота. 31 марта 1431. Руан. Тюремная камера Жанны. Утро

...Если весь мир скажет тебе, что твое сердце лжет... кому ты поверишь — миру или сердцу?..

...Если люди будут укорять тебя, говоря о старости родителей или о детях, которым ты могла дать жизнь... забудешь ли ты другие, полные боли, голоса, о которых молилась ночами? Убедишь ли себя, что твой долг исчерпался молитвой... и что, помолившись, нет необходимости стать со страждущими бок о бок в строю?

И отступишься ли ты от Пути, если людская боль со злобой

прокричит тебе вслед: «Ну и проваливай в несуществующий мир своих грез... не пожелавшая жить с реальными людьми, но мечтающая помочь кому-то из своих видений!!!»

Какую из дверей выберешь — прочь из мира, который ты знаешь, или назад в мир, который не желает знать тебя?..

Суббота, 31 марта 1431. Руан. Тюремная камера Жанны. Вечер перед Пасхой

Присутствовали епископ и представитель Верховного Инквизитора, которым помогали шесть консультантов и два свидетеля.

— Жанна... отсрочка, которую ты просила, закончилась. Пришло время дать ответ на вопрос, доверишься ли ты судейству Церкви Земной по поводу оценки всего, что ты сказала или сделала, хорошо оно или же плохо? Особенно нас интересует вопрос, доверишься ли ты решению Церкви по поводу действий, преступлений и оскорблений, которые вменяются тебе в вину, а также по поводу всего остального, что лишь вскользь касается этого процесса?

— Все, о чем меня спрашивали, я готова вверить в руки Воинствующей Церкви при условии, что священники не потребуют от меня чего-либо невозможного.[492] Как раз таким невозможным было бы мое утверждение, что все поступки, которые я совершила, и все, что я рассказала по вопросу моих видений и откровений, я сделала и рассказала не по Указанию Господа — я не скажу так ни за что на свете. А к чему Господь меня направил, что помог совершить, на что Указывал или только Укажет, то я и буду делать, кому бы из живущих это ни понадобилось.[493] Я просто не сумею отречься от этого.[494] Поэтому в случае, если Церковь пожелает, чтобы я выполнила что-то, противоположное Указаниям, которые я получила от Господа, я не подчинюсь... к чему бы это ни привело.

— Если Воинствующая Церковь скажет тебе, что твои откровения — всего лишь иллюзия или же проявление дьяволических сил... ты доверишься Церкви?

— Я доверяюсь одному лишь Господу, чьи Указания я всегда исполняю. Я хорошо знаю: что содержится в моем деле, то пришло ко мне по Замыслу Господа, и что я признаю в деле, то было осуществлено мною по Указанию Господа, и нет силы, которая могла бы заставить меня сказать по-другому. Если же по-другому решит Воинствующая Церковь, я вверю свои слова и дела одному лишь Господу, чьим Указаниям я всегда следую.

— Жанна... ты полагаешь, что не являешься подчиненной Господней Церкви, пребывающей на земле?.. Ты отрицаешь власть над собой Его Пресвятейшества Папы, кардиналов, архиепископов, епископов и прочих прелатов церкви?

---

[492] "On all that I am asked I will refer to the Church Militant, provided they do not command anything impossible".

[493] "...I will not fail to do for any man alive".

[494] "It would be impossible for me to revoke it".

— Нет, я признаю свою подчиненность... Однако Господу я буду служить в первую очередь.

— В таком случае скажи, было ли тебе дано указание от голосов о том, что не следует покоряться Воинствующей Церкви, которая на земле... что не стоит принимать ее решений?

— Никаких ответов я не даю из головы, но отвечаю только по указанию Голосов... Они не приказывают являть неповиновение Церкви, но я буду служить в первую очередь Господу.

Священники нахмурились и принялись шептаться. Жанна еле стояла на ногах от слабости, отчаяния и разрывающей сердце боли. Ей хотелось, чтобы сердце не выдержало, но... оно продолжало биться.

—...В замке Боревуар, или же в Аррасе, или в каком другом месте... у тебя были напильники?

— Если хоть один из них был при мне найден, — тихо пробормотала Жанна, — то мне сказать нечего.

Промежуточные обсуждения от 2, 3, 4 и 5 апреля

Предшествующие семьдесят Статей, из которых состоял Акт Обвинения, представленный суду, были уменьшены до двенадцати Статей метром Николя Миди.

Мы, судьи, собрали многочисленных докторов и магистров, с которыми мы с величайшей прилежностью изучили семьдесят Статей, должным образом оформленных писарями, в совокупности с вопросами, заданными Жанне, и ее ответами, которые были приложены к каждой из семидесяти Статей.

Когда изучение было завершено, мы решили, что целесообразно будет извлечь из всей массы Статей определенные утверждения и предложения и воплотить их в двенадцать Статей, которые во всеобъемлющей и лаконичной манере охватят большую часть сказанного обвиняемой.

Как только двенадцать Статей были подготовлены, мы, судии, постановили, что целесообразно передать эти Статьи докторам и всем прочим специалистам, искушенным в законах Божественного и человеческого права, дабы получить от них, во имя возвеличения святой католической веры, консультации и советы касательно ключевых положений Статей.

Двенадцать Статей Обвинения.

СТАТЬЯ 1

Эта женщина говорила и подтверждала, что, когда она была в возрасте тринадцати лет или около того, она своими собственными (телесными) глазами видела Святого Михаила, который приходил утешать ее, а время от времени она видела также Святого Гавриила... Жанна утверждала, что оба являлись ей в телесном обличье. Также, по ее словам, ей иногда являлось великое множество Ангелов, а после того Святая Екатерина и Святая

Маргарита явились ей в телесной форме. Каждый день она видит этих Святых и слышит их голоса; она часто обнимала и целовала их, прикасалась к ним вполне телесно и материально. Она видела лица и головы этих Ангелов и Святых, однако все остальное, будь то платья или другие элементы их обликов, Жанна хранит в тайне. Упомянутые Святая Екатерина и Святая Маргарита разговаривали с ней и раньше, возле источника, который течет у подножья огромного дерева, называемого в народе «Дерево Фей». Так или иначе, как говорит молва, этот источник и дерево были часто посещаемы феями, и люди, страдающие лихорадкой, в огромных количествах приходят к источнику за исцелением. Таким образом, дерево и источник находятся в месте языческого культа... Там и в других местах она часто устраивала обряды почитания этих двух Святых и кланялась им в ноги.[495]

Кроме этого, Жанна утверждала, что, когда Святая Екатерина и Святая Маргарита являлись ей, их головы украшали самые прекрасные венцы во всем мире. Именно в это время, может чуть позже, они, по велению Господнему, объявили Жанне, что та должна отправиться на поиски мирского принца, причем Святые дали обещание, что при ее помощи и поддержке этот принц силою оружия получит во владение земное королевство и славу этого мира, одержав великую победу над своими врагами. Этот принц принял ее и обеспечил оружием и солдатами, чтоб она могла исполнить все, о чем только что было сказано. Позже Святая Екатерина и Святая Маргарита от Имени Бога указали Жанне облачиться в мужское платье и носить его... то самое платье, которое она носила и до сих пор носит, упорствуя в исполнении полученного указания до такой степени, что, по ее собственным словам, она готова скорее умереть, чем отказаться от него... добавляя, что лишь Указание Господа может изменить ее решение. Она даже предпочла не присутствовать на мессе и лишить себя Святого Причастия в Таинстве Евхаристии... она предпочла мужские привычки приобщению к Телу Христову, которое получают все верные дети Церкви.

Под вдохновением этих двух Святых вышеуказанная женщина зашла так далеко, что в возрасте семнадцати лет против воли своих родителей покинула отчий дом, даже не сказав, что уходит. После этого она присоединилась к большому отряду солдат, с которыми она жила день и ночь... Важно отметить, что любая другая женщина бывала в этом обществе крайне редко. Эти Святые рассказали ей о многом и кое-что даже предписали к действию. Исходя из всего этого, Жанна объявила себя посланницей Царя Небесного и Церкви Торжествующей, состоящей из Святых, которые уже достигли божественного блаженства. Только им желала бы она вверить все, что было ею сделано, как истинно верное свершение. Что же до Церкви Воинствующей, то Жанна отрицает ее власть над собой и отказывается вверить ей себя, свои слова и дела. Несмотря на то, что Жанну много раз предостерегали и требовали от нее повиновения, каждый раз она отвечала, что для нее невозможно совершить поступок вопреки тому, что (она многократно

[495] "This spring and this tree are nevertheless in a profane place. There and elsewhere she had often venerated these two Saints, and had done them obeisance".

подтвердила это во время процесса) было указано Господом Богом. Также она указала, что оценку этих свершений она не доверит ни одному человеку, живущему в этом мире, но одному лишь Господу Богу.

Указанные Святые открыли этой женщине, что она обретет славу благословенной женщины и спасение своей души в том случае, если сохранит свою девственность, о чем она и поклялась этим Святым в первый раз, когда увидела и узнала их. Результатом этого откровения стало то, что Жанна настолько уверена в своем спасении, словно уже пребывает в Царствии Небесном.[496]

СТАТЬЯ 2

Эта же женщина сказала, что знак, полученный принцем, к которому она была послана, — знак, который убедил этого принца поверить в нее и доверить ей вести войну, — заключался в том, что Святой Михаил пришел к указанному принцу[497], окруженный множеством Ангелов, одни из которых имели короны на своих головах, а другие — были крылаты... Также с ними пришли Святая Екатерина и Святая Маргарита. Вместе с Архангелом они проследовали по дороге, ведущей к замку, ступая ногами по земле, затем по лестнице, и вошли в покои принца. Архангел, окруженный Святыми и Ангелами, отдал принцу очень ценную корону, которая была сделана из чистейшего золота, склонившись перед принцем в поклоне и выразив ему глубокое почтение. Рассказывая об этом, Жанна однажды сказала, что, когда принц получил знак, они были словно наедине, несмотря на то, что много других людей стояло рядом. В другой же раз она сказала, что, как ей кажется, корона была вручена архиепископу, который позже отдал ее принцу в присутствии мирской знати.

СТАТЬЯ 3

Эта же женщина говорила и неоднократно подтверждала, что существо, которое навещает ее, является Святым Михаилом и что она верит в него, потому что от него приходили хорошие советы, светлое утешение и чистое учение, а также потому, что он сам назвался ей, сказав, что является Святым Михаилом. Таким же образом она распознала Святую Екатерину и Святую Маргариту... Она знала, как отличить одну от другой, потому что они представлялись, когда являлись ей и приветствовали ее.

Что же до поддельного Святого Михаила, который является ей, она на самом деле полагает, что он является истинным Архангелом. Словам и делам

---

[496] Лишь по непониманию Святого Писания судьи Жанны считали невозможным, что, стоя перед ними, Жанна одновременно пребывала в Царстве Небесном, хотя Апостол Павел дает четкое определение этому Понятию: «Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе» (Рим. 14:17). Иметь мир и причастие праведности Святого Духа — это и значит пребывать в Царстве Небесном, телесное состояние для такого Человека вторично.

[497] Церковники неверно истолковали слова Жанны об Ангеле, который вместе с ней вошел в покои короля через дверь. Из слов Жанны четко следует, что именно она сама была тем Ангелом. Говоря точнее, под Ним следует понимать самую Духовную часть ее души. Эзотерики называют этого Ангела Высшим «Я» и утверждают, что каждый человек имеет такого Советника в Тонком Мире, — впрочем, далеко не каждый прислушивается к Его Советам.

этого Святого Михаила она верит так же искренне и непреклонно, как верит в то, что наш Спаситель Иисус Христос страдал и отдал свою жизнь во имя нашего искупления.

СТАТЬЯ 4

Эта же женщина говорила и подтверждала, что она обладает знаниями об определенных грядущих свершениях, причем она так же уверена в этих событиях, как и в тех, которые уже прошли перед ее глазами. Что до источника такого оккультного знания,[498] она не раз похвалялась, что таким знанием являются откровения, которые давались ей Голосами Святой Екатерины и Святой Маргариты. К примеру, ей было дано откровение о том, что она будет освобождена из своего заточения и что французы под ее руководством совершат величайшие подвиги, которые только свершались в христианском мире... Кроме того, она могла без подсказки узнавать людей, которых никогда в своей жизни не встречала, и получать сведения о них. Так же и расположение меча, который был спрятан в земле, было ей открыто посредством откровений.

СТАТЬЯ 5

Эта же женщина говорила и подтверждала, что по указанию Святых и воле Господа Бога она облачилась в мужское платье, которое долгое время носила и до сих пор носит, а именно: бриджи, дублет и брюки, пристегнутые к упомянутому дублету двенадцатью застежками, длинные гетры и шляпу, — не оставив при себе никакого одеяния, которое могло бы служить указателем ее принадлежности к женскому полу. Она также говорила и подтверждала, что в этом облачении она несколько раз принимала участие в Таинстве Евхаристии. Она не желала и до сих пор не желает вновь принять женское платье, хотя не один раз мы требовали от нее поступить так и милостиво увещевали, когда наши требования получали отказ. Иногда она говорила, что лучше умрет, чем снимет мужское облачение; иногда — что снимет его только по Божьему повелению. Она также сказала, что если снова окажется в этом платье среди тех людей, ради кого взяла оружие в руки, то будет поступать так же, как поступала до пленения... и, по ее мнению, это будет одним из наибольших благословений, которые только могли быть даны Свыше всему Королевству Французскому. Также ни за что на свете не готова она дать клятву больше не облачаться в мужское платье и не брать в руки оружия.

Обо всем этом она сказала, что поступала хорошо, сохраняя верность Господу и полученным от Него указаниям.

СТАТЬЯ 6

Указанная женщина открыто признавала, что по ее приказу было написано много писем и предупреждений, на которые были помещены имена

[498] В тексте допросов было использовано слово “occult” — сокровенный, тайный. “On the subject of occult things she did boast to know...” Ввиду профанации значения слова «оккультный» я использовал именно его, чтобы напомнить его первоначальный смысл.

«Иисус», «Мария» и знак креста. Иногда она помещала на письма маленький крестик, и это давало знать ее последователям, что она не желает, чтобы они выполнили то, что она указывала выполнить в этом самом письме. Также она заставляла писать, что прикажет казнить тех, кто не подчинится ей, и что по силе ударов, которые она нанесет, будет понятно, на чьей стороне правда Короля Небесного. Она часто указывала, что не совершала ничего, кроме как по воле своих откровений или указаний Господа.

СТАТЬЯ 7

Та же женщина созналась, что, будучи в возрасте семнадцати лет и следуя, по ее словам, указаниям полученного откровения, без разрешения своих родителей и вопреки их воле она покинула отчий дом и отправилась искать некоего рыцаря, которого никогда прежде не видела. Узнав об этом, ее родители чуть не сошли с ума от горя... в то время как Жанна убеждала рыцаря сопроводить ее к вышеуказанному принцу или отдать такой приказ своим подчиненным. Упомянутый рыцарь, или капитан, по ее требованию выдал этой женщине мужское одеяние и меч и выделил для ее сопровождения другого рыцаря, сквайра и четырех слуг. Когда они прибыли к принцу, женщина сообщила ему, что желает сражаться против его врагов. Она пообещала привести его к трону огромного суверенного государства и превозмочь его неприятелей... Она говорила, что именно для этого она ниспослана на землю Господином Небесным. Она до сих пор уверена, что поступала хорошо... что имела на то указания откровений и приказы Господни.

СТАТЬЯ 8

Та же женщина рассказала и подтвердила, что безо всякого принуждения со стороны других людей, по собственной воле, она бросилась вниз с очень высокой башни, желая скорее умереть, чем оказаться в руках врагов и жить после разрушения города Компьеня. Она также сказала, что была не в силах отступиться от этого прыжка, невзирая на то, что Святая Екатерина и Святая Маргарита запрещали ей прыгать. А как сама Жанна сказала, противиться их воле — большой грех... И все же она уверена, что этот грех был прощен ей после того, как она покаялась о нем и исповедалась... Жанна говорит, что получила откровение об этом.

СТАТЬЯ 9

Эта же женщина сказала, что Святая Екатерина и Святая Маргарита пообещали сопроводить ее в Рай, если она со всей силою своей будет хранить девственность своего тела и души, о чем она им поклялась. Она сказала, что верит этому настолько же сильно, как если бы уже пребывала в сиянии славы благословенной. Она полагает, что за свою жизнь не совершила смертного греха, потому что, по ее мнению, если бы она пребывала в состоянии смертного греха, Святая Екатерина и Святая Маргарита не приходили бы к ней каждый день.

СТАТЬЯ 10

Также эта женщина сказала и подтвердила, что Бог любит некоторых все еще живых людей, возвеличенных ею, более чем Он любит ее саму. Это было открыто ей через откровение Святой Екатериной и Святой Маргаритой, которые часто приходят к ней и говорят на французском языке, а не на английском, потому что они находятся не на стороне англичан. С тех пор как она узнала, что ее Голоса находятся на стороне вышеуказанного принца, она прекратила любить бургундцев.

СТАТЬЯ 11

Еще эта женщина призналась и подтвердила, что Голосам и Духам, чья природа теперь находится под рассмотрением и которых она называет Михаилом, Гавриилом, Екатериной и Маргаритой, она часто оказывала знаки почтения: снимала головной убор, преклоняла колени, целовала землю, по которой они ходили, давала обет оберегать свою девственность во имя этих Духов, время от времени целовала и обнимала Святую Екатерину и Святую Маргариту... Она прикасалась к ним своими собственными руками телесно и наяву... Она просила у них совета и помощи. Иногда она звала их — и они являлись, однако бывало и так, что они являлись без зова, по своей собственной воле. Она принимала их советы и стремилась во всем следовать их указаниям, не прислушиваясь к другим мнениям, кому бы они ни принадлежали: отцу ли, матери, кюре, прелатам церкви или же каким-либо другим представителям духовенства. Не менее твердо она верила в то, что Голоса и откровения, которые она получала через своих Святых, нисходили от Самого Бога и передавались ей по Его Указанию. Она до сих пор верит в это так же твердо, как и в то, что Господь наш Иисус Христос принял за нас Чашу Страстей и Смерти. Она также добавила, что, если бы под личиной Святого Михаила к ней на самом деле явился злой дух, она бы знала наверняка, как распознать его. И наконец, она сказала, что по своей собственной воле и без всякого стороннего принуждения поклялась явившимся к ней Святой Екатерине и Святой Маргарите никому не открывать знак о короне, который был дан ее принцу, до того времени, пока не получит на то разрешение от Самого Господа Бога.

СТАТЬЯ 12

Также эта женщина созналась, что, если Церковь пожелает, чтобы она совершила что-то, вступающее в противоречие с указаниями, якобы полученными ею от Бога, она не пойдет на это, чем бы оно ни было. Она подтвердила, что полностью уверена в том, что все, о чем она поведала во время процесса, пришло к ней по указанию Бога, и для нее абсолютно невозможно совершить что-то, противоречащее этому. Именно поэтому она не желает довериться ни решению Воинствующей Церкви, ни решению какого-либо человека, кем бы он ни был, но единственно Богу, Господу нашему, чьи указания она всегда ставила превыше всего как в вопросе, который касался откровений, так и во всем, что она делала впоследствии. По ее словам, этот ответ, равно как и все другие, был даны не из ее головы, но по

указанию Голосов и откровений. Она настаивает на этом, несмотря на то, что судьи и консультанты неоднократно взывали к ней, обращая внимание, что и в «Статьях Веры»,[499] и в «Церкви Единой, Святой, Католической»[500] четко указано, что все верные христиане должны являть послушание Воинствующей Церкви и готовность безоговорочно вверить ей свои слова и дела во всех вопросах, касающихся веры, Святой доктрины и церковного благословения.

14 апреля 1431. Руан. Апартаменты епископа Пьера Кошона. Поздний вечер

— Заходи, заходи, друг мой Николя... присядь... Ты уже знаешь? Нет? Вот, мне передали из Парижского Университета.

Кошон протянул Луазелеру листок пергамента. Тот некоторое время читал, а потом с удивлением отложил листок в сторону.

— Да, — сжал кулаки Кошон, — дела обстоят именно так. Несмотря на то, что сам Университет готов принять статьи д'Эстиве, среди прелатов начинается разброд.

Кошон взял пергамент в руки и с кривой ухмылкой прочел:

— Аббаты Жюмьежа и Кормея Николя Ле Ру и Гийом Боннель обратились в Парижский Университет с просьбой о перенесении суда над Девой Жанной туда. Немногим позже эти же аббаты начали настаивать на том, чтоб статьи зачитывались Жанне на французском языке с обязательным разъяснением смысла каждой из них во избежание той опасности, которой она подвергается, отвечая на вопросы...

— Кроме того, — Кошон отложил письмо, — ты должен знать, что одиннадцать здешних адвокатов-церковников высказали немало замечаний о процессе, а трое из них, Пьер Минье, Жан Пигаш и Ришар дю Груше, даже начали выступать против того, что мы используем откровенные ответы Жанны и строим на них обвинительные статьи. Они даже собирались писать жалобу в Париж... Пришлось присмирять их... не совсем церковными методами. Однако самое неприятное произошло сегодня, друг мой... Послушай.

Кошон с усмешкой взял со стола еще один лист пергамента и прочел:

—...таким образом, мы требуем, чтобы все двенадцать статей были прочитаны Жанне на французском языке с детальным разъяснением вопроса Воинствующей Церкви... И подписи... Знаешь, кто среди подписавшихся, друг мой? Епископ Аваншара Жан де Сен-Ави.

Недолгое молчание наполнило комнату.

— Что же ты... собираешься предпринять? — растерянно спросил Луазелер.

Кошон медленно подошел к камину, и лист пергамента скользнул в огненную пасть. Луазелер помолчал немного и пожал плечами.

— Но с авторами так поступить не удастся.

— Авторы уже в тюрьме, — холодно парировал Кошон...

---

[499] "The Article of Faith".
[500] "The Church, One, Holy, Catholic".

Глядя на него, Луазелер почувствовал, как липкая испарина выступает на лбу.

— Зачем же ты позвал меня?

— Как и я, ты прекрасно понимаешь, что ситуация все больше выходит из-под контроля. Дальнейшее развитие событий предугадать... невозможно. Мне нужен совет.

Сполохи огня метались по стенам. Дрожащей рукой Луазелер вытер со лба капли ледяного пота... откинулся в кресле, прикрыв глаза.

— Ты знаешь, что нужно сделать, — произнес он хрипло.

— Николя... ты понимаешь, что на самом деле это не обыкновенная пастушка? Это — ристалище, на котором сошлись интересы Англии и все еще свободной Франции. И если мы победим...

— Карл будет признан «коронованным колдуньей». Я понимаю важность всего, Пьер. Но ты знаешь, что нужно сделать, потому что ситуация все больше выходит из-под контроля и дальнейшее развитие событий предугадать невозможно. Лучше пусть все произойдет так, как ты знаешь, чем Жанна окажется в каком-то замке «на хлебе и воде», откуда сбежать ей труда не составит.

— Значит...

— Ты сам знаешь.

— Но кто возьмется?..

— А на кого у тебя должок? Д'Эстиве.

16 апреля 1431. Руан. Тюремная камера Жанны.[501] После полудня[502]

— Эй! Арманьякская шлюха! Вставай, к тебе посетители!!!

— Тише, солдат... не шуми... Жанна, я Жан Тифен, лекарь герцогини Бедфорд. Мне нужно осмотреть тебя...

— Кто с вами?.. — едва слышно донеслось в ответ. — У меня очень сильно болят глаза...

— Со мной священник, Жан д'Эстиве...

— А... обвинитель-лгун...

— Да как... ты смеешь?!! — зашипел бывший прокурор.

— Тише, — жестом остановил его лекарь. — Мне кажется, она не в себе. Жанна... дай руку, мне надо прощупать пульс.

— Почему она все еще в кандалах? — лекарь повернулся к начальнику стражи. — Она ведь даже шевелится с трудом...

— Приказ епископа... ни в коем случае не снимать кандалы...

Лекарь немного помолчал и со вздохом присел на край лежанки Жанны.

— Так-так... — пробормотал он. — Что у тебя болит?

— Очень болят глаза... нет сил двигаться... тошнит... и... ломит все тело...

---

[501] Точную дату не нашел, но, по логике, мне кажется, что должно быть где-то так.

[502] «Мы располагаем некоторыми подробностями об ухудшении здоровья Жанны благодаря двум врачам, посетившим ее, а затем выступившим на процессе об отмене приговора. Так, Жан Тифэн, личный врач герцогини Бедфорд, который был заседателем на процессе, свидетельствует...» и далее. [8]

— Давно у тебя это началось?

— Нет, не очень... Епископ Бове прислал мне карпа, и я съела кусочек... Мне кажется, что все от этого карпа...

— Не лги!!! — резко оборвал ее д'Эстиве, покрываясь пятнами ярости. — Ты, развратница, наелась селедки и всякой прочей дряни, и от этого тебе стало плохо!

— Это не так! — что было сил простонала Жанна. — Я ела только карпа! И я не развратница!

— Ты лгунья и вызывательница злых духов! Тебя покарал Господь!

— Господь покарает вас за ложь вашу!!!

...— Мсье д'Эстиве...

— Я надеюсь, у вас не хватило глупости поверить тому, что говорила эта девка?

— Мсье д'Эстиве! Я попрошу вас удалиться.

— Что?!! Да как вы себе...

— Я прошу вас немедленно удалиться!!! Госпожа Бедфорд и судьи процесса прислали меня не для того, чтобы добивать бедную девочку! Я надеюсь, вам не надо пояснять, по чьему указанию судьи прислали меня и кому Жанна нужна живая?!! Так что я прошу вас... немедленно... удалиться.

...— Расскажи мне, что с ней.

— Я... я только недавно заступил на стражу...

— Рассказывай, что с ней!!!

— Я... не знаю...

— Если я, лекарь герцогини Бедфорд, уйду без ответа, герцогиня устроит тебе встречу с другим специалистом... Мне частенько приходится навещать людей после таких встреч.

— Я... я...

— Ты понял, о ком я говорю?

— Да...

— Итак?

— Я могу сказать лишь, что Жанну сильно рвало в последнее время... Если вы и вправду лекарь, то вам все должно быть ясно.

16 апреля 1431. Руан. Апартаменты графа Варвика. Вечер[503]

— Гийом Дежарден, доктор медицины, Жан Тифен, а также другие глубоко почитаемые мною врачи. Я, граф Варвик, собрал вас всех здесь по одному весьма щекотливому вопросу. Насколько мне известно, некая заключенная, известная нам как Дева Жанна, весьма больна. Мне хотелось бы сообщить, что для всех вас будет лучше, если она выздоровеет. Каким

[503] «Кардинал Англии и граф Варвик послали за мной по поводу ее болезни. Вместе с метром Гийомом Дежарденом, доктором медицины, и другими врачами я предстал пред ними. Граф Варвик сообщил нам, что, как ему сказали, Жанна больна и что он призвал нас, дабы мы позаботились о ней, потому что король не хочет ни за что на свете, чтобы она умерла естественной смертью...» и далее. [8]

образом это произойдет, мне не важно... Пускайте ей кровь, или же готовьте снадобья, или делайте, что посчитаете нужным, но вы должны понять, насколько дорожит ею король Англии... Вы должны осознать, что он желает, дабы Жанна погибла от руки правосудия, но никак не умерла естественной смертью.

И последнее, господа лекари. Если несмотря на все ваши усилия, это весьма прискорбное явление произойдет, то освободится одно весьма горячее место... Мне будет очень неприятно заниматься поисками нового еретика... И как вы понимаете, у меня не будет намерения искать его слишком далеко.

17 апреля 1431. Руан. Тюремная камера Жанны. После полудня

— Ну что, Жанна, немного лучше?

— Да, спасибо, доктор... Вы так добры...

— Ну... я тут ни при чем... Тебе помогло кровопускание... и, может, чья-то молитва...

— Вот уж не знаю, — грустно усмехнулась Жанна. — Кто бы еще мог помолиться за меня, если священники проклинают...

— Мсье... — из тюремного коридора донесся окрик стражника. — Мсье, туда нельзя... туда...

— Потаскуха!!! — Жан д'Эстиве ворвался в камеру, словно безумный. — Развратница!!! Не думай, что ты избежала Господнего суда! Он покарает тебя и отправит в ад, где тебя будут жарить на огне твои же «святые»!!! Ты еще узнаешь всю тяжесть Кары Небесной!

— Ты... лживый мерзавец!!! — закричала Жанна изо всех сил и попыталась вскочить на ноги, но едва не упала.

— Потаскуха!!!

— Вон отсюда!!! — кричал врач.

— Развратница!!! Неизвестно, чем ты занималась в походах со своими солдатами!!!

— Вон!!! Стража!!! Стража!!! Выведите его отсюда вон!!!

...— Жанна... девочка... Жанна, ты меня слышишь?

— Й... й...

— Не надо, не говори, не трать силы...

— Й...

— Ну надо же было этому идиоту так все испортить... Ты ведь только начала поправляться... Не говори, не надо... иначе потеряешь сознание...

— Й... я-аааа... не р... рррразв... в... рат... ницца...

18 апреля 1431. Руан. Тюремная камера Жанны. Утро

Среда, 18-й день апреля.

«Мы, судии, в ходе длительных совещаний и рассмотрения мнений огромного числа докторов теологии и канонического права, лиценциатов и других ученых мужей, удостоверившись в многочисленных заблуждениях,

которые высветили ответы и утверждения, сделанные указанной Жанной, и понимая, что, не соглашаясь принять верные мировоззрения, она подвергает себя огромной опасности, решили бережно увещевать ее, кротко предостерегать и позволить говорить с ней ученым мужам великой честности и неподкупности, чтобы могла она вновь обрести путь, ведущий к правде и искреннему принятию христианского вероисповедания.

С этой целью мы сегодня направились в место, которое служит ей темницей, ведя с собой Гийома Лебушье, Жака де Турена, Мориса де Киснея, Николя Миди, Гийома Аделье, Жерара Фейе и Гийома Хетона».

...— Здравствуй, Жанна, — тихо сказал епископ Бове.

— Здравствуйте, — прошептала в ответ Жанна.

— Я хочу, чтобы ты знала: все доктора и магистры, которые стоят рядом со мной, пришли дружески навестить тебя в мучениях, которые ты испытываешь, с великим терпением желая обнадежить тебя и утешить.

— Благодарю... вас...

— Жанна, я хотел бы напомнить тебе, что на протяжении многих дней множество раз в присутствии высокодуховных лиц, полных мудрости, тебе задавались вопросы, касающиеся веры, серьезного и очень сложного характера. Ты давала множество самых разнообразных ответов, которые впоследствии были изучены вышеуказанными церковными мужами с великим вниманием и осторожностью; и мужами этими было замечено, что многие из твоих утверждений и признаний с точки зрения канонической веры содержат постулаты пагубные и опасные. Однако, принимая во внимание, что ты всего лишь бедная, необразованная женщина, которой неизвестны писания, мы решили вновь предложить помощь ученых и мудрых мужей, осмотрительных и честных, которые, руководствуясь чувством долга, одарят тебя пониманием многих вопросов, тебе пока неведомых.

В то же время я, епископ Бове, обращаюсь к вам, мои ученые братья, доктора и магистры, и заклинаю вас суметь предоставить Жанне советы и разъяснения, которые принесут пользу в вопросе спасения ее души, поскольку именно это является добродетелью, присоединяющей нас с вами к доктрине истинной веры.

Если же ты, Жанна, знаешь кого-то более достойного, нежели доктора, присутствующие здесь, мы предлагаем послать за ним, чтобы он мог наставлять и консультировать тебя в том, что должно делать, чего ты должна придерживаться или во что верить. Жанна, постарайся понять, что все мы — представители духовенства и потому обязаны своим призванием, волей и стремлением, всеми способами искать спасения душ и тел страждущих, как мы поступали бы, окажись на их месте самые дорогие для нас люди или же мы сами. Для нас будет счастьем приводить к тебе таких консультантов каждый день, чтобы они разъясняли непонятные для тебя вопросы... Мы также сделаем все возможное, чтобы предоставить тебе тепло и поддержку, которые обеспечиваются Церковью в подобных обстоятельствах, ибо Церковь никогда не закроет врата ясель перед кающимся ягненком.

В конце своих слов я прошу тебя очень серьезно отнестись к этому увещеванию и ради спасения твоей души прошу следовать ему, ибо в случае, если ты будешь упорствовать в противоречии и доверять лишь советам неискушенного в вопросах веры разума, мы будем вынуждены покинуть тебя и ты воочию убедишься, какую огромную опасность навлекла на себя. Именно от этой опасности мы хотим оградить тебя всей силой нашей к тебе любви.

— Благодарю вас за все... что вы сказали о моем спасении. Понимая... насколько мне плохо от моей болезни... я чувствую, что могу умереть. Если Господь смилуется надо мной и заберет к Себе... я прошу вас лишь о том... чтобы мне было дозволено исповедаться перед смертью и получить Причастие... Также я прошу, чтоб мое тело было похоронено... в освященной земле.

— Чтобы иметь право принимать участие в Таинствах Церкви, — спокойно ответил Кошон, — ты должна поступить, как добрый католик, и вверить себя в руки Святой Матери Церкви. Если же ты останешься верной своему намерению не подчиняться Церкви, ты не сможешь получить Таинств, о которых просишь, кроме Таинства Епитимьи, которое всегда открыто для тебя. Что ты скажешь об этом?

— Пока мне... нечего добавить... к моим словам.

— Чем больше ты боишься за свою жизнь из-за этой болезни, тем больше внимания ты должна уделять вопросу исправления своей сущности; у тебя не будет прав доброго католика, если ты не признаешь, что подчиняешься Церкви.

— Если тело мое умрет в тюрьме, я верю, что вы похороните его в освященной земле... а если вы не поступите так... то пусть будет, как решит Господь.

— Во время допросов ты сказала, что если совершила что-то против христианской веры, основанной Господом Нашим, то подобного заблуждения ты придерживаться не будешь.

— Я полагаюсь... на тот ответ, который дала... и на Господа Нашего.

— Ты говоришь, что получала много откровений от Бога через Святого Михаила, Святую Екатерину и Святую Маргариту. А если какой-то добрый человек придет и скажет, что получил откровение от Господа, которое касается твоей миссии... ты поверишь ему?

— Нет такого... христианина в мире, который... пришел бы ко мне и сказал, что ему было дано... откровение, о котором я не знала бы... К тому же, я сразу поняла бы, правду говорит этот человек или нет... Я узнала бы об этом от Святой Екатерины и Святой Маргариты.

— Ты полагаешь, что Бог не может открыть другому человеку то, что сокрыто от тебя?

— Мне хорошо известно, что Он может... Что же до меня... то я не буду верить такому человеку, мужчина то будет или женщина... если я сама не получу соответствующего знака.

— Веришь ли ты в то, что Святое Писание было дано людям Господом?

— Вы прекрасно знаете, что это так... Я... прекрасно знаю... что это так...

— Мы призываем тебя, мы заклинаем тебя, мы умоляем тебя

прислушаться к совету присутствующих здесь церковнослужителей и выдающихся магистров... умоляем тебя довериться совету, который они готовы дать, всей силой стремясь к спасению твоей души. И еще раз мы желаем спросить тебя, готова ли ты вверить в руки Церкви Воинствующей свои слова и поступки?

— Что бы ни произошло со мной... я не скажу ничего другого... кроме того, что я уже сказала во время процесса.

Гомон докторов и магистров заполнил келью Жанны. Они разом приступили к ее лежанке и убеждали, доказывали, приводили цитаты из Святого Писания и вновь убеждали подчиниться Воинствующей Церкви.

— Жанна! — выбился из гомона голос Николя Миди. — Послушай, что сказано в Евангелии от Матфея.

«Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним;

если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего;

если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово;

если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь.

Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе».[504]

Потому говорю тебе, Жанна, если ты не подчинишься Церкви и не будешь верна ей, Церковь будет вынуждена покинуть тебя, как сарацинку или неверную.

— Я добрая христианка, — тихо ответила Жанна. — Я получила крещение, и я умру как добрая христианка.

— Ты просишь о том, чтоб Церковь допустила тебя до таинства Евхаристии... Почему же ты не хочешь вверить себя Церкви? Поступи так — и Таинство в ту же секунду откроется для тебя.

— Об этом... подчинении... я не скажу ни слова более, чем сказала уже. Я люблю Господа, я служу Ему... Я хорошая христианка! Я хочу помогать и поддерживать Церковь изо всех своих сил...

Жанна попыталась встать с лежанки, однако ноги не удержали ее... Пьер Кошон вздохнул и спросил, глядя на нее:

— Хочешь ли ты, чтоб мы организовали хорошую и видную процессию во здравие твое и избавление от этих... телесных мучений?

— Мне очень хотелось бы, чтоб Церковь и католики молились за меня.

2 мая 1431. Руан. Зал возле центрального холла замка

Присутствовали судьи и шестьдесят три помощника-консультанта.

— После расспросов, проведенных самым основательным образом, — говорил Пьер Кошон, — данной женщине предъявили семьдесят

[504] Мф.: 18:15 — 18:18.

обвинительных статей, которые были подготовлены прокурором, после чего мы подготовили краткий список самых значительных ее утверждений и признаний и облекли этот список в форму двенадцати обвинительных статей...

...*«Если же кто говорит о том, чего не знает, и обвиняет от лица тех, к кому не принадлежит, тот беден и несчастен в своем безумстве и достоин всяческой жалости».*

— Встречаясь с несправедливостью, как мне поступать?

— Утешить оскорбленного.

— А обидчик?

— Обидчик тебе не нужен.

— А оскорбленный... нужен?

— Утешение укажет ему Путь.

— Но... если оскорбленный... ты сам?

— Найди утешение для себя.

— А обидчик?

— А обидчику пусть указывает путь обида.

...— Мы, чьей обителью является Церковь и просторы освященных Господом свершений, прилагаем все возможные усилия для того, чтобы со всей осторожностью и заботой показать этой женщине, как своими словами и делами она выдворила себя за пределы Веры, Истины, Религии, и милосердно просить ее задуматься о своем спасении.

— Как научиться мне прощать?

— Не уставай пытаться.

— Но я хочу простить своих судей сейчас...

— Мы тоже хотим, чтоб ты их простила.

...—...и для этой цели мы выбрали старейшину среди магистров теологии, мужа весьма ученого и искушенного именно в этих вопросах, метра Жана де Шатийона[505], архидьякона Эвре[506], который, если будет на то его воля, примет на время нелегкое бремя пояснения этой женщине...

...*— Что есть прощение?*

— Умение не желать, чтоб человек стал другим.

— Но это они хотят, чтоб я была другой!!!

— А разве ты не хочешь, чтобы другими были они?

— Но... ведь это они не правы... Они не понимают меня... А я... ведь я служу Твоему Делу!

— Стараясь понять, в чем их вина, ты никогда не простишь их.

— О Господи... Как суметь, как смочь? Где же мое прощение?.. Где оно во мне?.. Тебе, наверное, так тяжело смотреть на меня...

— Ты стремишься — значит, ты живешь... Любая жизнь прекрасна. Не бывает тяжело, когда смотришь на прекрасное.

---

[505] Maitre Jean de Chatillon.

[506] Evreux.

— Мои... судьи... они тоже... прекрасны?
— Певчие птицы, попавши в силки, кричат от печали...
— Это... они? Это Ты... про них?
— Про их души.
— Их... души... певчие?..
—Все души певчие. Но силки стискивают горло многим.
— Ты... так... ко мне... близко...
— Нет, это ты уже близко ко Мне.

...—...Мы, епископ Бове, от своего имени и от имени судей предупреждаем тебя и настоятельно советуем прислушаться к тому, что будет тебе сказано архидьяконом Эвре, ибо все это говорится для спасения твоей души и тела. И тебе следует согласиться со всем сказанным, если ты не хочешь ввергнуть в огромную опасность как свое бренное тело, так и бессмертную душу[507].

— Жанна, — выступил вперед архидьякон Жан де Шатийон, — ты должна понимать, что все люди, верные Христу, обязаны быть верными и христианской вере, которая основывается на определенных догматах...

...— О чем он говорит?..
— О том, во что верит.
— Почему он не верит, что я — от Тебя?
— Потому что он не знает, кто Я.
— Его вера — его силки?.. Она не дает ему петь?
— Да.
— А... как можно... разорвать эти силки?
— Нужно захотеть того, чего нет в силках. И тогда новая вера станет крыльями.
— Я тоже опутана силками... Моя вера говорит, что судьи плохие. Я не могу поверить, что они хорошие!!! Я не могу этого увидеть сейчас...
— Верь, что «сейчас» — это не «навсегда».
— Как... ну как же, как мне разорвать свои путы?!
— Как ручей прокладывает русло в камне.
— Но у меня нет столько времени!!!
— Тогда стань горным потоком и смой камень прочь.
— О Господи!!! Где же мне взять силы?..
— Во Мне.
— Но как?..
— Умея вмещать.

...—...и поэтому я со всей терпимостью и любовью прошу тебя прислушаться к моим словам и предать исправлению как самую суть твоей личности, так и дела, тобою совершенные. Это увещевание исходит не только

---

[507] Не раз в дальнейшем священники будут указывать на опасность поглощения души Жанны вечным проклятием и на возможность разрушения ее тела. Церковный канон говорит о телесном воскресении праведников в Царстве Небесном (для чего тело должно быть похоронено в освященной земле), поэтому, говоря о погибели тела, они подразумевали, что оно не сможет воскреснуть во время Второго Пришествия Иисуса Христа.

от меня, но и от всех достопочтенных докторов и магистров, опыт и знания которых прекрасны в своем совершенстве.

Затих голос архидьякона. Некоторое время металось по углам зала эхо.

Все эти люди смотрят на нее одну, смотрят на Жанну и ждут ее... раскаяния.

«Твои видения — ложь», — говорят глаза Жана де Шатийона.

«Твои видения — ложь», — вторят ему глаза судей.

«Твои видения — ложь», — сурово отпечатывают взгляды помощников-консультантов.

И нет рядом с ней Голоса, и она стоит одна-одинешенька в этом огромном, холодном после зимы зале.

Почему-то ей вспомнились рассказы о Святом Франциске, который никогда не был одинок и, даже находясь среди зверей, оставался пастырем.

А она была одинока среди людей...

«Святой Михаил, скажи мне, откуда приходит одиночество?..

Сестры мои, скажите, кто не бывает одинок?..

Ангелы Воинства Небесного, скажите, чем одиночество победить?»

Молчание.

Тишина.

Суровые взгляды судей.

Сколько времени прошло? На сколько растянулось молчание? Секунда? Две?

Одиночество приходит из духовной пустоты.

Одиноким не бывает тот, в ком этой пустоты нет.

А пустота не возникает в том, кто не устает отдавать.

И бедняку есть, что отдать, когда он встречается с нищим.

И нищему есть, что отдать, когда он встречается с калекой.

И калеке есть, что отдать, когда он встречается с прокаженным.

И прокаженному есть, что отдать, когда у него на руках умирающий.

Что же проходит через все беды людские тем лучом света, который дает силы светить обездоленным?

Радость милосердия.

Без радости нет дарения...

Вот почему на устах Франциска была улыбка. Он обручился с Нищетой, но имел Дар даже для сарацинского Султана.

А она... Жанна... неужели ей совсем нечего подарить этим священникам? Они ведь такие же французы, как и она, или как другие, кто шел с ней в строю... Пройдут годы, освободится Франция, и ее судьи будут стыдиться этого процесса, будут стыдиться выбора, который совершили, будут молить Господа о прощении... Неужели Господь не простит их? Не должна ли она поступать, как Господь ее? «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».[508]

На сколько растянулось молчание? Еще на секунду? Или на две?

Заблудшие души... они заблудшие, *но не пропащие*!

---

[508] Мф.: 5.48.

— Читайте свою книгу, — сказала Жанна хрипло, имея в виду письменное увещевание, подготовленное архидьяконом. — Читайте свою книгу, и потом я отвечу. Все, чем я являюсь, я вверяю в руки Господа, моего Создателя, ибо люблю Его всем своим сердцем.

Молчание. Новое молчание. Словно судьи не верили своим ушам.

Простите мой дар... Простите за то, что нет во мне дара другого. Этот дар не для вас, он — для будущих героев. Простите, что ничем больше я не запаслась.

— Хочешь ли ты добавить что-нибудь к своим словам? Мы, твои судии, ждали другого ответа.

— Я вверяю себя в руки лишь одному Судье. Он — Король Царства Небесного и земного.

...— И вот, мы вынуждены обратиться к зачтению публичного увещевания о шести статьях, которое адресуем Жанне на французском языке по вопросу ее подчиненности Церкви, ее платья, ее видений и откровений...

...Примите в дар, что есть у меня.

Примите мой спокойный голос.

Примите мой неосуждающий взгляд.

Примите страх, который вы помогли мне перековать в надежду.

Как хочется мне дать вам тепла.

Как хочется мне дать вам любви.

Как хочется мне молить Господа за вас.

Но не получится у меня молитва: ведь мое сердце не болит за вас любовью.

Молитва — огненный меч, который прожигает в настоящем врата Грядущему... Но чем зажечь молитву, если не любовью?

Заблудшие души... Вы заблудшие души... Как хочу я вместить умение прощать!

...—... и что ты можешь нам сказать о Воинствующей Церкви?

— Я действительно верю в земную Церковь, но для своих слов и поступков, как я уже говорила раньше, я полагаюсь и вверяю себя только в руки Самого Господа. Да, я верю, что земная Церковь не может ошибаться или впадать в заблуждения, однако что касается моих слов и поступков, я готова вверить их только в руки Господа, моего Создателя, который призвал меня, дал сил и вдохновения, чтобы совершить все то, что было мною свершено.

— Неужели данным ты хочешь сказать, что над тобой нет судьи на земле? Разве не будет таким судьей Папа, наш пресвятой отче?

— Вам я больше ничего не скажу. У меня хороший Учитель, который есть Господь. Ему я буду послушна во всем, и никому более.

— Если ты не будешь верить Церкви, если ты не будешь придерживаться Статьи Символа Веры, в которой говорится о Единой Святой Католической Церкви, ты будешь объявлена еретичкой и приговорена судьями к мукам огненным.

— Вам я ничего больше не скажу, и даже если бы я стояла теперь перед кострищем, то лишь повторила бы все, что сказала уже, не добавляя ни слова.

— Ели бы Церковный Собор, куда, между прочим, входят Его Пресвятейшество Папа, кардиналы, епископы и другие священнослужители, присутствовал здесь, вверила ли бы ты себя в руки этого Собора?

— Вам не удастся вытянуть из меня ничего более по этому вопросу.

— Вверишь ли ты себя в руки Его Пресвятейшества Папы?

— Отведите меня к нему — и я ему отвечу.

...— Что же до моего одеяния, то я на самом деле готова облачиться в длинное платье и женский головной убор, чтобы пойти в церковь и приобщиться к Таинству Евхаристии, как я и говорила раньше, но только при условии, что сразу после этого я смогу снять это платье и облачиться в то, которое надето на мне теперь.

— А не кажется ли тебе, что ты не хочешь расставаться с мужским платьем без веской на то причины, особенно теперь, когда пребываешь в заключении?[509]

— Когда я исполню все, ради чего я была послана Господом, я вновь облачусь в женское платье.

— Думаешь, ты поступаешь хорошо, когда носишь мужское платье?

— Пусть это решит Господь.

— Готова ли ты отказаться от того, чтобы носить мужское платье, и от веры, что ты поступаешь правильно, облачаясь так? Примешь ли снова женское платье?

— Я не поступлю вопреки своей вере.[510]

...— Что же до моих откровений, то я вверяю себя в руки Судьи своего, который Господь. Истинно, от Него пришли все мои откровения.

...— Согласишься ли ты подчиниться и вверить себя в руки священнослужителей Пуатье, которые рассматривали твое дело?

— Думаете, таким образом вы сможете завлечь меня на дорогу, которая приведет к вам?

— Жанна! — не выдержал архидьякон. — Если Церковь покинет тебя, ты окажешься в огромной опасности как телесно, так и духовно, ибо ненасытная пасть вечного огня будет готова поглотить твою душу, а языки пламени преходящего, послушного приговору судей, — твое тело.[511]

— Вы не сможете так поступить со мной, оставшись не поглощенными злом сами — телесно и духовно.[512]

---

[509] "And when it was suggested to her that she had taken this dress without necessity, especially while in prison, she said..."

[510] "I will do nothing different".

[511] Сожжение еретика имело в основе все тот же церковный догмат о телесном воскресении — по мнению священников, сожженный еретик не сможет воскреснуть ко Второму Пришествию, так как тело его обращено пламенем в прах.

[512] "You will not do what you say against me without evil overtaking you, body and soul!"

— Назови же нам хотя бы одну вескую причину, почему тебе стоит отказаться от подчинения Церкви?

Жанна смотрела на судей, на их лица, в их глаза, и что-то словно просыпалось в самых потаенных уголках ее души, что-то, что могло проснуться лишь в определенный час, — не на бранном поле и не в часовне церкви, но только у позорного столба. Всю жизнь она превозносила земную Церковь и, завидев священника, скорым шагом направлялась к нему, чтобы преклонить колени и просить благословения... Всю жизнь она считала, что священники из всех смертных ближе всего стоят к Ангелам... Всю жизнь она искала в первую очередь их понимания. И вот теперь она, Посланница, стояла перед ними, и они, священники, порицали ее и называли злым духом Пославшего ее. И в этот момент настоящая жалость, истинное сострадание к этим людям проснулись в ней. Она подумала о том, что не возжелай они стать священниками, то могли бы быть хорошими людьми... Пусть они не умели бы читать на латыни, пусть они не знали бы Священных Писаний... но разве строфы, которые они с такой легкостью цитируют, хоть как-то помогли им избежать самой гибельной из всех ошибок? Отринувший Посланника отрицает и Пославшего его. Судьи... священники... вы обратили внимание лишь на мужскую одежду, на резкость высказываний, на убежденность в своей правоте, которая не желает видеть преград... и не увидели ничего другого.

Вы не сумели понять...

А не умея понять, отреклись... и *верность* нарекли одержанием.

...Слезы стояли в глазах Жанны, а ее судьи все более ожесточенно наседали с «увещеваниями», как один полагая, что эти слезы — от страха.

9 мая 1431. Руан. Центральная башня замка

Присутствовали судьи, семь помощников и палач.

— Жанна, прежде всего мы хотели бы потребовать от тебя отвечать правдиво обо всех тех вещах, о которых ты до сих пор либо отказывалась говорить, либо говорила неправду (это было установлено с большой точностью, и мы имеем неопровержимые доказательства). Если ты и теперь не ответишь на вопросы правдиво, то будешь немедленно подвергнута многим пыткам, инструменты которых находятся перед тобой. Как видишь, здесь присутствует и палач, который по нашему приказу произвел все необходимые приготовления и готов с помощью подвластных ему средств вернуть тебя на путь понимания истины. Таким образом, мы приложим все усилия, чтобы спасти как твое тело, так и душу, которые находятся в величайшей опасности от твоих лживых выдумок.

Жанна ответила без промедления, хотя ее голос был немного хриплым:

— Поверьте, даже если вы разорвете меня на части и отделите душу от тела, я не добавлю ни слова; а если я все же скажу еще что-то, то потом уточню, что вы силой заставили меня сказать это. В прошлый четверг Святой Гавриил приходил утешать меня... Я узнала от своих Голосов, что это был Он.

Я спрашивала у Голосов совета о том, должна ли я подчиниться Церкви ввиду того, что духовенство убежденно толкует о такой необходимости... Я получила ответ: «Если хочешь, чтобы Господь приходил тебе на помощь, полагайся на Него во всем, что ты делаешь». Я знаю, что Господь наш всегда был властелином всех моих поступков и что у дьявола не было никакой власти над ними. Я спрашивала у своих Голосов, суждено ли мне сгореть на костре, и Они ответили мне: «Полагайся на Господа, и Он сумеет помочь тебе».

Судьи пошептались немного, после чего Кошон задал следующий вопрос:

— А по теме короны, которая, по твоим словам, была передана архиепископу Реймскому... ты доверилась бы суждению архиепископа Реймского?

— Пусть он придет сюда, я послушаю, что он скажет, после чего отвечу вам. Однако, так или иначе, вряд ли он решится сказать что-то вопреки тому, что я говорила раньше.

...*«Видя черствость ее сердца и манеру ее ответов, мы, Судии, опасаясь, что наказание пытками даже принесет ей некоторую пользу, решили, что целесообразным решением будет отложить пытки, по крайней мере, на текущий момент — до тех пор, пока не появится более обоснованное мнение».*

12 мая 1431. Руан. Апартаменты епископа Кошона

Присутствовали судьи и четырнадцать помощников-консультантов.

— Против.
— Против.
— Против.
— Лично я — за, — голос Альберта Мореля.
— Против.
— Против.
— Против.
— Я поддерживаю Мореля, — голос Тома де Курсейя.
— Против.
— Против.
— Да что такое с вами? — изумленный голос Николя Луазелера. — Ведь пытки будут спасительным бальзамом для ее души!!! Я — за пытки!
— Против...
— Против...
— Против...

...*«Мы, Судии, окончив слушание мнений наших помощников и принимая во внимание ответы, которые были даны Жанной на заседании в прошлую пятницу, а также склонности ее разума, весьма энергичные проявления ее воли и другие обстоятельства процесса, пришли к выводу, что применение пыток никак не может быть признано целесообразным».*

...— Епископ!.. Пьер! Брат мой...
— Николя... ты так взволнован...

— Прибыл гонец из Парижа! Все прекрасно! Университет признает легитимность двенадцати статей, в этом нет уже ни малейшего сомнения. Со дня на день будут высланы письма тебе и королю Генри! Мы победили, Пьер! Мы победили!.. Костер теперь — лишь дело времени!

— Да... сложная партия приближается к финалу. Теперь, как никогда ранее, мы не имеем права на ошибку.

23 мая 1431. Руан. Зал недалеко от тюремной камеры Жанны. Последнее заседание процесса

Присутствовали судьи и восемь помощников-консультантов.

Последнее заседание процесса.

— Жанна, мы попросили, чтоб ты предстала пред нами для ознакомления с теми твоими утверждениями, которые были признаны как еретические и отпавшие от истинной веры факультетами Теологии и Законодательства Парижского Университета.[513] Мы хотим, чтоб ты знала, что оба факультета признали в твоих утверждениях одни и те же заблуждения и преступления против веры. И, в конце концов, мы хотели бы просить тебя прекратить исповедовать данные заблуждения и устремляться «широкими путями», мы просили бы тебя исправить само естество твое, доверившись наконец-то порицанию Святой Матери Церкви. Нелегкую миссию нести тебе свет истины мы возлагаем на метра Пьера Мориса, каноника руанской церкви, всеми нами почитаемого доктора теологии.

— Что ж, Жанна, приступлю к зачтению комментариев Парижского Университета, которые были даны к известным тебе двенадцати обвинительным статьям.

...— Разве мои судьи — плохие люди?

— Плохих людей нет.

— Совсем-совсем?..

— Все, что ты видишь, видишь ты.

— Я... не понимаю Тебя, Господи...

— Лишь ты в силах решить, хорош ли мир, который ты видишь.

— Но... я решаю для себя... А как на самом деле?

— Вся жизнь светла Устремлением к Царству Небесному. Все цветы, травы, деревья ищут лучей Солнца. Разве ты можешь сказать, который из них лучше: маргаритка или ясень?

— Судьи не кажутся мне... плохими. Мне кажется, что, если бы жизнь сложилась по-другому, они никогда не отреклись бы от Тебя.

— Так прямо — нет.

— Может, было бы лучше не допускать их до встречи?

— Каждый получает то, о чем молится.

— Разве они... молились об этом?

---

[513] “Faculties of Theology and Decrees of the University of Paris”.

— Да.

— Но они же ненавидят меня!..

— Лишь теперь, когда память их духа померкла.

— А раньше?

— А раньше они молились о встрече с тобой.

— ...

— Они клялись, что поверят Моему Знаку, и молили приблизить их, когда Я ниспошлю этот Знак.

— Но... они просто... они ведь представляли Твой Знак совсем иным. Ты же... знал...

— Но не знали они.

— Что же будет с ними... теперь?

— Теперь они будут меньше времени проводить в молитве и больше — в труде. Молитва без труда — что крылья без полета.

— Но... они ведь...они ничего не понимают! Они же просто не понимают, что натворили. Они не понимают, что я — Посланница...

— Многим дано понять это еще при жизни. Другие поймут это позже: телесное помрачение скоротечно.

— В чем же... смысл...

— В том, чтоб никогда более они не сказали: «Будь мы на месте иудеев, то не распяли бы Христа».

...— Жанна, теперь, когда ты услышала решение докторов Парижского Университета и их комментарии, я, Пьер Морис, молю тебя внимательно прислушаться к оценке, которая дана твоим словам и поступкам. Жанна, мой дорогой друг, теперь, когда процесс подошел к концу, наступило время принять с открытым сердцем все, что будет тебе сказано. Уже в четвертый раз епископ Бове, а также Викар от инквизиции и доктора, которые были призваны к процессу святой католической церковью, пытались вразумить тебя, проявляя огромное устремление во имя Славы Господней, процветания истинной католической веры, укрепления закона, данного Иисусом Христом, а также во имя успокоения их собственного сознания и недопущения такого огромного скандала — вот насколько они пламенеют заботой о спасении твоей души и тела. Четыре раза тебе показывали масштабы угрозы, которой ты подвергнешь свою душу и тело, если не согласишься в конце концов исправить свою сущность и свои высказывания, подчинившись Церкви сама и доверившись Церкви в вопросе суждения о твоих поступках.

...Посмотри на судей твоих! Они убеждают тебя, они умоляют тебя, они увещевают тебя состраданием самого Господа нашего Иисуса Христа, который претерпел страшные муки и принял смерть во имя искупления греха человеческого... убеждают тебя преисполниться смирения и вверить свои слова и поступки суждению Святой Матери Церкви, как должны поступать все ее верные дети. Не позволь ереси отделить тебя от благодати Самого Иисуса Христа, который создал тебя как соучастницу Его славы! Не приближайся к погибели вечного проклятия, разделенного с врагами

Божиими, которые ежесекундно направляют силы своего разума на то, чтоб совратить человечество с пути истинного, являясь человекам в подобии Господа нашего и Ангелов Его, — неоднократные упоминания о подобном можно встретить в жизнеописаниях Апостолов и Святых.

Поэтому, если такие создания явились тебе, не верь им, отринь эту пагубную веру! Поверь лучше в слова докторов Парижского Университета, которые, зная Закон Божий, начертанный в Святом Писании, пришли к решению, что никакая толика католической веры не должна быть вложена в признание сил, описанных тобою. Пойми, что нельзя доверяться проявлениям сверхъестественных сил, которые не поддерживаются Святым Духом и не сопровождаются знамениями и чудесами.

...Ты же была весьма легковерна, ты, которая не сочла нужным обратиться к Господу с мольбою о вразумлении и наставлении тебя на путь понимания истинного положения вещей... ты, которая не искала просветления как среди простых священнослужителей, так и среди церковных прелатов. Разве не понимаешь ты, что была обязана обратиться к Церкви, это был твой долг, твоя прямая обязанность, принимая во внимание сословие, из которого ты вышла, и убогость твоего знания?

...Давай обратимся к примеру: допустим, твой король доверил тебе на сбережение бесценное сокровище, строжайше запретив доверяться кому бы то ни было. Разве не должна ты отказать в доверии человеку, говорящему, что он пришел по распоряжению короля, до тех пор пока человек этот не предоставит тебе достаточно веское доказательство: письмо короля или другой подобный знак? В случае церкви происходит то же самое: когда Господь наш Иисус Христос восходил на Небеса и вручил руководство своей Церковью благословенному Апостолу Петру и его наследникам, Он запретил нам принимать на веру что бы то ни было от людей, которые могут прийти якобы от Его имени, подтверждая свою миссию лишь собственными словами. Ты не должна была доверяться тем созданиям, которые приходили к тебе; равно как не должны доверяться им и мы. Ведь мы никак не можем поверить тебе, в то время как Господь наш повелевает поступать наоборот.

...Или представь, что, пребывая во владениях своего короля, ты повстречаешь солдата, который родился и вырос в королевских землях и потому находится в королевской власти. Представь, что однажды солдат этот восстает и говорит: «Я не буду подчиняться ни королю, ни его офицерам!»[514] Разве ты не выступила бы за осуждение такого человека? Но что же сказать о тебе, взращенной на основах христианской веры, если ты не подчиняешься офицерам воинства Христова, которые, да будет тебе это известно, и являются прелатами Церкви. Какое судейство вынесешь себе самой? Так прекрати же вести свои проклятые речи, если ты любишь Господа, твоего Создателя, твоего Небесного Супруга и твоего Спасителя, преклонись перед Церковью и вверь себя ее суждению. Знай же, что если ты не поступишь так,

[514] 'I will not obey the King, I will not submit either to him or his officers...' Непонятный для меня пример, потому что к делу была бы ближе фраза: «Я буду подчиняться лишь Королю, но ни одному из его офицеров»...

если будешь и дальше придерживаться своих пагубных заблуждений, то будешь осуждена на вечные муки... Боюсь, что в таком случае твое тело никогда не обретет Воскресения в Царстве Небесном, будучи предано проклятию.[515]

...Не поддавайся же страху, который пытается увлечь тебя назад, в мрак, из оков которого мы стремимся тебя высвободить. Не бойся того, что если поступишь, как я тебя прошу, то потеряешь почести и славу, обретенные тобой: Слава Господа нашего и спасение твоего тела и души должны быть предпочтены всему остальному. Все в этом мире тленно, потому устремись ко спасению, о котором я тебе говорю. Поступая наперекор, ты отделяешь себя от Церкви с ее истинной верой, которой ты вручила всю свою сущность во время обряда Святого Крещения; ты отделяешь себя от величия Церкви, которое зарождено, взращено и освящено непрестанным руководством самого Святого Духа Господня.

Не первому ли Отцу Церкви сказал Спаситель:

«...Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается; а отвергающийся Меня отвергается Пославшего Меня».[516]

Не признавая своего подчинения Церкви, ты отделяешь себя не только от нее: ты отказываешься преклонить колени перед самим Господом, ты впадаешь в ересь отрицания Статьи, которая говорит о «Церкви Единой, Священной и Католической».

...И теперь я призываю, молю и заклинаю тебя во имя причастности Страстям твоего Создателя, во имя устремления ко спасению души твоей и тела, умоляю и взываю к тебе: исправься же, вернись на путь истины, преклони колени перед Церковью и доверься ее судейству, прими вердикт, который она тебе вынесет. Поступая так, ты спасешь свою душу и воскресишь свое тело из объятий смерти. Однако если ты не поступишь так, если все так же будешь упорствовать на избранном тобою пути, знай, что твоя душа будет ввергнута в вечное проклятие, а тело, как это ни страшно, обратится в прах, которому неведомо воскресение.

...Да охранит тебя Иисус Христос, наш Господь, от подобной участи!

«...Будучи увещана и предупреждена таким образом, Жанна ответила...»

— Что до всех тех моих дел, о которых я говорила на процессе, то я все так же готова принять их, не отрекаясь... и буду поступать так же в будущем.

—...значит... ты не считаешь возможным преступить границу, которая отделяет тебя от Воинствующей Церкви? Ты полна решимости никогда не подчиниться никому, кроме одного лишь Господа?

— Что я говорила на процессе каждый день и чего придерживалась, тому и останусь верной. Если бы я уже была осуждена и видела сложенный костер, приготовленные вязанки хвороста и палача, готового зажечь огонь, и если б я сама уже была посреди пламени, то не сказала бы ничего другого и до конца оставалась бы верной избранному пути.

...— Жанна... тебе хотелось бы добавить что-то к своим словам?

---

[515] "...and, for your body, I fear much that it will come to perdition".
[516] Лк. 10:16.

— Нет.

— Обвинитель... может, у вас есть что сказать?

— Нет.

— В таком случае мы объявляем процесс завершенным и призываем обвинителя и обвиняемую явиться завтра в этот холл, дабы услышать истину, реченную языком закона, и приговор, который будет вынесен завтра и приведен в исполнение впоследствии, согласно действующему закону и праву.

24 мая 1431 утром (следующий день после последнего заседания). Руан. Тюремная камера Жанны

... — Жанна...

— Мсье Пьер...

— Пьер Морис, Жанна, ты верно вспомнила...

— Зачем вы пришли?

— Я... Жанна... ты могла бы спастись, если бы вверила себя в руки Матери Церкви.

— Мсье Морис, скажите... что бы я спасла?

— Свое тело и душу, я полагаю...

— А если... вот если вы меня сожжете, а когда настанет Судный День... выяснится, что весь этот процесс — ошибка, заблуждение, ложь... что будет тогда?

— Тогда... гм... полагаю, тогда твоим судьям очень не поздоровится... как, впрочем, и всем нам, их ассессорам.

— А что же будет... со мной?

— Гм... Жанна... я искренне верю, что Господь всемогущ. Если Он сотворил мир за шесть дней, то и воскресить твое тело из праха Он сумеет.

— О Господи... как мне страшно... Мсье Пьер, скажите, где я буду сегодня вечером?

— Жанна... разве ты не уповаешь на Бога?

...«Pater noster, qui es in caelis,
sanctificetur nomen tuum.
Adveniat regnum tuum.
Fiat voluntas tua, sicut in caelo
et in terra.
Panem nostrum quotidianum da nobis
hodie.
Et dimitte nobis debita nostra, sicut
et nos dimittimus debitoribus nostris.
Et ne nos inducas in tentationem,
sed libera nos a malo.
Amen».

24 мая 1431, чуть позже. Кладбище Сент-Уэн

Присутствовали судьи, отцы церкви, настоятели аббатств, помощники-консультанты.

— *«...Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне...»*[517] Все истинные католики должны быть привиты к лозе истины, которой является Святая Матерь Церковь, взращенная самим Иисусом Христом... Жанна, многими ошибками и заблуждениями ты отделила себя от Святой Матери Церкви... Внемли же твоим милостивым судьям, Жанна... ибо, по мнению духовенства, в словах и делах твоих присутствует множество вещей, которые нельзя ни произносить, ни тем более принимать как руководство к действию...

— Я так отвечу на вашу речь. Что до вопроса подчиненности Церкви, я уже давала духовенству ответ. Я также ответила по поводу всех тех вещей, которые я сказала и сделала. Так пусть их отошлют в Рим его Пресвятейшеству Папе Римскому, которому единственному после Господа я готова ввериться сама и вверить все свои слова и поступки. Все совершенное мною было совершено по Указанию Господа; и никто не может нести ответственность за это: ни мой король, ни кто-либо другой. Если в этих делах будут найдены какие-либо недостатки, винить в этом можно только меня.

— Отречешься ли ты от тех слов и поступков, которые были осуждены духовенством?

— Я вверяю себя в руки Господа и его Пресвятейшеству Папе Римскому.

— Жанна, подобного ответа недостаточно... У нас нет возможности отослать гонца к Папе Римскому с мольбой о вразумлении и помощи на таком огромном расстоянии. Пойми, Папа слишком далеко... Пойми, что наместникам Папы вручено право судейства — каждому в его собственной епархии. Твой единственный шанс на спасение — это вверить себя Святой Матери Церкви и прислушаться к тому, что было сказано тебе знающими людьми по поводу твоих слов и поступков...

Приговор

— Во Имя Господа нашего, Аминь.

Все пастыри Церкви, у которых пребывает в сердце вечная миссия попечения о своей пастве, призваны наблюдать за душевным здравием прихожан. И когда появляется вероломный сеятель заблуждений ереси и начинает интригами, хитростью и коварством совращать Стадо Христово, пастырь обязан со всей своей силой оградить наследие Христово от гибельных нападок, с величайшей бдительностью не допуская возникновения беспокойства и паники во владениях церковных. И чем далее, тем более бдительными приходится быть пастырям Церкви, — особенно теперь, в дни гибельного распространения ересей, когда так много лжепророков приходит в мир, чтобы создавать секты губительного проклятия, как и было предсказано Апостолом. Их разнообразные доктрины, полные чужеродных положений, могут привести к тому, что некоторые из верных христиан отобьются от паствы, если служители Святой Матери Церкви, руководствуясь наставлениями Единой Доктрины, не приложат все усилия, чтобы опровергнуть сии еретические измышления...

[517] Ин.: 15.4.

...— О Дом Франции, до сих пор ты не знал чудовищ, но теперь ты обесчещен, поскольку доверился этой женщине, колдунье, еретичке, идолопоклоннице!..[518]

...— Отрекись же от слов своих и дел и вернись в лоно Святой Матери Церкви!.. Подпиши цедулу об отречении — и ты спасешь свое тело и душу свою от вечного проклятия и мучений!

— Отрекись...

— Отрекись...

— Отрекись...

...— Жанна, — епископ Бове подошел вплотную к ней, когда уговоры его помощников оказались тщетными, — умоляю тебя, подпиши цедулу... Ты думаешь, я рад, что все обернулось таким образом? Думаешь, я не понимаю, что моих знаний, равно как и знаний господина Леметра, мало, чтобы принять правильное решение в таком нелегком процессе, как этот? Открою тебе секрет, Жанна... Мы послали гонца к Папе. Да-да, это так, и мы нуждаемся лишь во времени, чтобы не совершить, возможно, страшнейшую из ошибок. И вот я, твой судья, стою перед тобой и умоляю дать нам это время. Подпиши цедулу; в ней говорится о том, что в будущем ты не будешь носить оружия и одеваться в мужскую одежду, не будешь стричься коротко и все тому подобное. Ты отрекаешься только от того, в чем уподобилась мужчине!.. В цедуле всего семь строк, и нет ни единого слова про Святых, которые приходили к тебе, или про откровения, которые ты от них получала... Подписываясь, ты ничего не теряешь, но, наоборот, обретаешь сама и даешь возможность нам, твоим судьям, выбраться из весьма непростого положения.

— Папа... он... к нему... и правда поехал гонец?..

— Конечно... и Папа, скорее всего, безотлагательно отдаст распоряжение о переносе твоего дела в Рим.

— Это все... правда?..

— Ну, конечно же, это правда. Как это может быть не правда? Ведь для нас это тоже единственный выход... Кроме того, подписавшись, ты будешь переведена в церковную тюрьму, и эти англичане больше не будут над тобой издеваться. Жанна, я прекрасно понимаю, через что тебе довелось пройти, ведь мы с тобой оба французы...

— Как же вы... можете служить... им...

— Мы оба служим Богу, а Бог принимает в свои объятья, невзирая на народность... Я служу Богу на том месте, куда Он меня привел.

...Неужели действительно... Неужели сам Папа... Неужели...

Одна линия, скребущая бумагу...

Тихо... как тихо внутри... никого нет... она совсем одна... Почему же не ликуют Сестры?.. Ведь она спасена...

Другая линия, наискось через первую...

Крест под цедулой.

---

[518] Начиная с этого момента, я не придерживался дословной передачи текстов протокола.

— Отрекаешься ли ты от пагубных преступлений против веры, которые указаны в данной цедуле?

Спасена...

Спасена...

— Отрекаюсь.

...Крики в толпе... Негодование англичан...

Усталость, тяжело стучащая в висках Жанны.

Спасена от позора... Папа не сможет ошибиться...

Спасена.

...— Кошон!!!

— Тише, граф Варвик, умоляю вас!

— Как вы могли решиться на такое?!! Вы понимаете, чем это все обернется для вас? Король будет крайне недоволен тем, что Жанна ускользнула из его рук, знайте!

— Господин, не бойтесь, Жанна уже *никуда* не сможет ускользнуть.

...— У тебя был хороший день, Жанна, — бодро сказал Николя Луазелер, — и если на то будет воля Божья, ты спасла свою душу.

— Ну да, — пробормотала в ответ Жанна, — среди вас, церковников... Отведите меня в вашу тюрьму, чтобы я больше не находилась в руках англичан.

Медленно подошел к ним епископ Бове, посмотрел на стражников холодно и спокойно произнес:

— Отведите ее туда, откуда взяли.

24 мая 1431. Вечер. Тюремная камера Жанны[519]

— И затем я, брат Леметр, представитель Верховного Инквизитора, пришел пояснить тебе, какое милосердие проявил к тебе Господь сегодня и насколько понимающе приняло тебя духовенство, явив милость и всепрощение Святой Матери Церкви. Взамен ты должна смиренно принять приговор, который вынесет тебе Церковь, и повиноваться указаниям твоих судей и иных священнослужителей. Ты должна всецело отречься от своих выдумок и заблуждений и никогда не возвращаться к ним: иначе Церковь не сможет более допустить тебя к прощению и будет вынуждена покинуть.

— Почему же тогда меня не перевели в церковную тюрьму, а оставили здесь?

— Потому что ты еще ничего не выполнила, чтобы доказать свою верность и раскаяние. Сними же мужское платье и облачись в подобающие тебе одежды, как указывает тебе Церковь!

25 мая 1431. Апартаменты епископа Кошона

— Текст отречения изменен?

— Да, мы расширили его до 44 строк.

---

[519] Перевод из англоязычных протоколов [5], исключая вопрос Жанны и первую часть ответа Леметра.

— Подпись?

— Пьер, это был простой крестик...

— Ах... и в самом деле... Николя, у меня сдают нервы... Начинает казаться, что этому процессу уже не будет конца.

— Будет, Пьер... будет скоро.[520]

26 мая 1431, поздний вечер. Тюремная камера Жанны

«Господи-Господи-Господи-Господи...»

Ржаво скрипят петли дверной решетки.

— Молишься, ведьма французская?.. Молись-молись своим демонам, они все равно тебе не помогут.

Ужас и отчаяние в ее взгляде.

Сколько же их, этих... демонов???

...— А если ты не поступишь так и не скажешь завтра, как тебе велено, то мы вернемся и закончим то, что начали сегодня. Остатки твоего платья ничего не прикрывают, так что не кутайся ты в эти лохмотья! Надень то, что тебе подобает! Держи!

27 мая 1431, утро праздника Троицы

— Мсье епископ... свершилось.

...— Жанна, зачем ты вновь облачилась в мужские одежды?[521]

— Я поступила так по своей свободной воле и безо всякого принуждения. Я предпочитаю мужское платье женскому.

— Ты клятвенно обещала, что никогда не облачишься в мужское платье!

— Я не имела в виду, что никогда не буду носить его.

— Но почему же ты вновь надела его?

— Потому что для меня более естественно и удобно носить мужское платье, находясь вместе с мужчинами, чем надевать женское платье. Я оделась так, потому что не были выполнены данные вами обещания: меня не отвели на мессу, не дали причаститься к Телу моего Спасителя и не сняли кандалы.

— Разве не отрекалась ты от своих заблуждений и не обещала раз и навсегда оставить одеяние мужчины?

— Я лучше умру, нежели останусь в кандалах! Но если мне разрешат ходить на мессу, снимут оковы и переведут в церковную тюрьму, где со мной будет женщина,[522] я буду хорошо себя вести и сделаю все, что велит Церковь.[523]

---

[520] «...Жан Массьё зачитывал обвиняемой цедулу. По словам очевидцев, в ней было шесть-семь строк, тогда как в отречении Жанны, внесенном в текст процесса, во французском переводе насчитывается 47 печатных строк (44 строчки латинского текста)». [8]

[521] Перевод из англоязычных протоколов. [5]

[522] Слова о женщине записаны только в черновике, в тексте официального протокола они отсутствуют.

[523] "...I will be good, and do as the Church wills".

— Жанна... скажи нам, начиная с прошлого четверга, ты слышала свои... голоса?

— Да, я слышала их.

— И что же они тебе сказали?

— Господь передал мне весточку через Святую Екатерину и Святую Маргариту о великой скорби по поводу измены, к которой я обратилась[524], чтобы спасти свою жизнь. Я прокляла себя, чтобы спастись![525] Перед прошлым четвергом мои Голоса говорили о том, что я должна сделать в тот день. То я и делала... Когда я взошла на эшафот и один из ваших священников читал проповедь, Голоса говорили мне: «Отвечай ему смело, этому проповеднику!» И вправду, он лжепроповедник, потому что укорял меня многими вещами, которых я не совершала! Если бы я сказала, что пришла не от Господа, то заслужила бы проклятия, потому что, истинно, Господь послал меня! Голоса много раз говорили после четверга: «Ты сотворила огромное зло, когда назвала свои поступки ложными». Все, что я говорила и от чего отреклась, я сказала только из страха перед костром.

— Веришь ли ты, что твои голоса принадлежат Святым Екатерине и Маргарите?

— Да, я верю в это, равно как и в то, что они приходят от Господа.

— Расскажи нам правду о той короне, которую ты упоминала во время процесса.

— Все рассказанное мной во время процесса является правдой, насколько мне позволяет судить мое знание.

— Стоя на помосте перед нами и еще многими людьми, ты признала, что отрекаешься от всех своих высокомерных заявлений о принадлежности голосов, которые являлись тебе, Святой Екатерине и Святой Маргарите.

— У меня и в мыслях не было говорить такое или подтвердить это каким-либо иным способом. Я не собиралась отрекаться от своих видений или от веры в то, что Голоса принадлежат Святой Екатерине и Святой Маргарите. Все сказанное мной было сказано из страха перед костром. Но теперь я понимаю, что лучше избрать все мучения сразу, то есть смерть, нежели переносить и дальше нескончаемые пытки тюрьмы. Я не совершила ничего против Господа или веры, невзирая на то, что меня заставили отречься. Я не понимала, что именно было написано в листе отречения; я не собиралась отрекаться ни от чего, на что указывала мне Воля Божья. Если судьям будет угодно, я вновь надену женское платье, что же до всего остального, то сделать этого я не могу.

...— Кошон...

— Все в порядке, граф Варвик, готовьте пир. Дело сделано.[526]

---

[524] “God had sent me word by St. Catherine and St. Margaret of the great pity it is, this treason to which I have consented...”

[525] “I have damned myself to save my life!”

[526] Два свидетеля показали, что после этой патетической беседы Кошон весело обратился к ожидавшим его во дворе замка англичанам, среди которых был и Варвик: «Farewell, готовьтесь пировать (заколите тучного тельца), дело сделано...» [8]

— Вы уверены?

— Граф... никто из уличенных в колдовстве во время Святых Праздников не избежал костра. Жанна повторно впала в свои фатальные заблуждения в присутствии многих людей... Неужели вам все еще не понятно, что она руководима никем иным, как самим дьяволом?!

29 мая 1431. Капелла архиепископа Руанского

Присутствовали судьи и сорок помощников-консультантов.

—...Таким образом, мы видим, что Жанна явила рецидив ереси, заявив, что к ней вновь вернулись голоса. Кроме того, колдовскими чарами она избавилась от женского платья и облачилась в мужские одежды. Поэтому я не вижу другой возможности, кроме как обратиться к вам, моим верным соратникам и солдатам Воинствующей Церкви, за помощью и советом... Что же делать с Жанной, учитывая, что она вновь впала в заблуждения, от которых отреклась ранее?[527]

...— Пьер, тебя не смущает, что лишь трое заседателей поддержало наше решение о передаче Жанны в руки светских властей?

— Нет.

— Разве ты ожидал такого?

— Нет.

— И что же теперь мы будем делать?

— То, что и собирались. Консультанты имеют лишь совещательный голос, поэтому это не препятствие, а формальность. Завтра все будет закончено.

30 мая 1431. Тюремная камера Жанны

— Жанна, я Мартин Ладвеню, это мой помощник Жан Тумуйе; милостью Божьей мы монахи ордена Святого Доминика. Мы пришли сообщить тебе, что сегодня твое тело будет предано пламени костра. Я просил бы тебя со всей серьезностью отнестись к данным словам и всем сердцем своим устремиться к искренней исповеди, которую ты, милостью Святой Матери Церкви, получишь сейчас.

Жанна едва держалась на ногах... ее губы дрожали. Она попыталась сглотнуть, но в пересохшем горле не было слюны. Горячая, обжигающая слеза побежала по ее щеке.

Неужели?.. Неужели... Неужели...

— Неужели со мной обойдутся так жестоко?!! — в отчаянии закричала Жанна.

Словно острие копья пронзило ее изнутри, и она кричала, и кричала, и никак не могла остановиться, и ее слова были исполнены такого немыслимого отчаяния, что Мартин Ладвеню почувствовал, как холодная испарина покрывает его лоб, — словно костер ожидал его.

— Я обжалую перед Господом, Великим Судией, — плакала Жанна, — всю эту несправедливость и весь этот вред, причиненный мне...

[527] Перевод из протоколов. [5]

Когда же жалобы и плач стихли, в камеру зашел Пьер Кошон. Неизвестно, сколько времени провел он под дверьми камеры, но лицо его было холодно и безучастно.

— Епископ! — закричала Жанна, завидев его. — Я умираю из-за вас!

— Ах, Жанна... сноси все терпеливо. Ты погибаешь потому, что не исполнила обещанного нам и вновь обратились к колдовству.

— Если бы вы поместили меня в тюрьму церковного суда и передали в руки достойных церковных стражей, этого бы не случилось. Вот почему я взываю к Господу против вас!

— Не взывай к Господу против нас, а благодари за право исповеди, тебе милостиво предоставленное. Отец Ладвеню... за чем заминка?

...— In nomine Patres, et Filii, et Spiritus Sancti. Спасибо тебе, Жанна, за исповедь твою. Я верю, что Господь, Отец наш Небесный, отнесется к тебе милостивее людей.

— Отец Ладвеню... могла бы я вкусить перед смертью Тело моего Спасителя?

— Жанна... я, право... не знаю... Если б на то была моя воля... Но... — священник глубоко вздохнул, а потом сказал тихо. — Вот что мы сделаем: я схожу за разрешением к епископу и если он не позволит, причащу тебя тайно. Не бойся, в этом я тебе не откажу.

...Медленно затихали в коридоре шаги священника. Мерно капала вдали весенняя вода.

...— Жанна...

— Мсье... Тумуйе?..

— Да, это я. Можно присесть с тобою рядом?

— Конечно... А стражники?.. Куда они подевались?

— Ты задремала на минутку, а я тем временем попросил их оставить нас...

— И они... послушались?

— Я просил настойчиво, — молодой монах присел рядом с Жанной и посмотрел в окно тюремной камеры.

— Иногда хочется быть птицей, — сказал он тихо.

Жанна проследила за его взглядом и увидела за решетками камеры ослепительно-белую голубку.

— Жанна, — вновь заговорил монах. — Ты хочешь повидаться со своим старым другом Гийомом Фронте?

— Вы... — онемела от изумления Жанна. — Как вы... узнали... о нем...

— Мсье Гийом наставлял меня в изучении христианской добродетели. И он направил меня в Руан, когда зачинался процесс по твоему делу.

— Но... зачем?..

— Ты ведь помнишь, что Знаки и чудеса сопутствовали каждому твоему шагу. Своей чистотой ты словно напитывала сам воздух вокруг, и чудеса сходили с Небес. Каждый человек подобен лампаде, или костру, если хочешь... Тлеющие угли некоторых настолько чадят, что Святые и Ангелы не могут находиться вблизи: они задыхаются и покидают таких людей. Но другие ясным

и бездымным пламенем освещают мир вокруг себя — и Ангелы устремляются к ним, словно корабли с Дарами к свету маяков. Сердца таких людей распахиваются, словно Двери, и Дары Небес нисходят в мир. Ты очень чиста, Жанна. Но, попав в тюрьму, ты оказалась окруженной кольцом тьмы, которое стремилось не допустить к тебе Сестер твоих и Великого твоего Учителя, Указ Которого приходит через Сестер. Конечно, по силе Тьма не сравнится со Светом, однако чтобы не взламывать темное кольцо, было решено, что Сестры и Учитель будут приходить через иные Двери, одной из которых являюсь я. Мы словно очищали вокруг себя уголки замка, и так как Тьма не могла окружить нас всех, Голоса находили способ прийти к тебе через тот или иной светлый участок... Не раз ты слышала Их в замке, но не в своей комнате, потому что звучали Они через меня или других братьев, которые пришли в Руан, чтобы быть проводниками. И теперь, если ты хочешь, я могу приблизить к тебе твоего друга и земного учителя, мсье Гийома Фронте.

Некоторое время Жанна недоверчиво смотрела на Жана Тумуйе, лишь все чаще и чаще билось ее сердце и слезы наворачивались на глаза — слезы великой радости и надежды.

«Пусть это будет правдой, — билось в ее груди. — Пусть это будет правдой».

— Но... я... *отреклась*, — сникла Жанна вдруг и горько зарыдала. — Разве теперь мсье Фронте захочет говорить со мной?..

Она плакала и плакала, и боль и отчаяние терзали ее душу, придя на смену радости и надежде. Она плакала и плакала...

...Ей казалось, что Жан Тумуйе ушел и что она вновь задремала...

...Жанна резко села на лежанке: Тумуйе не было рядом, но около противоположной стороны стоял...

— Мсье Фронте! — Жанна пала на колени и вновь разрыдалась. — Простите меня... простите, простите... Я испугалась... ко мне приходили... ночью и я...

— Девочка моя, — вздохнул Гийом Фронте. — Не тебе предо мною колени преклонять.

Он подошел к ней и мягко поднял с колен, как когда-то очень давно, в детстве.

— Не позорь старика, Сестрица... Давай лучше присядем...

— Я... я...

— Ты все сделала верно, и ты молодец, и дух твой несломим, и вера твоя могущественна.

— Но я...

— Не оступается тот, кто стоит на месте.

— Но Святой Михаил... — Жанна уткнула лицо в ладони. — Как я смогу посмотреть Ему в глаза, я, которая отреклась... Ведь это Он приказал мне носить мужское облачение, а я... а я...

Гийом Фронте обнял ее и притянул к себе; Жанна уткнулась ему в плечо, словно боялась даже посмотреть на своего наставника.

— Жанна, ты освободила Францию...

Г. Лежнев

— Это Он, Он освободил!!! А я...

— А ты открыла Ему Двери. Бог посылает победу только тем, кто сражается.

— Я недостойна...

— Ты достойна, Жанна. Ты достойна... Недостойному не удалось бы совершить то, что совершила ты.

— Я...

— Наша Франция теперь свободна...

— Я уже не знаю, так ли это... Англичане все еще в Париже... Я не знаю, во что верить...

— Страна, в которую вносится Грааль, обретает благоденствие... Все остальное — вопрос времени.

— Граа... я не пони...

— Грааль, Жанна, тебе знакомо это слово, я знаю. Тебе знакомы эти легенды... Разве не ты всегда мечтала, чтобы Грааль оказался реальностью, чтоб можно было внести во Францию Утерянную Чашу и избавить людей от страданий? Помнишь, ты мечтала об этом с самой первой встречи с молодым монахом-францисканцем, который направлялся на войну, чтобы стать капелланом французского войска... Ты хотела спасти Францию... но Чаши все не было, и когда пришел срок, ты забыла мечты и сама устремилась во спасение Родины, своими ногами пройдя весь путь и своими руками пронеся Знамя. Ты и не подозревала, что Грааль никогда не был одним-единственным и что существуют другие Граали, кроме того, который есть Тот Самый. Ты не подозревала, что сама являешься хранителем одного из таких Сосудов, вместившим в себя Кровь Господа нашего Иисуса Христа, ибо Кровь Христова — не что иное, как Закон Премудрости Божественной, данный при сотворении Века.

Жанна, не понимая, смотрела на Гийома, а он смотрел куда-то вдаль.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»,[528] — пронеслось в голове Жанны, и она сильно вздрогнула от неожиданности. Гийом ласково улыбнулся, и словно часть его спокойствия влилась в нее. Жанна прикрыла глаза и увидела будто море в безлунную ночь.

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою».

Словно сияние луны опустилось вдруг на темные воды... Свет отразился в волнах, игра отблесков сотворила формы, зыбкие образы.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

Оно было в начале у Бога.

Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть».[529]

Свет собрался в одну точку и вошел в волны, стал едва заметным... словно искорка в ночи... или словно зерно, упавшее на пашню. И действительно, Жанна поняла вдруг, что это было Зерно, Семя Света, которое пустило вдруг росток, одновременно выпустив в волны Моря тоненькие корешочки.

---

[528] Ин. 1:1.
[529] Ин. 1:1.

Росток вырвался из волн, затвердевших там, где Семя связало их паутинкой корешков... Росток становился все больше и больше, пока Жанна не увидела перед собою прекрасную виноградную лозу... Жизнь и Свет, ставшие лозою, напитали многие грозди, и миниатюрные созвездия загорелись во тьме. Жанна подалась вперед... присмотрелась...

«Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напояет землю и делает ее способною рождать и произращать... так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его[530]».

Вдруг Жанна словно понеслась навстречу лозе, которая оказалась намного большей, чем виделось вначале: большей, чем замок, в котором ее содержали, большей, чем Руан, большей, чем сама Франция.

Жанна подлетала к лозе все ближе и ближе, так, что могла внимательно рассмотреть грозди, виноградины на которых были величиною с огромные горы. Жанна все приближалась и приближалась к одной виноградной грозди... и все более немела от изумления, потому что перед ней находилось словно перевернутое небо, которое она видела снаружи. Жанна падала... падала и падала к этому небу, неслась сквозь него, сквозь белый туман облаков, сквозь ветер, сквозь воздух... неслась к городу, который видела под собой словно глазами птицы... неслась к замку, который стоял в городе, неслась сквозь его крышу, камни, потолки... чтобы со сбившимся дыханием оказаться рядом с Гийомом Фронте в своей камере.

«Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их»[531].

— Слово Господа... — прошептала Жанна.

— Зерно, давшее начало Всему.

— Премудрость... — прошептала Жанна.

— В которой заключено знание обо Всем, как в малом Зерне заключено великое Древо.

— Христос... — прошептала Жанна.

...Она снова находилась перед огромной Лозой, и снова неслась к одной из ее Гроздей, и снова падала сквозь Небо, и ветер, и облака и тучи...

Она замерла в небе над человеком, который стоял, окруженный своими ближайшими учениками. Его голос был мягок, его взор был кроток, его слова вмещали Царство Небесное.

«И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца».[532]

— Премудрость... — прошептала Жанна.

«Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь.[533]

...Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего».[534]

---

[530] Исаия 55:10 — 55:11.
[531] Пс. 32:6.
[532] Ин. 1:14.
[533] Ин. 15:1.
[534] Ин. 15:5.

Небо, ветер, облака, тучи, замок.

Глаза Гийома Фронте.

— Какой плод приносит виноградная лоза? И что есть кровь лозы этой?

«Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем»,[535] — донеслось до Жанны словно из невообразимых далей. И из еще более далеких пространств долетел до нее другой голос... голос не Христа, но Того, Кто сошел однажды в мир, став Христом:

«Идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное;

оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума».[536]

Словно хор Ангельских голосов запел для Жанны из Сокровенной Книги, некогда данной людям:

«*Премудрость прославит себя, и среди народа своего будет восхвалена.*

В церкви Всевышнего она откроет уста свои, и пред воинством Его будет прославлять себя:

“Я вышла из уст Всевышнего и, подобно облаку, покрыла землю;

я поставила скинию на высоте, и престол мой — в столпе облачном;

я одна обошла круг небесный и ходила во глубине бездны;

в волнах моря, и по всей земле, и во всяком народе и племени имела я владение:

между всеми ими я искала успокоения и в чьем наследии водвориться мне.

...Я распростерла свои ветви, как теревинф, и ветви мои — ветви славы и благодати.

Я как виноградная лоза, произращающая благодать, и цветы мои — плод славы и богатства”[537]*»*.

Премудрость, Слово Божие, черпает силу свою во Всевышнем и творит мир, равно как зерно творит стебель, становясь им.

Многие праведники и святые жили до пришествия Христа Иисуса, взращенные на Лозе Господней[538], наполненные кровью Ее, Светом и Истиной.

«Ядущий Мою Плоть...пребывает во Мне...[539]*»*

Жанна увидела зерна, падающие из рук сеятеля... Одно упало при дороге, и птицы склевали его... второе — на места каменистые, где скоро взошло, но без пашни погибло... третье упало в терние, и терние заглушило его... а четвертое — на добрую землю, и выросло, и принесло плод: во сто крат, в шестьдесят или в тридцать.[540] В чьем сердце прорастет Премудрость, тот будет подобен четвертому зерну, которое пало на добрую землю, и дела его будут Плодом, который он принесет на ниве Господней. Но так часто похищается «посеянное в сердце»[541]...

---

[535] Ин. 6:53.
[536] Притч. 9:5.
[537] Сир. 24:1-7; 19-20.
[538] Лк. 1:5-1:6.
[539] Ин. 6:53.
[540] Мф: 13:3; 18:23.
[541] Мф: 13:19.

Глаза Гийома Фронте...

«Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва[542]*».*

Зерно падает в сердце человеческое и там обращается ростком Царства Небесного. Можно ли насладиться ароматом цветка, если цветок завянет? Можно ли войти в Царство Небесное, если зерно веры в сердце погибнет? Ведь *«...Царствие Божие не пища и питие, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе*[543]*».*

Поэтому лишь с тем, кто духом силен и не боится препятствий, кто сражается со своими смертельными врагами и оберегает росток в сердце своем, — лишь с тем пребудет Премудрость, чтобы наполнить растущий Колос обильными плодами.[544]

Кровь Христова — Закон Премудрости.

Плоть Христова — дела Свершенные, Премудрости исполненные.

Гийом смотрел на Жанну с радостью и любовью.

— Когда врата сознания открыты и Вино Премудрости готово для Причастия, что, как не сердце человеческое, будет Чашей, вместившей Учение? Когда Учение возжигает высшие человеческие стремления и дела Духа прорастают из сердца, *что* станет Нивой, которую засеет созревший колос?

Вот и есть Грааль в тебе, ибо вобрало твое сердце Учение Спасителя Христа, который спас тебя, привив к Лозе Своей. И ты пришла на поля Франции, и принесла Премудрость, взращенную на Лозе, и насытила ей колосья дел своих, и вырастила Урожай, и засеяла новыми Зернами исстрадавшиеся пашни. И Родина твоя познает мир и процветание, а все ее страдания сгорят нынче на очищающем костре.

— Нет даров... без тернового венца?.. — едва слышно произнесла Жанна.

— Нет.

— А что будет со мной... после костра?

— Ты обретешь новое бытие в Царстве Небесном.

— А мое предательство? Разве смогу я войти в Царство Небесное... отрекшись...

— Ты принесла мир своей Родине и приняла от нее многие мучения... Почему ты сделала это, Жанна?

— Потому что я... люблю ее...

— Так и Учитель твой тебя любит. Отречение останется у порога Его Царства, и когда-нибудь, когда миру вновь понадобится помощь Девы, ты радостно откликнешься на зов и спустишься с Небес, захватив с собой цедулу о семи строках... и среди многих грехов, которые принадлежат другим, ты искупишь также и этот, принадлежащий тебе.

— Так... просто?

Гийом рассмеялся, хотя на глаза его навернулись слезы.

— Так... просто.

— Я снова... рожусь?

---

[542] Иак. 2:26.
[543] Рим. 14:17.
[544] Галл. 5:22.

— Смерть тела властна лишь над телом... Прах — к праху земному, но дух живой — к Духу[545]. Тленный мир будто исчезает, нетленный — открывается, и мы, как странники, переходим из одного мира в другой. В чем же будет смысл, если назад вернуться мы не сможем? Откуда мы взялись в первом мире и куда перейдем из второго?

— Но Церковь говорит...

— Это говорит духовенство. Кто, кроме Господа, который привел нас в земной мир, имеет основания, дабы создать вокруг каждого приличествующие ему одному условия? В Писании сказано, что Иоанн Креститель был свят от утробы матери своей...[546] Чем же заслужил он святость? Разве мог справедливый и мудрый Вседержитель сотворить Иоанна праведным человеком и после вознести его в Царство Небесное, основываясь лишь на том, что Сам сотворил его праведным? Каждое живое существо получает жизнь в этом мире на основании заслуг в жизни прошлой... равно как условия будущего жития мы получаем по заслугам жизни этой. Непрестанным трудом, переходящим из одного века в другой, человек способен взрастить сущность свою до Ангела; но в то же время Сиятельный Ангел, поддавшись искусам, способен рухнуть в низины, хотя прежде пребывал в праведности и Свете...[547] Каждый делами своими приготавливает себе воздаяние.

...Будут у тебя новые жизни, и новые сражения, и новые терзания, и испытания новые, которые ты пройдешь с честью, достоинством и любовью, приветствуя каждое препятствие и помня, что оно помогает искоренить ростки оставшихся слабостей. Ничто не замирает, но все живет, развивается и становится прекраснее и чище, исполняясь веры в Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Жанна смотрела в глаза своего наставника, и сердце ее стучало где-то в горле, и слезы бежали по ее щекам... Надежда, святая, чистая, праведная, пылала в ее глазах.

— Я больше не боюсь умирать, — прошептала она Гийому, словно открывая ему великую тайну. — Ничто не кончается, но претворяется одно в другое и растет, словно тенистое дерево из горчичного зерна... Святой отец, Святой Брат мой... где теперь встретимся?

— Там, где все берет начало... и где великая сила Жизни вкладывается в горчичное зерно.

— Я не боюсь... я больше не боюсь...

— Значит, ты готова увидеть то, что будет открыто тебе через меня. In nomine Patres, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.

...— Просыпайся, Жанна, просыпайся... — возле нее стоял Мартин Ладвеню. — Епископ Кошон разрешил причастить тебя ко Спасителю. Это великая милость, Жанна, я не думал, что его сердце откроется пред твоею просьбой...

---

[545] Еккл. 12:7.
[546] Лк. 1:13.
[547] Иезек. 28:12 — 28:19.

— Отче... — полусонная Жанна смотрела ему в самую душу, — отче Мартин... я больше не боюсь... я больше не боюсь.

— Да, Жанна, конечно, но нам надо быстрее провести Причастие, понимаешь, надо поторопиться...

— Да... да... я понимаю...

...Ее вели на площадь Старого рынка сквозь плотно сбитую толпу людей, которая давила со всех сторон на маленькую процессию. Почему-то Жанне вспомнилось, как она входила в Орлеан и как загорелось ее Знамя... Но теперь все было по-другому. Все было теплее... лучше... светлее. Лишь теперь, направляясь к месту, где ей предстояло сгореть на костре, она поняла, *что* есть милосердие. Она поняла это не потому, что нашла прощению рациональное объяснение, но потому, что увидела... Она увидела глаза Своего Владыки, глаза Великого Архангела, Святого Михаила, и Его великая Сила была теперь в ней. Он простил ее, потому что любил ее... И, познав такое истинное, безусловное Прощение, Жанна осознала вдруг, что сама может прощать — словно и не на костер вели ее, словно и не кричали ей «ведьма!» люди из-за шеренги солдат. Жанна осознала, что может прощать лишь потому, что *любит*... может прощать потому, что ей близки все — французы за ограждением, английские солдаты рядом... и те, кто плачет по ней, и те, кто ее проклинает...

«Миленькие...

Любимые мои...

Братья мои и сестры...

Мои... мои... мои. А я — ваша».

Она помогала охранникам, когда толпа наваливалась слишком сильно, и слезы бежали из ее глаз, и никто не понимал, что эти слезы не были слезами страха.

Сколько она искала возможности простить...

Сколько плакала горько оттого, что простить не могла...

И вот теперь, на краю кострища, она плакала радостно. Так плакал слепой, которому дарила прозрение рука Христова. Так плакала Мария Магдалина, которой рука Христова помогла подняться с земли. Так плакала и она, прощенная, та, которая познала прощение.

...— Всякий раз, когда яд ереси проникает в здоровый орган Церкви и обращает его в орудие Сатаны, необходима величайшая осторожность, дабы не позволить заразе распространиться на иные части Мистического Тела Христова...

...«Бедный брат мой... заблудший брат... несчастный брат... Как хочу я, чтоб Господь явил тебе милость так же, как Он смилостивился надо мною!»

—...мы объявляем тебя ЕРЕТИЧКОЙ, имевшей от Святой Церкви прощение, но вновь впавшей во грех!

...«О Господь мой! Прости его, ибо не ведает он, что говорит! Не против Тебя говорить он хочет, но против меня, против всего худшего во мне, против моей гордыни, против моего упрямства, против моей

дерзости... Он увидел это, но не рассмотрел другого! Он слеп, Господи!!! Прости же слепого за то, что не увидел он Света... Не мой то был Свет, но Твой... Кто поймет слепца, как не Ты, явивший милость отступнице?»

—...много раз мы говорили тебе о необходимости исправить себя и стать на путь истинной веры, всецело отдавшись в руки Пресвятой Матери Церкви и доверившись его Пресвятейшеству Папе и наместникам его. Однако ты лишь укрепилась в гибельных заблуждениях своих, упорствуя в измышлениях, которые уводили тебя все дальше и дальше от пути истинного. И вот — МЫ ОТЛУЧАЕМ ТЕБЯ ОТ ЦЕРКВИ... и покидаем на суд светских властей как прислужницу Сатаны и распространительницу проказы ереси, отделенную от Тела Вселенской Церкви...

...«И как я согрешила против Тебя, так и он грешит; и молю Тебя простить их всех, как и меня Ты простил, ибо ничто не кончается, но все продолжается и неизбежно восходит во Свет Славы Твоей и Премудрости Твоей; и когда придет черед этих мужей, они также будут стоять перед кострищем и молить Тебя за других... Лишь бы Ты только не оставил их и пребыл рядом, когда настигнет их день горького раскаяния за то, что происходит сегодня...»

...— Жанна, пора, — подошел к ней секретарь суда Жан Масье, которого громко торопили англичане, не выбирая при этом выражений.

— О Господи, — простонала Жанна, словно в беспамятстве. — Дайте мне еще помолиться...

Но англичане схватили ее за руки и оттащили к эшафоту, несмотря на то, что судебное решение все еще не было подготовлено.

— Делай свое дело, — было сказано палачу.

— Славься же, Господь мой!!! — закричала Жанна, обратив свое лицо к небесам. — Славься же, Свет жизни моей!!!

Ее уже привязывали к столбу, когда взгляд девушки вернулся к толпе, натиск которой сдерживали английские копейщики... Какими растерянными были лица людей... ведь совсем не то они думали увидеть, направляясь на площадь утром.

— О Святая Екатерина, — громко зарыдала Жанна, — как же все... несправедливо... как все...

— Простите меня... — обратилась она к людям, — простите меня все, пред кем согрешила, и зла на меня не держите, молитесь за меня, как и я молилась за вас... простите меня, как и я простила вас!

И несмотря на то, что люди по своему разумению истолковали ее слова, на глаза многих навернулись слезы... Глядя на Жанну, они словно чувствовали частичку ее боли, и от этой малой частички сбивалось их дыхание и замирало сердце.

— Крест!!! — закричала вдруг Жанна. — Пожалуйста, дайте мне крест!!! Кто-нибудь, пожалуйста!!!

Женщины отворачивались, в немом отчаянии прикрывая рты руками, мужчины опускали детей с рук, чтоб те ничего не видели.

Один из английских солдат, стоявших в ограждении, бросил копье и подбежал к помосту... сделал Жанне маленький крест из двух палочек, перевязав их бечевкой... Она, одновременно плача и улыбаясь, приняла крестик и, поцеловав, положила на грудь между телом и одеждой... После этого руки ей связали так, что они обняли столб за ее спиной. Один из священников, брат Исамбар де Ла Пьер, побежал в расположенную недалеко церковь за большим крестом, дабы держать его перед глазами Жанны до самого ее последнего вздоха.

— Господь Иисус!!! Господь мой!!! Как все несправедливо!!! Ох, Господь мой, прости...

Гул пламени, взметнувшийся над вязанками хвороста, заглушил слово «их».

Над пламенем поднялся крест из церкви, и Жанна с благодарностью посмотрела в глаза Исамбара.

— Не подходите так близко! — крикнула она. — Вас обожжет огнем!

Плечи молодого монаха сотрясали рыдания, он не мог больше смотреть на Жанну, но все так же стоял у самого огня, протягивая крест вверх, дабы Жанна могла его видеть.

— Господь!!! — закричала Жанна, когда огонь крадучись прижался к ее телу. — Господь мой Иисус!!!

Женщины в толпе переводили взгляды на небо и закрывали уши детям, которые с рыданиями жались к ним; даже мужчины не могли больше сдерживать слезы, глядя на то, как взметались языки пламени, сжигая молоденькую девушку, истово взывавшую ко Христу. И чем выше взметались языки пламени, тем громче выкрикивала Жанна имя своего Спасителя.

— Иисус!!! — неслось над площадью. — Иисус!!! Иисус!!! Иисус!!!

Сокрыта пламенем... И лишь крики Жанны говорили, что она была все еще жива.

Плакали многие английские солдаты, плакал и епископ Теруанский, известный своею верностью англичанам. И даже солдат, люто ненавидевший Жанну и поклявшийся бросить в ее костер последнюю вязанку хвороста, застыл, как громом пораженный, когда собирался исполнить свою клятву. Ибо в тот миг последний, самый громкий крик Жанны разнесся над толпой, и солдат своими глазами увидел, как из пламени выпорхнула в небо белая голубка.

— Иисус!!!!!!!!!!! — пронеслось над толпой, и ничего более не было слышно, кроме гула пламени и отчаянного плача человеков.

Люди плакали горько и прятали друг от друга взгляды, ибо каждый знал, что настало для них время отчаяния и скорби — по той, которая пришла, но в которой они не узнали Неба и которую сожгли на позорном кострище.

Род человеческий!!! Доколе будешь ты сжигать пророков своих и распинать Спасителей?

ГАЛКИНЕВ

...Солдат, поклявшийся бросить в огонь последнюю вязанку хвороста, пришел в себя лишь через несколько часов и, будучи приведенным в таверну, присел рядом с монахом-доминиканцем, моля об исповеди.

...Палач, своими руками слагавший костер, сразу после казни отправился в монастырь доминиканцев, где с горькими рыданиями исповедался Мартину Ладвеню и сказал, что боится быть проклятым, ибо сжег Святую... Он рассказал монаху о несгоревшем сердце Жанны, которое не могли обратить в пепел ни масло, ни уголь, ни сера.

...Жан Трессар, секретарь короля Англии, возвращался после казни, горько рыдая... Он стенал, обращаясь к прохожим со словами: «Теперь мы все пропали, ибо была сожжена добрая и святая женщина...»

...Один из заседателей процесса, английский каноник, метр Жан Алеспсе, бывший, вместе с тем, агентом короля Англии, после казни повторял, не скрывая слез: «Я хотел бы быть там, где теперь ее душа».

...Гийом Маншон, писец и нотариус процесса, скажет на процессе реабилитации, что смерть Жанны повергла его в глубочайший шок. «Никогда я так не рыдал, что бы со мной ни случалось, и даже месяц спустя я не мог успокоиться. На часть денег, полученных за участие в процессе, я купил требник, который храню до сих пор, чтобы молиться за Жанну, как она просила».

...Один из монахов доминиканского монастыря, Пьер Боскье, в который приходил исповедаться палач, будет вызван Кошоном и подтвердит, что он действительно обличает перед другими монахами судей Жанны, и за это будет посажен епископом Бове на хлеб и воду на десять месяцев.

Смертные часы Жанны явились апофеозом ее жизни — чистой, верной и пламенной.

И многим они расскажут о Жанне больше, чем все прожитые ею годы.

Послесловие

Именно таким образом в году 1431 от Рождества Христова Сестра Братства, принявшая переходящее имя Жанна Дарк, возвратилась в Обитель своего Небесного Отца. Почему Врата в Обитель открылись лишь в пламенеющем зареве костра, было ли это связанно с сожжением тамплиеров, что именно являлось Граалем, который некогда искали, а потом хранили тамплиеры, — пусть каждый решит для себя сам. Одно несомненно — Столетняя Война началась костром, на котором гибнущие рыцари прокляли предавшую их Родину, а завершилась костром, на котором Сестра Премудрости благословила своих палачей.

Замкнутый круг Столетней Войны был разорван, обернувшись витком восходящей спирали.

***

В завершение я хотел бы остановиться еще на одном моменте. В современной истории существует определенное «течение мысли», которое активно распространяет предположение о том, что на самом деле Жанна не была сожжена. В связи с этим я хотел бы обратить внимание тех, кому эта теория интересна, на ряд моментов, идущих вразрез с ее же основными положениями.

1. По предположению некоторых историков, Жанна была судима, после чего заменена на костре другой девушкой, а сама как уже не существующая отправилась во Францию.

Осмысление:

А. *Данным предположением создается намек на существование некоего заговора, в ходе осуществления которого Жанна должна была вернуться во Францию, оставшись для Англии «почившей». Но между кем был заговор? Между королем Франции и королем Англии? Абсурд. Возможно, между королем Франции и епископами процесса? Возможно. Однако в таком случае сложно объяснить, зачем нужно было сожжение. Конечно, понятно, что тонкая игра Кошона была обязана удовлетворить как Англию, так и Францию, но тогда совершенно не понятно, почему «заговорщики» не «похоронили» Жанну после прыжка с башни в Боревуаре. Именно такое развитие событий было бы самым логичным: выжившая Жанна тайно отправляется во Францию, а «покойная самоубийца» признается еретичкой и колдуньей, причем и сжигать подставного человека в мертвом состоянии легче.*

Б. *Свидетельства очевидцев сожжения в Руане донесли до нас многие описания казни и слов, которые кричала Жанна. Лично мне сложно предположить, что, сгорая на костре, подставная девушка кричала бы «Иисус» только потому, что так приказали ей судьи. Даже если предположить, что был найден способ принудить похожую на Жанну девушку добровольно отправиться на костер, подобное поведение в состоянии невыносимой боли — вне предположений трезвомыслящего человека. В случае же насильственного сожжения свидетельства очевидцев должны были донести до нас интересный факт кляпа во рту заключенной, который удерживал крик: «Что вы делаете?! Я ведь* ***не*** *Жанна!!!».*

2. Также подобные историки допускают, что по возвращении во Францию Жанна вышла замуж за Робера д'Армуаза, вела активную светскую жизнь и даже не брезговала политическими интригами. В частности, в Кельне она пыталась возвести на пост архиепископа местного графа Ульриха (прикрываясь Божьим промыслом, конечно)... Однако после вмешательства местного же инквизитора Генриха Калтайзена госпожа д'Армуаз сбежала из Кельна в Арлон.

Осмысление:

Лично мне сложно даже предположить, что человека, который из сражения в сражение отважно шел впереди простых солдат, могли вдруг прельстить закулисные интриги и продвижение графов по линии церковной иерархии, в то время как немалая часть Франции все еще пребывала в руках англичан...

Но еще более невероятным мне кажется, что Жанна нарушила клятву о целомудрии, которую дала Святым Маргарите и Екатерине.

Есть и еще одно весьма немаловажное свидетельство, которое может пролить свет на природу личности Жанны д'Армуаз и соотношение ее с личностью Жанны Дарк. Как утверждают сторонники «идеи выжившей Жанны», она явилась в Орлеан 28 июля 1439 года. Ее признали многие буржуа и простые горожане, устроили в ее честь пир, вручили 210 ливров, что было суммой немалой... Однако как и во многих повествованиях о «воскресшей Жанне», присутствует здесь весьма немаловажное «но»: среди прочих, кто приехал повидать Жанну, была ее мать, Изабелла Роме. Встреча матери и «дочки» обернулась для Орлеана необходимостью весьма продолжительного лечения Изабеллы.[548] *Кроме того, мне кажется более вероятным, что их встреча произошла не 28 июля, когда состоялось официальное чествование д'Армуаз, а много раньше, когда официальное чествование только подготавливалось.*

---

[548] «...в списке городских расходов с 6 марта 1440 г. имеется отметка об уплате двум лицам за содержание и лечение Изабеллы с 7 июля по 31 августа». Таинственные обстоятельства жизни и смерти Жанны д'Арк. Черняк Е.Б.

3. Также сторонники теории «выжившей Жанны» говорят, что после пира в Орлеане д'Армуаз отправилась к местам боевых действий, не побоявшись, что ее опознают как лже-Жанну.

Осмысление:

Мне видится крайне подозрительным, что, вновь решив сражаться во благо Франции, Жанна отправилась не к герцогу Алансонскому или Ла Иру, своим верным боевым соратникам (до 1444 года герцог Алансонский продолжал сражения как против англичан, так и против Карла VII, — как уже было указано выше, герцог принимал участие в Прагерии)... Настораживает и даже шокирует, что д'Армуаз отправилась именно к Жилю де Ре, человеку, которому было суждено обернуться из маршала Франции одной из самых мрачных фигур в ее истории. Жиль де Ре был обвинен в пристрастии к чернокнижию. Как утверждают материалы процесса, он погубил в «алхимических» опытах сотни детей. 26 октября 1440 года он был повешен, после чего тело его предали сожжению.[549]

---

[549] Несмотря на существование доказательств того, что суд над Жилем де Ре был организован с целью захвата его земель, все же остается не подвергнутым даже малейшему сомнению пристрастие Жиля к черной магии. Так, среди написанных им трудов был трактат «Об искусстве вызывать демонов», который, как и многие страницы его дневников, подтверждает его стремление к низшим сферам феноменального оккультизма (т.е. направленного на управление физическими явлениями). Так, Жиль приблизил к себе псевдоалхимика Франческо Прелати, которому была поставлена задача найти способ превращения неблагородных металлов в золото (Au). Франческо, действовавший без понимания факта, что подобное превращение нужно в первую очередь осознать символически и лишь затем, по закону соответствия, физически, как и следовало ожидать, преуспел лишь в растрате средств своего «работодателя».

Многие защитники теории «выжившей Жанны» в первую очередь пытаются обелить лик Жиля де Ре, ведь их главным аргументом является признание бароном д'Армуаз. Для «обеления» много говорят о дружбе, которая якобы завязалась на полях сражений между бароном и Жанной. К сожалению, мне в руки не попались исторические свидетельства этого явления (письма, воспоминания очевидцев...), освещенные тем или иным историком. В любом случае, возможности такой «дружбы» я не отрицаю, потому что барон де Ре был личностью весьма незаурядной (сумел в нелегкие военные годы собрать самую обширную во Франции библиотеку; покровительствовал бардам, поэтам...), а известный сокрытый закон говорит о том, что, сколько в человеке потенциальной тьмы, столько же в нем и спящего света. По глубине грехопадения барона можно судить также и о высоте Взлета, который он мог совершить; и я вполне допускаю, что милосердие Жанны могло дать рождение самой настоящей дружбе. Но разве милосердие и жалость Жанны могли преобразить барона против его воли? Даже если предположить, что его «дружба» с Орлеанской Девой на самом деле существовала, не была ли она подобна пребыванию металла в огне? Пока огонь пылал, металл проявлял свойства огня, но потух огонь — и остыл металл... Ушла Жанна — и де Ре проявил наихудшие свойства своей личности.

Кроме того, сторонники теории данной «дружбы» приводят как аргумент в свою пользу поход Жиля де Ре на Реймс, в котором барон якобы пытался вызволить Жанну, но успел застать лишь «зарево на горизонте». В данном случае де Ре пытаются показать рыцарем без страха и упрека, который, не думая о своей жизни, спешит на выручку боевому товарищу. Но давайте посмотрим на факты трезво: Жанна была пленена 23 мая 1430 года, огню же она была предана лишь 30 мая 1431 года, то есть двенадцать месяцев спустя. Из этих двенадцати месяцев четыре (с июля по ноябрь 1430 года) Жанна содержалась в замке Боревуар, причем мне не встречалось упоминание историков об усилении гарнизона этого замка. У «верного друга и соратника» было целых четыре месяца, чтобы без каких-либо трудностей освободить Жанну из плена, причем связи и финансовые возможности, которыми обладал Жиль де Ре, занимая пост маршала Франции, позволяли ему не только узнать о месторасположении Жанны, но и сколь угодно затянуть время, проводя переговоры о ее «якобы выкупе».

Финальный довод может иметь вес только для тех людей, которые понимают, что действие определенных «сокрытых» законов не могло не привести к гибели Жанны от рук инквизиции. Такие люди совсем по-другому оценивают факт, что Жиль де Ре признал в д'Армуаз Жанну Дарк, Посланницу Небесную.

http://cathedral.net.ua/articles_preview_1_27_print.htm
http://www.mitin.com/people/klimova/gil.shtml
http://shortage.narod.ru/Gilles.htm

Что же до военной деятельности д'Армуаз, то она покрыта мраком, в то время как даже поражения Жанны украшены многочисленными свидетельствами ее доблести.

4. В этом же 1440 году д'Армуаз направляется в Париж, но, схваченная по пути властями, объявляется самозванкой и выставляется у позорного столба. Не пробыв там долго, д'Армуаз признается, что присвоила себе имя Девы, раскаивается в своем проступке и вновь обретает свободу.

Осмысление:

Сложно представить, что Жанна, которая более полугода мужественно сопротивлялась ежедневному давлению прелатов католической церкви и издевательствам охранников, могла так быстро отречься от своих планов на основании угроз светских властей. Имевшая опыт тесного общения с прелатами, Жанна или не отправилась бы в Париж ради чествования, или шла бы до конца. В этом почерке мне видится каллиграфия интриганки д'Армуаз, убегающей из Кельна, но никак не Жанны, которая в гуле пламени благословляла своих палачей.

Вывод:

Мне кажется, что столь хитро запутанный сюжет «воскресения Жанны» может быть пояснен лишь закулисными действиями Карла VII. К 1439 году приоритеты войны с англичанами, ввиду успешности последней, постепенно уступают место необходимости омытия облика «короля, коронованного колдуньей». Возможно, именно в это время пересеклись дороги будущей «воскресшей Жанны» и одного из приближенных Карла VII. Внешнее сходство женщины, помноженное на королевскую волю, легко дало необходимые результаты. Но было, конечно же, несколько нюансов, над которым ни воля короля, ни внешность д'Армуаз не имели власти — это материнское сердце Изабеллы Роме, воинская безграмотность д'Армуаз, ее алчность и неуемное стремление к почестям и славе.

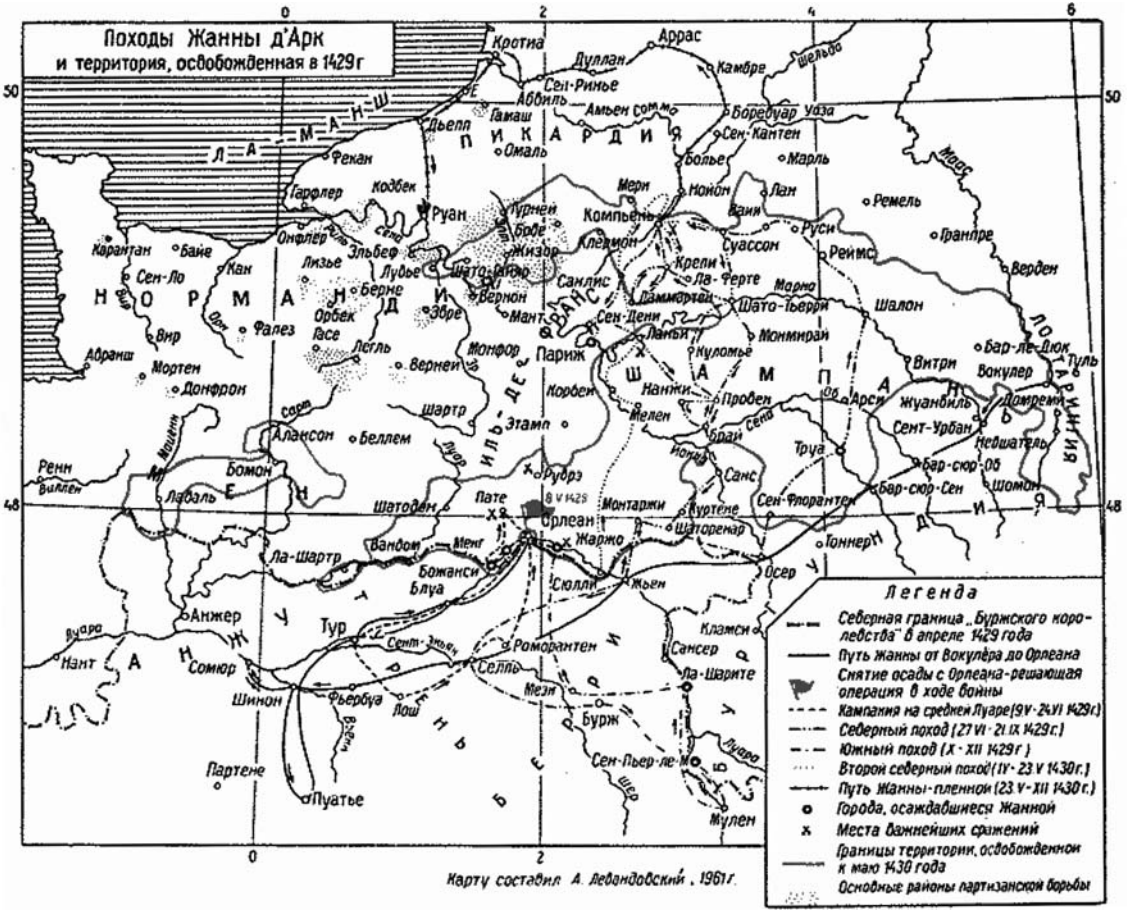
***

Для меня несомненно, что именно дух Жанны, Сестры Братства Строителей Храма, был освобожден из темницы на костре посреди площади Старого Рынка в Руане.

Для меня несомненно, что многие причины и порожденные ими следствия переплелись в тот день в едином клубке Боли, Веры и Искупления.

Для меня несомненно, что, войдя в огонь и став огнем, прошлое Франции сумело открыть врата для спешащего из Огня Будущего.

03.01.2007. 19:48.


Походы Жанны д'Арк
и территория, освобожденная в 1429 г
Л—А—М—А—Н—Ш
Кротиа
Аррас
Дуллан
Сен-Ринье
Абвиль
Амьен
Гамаш
Дьепп
Омаль
Фекан
Гарфлер
Кодбек
Руан
Онфлер
Эльбеф
Лизье
Лудье
Берне
Орбек
Гасе
Легль
Верней
Эвре
Вернон
Мант
Монфор
Шато-Гийар
Жизор
Гурней
Борбе
Компьень
Клермон
Мери
Нойон
Лан
Вервен
Суассон
Крепи
Ла-Ферте
Шато-Тьерри
Сен-Дени
Ланьи
Парижа
Корбей
Нанжи
Мелен
Этамп
Шартр
Рубрэ
8 V 1429
Пате
Шатодан
Ванвом
Менг
Божанси
Блуа
Ла-Шартр
Анжер
Тур
Сомюр
Шинон
Фьербуа
Лош
Партене
Пуатье
Сент-Эньян
Роморантен
Селле
Мезэ
Бурж
Сен-Пьер-ле-Мутье
Мулен
Монтаржи
Жарже
Сюлли
Жьен
Шаторенар
Куртене
Санс
Сен-Флорентен
Осер
Тоннер
Кламси
Сансер
Ла-Шарите
Труа
Арси
Жуанвиль
Сент-Урбан
Бар-сюр-Об
Бар-сюр-Сен
Шомон
Нефшатель
Вокулер
Домреми
Бар-ле-Дюк
Туль
Витри
Шалон
Монмиран
Шато-Тьерри
Марне
Ла-Ферте
Сен-Ланьи
Куломе
Пробен
Брай
Ионна
Ремель
Гранпре
Реймс
Руси
Марль
Сен-Кантен
Боревуар
Уаза
Шельда
Мерс
Сомм
Эна
Марна
Сена
Луара
Шер
Вьенна
Вьенна
Вилен
Ренн
Лаваль
Бомон
Мейенна
Сарта
Алансон
Беллем
Дон
Фалез
Вир
Мортен
Донфрон
Абранш
Сен-Ло
Карантан
Баие
Кан
Ш
Н О Р М А Н Д И Я
П И К А Р Д И Я
Ш А М П А Н Ь
Л О Т А Р И Н Г И Я
Б У Р Г У Н Д И Я
А Н Ж У Р
Б Е Р Р И
Б Е Л Ь Ф О Р
Н А Н Т
Легенда
Северная граница „Буржского королевства" в апреле 1429 года
Путь Жанны от Вокулёра до Орлеана
Снятие осады с Орлеана - решающая операция в ходе войны
Кампания на средней Луаре (9 V - 24 VI 1429 г.)
Северный поход (27 VI - 21 IX 1429 г.)
Южный поход (X - XII 1429 г.)
Второй северный поход (IV - 23 V 1430 г.)
Путь Жанны - пленной (23 V - XII 1430 г.)
Города, осаждавшиеся Жанной
Места важнейших сражений
Границы территории, освобожденной к маю 1430 года
Основные районы партизанской борьбы
Карту составил А. Левандовский, 1961 г.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

В примечаниях на страницах книги используются ссылки на источники в виде номеров, заключенных в квадратные скобки: [1], [2] и т.д.

1. Биография Карла VII.
   http://www.allbio.ru/gov/karl7/
2. «Joan of Arc Biographies». Allen Williamson.
   http://joan-of-arc.org/joanofarc_life_summary.html
3. Подвижники. Избранные жизнеописания и труды. Самара: Рериховский Центр Духовной Культуры. Издательский дом «Агни». 1998.
   http://www.centre.smr.ru/win/books/sv_janna.htm
4. Письма Жанны Дарк.
   http://archive.joan-of-arc.org/joanofarc_letters.html
5. Протоколы допросов Жанны Дарк.
   http://www.stjoan-center.com/Trials/
6. «Jehanne la Pucelle» compiled from many sources by Steven R. Kanehl.
   http://www.stjoan-center.com/time_line/part01.html
7. Юрий Курасова. «История французского герба».
   http://francehistory.narod.ru/pedia/gerb02.html
8. Режин Перну, Мари-Вероник Клэн. «Жанна д'Арк».
   http://www.christianity.org.ru/unafides/Jehanne/a_books.html
9. Мария Йозефа Курк фон Потурцин. «Жанна д'Арк».
   http://lib.mediaring.ru/INOSTRHIST/POTURCIN/joan_dark.txt
10. В.И. Райцес. «Процесс Жанны Дарк».
    http://www.christianity.org.ru/unafides/Jehanne/raytses_01.html
11. В. Тропейко «Жанна Д'Арк (1412–1431)»
    http://vadimus.by.ru/Main/dark.htm

Літературно-художнє видання

КИМ КИУРУ

ЖАННА
(1412-1431)

Російською мовою

В авторському редагуванні

Технічний редактор, дизайнер	С.А. Кандич
Художник	Г. Лежньов
Комп'ютерний набір	С.С. Разумов О.С. Конєва
Оригінал-макет	С.Г. Кандич

Автор висловлює подяку за допомогу в редагуванні О.С. Конєвій

Здано до набору 20.04.2007. Підписано до друку 25.05.2007.
Формат 60x84/16. Друк офс. Папір офс.
Гарнітура Literaturnaya C.
Обл. вид. арк. 8,61. Умов. друк. арк. 7,21. Вид. №65
Наклад 1000 прим.

“Вертикаль”
Видавець і виготівник ПП Кандич С.Г.
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців, виготовників і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК №1335 від 23.04.2003 р.
18000, м. Черкаси, вул. Фрунзе, 1
тел. 8 (0472) 38-24-93; 76-41-26